

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

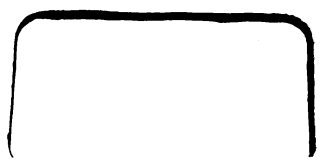
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 424.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

В. 9

А. 114
132

7705
49-24

XXIV $\frac{30}{1}$

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ IX-9

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
9 MAR 1968

САММИТЕНБЕРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

Δ
P Slav 424.50 (9)

~~А 1211~~
~~63~~

ЗАПИСКИ

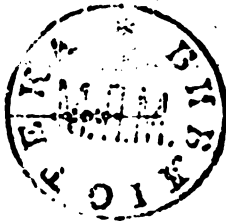
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

XXIV $\frac{30}{1}$

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ IX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

По распоряженію Историко-Филологическаго Факультета печатать опре-
дѣлено. 21 Октября 1881 года.

Деканъ *В. Бауеръ*.

МОРАВІЯ И МАДЪЯРЫ

СЪ ПОЛОВИНЫ ІХ ДО НАЧАЛА Х ВѢКА.

К. Я. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лив., № 12.)

1881.

По распоряженію Историко-Филологическаго Факультета печатано
дѣлено. 21 Октября 1881 года.

Декань В. Бауеръ

МОРАВІЯ И МАДЬЯРЫ

СЪ ПОЛОВИНЫ ІХ ДО НАЧАЛА Х ВѢКА.

К. Я. ГРОТА.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.....	IX—XXIV
I. Вступительный очеркъ: Взглядъ на судьбу средне- и нижне-дунайскихъ земель до начала IX в.....	1 — 76
1. Предварительныя замѣчанія.....	1 — 3
2. Географическое положеніе и природный характеръ дунайскихъ земель.	

Общій видъ занимающей насъ подунайской территоріи. — Дунай и его значеніе. — Разнообразіе почвы. — Вліяніе природныхъ условій земли на распредѣленіе населенія. — Средне-дунайская равнина въ древности и нынѣ. — Вліяніе характера природы на историческую судьбу и культурное развитіе населенія. — Какъ сказались всё эти явленія въ исторіи и этнографіи дунайской территоріи? — Характеристика отдѣльныхъ дунайскихъ странъ со стороны ихъ природныхъ особенностей и исторической роли: 1) Молдо-валашская низменности; 2) Трансильванія; 3) Угрія; 4) Герциносудетская горная система: Чехія и Моравія; 5) Восточно-альпійская горная система: Тироль, Зальцбургск. обл., Каринтія, Штирія, Крайна; 6) Страна между Сапой и Дравой (Savia); 7) Верхняя и Нижняя Австрія.....

1 — 23

3. Очеркъ судьбы дунайскихъ земель съ древнѣйшихъ временъ и этнографическія превращенія.

Населеніе дунайскихъ земель въ древнѣйшую эпоху. — Кельты, Геты, Даки. — Напоръ Римской имперіи съ юга; германскихъ и сарматскихъ племенъ — съ сѣвера. — Римское завоеваніе и романизация. — Движеніе среди германскихъ народовъ. — Маркоманнская война. — Борьба имперіи съ сѣверными варварами. — Эпоха великаго переселенія народовъ. — Уступка Дакии Готамъ. — Готы, Вандалы, Гепиды. — Гуннскій погромъ. — Движеніе Вестготовъ, Остготовъ и другихъ германскихъ народовъ на западъ. — Держава Аттилы. — Славяне въ гуннской ордѣ. — Распаденіе гуннскаго союза. — Исключительное господство Германцевъ въ дунайскихъ земляхъ: Гепиды, Герулы, Руги, Лангобарды. — Взаимная борьба. — Аварскій погромъ. — Распространеніе Славянъ на западъ съ конца V в. — Движеніе Славянъ въ дунаискія земли вмѣстѣ съ Аварями. — Кого застали Славяне на дунайск. территоріи? — Остатки кельто-романскаго и дако-романскаго населенія. — Вопросъ о непрерывности ро-

манскаго населенія на сѣверъ отъ Дуная.—Теорія Рёслера, Томашъ и др.—Доказательства этой непрерывности для Трансильваніи (о характерѣ господства кочевыхъ ордъ и германскихъ полукочевыхъ племенъ).—О заселеніи дунайскихъ земель Славянами.—Господство Аваръ.—Характеръ и особенности славянской колонизаціи.—Пути, коими шло славянское расселеніе.—Племенное распределеніе Славянъ (вѣтви русская, чешско-словенская, словинская).—Судьба дунайскихъ странъ въ VII и VIII в.—Ослабленіе Аваровъ.—Объединеніе западныхъ Славянъ при Само.—Распространеніе болгарской власти на сѣверъ отъ Дуная.—Темный періодъ послѣ распада союза Само.—Давнишнее стремленіе Германцевъ къ расширенію власти на востокъ.—Войны съ Аварами.—Торжество Франковъ надъ Аварами при Карлѣ Великомъ.—Отбѣженіе Аваровъ за Дунай и Тиссу.—Славяне, бывшіе подданные Аваровъ, подпадаютъ подъ власть Франковъ.—Начало нѣмецкаго колонизаціоннаго движенія на востокъ.....

СТРАН.

23—74

4. Заключение: этническій составъ дунайскихъ земель въ началѣ IX в.....

74—76

II. Очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ.....

77—148

1. Первые послѣдствія торжества Франковъ надъ Аварами.

Политика Франковъ въ завоеванныхъ земляхъ.—Участь Аваровъ.—Распространеніе власти и вліяніе Франковъ въ сошедшихъ съ нихъ владѣніями славянскихъ земляхъ.—Мѣры, принятія Франками въ завоеванныхъ земляхъ.—Внутренняя организація: система марокъ.—Нѣмецкая колонизація выѣстъ съ переходомъ земли въ руки крупныхъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, церковей и монастырей.—Обезземеленіе и порабощеніе славянскихъ поселенцевъ.—Христіанская проповѣдь, какъ одно изъ средствъ распространенія Нѣмцами своего нравственнаго вліянія среди туземцевъ и вообще германизаціи.—Притязанія Нѣмцевъ на Чехію и Моравію.....

77—89

2. Состояніе восточной Угрии и Трансильваніи въ IX в. до прихода Мадьяръ.

Этническій составъ этихъ земель.—Остатки дако-романскаго населенія въ горахъ.—Остатки Аваровъ въ тисской равнинѣ; Славяне, какъ господствующее численностью населеніе.—Разрозненность и разлугнность славянскихъ поселеній; отсутствіе благоприятныхъ условій для политическаго объединенія.—Географическое положеніе и природный характеръ этихъ странъ, какъ одна изъ причинъ ихъ изолированнаго положенія.—Отсутствіе извѣстій о жизни въ этихъ странахъ въ домадьярскую эпоху (въ IX в.).—Вопросъ о болгарскомъ господствѣ на сѣверъ отъ Дуная («Тисская Болгарія»).—Взглядъ на не допускающаго этого господства.—Противополож-

ный взгляд. Томашка. — Несомненное распространение болгарских владык на сѣверъ отъ Дуная (со времени кн. Крума). — Какъ далеко простиралось владычество Болгаръ на сѣверъ отъ Дуная и какъ долго оно продолжалось?.....

3. Моравскій политическій союзъ и его судьба.

Вопросъ о племенномъ происхожденіи древнихъ Моравянъ. — Теорія Дюмлера и Миклошича и ея несостоятельность съ исторической точки зрѣнія. — Причины, способствовавшія успѣшному политическому объединенію моравскихъ Славянъ. — Общественно-бытовое развитіе моравскихъ Славянъ въ нач. IX в. — Общинный бытъ (князь, города). — Признание верховной власти Франковъ при Карлѣ Великомъ Чехами Моравянами. — Очеркъ исторіи Велико-моравскаго союза: княжества Моймира и Прибины. — Объединеніе Моравіи подъ властью Моймира. — Искусственное образованіе Паннонскаго княжества Прибины. — Первое выступленіе Нѣмцевъ противъ Моравіи. — Сверженіе Моймира. — Ростиславъ. — Борьба съ Нѣмцами. — Независимость Моравіи. — Моравія служитъ опорой партіямъ, враждебнымъ королю. — Дѣло Карломана. — Возстаніе младшаго сына Людовика противъ отца; роль Моравіи. — Продолженіе борьбы съ Моравіей. — Условія возвышенія Моравіи. — Просвѣщеніе христіанствомъ и самостоятельная церковь, какъ важнѣйшее изъ этихъ условий. — Дѣятельность Кирилла и Меодія. — Политическій переворотъ въ Моравіи. — Сверженіе Ростислава Святополкомъ. — Святополкъ въ плѣну. — Моравія въ рукахъ Нѣмцевъ. — Возвращеніе Святополка и расправа съ Нѣмцами. — Война Людовика съ Моравянами. — Форхгеймскій миръ. — Меодій освобожденъ изъ заключенія. — Его дѣятельность въ Моравіи. — Интриги Нѣмцевъ противъ него. — Перемены на нѣмецкихъ престолахъ: Карломаннъ; Арнульфъ. — Война Святополка съ Арнульфомъ изъ-за претендентовъ на Восточную марку (Арибо). — Святополкъ заодно съ Карломъ Толстымъ. — Опустошенія Панноніи. — Кенигштетенскій миръ. — Сближеніе Святополка съ Арнульфомъ. — Интриги противъ Меодія. — Образъ дѣйствій Святополка. — Викингъ въ Моравіи. — Последніе годы жизни Меодія, его смерть. — Изгнаніе его учениковъ; торжество Нѣмцевъ и Викинга. — Помощь Святополка Арнулфу въ достиженіи престола. — Уступка Чехіи Святополку. — Объемъ Велико-моравскаго союза. — Недоразумѣнія между Арнульфомъ и Святополкомъ. — Слѣздъ въ Омунтесбергѣ. — Разрывъ и война 892 г. — Арнульфъ нанимаетъ Мадьяръ противъ Моравянъ и заключаетъ договоръ съ Болгарами. — Сопротивленіе Моравіи. — Смерть Святополка и начало разложенія Моравіи.....

4. Успѣхи германизации на среднемъ Дунаѣ.

Параллельно съ распространеніемъ нѣмецкой власти оруженъ мирное водвореніе нѣмецкой культуры среди Славянъ — въ видахъ германизации. — Грамоты и документы IX в., какъ

единственный материал, по которому можно проследить постепенный ход колонизации.—Неравномерность колонизационного движения.—Вліяніе мѣстныхъ условий и обстоятельствъ на характеръ и размѣры колонизации въ отдѣльныхъ областяхъ восточно-альпійской территоріи: въ Восточной маркѣ, въ Карантаніи, въ Панноніи—Верхней и Нижней.—Крайній предѣлъ нѣмецкой колонизации въ концѣ IX в. (р. Раабъ).—Отсутствіе силы, способной задержать завоевательно-колонизационное движеніе Нѣмцевъ послѣ смерти Святополка и при постепенномъ разложеніи и ослабленіи Моравскаго княжества.—Широкое поле для завоевательной и культурной дѣятельности въ перспективѣ у нѣмецкой державы.—Неожиданное выступленіе новой грозной силы, которой суждено было задержать наступательное движеніе Нѣмцевъ на востокъ по Дунаю.—Мадьярскій погромъ — съ этой естественной и справедливой точки зрѣнія..... 141—148

III. Мадьяры: ихъ выселеніе и странствованіе до подворенія на среднемъ Дунаѣ.... 149—304

1. Народность Мадьяръ.

Первыя извѣстія о Мадьярахъ.—Названія: Угры, Турки; Мсугръ, Константина Багрянороднаго.—Восточно-финское происхожденіе Мадьяръ.—Ближайшее родство ихъ съ Вогулами и Остяками.—Судьба вопроса о національности Мадьяръ.—Различныя взгляды на ихъ происхожденіе.—Сказка о гупискомъ происхожденіи Мадьяръ.—Сближеніе Мадьярскаго яз. съ разными индоевропейскими и восточными.—Турецкая теорія.—Взглядъ Касселя.—Раннее возникновеніе филской теоріи, благодаря путешествіямъ миссіонеровъ на востокъ, къ финскимъ племенамъ за Волгу въ XIII в.—Послѣдующія путешествія, еще болѣе подтвердившія этотъ взглядъ.—Вопросъ переходить на строго-лингвистическую почву.—Путешествія Ргугли, Кастрена и др. и ихъ результаты.—Турецкій элементъ въ мадыарскомъ яз.; путь, коимъ онъ проникъ въ него.—Различныя толкованія названій «Мадьяръ» и «Угры».—Арабская форма «Моджгаръ» и ея сближеніе съ арабской формой имени Башкиръ (Баджгардъ)..... 150—167

2. Первоначальная родина Мадьяръ.

Отсутствіе примыхъ историческихъ извѣстій о ней.—Племенное происхожденіе Мадьяръ, какъ основа для рѣшенія вопроса о первоначальной родинѣ.—*Югра* нашихъ летописей.—Общая жилища финскаго народа.—Двѣ группы его: западная и восточная.—Границы расположенія собственно угорскихъ, т. е. восточно-финскихъ племенъ.—Приблизительное опредѣленіе первоначальной жилищи Мадьяръ на основаніи данныхъ языка—въ юговосточной окраинѣ обще-угорской территоріи, въ сосѣдствѣ съ турецкими племенами.—Историческія упоминанія о сѣверной родинѣ Мадьяръ (вѣщн. съ X в.).—

Фантастическія сказанія средневѣковыхъ мадьярскихъ хронистовъ (Анонима и др.) о первоначальной родинѣ Мадьяръ.— Средневѣковыя путешествія на востокъ, какъ одинъ изъ источниковъ этихъ сказаній.—Невозможность исполнѣть точно опредѣлить мадьярскую прародину.—Культурное состояніе и образъ жизни Мадьяръ въ ихъ сѣверныхъ жилищахъ.—Источники заимствованія турецкихъ элементовъ въ мадьярскомъ языкѣ..... 167—180

3. Выселеніе Угровъ и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи.

Источники для исторіи этого періода странствованія Мадьяръ; историческое значеніе средневѣковыхъ мадьярскихъ хроникъ.—Анонимъ-Нотарій кор. Бѣлы.—Общій характеръ сохранившихся извѣстій.—Константинь Багрянородный и его свидѣтельства.—Источники его свѣдѣній.—Свидѣтельство Нестора.—Запутанность вопросовъ, связанныхъ съ переселеніемъ Мадьяръ.—Причины, заставившія Угровъ оставить свою сѣверную родину.—Направленіе пути Мадьяръ изъ прародины; ихъ турецкіе спутники.—Гдѣ застаютъ Мадьяръ историческія извѣстія? Дошедшія до насъ извѣстія: Константинь Багрянородный; арабскій писатель Ибнъ-Даста, лѣтопись Нестора, Паннонское житіе Константина Философа; Византіицы. Продолжатель Георгія Амартола и хроника съ имен. Льва Грамматика.—Время выселенія Мадьяръ изъ прародины.—Продолжительность ихъ пребыванія въ южно-русскихъ степяхъ.—Путь, коимъ Мадьяры пришли въ Лебедію.—Географическая и этнографическая картина Руси въ IX в.—Воинная организація Мадьяръ во время пути.—Отношеніе къ Хозарамъ и расположеніе рядомъ съ ними.—«Лебедія» Константина Багрянороднаго.—Ея мѣстоположеніе.—Славянское происхожденіе имени.—Другое названіе Мадьяръ *Σαρταροβαρῆται*.—Отношенія Мадьяръ къ Хозарамъ.—Хозарское вліяніе.—Отношенія къ Славянамъ и славянское вліяніе.—Свидѣтельства Ибнъ-Дасты.—Свидѣтельство этого писателя о бытѣ Мадьяръ и о ихъ образѣ жизни.—Наименованіе Мадьяръ «Турками» у арабовъ и византіицевъ.—Болѣе далекіе набѣги Угровъ.—Первыя угорскія шайки на нижнемъ Дунаѣ; ихъ помощь Болгарамъ противъ греческихъ плѣнныхъ.—Извѣстія Продолжателя Георг. Амарт. и Льва Грамматика.—Опредѣленіе времени этого эпизода.—Угры въ Крыму—извѣстіе Житія Константина Философа.—Предпріятія Угровъ въ землю дѣпров. Славянъ, въ окрестности Кіева.—Извѣстіе Нестора о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ.—Разъясненіе его.—Ошибка лѣтописи Гинкмара. 180—248

4. Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Агелькузу»).

Причина выселенія Мадьяръ изъ Лебедіи.—Напоръ Печенѣговъ.—Извѣстіе Константина Багрянороднаго.—Опредѣленіе времени этого переселенія.—Константинь Багрянородный о раздѣленіи Мадьяръ на двѣ части и удаленіе одной на востокъ.

токъ.—Поселеніе Мадьяръ въ «Ателькузу». Вопросъ объ этомъ названіи и о мѣстоположеніи этой страны.—Свидѣтельство объ этомъ Константина Багрянороднаго.—Названія имъ рѣки.—Пути Мадьяръ изъ Лебедін въ «Ателькузу».—Повѣсть вѣрженныхъ лѣтъ о прохожденіи ихъ «мимо Кіева».—Ошибки Нестора въ опредѣленіи времени и въ означеніи пути Мадьяръ «черезъ Карпаты». Другія извѣстія Нестора, приуроченныя къ Уграмъ.—Ліоніи о пути Мадьяръ.—Опроверженіе взгляда о пути Мадьяръ черезъ Карпаты.—Перемена во внутреннеи управленіи мадырской орды.—Избраніе одного главнаго вождя—подъ вѣмъ Хозаръ.—Свидѣтельство Константина о Кабарахъ и ихъ присоединеніи къ Уграмъ.—Этническое состояніе помѣхъ жилищъ.—Вопросъ объ Уличахъ и Тиверцахъ.—Общіе выводы по вопросу о переселеніи Мадьяръ изъ прародины въ «Ателькузу»... 248—282

3. Союзъ Грековъ съ Мадьярами и угро-болгарская война.

Дошедшія до насъ свидѣтельства объ этомъ союзѣ и этой войнѣ.—Разказы Георгія Амартола, Константина Багрянороднаго, Симеона Магистра, имп. Льва Мудраго, Нестора, Фульденскихъ Анналовъ и проч.—Вопросы, подлежащіе рѣшенію: о времени начала и конца этой войны и о послѣдствительности событій.—Существованіе различныхъ мнѣній.—Разборъ вопроса.—Сравненіе разказовъ Георгія Амартола и Константина Багрянороднаго.—Необходимость отдать предпочтеніе второму.—Разказъ Фульденскихъ анналовъ; неопредѣленіе времени.—Болгаро-печенѣжскій погромъ въ Ателькузу въ отсутствіи мадырскихъ вождей.—Бѣгство Мадьяръ спасшихся отъ рѣки.—Секлары и вопросъ о ихъ происхожденіи... 282—304

IV. Поселеніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и Восточно-франкской державой..... 305—409

1. Переселеніе Угровъ изъ «Ателькузу» въ тиссо-дунайскую равнину.

Критическое положеніе Мадьяръ послѣ разгрома въ Ателькузу.—Переселеніе въ тисскую равнину.—Время переселенія.—Первоначальное мѣстопробываніе Мадьяръ на Тиссѣ и дальнѣйшее ихъ распространеніе.—Свидѣтельство Константина Багрянороднаго объ этомъ.—Численность мадырской орды.—Соедѣи Мадьяръ въ новыя жилищахъ: за немногими исключеніями—Славяне.—Значеніе этого явленія.—Славянскія женщины въ мадырской ордѣ.—Характеристика Мадьяръ и впечатлѣніе, произведенное ими на западѣ.—Обвиненіе Арнульфъ современниками въ выпущеніи Мадьяръ на Европу.—Слишкомъ усердная защита его вѣмецкими историками.—Несправедливость и наивность обвиненія.—Кому скорѣе при-

писать эту вину? Истинная роль Арнульфа въ мадырскомъ погромѣ и въ усѣхахъ Мадырь.—Недальновидность его.—
Еще нѣкоторыя событія 893 года..... 305—327

2. Событія до смерти Арнульфа. Разложеніе Моравскаго княжества и рѣшительное наступленіе на него Нѣмцевъ.

Событія 894 года.—Первый походъ Арнульфа въ Италію.—Смерть Святополка.—Опустошительный набѣгъ Угровъ.—Миръ сыновей Святополка съ Арнульфомъ.—Возвышеніе Люитпольда.—895 годъ: отпаденіе Чеховъ и Бодричей отъ Моравскаго союза.—Второй походъ Арнульфа въ Италію.—Болѣзнь Арнульфа.—Моравія по смерти Святополка.—Характеристика послѣдняго періода ея существованія.—Сыновья Святополка.—896-й годъ и византійскій посолъ Лазарь у Арнульфа.—Связь этого посольства съ извѣстіемъ Фульденскихъ анналовъ объ угро-болгарской войнѣ.—Порученіе охраны Нижней Панноніи Брацлаву.—Чѣмъ между тѣмъ были заняты Мадырь? Отсутствіе извѣстій о большихъ предиріятіяхъ на западъ.—Причины пріостановки такихъ предиріятій: утвержденіе Мадырь на занятой территоріи посредствомъ распространенія своего господства на сосѣднее славянское населеніе отношенія Мадырь къ Арнульфу.—Событія 897 года.—Отношенія Арнульфа къ распадавшейся Моравіи.—Его угрожающая политика.—Междоусобія сыновей Святополка.—Мойміръ и Святополкъ II.—Выѣздъ Нѣмцевъ и помощь Святополку противъ Мойміра.—Дѣло Арибо и его сына Исаприха.—Опустошительные походы Баварцевъ въ Моравію въ 898 и 899 годахъ.—Торжество Мойміра надъ братомъ.—Расправа Арнульфа съ Исаприхомъ.—Развитіе болѣзни Арнульфа.—Смерть его въ 899 г..... 327—351

3. Дальнѣйшія предиріятія Угровъ и Нѣмцевъ. Моравія между двухъ огней, и послѣдняя попытка Мойміра возстановить церковную независимость.

Походъ Угровъ въ Италію 894 г.—Первоначальная неудача Угровъ.—Ихъ бѣгство; невозможность уйти и отчаянное нападеніе на непріятеля.—Полное торжество ихъ.—Жестокое опустошеніе сѣверной Италіи.—Походъ на Венецію.—Новый документъ, относящійся къ этому походу.—Возвращеніе изъ Италіи.—Опустошеніе Панноніи, уже оставленной на произволъ судьбы.—Продолженіе борьбы Нѣмцевъ съ Моравянами въ 900 г.—Церковныя отношенія въ Моравіи съ 898 года.—Сношенія Мойміра съ папой 899 г. и рѣшеніе папы организовать моравскую церковь самостоятельно.—Посланные папой прелаты въ Моравію.—Негодованіе Нѣмцевъ.—Послание Банарскаго духовенства къ папѣ съ жалобой по этому поводу 900 г.—Текстъ посланія; его тонъ и характеръ.—Ложь и извращеніе фактовъ.—Разборъ посланія.—Историческое значеніе его, какъ источника.—Что въ немъ заслуживаетъ вниманія? Результатъ посланія..... 351—376

4. Набѣги Угровъ на Моравію и въ нѣмецкіи владѣнія. Катастрофа 901 года и общее настроеніе на среднемъ Дунаѣ.

Возвращеніе Угровъ въ Паннонію.—Набѣгъ Угровъ въ Баварію въ 900 г.—Опустошеніе нѣмецкихъ владѣній.—Успѣхъ III князя (Лютпольда) въ столкновеніи съ одной изъ шакъ.—Опасность положенія начинаетъ сознаваться сильнѣе.—Миръ Людовика Дитяти съ Мойміромъ, къ которому и та и другая сторона были вынуждены.—Двойное скрѣпленіе мирнаго договора.—Новый набѣгъ Угровъ (въ Карантанію) въ 901 г.—Прекращеніе Фульдскихъ annalovъ и оскуднѣніе извѣстій о событіяхъ этого времени.—Общій характеръ угорскихъ набѣговъ за это время.—Постепенное движеніе Угровъ впередъ.—Скудость извѣстій объ участи Моравіи.—Нерѣшительный и случайный характеръ угорскихъ предпріятій: они дѣйствуютъ разрозненно и маленькими отрядами.—Набѣги въ Моравію 902 года.—Извѣстіе о набѣгѣ 903 г.—Коварство Нѣмцевъ и катастрофа 904 г. (избѣженіе мадьярскихъ вождей).—Настроеніе нѣмецкаго общества въ тотъ моментъ.—Признаки этого настроенія.—Раффельштетенскій торговый договоръ и его содержаніе.—Вопросъ о «Ругахъ», упоминаемыхъ въ немъ... 376—395

5. Моравія въ рукахъ Угровъ и торжество послѣднихъ надъ Нѣмцами въ 907 году.

Послѣдствія нѣмецкаго коварства.—Переходъ Угровъ, подъ вліяніемъ жажды мщенія, къ рѣшительному и дружному наступленію.—Моравія—черная жертва.—Расчетъ и предусмотрительность Угровъ.—Моравія остается безъ поддержки.—Подчиненіе ея Уграмъ безъ большого сопротивленія.—Извѣстіе Константина Богриороднаго о паденіи Моравіи.—Невозможность понимать его буквально.—Участь Мойміра.—Когда именно пала Моравія?—Темнота вопроса.—Опредѣленіе времени на основаніи немногихъ существующихъ данныхъ.—Набѣгъ Угровъ изъ земли Саксовъ 906 г. по призыву Полабскихъ Славянъ.—Послѣ паденія Моравіи Угры направляютъ свои силы противъ Нѣмцевъ.—Вооруженіе и усиленное выступленіе Нѣмцевъ, чтобъ задержать Угровъ.—Роковая битва 907 года.—Полное торжество Угровъ.—Впечатленіе, произведенное этой побѣдой.—Переворотъ въ настроеніи общества.—Всобщая паника.—Начало европейскихъ бѣдствій.—Роковое для запада значеніе этой битвы.—Ея послѣдствія для дунайскихъ земель и для Германіи..... 395—409

Общая заключенія о переворотѣ, произведенномъ Мадырами на среднемъ Дунаѣ..... 410—423

Указатель личныхъ и географическихъ именъ... 424—435

Опечатки..... 436

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нужно ли распространяться о глубокомъ интересѣ и первенствующемъ значеніи той эпохи въ исторіи славянства, изъ которой взять нами предметъ настоящаго изслѣдованія? Образованіе и судьба Велико-моравскаго политическаго союза на среднемъ Дунаѣ; упорная борьба его съ Восточно-Франкскою державой, настойчиво и послѣдовательно стремившеюся, со времени торжества надъ Аварами, къ порабощенію славянскихъ племенъ на Дунаѣ и къ распространенію на востокъ своего политическаго и церковнаго господства; духовно-просвѣтительная дѣятельность незабвенныхъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меодія; успѣхи Нѣмцевъ въ борьбѣ за церковную власть и въ дѣлѣ германизации восточно-альпійской территоріи и Панноніи; наконецъ вторженіе въ великую дунайскую равнину Мадьяръ, давшихъ новый, неожиданный поворотъ исторіи этихъ странъ, ихъ поселеніе здѣсь, покореніе Моравіи, а затѣмъ рѣшительное торжество надъ Нѣмцами, надолго отброшенными этой побѣдой отъ средняго Дуная, — это ли не явленія первостепеннаго и притомъ всеславянскаго историческаго значенія?

Три главные момента опредѣляютъ собою эту выдающуюся эпоху исторіи западнаго славянства: во 1-хъ, достиженіе средне-

дунайским (моравским) Славянами во второй половине IX вѣка значительной политической силы; во 2-хъ, ихъ ожесточенная борьба съ Нѣмцами за національно-политическую и церковную независимость, и въ 3-хъ, вторженіе Мадьяръ со всѣми его послѣдствіями, какъ развязка этой борьбы. Въ нашемъ сочиненіи мы сосредоточиваемъ вниманіе на мадьярскомъ погромѣ и произведенномъ имъ переворотѣ на среднемъ Дунаѣ. Но такъ какъ справедливая оцѣнка этого переворота всецѣло зависитъ отъ установленія правильнаго взгляда на первые два вопроса— о развитіи политическихъ силъ Моравскаго княжества и о результатахъ славяно-нѣмецкой распри, то понятно, что и эти два момента не могутъ не занять виднаго мѣста въ этомъ изслѣдованіи.

Само собой разумѣется, что мадьярскій погромъ интересуетъ насъ здѣсь не столько своимъ общимъ значеніемъ въ судьбахъ *всей Европы*, какъ водвореніе среди ея народовъ новаго, чуждаго всѣмъ имъ племени, играющаго такую выдающуюся роль въ ея дальнейшей политической исторіи, сколько по своему значенію въ судьбахъ *современнаго ему дунайскаго славянства* и въ отношеніяхъ послѣдняго къ германскому западу. Установить съ этой стороны правильную точку зрѣнія на вторженіе и поселеніе Мадьяръ на Дунаѣ, — въ этомъ заключается между прочимъ одна изъ задачъ нашихъ, помимо главной цѣли—помогать способствовать разъясненію исторіи самаго переселенія Мадьяръ изъ первоначальныхъ ихъ жилищъ на новую европейскую родину и связанныхъ съ нимъ вопросовъ.

При исполненіи указанной задачи мы главнымъ образомъ имѣли въ виду существованіе (и даже преобладаніе) въ наукѣ, по нашему убѣжденію, слишкомъ односторонняго и узкаго взгляда на занимающій насъ предметъ, направленіе котораго на основаніи безпристрастнаго историческаго изысканія кажется намъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что онъ, оставаясь безъ повѣрки, и нынѣ повторяется большинствомъ, какъ непреложная истина, несмотря на то, что уже нѣсколько разъ раздавались отдѣльные голоса,

относившіеся къ нему съ сомнѣніемъ и ставовпшіеся на иную точку зрѣнія. Предвзятый взглядъ настолько укоренился, что голоса эти оставались до сихъ поръ одинокими, между прочимъ и потому, что они высказывались или не довольно опредѣленно и рѣшительно, или только вскользь, мимоходомъ.

Мадьярскій погромъ, согласно этому одностороннему мнѣнію, былъ безусловно гибеленъ для западныхъ Славянъ, — это-де было одно изъ величайшихъ бѣдствій, когда-либо постигавшихъ славянство, ибо Мадьяры, врѣзавшись «клиномъ» въ самое сердце возникавшей будто-бы *истолннской* Славянской державы, должны были связать Славянъ сѣверозападныхъ съ южными, нанесли смертельный ударъ этой разросставшейся славянской силѣ и навѣки разрушили надежды западныхъ Славянъ на политическое объединеніе. . . .

Мысль эта, намекъ на которую мы находимъ уже у Шафарика¹⁾, была впервые рѣзко и опредѣленно высказана и развита Палацкимъ въ его «Исторіи чешскаго народа»; благодаря его авторитету, она получила всеобщее распространеніе и стала ходячимъ мнѣніемъ²⁾.

Приводимъ слова самого Палацкаго: «Вторженіе мадьярскаго народа и водвореніе его въ Венгрію принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ событій всемірной исторіи; никогда судьба не поразила славянскаго міра ударомъ, который отозвался тяжело на цѣлые вѣка. Въ IX вѣкѣ Славяне расширили поселенія свои отъ границъ Голштиніи до Пелопоннеса, и хотя они, вслѣдствіе старинной своей разрозненности, раздѣлены были между собою многообразно, однако повсюду выказывали они себя

1) Слав. Древн. (перев. Бодянскаго), II т., кв. 2, стр. 307, 308, 322.

2) См. напр. у Мадьяръ: Szalay, Gesch. Ung. I B., Pest, 1866, S. 4; у Нѣмцевъ: Fessler-Klein, Gesch. v. Ung., Leipz. 1867, I B., S. 29—30; у Французовъ: Sayous, Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois, Paris, 1874, p. 83—84. Также Rambaud, L'Empire Grec au X-me s., Paris 1870 p. 354—356. Срв. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgesch. Graz, 1874 S. 81.

храбрыми, воспріимчивыми и дѣтельными. Въ серединѣ обширной полосы, занятой ими, начинало, подѣ рукою Ростислава и Святополка, образоваться зерно, успѣшное развитіе котораго обѣщало въ будущемъ прекрасный цвѣтъ просвѣщенія христіанскаго и вмѣстѣ народнаго; расположеніе, которымъ оно пользовалось и отъ Рима и отъ Цареграда, ручалось за безконечный, можно сказать, успѣхъ его развитія. Къ этому зерну приплюнули бы со временемъ, по внутреннему и внѣшнему побужденію, все племена славянскія; отъ него они получили бы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, если не новыя политическія учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, образованность ново-европейскую и притомъ народную, уметвенную и промышленную дѣятельность, единство языка, письменъ и литературы. Какъ на западѣ, подѣ вліяніемъ Рима, возникла монархія Франкская, точно также возникла бы на востокѣ, не безъ вліянія Византіи, великая держава Славянская, и восточная Европа получила бы, тысячу лѣтъ тому назадъ, другой вообще строй, нежели какъ то случилось. Но тѣмъ, что Мадыры, ворвавшись въ самое сердце возникающаго организма, истребили это сердце, уничтожены были навсегда все такого рода надежды. Члены великаго тѣла, еще не успѣвшіе срустнѣть, распались снова, ибо чуждая стихія насильно вѣдрплась между ними. Стоя одиноко, не зная никакихъ общихъ цѣлей, каждый членъ съ тѣхъ поръ заботился единственно о себѣ самомъ, тратилъ свои силы въ ничтожныхъ стычкахъ съ сосѣдями, и никогда уже не былъ въ состояніи твердо противостать иноземцамъ, соединеннымъ крѣпкою сосредоточенностью, основанною на общихъ ихъ выгодахъ. . . .» и т. д. ¹⁾

Такъ думалъ Палацкій. У насъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ и выразителемъ этой мысли былъ покойный Гильфердингъ, находившій даже, что она (эта мысль), хотя и была вполне опредѣленно выражена Палацкимъ, всетаки «въ его Ис-

¹⁾ Palacký, Dějiny národu českého, seš. 3 (2-oe изд. 1862), с. 223—224, (перев. Гильфердинга, см. Соб. соч. т. II, стр. 124).

торіи поставлена какъ-то отрывочно и теряется изъ виду при дальнѣйшемъ изложеніи судьбъ Чешскаго народа». Гильфердингъ въ свою очередь такъ высказался объ этомъ событіи ¹⁾: Послѣ истребленія Аваровъ «при распадѣ имперіи Карла Великаго вся нынѣшняя Венгрія очутилась во власти Славянъ. Болгарія занимала юговостокъ ея, Моравія—сѣверъ, а на югозападѣ возникло особое славянское княжество Блатенское. Равнины эти, такимъ образомъ, стали средоточіемъ и мѣстомъ сопркосновенія всего западнаго Славянства. Западная часть славянскаго племени, которая начинала уже распадаться на частныя группы и стремиться къ разъединенію, къ образованію нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ, снова увлечена была къ общенію и единству. Въ равнинахъ средняго Дуная поселенія Болгарскихъ Славянъ и Сербо-хорватскія сходились съ поселеніями Славянъ Закарпатскихъ; здѣсь могла образоваться точка соединенія между сѣверозападною группою Славянъ, занимавшею въ то время все пространство отъ Эльбы до Вислы и далѣе, до предѣловъ Литвы, и между группою югозападныхъ Славянъ, которая опиралась на Черное и Адриатическое море. Въ западной половинѣ славянскаго племени, простиравшейся отъ Даніи до Греціи, могло развиться то, что развилось потомъ въ восточной половинѣ, на Руси: единство народное и крѣпкая организація общественная и государственная. . .» (стр. 119).

Сказавъ о блестящемъ развитіи и силѣ Велико-моравскаго княжества, Гильфердингъ продолжаетъ: «Еслибы не помѣшала случайность, то западный Славянскій міръ, вѣроятно, приступилъ бы въ IX вѣкѣ къ исполненію той задачи, которая, какъ кажется, лежитъ на Россіи XIX вѣка. . . . Западнему Славянскому міру помѣшала случайность, а эта случайность были—Мадьяры. Случайностью я называю ихъ нашествіе, разумѣется, не потому, чтобы я былъ поборникомъ того ученія, по которому случай является управителемъ судьбъ человѣческихъ. Этого во-

¹⁾ Статья «Венгрія и Славяне», Соб. соч., т. II, стр. 118 и слѣд.

проса я вовсе не касаюсь, а говорю только, что, какъ фактъ, вторженіе Мадьяръ въ Европу имѣетъ характеръ случайности. . .» (стр. 120).

«Водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ имѣло неспешливыя послѣдствія для западнаго Славянскаго міра. Племя, совершенно чуждое Славянамъ и всей Европѣ, раздѣлило западный Славянскій міръ на двѣ половины, сѣверную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновенія. Западный Славянскій міръ предоставленъ былъ всецѣло духу обособленія, которому уже ничего не могло воспринятьствовать» (стр. 121).

Подробно развивъ эту мысль, Гильфердингъ приходитъ такимъ образомъ къ тому же выводу, что и Палацкій: «Послѣдствія водворенія Мадьяръ на Дунаѣ были огромныя, роковыя для цѣлой половины Славянскаго племени, для всей средней полосы Европы, отъ Эльбы до Шмана, отъ Адриатическаго до Чернаго моря!» Гильфердингъ до того увлекся этою мыслью, что считалъ ее совершенной аксіомой: «дѣло такъ ясно, такъ ослзательно, прибавляетъ онъ, что не видѣть и не понять его нельзя безъ особеннаго ослѣпленія» ¹⁾.

Такъ писалъ нашъ почтенный славистъ 20 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ это мнѣніе повторялось на разные лады и славянскими и неславянскими учеными. Однако давно пора исторической критикѣ съ полнымъ безпристрастіемъ взглянуть на этотъ вопросъ и проверить слишкомъ довѣрчиво принятое наукой мнѣніе, державшееся донынѣ съ одной стороны авторитетомъ Палацкаго и еще нѣкоторыхъ ученыхъ, въ этомъ случаѣ его послѣдователей, съ другой — благодаря существованію еще кое-какихъ предвзятыхъ, и потому неправильныхъ понятій по вопросу о состояніи западнаго славянства на Дунаѣ въ годину мадырскаго погрома.

По зрѣломъ разсмотрѣніи вопроса дѣло въ томъ смыслѣ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 124. Ту же мысль Гильфердингъ высказалъ въ своей «Исторіи Балтійскихъ Славянъ», Соб. соч. т. IV, стр. 308.

какъ его понимали обыкновенно, оказывается вовсе не такимъ яснымъ и осязательнымъ, какъ оно казалось Гильфердингу. Дѣйствительно, болѣе объективное отношеніе къ предмету и болѣе безпристрастное изслѣдованіе тѣхъ вопросовъ, которыми обуславливается тотъ или другой взглядъ на значеніе мадьярскаго погрома для западнаго славянскаго міра, не могутъ не убѣдить всякаго въ крайней односторонности укоренившагося воззрѣнія.

Нѣкому, разумѣется, не придетъ въ голову утверждать, что мадьярское вторженіе въ середину славянскихъ земель не имѣло вообще весьма бѣдственныхъ послѣдствій для Славянъ. Взятое само по себѣ, оно (не говоря уже о тѣхъ бѣдствіяхъ для туземнаго населенія, которыми оно сопровождалось) несомнѣнно причинило глубокой, существенный вредъ западному славянскому міру, ибо Мадьяры во всякомъ случаѣ разобщили однихъ Славянъ отъ другихъ и, если позволительно такъ выразиться, подъ носомъ у нихъ завладѣли территоріей, на которую они, эти Славяне, какъ болѣе ранніе пришельцы, имѣли естественное и законное право и на которой со временемъ, *еслибы не встрѣтилось препятствій*, конечно утвердился бы. Странно было бы отрицать эти вредныя послѣдствія мадьярскаго погрома, особенно въ настоящее время, когда на нашихъ глазахъ милліоны Славянъ, лишенныхъ народныхъ правъ, стонутъ подъ жестокимъ гнѣтомъ Мадьяръ, придумывающихъ всевозможныя средства для скорѣйшаго ихъ омадьяренія.... Но не слѣдуетъ забывать другого: никакое историческое событіе не можетъ быть разсматриваемо само по себѣ, безотносительно, какъ одинокій фактъ; оно получаетъ свой смыслъ и значеніе, найдя себѣ историческую оцѣнку лишь въ тѣсной связи съ другими, является ли оно само слѣдствіемъ ряда предшествующихъ событій, или имѣетъ случайный характеръ и нарушаетъ собой естественный ходъ историческихъ явленій. Такимъ именно случайнымъ характеромъ отличается мадьярскій погромъ, и потому опредѣленіе его истиннаго значенія всецѣло зависитъ отъ вѣрной оцѣнки предшествующаго и современнаго ему хода событій, по-

литическихъ и этническихъ отношеній, однимъ словомъ общаго положенія дѣль. на Дунаѣ наканунѣ водворенія Мадьяръ въ дунайской равнинѣ. Если эта оцѣнка недостаточно безпристрастна и потому неправильна, то естественно и заключеніе о роли Мадьяръ при ихъ поселеніи въ Европѣ получается одностороннее и невѣрное... Итакъ вотъ гдѣ источникъ укоренившагося взгляда на занимающій насъ вопросъ. Еслибъ дѣйствительно все было именно такъ въ концѣ IX в. на среднемъ Дунаѣ, какъ это представлялось Палацкому, Гильфердингу и другимъ, то безъ сомнѣнія оставалось бы только согласиться съ ихъ мыслью; но въ этомъ-то ихъ взглядѣ на состояніе дупайскаго славянства передъ приходомъ Мадьяръ и на сравнительныя силы его въ отношеніи къ западу и кроется вся суть дѣла.

Составлялъ ли весь западный славянскій міръ въ IX в. такое крѣпкое и многообѣщавшее цѣлое; могло ли образовавшееся на среднемъ Дунаѣ политическое зерно объединить всѣ западныя славянскія племена и создать такимъ образомъ на западѣ «великую державу Славянскую», «единство народное и крѣпкую организацію общественную и государственную»; было ли Моравское княжество дѣйствительно такъ сильно и заключало ли оно въ себѣ всѣ задатки для успѣшнаго политическаго и государственнаго развитія; была ли въ концѣ концовъ успѣшна его борьба съ западнымъ сосѣдомъ и «отразило ли оно побѣдоносно всѣ удары Германіи»¹⁾, — однимъ словомъ только ли одни Мадьяры (эта «случайность»), были тѣмъ препятствіемъ, которое въ состояніи было помѣшать спокойному политическому и культурному развитію дунайскаго славянства и успѣшному объединенію по его почину всѣхъ западныхъ славянскихъ племенъ въ одну великую державу, — вотъ вопросы, нуждающіеся въ строгомъ разборѣ, который, по крайнему нашему убѣжденію, не можетъ не привести всякаго безпристрастнаго изслѣдователя скорѣе къ отрицательному, чѣмъ къ положительному на нихъ отвѣту.

¹⁾ Гильфердингъ, тамъ-же, стр. 119.

Съ другой стороны вопросъ о томъ, нанесли ли Мадьяры дѣйствительно такую глубокую рану Славянамъ Моравскаго княжества, постребили ли они окончательно «это сердце возникавшаго организма», заслуживаетъ также внимательнаго обслѣдованія.

Мы упомянули выше, что противъ господствующаго одно-сторонняго взгляда на роль мадьярскаго погрома уже слышались отдѣльные (очень немногіе, впрочемъ) голоса ¹⁾. Статья Гильфердинга о Мадьярахъ была написана въ 1860 г. За три года передъ тѣмъ (въ 1857 г.) о Мадьярахъ же и ихъ послѣдніи въ Европѣ писалъ другой русскій писатель, Елагинъ, и что же? Онъ уже не послѣдовалъ за Палацкимъ, а сталъ совершенно на иную, болѣе широкую точку зрѣнія; онъ глубже вникъ въ политическія отношенія на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ вторженіемъ; онъ вѣрнѣе оцѣнилъ съ одной стороны ту силу, которая давила Славянъ съ запада, съ другой тотъ отпоръ, который могъ сѣ еще оказать Моравскій политическій организмъ; онъ лучше понялъ возникшія на среднемъ Дунаѣ отношенія Славянъ къ Мадьярамъ (и наоборотъ), и вслѣдствіе того онъ пришелъ къ совершенно иному, чѣмъ Палацкій и Гильфердингъ, выводу.... Его замѣчательная для своего времени, талантливо написанная статья «Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы» (Русск. Бесѣда, М. 1858, кн. IX) уже ставитъ вопросъ гораздо шире и объективнѣе. Авторъ ея не преувеличиваетъ силу и успѣховъ развитія Моравскаго княжества; онъ сознаетъ ту великую опасность, которая грозила дунайскому славянству со стороны Восточной марки, въ Панноніи, на самомъ среднемъ Дунаѣ. Говоря объ умноженіи

¹⁾ Такъ напр. В. И. Ламанскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Объ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ» (Сиб. 1871, стр. 17) высказывается весьма ясно въ этомъ смыслѣ: «Въ X—XI вѣка происходитъ утвержденіе Угровъ или Мадьяръ въ Тиссо-Дунайской равнинѣ и образованіе на развалинахъ Моравской державы Святополка Угро-славянской державы Арпадовичей, которая надолго, правда, была инородческій клинъ въ Славянское тѣло, тѣмъ не менше создала сильный оплотъ Славянамъ противъ Германіи». Срв. еще стр. 31—32 (см. прим.), 37. Также въ его примѣч. къ переводу книги Штура «Славянство и міръ будущаго» М. 1867 (изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Росс.»), стр. 16.

вѣмецкихъ поселеній въ прежней Аваріи, опъ выражается такъ: «Но я дальше на востокъ, по всему правому берегу Дуная, до устьевъ Дравы, вбитъ былъ тяжелою рукою желѣзный клинъ въ самую середину славянства. Какое самобытное ядро государственнаго союза между Славянами могло здѣсь образоваться, покуда существовали сильныя маркграфства, поддержанныя Римомъ и Германіей! Балтійскіе Славяне могли за одно съ Варягами и Норманнами вести наступательную войну противъ Западной имперіи, которая, не имѣя морской силы, была побѣждена вездѣ, куда приставали Варяжскіе корабли, отъ устьевъ Эльбы до устьевъ Гароны. И только этимъ мстительнымъ союзомъ язычниковъ остановлено въ IX вѣкѣ распространеніе Имперіи за Эльбу. Но кто могъ преградити ей путь въ Дунайскія страны и уничтожить маркграфства? Какой народъ могъ на материкѣ Европы вести постоянную, наступательную войну? Ни у одного не было словія воинствъ, жившаго войною и грабежомъ какъ Варяги. Отпоръ долженъ соразмѣряться съ силою удара. Оборона, безъ смѣлаго наступленія, только раздражала завоевателя. Ни союзъ угнетенныхъ, ни дружное возстаніе не были достаточны, потому что завоеватель, подвигая впередъ свои поселенія, вводилъ въ дѣло свѣжія силы. Но могъ ли возникнуть такой союзъ? Могло ли быть прочное единопущіе, когда среди угнетенныхъ жило римское духовенство, когда новообращенные христіане были уже отчасти преданы Имперіи» и т. д. ¹⁾.

Отдавая справедливость доблестной политической и церковной борьбѣ Моравіи съ Шьмдами, Елагинъ прибавляетъ: «Константиново и Меоодіево торжество въ Римѣ, Святополкова побѣда надъ Германіей, — яркія явленія, до сихъ поръ одушевляющія Славянъ, — заставляютъ забывать, что нынѣшнее Эрцгерцогство и вся Нижняя Паннонія, въ рукахъ у сильныхъ маркграфовъ и умныхъ архіепископовъ, тогда-же подрѣзывали въ

¹⁾ Русская Бесѣда, тамъ-же, стр. 126—127.

корнѣ силу дунайскихъ народовъ». ¹⁾ Нашъ авторъ критически отнесся къ взгляду Палацкаго на разрушеніе Моравскаго союза будто-бы единственно подъ ударами Угровъ. По его мнѣнію, ударъ въ самое сердце Славянъ (дунайскихъ) нанесенъ гораздо прежде и «не Уграми, а искусною рукою латинскаго епископа Виккинга»; «не они разрушили самобытную Славянскую Моравію. Она была убита прежде» ²⁾. Этихъ извлеченій, кажется намъ, достаточно, чтобы познакомить читателей съ воззрѣніемъ Елагина на вопросъ. Мы не будемъ распространяться здѣсь о его взглядѣ на отношенія дунайскихъ Славянъ къ Мадырамъ и обратно въ эпоху водворенія послѣднихъ на Дунаѣ. Можетъ-быть онъ и увлекался нѣсколько, уже слишкомъ преувеличивая ихъ взаимныя дружественныя отношенія, но во всякомъ случаѣ и въ этомъ пунктѣ онъ правъ во многомъ и имъ высказано не мало справедливыхъ мыслей и соображеній. Вотъ какъ въ концѣ концовъ онъ формулируетъ свое заключеніе о значеніи мадырскаго нашествія и поселенія на Дунаѣ въ исторіи дунайскаго славянства: «Еслибы языческое государство (т. е. Угрія), говоритъ онъ, не выросло вдругъ на Дунаѣ въ концѣ IX вѣка, то въ XIX-мъ Шафарикъ, вѣроятно, не сказалъ-бы про Венгерскихъ Славянъ слѣдующихъ словъ: «Словаки и Русскіе, живущіе подъ Карпатами (въ Венгріи), отстаили свою народность, подобно Моравцамъ, Хорутанамъ, Хорватамъ и Сербамъ» ³⁾.

Если мыслю о неизмѣримомъ вредѣ, нанесенномъ Мадырамъ всему западному славянскому міру, увлекались и нѣкоторыя нѣмецкіе ученые, ⁴⁾ то все-же и среди нихъ въ свою очередь

¹⁾ Тамъ-же, стр. 128.

²⁾ Тамъ-же, стр. 152. Эта мысль о паденіи Моравіи не столько отъ Угровъ, сколько отъ внутреннихъ причинъ, и именно отъ непрочности самаго зданія, построеннаго Моравскими князьями, такъ сказать отъ недостатка у него твердаго фундамента и связующаго цемента, была позже высказана, хотя не довольно опредѣленно и рѣшительно, — Дудикомъ въ его *Gesch. Mähr. I, 1860, S. 323; 344—345.*

³⁾ Русская Бесѣда, тамъ же, стр. 168.

⁴⁾ Напр. Fessler-Klein, *о. с.*, S. 29—30.

мы встречаемъ такихъ, которые болѣе трезво отнеслись къ дѣлу и вѣрно оцѣнили послѣдствія водворенія Мадьяръ на Дунаѣ, несравненно болѣе вредныя и даже пагубныя для Нѣмцевъ и ихъ возраставшаго господства въ земляхъ дунайскихъ Славянъ (чѣмъ для этихъ Славянъ), вообще для политическихъ и культурныхъ интересовъ запада на славянскомъ востокѣ.

Между прочимъ Рёслеръ, авторъ извѣстнаго и замѣчательнаго труда «*Romanische Studien*», высказался въ такомъ же смыслѣ, впрочемъ не безъ тенденціозной подкладки. Ставъ на точку зрѣнія собственно «интересовъ культуры», онъ съ высоты ея утверждаетъ, что для этой культуры ударъ, нанесенный Франкской монархіи и нѣмецкой колонизаціи на среднемъ Дунаѣ, былъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ разобіеніе и разъединеніе Славянъ на двое, причиненное мадьярскимъ поселеніемъ ¹⁾. Объективнѣе и вмѣстѣ опредѣленнѣе высказывается по тому же вопросу авторъ новѣйшаго изслѣдованія «О началахъ нѣмецкой жизни въ Австріи» ²⁾. Свою рѣчь о роковомъ значеніи и губельныхъ послѣдствіяхъ для Нѣмцевъ несчастной битвы 907 года онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Еслибы не вмѣшалась Мадьяры и не было битвы 907 г., то по человѣческимъ соображеніямъ границы сплошной чисто-нѣмецкой территоріи были бы нынѣ не на верхнемъ Раабѣ, а на нижней Савѣ». Мы съ своей стороны убѣждены, что не будь вторженія и водворенія Мадьяръ на Дунаѣ, ничто не могло бы помѣшать германскому племени раздвинуть эти границы и по сю сторону Дуная (на лѣвомъ его берегу) еще значительно далѣе на востокъ...

¹⁾ Roesler, R. St., 1871, S. 170: «So war dieses schöne Grenzland (Pannonien) der fränkischen Monarchie verloren und der deutschen Colonisation für immer entzogen, ein unserer Ansicht nach viel schmerzlicherer Schlag für die Cultur, als jene durch die Magyaren bewirkte Auseinanderreissung der Slaven in zwei räumlich getheilte Massen welche ein böhmischer Schriftsteller (т. е. Палацкий) als ein so großes Unglück beklagt hat, denn die slavischen Staatsgebilde wollten denn doch zu keiner Zeit sonderlich gedeihen und der Welt einen grossen geistigen Gewinn abwerfen».

²⁾ Kaemmel, Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterreich, Leipz., 1879, S. 301—302.

Итакъ мысль о томъ, что Мадыяры своимъ вторженіемъ въ Европу и поселеніемъ на Дунаѣ панесли сравнительно болѣе чувствительный ударъ Нѣмцамъ и ихъ интересамъ, чѣмъ Славянамъ, которымъ они должны были служить оплотомъ противъ напора запада, не нова¹⁾. Тѣмъ не менѣе ей не удалось еще завоевать всеобщаго признанія, и неудивительно: она высказывалась до сихъ поръ большей частью случайно, еще слишкомъ немногими, и притомъ безъ надлежащаго подкрѣпленія ея строгимъ разборомъ имѣющихся историческихъ фактовъ и данныхъ. Съ своей стороны не лишнимъ считаемъ замѣтить, что мы пришли къ ней независимо отъ вышеназванныхъ авторовъ, съ мнѣніями которыхъ познакомились лишь позднѣе. Убѣжденіе въ правильности этого взгляда все болѣе крѣпко въ насъ по мѣрѣ углубленія въ предметъ и послѣ разбора наиболѣе важныхъ для него вопросовъ. Является ли оно въ нашемъ трудѣ дѣйствительно имѣющимъ подъ собою фактическую почву, судить не намъ.

Здѣсь же будетъ уместно сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи нашего изслѣдованія. Мы сочли полезнымъ предпослать (въ *первой* гл.) изложенію занимающѣй насъ эпохи краткій очеркъ судьбы дунайскихъ земель съ древнѣйшаго времени, чтобы освѣтить по возможности этническое состояніе ихъ въ IX вѣкѣ. Правильная оцѣнка результатовъ *мадыарскаго погрома* въ значительной мѣрѣ зависить отъ вѣрнаго взгляда на предшествовавшія ему не только политическія, но и этническія отношенія на Дунаѣ, т. е. на распределеніе населенія по народностямъ и по сравнительной густотѣ какъ на территоріи, занятой новыми пришельцами, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. При исполненіи этой задачи мы должны были встрѣтиться со многими

¹⁾ Въ томъ же смыслѣ, т. е. противъ взгляда Палацкаго, высказался въ послѣднее время мадыарскій ученый Гунфальви (Hunfalvy, *Ethnogr. v. Ung., Budapest, 1877, S. 299—300*), осуждающій своихъ соотечественниковъ за принятіе этой «призрачной» теоріи (*leeres Traumgebilde*), изъ которой они создаютъ себѣ какую-то національную славу.

темными и далеко еще не разрешенными этнологическими вопросами, совсѣмъ обойти которые мы не считали себя въ правѣ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ такого рода, что самостоятельный и добросовѣстный отвѣтъ на нихъ требуетъ продолжительныхъ специальныхъ и разностороннихъ изысканій. Мы не могли конечно приписать на себя подобный трудъ, имѣя передъ собой такую главную задачу, и потому должны были иногда останавливаться очень недолго на такомъ вопросѣ, который самъ по себѣ заслуживалъ бы большаго вниманія. Но, высказываясь въ томъ или другомъ смыслѣ, мы однако постоянно старались по возможности ясно и опредѣленно установить нашъ взглядъ, мотивируя его собственными соображеніями и критикою чужихъ мнѣній. Въ вопросахъ о распредѣленіи народностей въ древности въ дунайскихъ странахъ мы, къ сожалѣнію, не всегда могли воспользоваться не маловажнымъ матерьяломъ, а именно данными географической номенклатуры, которая въ послѣднее время справедливо стала предметомъ особеннаго вниманія науки. Но для странъ восточно-дунайскихъ (вообще для нынѣшней Угрии, Трансильваніи и проч.) онѣ остаются не только еще вовсе не разработанными, но и далеко не собранными ¹⁾. Впрочемъ для нашихъ цѣлей въ настоящемъ случаѣ достаточно было приблизительныхъ выводовъ изъ общихъ наблюдений и соображеній, такъ что этотъ пробѣлъ относительно подробностей, надѣмся, не будетъ поставленъ намъ въ вину. Рѣшая вопросы исторіи и этнологіи, мы старались нигдѣ не упускать изъ виду условій географическихъ, или территоріальныхъ, тѣмъ болѣе, что зани-

¹⁾ Важность этого рода изслѣдованій надъ географической номенклатурой сознается нѣмѣ и мадьярскими учеными. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Pesty Frigyes (Фридрихъ Пешти) издалъ монографію «Географическія названія и исторія» (*A helynevek és a történelem*) въ Изв. Венг. Акад. II, VIII B. 1 H. Budapest, гдѣ авторъ говоритъ вообще объ услугахъ филологіи — историческимъ изысканіямъ, о приѣмахъ, необходимыхъ при изслѣдованіи названій мѣстъ и пр. См. о ней въ *Literarische Berichte aus Ungarn*, изд. P. Hunfalvy, 1878 (Budapest), II, 4 H., *Sitzungsberichte*, S. 635. Къ сожалѣнію, мы сами не имѣли возможности познакомиться съ этой монографіей.

мающія насъ дунайскія земли должны обращать на себя особенное вниманіе историка своимъ своеобразнымъ географическимъ положеніемъ и характеромъ природы. Нельзя однако не замѣтить, что эти условія вообще не всегда достаточно принимались въ расчетъ при рѣшеніи историко-этнологическихъ вопросовъ. Въ частности это относится и къ исторіи мадырскаго погрома и ко взгляду на состояніе дунайскихъ земель до поселенія Мадырь. И здѣсь и тамъ существовали и долго держались мнѣнія, возникшія только вслѣдствіе невниманія къ условіямъ природы и характеру территоріи.

Что касается *второй* главы нашего труда, «Очерка политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадырскимъ погромомъ», то и въ немъ играетъ не послѣднюю роль вопросъ этнологическій, именно о составѣ населенія земель восточно-альпійскихъ и древней Панноніи къ концу IX вѣка, т. е. объ успѣхахъ нѣмецкой колонизаціи на этой территоріи. Такимъ образомъ и здѣсь данныя географической номенклатуры, почерпнутыя изъ источниковъ, выдвигаются на передній планъ и представляютъ почти единственную твердую почву для выводовъ. Къ счастью, этотъ матерьялъ (для восточно-альпійскихъ странъ) подвергся уже довольно тщательному изслѣдованію, такъ что мы имѣли возможность воспользоваться его результатами, не вдаваясь сами въ специальное изысканіе, что завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Наиболее важную часть этого обзора политическихъ отношеній составляетъ очеркъ судьбы Моравскаго княжества. Здѣсь намъ не было необходимости излагать во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ исторію Моравскаго и Паннонскаго княжествъ, останавливаясь на всѣхъ возникающихъ при этомъ частныхъ вопросахъ, изъ которыхъ многіе и важны сами по себѣ, но не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ. Наше главное вниманіе должно было быть обращено на общее развитіе внутреннихъ силъ и внѣшняго политическаго могущества Моравіи посредіея борьбы съ западнымъ сосѣдомъ, на условія этой борьбы и на ея несчастный для дунайскаго славянства оборотъ къ концу IX в.

Два послѣдніе, существенные отдѣла нашего сочиненія посвящены главной темѣ его: переселенію Мадьяръ изъ первоначальной родины сначала на нижній Дунай, а затѣмъ въ центральную тиссо-дунайскую равнину, водворенію ихъ здѣсь и произведенію ими политическому перевороту. Много трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ встрѣчаетъ изслѣдователь на этомъ пути, много труда уже было положено для ихъ разъясненія, но считать ихъ исчерпанными было бы преждевременно.

Подвергнуть уже сдѣланное новому пересмотру и проверкѣ, представить свои соображенія и свой взглядъ на нѣкоторые спорные пункты, свести воедино добытые результаты, вообще дать нѣчто болѣе цѣльное по этому крайне интересному предмету мы считали тѣмъ болѣе полезнымъ и своевременнымъ, что въ нашей ученой литературѣ положительно чувствуется пробѣлъ въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу искреннѣйшую признательность глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу Ламанскому за оказанное намъ содѣйствіе многими полезными совѣтами, указаніями и замѣчаніями, а также и другимъ лицамъ, которымъ мы обязаны сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по литературѣ предмета.

Константинъ Гротъ. ; |

Апрѣль 1881.

I.

ВЗГЛЯДЪ НА СУДЬБУ СРЕДНЕ- И НИЖНЕ-ДУНАЙСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ДО НАЧАЛА IX ВѢКА.

(ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.)

Предварительныя замѣчанія. Географическое положеніе и природный характеръ дунайскихъ земель. Очеркъ судьбы ихъ съ древнѣйшихъ временъ и этническія превращенія. Заключение: этническій составъ дунайскихъ земель въ началѣ IX вѣка.

Этническое состояніе дунайскихъ земель въ IX вѣкѣ и ранѣе, съ древнѣйшаго времени, представляетъ весьма много темнаго и невыясненнаго. Давно уже былъ возбужденъ рядъ спорныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ не мало потрудились представители славянской и западно-европейской науки. Благодаря этимъ трудамъ нѣкоторый свѣтъ успѣлъ пропикнуть въ эту область, но многое остается и донынѣ не разгаданнымъ и спорнымъ, представляя будущимъ изслѣдователямъ не только на почвѣ исторіи, но и языкознанія (географическая номенклатура и языки нынѣшнихъ обитателей этихъ странъ) обширное и многотрудное поле для разработки.

Послѣ темной эпохи великихъ народныхъ передвиженій и слѣдовавшаго за ними прочнаго расселенія славянскихъ племенъ въ подунайскихъ земляхъ, послѣ не менѣе темной эпохи авар-

скаго владычества, торжество Франковъ надъ Аварами (въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка) открываетъ здѣсь новую историческую эру, вызываетъ къ новой жизни сосѣднія съ Нѣмцами славянскія народности, коснѣвшія до тѣхъ поръ въ тяжелой завѣсѣ, и втягиваетъ ихъ въ политическую жизнь и культурныя отношенія западныхъ народовъ Европы. Такимъ образомъ свѣтъ исторіи начинаетъ проникать и въ дунайскія страны, и мало по малу раскрываетъ передъ нашими умственными взорами картину культурнаго и политическаго состоянія нестройной массы племенъ, ее населявшихъ. Однако этническій составъ населенія обнаруживается въ началѣ IX вѣка только въ самыхъ общихъ чертахъ, и притомъ только въ западной части интересующей насъ территоріи, тогда какъ восточная ея часть остается попрежнему окутанной мракомъ еще долго послѣ того. Вторая половина IX вѣка на среднемъ Дунаѣ богата событіями первостепенной исторической важности, свѣдѣнія о которыхъ мы почерпаемъ въ довольно значительномъ количествѣ у западныхъ лѣтописцевъ, но несмотря на то, этническое состояніе Моравіи, Панноніи, восточно-альпійскихъ земель и сосѣднихъ подунайскихъ мѣстностей въ ту эпоху представляетъ много невыясненнаго. Тѣмъ труднѣе хотя приблизительно возсоздать себѣ этническую картину восточной половины нынѣшней Австро-Венгрии, т. е. центральной Угрии и Трансильваніи, странъ сѣверо-карпатскихъ и нижнедунайскихъ, ибо онѣ и въ IX вѣкѣ остаются все еще въ сторонѣ отъ того политическаго и культурнаго движенія, которое съ паденіемъ аварскаго владычества охватило сосѣднія западныя земли. Оттуда непрямое разногласіе и споры ученыхъ въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ вопросъ *румынскій*, т. е. о началѣ румынскихъ поселеній на сѣверѣ отъ нижняго Дуная и въ Трансильваніи, вопросъ о распредѣленіи и густотѣ славянскаго населенія въ этой послѣдней странѣ и въ смежныхъ съ нею и проч. Рядомъ съ этимъ не менѣе трудностей представляетъ вопросъ — собственно о *славянскихъ* поселеніяхъ на всемъ пространствѣ карпато-дунайской территоріи. Фактъ преобладанія

съ давнихъ поръ (съ конца VI вѣка по Р. Х.) славянскихъ поселеній на этой территоріи конечно не подлежитъ сомнѣнію, но гораздо сложнѣе вопросъ о томъ, какъ распредѣлялось въ древности это славянское населеніе, гдѣ оно было чаще, гдѣ рѣже, гдѣ его можетъ быть совсѣмъ не было, не было ли оно перемѣшано съ другими элементами, и если да, то съ какими именно, затѣмъ гдѣ и въ какой мѣрѣ. На все это можно отвѣчать далеко еще не всегда опредѣленно и точно, вообще только приблизительно, въ особенности пока еще не выполнена работа, на основаніи которой можно будетъ получить сравнительно болѣе точные выводы, т. е. рядомъ съ историческими изысканіями тщательное изслѣдованіе славянскихъ и неславянскихъ географическихъ и топографическихъ названій. Наконецъ, еще болѣе трудностей представляетъ вопросъ, рѣшенія котораго нельзя ожидать въ скоромъ будущемъ, такъ какъ въ основу его должны быть положены, кромѣ историческихъ соображеній, еще многія спеціально-лингвистическія изученія. Мы разумѣемъ распредѣленіе дунайскихъ Славянъ того времени по группамъ или народностямъ, наиболѣе точное ихъ территориальное разграниченіе по этимъ группамъ. До сихъ поръ очевидно не найдено еще достаточно твердыхъ точекъ опоры для такого разграниченія, такъ что даже по вопросу объ этническомъ составѣ Моравскаго княжества ученые держатся совершенно различныхъ, не примиримыхъ между собою взглядовъ. Точно такое же разногласіе существуетъ, какъ мы увидимъ впоследствии, и по отношенію къ Славянамъ восточно-дунайской территоріи, въ особенности къ жившимъ въ Трансильваніи и Валахіи. Итакъ историкъ, желающій уяснить себѣ состояніе всѣхъ этихъ земель съ этнической стороны къ началу IX вѣка, принужденъ поневолѣ пробираться нетвердымъ шагомъ и ошущью черезъ цѣлый рядъ темныхъ этнологическихъ вопросовъ и загадокъ, усиленно рѣшая ихъ для себя на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми онъ можетъ располагать при современномъ состояніи науки, и довольствуясь такимъ образомъ, болышею частію, лишь приблизительноми выводами.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ историческому очерку, будетъ не бесполезно особо бросить взглядъ на природу дунайской территоріи, т. е. на устройство ея поверхности и на характерныя особенности отдѣльных частей ея.

Занимающія насъ подунайскія страны (приблизительно въ границахъ нынѣшней Австро-Венгріи со включеніемъ Молдово-валашской низменности) представляютъ самую разнообразную поверхность, на которой можно найти всѣ ступени повышенія и пониженія почвы — отъ снѣжныхъ вершинъ и величественныхъ горныхъ хребтовъ до пространныхъ равнинъ и самыхъ низменныхъ степеней. Что касается общаго вида этой территоріи, то она состоитъ изъ обширной *среднедунайской равнины*, раздѣленной горнымъ хребтомъ (Баконскимъ лѣсомъ) на двѣ неравныя части¹⁾, и нѣсколькихъ *горныхъ системъ*, окружающихъ ее почти со всѣхъ сторонъ²⁾. Только съ юга ее окаймляютъ воды Дуная и одного изъ его большихъ притоковъ (Савы). Эта пространныя однообразная низменность, мѣстами сухая, мѣстами болотистая (около рѣкъ), особенно восточная ея половина, напоминаетъ своимъ степнымъ характеромъ и свойствами почвы нашу великую южно-русскую низменность, связующую Европу со степями средней Азіи. Не даромъ она во всѣ времена такъ привлекала къ себѣ полчища восточныхъ кочевниковъ, этихъ прямыхъ дѣтей и потомцевъ однообразной и необозримой степи.

Величественный Дунай съ своими многочисленными притоками орошаетъ всю эту равнину и эти горныя страны, на-

¹⁾ *Малая угорская равнина* простирается по обѣ стороны средняго Дуная (отъ Пресбурга до р. Грона) и орошается на сѣверѣ рѣкою Ваагомъ и Нитрой, на югѣ Раабомъ и Рабницомъ; она заключаетъ въ себѣ отъ 300—400 квадр. нѣмецкихъ миль, тогда какъ протяженіе восточной *великой угорской равнины* (тиссо-дунайской) составляетъ 1700 квадр. миль. См. Петерсонъ: «Венгрія и ея жители» (перев. съ англійск. 1876), стр. 46.

²⁾ Такихъ горныхъ системъ три: 1) *Альпійскія*, обнимающая собою въ предѣлахъ Австро-Венгріи площадь приблизит. въ 3000 кв. миль; 2) *Германо-Суветская*, простирающаяся на 1600 кв. миль, и наконецъ 3) *Карпатская*—въ общей сложности на 5000 кв. миль. См. Grassauer, Landeskunde von Oestreich-Ungarn, Wien, 1875, S. 7—17.

правляетъ ихъ жизнь и даетъ имъ значеніе и видную роль въ системѣ земель этой части Европы. Устремляя свои обильныя воды съ запада на востокъ (съ нѣкоторыми уклопеніями) — къ Черному морю, онъ сообщаетъ в исторической жизни всей дунайской территоріи то же самое направленіе, ибо всегда теченіемъ главной рѣки опредѣляется и направленіе народной жизни¹⁾. Отсюда понятно и значеніе Чернаго моря для подунайскихъ странъ. Дунайская рѣчная система²⁾ представляетъ весьма развитую и разнообразную водную сѣть. Посредствомъ притоковъ Дуная всѣ ближнія и дальнія части этой системы тѣсно связаны другъ съ другомъ и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточиваются на Дунаѣ: онъ былъ и есть такимъ образомъ главной опорой и проводникомъ какъ промышленно-торговой, такъ и политической жизни всего края. Понятно, съ какими выгодами всегда было связано обладаніе берегами Дуная (а также и устьемъ) и какъ ради ихъ постоянно стремились къ этому обладанію сосѣдніе народы и государства, которыхъ судьба и благосостояніе отъ того зависѣли. Въ эпоху великихъ народныхъ переселеній въ Европу Дунай, предназначенный самою природою быть удобною политической границею, долженъ былъ стать оборонительною линіею сперва для Римской, и потомъ для Византійской имперіи противъ сѣверныхъ и восточныхъ варваровъ, стремившихся овладѣть богатствами цивилизованнаго юга; ему приходилось служить то мирнымъ торговымъ и промышленнымъ, то военнымъ и стратегическимъ цѣлямъ, смотря по тому, господствовали ли на немъ мирные обладатели сосѣднихъ странъ со своими интересами народнаго благосостоянія и культуры, или воинственные и полудикіе пришельцы съ востока съ своими грубыми и хищническими инстинктами.

¹⁾ Направленіемъ Дуная съ запада на востокъ опредѣляется и ходъ историческаго развитія Австро-Венгріи, которую недаромъ называютъ иногда «Дунайскимъ государствомъ».

²⁾ Бассейнъ Дуная (въ предѣлахъ Австро-Венгріи) составляетъ 7994 кв. миль. (см. Grassauer, *ibid.* S. 20).

Въ связи съ разнообразіемъ въ устройствѣ поверхности дунайскихъ земель находится подобное же разнообразіе почвы, а вылетѣ съ тѣмъ и разнообразіе въ условіяхъ жизни и родахъ дѣятельности населенія. Благодаря этому подунайскія страны издавна привлекали въ свои горы, долины и равнины поселенцевъ самыхъ различныхъ типовъ: и пастухъ-скотоводъ, и поселянинъ-земледѣлецъ, и степнякъ-кочевникъ находили себѣ тамъ пріютъ и подходящую дѣятельность. Первый пасъ свои стада и занимался кос-какими промыслами среди высокыхъ и часто неприступныхъ горъ съ ихъ разнообразными лѣсами и удобными пастбищами; поселянинъ-земледѣлецъ населялъ и обрабатывалъ плодородныя долины рѣкъ, несшихъ свои воды изъ этихъ горъ въ Дунай по холмистымъ краямъ, составляющимъ переходъ отъ области высокыхъ горъ къ низменности; онъ спускался также и въ эту низменность, заселяя тѣ ея мѣстности, которыя своимъ положеніемъ и почвою оказывались удобными для хлѣбопашества; наконецъ степнякъ-кочевникъ устремлялся въ широкую совершенно безлѣсную дунайскую равнину съ ея степнымъ и пустыннымъ характеромъ, гдѣ находилъ раздолье и просторъ и для себя и для коня своего. Охота, рыболовство и хищническіе набѣги на сосѣднее осѣдлое населеніе вполнѣ удовлетворяли его. Находясь на первобытной ступени культурнаго развитія, онъ ничего другого не искалъ и не желалъ.

Въ настоящее время Мадыры, жители этой центральной равнины на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ (этнографическая ихъ граница приблизительно совпадаетъ съ границами всей среднедунайской равнины), занимаются почти исключительно земледѣліемъ, хотя не теряютъ склонности и къ пастушескому быту; они почерпаютъ свое благосостояніе изъ своего плодороднаго *Альфьльда* (Alföld)¹⁾; во

¹⁾ Такъ называется низменна Угрія, буквально «низменность», въ противоположность Felsőföldу (возвышенность), т. е. сѣверной горной прикарпатской Угрии. Самая плодородная часть Альфьльда есть такъ называемый Тежешскій Банатъ. Объ Альфьльдѣ срв. Петерсонъ, въ названномъ сочиненіи, стр. 46—58.

если и нынѣ земледѣльцу этого Альфѣльда приходится не мало бороться съ неблагопріятными почвенными условіями (слишкомъ большою сухостью или чрезмѣрною влажностью), то въ глубокую древность здѣшняя почва была конечно еще несравненно менѣе удобна для правильнаго занятія хлѣбопашествомъ. Надо имѣть въ виду, что во времена доисторическія, какъ утверждаютъ геологи, и большая и малая дунайскія низменности были скрыты подъ водою нѣкогда существовавшаго здѣсь внутренняго моря, а потому представляютъ территорію сравнительно молодую по своему образованию. Естественно, что болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ эта почва была слишкомъ еще тучною и влажною, подвергалась безпрестаннымъ обильнымъ наводненіямъ и слѣдовательно не представляла благопріятныхъ условій для обработки. Осѣдлый житель земледѣлецъ предпочиталъ болѣе высокія и болѣе защищенныя мѣстности, такъ что низменныя степныя пространства (пустошь, «пуста», мадьярск. *puszta*) со своими богатыми лугами оставались почти вовсе незаселенными, пока не овладѣвали ими толпы пришлыхъ съ востока кочевниковъ, которымъ только нужны были степной просторъ и обильный подножный кормъ для лошадей и прочаго ихъ скота.

Понятно, въ какой тѣсной связи всегда находится историческая судьба и культурное развитіе населенія съ природными условіями и характеромъ территоріи. Этнологическія явленія развиваются въ прямой зависимости отъ этихъ условій. Устойчивость народонаселенія въ горахъ и сравнительная его обезпеченность отъ внѣшнихъ враговъ имѣютъ главнымъ слѣдствіемъ то, что въ горной странѣ древнѣйшее населеніе и древнѣйшая культура держатся несравненно долѣе, чѣмъ въ странѣ равнинной и низменной. Въ меньшей зависимости отъ природнаго характера страны находится и политическое развитіе народа. Въ осѣдломъ земледѣльческомъ населеніи равнины, подъ вліяніемъ постоянной опасности отъ непріятельскихъ вторженій и сопряженныхъ съ ними бѣдствій, рано зарождается и развивается сознаніе общности интересовъ и мысль о необходимости слоченія и единенія (что и служитъ факто-

ромъ въ образованіи политическихъ союзовъ, а потомъ и государствъ). Въ жизни горцевъ мы видимъ совершенно другое: здѣсь каждому присуще сознание сравнительной безопасности отъ внѣшнихъ невзгодъ, всякій живетъ самъ по себѣ, сообразуясь въ своихъ нуждахъ и образѣ жизни съ суровой природой и съ тѣмъ, что она можетъ ему дать. Горцы не чувствуютъ такой потребности во взаимной помощи и въ общемъ союзѣ, и потому у нихъ обыкновенно медленнѣе развиваются начала государственнаго и политическаго сплоченія въ одно цѣлое.

Всѣ эти и подобныя явленія не могли конечно не сказаться и въ исторіи и этнологіи дунайской территоріи: и здѣсь въ мало доступныхъ горахъ (Альпахъ, Карпатахъ, Судетахъ) удержалось наиболѣе первобытное населеніе, хотя мѣстами и подвергшееся нѣсколько вліянію тѣхъ народныхъ элементовъ, которые въ теченіе вѣковъ, въ эпохи бурныхъ событій на Дунаѣ, искали убѣжища въ этихъ горахъ и иногда поселялись въ нихъ окончательно. Иное явленіе происходило въ среднедунайской равнинѣ. Къ вліянію ея природнаго характера присоединялось и вліяніе ея исключительнаго географическаго положенія — на пути народныхъ передвиженій съ востока на западъ и югъ Европы. Несмотря на свое сравнительно замкнутое положеніе, дунайская низменность была доступна съ разныхъ сторонъ. Проходами сѣверныхъ и восточныхъ Карпатовъ проникали въ нее въ періодъ народныхъ переселеній полуосѣдлые народы сѣвера и востока Европы, искавшіе новыхъ жилищъ на западъ и югъ и тутъ на Дунаѣ вступавшіе въ борьбу съ дряхлѣвшимъ древне-римскимъ міромъ, на развалинахъ котораго они были призваны начать новую жизнь и основать собственное могущество. Южнымъ или вѣрнѣе юговосточнымъ путемъ по Дунаю вторгался въ нее кошныя племена степныхъ кочевниковъ, для которыхъ горные лѣсистые края не могли быть доступны и которые изъ южныхъ степей Россіи направлялись постоянно тѣмъ же удобнымъ для нихъ путемъ къ нижнему Дунаю — низменностью нынѣшней Валахій, вдоль по его теченію, и у такъ называемыхъ Желѣз-

ныхъ Воротъ» (между Банатскими и Сербскими горами) проникли въ среднедунайскую равнину. Естественно поэтому, что въ послѣдней никакимъ образомъ не могло сохраниться древнѣйшее первобытное населеніе. Въ эпоху великаго переселенія она была ареной непрерывныхъ передвиженій, столкновеній и борьбы народовъ и племенъ, приливавшихъ съ востока и съвера. Это бурное время мало по малу искоренило тѣ элементы первоначальнаго осѣдлаго населенія, которые существовали здѣсь въ кельто-оракійскую, а затѣмъ въ культурную римскую эпоху, но не замѣнило ихъ никакимъ другимъ осѣдлымъ населеніемъ. Лишь послѣ распадѣнія гуннской державы начался процессъ заселенія входившихъ въ нее странъ новымъ земледѣльческимъ народомъ (Славянами), который быстро и безъ особеннаго шума распространился по всѣмъ направленіямъ въ сравнительно обезлюдѣвшія земли. Тогда-то совершенно измѣнилась картина подунайской территоріи; измѣнилось и положеніе дѣлъ въ равнинѣ. Самая центральная и низменная часть ея оставалась, правда, и послѣ того мало населенною осѣдлыми жителями и подверженною всякимъ случайнымъ напастямъ, но за то вся, природою болѣе защищенная, холмистая полоса ея, прилегающая къ возвышенностямъ, не подвергалась уже болѣе такимъ кореннымъ этническимъ превращеніямъ, какъ прежде. Послѣдующія вторженія кочевыхъ ордъ съ востока не были уже въ состояніи совершенно согнать или искоренить осѣдлое населеніе этихъ мѣстностей. Неожиданный набѣгъ дикихъ пришельцевъ производилъ конечно не малое смятеніе и панику въ осѣдлыхъ жителяхъ: многіе изъ нихъ убѣгали и скрывались въ сосѣднихъ горахъ, но большинство покорялось новымъ господамъ и хотя должно было удовлетворять ихъ въ видѣ дани плодами своего земледѣльческаго труда, составлявшими все ихъ богатство, всетаки мирилось съ своимъ положеніемъ, ибо слишкомъ дорожило своею осѣдлостью и своею землею и вѣрило, что господство кочевниковъ по ограниченности ихъ числа и силъ должно будетъ рано или поздно прекратиться:

Мы представимъ теперь краткую характеристику отдѣльныхъ дунайскихъ странъ, входящихъ въ область нашего изслѣдованія,—со стороны ихъ природныхъ особенностей, территориальныхъ условій и исторической роли.

На сѣверъ отъ Нижняго Дуная простирается обширная *Молдаво-валашская низменность*, составляющая нынѣ княжество Валахію и южную часть Молдавіи. Отроги Карпатскихъ горъ, окаймляющихъ ее съ сѣвера, занимаютъ всю сѣверную часть Молдавіи и тянутся еще далѣе на востокъ по Бессарабіи; въ Валахіи они не простираются южнѣе самыхъ сѣверныхъ ея окраинъ. Низменность эта отъ устья Дуная продолжается на сѣверо-востокъ берегомъ Чернаго моря и сливается тамъ съ необозримой степной равниной южной Руси. Многочисленные и многоводные притоки Дуная орошаютъ ее, вытекая изъ Трансильваніи или изъ южнаго Карпатскаго хребта и устремляясь въ Дунай то прямо въ южномъ, то въ юговосточномъ направленіи. Важнѣйшіе изъ нихъ—Прутъ и Сереть, берущіе начало въ Буковинѣ, Яланица, Арджисъ съ притокомъ Дымбовицей, Алута (Олту), вытекающая изъ Трансильваніи, изъ земли Секлеровъ, протекающая въ Валахію извѣстнымъ Ротертурмскимъ проходомъ (Rotherthurg, Красная Вѣжа) и раздѣляющая Валахію на Великую и Малую, и наконецъ Шяль (Schyl), орошающая Малую Валахію. Понятно, что историческое и культурное значеніе этого края опредѣляется прежде всего Дунаемъ, на которомъ сосредоточиваются всѣ жизненные интересы побережныхъ странъ и народовъ¹⁾. Такое географическое положеніе молдо-валашской равнины на нижнемъ теченіи одной изъ величайшихъ и судоходнѣйшихъ рѣкъ Европы представляетъ множество выгодъ въ политическомъ и промышленно-торговомъ отношеніяхъ, и оно-то во всѣ времена привлекало къ ней вниманіе сосѣднихъ племенъ и государствъ²⁾.

¹⁾ Не даромъ Молдавія и Валахія носятъ названіе «Дунайскихъ княжествъ».

²⁾ Извѣстно, какъ въ средніе и новыя вѣка стремилась къ преобладанію на нижнемъ Дунаѣ сперва Угрія, потомъ Австрійская имперія. Современныя

Находясь на пути народных движеній съ востока, Молдо-валашская низменность издавна была ареной какъ взаимныхъ столкновеній варваровъ, переселявшихся изъ невѣдомыхъ скипскихъ предѣловъ, такъ и борьбы этихъ варваровъ съ древнимъ Римомъ и потомъ Византіей. Служа всегда удобной стоянкой для степныхъ кочевниковъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ довольно рано привлекала къ себѣ своимъ плодородіемъ и осѣдлое населеніе, которое однако не могло пустить здѣсь глубокихъ корней вслѣдствіе періодически повторявшихся варварскихъ набѣговъ, и потому довольно часто мѣнялось въ своемъ составѣ подъ влияніемъ прилива въ опустѣвшій край новаго населенія то съ сѣвера—изъ странъ карпатскихъ или съ сѣверовостока—съ береговъ Днѣстра, Буга и Днѣпра, то съ юга изъ-за Дуная. Для насъ эта низменность, особенно восточная ея половина, имѣетъ специальный интересъ и значеніе, какъ временное мѣстопробываніе Угровъ на пути ихъ переселенія въ новую родину, извѣстное изъ показанія Константина Багрянороднаго подъ именемъ «Ателькузу» (междорѣчья).

Цѣпь Карпатскихъ горъ отдѣляетъ Молдавію и Валахію отъ *Трансильваніи*¹⁾, представляющей (на подобіе Чехіи или Тироля) замкнутую горную страну, которой внутренняя часть въ сравненіи съ дунайской равниной и молдо-валашской низменностью не можетъ быть названа иначе, какъ возвышенностью²⁾. Впрочемъ расположеніемъ своей горной системы и въ гидрографическомъ отношеніи Трансильванія составляетъ нѣчто

намъ событія достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ту же самую цѣль имѣетъ постоянно въ виду дальновидная германская политика.

¹⁾ Трансильванія (Transilvania) значитъ «зальсье», «земля по ту сторону зѣса». Названіе это встрѣчается уже въ средневѣковыхъ латинскихъ хроникахъ. Мадыры называли ее *Erdély*, *Erdélyország* (зѣсная страна), а Пѣицы позднѣе *Siebenbürgen* (отъ Cibinburg на р. Cibin), что Славяне ошибочно перевели *Седмиградіе*.

²⁾ Долины Трансильваніи расположены на 1100--1300' выше равнинъ Молдавіи, Валахіи и Угрии. *Krones, Handbuch d. Gesch. Oesterr., Berlin, 1867, S. 551.*

цѣлое съ Угріей; водами своими она связана какъ съ Валахіей, такъ и вообще съ Дунаемъ и его берегами. Имѣя двойное пониженіе и на сѣверъ, и на западъ, она окаймляется съ востока высокою и наименѣе доступною (хотя ее и пересѣкають нѣскольکو проходовъ) горною цѣлью, составляющею непосредственное продолженіе сѣверныхъ Карпатовъ; къ этой цѣли примыкаетъ съ юга (у прохода Törzburg) южный пограничный хребетъ, извѣстный подъ именемъ «Трансильванскихъ Альпъ», не уступающій своею высотой восточному. Далѣе отъ прохода Вулкана до р. Мароша съ югозападной стороны тянутся Банатскія горы, а западную границу (отъ р. Мароша до Самоша и Кэрѣша) образуютъ такъ называемыя Трансильванскія «Рудныя горы», наименѣе высокія изъ всѣхъ, но за то изобилующія благородными металлами (золотомъ и серебромъ) и вообще имѣющія не малое значеніе въ культурно-историческомъ отношеніи. Внутри страны значительныхъ горъ нѣтъ, точно такъ же какъ нѣтъ и большихъ равнинъ. Между равнинами главное мѣсто занимаютъ долины главныхъ рѣкъ (Мароша, Самоша и Алуты). Въ гидрографическомъ отношеніи Трансильванія всецѣло принадлежитъ къ бассейну Дуная; ее орошаютъ слѣдующія значительныя рѣки: притоки Тиссы Марошъ и Самошъ (образуемый великимъ и малымъ Самошемъ), Кэрѣшъ и притокъ Дуная Алута. Съ сосѣдними землями она соединена горными проходами, между которыми важное мѣсто занимаютъ долины названныхъ рѣкъ. Наиболѣе удобные пути сообщенія представляютъ горные проходы въ южномъ хребтѣ, что не могло не отразиться на историческихъ и этническихъ судьбахъ Трансильваніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Валахіи. Высота и сравнительная недоступность восточной цѣли Карпатовъ имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи этого края: она преграждала восточнымъ варварамъ путь на западъ въ дунайскія земли съ этой стороны и заставляла ихъ обращаться на юговостокъ вдоль берега Чернаго моря къ нижнему Дунаю въ его просторную и привольную для кочевниковъ извѣстность. Уже отсюда, изъ Малой Валахіи, они, все слѣдуя

вверхъ по Дунаю, прорывались въ великую среднедунайскую и тисскую равнину наиболее доступными долинами гористаго лѣваго берега Дуная, стѣсненнаго здѣсь между Сербскими и Банатскими горами (у такъ называемыхъ «Железныхъ Воротъ»). По своему геологическому строенію и въ отношеніи къ ископаемымъ Трансильванія имѣетъ много общаго съ Чехіей. И до сихъ поръ кое-гдѣ существуютъ въ ней золотые и серебряные рудники, въ древности же эти подземныя сокровища пользовались обширною извѣстностью и славою. Почва этой территоріи должна быть названа историческою въ полномъ смыслѣ слова: слѣды дако-римской культуры разбросаны по ней всюду, на ея развалинахъ послѣ вѣковаго затишья и мрака возникли многіе нынѣшніе города. Многочисленныя славянскія названія горъ, рѣкъ и мѣстечекъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о давнишнихъ славянскихъ поселеніяхъ, нѣкогда распространенныхъ по всей странѣ, и заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдователя славянскихъ древностей, въ области которыхъ древней Дакіи должно быть во всякомъ случаѣ отведено далеко не послѣднее мѣсто.

Съ запада и сѣвера къ Трансильваніи примыкаетъ *Угрія*, самую существенную часть которой составляетъ обширная низменность, окаймленная простирающимся на сѣверѣ и западѣ горными возвышенностями. Въ орографическомъ отношеніи Угрію всего правильнѣе дѣлить на слѣдующія четыре главныя части: 1) сѣверо-угорская (карпатская) горная возвышенность; 2) верхне-угорская малая дунайская равнина; 3) западно-угорская возвышенность съ отрогами Альпъ, и 4) великая центральная низменность Дуная и Тиссы или нижнеугорская равнина. Мадыры дѣлятъ свою родину на двѣ главныя половины: 1) сѣверную горную область *Felföld* и 2) южную низменную страну *Alföld*. О степномъ безлѣсномъ характерѣ, не совсѣмъ благоприятныхъ почвенныхъ условіяхъ и исторической роли центральной тиссодунайской низменности уже было говорено выше. Западная часть сѣверо-угорской территоріи, гдѣ Карпаты тянутся отдѣль-

ными разрозненными группами между дунайскими притоками — Вагомъ, Нитрой и Грономъ, орошающими этотъ край, и гдѣ кряжъ «Малыхъ Карпатовъ» отдѣляетъ малую дунайскую равнину отъ равнины Моравы, очень рано выдвинулась въ историческомъ отношеніи. Въ занимающую насъ эпоху этотъ край входилъ въ составъ древней Моравіи и былъ заселенъ исключительно Славянами (предками нынѣшнихъ Словаковъ). Здѣсь находилось извѣстное Нитранское княжество, игравшее не послѣднюю роль въ исторіи объединенія дунайскаго славянства въ IX вѣкѣ. На самой западной окраинѣ этой сѣверо-карпатской области на берегу Дуная при устьѣ р. Моравы возвышается городъ Тебенъ (Theben), происхождение котораго нѣкоторые относятъ еще къ эпохѣ древнеславянской (Theben—Дѣвнитъ?). Впослѣдствіи здѣсь возникъ не менѣе важный въ историческомъ отношеніи мадыро-нѣмецкій Прессбургъ (мад. Posony).

Не менѣе замѣчательную историческую почву представляетъ югозападная нагорная часть Угрии на правой сторонѣ Дуная, огибающаго ее съ сѣвера и востока; съ юга ее окаймляетъ Драва. Ея возвышенность составляютъ развѣтвленія восточныхъ Альпъ, а самый главный кряжъ тянется по направленію съ югозапада на сѣверовостокъ, въ самый уголъ, образуемый Дунаемъ, и носитъ названіе Баконскаго лѣса (Bakonywald). На югъ отъ него находятся исторически извѣстное и составляющее украшеніе страны Блатенское озеро (древн. lacus Pelso, мадыр. Balaton, нѣмец. Plattensee); другое угорское озеро, Нейзидлерское — сравнительно позднѣйшаго образованія — расположено въ сѣверо-западномъ углу этой территоріи, въ предѣлахъ малой угорской равнины, орошаемой р. Раабомъ съ притоками. Историческія воспоминанія, связанныя съ этимъ краемъ, и при томъ какъ съ центральными его частями, такъ и съ берегами Дуная, восходятъ къ временамъ римскаго владычества, когда онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Панноніи* (надолго за нимъ сохранившимся). Занимая видное мѣсто среди римскихъ пограничныхъ провинцій, особенно въ политическомъ отношеніи, Паннонія рано испытала вліяніе и рим-

ской культуры. Для насъ однако ея историческое значеніе опредѣляется прежде всего выдающюся ролью ея въ исторіи дунайскаго славянства. Здѣсь, на берегахъ Блатенскаго озера, процвѣтало въ IX вѣкѣ княжество Прибыны и Коцела, судьба котораго неразрывно связана съ первоначальнымъ и, къ сожалѣнію, непродолжительнымъ развитіемъ политической и культурной жизни Славянъ на среднемъ Дунаѣ. Средняя и восточная части сѣверо-угорской горной страны, лежащая пѣсколько въ сторонѣ отъ главной сцены занимающихъ насъ историческихъ событій, находятся въ области сѣверной и сѣверовосточной цѣпей Карпатовъ, которую составляютъ другъ къ другу примыкающія горныя группы: Матра, Татры, Бескиды, Гернадъ-Бодрогская группа (мад. Hegyallya), Іѣсные Карпаты и проч. Съ Галиціей эта страна соединена не особенно многочисленными, но важными горными ходами, служившими издревле путями сообщенія для прикарпатскаго населенія и военными дорогами для воинственныхъ племенъ и полчищъ, въ разное время вторгавшихся въ земли средняго Дуная съ далекаго сѣвера и востока (Германцы, Сарматы, потомъ Славяне). Долина верхней Тиссы и ея притоковъ отличается плодородіемъ и вообще благопріятными условіями для осыдой земледѣльческой жизни, но по мѣрѣ углубленія въ горы природа становится суровѣе и плодородіе почвы замѣняется внутренними ископаемыми богатствами. Такъ пазываемый Мармарошъ изобилуетъ также соляными копами, извѣстными уже въ глубокой древности. Вся эта карпатская территорія съ самаго начала славянскаго расселенія на западъ (съ к. V в.) была заселена Славянами, распространившими отсюда свои поселенія и по окраинамъ тиссо-дунайской равнины, на сколько позволяла большею частію слишкомъ открытая, совѣмъ безлѣсная и низменная мѣстность. Условія горной страны, удаленной отъ всѣхъ средисѣковыхъ культурныхъ центровъ, не дали этимъ Славянамъ сплотиться и принять участіе въ культурно-политическомъ разцвѣтѣ ихъ западныхъ соплеменниковъ въ знаменательную эпоху IX вѣка.

Изъ Угріи переходимъ къ такъ называемой *Герцино-Судетской* горной системѣ. Первая и главная страна, останавливающая здѣсь наше вниманіе, это *Моравія*, получившая свое названіе отъ притока Дуная Моравы, въ бассейнѣ которой она расположена, и прилегающая къ сѣверозападной части Угріи. Этотъ богато надѣленный природой и живописный край составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей той среднедунайской территоріи, въ которой сосредоточивается главный интересъ эпохи, составляющей предметъ нашего историческаго изслѣдованія. Нынѣшняя Моравія есть зерно образовавшагося въ IX вѣкѣ моравскаго союза, прославленнаго упорной борьбою съ германствомъ и самоотверженной дѣятельностью славянскихъ апостоловъ. Своею террасообразной возвышенностью Моравія находится въ связи съ Чехіей, отъ которой однако значительно отличается своимъ внутреннимъ строеніемъ. Только съ сѣверовостока, востока и юговостока она окаймлена значительными горными цѣплями: мораво-сплезскимъ Судетами и сѣверозападными Карпатами (Бескидами и Малыми Карпатами); на сѣверозападѣ она отдѣлена отъ Чехіи не высокою Чехо-моравскою возвышенностью, которая не можетъ ей сообщать съ этой стороны вполне замкнутого характера; съ югозапада и юга Моравія совершенно открыта. Если принять въ соображеніе, что и восточныя горы (Бескиды и Карпаты) доступны въ значительной мѣрѣ, то окажется, что вообще нынѣшняя Моравія отличается доступностью пзвнѣ. Не менѣе было доступно своимъ сосѣдямъ и вышнимъ вліяніямъ средневѣковое моравское княжество, котораго южныя предѣлы простирались до Дуная, а восточныя границы терялись въ великой равнинѣ дунайской. Всѣ три моравскія горныя возвышенности заключаютъ въ себѣ значительныя минеральныя богатства, бывшія въ старину предметомъ дѣятельной разработки (особенно чехо-моравская возвышенность). Что касается моравской рѣчной системы, то ее обыкновенно подраздѣляютъ на три бассейна: 1) верхне-моравскій, 2) нижне-моравскій (оба отличающіеся замѣчательнымъ

плодородіемъ), и 3) бассейнъ р. Тайи (съ притокомъ Шварцовой). Начало политической жизни Моравіи (какъ уже земли славянской) связано преимущественно съ юговосточнымъ ея угломъ, гдѣ нынѣ центральнымъ пунктомъ служитъ городъ Угорское Градище съ близлежащимъ посадомъ Велеградомъ, расположенное, какъ полагаютъ, приблизительно на мѣстѣ стариннаго знаменитаго Велеграда, столицы Моравскаго княжества и мѣстопробыванія архіепископа Меоодія. Вообще эта мѣстность, равно какъ и все нижнее теченіе Моравы, составляя коренную часть первой славянской политической организаціи на Дунаѣ, представляетъ всего болѣе интереса въ историческомъ отношеніи. Юговосточные предѣлы Моравіи важны также, какъ мѣсто частыхъ столкновеній съ восточными сосѣдями—Уграми. Со времени поселенія послѣднихъ, здѣшняя моравская граница была подвержена частымъ измѣненіямъ.

Другая страна той же герцино-судетской горной системы есть Чехія, которую также нельзя не включить въ нашъ обзоръ по ея близкимъ историческимъ и племеннымъ связямъ съ Моравіей и по той политической роли, которую она играла въ борьбѣ дунайскаго славянства съ западомъ. Чехія представляетъ котловину, отовсюду замкнутую горными хребтами и возвышенностями, и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по геологическому строенію горъ, имѣетъ сходство съ Трансильваніей и Тиролемъ. Мѣстами значительное пониженіе пограничныхъ возвышенностей, естественные горные проходы и долины рѣкъ (особ. Лавы) дѣлаютъ страну въ нѣкоторой степени доступною извнѣ. Однако доступность эта съ разныхъ сторонъ не одинакова, и этимъ изстари обуславливались различныя отношенія Чехіи къ сосѣднимъ странамъ и народамъ. Чехію окружаютъ слѣдующія горныя цѣпи: съ югозапада величавый «Чешскій лѣсъ» (Шумава), въ болѣе низкой части котораго находится извѣстный горный проходъ (Domažlice), во все время служившій важнымъ военнымъ путемъ, и потому бывшій часто мѣстомъ кровавыхъ народныхъ столкновеній; съ сѣверозапада Сосновыя и Рудныя горы, прорѣ-

зываются многими горными проходами, благодаря которым Чехія дѣлается довольно доступною съ этой стороны; за тѣмъ слѣдуетъ живописная долина Лавы, открывающая путь изъ Чехіи на дальній сѣверъ и обратно; съ сѣвера и сѣверовостока ограничиваютъ страну Лужицкія и своеобразныя Исполниновы горы, отлогія съ внутренней стороны и чрезвычайно крутыя съ внешней—въ сторону Силезіи; наконецъ на востокъ и юговостокъ тянется Чехо-моравская возвышенность, составляющая водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Лавы и Дуная и представляющая много удобныхъ путей сообщенія между Чехіей и Моравіей. Въ гидрографическомъ отношеніи Чехія можетъ быть раздѣлена на области рѣкъ Лавы, Влтавы (Молдавы) и Эгера. Центральная мѣстность этой водной системы и вмѣстѣ всей страны естественно стала средоточіемъ политической и культурной жизни Чехіи. Процвѣтанію этого края способствовали также благопріятныя климатическія и почвенныя условія. Здѣсь-то, на берегу Влтавы, развилась и столица Чехіи—Прага, въ значительной мѣрѣ обязанная историческимъ значеніемъ и развитіемъ своему выгодному центральному положенію.

Переходимъ наконецъ къ послѣдней группѣ занимающихъ насъ странъ, къ *Восточно-альпійской* горной системѣ. Эта величественная своимъ природнымъ характеромъ горная область, благодаря своей развитой системѣ долинъ, отличается особенною доступностью; ее издревле пересѣкали въ разныхъ направленіяхъ важныя пути сообщенія, а потому ее не могли миновать народныя движенія съ востока, играющія видную роль въ ея исторіи и этнологіи. Главными путями этихъ народныхъ движеній были долины Дуная на сѣверѣ, а южнѣе долины рѣкъ Дравы, Мура и Савы. Изъ самаго сердца страны идутъ пути на сѣверъ долинами притоковъ Дуная (Инна и Зальцаха, Трауна, Эжиж и др.), а на югъ въ сѣверную Италію—долинами рѣкъ, текущихъ въ Адриатическое море (Эчь, Пиаве, Изонцо и др.). Всѣ эти пути связываются многочисленными горными проходами, перевалами и ложбинами. Самую западную окраину занимающей насъ восточно-

альпійской территоріи составляет *Тироля*, страна, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ на западѣ предѣломъ распространенія славянскихъ поселеній, слѣды которыхъ донинѣ сохраняются не только въ мѣстной географической номенклатурѣ, но даже въ нѣкоторыхъ чертахъ быта и нравовъ мѣстныхъ жителей ¹⁾. Съ сосѣдними странами эта область соединена долинами рѣкъ Эчн (главный путь, которымъ Нѣмцы проникали въ южные альпійскіе края), Инна и Дравы, находящимися также въ связи другъ съ другомъ. Эти важные пути служили постоянно какъ политическимъ и военнымъ, такъ и промышленно-торговымъ цѣлямъ. Горы Тироля изобилуютъ подземными сокровищами, — различными металлами и солью, не безызвѣстными еще во времена римскаго господства. Вообще благодаря проходившимъ тутъ торговымъ путямъ на сѣверъ, этой области, и особенно пѣкоторымъ ея мѣстностямъ, принадлежитъ не маловажная культурно-историческая роль. Тирольскія горы, какъ и всѣ сосѣднія съ ними, служили съ древнихъ временъ убѣжищемъ для населенія, спасавшагося отъ бурь народныхъ движеній. Въ юговосточномъ краѣ Тироля, среди величественной горной природы, еще и теперь сохраняется остатокъ рето-ромапскаго племени, такъ называемые «Ладины».

Съ сѣверовостока къ Тиролю примыкаетъ *Зальцбургская* область. Орошаемая рѣкою Зальцею (Salzah), притокомъ Инна, она принадлежитъ исключительно дунайскому бассейну. Юговосточный уголъ (Lungau) расположенъ по верховью рѣки Мура, долина которой служила еще въ доримскій періодъ важнѣйшимъ путемъ сообщенія. Орографически Зальцбургская область примыкаетъ частью къ Тиролю и къ верхней Каринтіи, частью же къ верхней Австріи и къ верхней Штирії. Въ горахъ ея уже въ кельто-римское

¹⁾ Кромѣ прежнихъ изслѣдованій Бидермана (съ этногр. стороны: *Die Slavenreste in Tirol* въ «*Slavische Blätter*» Лукшича, I, Wien, 1866, S. 12—16; 78—83), въ послѣднее время вышелъ трудъ о славянскихъ топографическихъ названіяхъ Пустерталя г. Миттеррутцнера: *Mitterrutschner* «*Slavisches aus dem östlichen Pusterthale*» — въ гимназ. программѣ въ г. Бряксенѣ, 1879 г. Срв. ст. А. Н. Веселовскаго: «Отмеченное славянское поселеніе въ Тироли». Жур. Мин. Н. Пр. 1879 г. ноябрь, стр. 71.

время процвѣтала горная промышленность, которая еще не совсѣмъ упала и въ средніе вѣка, но затѣмъ мало по малу прекратилась вслѣдствіе истощенія подземныхъ сокровищъ. Историческая жизнь и дѣятельность мѣстнаго населенія издревле сосредоточивалась въ чудной долинѣ средняго теченія Зальцы, примѣчательной богатыми соляными копиями. Здѣсь возникъ Зальцбургъ (кельто-римскій *Juvavo*), важный пунктъ на пути оживленныхъ торговыхъ сношеній юга съ дунайскимъ побережьемъ и сѣверными странами.

На югъ и юговостокъ отъ Зальцбурга расположена *Каринтія*—центральная часть средневѣковой «Карантанія» или Хорутанія (о которой не разъ будетъ у насъ рѣчь), носящая все тотъ же характеръ альпійской природы, что и сосѣднія области. Ее орошаетъ Драва съ своими притоками, протекая прямо съ запада на востокъ — насквозь, чрезо всю страну. Такимъ образомъ сама природа предназначила Каринтію выдающуюся роль въ исторіи, такъ какъ важное значеніе пути по Дравѣ въ торговомъ, политическомъ и другихъ отношеніяхъ очевидно. О немъ свидѣтельствуется цѣлый рядъ старинныхъ городовъ, ставшихъ въ римскую эпоху значительными торговыми и вообще культурными пунктами. Горные проходы ведутъ изъ Каринтіи на сѣверъ въ Зальцбургъ и Штирію, на югъ въ сѣверную Италію и Крайну. Въ каринтійскихъ горахъ существовало также нѣкогда горное дѣло (въ окрестностяхъ Виллаха, въ мѣстечкѣ *Hüttenberg* и др.).

Каринтію омываетъ съ сѣвера и востока *Штирія* (входившая также въ составъ древней Хорутанія). Въ орографическомъ отношеніи эта область служитъ продолженіемъ главныхъ альпійскихъ крижей, идущихъ отчасти въ восточномъ, отчасти въ сѣверовосточномъ направленіи. По отношенію къ водамъ своимъ, она можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько частей, расположенныхъ по теченію слѣдующихъ главныхъ рѣкъ: верхней Энци, Мура, текущаго сперва на сѣверовостокъ, потомъ круто поворачивающаго на югъ и орошающаго большую часть всей области, затѣмъ Дравы и наконецъ Савы, образующей ея южную границу. Долины этихъ рѣкъ

представляютъ удобные пути сообщенія съ сосѣдними странами. Штирія наиболее доступна съ востока, со стороны Угрии, что и должно было отразиться на ея исторической и этнологической судьбѣ¹⁾. Въ горахъ Штирии (особенно въ восточныхъ отрогахъ) долго сохранялись остатки древнѣйшихъ слоевъ населенія (кельто-романскаго, потомъ славянскаго). На равнинахъ рѣкъ, особенно Мура и Дравы, всегда сосредоточивалась культурно-историческая жизнь всего края, въ предѣлахъ коего всюду разбросаны воспоминанія о кельто-римской эпохѣ и слѣды римской культуры (кельто-римскіе города Pettau — Petovio, Cilli — Celejja и другіе).

Расположенная къ югу отъ Штирии *Крайна* — страна и теперь славянская, главное зерно хорутанскаго племени (единственныхъ потомковъ нѣкогда широко распространенныхъ Словенцевъ), лежитъ въ сторонѣ отъ занимающей насъ исторической сцены и только сѣвѣрною своею частію принадлежитъ бассейну Дуная (именно Савы и ея притоковъ). На востокъ отъ Крайны и на юговостокъ отъ Штирии примыкаетъ къ альпійской территоріи страна *между Савой и Дравой* (древняя такъ назыв. *Savia*) и отчасти между Савой и Кульпой, куда входитъ большая часть областей Хорватія и Славонія. Страна эта не можетъ быть опущена въ нашѣмъ обзорѣ, какъ тѣсно связанная исторически и этнологически съ сосѣдней среднедунайской территоріей. Будучи рано (съ VI в.) заселена Славянами, она всегда играла видную роль въ исторіи какъ дунайскаго, такъ и южнаго славянства. Уже самое ея географическое положеніе по теченію такихъ важныхъ дунайскихъ притоковъ, каковы Драва и Сава, ясно говоритъ о томъ политическомъ и культурномъ значеніи, которое она должна была имѣть во всѣ эпохи своей исторической жизни. Географически она принадлежитъ еще альпійскому міру, хотя восточныя

¹⁾ Здѣсь нѣтъ никакой естественной границы, а потому не удивительно, что искусственная политическая граница не могла быть прочною и постоянно колебалась, что замѣтно еще въ римскую эпоху, когда тутъ граничили области Норикъ и Паннонія.

части Славоніи своимъ характеромъ и флорою уже приближаются къ угорской равнинѣ.

Въ заключеніе намъ осталось сказать еще объ одномъ краѣ, принадлежащемъ въ своей главной части также къ альпійской горной системѣ. Край этотъ — области *Верхней* и *Нижней Австріи*, первоначальное зерно нынѣшней Австрійской монархіи, лежащая на сѣверъ отъ Штиріи и Зальцбурга по обѣ стороны Дуная. Разумѣется, ихъ географическое положеніе по теченію этой великой рѣки дастъ имъ первостепенную роль въ исторіи. Берега Дуная на всемъ протяженіи этой территоріи весьма разнообразны, вѣтви Альпійскихъ горъ то образуютъ здѣсь довольно открытую мѣстность, то подступаютъ къ самому берегу. Въ культурно-историческомъ отношеніи эти берега представляютъ высокій интересъ. Многіе придунайскіе города этого края ведутъ свое происхожденіе отъ римскаго времени и связаны съ цѣлымъ рядомъ историческихъ воспоминаній. Нѣкоторые изъ нихъ рано выдвинулись, какъ важные пункты на торговыхъ путяхъ. Такъ Лицицъ (на правомъ берегу) представляетъ собою узелъ путей сообщенія, соединяя югъ съ сѣверомъ — долиною рѣки Трауна и важною дорогою въ Чехію (черезъ нын. Freistadt). Вѣна издавна (въ римское время — Vindobona) приобрѣла преобладающее политическое и стратегическое значеніе своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо она какъ бы охраняетъ входъ по Дунаю въ альпійскую горную страну — съ одной стороны изъ малой угорской равнины, съ другой — изъ моравской равнины. Въ верхней Австріи находится интересный край, такъ называемый *Замкаштутъ* по верхнему теченію рѣки Трауна, заслужившій по справедливости названіе Австрійской Швейцаріи. Онъ извѣстенъ богатыми соляными копами (откуда и названіе), разработка которыхъ повидному началась очень рано, еще въ до-римскую эпоху. Въ историческомъ отношеніи очень важенъ восточный край нижней Австріи, т. е. равнина нижней Моравы, отличающаяся особеннымъ плодородіемъ почвы; здѣсь сходились важные пути съ сѣвера и съ юга, съ запада и съ востока, что

дѣлало изъ этой мѣстности арену частыхъ и рѣшительныхъ народныхъ столкновений; здѣсь былъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ встрѣчались и боролись военныя силы народовъ востока и запада, гдѣ орды восточныхъ кочевниковъ торжествовали или встрѣчали отпоръ со стороны культурныхъ народовъ западной Европы, здѣсь по преимуществу велась упорная борьба дунайскихъ Славянъ съ Нѣмцами въ IX вѣкѣ, здѣсь наконецъ окончательно восторжествовали надъ тѣми и другими Угры, съ утвержденіемъ которыхъ на среднемъ Дунаѣ начнется новая историческая эпоха въ земляхъ нынѣшней Австро-Венгрія.

Обратимся теперь къ исторической судьбѣ только-что разсмотрѣнной дунайской территоріи и прослѣдимъ ее въ главныхъ ея чертахъ и важнѣйшихъ моментахъ, имѣя въ виду на первомъ планѣ этническіе перевороты, которымъ она издавна подвергалась¹⁾.

¹⁾ Не мѣшаетъ здѣсь заранѣе оговориться, что всплывшее въ послѣднее время, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ (Шемберы (Západní Slované v pravěku, 1868), Сасинка (Dejiny drievn. národ. na území terajš. Uhorska, 1867), особенно Терстеника (въ разн. статьяхъ словин. журн.: Novice, Koledar), Дринова, Засел. Балк. пол. Слав., 1872, въ «Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Р.», кн. 4, и др.) мнѣніе о *первобытности* или глубокой *давности* Славянъ на Дунаѣ, по нижнему и среднему его теченію, остается совершенно недоказаннымъ. Ученые, старавшіеся въ наше время поставить этотъ взглядъ на твердую почву, не могли привести въ пользу его никакихъ дѣйствительно новыхъ и убѣдительныхъ соображеній и доводовъ. Они продолжаютъ вращаться въ области прежнихъ избитыхъ и сомнительныхъ доказательствъ и весьма гадательныхъ предположеній, — и далѣе не двигаются... Сомнѣваемся, чтобы и дальнѣйшія изысканія въ этомъ смыслѣ увѣнчались успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ мы не считаемъ возможнымъ основать свое изложеніе на подобныхъ гаданіяхъ, а потому совершенно оставлемъ въ сторонѣ эту теорію и признаемъ первое появленіе Славянъ на Дунаѣ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуньской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ народными массами — къ VI вѣку. Другой вопросъ для насъ — возможность существованія славянскихъ поселеній въ дрептѣйшую,

Въ древнѣйшую доступную нашему наблюденію эпоху на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ жили племена *орако-иллирскія*, населявшія и всю сѣверную часть Балканскаго полуострова. Опредѣлить съ нѣкоторою точностью, насколько они простирались на сѣверозападъ и тѣ возможности. Восточную часть занимающей насъ территоріи населяла вѣтвь *оракійская*¹⁾ а западную — *ил-*

такъ называемую доримскую эпоху въ нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ краяхъ древней Дакии, напр. въ сѣверной Молдавіи и отчасти Трансильваніи. Можетъ быть дѣйствительно между дакійскими племенами, покоренными Римлянами, были и Славяне. Нельзя не согласиться, что для такого предположенія есть кое-какія основанія, хотя считать этотъ вопросъ вполне рѣшеннымъ въ этомъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, никакъ невозможно. Однимъ изъ немаловажныхъ доводовъ въ пользу этого взгляда — помимо данныхъ, представляемыхъ сохранившимися обломками дакійскихъ нарѣчій, считается извѣстное свидѣтельство Нестора о Волохахъ (Волъхахъ), произведшихъ нашествіе на Славянъ дунайскихъ и покорившихъ ихъ (Лѣтоп. по Лаврент. св. Спб. 1872 г., стр. 5). Въ этомъ сказаніи находятъ возможнымъ видѣть смутныя воспоминанія о завоеваніи Дакии Римлянами при Троянѣ и о происшедшемъ вслѣдствіе того движеніи среди населявшихъ ее племенъ. Срв. Срезневскій въ рецензіи на трудъ Миклошича: *Slavische Elemente im Rumunischen*, Wien, 1861, *Извѣстія Отдѣл. рус. яз. и слов.*, т. X, вып. 2, стр. 144—145. Срв. Брунъ, *Черноморье*, I (1879) «О родствѣ Гетовъ съ Даками и проч.», стр. 265 и слѣд. Дриновъ, *Засел. Балк. пол. Слав.*, стр. 82, 83 etc. Такого же взгляда о возможности существованія мѣстнаго преданія о римскомъ завоеваніи, дошедшаго тѣмъ или другимъ путемъ и до нашего лѣтописца, держится и академикъ А. А. Куникъ, хотя прежде онъ противопоставилъ ему другое предположеніе, что «до Нестора могло дойти ученое мнѣніе, происшедшее изъ примѣненія извѣстій классическихъ писателей къ древнѣйшимъ Славянамъ». При этомъ Куникъ думалъ о польскомъ впливѣ на Нестора, имѣя въ виду басни польскихъ историковъ среднихъ временъ о завоеваніяхъ Галловъ и Римлянъ. Уже въ 1860 г. Куникомъ была выражена та же мысль, что это мѣсто Нестора есть «отголосокъ южной краковской учености XI вѣка». Замѣчанія Куника къ статьѣ Погодина «Гедеоновъ и его система». Приложение къ VI т. *Запис. И. Ак. Н.* № 2, 1864 г. стр. 54—56. Нынѣ же Куникъ совершенно оставилъ этотъ взглядъ. Однакожъ и въ упомянутомъ господствующемъ толкованіи извѣстія о Волохахъ замѣтна всетаки нѣкоторая натяжка. Нельзя не признать болѣе правдоподобія въ предположеніи, что Несторъ разумѣлъ тутъ современное ему движеніе Волоховъ съ юга, изъ-за Дуная на сѣверъ, слухи о которыхъ не могли не дойти до него и начало котораго онъ относилъ къ болѣе древнему времени (мнѣніе В. И. Ламанскаго).

¹⁾ Въ Трансильваніи по Геродоту жили Агаирсы, которыхъ признаютъ племенемъ родственнымъ Оракійцамъ и какъ-бы среднимъ звеномъ между Оракійцами и Скиоскими народамъ, *Roesler, Rom. Stud.*, S. 8.

иллирская. Первый переворотъ въ этническомъ составѣ дунайскихъ странъ произвелъ кельтскій погромъ въ IV вѣкѣ. Послѣ прихода и расположенія *Кельтовъ* на среднемъ Дунаѣ, обнаруживается здѣсь новое распределение народностей. На востокъ выступают на сцену новыя оракійскія племена: появляются *Геты* (перешедшіе съ праваго берега Дуная), а затѣмъ рядомъ съ ними выдвигаются мало по малу и *Даки*. Отношеніе ихъ другъ къ другу для насъ неясно¹⁾.

На западѣ Кельты, прострившіеся не далѣе Тиссы²⁾, подавили своею массою прежнее, вѣроятно очень не густое иллирское населеніе. Нѣкоторыя иллирскія племена на западѣ (Реты, Истрийцы) продолжали послѣ того существовать среди Кельтовъ; остальное было мало по малу поглощено послѣдними.

Кельты дѣлились на *Босовъ* (въ нынѣшней Богеміи, на востокъ до отроговъ Карпатскихъ, на югъ и юго-востокъ до Дуная и средней Тиссы), *Таурисковъ* (въ нынѣшней Штирии, Каринтіи и Зальцбургѣ) и *Скордисковъ* (на юго-востокъ отъ послѣднихъ по Дравѣ, Савѣ и Дунаю и еще южнѣе). Въ I вѣкѣ до Р. Х. послѣ объединенія дакійскихъ племенъ (при Бурвистѣ) происходитъ столкновение ихъ съ Кельтами. Бой отгѣсняются изъ земли между Тиссой и Дунаемъ далѣе на западъ, а ихъ прежнія жилища становятся извѣстными подъ именемъ «Бойской пустыни». По распаденіи союза Бурвисты появляются на Дунаѣ нѣкоторыя новыя племена; такъ откуда-то съ сѣвера въ дунайскую и тисскую равнины спускается сарматское племя *Лыговъ* и занимаетъ «Бойскую пустыню», отгѣснивъ на востокъ распространившихся сюда *Даконъ*³⁾. Такимъ образомъ къ началу новой христіанской эры дунайская территория представляетъ слѣдующую этниче-

¹⁾ См. объ этомъ *Roesler*, *Rom. Stud.* главы: *Die Geten* (1—25), *Die Dacier* (25—63), также Брунъ, *Черноморье*, ч. I, Одесса, 1879, статья «О родствѣ Даковъ съ Гетами», стр. 241—277.

²⁾ Дриновъ. *Заселеніе Балк. полуостр. Слав.*, Чтенія О. И. и Др., 1872, кн. 4, стр. 67.

³⁾ *Roesler*, *ibid.*, 8. 29.

скую картину: на западѣ, въ альпійскомъ краѣ, сохранялись нѣкоторыя племена орако-иллирской семьи (напр. Реты), хотя и не безъ кельтской примѣси. На среднемъ Дунаѣ, въ Чехии, Моравии, древнемъ Норикѣ и Паннонии, на Савѣ и Дравѣ господствовали Кельты, среди которыхъ кое-гдѣ держались скудные остатки прежняго (иллирскаго) населенія. Далѣе на востокъ между Дунаемъ и Тиссою сидѣли Языги. Нынѣшнюю восточную Угрію, Трансильванію, Буковину, Молдавію и Валахію населяли племена гето-дакійскія.

Таково было населеніе дунайскихъ странъ, когда имъ суждено было подвергнуться вліянію двухъ противоположныхъ силъ, которыя подвигались на встрѣчу другъ другу и которымъ неизбежно предстояло столкнуться на ихъ почвѣ. Силы эти были — *Римская имперія* съ одной стороны, *германскіе* и *сарматскіе* народы съ другой. Германцы уже занимали тогда среднюю Европу и господствовали между Одеромъ и Рейномъ. Римляне были готовы водворити свое владычество на берегахъ средняго Дуная ¹⁾.

Цезарь до Р. Х. (ок. 15 г.) Римляне съ большимъ трудомъ и потерями завоевали наконецъ Паннонію, Норикъ, Рецію и Винделицію. Земли съ исключительно кельтскимъ населеніемъ (Норикъ) оказали при этомъ несравненно менѣе сопротивленія, чѣмъ земли съ отчасти сохранившимся еще орако-иллирскимъ населеніемъ (особенно Паннонія).

На востокѣ, послѣ вторичнаго объединенія дакійскихъ племенъ при могущественномъ Децебалѣ, Римъ встрѣтилъ сильныхъ и упорныхъ противниковъ. Только въ началѣ II вѣка по Р. Х. Трояну удалось завоевать и Дакию (105 г.). Жившіе между Дунаемъ и Тиссою Языги вѣроятно также признали верховную власть Рима. Такимъ образомъ со II вѣка въ дунайскихъ странахъ водворилось римское господство, а съ нимъ долженъ былъ начаться переворотъ и въ этническомъ составѣ земель, под-

¹⁾ Въ 35 г. до Р. Х. Октавіанъ овладѣлъ Сегестой (Segesta, рим. Siscia, нын. Sisek) при впаденіи р. Кузы въ Саву. Этими онъ положилъ основаніе завоеванію Панноніи.

вергшихся римской колонизаціи. Излишне было бы для наших цѣлей распространяться объ утвержденіи въ завоеванной территоріи римскихъ порядковъ, римскаго вліянія и культуры. Извѣстно, какпхъ результатовъ въ дѣлѣ романизаціи достигли Римляне въ дунайскихъ странахъ, благодаря своей изумительной дѣятельности, настойчивости и послѣдовательности, и несмотря на то, что съ самаго начала имъ пришлось стать въ оборонительное положеніе и отражать напоръ сѣверныхъ варваровъ, которые съ постоянно возрастающими силами и дерзостью напирали на границы римскихъ владѣній.

Успѣхи романизаціи зависѣли конечно отъ мѣстныхъ территоріальныхъ и этнологическихъ условій. Чѣмъ благопріятнѣе они были для развитія римской жизни и культурной дѣятельности, тѣмъ глубже и прочнѣе, разумѣется, пускала корни въ тѣхъ мѣстахъ римская колонизаціи, тѣмъ успѣшнѣе и скорѣе шло ороманеніе туземнаго населенія. Конечно въ мѣстностяхъ, важныхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, въ удобныхъ для разработки альпійскихъ долинахъ, отчасти по берегамъ самого Дуная и особенно его притоковъ, Римляне первоначально утвердились прочнѣе, чѣмъ въ мало доступныхъ горахъ, куда они проникли уже позже (спасаясь отъ варварскихъ нашествій), и въ широкихъ долинахъ и низменностяхъ.

Изъ дунайскихъ странъ на западѣ подверглись значительной романизаціи Норикъ и Паннонія ¹⁾ (гораздо позже Реція), на востокѣ римская жизнь и культура развились съ особенною силою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дакии, а именно: въ нынѣшнемъ Банатѣ, въ западной и центральной частяхъ Трансильваніи и въ Малой Валахіи ²⁾. Отсюда Римляне распространяли свое вліяніе и въ остальные края обширной дакійской области. Между тѣмъ средняя полоса дунайской территоріи, низменность между Дунаемъ и

¹⁾ Въ этихъ областяхъ романизаціи шла весьма не равномерно. См. *Kamml, Die Anf. deutsch. Leb. in Oesterr.* (1879) S. 103.

²⁾ *Jung, Roemer und Romanen in den Donauländern, Innsbr., 1877, S. 105 Roesler, S. 46.*

Тиссою, и на востокъ отъ Тиссы, осталась совершенно внѣ римской колонизаторской и культурной дѣятельности—конечно вслѣдствіе свѣого стениаго пустыннаго характера, не благопріятнаго для прочной осѣлости. Обитавшіе здѣсь полукочевые Лзыги признавали сначала, повидимому, верховную власть Рима, по затѣмъ подступившіе къ ихъ предѣламъ германскія племена безъ труда увлекли ихъ въ союзъ противъ имперіи.

Продолжительность римскаго господства въ обоихъ центрахъ на Дунаѣ была не одинакова. Тамъ, гдѣ оно началось ранѣе, оно и продолжалось долѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно было водворено позже. Въ Дакии оно прекратилось уже во второй половинѣ III вѣка (271 г.), когда Аврелианъ уступилъ эту область *Готамъ*,— слѣдовательно длилось около 170 лѣтъ; на западѣ Римляне оставались хозяевами приблизительно въ теченіи 4-хъ вѣковъ: Панноніа оставалась римскою провинціею до гуннскаго погрома (пол. V вѣка), въ Норикѣ власть Рима держалась еще долѣе.

Водвореніе и дѣятельность Римлянъ на Дунаѣ задержало на время напоръ съ сѣвера варварскихъ народовъ, жаждавшихъ добычи и стремившихся проявить свою первобытную силу, но не могло положить ему предѣла на долго. Въ прилегавшемъ къ имперіи обширномъ германскомъ мірѣ уже въ I вѣкѣ христіанской эры стало обнаруживаться значительное движеніе, которое не могло не угрожать спокойствію великой имперіи и не вызвать съ ея стороны успешной бдительности. Къ концу II вѣка это движеніе достигло крайняго напряженія: постоянныя столкновенія римскихъ силъ съ германскими на среднемъ Дунаѣ обратились въ открытую и упорную борьбу, извѣстную въ исторіи подъ именемъ *Маркоманской войны* (съ 161 г.). Въ ней приняли участіе не только непосредственно германскіе сосѣди Римлянъ (Маркоманны, Квады и др.), но и другія германскія и сарматскія племена, учащенные начавшимся около этого времени всеобщимъ передвиженіемъ германскихъ народовъ. Маркоманскую войну прямо считать первымъ актомъ великаго переселенія

народовъ¹⁾. Съ нею одновременно совершилось переселеніе ютскихъ племенъ (т. е. сѣверныхъ Готовъ и имъ родственныхъ народностей) отъ Балтійскаго моря и Вислы на югъ къ берегамъ Понта и нпжняго Дуная. Увлеченныя съ Готами полчища Вандаловъ, Бургундовъ и Гепидовъ расположились на западѣ отъ нихъ и воспользовались маркоманской войной для своихъ первыхъ вторженій въ римскіе предѣлы. Хотя нерѣшительный исходъ этой войны и не сопровождался для Римлянъ территориальными потерями, онъ всетаки имѣлъ важное значеніе для послѣдующей судьбы дунайской территоріи. Массы варваровъ были переселены Маркомъ Авреліемъ въ предѣлы имперіи, на равнины Панноніи и Дакіи, и такимъ образомъ былъ введенъ новый элементъ въ этническій составъ подунайскихъ владѣній Рима. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ послужить значительной опорой для германскихъ завоевателей этихъ странъ.

Силы Римлянъ кое-какъ устояли противъ перваго сильнаго натиска варварскаго міра. Однако силы эти съ теченіемъ времени не только не укрѣплялись, а напротивъ замѣтно ослабѣвали и уменьшались параллельно съ тѣмъ процессомъ государственнаго и общественнаго упадка и разложенія, который мало по малу охватывалъ весь организмъ имперіи. Между тѣмъ завоевательныя стремленія варваровъ и страсть ихъ къ опустошительнымъ набѣгамъ постоянно возрастали, росла въ нихъ и увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дерзость ихъ, и презрѣніе къ врагу.

Въ III вѣкѣ перевѣсъ въ этой отчаянной борьбѣ имперіи за существованіе рѣшительно склонился на сторону ея враговъ. На западѣ произошелъ новый и сильный натискъ сопредѣльныхъ съ Панноніей и Норикомъ германскихъ народовъ; изъ ихъ среды по собственному почину выдѣлялись для этой цѣли всѣ боевыя силы и такимъ образомъ составлялись огромныя военныя дружины, которыя посвящали себя исключительно наступательной войнѣ

¹⁾ *Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, II, Leipz. 1864, S. 487.*

съ властолюбивымъ сосѣдомъ. Такимъ образомъ эти западные Германцы боролись съ Римомъ не политическими, а свободными военными союзами, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ такъ называемые «военные народы» (*Kriegsvölker*), каковы напр. Аллеманны и Франки¹⁾.

На востокѣ начали свои опустошительныя вторженія *Готы* и родственныя имъ племена. Въ 30-хъ гг. III вѣка Готы уже нахлынули въ восточную Дакію и подчинили своей власти тамошнія полунезависимыя племена (*Костобоковъ*, *Карповъ*, *Певкиновъ*). Съ той поры слѣдуетъ цѣлый рядъ вторженій за Дунай какъ *Готовъ*, такъ и другихъ выступившихъ на военное поприще племенъ — *Карповъ*, *Борановъ*, *Урундосовъ*, потомъ *Гепидовъ* и *Геруловъ*. Эти ужасныя бѣдствія принудили наконецъ Римлянъ къ крайней и рѣшительной мѣрѣ — къ уступкѣ варварамъ Дакіи и къ высылкѣ оттуда на правый берегъ Дуная римскихъ колонистовъ (271). Приблизительно къ тому же времени на западѣ, послѣ новыхъ (съ 260 г.) стремительныхъ германскихъ набѣговъ, римской политикѣ удалось и здѣсь уладить свои отношенія къ безпокойнымъ сосѣдямъ.

Затѣмъ наступаетъ приблизительно столѣтіе затишья, только время отъ времени прерываемаго въ жизни варварскаго міра и его отношеній къ имперіи. Благодаря временному счастливому повороту въ государственной жизни, во внутренней и внѣшней политикѣ сильныхъ и мудрыхъ римскихъ императоровъ того времени, особенно *Диоклитіана*, приостановилось завоевательное движеніе Германцевъ: они повидному какъ бы отдыхали отъ продолжительной и упорной борьбы и собравшись съ новыми силами. Только новый неожиданный толчекъ, полученный ими съ востока роковымъ для всего тогдашняго европейскаго цивилизованнаго міра *туннскимъ* погромомъ (въ 60-хъ гг. IV вѣка), привелъ ихъ слова въ могучее движеніе и увлекъ въ послѣднюю великую борьбу, погубившую западную имперію и положившую

¹⁾ *Wietersheim, ibid., S. 428.*

основаніе могуществу новыхъ міровыхъ народовъ на ея развалинахъ.

Много темныхъ и далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ представляетъ любопытная эпоха «переселенія народовъ». Вопросы эти касаются не только ея отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей, судьбы народовъ и племенъ, въ ней участвовавшихъ (имена которыхъ потомъ безслѣдно исчезаютъ изъ исторіи), но и самой сущности этихъ народныхъ переселеній, ихъ характера и особенностей, наконецъ быта переселявшихся народовъ. Всякая попытка рѣшенія этихъ вопросовъ не можетъ не сопровождаться глубокимъ и всестороннимъ ихъ изученіемъ, а потому, не имѣя въ виду такого изученія, мы въ своемъ изложеніи оставляемъ въ сторонѣ все частное и касаемся слегка лишь того общаго, что можетъ пролить хоть нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшую судьбу дунайскихъ странъ.

Когда гуннскій погромъ произвелъ новый переворотъ въ расположеніи и взаимныхъ отношеніяхъ народностей, какъ по всей дунайской территоріи (отъ Черпаго моря до Альпъ), такъ и въ сосѣднихъ земляхъ, этнической составъ занимающихъ насъ странъ отличался уже чрезвычайною пестротой и разнообразіемъ народныхъ типовъ. Это разнообразіе было, конечно, всего замѣтнѣе въ обонхъ центрахъ римской дѣятельности и колонизаціи, съ одной стороны въ Норикѣ и Панноніи, съ другой въ Дакии. Римскіе колонисты, между которыми были и собственные Римляне и переселенцы изъ различныхъ краевъ обширной римской имперіи, романизованные туземцы орако-иллирскаго и кельтскаго происхожденія, туземцы еще не ороманизованные (иллирскія, кельтскія, дакійскія народности), Германцы на римской службѣ (слѣдовательно уже принявшіе нѣкоторыя черты римскаго типа), многочисленныя Германцы и Сарматы, переселенные сюда Римлянами во время маркоманской и другихъ войнъ съ варварами, кочевые Языги между Дунаемъ и Тиссою, наконецъ Готы, Вандалы и нѣкоторыя другія германскія племена въ восточной Дакии, — таково было разнообразное населеніе дунайскихъ странъ въ первую вѣка христіан-

ской эры до паденія въ нихъ римскаго господства. Чѣмъ ближе къ центру, т. е. къ средней, тиссо-дунайской низменности, тѣмъ, разумѣется, народонаселеніе становилось все однообразнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣже; въ равнинѣ между Дунаемъ и Тиссою первоначально кочевали, кажется, одни только Языги, которыхъ впоследствии покорили легко проникшіе туда Германцы (Вандалы?)

Во второй половинѣ III вѣка, какъ уже сказано, Римляне, видя невозможность удерживать долѣе Дакію, которая и безъ того послѣднее время *de facto* была почти вся въ рукахъ варваровъ, уступили ее Готамъ и отвели своихъ колонистовъ на правый берегъ Дуная ¹⁾. Такимъ образомъ съ конца III вѣка населеніе Дакіи, безъ всякой объединяющей политической власти, не могло уже оказывать никакого сопротивленія дальнѣйшему напору въ нее германскихъ племенъ, а тѣмъ менѣе могло помѣшать стремительному нашествію Гунновъ, которыхъ не были въ состояніи удержать ни готскіе политическіе союзы, ни державшаяся еще власть Римлянъ въ Панноніи. Здѣсь населеніе было тоже чрезвычайно смѣшанное (изъ древнихъ Иллировъ, Кельтовъ, Римлянъ, Германцевъ и Сарматовъ), а потому также легко могло поддаться такой силѣ, какую собой представляла гуннская орда, и даже быть ею увлеченной къ общему наступленію противъ прежнихъ своихъ властителей.

Въ концѣ IV вѣка Готы населяли довольно обширную территорию въ южныхъ степяхъ Россіи, простираясь на востокъ до Дона, на западѣ занимая и восточную часть Дакіи, т. е. нынѣшнюю Молдавію (*Вестготы*). Въ Дакіи рядомъ съ ними жили, кажется, *Вандалы*, время прихода которыхъ съ сѣвера (съ Лабы) мы точно опредѣлить не можемъ, а также родственные Готамъ *Геннды*. Разбитые въ войнѣ съ Готами, Вандалы съ разрѣшенія императора Константина поселились въ Панноніи, гдѣ оста-

¹⁾ Вопросъ о томъ, могли ли остаться въ Трансильваніи романскіе элементы послѣ этого и сохранялись ли затѣмъ непрерывно до переселенія новыхъ романскихъ выходцевъ изъ-за Дуная, мы еще разсмотримъ ниже.

вались до начала V вѣка (406), а на ихъ прежнее мѣсто рас- \
пространились Готы.

Воинственная кочевая орда монгольскаго племени *Гунновъ*, оставивъ по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ степи средней Азіи, во 2-й половинѣ IV вѣка устремилась на западъ, въ Европу. Увлечши съ собою встрѣтившіяся на пути массы другихъ кочевниковъ, по всей вѣроятности турецкаго, а можетъ быть также и финскаго племени, она, возрастая въ количествѣ, неудержимымъ потокомъ хлынула въ степи нынѣшней южной Россіи. Прежде всего были подчинены примкнувшіе затѣмъ къ завоевателямъ *Аланы* между Волгой и Дономъ. Одинаковая участь постигла вслѣдъ за этимъ (ок. 375 г.), по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія Гунновъ на западъ къ Дунаю, всѣ германскіе народы, расположенные на обширномъ пространствѣ отъ Дона до средняго Дуная, за исключеніемъ тѣхъ ихъ частей, которыя успѣли спастись бѣгствомъ отъ хищныхъ пришельцевъ. Такъ подчинены были *Остготы*, небольшая часть которыхъ бѣжала на западъ; затѣмъ и *Дакія* со всѣми ея обитателями, разными соплеменными Готамъ германскими, сарматскими и древне-дакійскими племенами (за исключеніемъ, вѣроятно, горцевъ, недоступныхъ для кочевой орды), признала господство Гунновъ.

Только главная масса *Вестготовъ* съ присоединившимися къ нимъ толпами нѣкоторыхъ другихъ германскихъ племенъ искала спасенія въ предѣлахъ Восточной имперіи и получила разрѣшеніе переселиться за Дунай. Между тѣмъ Гунны не думали останавливаться въ своемъ неудержимомъ стремленіи, пока наконецъ не достигли страны, чрезвычайно удобной какъ для ихъ собственнаго мѣстопробыванія, такъ и для ихъ дальнѣйшихъ грабительскихъ и завоевательныхъ цѣлей. Черезъ нынѣшнюю *Валахію*, слѣдуя все вдоль по Дунаю, они проникли въ равнину средняго, его теченія и расположились отчасти въ нижней *Панноніи*, отчасти въ низменности между Дунаемъ и *Тиссою*. Одновременно съ ними хлынули къ среднему Дунаю и воинственныя германскія полчища, безъ сомнѣнія весьма до-

вольныя случаемъ возобновить традиціонную борьбу съ Римлянами и поживиться богатой добычей, хотя бы и подъ предводительствомъ грубой и хищной орды азіятовъ. Такимъ образомъ могучему вождю этой орды не трудно было образовать на берегахъ Дуная сильный военный союзъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, который нанесъ наконецъ смертельный ударъ Западной Римской имперіи, подготовилъ ея окончательное паденіе (476 г.). Въ началѣ V вѣка группа германскихъ народовъ, сдвинутая съ своихъ мѣстъ, устремилась въ западные предѣлы имперіи, въ Галлію, Испанію, а оттуда и въ Африку; въ этихъ краяхъ нашли себѣ новую родину Вандалы, Аланы, Свевы, Бургунды и Вестготы. Затѣмъ въ теченіе полу столѣтія группами восточныя и западныя страны имперіи Гунны съ своими союзниками. Исторія гуннскихъ походовъ и судьба аттлэовой державы хорошо извѣстны. Для насъ всего важнѣе тотъ этническій переворотъ, который совершился на дунайской территоріи съ гуннскимъ погромомъ..

Мы видѣли, что уже въ періодъ, предшествовавшій гуннскому нашествію, германскій элементъ господствовалъ въ восточныхъ земляхъ (Дакіи), а съ переходомъ Вандаловъ въ Паннонію — и на среднемъ Дунаѣ. Вторженіе Гунновъ имѣло слѣдствіемъ съ одной стороны пріливъ новыхъ германскихъ массъ въ дунайскія страны, съ другой — рядъ передвиженій уже слѣдшихъ здѣсь германскихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — надо полагать — и значительное смѣшеніе ихъ другъ съ другомъ (поглощеніе мелкихъ наиболѣе сильными и многочисленными). Что же касается участи туземцевъ (т. е. римскихъ колонистовъ, ороманенныхъ и неороманенныхъ орако-валльскихъ и кельтскихъ элементовъ), то нѣкоторая часть ихъ, безъ сомнѣнія, должна была стать жертвой бѣдствій гунно-германскаго погрома; другая часть успѣла вѣроятно бѣжать и укрыться отъ новыхъ властителей въ мало доступныхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ продолжала существовать еще долгое время послѣ того, какъ остатки древнѣйшихъ слоевъ населенія. Большинство же, не покинувшее своихъ жилищъ, было покорено и принуждено платить дань, по

всей вѣроятности, продуктами земледѣлія, однимъ словомъ удовлетворятъ насущнымъ потребностямъ новыхъ своихъ повелителей, презиравшихъ мирный земледѣльческій трудъ и искавшихъ прежде всего военной дѣятельности среди походовъ и грабительскихъ наѣздовъ. Что касается германскихъ и сарматскихъ поселенцевъ римскаго времени, то они постепенно сдвигались и смѣшались съ своими соплеменниками. Такъ же сдвигались съ новыми пришельцами по всей вѣроятности и Квады и остатки Языговъ на среднемъ Дунаѣ. Съ этнологическимъ переворотомъ былъ разумѣется связанъ переворотъ и въ культурныхъ отношеніяхъ дунайскихъ странъ. Извѣстна горькая участь, которой должны были подвергнуться все насажденія и созданія Римлянъ въ Панноніи, а затѣмъ и Норикѣ (въ Дакіи они были уничтожены гораздо ранѣе).

Для насъ гуннское нашествіе имѣетъ особенно важное значеніе еще и по другой причинѣ. Есть достаточное основаніе предположить, что съ Гуннами проникли на Дунай первыя толпы *Славянъ*. На существованіе славянскаго элемента въ гуннскихъ полчищахъ довольно ясно намекаютъ извѣстныя показанія византійца Приска, оставившаго описаніе своихъ впечатлѣній о путешествіи и пребываніи у Аттилы посольства Восточной имперіи, въ которомъ и онъ участвовалъ¹⁾. Эти толпы Славянъ могли быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ они до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ. Были ли они невольны захвачены гуннскимъ потокомъ, или присоединились къ нему по собственному побужденію, сказать трудно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Неизвѣстно также, составляли ли Славяне въ гуннской ордѣ нѣчто отдѣльное, напр. родъ особыхъ славянскихъ дружинъ, или они представляли просто одинъ изъ элементовъ того разнороднаго сброда, какимъ въ сущности была орда

¹⁾ *Excerpt. e Prisci Historia*, ed. Bonn. p. 183, 190; См. Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Чтенія Общ. Ист. и Др. Сл. 1872, кн. 4) стр. 68—69. Есть на то указаніе и у Иорнанда (Jordani. c. 49), называющаго пиршество на могилѣ (въ описаніи похоронъ Аттилы) *сравой* (*strava*), словомъ чисто славянскимъ. Дриновъ, тамъ же.

собственно *гуннская*, не считая слѣдовавшихъ по ея стопамъ германскихъ полчищъ, продолжавшихъ и на дунайской территоріи сохранять по возможности свою племенную раздѣльность¹⁾. Во всякомъ случаѣ эти первыя, можетъ быть и довольно многочисленныя, славянскія толпы были, такъ сказать, еще случайными пришельцами на берега средняго Дуная, такъ какъ ихъ переселеніе не находилось въ непосредственной связи съ тѣмъ движеніемъ славянскихъ массъ на югъ и западъ (къ нижнему Дунаю), которое началось послѣ распадѣнія гуннскаго союза и послѣ бывшаго затѣмъ передвиженія всей группы германскихъ народовъ далѣе на западъ. Какъ бы то ни было, эти «гуннскіе» Славяне были первыми представителями славянства на Дунаѣ и въ борьбѣ новыхъ народныхъ силъ съ дряхлой имперіей.

Со смертію Аттилы (453) распался и гуннскій союзъ. Только сильная воля, умъ и энергія этого великаго вождя въ состояніи были поддерживать единеніе и политическую связь всѣхъ повиновавшихся ему разнородныхъ элементовъ. Побѣжденные возставшими противъ нихъ Готами и Гепидами, толпы Гунновъ разбрелись повидному въ разныя стороны; часть ихъ вернулась, кажется, въ свое прежнее временное мѣстожителство—на берега Чернаго моря.

Настаетъ эпоха *исключительнаго господства Германцевъ* на дунайской территоріи, продолжающаяся цѣлое столѣтіе (до 60-хъ годовъ VI вѣка). Послѣ побѣды надъ Гуннами начинается новое движеніе среди германскихъ народовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неизбежныя столкновенія. Остававшіеся на берегахъ Понта Остготы протѣсняются въ Паннонію, гдѣ соединяются съ жившими уже здѣсь соплеменниками. Большую часть древней Дакии, а именно Трапсильванію и Валахію, занимали тогда *Гепиды* («*Geridia*»), послѣ Остготовъ самое многочисленное и сильное германское племя на Дунаѣ. Въ равнину между Дунаемъ и Тиссою, недавнія жилища самихъ Гунновъ, проникаетъ съ сѣвера племя *Геруловъ*, го-

¹⁾ Hunsalvy, Ethn. v. Ung., S. 78.

сподствовавшее здѣсь впрочемъ не долго, а за ними бывшую землю Квадовъ занимаетъ другое нѣмецкое племя — *Руни*, упоминаемое уже въ походахъ Гунновъ на западъ. Наиболѣе сильныя германскія племена (Остготы и Гепиды), одолѣвъ Гунновъ и почувствовавъ свою силу и свободу, не могли довольствоваться своимъ положеніемъ: они продолжали стремиться къ своей завѣтной цѣли — окончательному разрушенію могущества Римлянъ на западѣ и владѣнію ихъ богатымъ наслѣдіемъ. Вся послѣдующая эпоха представляетъ собою рядъ попытокъ германскихъ народовъ утвердить свое господство на земляхъ павшей наконецъ въ 476 г. Западной имперіи, особенно въ Италіи и прилегающей къ ней съ сѣвера альпійской территоріи, попытокъ, сопровождавшихся столкновеніями, взаимною борьбою и попеременнымъ торжествомъ однихъ надъ другими. Остготы переходятъ изъ Панноніи въ Мизію (474), а оттуда въ Италію и основываютъ здѣсь могущественную остготскую державу Теодориха (489); еще передъ этимъ послѣднимъ событіемъ Одоакръ торжествуетъ надъ Ругами (487—8), ¹⁾ распостранившимися въ Панноніи по удаленіи изъ нея Готовъ; Гепиды расширяютъ свою власть на западъ и приходятъ въ столкновеніе съ Остготами (изъ-за Срема). Новое сильное германское племя *Лангобардовъ* переселяется съ сѣвера въ Паннонію и вступаетъ въ борьбу съ Гепидами, имѣвшую роковой для послѣднихъ исходъ; наконецъ Лангобарды, этотъ послѣдній господствовавшій на среднемъ Дунаѣ германскій народъ, переселяются въ Италію. Таковы важнѣйшіе событія этой бурной эпохи владычества воплывшихъ германскихъ племенищъ въ дунайскихъ странахъ; эпоху эту можно признать *переходною* въ этническихъ судьбахъ этихъ странъ, ибо съ нею (по крайней мѣрѣ со второй ея половиной) совпадаетъ постепенное обновленіе осѣдлаго населенія дунайской территоріи посредствомъ прилива въ нее новой свѣжей расы, пустившей въ ней прочныя корни и призванной уже

¹⁾ Руги были отчасти истреблены въ войнѣ съ Одоакромъ, отчасти прижвужди потомъ къ Остготамъ и исчезли постепенно подъ властью послѣднихъ въ Италіи. См. *Zeuss, Die Deutschen*, S. 486.

не къ разрушенію старыхъ, а къ созданію новыхъ порядковъ и культурныхъ отношеній.

Лангобарды, придвинувшись къ среднему Дунаю, не сразу овладѣли Панноніей. Первоначально они заняли бывшія земли Руговъ (такъ наз. Rugiland), оставившихъ въ концѣ V вѣка свои жилища на Дунаѣ (приблизительно между р. Моравой и Энжей). Отсюда они въ началѣ VI вѣка передвинулись на юго-востокъ за Дунай, въ тиссо-дунайскую равнину, гдѣ подпали было власти Геруловъ. Однакожъ это продолжалось не долго. Одержавъ верхъ надъ послѣдними, они вытѣснили ихъ въ бывшую страну Руговъ. Отсюда Герулы ушли частію куда-то на дальній сѣверъ (въ Скандинавію?), частію въ земли Восточной имперіи, власти которой и подчинились (въ нижней Панноніи). Между тѣмъ усиленіе Гепидовъ казалось опаснымъ для Византіи, и вотъ Юстиніанъ находитъ себѣ сильныхъ союзниковъ въ Лангобардахъ, которымъ и предоставляетъ во владѣніе Паннонію. Здѣсь они и утверждаются (около 526 г.) и остаются слѣпкомъ 40 лѣтъ, постоянно поддерживая Византійскую имперію то противъ Гепидовъ, то противъ Остготовъ. Въ 567 году они вступаютъ въ рѣшительную борьбу съ Гепидами, окончившуюся полнѣйшимъ разрушеніемъ могущественной державы послѣднихъ и, какъ кажется, истребленіемъ значительной части ихъ племени. Но этого результата Лангобарды достигли не одни. Ихъ союзникомъ противъ Гепидовъ была новая, пришедшая съ востока, кочевая орда *Аваровъ*, которымъ и слѣдуетъ, кажется, приписать первенствующую роль въ окончательномъ разгромѣ и гибели Гепидовъ. Нельзя не предположить, что и переселеніе вслѣдъ затѣмъ самихъ побѣдителей, Лангобардовъ, въ Италію обусловливалось въ значительной степени разрушительнымъ вторженіемъ Аваровъ въ дунайскую равнину.

Постепенное передвиженіе германскихъ народовъ на югъ и на западъ, какъ изъ нынѣшней сѣверной Германіи и странъ прикарпатскихъ, такъ равно и съ нижняго и средняго Дуная, естественнымъ образомъ влекло за собой подобное же передвиженіе

по ихъ столамъ въ обезлюдѣвшія земли — ихъ восточныхъ сосѣдей, Славянъ. Занятіе славянскими племенами всей дунайской территоріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей (о чемъ будетъ сказано ниже), отъ восточныхъ Карпатовъ до крайнихъ предѣловъ ихъ распространенія на западъ (въ Тиролю), совершилось приблизительно въ теченіе столѣтія, отъ конца V до конца VI вѣка. Едва-ли не цѣлымъ вѣкомъ ранѣе (съ конца IV по конецъ V вѣка) Славяне распространились по всей сѣверной Германіи до Эльбы и Саалы.

Какъ въ свое время гуннскій погромъ способствовалъ движенію Германцевъ на западъ, такъ точно въ VI вѣкѣ Авары увлекли въ своемъ вторженіи въ дунайскую равнину массу славянскихъ переселенцевъ и тѣмъ дали сильный толчекъ славянской колонизаціи по всей дунайской территоріи. Однако есть полное основаніе полагать, что и до аварскаго погрома Славяне уже успѣли проникнуть во многія ея окраины, особенно на сѣверѣ и на востокѣ. По всей вѣроятности уже къ первой половинѣ VI вѣка (а можетъ быть и къ концу V в.) слѣдуетъ отнести ихъ расселеніе съ одной стороны (съ сѣвера) въ Чехію и Моравію, съ другой (съ востока) — въ восточной и южной частяхъ древней Дакіи, т. е. въ Молдавію на нижнемъ Дунаѣ, и можетъ быть даже отчасти въ Трансильванію. Этому распространенію врядъ ли могли помѣшать Гепиды, главныя силы которыхъ сосредоточивались тогда въ болѣе западныхъ мѣстностяхъ (въ нынѣшней центральной Венгріи) и подъ покровительствомъ которыхъ къ тому же, повидному, уже кое-гдѣ жили Славяне¹⁾. Но конечно только съ паденіемъ германскаго господства на Дунаѣ и съ передвиженіемъ большей части Германцевъ на западъ и въ Италію²⁾, Славяне могли безъ особеннаго труда и препятствій

¹⁾ Roesler, Zeitpunkt der slavisch. Ansiedel. an. d. unteren Donau Sitzungsber. d. Wien. Akad. d. Wiss., B. 73, 1873, S. 89, 91.

²⁾ Самое племя Гепидовъ не могло быть многочисленно. Ихъ политическій союзъ состоялъ вѣроятно изъ многихъ другихъ элементовъ германскихъ и сарматскихъ, надъ которыми они господствовали. Очень можетъ быть, что по разрушеніи ихъ державы Лангобардами эти освобожденные элементы, да

заселить дунайскія земли. Къ сожалѣнію многимъ изъ нихъ пришлось на первыхъ же порахъ испытать тяжелое иго жестокихъ Аваровъ.

Опустѣніе и обезлюдѣніе придунайскихъ земель передъ переселеніемъ Славянъ было однакожь отнюдь не общее и не полное. Дѣйствительно, нѣкоторые края (особенно степныя равнины) должны были обратиться почти въ совершенныя пустыни, но встрѣчались и такія мѣстности, въ которыхъ сохранялось прежнее населеніе и притомъ большею частію древнѣйшее, происходившее еще изъ эпохи римскаго владычества, ибо остатки Германцевъ (Генпидовъ) должны были быть очень немногочисленны. Такъ, болѣе другихъ оставались населенными (хотя и не густо) нѣкоторые гористые края, какъ въ альпійской области, такъ безъ сомнѣнія и въ Трансильваніи. Края эти, самой природой защищенные отъ наиболѣе разрушительныхъ народныхъ теченій, именно отъ вторженія хищныхъ конныхъ кочевниковъ, служили убѣжищемъ многимъ спасавшимся въ нихъ обитателямъ сосѣднихъ менѣе защищенныхъ долинъ и равнинъ. Когда утихла буря гунно-германскихъ переселеній, многіе изъ этихъ туземцевъ могли воротиться въ покинутыя мѣстности. Эти старые обитатели подунайскихъ странъ, которыхъ застали здѣсь Славяне, пережили всѣ превратности бѣдственныхъ временъ переселеній, хотя и не могли не спуститься на сравнительно низшую противъ прежняго степенъ культуры (на степенъ пастушескаго быта), ибо всякая культурная дѣятельность и развитіе должны были быть парализованы въ эту смутную эпоху. На западѣ, въ альпійской области, это были остатки *кельто-романскаго*, а на востокѣ, въ Трансильваніи, — *дакійскаго* и отчасти *дако-романскаго* населенія. Сохраненіе романскихъ элементовъ въ восточныхъ Альпахъ въ періодъ славянской колонизаціи и даже гораздо позже, несмотря на его постепенную

и отчасти сами Генпиды прикнули къ послѣднимъ и вмѣстѣ съ ними переселились въ Италію. Не даромъ Павелъ Діаконъ (II, 26), сообщающій о переселеніи Лангобардовъ, называетъ между племенами сопровождавшими ихъ — Генпидовъ, Сарматовъ, Болгаръ... См. Badinger, Oesterr. Gesch., S. 60.

славянизацию, а потому германизацию, не подлежит сомнению и никому не оспаривается. Нельзя однакоже сказать того же о древней Дакіи, хотя она ныне почти исключительно населена романскимъ народомъ — Валахами или Румынами. Откуда произошелъ этотъ *румынскій народъ*, составляетъ ли онъ *хоть отчасти* продуктъ романизации древней Дакіи, или онъ не имѣетъ съ ней ничего общаго и образовался въ сравнительно болѣе позднее время изъ элементовъ пришлыхъ и возникшихъ на совершенно иной почвѣ—вотъ капитальный и несомнѣнно глубоко-важный вопросъ, возбуждвшій въ послѣднее время, послѣ изслѣдованій Рёслера, самую оживленную борьбу ученыхъ мнѣшій и вызвавшій много безспорно замѣчательныхъ разысканій.

Было время, когда на Румынъ никто и не думалъ смотрѣть иначе, какъ на прямыхъ потомковъ римскихъ колонистовъ древней Дакіи. Теперь же напротивъ почти не мыслимо встрѣтить ученаго, который сталъ бы отстаивать этотъ взглядъ въ такой безусловной, ничѣмъ неограниченной формѣ; мы разумѣемъ здѣсь конечно ученыхъ, руководящихся истинно научными соображеніями, а не какими-нибудь посторонними наукѣ, хотя бы національно-патріотическими побужденіями, изъ которыхъ напри- мѣръ исходили до сихъ поръ болѣею частію писанія румынскихъ патріотовъ-историковъ¹⁾. Но разрушая теорію о происхожденіи Румынъ отъ римскихъ поселенцевъ и романизованныхъ жителей Дакіи, историческая критика должна была замѣнить ее какою либо другою, и вотъ возникла (уже довольно давно) теорія о переселеніи Румынъ изъ южно-дунайскихъ странъ въ сравнительно позднѣйшее время²⁾, теорія, которая въ

¹⁾ Напр. Petrus Major de Ditsö-Sz.-Márton, «Histoire de l'origine des Romains en Dacie», Bude, 1812, потомъ Kogalnitshan, Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des Valaques Transdanubiens, I, Berlin, 1837 и др. Кажется, единственный румынскій ученый, ставшій выѣ этихъ побужденій и принявшій современный взглядъ на вопросъ, это Нугмизакі, авторъ «Fragmente zur Geschichte der Rumänen», Bucuresci 1878, S. 11, 185.

²⁾ Benkö «Transsilvania», Vindobonae, 1778, I (S. 477); Sulzer, Gesch. des transalpin. Daciens, Wien, 1781; Engel, Gesch. der Moldau und Walachie, I, 135; Wenzel, Добровскій, Копитаръ (Wien. Jahrb. 1826, B. 34, S. 134; 1829, B. 46,

наше время была возобновлена и явилась въ строго научной обстановкѣ въ трудахъ, къ сожаленію, рано умершаго Рёслера. Этотъ ученый опредѣленно выставилъ и защищалъ положеніе, что переселеніе Румынъ на сѣверъ отъ Дуная началось не ранѣе XIII в. и что такимъ образомъ румынская народность возникла не на сѣверѣ отъ Дуная, а на Балканскомъ полуостровѣ¹⁾. Очевидныя крайности его теоріи были сглажены и вообще она въ значительной мѣрѣ была исправлена, между прочимъ, на основаніи остроумныхъ филологическихъ соображеній, талантливою критикою Томашка, взглядъ котораго и получилъ вскорѣ рѣшительный перевѣсъ надъ взглядомъ Рёслера²⁾. Томашекъ въ концѣ концовъ пришелъ къ выводу: 1) что начало переселеній Румынъ изъ-за Дуная въ нынѣшнюю ихъ родину должно быть отнесено къ гораздо болѣе раннему времени (они восходятъ, повидному, уже къ X вѣку) и 2) что эти румынскіе переселенцы не имѣютъ ничего общаго съ римскими провинціалами Дакии, выселенными оттуда Аврелианомъ, а происходятъ отъ романскаго населенія (т. е. романизованныхъ оракіицевъ, именно Бессовъ) центральныхъ областей Балканскаго полуострова (около Балканскихъ горъ)³⁾. Но если, благодаря новѣйшимъ изыскані-

S. 69—77 etc. и въ *Kleinere Schriften*, W. 1857, S. 230). Миклошичъ (*Slav. El. im Rum., Denkschr. d. Ak. d. W.*, 1862) и др. Срв. Jung, *Römer und Romanen*. S. 236, 337. etc.

¹⁾ Roesler, *Romanische Studien*, Leipzig, 1871. Ревностнымъ защитникомъ и поборникомъ теоріи Рёслера является между прочимъ и мадыарскій ученый этнографъ Гушфалъви въ своемъ по многихъ отношеніяхъ важномъ и дѣльномъ трудѣ «*Ethnographie von Ungarn*», перевод. на нѣм. яз. Schwicker'омъ, *Budapest*, 1877, S. 334—356 и въ изданіи «*Literarische Berichte aus Ungarn*», I B., S. 239 и сл., II, (*Rum. Geschichtsch. u. Sprachwiss.*) S. 337—368; 628.

²⁾ Теорія Томашка нашла себѣ приверженцевъ и въ нашей ученой литературѣ: см. напр. Успенскаго «*Образованіе 2-го болгарскаго царства*», Одесса, 1879, 83—97; М. Соколова «*Изъ древней исторіи Болгаръ*», Спб., 1879, 23—24.

³⁾ Tomasek, *Zeitschr. für d. Oesterr. Gymnas.* XXVIII Jahrg. 1877, S. 445. Его же рецензія на Рёслера, тамъ-же, XXIII Jahrg. 1872, S. 141, гдѣ онъ является еще противникомъ Рёслера. Это мнѣніе касательно Бессовъ находитъ себѣ теперь блестящее подтвержденіе въ одномъ свидѣтельствѣ только-что открытаго проф. В. Г. Васильевскимъ, но еще не обнародованнаго памятника византийскаго письменности XI в. (подъ названіемъ *Strategikon*)—въ рукописномъ сборникѣ Моск. Синод. Библіотеки. Тамъ Влахи прямо названы

ямъ, уже окончательно оставленъ серіозной критикой односторонній и узкій взглядъ, что весь румынскій народъ непосредственно происходитъ отъ римскихъ поселенцевъ Дакии, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы истину въ этомъ вопросѣ можно было находить только въ исключительныхъ положеніяхъ той теоріи, представителями которой являются съ одной стороны Рёслеръ, съ другой Томашекъ. Что нынѣшняя румынская народность, населяющая Молдавію, Валахію и Трансильванію, дѣйствительно образовалась, въ своей массѣ, изъ переселенцевъ Влаховъ, постепенно приливавшихъ съ Балканскаго полуострова и изъ ороманенныхъ или туземцевъ, въ этомъ едва ли можетъ еще быть сомнѣніе, но однако совсѣмъ отрицать въ ея образованіи участіе остатковъ романскаго населенія древней Дакии, которые положительно могли сохраниться въ горахъ Трансильваніи и впоследствии размножиться, по нашему убѣжденію, имѣть достаточнаго основанія. Совершенно отрицая такую непрерывность романскаго элемента даже для горныхъ мѣстностей, новая теорія, какъ намъ кажется, впадаетъ въ такую же крайность, какую несомнѣнно представляетъ и старая — объ исключительномъ происхожденіи румынскаго народа отъ дакійскихъ Римлянъ. Рѣшительнымъ противникомъ этой новой теоріи и защитникомъ непрерывности романскаго населенія на дакійской почвѣ выступилъ Юнгъ въ своемъ, можно сказать, блестящемъ изслѣдованіи «О Римлянахъ и Романцахъ въ ду-

потомками *Дакотъ* и *Бессотъ*. Одновременно съ Томашкомъ (въ 1877 г.) выступилъ со своимъ довольно отличнымъ отъ другихъ взглядомъ на происхожденіе Румынъ Бидерманъ (Biedermann: *Die Romanen und ihre Verbreitung in Oesterreich*, Graz, 1877). Приписывая одно общее происхожденіе Влахамъ Дакійскимъ, Македонскимъ и Далматинскимъ, онъ ведетъ его отъ народности кельто-лигурийской (на Балкан. полуостр.) и относитъ раздѣленіе на отдѣльныя вѣтви къ позднѣйшему времени. — Въ новѣйшее время (1879) вопросъ о Румынахъ и въ частности о ихъ переселеніяхъ и расселеніи на сѣверѣ отъ Дуная обогатился еще монографіей: «*Ueber die Wanderungen der Rumunen in der Dalmatischen Alpen und den Karpaten*», von Fr. Miklosich, Wien, 1879, въ которой между прочимъ, кромѣ важнаго матеріала филологическаго, предложеннаго издателемъ, находятся интересныя статьи проф. Калужняцкаго, о слѣдахъ румынскихъ поселеній въ Галиціи и историческія замѣчанія о времени и предѣлахъ распространенія этихъ поселеній, см. *Historische Notizen*, von H. Pr. Kałużniacki, S. 39—58.

наискыхъ земляхъ»¹⁾. Если ему не удалось склонить на свою сторону или хоть поколебать усердныхъ приверженцевъ Рёслера въ вопросѣ о непрерывности Романцевъ на сѣверѣ отъ Дуная, то это надо приписать лишь тому, что и онъ также увлекся въ крайность при защитѣ своего положенія, предполагая сохраненіе романскаго населенія на слишкомъ большомъ пространствѣ и въ слишкомъ значительныхъ размѣрахъ²⁾. Во всякомъ случаѣ его книга, высокія достоинства которой признаются и противниками, принесла несомнѣнную пользу для рѣшенія вопроса, указавъ на слабыя стороны и сомнительные доводы противоположной теоріи³⁾.

¹⁾ Jung, Römer und Romanen in den Donauländern, Innsbruck, 1877. Еще раньше его же монографія: Die Anfänge der Romaenen. Zeitschr. f. d. Oesterr. Gymn. 1876, N. 1, S. 25.

²⁾ Такой выводъ былъ въ свою очередь слѣдствіемъ слишкомъ преувеличеннаго представленія о романизациі въ эпоху римскаго господства всей Дакіи, т. е. всего дакійскаго населенія, см. Jung, *ibid*, S. 103—107.

³⁾ Въ самое послѣднее время тою же цѣлью—доказать происхожденіе Румынскаго народа изъ романизованнаго населенія, сохранившагося на сѣверѣ отъ Дуная, а не отъ переселенцевъ изъ-за Дуная—задался молодой еще славянской ученый Пичъ въ своей, надо сказать, очень живо написанной книжкѣ «Ueber die Abstammung d. Rumänen» v. J. L. Pič, Leipzig, 1880. По вопросу о непрерывности романскаго населенія въ древней Дакіи онъ держится вѣскольکو много взгляда, чѣмъ Юнгъ, справедливо отстаивая первоначальное сохраненіе Романцевъ только въ самыхъ гористыхъ краяхъ Трансильваніи и сосѣднихъ мѣстностяхъ низинной Угріи, но за то уже совершенно не основательно впадая въ другую вопіющую крайность и отрицая всякую возможность выселенія романскихъ элементовъ съ Балканскаго полуострова на сѣверъ отъ Дуная. Такимъ образомъ его взглядъ заключаетъ въ себѣ очевидную несообразность: Романца, по его мнѣнію, могли сохраниться послѣ великой грозы народныхъ переселеній, только въ западныхъ горныхъ частяхъ Трансильваніи (также въ горахъ Мармароша и Темешскаго Баната) (стр. 198, 199), и вотъ эти то перешедшіе къ пастушескому образу жизни, сравнительно не многочисленные Романцы до того размножились со временемъ, что наводнили почти всю Трансильванію, Молдавію и Валахію и поглотили все славянское населеніе, жившее здѣсь до нихъ... Отвергая переселеніе Влаховъ съ Балканскаго полуострова, Пичъ исходитъ изъ того основанія, что романское населеніе, подъ напоромъ варваровъ на полуостровѣ въ эпоху переселеній, было будто бы все оттѣснено на югозападъ въ горы Македоніи и далѣе (гдѣ и сохранилось донинѣ въ состояніи пастушескаго быта), и что ни въ сѣверной Болгаріи, ни въ горахъ Балканскихъ не существовало романскаго населенія, которое могло бы выселиться на сѣверъ, за Дунай. Однако это его странное мнѣніе остается вовсе недоказаннымъ. Несмотря впрочемъ на всѣ крайности и натяжки взгляда г. Пича, справедливость требуетъ признать, что его изслѣдованіе представляетъ кое-

Рѣшаемъ съ своей стороны сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ подкрѣпленіе своего взгляда на этотъ вопросъ.

По нашему мнѣнію, нѣкоторая часть романизованныхъ жителей Дакіи, скрывшаяся въ горахъ Трансильваніи отъ бѣдствій варварскихъ вторженій, легко могла продержаться тамъ рядомъ съ неороманеннымъ населеніемъ въ теченіе всего продолжительнаго періода народныхъ переселеній Эти трансильванскіе Романцы, умножившись въ послѣдствіи (въ ипріную эпоху), по всей вѣроятности, представляли одну изъ притягательныхъ силъ, побуждавшихъ Романцевъ Балканскаго полуострова переселяться въ сѣверо-дунайскія области. Пополняя мало по малу ряды своихъ трансильванскихъ родичей, эти выходцы съ юга успѣли скоро образовать то зерно, изъ котораго постепенно возникла румынская народность въ настоящемъ своемъ видѣ.

О Юнгѣ очень часто приходится слышать сужденіе изъ противнаго лагеря, что ему рѣшительно не удалось ни опровергнуть теорію Рёслера, ни доказать непрерывное пребываніе Валаховъ на сѣверъ отъ Дуная. Въ сужденіяхъ подобнаго рода проглядываетъ, однако, явное пристрастіе. Юнгъ дѣйствительно, какъ мы замѣтили выше, переступилъ мѣру, защищая слишкомъ крайнее положеніе, и этимъ далъ своимъ противникамъ орудіе противъ себя. Но въ вопросѣ о непрерывности романскаго элемента въ древней Дакіи имъ во всякомъ случаѣ высказано и не мало дѣльнаго. Еслибъ онъ ограничилъ свою задачу защитой этой непре-

какія дѣльныя соображенія, въ особенности по вопросу о непрерывности романскаго населенія на сѣверѣ отъ Дуная и о большей давности Румынъ сравнительно съ Уграми въ нынѣшней Угріи. При этомъ авторъ слѣдуетъ особымъ путемъ: онъ доказываетъ свое положеніе на основаніи подробнаго историческаго разбора политическаго и соціальнаго положенія, и обычнаго права румынскаго населенія (рядомъ съ словенскимъ и русскимъ) сравнительно съ другими народностями Угріи, и въ этомъ отношеніи его изысканіе во всякомъ случаѣ представляетъ интересъ. Другимъ защитникомъ непрерывности Романцевъ въ горныхъ частяхъ Дакіи явился въ послѣднее время и извѣстный румынскій ученый В. Р. Насдѣй въ своей «Istoria critică a Romanilor», vol. I, Bucuresci, 1875; см. также его «Dina Flima. Gotii și Gepidii în Dacia», Bucuresci., 1877.

ривности собственно только для *Трансильваніи*, то имѣлъ бы безъ сомнѣнія гораздо болѣе успѣха, ибо едва-ли кто-нибудь скажетъ, въ чемъ заключается неопровержимость Рёслера по отношенію къ этому пункту.

Однимъ изъ доказательствъ сохраненія Романцевъ въ горахъ Трансильваніи обыкновенно служатъ немногія географическія названія, въ особенности названія рѣкъ и горъ, происходящія изъ римскаго времени. Существованіе такой древнеримской номенклатуры, положимъ даже очень немногочисленной, дѣйствительно разъяснено и доказано Юнгомъ¹⁾. Однако этимъ удержавшимся римскимъ названіямъ мы не придаемъ значенія особенно вѣскаго доказательства въ пользу нашего мнѣнія, такъ какъ согласны, что они могли сохраниться и въ средѣ неороманешнаго населенія Трансильваніи. Не слѣдуетъ забывать, что Романцы въ эпоху опустошительныхъ народныхъ движеній оставили свои прежніе культурные центры, мало защищенные города и села, и бѣжали въ горы, гдѣ въ большинствѣ случаевъ обратились въ пастуховъ; этимъ и объясняется сравнительная малочисленность сохранившихся римскихъ географическихъ названій²⁾.

Рёслеръ полагаетъ, что онъ опровергъ предположеніе объ удаленіи Романцевъ въ горы, а слѣдовательно и о сохраненіи ихъ тамъ, сказавъ, что невѣроятно, чтобъ римскіе колонисты, прѣвыкшіе къ благамъ болѣе развитой культуры, промѣняли городскую жизнь на пастушескую, когда имъ представлялись вѣрныя и надежныя жилища и земли въ Мизіи³⁾. Но во первыхъ это возраженіе основано на совершенно недоказанномъ мнѣніи, что

¹⁾ Jung, *ibid.* S. 240—242 и спец. глава «*Bihar'sche Excursen*», 282—310. Въ томъ же смыслѣ высказался и самъ Томашекъ въ рец. на Рёслера. *Zeitschr. f. Oest. Gymn., Jahrg. XXIII, S. 149—150.*

²⁾ Томашекъ, *ibid.* S. 149, 150. Онъ справедливо замѣчаетъ на доводы Рёслера, что вѣдь не болѣе романскихъ слѣдовъ сохранилось и въ географической номенклатурѣ Мизіи, этой единственной по его (Рёслера) мнѣнію родинѣ Румынъ.

³⁾ Roesler, *R. St.* S. 70.

романскій элементъ въ Дакии состоялъ будто-бы изъ однихъ только римскихъ колонистовъ; а во вторыхъ могли-ли въ самомъ дѣлѣ римскіе колонисты особенно расчитывать на безопасную и безмятежную жизнь въ Мизіи, когда эта именно область, какъ намъ извѣстно, подвергалась въ теченіе III вѣка, т. е. и послѣ уступки Дакии Готамъ, опустошительнымъ вторженіямъ варваровъ, Германцевъ и Сарматовъ, не дававшихъ покоя ея населенію? Но еслибъ даже большинство римскихъ колонистовъ, особенно жившихъ въ Банатѣ и Малой Валахія, и послѣдовало за римскими легіонами на правый берегъ Дуная¹⁾, то ими далеко еще не исчерпывался романскій элементъ Дакии. Съ мнѣніемъ Рёслера и его послѣдователей, отрицающихъ всякую романизацию дакійскаго населенія, безпристрастный изслѣдователь не можетъ согласиться²⁾. Мы знаемъ, какихъ въ этомъ отношеніи быстрыхъ результатовъ вездѣ достигали Римляне своей энергической и послѣдовательною культурною дѣятельностью. О романизации всего населенія Дакии разумѣется не можетъ быть рѣчи³⁾; но неужели Римлянамъ мало было полутораста лѣтъ слишкомъ для ороманенія по крайней мѣрѣ тѣхъ туземцевъ, среди которыхъ непосредственно они расположили свои колоніи. Сколько поколѣній этихъ туземцевъ выросло и воспиталось подъ прямымъ вліяніемъ римскаго быта и римскаго духа, приняло римскіе нравы и латинскій языкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не сохранить глубокой привязанности къ своей родной землѣ и къ своимъ роднымъ преданіямъ! Сомнительно, чтобы эта часть

¹⁾ Нѣтъ основаній не довѣрять свидѣтельству Флавія (Flavius Vopiscus, v. Aurelianus, 39) объ отведеніи римскихъ колонистовъ въ Мизію; но выводитъ изъ него заключеніе о выселеніи изъ Дакии всѣхъ романизованныхъ ея жителей было бы совершенно произвольно. См. Jung, 242—3.

²⁾ См. замѣчанія Миклошича, который съ точки зрѣнія филологіи высказался положительно въ пользу первоначальнаго происхожденія румынскаго языка и предковъ нын. Румынъ отъ романизации туземныхъ элементовъ Дакии, т. е. Даковъ и Гетовъ. См. Die slav. Elemente im Rumunischen (Denkschrift d. Wien. Akad. XII, 1862).

³⁾ Сохраненіе ромаяскихъ элементовъ въ населеніи горныхъ частей Трансильваніи, по нашему мнѣнію, отнюдь не предполагаетъ такой повсемѣстной романизации.

населенія такъ легко, при первой опасности (а въ 271 г., кстати сказать, опасность была ужъ не первая, разумѣется), оставила все и переселилась въ невѣдомую землю. Даже и самые римскіе колонисты въ эти 150 лѣтъ настолько должны были привыкнуть къ новой своей родинѣ и сжиться съ мѣстными условіями и обстановкой, что и для нихъ выселеніе не могло не быть тяжело. Въ мѣстностяхъ гористыхъ, защищенныхъ отъ варварскихъ нападений, можетъ быть и изъ нихъ не все покинули свои жилища съ удаленіемъ римскаго войска и римскихъ властей. Сюда-то, въ неприступныя горы Трансильваніи, бѣжала изъ сосѣднихъ долинъ и равнинъ часть ороманинаго и не пожелавшаго переселиться за Дунай дакійскаго населенія, когда набѣги германскихъ и сарматскихъ полчищъ стали для него невыносимы.

Другіе доводы, приводимые обыкновенно противъ возможности сохраненія романскихъ элементовъ въ древней Дакии, сводятся къ тому, что: 1) если романское населеніе и не все оставило Дакию съ переходомъ ея въ руки варваровъ, то во всякомъ случаѣ оставшееся не могло пережить разрушительной эпохи народныхъ переселеній и должно было мало по малу погибнуть, во 2) что объ этихъ Романцахъ нѣтъ ровно никакихъ извѣстій въ теченіе ряда вѣковъ, т. е. съ III по XII вѣкъ, слѣдовательно — заключаютъ изъ этого — ихъ и не было въ этихъ странахъ. Во всякомъ случаѣ подобныя доказательства, болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера, особенной силы имѣть не могутъ. Но и помимо того они, какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣютъ за собой преимущества убѣдительности.

Эпоха «великаго народнаго переселенія» видѣла два главные типа народовъ, вступавшихъ въ борьбу съ римской имперіей и переселявшихся въ ея бывшія земли. Это были съ одной стороны — полудикіе и хищные кочевники изъ восточныхъ степей, необузданные и грубые въ своихъ инстинктахъ и образѣ жизни (къ нимъ принадлежали Гунны, потомъ Болгары и Авары), съ другой стороны — полусѣдлыя, стоявшія еще на ступени родо-

вого быта (съ военно-дружиннымъ устройствомъ) воинственныя племена Германцевъ и Сарматовъ, стремившихся прежде всего къ славѣ и къ добычѣ. Оба эти типа, хотя и преслѣдовали приблизительно одиѣ и тѣ же цѣли въ борьбѣ съ культурнымъ римскимъ міромъ, все-же рѣзко отличались другъ отъ друга, какъ въ способахъ и характерѣ своихъ вторженій и господства въ занятой землѣ, такъ и въ отношеніяхъ своихъ къ покореннымъ туземцамъ. Набѣги ихъ находились прежде всего въ зависимости отъ природнаго характера и территоріальныхъ условій земли. Степные кочевники, впрочемъ не бывшіе особенно многочисленными¹⁾, дѣлавшіе свои нападенія всегда конными полчищами и побѣждавшіе быстротою и неожиданностію своихъ наѣздовъ, могли дѣйствовать только на открытыхъ и ровныхъ мѣстностяхъ, а равно и располагаться своими кочевьями въ удобныхъ для нихъ образа жизни степныхъ равнинахъ и низменностяхъ. Такимъ образомъ и на дунайской территоріи подобнымъ погромамъ, каковы были гуннскій, аварскій и другіе, неизбежно подвергался непосредственно только осѣдлые поселенцы равнинъ и особенно доступныхъ долинъ: кочевая орда покоряла ихъ, причемъ, разумѣется, не обходилось безъ грабежа и всякихъ насилій, налагала на нихъ дань, эксплуатировала ихъ трудъ, — однимъ словомъ, въ качествѣ полновластныхъ господъ, распоряжалась и ими, и ихъ имуществомъ; оттого подобныя нашествія были истиннымъ бѣдствіемъ для населенія открытыхъ и равнинныхъ странъ. Но за то отъ этихъ бѣдствій было совсѣмъ или почти совсѣмъ ограждено населеніе болѣе или менѣе замкнутыхъ горныхъ странъ. Конечно, вторженіе кочевой орды въ равнину не оставалось безъ послѣдствій и для обитателей сосѣднихъ горъ, которымъ приходилось часто давать убѣжище бѣглецамъ изъ равнины, но эти послѣдствія во всякомъ случаѣ не могли быть губельны для самаго ихъ существованія. Итакъ и романскіе элементы, скрывавшіеся

¹⁾ В. Григорьевъ, Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами. Ж. М. Н. Пр. 1875 г. мартъ, стр. 14—15.

въ горныхъ краяхъ Трансильваніи, нисколько не должны были пострадать ни отъ гуннскаго, ни отъ аварскаго нашествія, которыя едва ли и коснулись ихъ непосредственно. Какъ же затѣмъ отразились на нихъ набѣги на дунайскую территорию *германскихъ* и *сарматскихъ* дружинъ и переселенія въ ея предѣлы цѣлыхъ германскихъ племенъ?

Германскіе народы, такъ или иначе участвовавшіе въ великомъ народномъ переселеніи, съ эпохи маркоманской войны до половины VI вѣка (т. е. до удаленія Лангобардовъ въ Италію) несомнѣнно находились не на одинаковой степени культурнаго развитія. Тѣмъ не менѣе и въ бытѣ, и въ характерѣ своихъ завоеваній, и въ отношеніи къ покоренному населенію и къ занятой землѣ они все представляють однородное явленіе, и потому могутъ быть разсматриваемы въ совокупности. Въ теченіе пяти вѣковъ переселеній и борьбы съ Римскою имперіей они должны были, конечно, значительно подвигнуться въ своемъ развитіи; однако не смотря на то, въ характерѣ, бытѣ и внутреннихъ отношеніяхъ тѣхъ Германцевъ, которыхъ касается наше изложеніе, рѣзкой перемены за этотъ періодъ времени не видно. Они остаются все тѣми же полуосѣдлыми и мало земледѣльческими племенами съ военно-дружинною организаціей, при господствѣ еще родового быта. Переходъ къ прочной осѣдлости и земледѣльческому быту, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ родового къ общинному устройству происходитъ у всѣхъ этихъ германскихъ племенъ лишь съ окончательнымъ, прочнымъ поселеніемъ на извѣстной территоріи. Тогда начинается и ихъ колонизаціонная дѣятельность. Такимъ образомъ для тѣхъ племенъ (западныхъ), которымъ ранѣе удалось утвердиться и пустить корни въ завоеванной землѣ, и этотъ переходъ, само собою разумѣется, произошелъ ранѣе. Во всякомъ случаѣ VI-й вѣкъ, а для западныхъ германскихъ народовъ уже V-й, могутъ, кажется, въ этомъ отношеніи считаться вообще *переходными* въ жизни германскихъ народовъ. Происходившая на почвѣ дунайской территоріи борьба германскихъ народовъ съ Римскою имперіей и

переселеніе Германцевъ въ ея предѣлы не могли, конечно, не сопровождаться разореніемъ и опустошеніями, а слѣдовательно и многими бѣдствіями для туземнаго населенія; нѣкоторыя германскія и сарматскія полчища оказывались дѣйствительно *варварами* въ борьбѣ съ Римскою имперіей и въ разрушеніи лучшихъ плодовъ римской культуры; но такой разрушительный, беспощадный характеръ имѣли собственно только временныя вторженія и набѣги германскихъ дружинъ, высылаемыхъ пограничными съ римскою территоріей германскими народами въ предѣлы имперіи *спеціально для борьбы* съ Римлянами. Послѣдующія же переселенія цѣлыхъ германскихъ племенъ въ дунайскія земли, отчасти въ уступленные уже имъ края (въ Дакію), отчасти въ области еще римскія, но съ разрѣшенія римскаго правительства (напр. въ Паннонію), — уже вовсе не имѣли такого разрушительнаго характера. О систематическомъ истребленіи мѣстнаго населенія Германцами вообще не можетъ быть и рѣчи, даже и при ихъ опустошительныхъ набѣгахъ, а при переселеніи цѣлымъ племенемъ въ новую страну — и подавно. Племена эти врядъ ли были особенно многочисленны: они свободно располагались среди туземцевъ, покоряли ихъ и пользовались плодами ихъ трудовъ, такъ какъ сами предпочитали мирнымъ занятіямъ дома — походы и войну. Итакъ для мѣстнаго населенія ихъ господство не было особенно тягостно, а тѣмъ менѣе губительно. Оно кично, какъ народъ не конный, Германцы располагались не только въ равнинахъ, но и въ мѣстностяхъ гористыхъ; двигаясь съ востока и сѣвера, они проникали въ дунайскія земли не только долинами большихъ рѣкъ, но и проходами Карпатовъ, такъ что наводнили собою всю Дакію, не исключая и Трансильваніи. Однако и для нихъ мѣстности слишкомъ гористыя не могли представлять ничего особенно заманчиваго и они, безъ сомнѣнія, ихъ избѣгали, предпочитая равнины и долины. Можно поэтому думать, что германскому господству, а слѣдовательно и германскому вліянію всего менѣе подверглись жители горъ Трансильваніи, т. е.

между прочимъ и остатки романизованныхъ Даковъ¹⁾. Да и вообще по всей дунайской территоріи, покоренной Германцами, остатки прежняго населенія могли легко удержать свою самобытность в связь съ землей, ибо Германцы, не смѣшивалась съ ними и, господствуя въ занятой странѣ, не пускали въ ней корней, не сроднялись съ нею. Они безъ сожалѣнія покидали ее, когда ихъ привлекали своимъ богатствомъ сосѣднія области имперіи. Тотъ фактъ, что германскія племена, не смотря на свое довольно продолжительное пребываніе въ дунайскихъ земляхъ, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ ихъ географической номенклатурѣ, объясняется именно вышеупомянутыми отношеніями ихъ къ землѣ, и вообще ихъ полуосѣдымъ бытомъ.

Этихъ соображеній о характерѣ гуно-германскаго господства на Дунаѣ, кажется намъ, достаточно для опроверженія довода, будто романское населеніе «не могло удержаться въ мѣстностяхъ, столько разъ подвергавшихся прибою народныхъ движеній»²⁾. Могли сохраниться не только остатки Романцевъ, укрывшихся въ горахъ Трансильваніи, но рядомъ съ ними, въ продолженіе всей германской эпохи и еще позднѣе, держались безъ сомнѣнія и *нероманизованное дакійское населеніе*. Кстати объ этомъ послѣднемъ. Мы выше уже замѣтили, что о романизации всего населенія Дакии въ періодъ римскаго владычества (отъ Траяна до Аврелиана) не можетъ быть рѣчи. Куда же дѣвались нероманизованные, сохранившіе свою народную рѣчь

¹⁾ Вотъ почему такого вліянія германскаго элемента не замѣчается и въ румынскомъ языкѣ — фактъ, которымъ пользуются для доказательства своей теоріи противники непрерывнаго романскаго населенія въ Трансильваніи Roesler, S. 123. Срв. Брунъ «Черноморье» I, стр. 271.

²⁾ Успенскій, Образование втор. Болгарскаго царства, стр. 96—97. Срв. также Брунъ «Черноморье» I (1879), стр. 267. Возможность такого сохраненія романскихъ элементовъ въ горахъ издавна сознавалось самыми беспристрастными учеными, напр. Тунманомъ: Thunmann, «Ueber die Gesch. und Sprache der Albaner u. Walachen», какъ дополненіе къ его «Untersuchungen üb. d. Gesch. d. öst. Europ. Völker» (Leipz, 1774), S. 360: «Bei den Ueberschwemmungen der Vandalen, Gothen, Hunnen, Gepiden, Slaven, Avaren und Bulgaren flohen sie (т. е. Романцы) nach den Gebirgen, die ihre Vertilgung verhinderten, aber sie wurden dadurch Nomaden...»

Даки? Нѣкоторая часть, положимъ, погибла жертвой гунно-германскаго погрома. Но другая довольно значительная часть спаслась, сосредоточившись въ Трансильваніи, самой природою огражденной отъ внѣшнихъ бурь. Эти Даки могли продержаться здѣсь очень долго. Въ концѣ V и VI в. ихъ конечно застали Славяне ¹⁾, которые никогда особенно густо не населяли Трансильваніи, и потому впоследствии съ наплывомъ Романцевъ легко были романизованы.

Другой доводъ Рёслера—отсутствіе упоминанія о Романцахъ въ періодъ народныхъ переселеній—представляется намъ также не состоятельнымъ ²⁾. Спрашивается, по какому поводу и кому было упоминать о нихъ? Они жили спокойно въ своихъ горахъ, оставаясь въ сторонѣ отъ народныхъ движеній и столкновеній, происходившихъ въ ихъ близкомъ сосѣдствѣ. На всей территоріи, окружавшей ихъ, господствовали то различныя германскія племена, то азіатскіе кочевники, имена которыхъ такъ грозны были для Римлянъ, и потому естественно встрѣчаются безпрестанно въ писаніяхъ ихъ историковъ: Аланы, Готы, Вандалы, Бургунды, Гепиды—съ одной стороны, Гунны, Болгары, Авары, Угры, Печенѣги—съ другой, — обо всѣхъ этихъ народахъ и полчищахъ мы на каждомъ шагу читаемъ у византійцевъ, — иначе и быть не могло. Но что могли знать византійцы о мирныхъ пастухахъ, жителяхъ горной Трансильва-

¹⁾ Въ пользу такого предположенія говоритъ и слѣдующее соображеніе, слышанное нами отъ В. И. Ламанскаго. Если въ славянскихъ нарѣчіяхъ (западныхъ) есть слова *еракійскія* (весьма правдоподобна догадка Добровскаго о еракійскомъ происхожденіи сл. *жуланъ*; см. письмо Добровскаго къ Я. Гриму (1825 г.), *Archiv f. slav. Philol.* v. Jagić, II B. 1 H, 1876, S. 189), то они скорѣе всего были заимствованы въ Трансильваніи (отъ Даковъ), а не за Дунаемъ, гдѣ Эракійцы легче и скорѣе были романизованы. Это замѣчаніе вполне справедливо.

²⁾ Первое положительное свидѣтельство о Валахахъ на сѣверѣ отъ Дуная относится къ 1164 г., когда бѣжавшій къ границѣмъ Галича Андроникъ встрѣтилъ тамъ Валаховъ, которые и схватили его. (*Nicet. Chronae de Man. imp.* IV, 2, p. 169—172) Томашек: *Zeitschr. f. österr. Gymn.*, 1876, S. 342—346; срв. Jung, S. 247. Однако г. Васильевскій высказалъ сомнѣніе и насчетъ этого извѣстія. См. разборъ кн. Успенскаго, Ж. М. П. Пр. 1879, июль, стр. 172—173.

ніи? ¹⁾). Допустимъ, что они даже принимали участіе въ походахъ варваровъ за Дунай. Теряясь въ массѣ послѣднихъ, они могли оставаться незамѣченными. А потому печего и удивляться, какъ удивляются нѣкоторые ученые, что о нихъ нѣтъ извѣстій ни подъ господствомъ Готовъ, а потомъ Гунновъ, ни при Гепидахъ, ни при Ава-рахъ ²⁾). Къ тому же владычество послѣднихъ, повидному, никогда не простиралось на Трансильванію. Не слѣдуетъ забывать и быта, и образа жизни Романцевъ. Живя разрозненно въ горныхъ мѣстностяхъ, они не составляли ничего цѣлаго, у нихъ не было никакого политическаго единенія и сплоченности. То же самое явленіе замѣчается и относительно нероманизованныхъ Даковъ Трансильваніи. О нихъ мы также не имѣемъ прямыхъ извѣстій, но это не мѣшаетъ намъ предполагать ихъ существованіе тамъ, и даже въ довольно значительномъ числѣ. Наконецъ вѣдь позднѣе и о Славянахъ въ Трансильваніи и вообще въ восточной Угрии, гдѣ они жили совершенно безъ политическаго единенія, со времени ихъ поселенія до самаго мадьярскаго вторженія также почти ничего не слышно. Отрицать ихъ существованіе здѣсь не позволяютъ только оставленное ими, какъ твердо-осѣдымъ земледѣльческимъ племенемъ, многочисленныя слѣды ихъ пребыванія, т. е. сильный славянской элементъ въ географической номенклатурѣ этой области ³⁾).

Этими замѣчаніями мы и ограничимся въ разсмотрѣніи «румынскаго» вопроса, ибо цѣль наша была представить только нѣ-

¹⁾ Не забудемъ, что о Влахгахъ и на Балканскомъ полуостровѣ, несмотря на близость ихъ жилищъ къ Византіи, въ теченіе долгаго періода времени извѣстій почти нѣтъ, или очень мало. Это не мѣшаетъ приверженцамъ теоріи Рёслера признавать существованіе ихъ въ Балканскихъ горахъ и притомъ въ большомъ числѣ.

²⁾ Roesler, 72—74.

³⁾ Слѣдуетъ однако оговорить, что при опредѣленіи степени распространенія Славянъ въ Трансильваніи и сосѣднихъ румынскихъ земляхъ—на основаніи славянской географической номенклатуры—нужна осторожность, потому что и сами Румыны могли иногда давать названія славянскаго корня: въ ихъ языкѣ славянской элементъ въ пору ихъ переселенія на сѣверъ долженъ былъ быть уже достаточно сильнымъ.

сколько соображений въ подкрѣпленіе своего взгляда, что нѣтъ достаточныхъ основаній вполне отрицать *непрерывное* существованіе романскихъ элементовъ въ горныхъ частяхъ древней Дакии рядомъ съ неороманеннымъ дакійскимъ, — тѣмъ болѣе, что приливъ Валаховъ съ юга изъ-за Дуная могъ начаться гораздо ранѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ (по Томашку приблизительно съ X в.)¹⁾.

Возвратимся теперь къ положенію дунайскихъ странъ въ VI вѣкѣ, когда по значительно обезлюдѣвшей дунайской территоріи стали распространяться новые многочисленныя поселенцы — Славяне, уже съ конца V вѣка начавшіе приливать въ ея окраины съ сѣвера и востока.

По мѣрѣ того какъ Германцы мало по малу подвигались на западъ и завоевывали земли въ предѣлахъ древняго римскаго міра, по ихъ стопамъ въ очищаемыя ими пространства повсюду слѣдовали ихъ непосредственные восточные сосѣди — Славяне. Такъ было и на дунайской территоріи. Славяне продолжали великое дѣло, предпринятое Германцами, дѣло этническаго обновленія сѣверныхъ и восточныхъ областей имперіи и созиданія на ея развалинахъ новыхъ политическихъ и культурныхъ организмовъ. Но достигнувъ дунайской территоріи, Славяне направили свои силы уже въ иную сторону, чѣмъ Германцы. Въ то время какъ Западная Римская имперія пала подъ ударами вопштвенныхъ германскихъ полчищъ, наводившихъ Италію и вообще всѣ западныя римскія провинціи, Восточной имперіи суждено было подвергнуться наплыву славянскихъ массъ. Однако для нея это нашествіе новыхъ, чуждыхъ ей народовъ имѣло совершенно иныя по-

¹⁾ Какъ мы видѣли, положеніе о *давности* Румынъ въ нынѣшней Угріи не безуспѣшно защищалъ Пичъ въ названномъ выше сочиненіи. Онъ приходитъ къ заключенію, что, насколько можно прослѣдить съ XIII в. Валаховъ на территоріи Угріи, они являются уже осѣдыми, владѣющими землей населеніемъ, съ своими національными воеводами, банами и знатью, и пользуются своеобразнымъ обычнымъ правомъ (наравнѣ съ Русскими и Словаками), признаннымъ угорскимъ королевствомъ. Между тѣмъ всѣ народности, пришедшія въ Угрію послѣ водворенія Мадыаръ, были устроены на основаніи разныхъ привилегій и получили исключительныя права. Pich, *ibid.*, S. 191—192; 195—197.

слѣдствіа; оно не разрушило Восточной имперіи, а только обновило ея области въ этнологическомъ отношеніи и создало на Балканскомъ полуостровѣ новый культурно-историческій міръ. Исходными землями переселенія Славянъ за Дунай были конечно дунайскія страны, въ особенности страны на сѣверъ отъ нижняго Дуная (древ. Дакія) и здѣсь прежде всего нынѣшняя Валахія, которая (вмѣстѣ съ Молдавіей) изъ странъ собственно подунайскихъ безъ сомнѣнія первая подверглась наплыву Славянъ.

Какъ Германцамъ въ разгромѣ Западной имперіи оказала дѣятельную помощь азіатская орда Гунновъ, такъ точно Славянамъ въ дѣлѣ заселенія новыхъ территорій и политическаго объединенія помогли другія орды турецкаго племени: сначала Болгары, потомъ Авары. Вторженія Болгаръ за Дунай изъ припонтійскихъ степей, гдѣ они временно располагались, начались съ конца V вѣка¹⁾. Въ началѣ VI вѣка къ нимъ присоединились Славяне, которые именно тогда съ особенною силой въ большомъ числѣ устремились къ нижнему Дунаю и распространились по древней Дакии²⁾. Въ теченіи всего VI и VII в. продолжаются безпрерывныя вторженія Славянъ и Антовъ на Балканскій полуостровъ, то однихъ, то въ сообществѣ съ Болгарами, то наконецъ поздѣе съ Аварями. Въ этотъ-то періодъ времени произошло заселеніе Славянами областей Восточной имперіи (особенно сѣверныхъ), сильно обезлюдѣвшихъ въ предшествующую эпоху народныхъ переселеній. Одновременно съ процессомъ славянизация Балканскаго полуострова совершалось и этническое обновленіе всѣхъ дунайскихъ странъ, куда приливали массы Славянъ и съ востока, и съ сѣвера (съ Одера и Вислы).

¹⁾ Первое появленіе ихъ на нижнемъ Дунаѣ относится къ 482 г., когда они были призваны Византійскимъ Императоромъ (Зенономъ) на помощь противъ Острогговъ. обстоятельное изложеніе вторженій Болгаръ и рядомъ съ ними Славянъ во владѣніи имперіи см. у М. Соколова, Изъ древ. ист. Болгаръ, стр. 40—45.

²⁾ Есть основаніе полагать, что Славяне уже съ половины VI в. жили въ «Салии» (между Савой и Дравой), какъ бы подъ покровительствомъ Гепидовъ, съ которыми они вообще были въ хорошихъ отношеніяхъ (даже помогали имъ противъ Лангобардовъ) Roesler, *Zeitpunkt d. slav. Ans. an. d. u. D.*, S. 86—83.

Здѣсь, въ подунайскихъ странахъ, расселеніе Славянъ достигло крайнихъ своихъ предѣловъ на западѣ уже къ концу VI вѣка. Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ ближайшихъ извѣстій о томъ, какими путями и въ какомъ порядкѣ шло заселеніе Славянами разныхъ мѣстностей дунайской территоріи. Точно также неопредѣленны наши свѣдѣнія о главныхъ славянскихъ племенахъ, совершившихъ эту колонизацію и о ихъ первоначальномъ распределеніи въ дунайскихъ земляхъ. Приходится довольствоваться заключеніями на основаніи тѣхъ данныхъ и отношеній, которыя выясняются лишь въ болѣе позднее время.

Въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей о борьбѣ имперіи со Славянами въ VI и VII в. послѣдніе представляются намъ народомъ съ несомнѣнно воинственными наклонностями, еще безъ прочной осѣдлости и безъ того исключительнаго пристрастія къ мирному земледѣльческому труду, которое у нихъ проявляется, какъ скоро они твердо засѣли на новой землѣ. Дѣйствительно, такими и должны были быть Славяне въ довольно продолжительный періодъ своихъ переселеній изъ первоначальной родины въ новыя жилища, въ періодъ странствованій и борьбы, которыми сопровождалось это переходное для нихъ время. И у нихъ, какъ у Германцевъ, характеръ внутренняго быта и политической жизни сложился и выяснился лишь съ окончательнымъ, прочнымъ утвержденіемъ на занятыхъ территоріяхъ. А такъ какъ это утвержденіе совершилось сравнительно поздне (VII—VIII в.), чѣмъ у ихъ старшихъ собратьевъ, германцевъ, то очевидно и въ культурномъ развитіи Славяне не могли не отстать отъ послѣднихъ.

Итакъ и въ дунайскія земли Славяне пришли еще далеко не мирными колонистами—земледѣльцами (какъ принимается нѣкоторыми учеными), а вооруженными и даже буйными толпами съ военно-дружинной организаціей. Такими они постоянно являются въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ за Дунай и столкновеніяхъ съ войсками имперіи въ теченіе всего VI вѣка и въ первой половинѣ VII-го, какъ мы въ этомъ можемъ убѣдиться изъ обстоятельныхъ свѣдѣтельствъ Прокопія (551), Мавркія (582—602) и дру-

гихъ современныхъ византійцевъ ¹⁾. Такимъ же дружиннымъ характеромъ отличалось, повидимому, и устройство Сербовъ и Хорватовъ, когда они, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ VII вѣкѣ заселили Иллирію и Далмацію съ разрѣшенія императора Ираклія ²⁾. А если распространеніе Славянъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная и въ средне-дунайскихъ земляхъ совершается сравнительно мирно, безъ шума и военныхъ подвиговъ, то лишь потому, что Славяне не могли встрѣтить здѣсь никакого значительнаго сопротивленія, — такъ опустѣли эти страны по удаленіи изъ нихъ воинственныхъ Германцевъ.

На первыхъ порахъ своего поселенія въ новой родинѣ дунайскимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ той ихъ части, которая расположилась западнѣе, на среднемъ Дунаѣ и въ древней Панноніи, пришлось испытать тяжелую долю. Это было вторженіе и продолжительное (2-хъ вѣковое) владычество турецкаго племени *Авары*, завлеченныхъ въ средній Дунай взаимною борьбою германскихъ племенъ. Лангобарды воспользовались ихъ помощью противъ Гепидовъ и затѣмъ уступили имъ свои жилища въ Панноніи, выселились въ Италію. Нашествіе Аваровъ было результатомъ новаго движенія турецкихъ народовъ въ юговосточныхъ степяхъ нынѣшней Россіи, начавшагося при Юстиніанѣ. Въ 60-хъ годахъ VI вѣка Авары въ числѣ 20,000 устремились на западъ. Прежде всего испытали ихъ грозный погромъ народы припоцтійскіе, Болгары, Утургуры и Кутургуры, Анты и другіе Славяне на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. Отсюда Авары продолжали свое движеніе на западъ и очень скоро проникли къ самымъ границамъ Франкской державы. Путь, которымъ они шли, по скудости извѣстій, нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ они, какъ кочевой конный народъ, не могли переходить че-

¹⁾ Прокопій въ сочиненіи: «De bello Goth.» l. III, также въ Anecdota; Маврикій въ Strategicum (ed. Scheff. Ups. 1664). См. Дриновъ, Заселеніе Балк. пол. Славянами, 1872, стр. 94—118, и Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861, стр. 128—135.

²⁾ См. нашу монографію: «Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербѣхъ и Хорватахъ и ихъ разселеніи на Балкан. пол.» Спб. 1880, стр. 217.

резь Карпаты или пробираться ихъ ущельями (какъ думалъ Шафарикъ)¹⁾, а должны были обойти ихъ съ сѣвера или съ юга. Гдѣ именно они обошли ихъ, объ этомъ существуютъ разные мнѣнія, хотя для насъ лично нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и Авары шли по стопамъ всѣхъ прочихъ кочевыхъ ордъ, проходившихъ черезъ южнорусскія стени, т. е. южнымъ путемъ — равниной нижняго Дуная. Но какъ-бы то ни было, Авары (шли ли они южнымъ или сѣвернымъ путемъ) должны были проходить черезъ земли, уже населенныя Славянами. Естественно поэтому, что своимъ разрушительнымъ движеніемъ они увлекли за собою значительныя массы Славянъ, которыхъ потомъ, какъ своихъ подданныхъ, поселили на завоеванной территоріи. Аварское иго было конечно великимъ бѣдствіемъ для Славянъ, ибо Авары нисколько не щадили своихъ подданныхъ и угнетали ихъ, заставляя постоянно на себя работать и обирая ихъ. Тѣмъ не менѣе зависимость отъ Аваровъ имѣла и свою хорошую сторону для Славянъ: они мало по малу привыкли къ мирному земледѣльческому труду, полюбили свою новую землю, и освоились съ ней. Ненависть къ общему врагу и угнетителю способствовала ихъ сплоченію и развитію у нихъ народнаго самосознанія, а впоследствии помогла и ихъ политическому объединенію. Воинственные наѣздки, незнавшіе мирнаго труда и покоя, Авары нуждались въ рабочихъ силахъ для своего прокормленія, а потому они въ своихъ интересахъ должны были поощрять славянскую колонизацію, которая дѣйствительно и совершается въ большихъ размѣрахъ въ концѣ VI и впродолженіе VII вѣка, въ Панноніи, Норикѣ и до Адриатическаго моря. Въ то же время такая же славянская колонизація, уже независимо отъ Аваръ, происходила и въ восточныхъ земляхъ нынѣшней Австро-Венгріи: на всемъ протяженіи Карпатскихъ горъ, въ сѣверной и восточной Угріи и въ Трансильваніи.

Славяне нашли эти земли большею частью почти обезлюдѣв-

¹⁾ Шафарикъ, Сл. Др. II, кн. I, стр. 97—98.

шими и совсѣмъ необработанными. Остатки древнѣйшаго населенія, пережившіе бурные вѣка переселеній, сохранились по преимуществу съ одной стороны въ альпійскихъ горахъ, съ другой въ Трансильваніи (гдѣ обратились къ пастушеской жизни), а прочіе края, на которыхъ вѣкогда процвѣтали и земледѣліе и промышленность культурныхъ Римлянъ, находились въ самомъ запущенномъ и заброшенномъ видѣ. Непроходимые лѣса и болота покрывали обширныя пространства земли, и новымъ поселенцамъ предстоялъ тяжелый трудъ расчистки и разработки почвы для того, чтобы сдѣлать ее удобною для устройства своихъ селеній и для земледѣлства. Трудъ этотъ и выпалъ прежде всего на долю Славянъ, которые совершили первую колонизаціонную работу, сопряженную съ тяжелымъ трудомъ расчистки еще не приспособленной къ земледѣлію почвы¹⁾. Повсюду замѣчается явленіе, что славянскія поселенія всегда преобладали въ долинахъ небольшихъ рѣкъ и притоковъ и вообще въ холмистыхъ мѣстностяхъ, составляющихъ переходную ступень отъ высокихъ горъ къ равнинамъ большихъ рѣкъ²⁾; здѣсь, въ слишкомъ низменныхъ равнинахъ, земледѣлію рѣшительно препятствовали частыя наводненія и оттого чрезчуръ влажная, хотя и плодородная почва; тамъ, среди вершинъ Альпійскихъ, земледѣлецъ чувствовалъ себя слишкомъ стѣсненнымъ.

¹⁾ Вопросъ о томъ, какъ и куда направляется вообще дѣятельность первыхъ поселенцевъ всякой колонизуемой земли, разобранъ всего основательнѣе и полнѣе извѣстнымъ американскимъ ученымъ Керри (Cary), который неоспоримыми историческими фактами и наблюденіями опровергъ господствовавшую до него теорію Рикардо о занятіи земли, доказавъ, что первый поселенецъ берется всегда сначала за худшую, менѣе удобную почву, и уже потомъ, съ умноженіемъ населенія и съ усиленіемъ дѣятельности, переходитъ къ болѣе плодородной почвѣ. См. Керри, Руководство къ социальной наукѣ, пер. кн. Шаховскаго. Сиб. 1869 г., стр. 95—104 и слѣд. Безъ сомнѣнія этотъ законъ относится одинаково и къ заселенію новыхъ территорій Славянами.

²⁾ На это взаиміе территоріальныхъ условій на распредѣленіе славянскихъ поселеній обратилъ вниманіе г. Кеммеля, рассматривая славянскую колонизацію въ своей книгѣ «Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterr.», Leips. 1879, S. 178, 179.

Такимъ образомъ славянскія поселенія никогда не могли быть многочисленны въ великой тиссо-дунайской низменности (въ самыя центральныя ея части оно едва ли когда либо и заходило)¹⁾, равно какъ и наиболѣе гористыя части восточно-альпійской области и Трансильваніи не видѣли у себя никогда густого славянскаго населенія. Уже въ послѣдствіи по естественной, Славянамъ особенно свойственной ползучести и благодаря другимъ внѣшнимъ историческимъ причинамъ, они распространились въ нѣкоторой степени, какъ въ горныхъ краяхъ, такъ и по обширнымъ низменностямъ Дуная и его большихъ притоковъ.

Характеръ и способъ славянской колонизаціи не мало освѣщается тѣми данными, которыя представляетъ славянская топографическая номенклатура. Уже изъ того факта, что Славяне въ очень рѣдкихъ случаяхъ унаслѣдовали прежнія кельто-римскія мѣстныя названія, которыя несомнѣнно еще держались въ гунно-германскую эпоху, видно, какое запустѣніе они застали въ большей части колонизованныхъ ими странъ: очевидно не было тамъ населенія, которое бы передало имъ прежнія географическія названія. Любопытно, что многія изъ славянскихъ названій по своему коренному значенію даютъ намъ понять, какою борьбою съ природными препятствіями сопровождалось расселе-

¹⁾ О сплошномъ славянскомъ поселеніи въ этой центральной угорской низменности (существованіе котораго, очевидно, предполагаютъ многіе славянскіе ученые) не можетъ быть и рѣчи. Независимо отъ недопускавшихъ этого въ ту эпоху природныхъ условій, противъ такого представленія краснорѣчиво говорятъ и другія соображенія. Древнихъ славянскихъ топографическихъ названій, сохранившихся повсюду, гдѣ только жили Славяне (и въ предѣлахъ мадьярской территоріи), здѣсь, въ самыхъ центральныхъ частяхъ равнины, почти не существуетъ. Затѣмъ сохраненіе мадьярской народности въ такомъ чистомъ видѣ имѣло на этомъ пространствѣ свидѣтельство о томъ, что Мадыры всегда жили здѣсь не смѣшанно. Поселись они на территоріи, слоюшъ занятой Славянами — имъ выпала бы на долю можетъ быть совершенно иная участь, въ родѣ той, какою постигла Болгарскую орду, покорившую Славянъ Балканскаго полуострова, но въ послѣдствіи постепенно поглотившую ина.

нія Славянъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ¹⁾. Съ другой стороны славянская номенклатура бросаетъ свѣтъ на типическій характеръ этого разселенія. Относясь исключительно къ отдѣльнымъ мѣстечкамъ и къ колонизируемымъ пунктамъ территоріи, и не касаясь цѣлыхъ земель и болѣе обширныхъ мѣстностей, она доказываетъ, что отличительною и характерною чертою славянскаго разселенія была разрозненность и ползучесть, отсутствіе всякаго политическаго единенія или тѣсной племенной связи. Въ эпоху своего переселенія изъ первоначальной родины Славяне, благодаря своему военно-дружбному устройству, еще продолжали признавать нѣкоторое единство въ интересахъ и въ стремленіяхъ. Когда же однако цѣль переселенія была достигнута, общіе интересы удовлетворены, и Славяне твердо расположились въ новой странѣ, очень скоро исчезло единеніе, — началось раздробленіе и разселеніе ихъ во всѣ стороны, на огромныя протяженія. Естественно при такой растянутости территоріи объединеніе становилось несравненно труднѣе²⁾. Что касается собственно характера славянскихъ топографическихъ названій, то они отличаются тѣмъ, что всѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ *мѣстоположенію*, иначе сказать, они возникли изъ тѣхъ характерныхъ территоріальныхъ признаковъ, которые поражали новыхъ поселенцевъ. Это объясняется главнымъ образомъ, такъ сказать, бытовыми особенностями славянской колонизаціи. Она совершалась, какъ извѣстно, на вѣсныхъ началахъ, чѣмъ нѣмецкая³⁾. У Нѣмцевъ такимъ началомъ было крупное землевладѣніе, тогда какъ Славяне расселялись врозь, мелкими посѣлками или отдѣльными *дворами* (подобными тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь напр. въ нашихъ «Новгород. Писцев.

¹⁾ Срв. Kaestmel. *ibid*, S. 181. и нашу рецензію этой книги. Ж. М. Пр., 1880 г., апрѣль.

²⁾ То же явленіе разрозненности и растянутости славянскихъ поселеній, не особенно многочисленныхъ, мы видимъ и въ сѣверной Германіи, у *Балтійскихъ* и *Полабскихъ* Славянъ, которые вслѣдствіе того легко подверглись германизаціи.

³⁾ Kaestmel, *ibid*, S. 182, 183.

Книгахъ», см. изд. Археографич. Комис. въ 3 том. 1857, 62, 68 гг.) и семьями, которыя сами распредѣляли между собою землю; оттого-то въ нѣмецкой топографической номенклатурѣ мы видимъ преобладаніе названій *по имени владѣльцевъ* (крупныхъ), а у Славянъ — названій *по мѣстоположенію*, возникавшихъ непосредственно среди народа.

Вопросъ о главныхъ путяхъ, какими Славяне переселились на дунайскую территорію и именно въ западную ея половину, и о ихъ первоначальномъ *племенномъ распредѣленіи*, какъ уже выше было замѣчено, остается до сихъ поръ мало выясненнымъ и спорнымъ. При отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ, собственно историческихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, особенно второй его половины, остается только одинъ возможный путь, — филологическія разысканія (надъ топографической номенклатурой, и въ области нынѣшнихъ языковъ Австро-Венгріи), которыя дѣйствительно могутъ дать полезный матеріалъ для разъясненія вопроса. Можетъ быть дальнѣйшіе труды въ этомъ направленіи и приведутъ къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, но пока мнѣнія ученыхъ представляютъ лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на взглядъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе заслуживающій вѣры. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: славянское населеніе, расположившеся въ восточно-дунайскихъ земляхъ, т. е. Молдавіи, Трансильваніи и можетъ быть отчасти Валахіи, и нынѣ оставившее на себѣ слѣды лишь въ мѣстной номенклатурѣ, было *русское*, т. е. совершенно однородное съ тѣмъ, которое сослѣдло съ нимъ на востокъ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи (по Днѣстру, Днѣпру, его притокамъ и сѣвернѣе). То же русское населеніе издавна заняло и сѣверовосточный прикарпатскій край Угріи, на сѣверъ отъ Трансильваніи, откуда оно затѣмъ распространилось на западъ и югозападъ, колонизировало вѣроятно весь сѣверовосточный уголъ тиссо-дунайской равнины и восточная окраина Угріи. Съ другой стороны Славяне, заселившіе всю западную половину дунайской территоріи, отъ западныхъ

Карпатовъ, Судетовъ и сѣверныхъ чешскихъ горъ до Адриатическаго моря и отъ устьевъ Дравы до западныхъ предѣловъ Зальцбурга и Тироля, принадлежали двумъ различнымъ вѣтвямъ: одна, занявшіе сѣверныя области—*чешско-словенскому* племени (нынѣшніе Чехи, Мораване и Словаки), другіе (южныя)—*словинскому*, современными представителями которыхъ являются Словинцы или Хорутане. Первые пришли съ сѣверовостока отъ Вислы и Одера и теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ проникли въ Моравію и затѣмъ въ Чехію, на средній Дунай и въ сѣверозападныя части Угріи, наконецъ въ сѣверную часть верхней и нижней Австріи, а впоследствии распространились даже нѣсколько за Дунай (сѣверныя окраины Панноніи). Вторые, Словенцы, пришли съ востока — съ нижняго Дуная и изъ припонтійскихъ странъ¹⁾. Они принадлежали повидному къ тому великому славянскому потоку, который, выступивъ изъ южной полосы общей славянской прародины, первый устремился къ югозападу, къ нижнему Дунаю и въ нынѣшнюю Валахію, и съ начала V вѣка сталъ страшенъ Византійской имперіи. Одна часть этого потока мало по малу перешла черезъ Дунай и разлилась по всему Балканскому полуострову, другая двинулась на западъ, вдоль по теченію Дуная, потомъ по Савѣ и Дравѣ проникла до самаго Адриатическаго моря и расселилась въ восточно-альпійской территоріи и отчасти древней Панноніи, т. е. въ нынѣшней Штиріи, Каринтіи, Крайні, Зальцбургской области, Тироля и западной Угріи. Эта вѣтьв могла войти кое-гдѣ (особенно на равнищѣ, въ Панноніи) въ соприкосновеніе съ сѣверною чешскою вѣтвью, но гдѣ именно была эта раздѣлительная линія, опредѣлить очень трудно²⁾. Центральная часть тиссо-дунайской низменности осталась такимъ образомъ почти не тронутою славянскимъ населеніемъ и это естественно, ибо она по степному характеру и другимъ условіямъ почвы (частымъ разливамъ Дуная и Тиссы) представляла большія затрудненія для земледѣльческаго хозяйства. Она болѣе соотвѣт-

¹⁾ Foesler, Zeitpunkt d. Slav. Ansiedl. an d. unt. Donau, S. 92.

²⁾ Ibid, S. 93.

ствовала характеру жизни, быту и потребностям кочевниковъ, которые постоянно въ ней раскидывали свои подвижныя жилища. Здѣсь, по преимуществу, располагался кочевьями Авары (съ ихъ *хрингами*) здѣсь же впоследствии утвердилась мадьярская орда¹⁾.

Относительно славянскаго населенія восточно-дунайскихъ областей слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о принадлежности его къ вѣтви *русскихъ* Славянъ былъ поднятъ уже очень давно, но долго оставался безъ надлежащаго разъясненія. Въ послѣднее время къ нему внимательнѣе отнесся Рёслеръ, который и пришелъ къ утвердительному его рѣшенію²⁾. Однако и теперь вопросъ этотъ остается далеко не выясненнымъ и ждетъ тщательнаго изслѣдованія. Рёслеръ основалъ свой выводъ не столько на историческихъ соображеніяхъ и извѣстіяхъ (вообще очень скудныхъ); сколько главнымъ образомъ на топографической номенклатурѣ въ Молдавіи, Трансильваніи и въ ихъ сосѣдствѣ, которая де рѣшительно свидѣтельствуетъ о томъ, что когда-то распространен-

¹⁾ «Послѣднею волною» славянскаго движенія было переселеніе *Хорватовъ* и *Сербовъ* въ ихъ нынѣшнія жилища, относящееся, по свидѣтельству императора Константина, къ первой половинѣ VII вѣка, къ царствованію императора Ираклія (610 — 641). Оставивъ по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, свою родину за Карпатами, они искали новыхъ жилищъ и придвинулись къ границамъ имперіи. Императоръ Ираклій согласился предоставить имъ на заселеніе Далмацію и Иллирикъ, но съ тѣмъ, чтобы они вытѣснили оттуда Аваровъ. Сербы и Хорваты исполнили это условіе и расположились на новыхъ мѣстахъ жительства. De Adm. Imp. c. 29 etc. См. упомянутую монографію «Извѣстія Конст. Багр. о Сербахъ и Хорватахъ», Спб. 1880 г. (изъ IX т. Записокъ Имп. Географ. Общ. по Отд. Этнографіи).

²⁾ Roesler, Rom. Stud. 1871, стр. 321 и слѣд. Въ нашей ученой литературѣ взглядъ этотъ о древнѣйшемъ распространеніи русскаго элемента на сѣверѣ отъ нижняго Дуная (въ Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи) былъ впервые съ убѣжденіемъ высказанъ проницательнымъ Надеждинымъ, который на основаніи личныхъ наблюденій, совершенныхъ имъ во время путешествія, призналъ имѣющими историческую достовѣрность извѣстныя сказанія Пестора о Русскихъ на Дунаѣ. Надеждинъ, Путешествіе по южнославянскимъ землямъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1842, VI, 103—5. Это мнѣніе Надеждина, какъ заслуживающее полнаго вниманія, было приведено не такъ давно, рядомъ съ изложеніемъ взгляда Рёслера, В. Г. Васильевскимъ въ его монографіи «Византия и Печенѣги», въ статьѣ «Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ». Журн. Мин. Нар. просв. 1872 г. декабрь, стр. 299, 300 и далѣе. Срв. Успенскій, Образование втораго Болгарскаго Царства, Приложение, 31—34.

ное здѣсь славянское населеніе было именно *русское*. Дѣйствительно, о существованіи пѣкогда въ Трансильваніи русскаго населенія свидѣтельствуяютъ такія названія мѣстъ, которымъ уже присуще обозначеніе русскихъ (наприм. Reussdorf, Reussen, Reussmarkt, Russberg, Russholz, Oroszfaja, Oroszfalu, Oroszmező и т. д.). Но дѣло въ томъ, что происхожденіе этихъ мѣстъ можетъ скорѣе быть отнесено къ болѣе поздней порѣ, когда было исторически извѣстное передвиженіе русскаго населенія въ эти края (XV), чѣмъ къ домадьярской эпохѣ. Это соображеніе имѣлъ уже въ виду Рёслеръ¹⁾, стоявшій однако все-таки на томъ, что большинство славянскихъ географическихъ названій относится къ древнѣйшему времени. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но дѣло въ томъ, что для рѣшительнаго утвержденія, что древнѣйшее славянское населеніе было именно *русское*, этого еще мало. Взглядъ Рёслера встрѣтилъ возраженія со стороны Томашка, высказавшагося прямо въ противоположномъ смыслѣ; — въ пользу того, что славянское населеніе сѣверо-дунайскихъ странъ въ древности не отличалось въ племенномъ отношеніи отъ балканскихъ (потомъ болгарскихъ) Славянъ²⁾. Однако нельзя сказать, чтобы и доводы Томашка были достаточно убѣдительны, чтобы лишить силы рёслеровское мнѣніе. Въ предѣлахъ Дакии и вообще на нижнемъ Дунаѣ только временно располагались Словенцы, отчасти перешедшіе затѣмъ на правый берегъ Дуная, отчасти ушедшіе на западъ въ древнюю Паннонію и Норикъ. Древнюю Дакию вѣроятно занимали съ тѣхъ поръ почти одни только русскіе Славяне. Впрочемъ, исключеніе составляла Валахія: здѣсь, по лѣвому берегу Дуная оставались еще и собственно *словенскія* поселенія, т. е. Славяне, одноплеменные съ болгарскими. Надъ этими валашскими Славянами въ IX вѣкѣ, по всей вѣроятности,

¹⁾ Roesler, Rom. Stud. S. 326. Прибавимъ отъ себя, что въ пользу такого предположенія говорятъ и самыя названія мѣстъ, съ обозначеніемъ *Reuss-, Russ-, Orosz-*: они не могли возникнуть въ домадьярскую эпоху.

²⁾ Tomásek, Zeitschr. f. Oester. Gymn. XXIII, 1872 (рецензія на книгу Рёслера, S. 147—148).

господствовали Болгаре; замѣтимъ кстати, что болгарское господство, которое совершенно отрицаетъ Рёслеръ) вовсе не противорѣчитъ его взгляду, что на сѣверъ отъ Дуная было русское населеніе, ибо только въ смыслѣ такого господства этотъ край могъ слѣсть подъ именемъ «сѣверо-дунайской (собст. *задунайской*) Болгаріи» (*Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ Ἰστρου*). Томашекъ не правъ, приводя это господство въ подтвержденіе своего заключенія о племенномъ тождествѣ всѣхъ дакійскихъ Славянъ съ болгарскими ¹⁾).

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ характеръ славянской колонизаціи и племенное распределеніе Славянъ на дунайской территоріи въ первое время по ихъ расселеніи здѣсь, намъ необходимо обратить вниманіе на судьбу дунайскихъ странъ въ теченіе VIII вѣка для выясненія этническихъ отношеній на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ къ началу IX вѣка, когда дунайскому славянству пришлось непосредственно столкнуться съ силами франко-германскаго запада. Къ сожалѣнію, извѣстія наши объ этой эпохѣ исторіи дунайскихъ странъ до того скудны и неопредѣленны, что не даютъ возможности уяснить себѣ въ должной мѣрѣ этническихъ отношеній, развивавшихся въ теченіе всего этого времени. Все, что мы знаемъ о господствѣ Аваровъ, объ отношеніи къ нимъ Славянъ, о первой попыткѣ славянскаго объединенія при Само въ первой половинѣ VII вѣка, о первыхъ столкновеніяхъ Славянъ съ Нѣмцами (Баварцами и др.), о постепенномъ паденіи аварскаго господства, наконецъ о наступательномъ движеніи Германцевъ на Дунаѣ, — все это бросаетъ лишь самый слабый свѣтъ на внутреннее состояніе дунайскихъ Славянъ въ VII и VIII вѣкѣ и на успѣхи ихъ колонизаціонной дѣятельности. Къ тому же все это касается Славянъ западныхъ, а то, что происходило одновременно на *востоку*, между Дунаемъ и Карпатами, какой здѣсь совершался этнологическій процессъ, покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ. Особенно темнѣе болѣе чѣмъ столѣтній періодъ, начиная съ распадешя

¹⁾ Tomašek, *ibid.*

первой славянской державы Само до окончательнаго паденія господства Аваровъ подъ ударами Карла Великаго.

Въ большей части древней Дакии (въ Трансильваніи, восточной и сѣверовосточной Угріи) послѣ расселенія въ нихъ Славянъ и послѣ передвиженія аварской орды на западъ, въ Паннонію, наступаетъ надолго ничѣмъ не нарушимый миръ. Новые славянскіе поселенцы обратились къ безмятежной земледѣльческой жизни и вошли (въ Трансильваніи) въ соприкосновеніе съ остатками прежняго населенія, состоявшими изъ уцѣлѣвшихъ въ горахъ Даковъ и Романцевъ. Колонизація Славянъ и здѣсь имѣла свой особый характеръ. Нигдѣ, ни въ какомъ краѣ, они не поселились большой массой и не образовали чего-либо цѣльнаго, способнаго къ успѣшному развитію въ политическомъ и національно-культурномъ отношеніяхъ; напротивъ, они расплозились во всѣ стороны, гдѣ только было просторно и удобно, вездѣ расположились мелкими общинами, безъ всякой взаимной связи, и такимъ образомъ сдѣлали для себя невозможнымъ политическое объединеніе и успѣшное противодѣйствіе внѣшнимъ, инороднымъ, болѣе сильнымъ и многочисленнымъ элементамъ. Этимъ только и объясняется ихъ сравнительно быстрое поглощеніе въ Трансильваніи и сосѣднихъ краяхъ (Молдавіи и Валахіи) — Валахами, которые, переселяясь мало по малу пзъ-за Дуная и соединяясь съ скудными остатками дакійскихъ Романцевъ, образовали наконецъ крѣпкую *румынскую* или *валахискую народность*; Румыны, сильно размножаясь, легко ассимилировали себѣ не слишкомъ многочисленныхъ и повсюду разрозненно жившихъ Славянъ и вѣроятно мѣшавшихся съ ними Даковъ.

Въ началѣ IX вѣка (при Крумѣ) Болгары распространили свою власть и на сѣверъ отъ нижняго Дуная. Но какъ далеко простиралась здѣсь ихъ владѣнія, рѣшить очень трудно (не думаемъ, чтобы имъ принадлежала и Трансильванія). По всей вѣроятности, какъ увидимъ ниже, кромѣ нынѣшней Валахіи, южные предѣлы тиссо-дунайской равнины также были одно время во власти Болгаръ. По крайней мѣрѣ Крумъ покорилъ здѣсь Ава-

ровъ, оттѣсненныхъ за Тиссу въ концѣ VIII вѣка походами Франковъ¹⁾. Извѣстно, что сюда, въ сѣверо-дунайскую Болгарію, были перселяемы массы греческихъ плѣнныхъ, захватываемыхъ Болгарами во время войнъ съ Византіей. Вообще съ распространеніемъ болгарской власти на сѣверъ отъ Дуная, должны были оживиться сношенія и связи между странами по обѣ стороны Дуная; тогда усилился безъ сомнѣнія и обмѣнъ населенія между ними, обмѣнъ, который начался по всей вѣроятности гораздо раньше, еще со времени германскаго господства на Дунаѣ. Можно предположить, что уже въ ту пору начались и болѣе значительныя переселенія на лѣвый берегъ Дуная Валаховъ Балканскаго полуострова, такъ что Мадьяры въ концѣ IX вѣка могли уже застать на почвѣ Дакіи довольно значительныя румынскія поселенія²⁾.

На западѣ, Славяне въ Панноніи и въ восточно-альпійскихъ областяхъ, со времени самаго своего расселенія, должны были покориться Аварамъ, подчинившимъ также Славянъ Чехіи и Моравіи и другихъ сосѣднихъ земель. Какъ ни жестоко обращались Авары со своими славянскими подданными, все-таки не они были для послѣднихъ самыми опасными врагами. Ихъ господство не было прочно, и уже со второй четверти VII вѣка оно явно клонится къ упадку—вслѣдствіе внѣшнихъ неудачъ и внутреннихъ междоусобій. Настоящая опасность для Славянъ грозила совершенно съ другой стороны. Ихъ западные сосѣди, *Германцы* (а именно баварское племя), уже давно обнаруживали серіозныя стремленія распространить на востокъ, по Дунаю и въ восточно-альпійскую территорію, свою власть, а съ нею направить туда и колонизацію. Въ страну на западъ отъ р. Энки они проникли уже въ началѣ VI вѣка. Аварскій погромъ положилъ на время предѣлъ ихъ движенію и далъ возможность Славянамъ коло-

¹⁾ Томаšek, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn., *ibid.*

²⁾ Понятно поэтому, что въ XI—XII в. Несторъ уже могъ говорить о Володахъ на сѣверѣ отъ Дуная, какъ о значительномъ и важномъ этническомъ элементѣ. (См. Лѣтопись по Лавр. св., изд. 1872 г. стр. 25, подъ 898 годомъ).

низовать восточно-альпійскія земли и распространиться довольно далеко на западъ, въ глубь нынѣшняго Тироля и Зальцбургской области. Къ концу VI вѣка относятся первыя столкновенія Славянъ съ Баварцами. Въ 595 году Славяне съ помощію Аваровъ нанесли пораженіе баварскому герцогу Тассило I. Съ тѣхъ поръ Славяне не разъ участвовали въ походахъ Аваровъ противъ Баварцевъ и Франковъ.

Приблизительно послѣ 626 года, когда Авары потерпѣли пораженіе подъ стѣнами Константинополя и въ Иллиріи (со стороны Сербо-Хорватовъ), могущество ихъ было сильно поколеблено, между прочимъ также и вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ. Слабостью Аваровъ воспользовались Славяне Чехіи и Моравіи, сбросили ихъ иго и соединились подъ властью сильнаго вождя Само¹⁾. Къ этому союзу примкнули вскорѣ и другіе, сосѣдніе съ Чехіей и Моравіей Славяне, между прочимъ и восточно-альпійскіе²⁾. Образовался могущественный славянскій союзъ, который сталъ страшенъ не только для Аваровъ, но и для западныхъ сосѣдей. Славяне подъ предводительствомъ Само одержали большую побѣду надъ Франками (при Вогатисбургѣ), которая имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи Славянъ. Послѣдніе стали предпринимать частыя опустошительныя вторженія въ земли Франковъ. Къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и достиженіе славянскою колонизаціей своихъ крайнихъ предѣловъ на западѣ³⁾. Однако этотъ повидному силь-

¹⁾ Нескончанный споръ о національности этого Само и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ; нѣмецкіе историки считаютъ доказаннымъ его франкское происхожденіе. (См. Badinger, Oesterr. Gesch., S. 75—76). Славяне продолжаютъ оспаривать этотъ взглядъ и не хотятъ уступить Франкамъ перваго объединителя славянства на западѣ. Кромѣ Шафарика (Сл. Др., II, кн. 2, стр. 226—7) и Палацкаго (Sazoris Česk. Museum, 1830, p. 387), явилась въ позднѣйшее время особая монографія «König Samo», v. Fasching, Marburg, 1872 (S. 6—8).

²⁾ Что Карантанія (называемая также «Виндской маркой») входила въ союзъ Само, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. См. Kaestmel, S. 186, Anm.

³⁾ Возможно точное опредѣленіе границы между славянскими и нѣмецкими поселеніями въ эпоху наибольшаго распространенія Славянъ на западъ, т. е. въ VII вѣкѣ, у Кеммеля, въ назв. соч., стр. 176.

ный союзъ не имѣлъ внутренней прочности, не обнаруживалъ никакихъ положительныхъ задатковъ государственнаго развитія и силы. Все его могущество было основано на политическихъ способностяхъ, энергій и мужествѣ вождя. Со смертью Само (ок. 660 г.) и союзъ его распался. Западно-дунайскимъ Славянамъ пришлось опять подпасть власти Аваровъ. По крайней мѣрѣ это касается тѣхъ, которые находились въ непосредственномъ сожителствѣ съ ними.

Послѣ распаденія славянскаго союза наступаетъ чрезвычайно *темный періодъ* въ исторіи подунайскихъ странъ. Никакихъ ближайшихъ извѣстій о взаимныхъ отношеніяхъ Славянъ и Аваровъ за это время мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, если аварское ярмо постепенно становилось легче для ихъ подданныхъ, зато о бокъ съ ними росла другая сила, несравненно болѣе опасная для ихъ политической независимости и народнои самобытности. Баварцы послѣдовательно двигались на востокъ и прочно утвердились на Дунаѣ до р. Энжи, которая ихъ и отдѣляла (въ VIII вѣкѣ) отъ аварскихъ владѣній. Участь Славянъ по ту сторону Энжи, подпавшихъ нѣмецкой власти, была рѣшена. Разрозненные, на далекомъ пространствѣ растянутые славянскія посѣлки и дворы очутились безпомощными среди мало по малу наводнявшаго всю дунайско-альпійскую территорію германскаго потока. Подъ видомъ христіанской проповѣди и обращенія изъ язычества Баварцы искусно повели дѣло водворенія своего вліянія и культуры. Еще въ началѣ VIII вѣка альпійскіе Славяне заявляютъ себя непримиримыми врагами Баварцевъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы уже видимъ ихъ въ союзѣ съ послѣдними противъ Аваровъ, которые пытались возстановить свою власть надъ ними¹⁾. Изъ-подъ ига аварскаго Славяне прямо переходятъ подъ покровительство Нѣмцевъ. Такимъ образомъ для господства Франковъ и для успѣшной германизации почва была уже подготовлена, когда къ концу VIII вѣка разгорѣлась послѣдняя борьба Франковъ съ Аварами, кончившаяся полнымъ торжествомъ

¹⁾ Kaemmel, *ibid*, S. 197, etc.

первыхъ и оттѣсненіемъ слабыхъ остатковъ аварской орды за средній Дунай и за Тиссу. Аварскія владѣнія на востокъ отъ Энжи и часть Панноніи перешли въ руки Франковъ, которые на первый случай распространили свою власть на сѣверовостокъ, до устьевъ р. Рааба, на юговостокъ до впаденія Дравы въ Дунай и здѣсь стали сосѣдями Восточной имперіи.

Съ вытѣсненіемъ Аваровъ, господствующимъ населеніемъ въ Панноніи и восточно-альпійскихъ областяхъ до Энжи, особенно въ южныхъ мѣстностяхъ (нынѣшней Каринтіи и югозападной Штирії), остались *Славяне*. Рядомъ съ ними продолжали держаться кое-гдѣ въ горахъ остатки *кельто-романскаго* населенія. Послѣ опустошительной войны франко-аварской, въ Паннонію, оставленную Аварами, произошелъ нѣкоторый приливъ славянскаго населенія изъ сосѣднихъ областей, особенно съ сѣвера — съ лѣваго берега Дуная, такъ что въ общей сложности Славяне въ покоренныхъ Франками областяхъ составляли довольно значительную массу. Тѣмъ не менѣе никакаго дружнаго отпора съ ихъ стороны новымъ завоевателямъ не могло быть. И здѣсь славянскія поселенія имѣли все тотъ же характеръ разрозненности. Нѣкоторые края были, правда, населены ими сравнительно гуще (южная Каринтія и южная Штирія), но силы этого населенія, еслибъ даже соединились въ общій союзъ, не могли оказать достаточнаго сопротивленія грозному военному могуществу, сосредоточенному Франками на Дунаѣ. Къ тому же Славяне въ ту эпоху давно утратили тѣ воинственныя склонности, которыми они отличались въ первыя времена по своему переселенію. Теперь это было мирное, по преимуществу земледѣльческое населеніе, прежде всего дорожившее своею землею и своимъ хозяйствомъ. Пенавпсть Славянъ къ Аварамъ и стремленіе освободиться отъ ихъ власти было въ значительной степени основано на томъ, что Авары принуждали ихъ къ участию въ своихъ походахъ и заставляли мѣнять тихую жизнь земледѣльца на безпокойную военную жизнь, къ которой они не чувствовали влеченія. Франки освободили ихъ отъ Аваровъ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ сами не замедлили воспользоваться тѣмъ неоцѣнимо-выгоднымъ положеніемъ, которое они приобрѣли, завладѣвъ важными альпійскими горными проходами (особенно въ Штиріи): они стали твердою погою въ землѣ Славянъ и мало по малу совершенно поработили послѣднихъ. Ихъ политика въ этомъ отношеніи была весьма расчѣтлива. Оставляя сначала Славянамъ ихъ общинное устройство и быть, ихъ народныхъ старшинъ, не трогая ихъ нравовъ и обычаевъ, завоеватели ограничились наложеніемъ на нихъ дани и затѣмъ взяли прежде всего за распространеніе христіанства, какъ за лучшее средство подчинить свосму вліянію массы населенія. Съ другой стороны въ альпійскихъ областяхъ, ближайшихъ къ границѣ баварскаго племени, началась дѣятельная колонизація, основанная у Нѣмцевъ, какъ извѣстно, на началахъ крупнаго землевладѣнія. Колонизація не могла впрочемъ подвигаться особенно быстро, между прочимъ, и потому, что приходилось не мало бороться съ природными препятствіями, съ тѣми затрудненіями, которыя вездѣ представляла необработанная почва въ мѣстностяхъ еще не колонизованныхъ. Къ этимъ условіямъ присоединились (какъ увидимъ впослѣдствіи) и вышнія историческія причины. Нѣмецкая колонизація къ исходу IX вѣка остановилась приблизительно на рѣкѣ Раабѣ, и далѣе въ Панноніи уже не распространилась (за исключеніемъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ населеній въ княжествѣ Прибны, у Блатенскаго озера)¹⁾. Но и этого уже было довольно. Тамъ, гдѣ Нѣмцы успѣли утвердиться и колонизовать свободныя земли, германизація Славянъ должна была быстро развиваться. Восточно-альпійскіе Славяне въ теченіе почти 2-хъ вѣкового аварскаго господства, несмотря на всю тяжесть этого ига, не переставали быть Славянами; но какъ скоро господство азійскихъ хищниковъ смѣнилось властью культурныхъ Франковъ и Нѣмцевъ, альпійскіе Славяне сравнительно быстро стали терять свою національность. Мы не можемъ конечно опре-

¹⁾ Kaemmel, S. 274—275.

дѣлать, сколько именно потребовалось времени, чтобы ихъ совершенно опфмечить, но во всякомъ случаѣ уже въ теченіе IX вѣка этому дѣлу было положено прочное основаніе. И здѣсь, какъ и во всѣхъ странахъ съ славянскимъ населеніемъ, подвергшихся той же участи поглощенія германскимъ міромъ и приобщенія къ германской культурѣ, отъ прежняго населенія остались неизгладимые слѣды только въ *топографическихъ* названіяхъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о прежнихъ обладателяхъ и трудолюбивыхъ воздѣлывателяхъ земли и о степени распространенности ихъ поселеній въ той или другой мѣстности.

Впрочемъ, главные успѣхи нѣмецкой колонизаціи на востокъ отъ р. Энип, т. е. въ бывшихъ владѣніяхъ аварскихъ, относятся уже къ IX вѣку, а потому не подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Въ настоящемъ очеркѣ наша задача была, сколько возможно (конечно только въ общихъ чертахъ), выяснить этническое состояніе дунайскихъ странъ къ началу IX вѣка, т. е. къ тому моменту, когда съ паденіемъ аварскаго господства дунайскіе Славяне встрѣтились лицомъ къ лицу съ силами Германцевъ, съ ихъ завоевательными и колонизаціонными стремленіями на востокъ. Общія заключенія относительно *распределенія населенія по народностямъ и племенамъ* на занимающей насъ территоріи въ началѣ IX вѣка сводятся къ слѣдующему:

1) Славяне въ началѣ IX вѣка были господствующимъ населеніемъ дунайской территоріи отъ восточныхъ Карпатовъ до предѣловъ нынѣшней области Тироля и Зальцбурга.

Сплошными (но отнюдь не густыми) *массами* Славяне населяли Чехію, Моравію, всю сѣверную Угрію, т. е. территорію нынѣшнихъ Словаковъ и угорскихъ Русскихъ, — однимъ словомъ, весь сѣверный карпатскій и герцино-судетскій край. Съ другой стороны они повидямому въ такой же мѣрѣ населяли земли по теченію Савы и Дравы — отъ Дуная вплоть до Адриатическаго моря, ссылаясь къ югу съ племенами Сербовъ и Хорватовъ.

Болѣе рѣдкими, не сплошными, а *разрозненными группами*

(неравномерно расположенным общинам) они занимали на востокъ Трансильванію (въ особенности сѣверную и восточную), примыкая къ сплошному славянскому населенію Буковины и Молдавіи, сосѣднія съ Трансильваніей окраины Угрии, въ особенности равнину верхней Тиссы, большую часть Валахій и Банатъ, а на западѣ древнюю Паннонію и Норикъ, т. е. нынѣшнюю западную Угрію и восточно-альпійскія области (Штирію, сѣверную Каринтію, нижнюю и верхнюю Австрію), соприкасаясь здѣсь съ чехо-моравскимъ населеніемъ сѣверо-дунайской территоріи.

Наконецъ *спорадически, одиночными и уже совершенно разрозненными поселеніями* можно было встрѣтить Славянъ въ вообще мало населенной тиссо-дунайской (угорской) равнинѣ и на крайнемъ западѣ, въ горахъ,—въ предѣлахъ нынѣшняго Тироля и Зальцбурга.

Въ племенномъ отношеніи три славянскія вѣтви, сходявшіяся на Дунаѣ, распредѣлялись вообще такимъ образомъ: *восточныя* страны принадлежали *русской* вѣтви (за исключеніемъ Словенцевъ въ Валахій), *югозападныя* — *словинской, сѣверозападныя* — *чешско-словенской* (дѣлившейся на чехо-моравскую и словацкую или словенскую). Опредѣлить точно ихъ границы другъ съ другомъ (на западѣ между чешско-словенскаго и словинскою, на востокѣ между чешско-словенскою и русскою) нѣтъ возможности на основаніи однихъ историческихъ данныхъ.

2) Романцы: а) *Романцы восточные*, какъ остатки дако-романскаго населенія, жили въ незначительномъ числѣ въ горныхъ частяхъ Трансильваніи, особенно въ такъ называемыхъ Семиградскихъ Альпахъ и въ Бихарскомъ краѣ (Bihargebiet). Въ Валахій (какъ и въ Трансильваніи) могли уже быть отдѣльныя поселенія Валаховъ, переселившихся изъ южно-дунайскихъ странъ. б) *Романцы западные*, какъ остатки рето-романскаго и кельто-романскаго поселенія, сохранялись (среди Славянъ) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточно-альпійской территоріи, особенно въ сѣверной Каринтіи, по берегамъ Дуная (въ собственной Австріи) и въ восточныхъ отрогахъ Штирійскихъ горъ.

3) Неороманенные Даки держались въ Трансильваніи, успѣвъ сохранить свою народность въ эпоху гунно-германскую; они, безъ сомнѣнія, мѣшались со Славянами со времени наплыва послѣднихъ (въ VI вѣкѣ) и постепенно (вмѣстѣ съ ними) подвергались романизациі—по мѣрѣ наводненія Трансильваніи новыми, романскими выходцами съ юга.

4) Авары. Ихъ немногочисленныя поселенія, или вѣрнѣе подвижныя жилища, были разбросаны въ среднедунайской равнинѣ, главнымъ образомъ между Дунаемъ и Тиссой, а также на востокъ отъ Тиссы.—Скудные остатки Гепидовъ, въ видѣ небольшихъ, одиночныхъ поселеній, могли къ IX вѣку сохраниться еще кое-гдѣ по среднему Дунаю, среди Славянъ, но никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о нихъ мы не имѣемъ.

5) Наконецъ Баварскія колоніи уже утвердились въ значительномъ числѣ рядомъ съ Славянами въ альпійскомъ краѣ и на Дунаѣ до р. Энжи, т. е. на территоріи, довольно давно уже перешедшей въ руки Франковъ. Съ конца VIII вѣка или точнѣе съ начала IX вѣмцкая колонизація переступила и рѣку Энжу.

II.

ОЧЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ ПЕРЕДЪ МАДЬЯРСКИМЪ ПОГРОМОМЪ.

1) Первые послѣдствія торжества Франковъ надъ Аварами. 2) Состояніе восточной Угрии и Трансильваніи въ IX вѣкѣ до прихода Мадьяръ. 3) Моравскій политическій союзъ и его судьба. 4) Успѣхи германизации на среднемъ Дунаѣ.

1.

Въ 803 году Карлъ Великій окончательно торжествовалъ надъ Аварами. Вся бывшая аварская территория на востокъ отъ р. Энки вплоть до Дуная была присоединена къ франкскимъ владѣніямъ. Завоеватели дѣйствовали въ началѣ не слишкомъ круто. Они съ большою осторожностью и постепенностью водворяли свое господство и вводили свои порядки и государственную организацію. Аварамъ, пережившимъ жестокою и продолжительную войну, на нѣкоторое время еще была оставлена тѣнь самостоятельности. Терпя притѣсненія отъ бывшихъ своихъ подданныхъ, Славянъ, и не будучи въ состояніи по своей крайней малочисленности сами защищать себя, они обращались съ жалобами къ Франкамъ, которые и оказывали имъ свое покровительство. Послѣдній разъ упоминается объ Авахъ, какъ объ особой на-

родности, въ 822 году ¹⁾. Оттѣсненные за Дунай въ тисскія степи, они мало по малу совсѣмъ исчезаютъ съ исторической сцены; немногочисленные остатки ихъ въ теченіе IX вѣка могли еще держаться въ центральной угорской равнинѣ. Въ концѣ концовъ и эти остатки были поглощены Мадьярами, новыми пришельцами съ дальняго востока, которые, благодаря своимъ кочевымъ инстинктамъ, водворились первоначально именно тамъ, гдѣ иѣкогда былъ центръ жилища Гуниновъ и Аваровъ. Разрушеніемъ аварской державы положено основаніе новымъ политическимъ и культурнымъ отношеніямъ на среднемъ Дунаѣ. Пала та сила, которая въ теченіе столь долгаго времени задерживала стремленіе Германцевъ къ распространенію на востокъ, по теченію Дуная, въ тѣ заманчивыя и мало извѣстныя страны, которыя болѣе двухъ столѣтій скрывались во мракѣ аварскаго господства. Тамъ, гдѣ было средоточіе аварскихъ жилищъ и аварской власти, т. е. въ Панноніи, въ областяхъ смежныхъ съ аварскими владѣніями, славянское населеніе вмѣстѣ съ землею должно было перейти непосредственно въ распоряженіе завосвателей. Но въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ на сѣверъ отъ Дуная, въ Чехіи и Моравіи, куда аварская власть въ послѣдній періодъ своего существованія едва ли и простиралась, Славяне жили сравнительно болѣе густыми, чѣмъ въ другихъ краяхъ, массами, такъ что успѣли уже нѣсколько окрѣпнуть въ своемъ общественномъ бытѣ и развитъ въ себѣ даже нѣкотораго рода національно-политическое сознание, выразившееся вскорѣ въ объединеніи моравскихъ славянъ подъ однимъ княземъ въ видѣ довольно сильнаго политическаго союза, который впоследствии расширился и на нѣкоторыя другія сосѣднія славянскія страны.

Однако и чешскіе и моравскіе Славяне должны были признать при Карлѣ Великомъ (въ нач. IX в., неизвѣстно, когда именно) верховную власть Франковъ и платить имъ опредѣленную дань. Отъ тѣхъ и другихъ, какъ о племенахъ, зависимыхъ отъ Франковъ,

¹⁾ Einb. ann. 822 г.: послы Аваровъ явились во Франкфуртъ къ Людовику.

говорится уже въ актѣ 817 г. при перечисленіи земель, присужденныхъ Людовику¹⁾, а о Мораванахъ подъ ихъ собственнымъ именемъ упоминается впервые въ 822 году, когда они, вмѣстѣ съ представителями другихъ племенъ, шлютъ своихъ пословъ къ императору съ изъявленіемъ покорности. Итакъ Франки не замедлили по мѣрѣ возможности распространить свою власть и вліяніе надъ тѣмъ славянскимъ міромъ, который открывался передъ ними съ побѣдой надъ Аварами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ завоеванную страну направились изъ сосѣднихъ предѣловъ Германіи (Баваріи) большія колонизаціонныя силы, которыя нашли себѣ тамъ вполне благопріятную почву и много мѣста для расселенія: земля была только отчасти населена Славянами и скудными остатками романскаго населенія (преимущественно въ горахъ), а остальные почти не населенныя мѣстности были вовсе не обработаны и представляли обширное поприще дѣятельности для трудолюбивыхъ нѣмецкихъ поселенцевъ. Къ тому же и кровопролитная аварская война способствовала обезлюдѣнью страны. Рядомъ съ колонизаціей началась и внутренняя организація присоединенныхъ областей и дѣятельное распространеніе христіанства среди туземцевъ.

На завоеванную территорію была распространена *система марокъ*, введенная въ Франкской державѣ, начиная отъ нижней Лабы вплоть до Адриатическаго моря, — съ цѣлью защиты противъ сосѣднихъ враждебно расположенныхъ народностей и для систематическаго распространенія своего политическаго вліянія у послѣднихъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ о разграниченіи новыхъ Франкскихъ владѣній на Дунаѣ на отдѣльныя области и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу столько неяснаго и не точнаго, что это разграниченіе можетъ быть обозначено только приблизительно²⁾. Область, непосред-

¹⁾ Pertz, *Leges*, p. 198, см. Dudík, *Mähr. Allg. Gesch.*, Brunn, 1860, B. I, S. 110—111.

²⁾ Болѣе подробный разборъ этого вопроса см. у Dümmler'a, *Ueber die Südöstlichen Marken*, S. 10—20; также Kaemmel, *Die Anfänge d. deutsch. Leb. in Oesterr.*; S. 207—209.

ственно припыкавшая съ востока къ Баваріи, называлась *Восточною маркою* и простиралась на востокъ, по мѣнѣю однихъ до самой р. Рааба, а по другимъ только до горъ «Вѣнскаго лѣса». На югъ отъ нея была такъ называемая *Карантанія* (Carantania—Хорутанія), или Хорутанская марка, извѣстная уже и ранѣе у Франкскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Склавииніи (Sclavinia). Крайнія же области на востокъ вплоть до Дуная носили попрежнему названія Верхней и Нижней Панноній. Къ нимъ съ юга примыкала сѣверная Хорватская область между Савой и Дравой (Savia), а на югъ отъ Карантаніи простиралась до Адриатическаго моря уже ранѣе возникшая Фриульская (Фурлянская) марка. Гдѣ кончалась Восточная марка на сѣверѣ, по лѣвому берегу Дуная, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ она граничила здѣсь съ землей Чеховъ и Мораванъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что иногда весь край на востокъ отъ р. Энжи до самаго Дуная назывался Восточною Маркою въ обширномъ смыслѣ. Кромѣ внутренней политической организаціи этихъ марокъ, не менѣе существенными факторами слиянія вновь приобретенной территоріи съ германскимъ міромъ и ея постепенной, по прочной германизации были, какъ мы выше замѣтили, дѣятельная колонизація, связанная съ переходомъ земли въ руки нѣмецкихъ крупныхъ владѣльцевъ и *христианская проповѣдь* вмѣстѣ съ введеніемъ правильнаго церковнаго устройства. Земля, будучи собственностью короля, щедро раздавалась *въ ленъ* и *въ даръ* какъ отдѣльнымъ высокопоставленнымъ и знатымъ лицамъ (маркграфамъ, графамъ и проч.), такъ и епископамъ, монастырямъ и церквамъ; при этомъ одинаково шла въ дѣло земля уже заселенная и не заселенная: на ту и на другую приглашались новыми владѣльцами нѣмецкіе колонисты изъ разныхъ мѣстностей соседней нѣмецкой территоріи. А такъ какъ славянскія населенія по всей восточно-альпійской территоріи и въ Паннонии были вообще распределены сравнительно довольно рѣдко и разрозненно, несмотря на нѣкоторый приливъ Славянъ въ эти края съ сѣвера послѣ разгрома аварской державы, то понятно нѣмецкіе поселенцы мало по малу водво-

рились вездѣ, по мѣрѣ перехода земли въ руки частныхъ владѣльцевъ. Въ иныхъ мѣстахъ на значительныхъ пространствахъ, обойденныхъ славянской колонизаціей, располагались частыя и сплошныя нѣмецкія поселенія, въ другихъ нѣмецкіе колонпсты примыкали къ Славянамъ, селились посреди нихъ и естественно мѣшались съ ними. Когда населенная Славянами земля доставалась кому либо въ ленъ или въ собственность, то поселенцы, въ большинствѣ случаевъ, теряли свои права на владѣніе и изъ свободныхъ собственниковъ (общинниковъ) становились зависимыми людьми, работниками, и наконецъ часто даже крѣпостными, рабами. Что переходъ Славянъ въ рабское состояніе было явленіемъ общераспространеннымъ, доказывается уже тѣмъ, что къ тому именно времени относится отождествленіе у Нѣмцевъ и вообще на западѣ имени *славянина* съ обозначеніемъ *раба* вообще (Slavus—sclavus—Sklave). Съ отнятіемъ земли Славяне естественно лишались главной основы и опоры своихъ общинныхъ порядковъ и быта. Если въ иныхъ мѣстностяхъ ихъ новые повелители и оставляли нетронутыми другія стороны ихъ быта, не касались ихъ внутреннихъ отношеній, способовъ управленія и обычаевъ, то уже однимъ лишеніемъ ихъ всякихъ правъ на землю наносился тяжелый ударъ ихъ національной самобытности; они большею частію обращались въ сословіе крѣпостныхъ людей или въ лучшемъ случаѣ въ лично свободныхъ, но безземельныхъ работниковъ. Впрочемъ въ отношеніи къ болѣе знатнымъ и родовитымъ изъ Славянъ Нѣмцы дѣйствовали политично и (чтобы не востановлять ихъ противъ себя) также раздавали имъ участки земли въ ленное владѣніе или въ собственность, паравѣ съ нѣмецкими вассалами¹⁾. Этимъ они старались задобрить и привлечь на свою сторону вліятельныхъ Славянъ, чтобы такимъ образомъ предупредить всякую возможность открытаго сопротивленія или возстанія съ ихъ стороны.

Вмѣстѣ съ колонизаціей должны были успѣшно распростра-

¹⁾ *Conversio Carentan.*, с. 11, 13, см. Kaemmel, *ibid.*, S. 239—240.

няться и языкъ, нравы, обычаи Нѣмцевъ, какъ политически господствующей народности. Для этого не было надобности прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Несомнѣнно главнымъ орудіемъ этого рода мирныхъ и постепенныхъ завоеваній нѣмецкаго духа была проповѣдь христіанства и вообще церковь съ ея организаціей. Нѣмецкое духовенство играло такимъ образомъ важную роль въ дѣлѣ распространенія нѣмецкаго вліянія и культуры. Нѣмецкіе проповѣдники начали свою дѣятельность среди Славянъ и Аваровъ, въ древнемъ Норикѣ и Панноніи, уже послѣ первыхъ походовъ Франковъ противъ Аваровъ (послѣ 796 г.) и съ той поры упорно и энергично преслѣдовали свои цѣли.

Итакъ мы видимъ изъ всего этого, что Франки на первыхъ же порахъ послѣ своей побѣды надъ грубой аварской силой, стоявшей на дорогѣ ихъ властолюбивыхъ стремленій на востокъ, стали твердою ногою на присоединенной территоріи и положили прочное основаніе своему господству въ ней, а затѣмъ и своему вліянію въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ.

Успѣхи Карла Великаго въ борьбѣ съ Аварами и громкія побѣды надъ ними не могли не утратить сосѣднихъ Славянъ моравскихъ и чешскихъ. Они увидѣли себя вынужденными признать верховное покровительство Франковъ, — только бы не подвергнуться той жалкой участи, которая постигла вмѣстѣ съ Аварами ихъ альпійскихъ и паннонскихъ одноплеменниковъ. Получивъ такимъ образомъ доступъ въ Чехію и Моравію, Нѣмцы старались распространить и сюда свою проповѣдническую дѣятельность, что имъ давало возможность вмѣшиваться въ домашнія дѣла этихъ Славянъ и интриговать въ пользу своихъ политическихъ видовъ. Мало по малу притязанія Франковъ съ одной стороны, несогласія и смуты у ихъ самихъ съ другой вовлекли объединившуюся около половины IX вѣка Моравію въ упорную борьбу съ Нѣмцами, которая наполняетъ собою весь непродолжительный періодъ исторической жизни и политическаго возвышенія этого княжества. Но прежде чѣмъ мы остановимся на этой германо-моравской распрѣ, на образованіи и судьбѣ Моравскаго княжества, на успѣхахъ

германизація въ новыхъ франкскихъ владѣніяхъ (въ Восточной маркѣ), необходимо бросить взглядъ на политическое положеніе дѣлъ въ IX вѣкѣ въ *восточныхъ* частяхъ дунайской территоріи, въ Трансильваніи, восточной Угріи и Валахіи.

2.

Населеніе карпато-дунайской территоріи, завися въ своемъ распредѣленіи и сравнительной густотѣ также и отъ мѣстныхъ природныхъ условій, не уступало своимъ смѣшаннымъ характеромъ и разнообразіемъ типовъ населенію прочихъ дунайскихъ странъ. На немъ также должна была отразиться продолжительная эпоха народныхъ переселеній, произведшихъ здѣсь цѣлый рядъ этнологическихъ метаморфозъ, но не усиѣвшихъ однако, какъ мы видѣли, вполне искоренить древнѣйшій слой населенія. Представителями этой древнѣйшей исторической эпохи были здѣсь остатки Даковъ, а также Романцевъ (т. е. Даковъ романизованныхъ) въ горахъ Трансильваніи, обратившихся въ смутныя времена переселеній къ пастушескому образу жизни. Военственныя германскія племена, проходившія черезъ эти страны и въ нихъ располагавшіяся въ эпоху своего еще далеко не осѣдлаго, съ военно-дружинной организаціей связаннаго быта, не оставили по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ на этой территоріи послѣ того, какъ ходъ историческихъ событій увлекъ ихъ далѣе на западъ. Лишь самыя скудныя, случайно сохранившіеся остатки Гепидовъ, послѣдняго господствовавшагося на Дунаѣ германскаго народа, кажется, продолжали еще нѣкоторое время держаться на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ среди чуждаго имъ новаго населенія. Этимъ новымъ населеніемъ, разлившимся по всему широкому простору придунайскихъ земель, были Славяне, которые, направляясь съ востока и сѣвера, раскинули мало по малу свои поселенія по Трансильваніи, Валахіи и Угріи. Волько слишкомъ низменная центральная тиссо-дунайская равнина, да нѣкоторыя мало доступ-

ныя горы Трансильваніи остались внѣ славянскаго наводненія; первую Славяне предоставляли остаткамъ кочевыхъ элементовъ, для которыхъ степное приволье было однимъ изъ главныхъ жизненныхъ условий, вторые — бѣднымъ потомкамъ нѣкогда сильнаго и воинственнаго населенія древней Дакии. Въ среднедунайской низменности, между Тиссою и Дунаемъ, и далѣе на востокъ укрывались въ началѣ IX вѣка остатки аварской орды, оттѣсненные за Дунай мечемъ Карла Великаго, по всей вѣроятности дожившіе до мадьярскаго погрома, и затѣмъ безслѣдно исчезнувшіе въ однородной пмѣ средѣ кочевыхъ Мадьяръ. Разумѣется, среди этихъ ничтожныхъ обломковъ прежняго населенія Славяне, уже благодаря своему огромному численному превосходству, имѣли право на политическое господство и повидному легко могли бы слититься воедино; но ничего подобнаго не произошло, потому что въ бытовомъ отношеніи эти Славяне еще не доросли тогда до сознанія необходимости политическаго объединенія. Ихъ поселенія, растянутыя на обширныхъ пространствахъ, разобщенныя часто самою природой, отличались, какъ и вездѣ, разрозненностью и отсутствіемъ живыхъ внутреннихъ связей и общихъ интересовъ, безъ которыхъ, разумѣется, немыслимо никакое политическое объединеніе. Если въ западной половинѣ дунайской территоріи къ половинѣ IX вѣка могло уже осуществиться подобное объединеніе Славянъ (въ Велико-моравскомъ княжествѣ), то на это были свои особыя причины; этому способствовали во первыхъ ихъ близость къ такому стройному политическому организму, какимъ уже являлась тогда монархія Карла Великаго, и ихъ болѣе раннее ознакомленіе съ культурно-христіанскими началами, которыя проникали къ нимъ съ запада; во вторыхъ здѣсь повліяла и та внѣшняя опасность, которая постоянно грозила этимъ Славянамъ, вслѣдствіе возрастающаго могущества и возраставшихъ съ нимъ притязаній германскаго государства и которая заставляла ихъ поневолѣ думать о самозащитѣ и о соединеніи силъ противъ несконпаго врага ихъ народности и свободы. Такихъ условий не существовало для Славянъ восточныхъ дунайскихъ

странъ (Трансильваніи, Валахіи, восточной Угрии). Отъ грознаго Франко-германскаго колосса, распространившаго свое владычество вплоть до средняго Дуная, они были отдѣлены великою и почти пустынною тиссо-дунайскою изъменностью, находившеюся пока еще внѣ сферы ближайшихъ интересовъ германской политики и культуры. Имъ некого было опасаться съ сѣвера и востока, гдѣ за горами Карпатскими были раскинуты жилища родственныхъ имъ племенъ. Только на югѣ, за нижнимъ Дунаемъ, въ началѣ IX вѣка стала развиваться политическая сила, съ которой вскорѣ пришлось считаться сосѣдямъ. Этою силою было Болгарское царство, впервые достигшее при ц. Крумѣ (803—815) значительнаго могущества и славы. Но держава Крума имѣла славянскую основу, была, такъ сказать, построена изъ славянскаго матеріала, а потому съ распространеніемъ ея господства на сѣверъ отъ Дуная легко могло примыряться славянское населеніе Валахіи и сосѣднихъ странъ.

Итакъ занимающая насъ восточно-дунайская территория, вслѣдствіе условій не только этнологическихъ, но и своего географическаго положенія и отчасти природнаго характера, не принимала, такъ сказать, самостоятельнаго и непосредственнаго участія въ историческомъ ходѣ событій, происходившихъ въ сосѣднихъ земляхъ, и оставалась почти въ сторонѣ отъ того политическаго и культурнаго развитія національныхъ силъ у западно-дунайскихъ Славянъ, корорымъ характеризуетъ ихъ историческая жизнь въ IX вѣкѣ, особенно во вторую его половину. Это по преимуществу касается Трансильваніи, населеніе которой самой природой предрасположено къ болѣе или менѣе замкнутой жизни. Славянское населеніе Валахіи и восточной Угрии (не особенно впрочемъ многочисленное) было обречено на роль совершенно пассивную и подчиненную, на зависимость отъ сосѣднихъ славянскихъ же политическихъ союзовъ—съ одной стороны Болгарскаго царства, съ другой Моравскаго княжества. Все это объяснить намъ, почему исторія не сохранила намъ никакихъ достовѣрныхъ и прямыхъ извѣстій о томъ, что тво-

рилось и какъ жилось въ ту эпоху, до мадырскаго погрома, на территоріи древней Дакіи. Интересъ того времени былъ сосредоточенъ съ одной стороны на томъ пунктѣ, гдѣ встрѣча германскихъ завоевательныхъ стремленій съ пробуждавшимися славянскими національными силами произвела ожесточенную борьбу чуждыхъ другъ другу началъ въ Моравскомъ княжествѣ и въ сосѣднихъ нѣмецкихъ маркахъ, — съ другой стороны на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ окрѣпшая Болгарія вступила въ борьбу съ гордой Византією, и гдѣ эта самая Болгарія становилась яблокомъ раздора и почвой для разгоравшагося соперничества восточной и западной церкви. Естественно отъ слуха и взоровъ какъ византійскихъ, такъ и западныхъ лѣтописцевъ ускользали тѣ страны за Дунаемъ, которыя находились внѣ ихъ обыкновеннаго кругозора, съ которыми не соединялось у нихъ никакихъ опасеній, гдѣ въ горныхъ долинахъ и на плоскихъ возвышенностяхъ жили мирные земледѣльцы Славяне, на вершинахъ и склонахъ неприступныхъ горъ пасли свои стада пастухи—потомки древнихъ жителей Дакіи, а по низменнымъ и тучнымъ степямъ тиссо-дунайской равнины кочевали безсильные и ничтожные остатки аварской орды.

Единственный вопросъ, на которомъ можетъ и должно остановиться наше вниманіе при взглядѣ на историческую судьбу и политическія отношенія этихъ восточныхъ странъ въ IX вѣкѣ) состоитъ въ томъ, простиралось ли господство Болгаръ въ эту эпоху на сѣверъ отъ Дуная и если простиралось, то до какихъ предѣловъ и когда оно прекратилось. Этотъ вопросъ о существованіи сѣверо-дунайской Болгаріи уже давно занимаетъ ученыхъ и дониндѣ продолжаетъ быть спорнымъ.

Во времена Энгеля и Шафарика въ существованіи сѣверной Болгаріи по сю сторону Дуная никто не сомнѣвался. Особая *Тисская Болгарія* считалась тогда фактомъ вполне доказаннымъ. Однако впоследствии болѣе критическое отношеніе къ вопросу, характеризующее труды позднѣйшихъ изслѣдователей, не дало укорениться этому взгляду. Если однако мнѣніе о су-

ществованіи какой-то особой Тисской Болгаріи не нашло себѣ послѣдователей, то ученые не могли также легко отказаться (и вопліи основательно) вообще отъ взгляда, что власть Болгарь въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени простиралось на нѣкоторую часть сѣверо-дунайской территоріи. Правда, прямыхъ данныхъ для такого утвержденія очень мало, но за то съ другой стороны нѣтъ и достаточныхъ оснований рѣшительно его оспаривать: такъ много вѣроятности оно заключаетъ само по себѣ, такъ важны нѣкоторыя соображенія, въ пользу его говорящія. Поэтому попытка Рёслера опровергнуть это мнѣніе о болгарскомъ господствѣ въ древней Дакіи кажется намъ рѣшительно неудавшеюся, и мы не можемъ не стать на сторонѣ его противника въ этомъ вопросѣ — Томашка и другихъ ученыхъ, защищающихъ мысль о болгарскихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Дуная ¹⁾. Другой вопросъ, какъ далеко они простирались и долго ли они оставались въ рукахъ Болгарь. Между различными мнѣніями о сѣверной Болгаріи было высказываемо и такое, что въ древней Дакіи осталась часть болгарской орды (съ 4-мъ сыномъ Куврата), не перешедшая черезъ Дунай, и что она основала здѣсь особое княжество, которое только въ началѣ IX вѣка соединилось съ южною Болгаріей. ²⁾ Но такой взглядъ лишень твердыхъ оснований. Гораздо проще и правдоподобнѣе признать распространеніе власти Болгарь съ юга на сѣверъ отъ Дуная. Съ какихъ именно поръ Болгары владѣли землей по лѣвому берегу Дуная (въ Валахіи), съ точностью сказать трудно. Можно однако предположить, что они уже при воцареніи Крума (802—803) стояли тамъ твердою ногою. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Крумъ еще значительно расширилъ эти

¹⁾ Tomasek, Zeitschr. f. d. Oest. Gymn. B. XXIII, W. 1872, S. 148. Dammeler, Ueber die Südöstl. Mark, S. 27, 28. Büdinger, Oesterr. Gesch. B. I. (1859) S. 179. Пречекъ (Ист. Болг., перев. Бруна и Палаузона) 1878, стр. 176, 178. Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung. (1877) S. 109, и друг.

²⁾ Engel, Gesch. des alt. Pannoniens und d. Bulgarei (Halle, 1767) S. 263—278, 314; ему послѣдовалъ Шафарикъ, Слав. Др. II, кн. I, стр. 231—252 и Dudik, Mähr. allgem. Gesch. (1860), I. S. 98.

сѣверныя владѣнія. Ища поприща для военныхъ предпріятій, онъ естественно устремился на сѣверъ, гдѣ ему легче было расширить свою власть и приобрести новую территорію. Тогда-то, повидному, онъ завоевалъ часть юговосточной Угрии; по крайней мѣрѣ онъ покорилъ здѣсь остатки Аваровъ, ¹⁾ отгнанныхъ за Тиссу походомъ Франковъ, ²⁾ а впоследствии воспользовался между прочимъ и ихъ помощью въ своемъ послѣднемъ походѣ (814 г.) на Византію³⁾. Едва-ли Славяне юговосточной Угрии оказали большое сопротивленіе Круму; скорѣе можно предположить, что они даже помогли ему при покореніи Аваровъ, своихъ исконныхъ враговъ.

Однимъ изъ главныхъ доказательствъ существованія сѣверодунайской Болгаріи признается обыкновенно извѣстное выраженіе византійскихъ хроникъ Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ Ἰστρου ποταμοῦ⁴⁾, о которой идетъ рѣчь въ разсказѣ о греческихъ плѣнныхъ, отведенныхъ за Дунай Крумомъ послѣ взятія Адрианополя (813). Дѣйствительно, это свидѣтельство—первостепенной важности и только предвзятая мысль (какъ мы это видимъ у Рёслера) можетъ стараться умалить его значеніе,—старанія эти все-таки остаются тщетными. Рёслеръ заключаетъ на основаніи того факта, что Болгары не могли помѣшать греческимъ переселенцамъ (своимъ плѣннымъ) возвратиться на родину, о малочисленности ихъ (т. е. Болгаръ) на сѣверѣ отъ Дуная и о неимѣніи у нихъ тѣмъ вооруженной силы⁵⁾. На первый взглядъ такое заключеніе можетъ показаться дѣйствительно говорящимъ въ пользу мнѣнія

¹⁾ Suidas I, p. 1017: ὅτι τοὺς Ἀβάρους κατὰ κράτος ἄρδην ὑψάνισαν οἱ αὐτοὶ Βουλγαροὶ τῶν πρώτων διὰ Κρέμ τοὺς τῶν Ἀβάρων αἰχμαλώτους. См. у Томашка, рец. на книгу Рёслера. Zeitschr. f. d. Oester. Gymn., Jahrg. XXIII, Wien 1872, S. 148.

²⁾ Einhardi Ann. 796: Hunis trans Tizam fluvium fugatis.

³⁾ Leo Gramm., ed. Bonn. p. 347: ὁ Κρούμος ἰστροῦ τελευσεν λαὸν πάλιν συν-αβρίσας καὶ τοὺς Ἀβάρους καὶ πάσας τὰς Σχλαβίνιας. Sym. Mag. de Leone Armenio, c. 11, ed. Bonn. p. 617. См. Dümmler, Südöstl. Marken, S. 9—10.

⁴⁾ Script. incert. de Leone Bardae filio (ed. Bonn.), 345; Georg. Monach. de Michaelae et Theodora, c. 11 (Ed. Bonn.) p. 817; срв. Theoph. Continuat. V, 4. p. 216 (просто εἰς Βουλγαρίαν)

⁵⁾ Roesler, Romän. Stud. 204—205.

Рёслера. Но легко убѣдиться въ его несостоятельности, если ближе всмотрѣться въ дѣло. Во первыхъ надо знать, кого именно авторъ здѣсь разумѣетъ подъ Болгарами; если онъ разумѣетъ собственныхъ Болгаръ, какъ восточную орду, основавшую державу на Балканскомъ полуостровѣ, то естественно ихъ не могло быть много на лѣвомъ берегу Дуная, гораздо позднѣе присоединенномъ къ южной Болгаріи. Валахію населяли почти исключительно Славяне, которые признавали надъ собою власть Болгаръ и земля которыхъ на этомъ основаніи слыха также подъ именемъ Болгаріи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти сѣверо-дунайскіе Славяне не заботились объ удержаніи въ своемъ сосѣдствѣ греческихъ поселенцевъ, отъ которыхъ они не могли ждать никакой особенной пользы. Съ другой стороны не удивительно и то, что въ моментъ предпріятія греческихъ поселенцевъ не случилось по близости болгарской вооруженной силы, достаточной для прегражденія имъ пути. Военныя силы Болгаръ были конечно сосредоточены на крайнихъ (сѣверныхъ и западныхъ) предѣлахъ ихъ владѣній, а эпизодъ съ Греками произошелъ очевидно гдѣ-то по близости отъ Дуная¹⁾. Греки конечно и воспользовались именно отсутствіемъ болгарскаго войска для осуществленія задуманнаго плана. Тѣ силы, которыя Болгары успѣли собрать на правомъ берегу Дуная, также не были достаточны для усибшаго сопротивленія имъ и высланному изъ Византіи на помощь флоту. Итакъ соображеніе Рёслера нисколько не можетъ служить къ подкрѣпленію его взгляда. Впрочемъ и опредѣленное названіе «Болгарія по ту сторону Дуная» (*Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἰστρου*) явно должно относиться къ цѣлой странѣ, и Рёслеръ дѣлаетъ большую натяжку, понимая подъ нимъ лишь ту или другую береговую полосу (*Ufersteif*) на валашской сторонѣ. Но можетъ быть убѣдительнѣе опроверженія Рёслера²⁾ другихъ основаній, на которыхъ тоже опирается положеніе о временномъ болгарскомъ господствѣ въ

¹⁾ Рёслеръ указываетъ на сѣверный берегъ Дуная между Орсовой и Силстрией, какъ на вѣроятную сцену дѣйствія. *Rom. Stud.* S. 205.

²⁾ *Ibid.* 201—206.

нынѣшней Валахія в восточной Угрии. Мы готовы признать, что нѣкоторыя изъ этихъ основаній дѣйствительно довольно шатки и что нѣтъ особенной надобности прибѣгать къ нимъ, въ виду существованія болѣе вѣскихъ доводовъ. Къ такимъ второстепеннымъ основаніямъ мы причисляемъ 1) указаніе на соляныя копи въ нынѣшнемъ Мармарошѣ (в Трансильваніи), будто-бы принадлежавшія Болгарамъ¹⁾, — разсужденія Рёслера по этому поводу нельзя не признать справедливыми²⁾, — 2) географическія показанія Альфреда Великаго, отличающіяся большою неопредѣленностью, 3) соображеніе о принятіи Болгарамъ аварской одежды³⁾, и наконецъ даже 4) названіе города *Песита*, которое во всякомъ случаѣ могло бы свидѣтельствовать только объ одноплеменности Славянъ, жившихъ въ той мѣстности на среднемъ Дунаѣ, съ такъ называемыми болгарскими Славянами, а отнюдь не о болгарскомъ господствѣ въ тѣхъ странахъ. Но если эти основанія не достаточно сильны, то за то есть другія, которыя остаются въ силѣ и послѣ возраженій Рёслера. Мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ, что признаніе болгарской власти на сѣверѣ отъ Дуная не оправдывается исторіей отношеній Болгаръ къ Франкамъ въ первую половину IX вѣка. Если не допускать существованія у Болгаръ этихъ сѣверныхъ владѣній (разумѣя здѣсь только юговосточную Угрію), то съ переходомъ подъ власть Франковъ Савія и Срема (Francoschogion), Болгары становились

1) Оно основано на извѣстіи Fuld. Ann. 892, что Арнульфъ свосился съ болгарскимъ княземъ, прося его не снабжать Мораванъ, съ которыми онъ былъ въ войнѣ, солью. См. Шафарикъ II, 1 к. 334 стр., пр. 15. См. также Rie, Ueb. die Abstamm. d. Rumänen, 1860, S. 73—74.

2) Roesler, Rom. Stud. 203. Дѣло въ томъ, что у Болгаръ была своя морская соль, которою они и снабжали Мораванъ, когда Нѣмцы запрещали послѣднимъ вывозить изъ баварскую соль. На нин. Мармарошъ власть Болгаръ во всякомъ случаѣ не простиралась. Изъ этого извѣстія ясно скорѣе, что Трансильванскія соляныя копи не были вовсе извѣстны въ ту эпоху, такъ какъ иначе Мораванамъ не къ чему было бы обращаться за солью въ такую даль, какъ въ Болгарію. Hunfalvy, Ethn. v. Ungarn, S. 124, 125.

3) Рёслеръ (ibid.) справедливо замѣчаетъ, что это принятіе аварской одежды должно было произойти гораздо ранѣе, во времена могущества Аваровъ, когда Болгары служили у нихъ въ войскѣ, т. е. еще въ VII в.

ихъ сосѣдями на слишкомъ незначительномъ пространствѣ, и едва-ли могъ бы тогда возникнуть поводъ нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ промѣнить болгарское владычество на франкское, изъ-за чего и возникла война между новыми сосѣдями¹⁾. Гораздо понятнѣе становится для насъ франко-болгарская распри, если принять, что болгарскія владѣнія примыкали къ франкскимъ не только на Савѣ (т. е. съ юга), но и на Дунаѣ (т. е. съ востока), но крайней мѣрѣ отъ устья Савы до устья Тиссы, а можетъ быть и далѣе, къ сѣверу—до самой Дравы. Въ такомъ случаѣ естественно, почему Болгары для своихъ вторженій въ Паннонію избирали путь по Дравѣ (въ 827 и 829 г.)²⁾, что было бы едва-ли возможно, еслибъ Дунай отъ Савы до Дравы былъ исключительно во власти Франковъ, а это должны допустить тѣ, кто не считаетъ возможнымъ распространить предѣлы Болгаріи на сѣверъ отъ Дуная. Извѣстіе Баварскаго Географа о непосредственномъ сосѣдствѣ Франковъ съ Болгарами въ IX вѣкѣ³⁾ справедливо во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Мнѣніе Рёслера о томъ, что племя Бодричей (Абогритовъ) жило, подобно Тимочанамъ, только на правомъ берегу Дуная (Roesler, S. 202), положительно не можетъ быть допущено. Всѣ соображенія говорятъ въ пользу того, что главныя ихъ жилища находились напротивъ на востокъ отъ Срема, на лѣвомъ дунайскомъ берегу, и что только часть ихъ, подъ именемъ «Praedenesentis» отъ Prandic (Prandic, Predenec), слав. Браничево, обитала на югѣ отъ Дуная, въ краю между Дунаемъ и Моравой. Такъ справедливо полагаетъ Рачкій, посвятившій недавно этому вопросу обстоятельный разборъ. См. его статью «Hrvatska prije XII vieka», Rad., kn. LVI (1881), стр. 110—113.

²⁾ Einhardi Annal. a. 827: Bulgari misso per Dravum navali exercitu... 829: Bulgari navibus per Dravum fluvium venientes quasdam villas nostrorum fluminis vicinas incederunt. Рачкій (Ibid., Rad, стр. 113) видитъ также въ этихъ свидѣтельствахъ подтвержденіе того, что Дунай между Савой и Дравой былъ границей владѣній франкскихъ и болгарскихъ. Онъ замѣчаетъ, что Болгары могли вторгнуться во владѣнія Франковъ или изъ земли Бодричей, или плыть по Дунаю отъ Савы до Дравы, но ему почему-то кажется болѣе вѣроятнымъ, что летописецъ записалъ р. Драву вмѣсто Савы, и что Болгары избрали путь по Савѣ. Однакожъ мы не видимъ для того достаточныхъ основаній.

³⁾ Баварскій Географъ называетъ Болгаръ (Vulgaris) среди «regiones, que terminant in finibus nostris». Можно имѣть въ виду также слѣдующее мѣсто въ Monach. Sangall. Gesta Kar. M. II, 1 «A Bulgaribus vero (Karolus) ideo manum retraxit, quia videlicet Hunis extinctis, regno Francorum nihil nocituri videntur».

но нѣтъ сомнѣнія, что и оно болѣе соотвѣтствуетъ нашему представленію о границахъ Болгаріи, чѣмъ представленію Рёслера. Наконецъ, въ пользу нашего же взгляда свидѣлствуютъ довольно частые союзы Франковъ съ Болгарами противъ Велико-моравскаго княжества (862, съ 864 до конца вѣка) и съ другой стороны Мораванъ съ Болгарами противъ Франковъ (853), что едва-ли могло бы быть, еслибъ границы Мораванъ и Болгаръ были особенно отдалены другъ отъ друга. Помимо всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ, невольно бросается въ глаза еще одно общее соображеніе, за которымъ нельзя не признать почти рѣшающаго значенія въ разбирасмомъ вопросѣ. Мы разумѣемъ тотъ фактъ, что имя Болгаръ усиѣло какъ-то сродниться съ территоріей древней Дакии и оставить нѣкоторый слѣдъ какъ въ ея послѣдующей исторіи, такъ и въ преданіяхъ населившаго ее позднѣе народа. Это, какъ мы сейчасъ увидимъ, касается даже Трансильваніи, на которую болгарское господство (вопреки мнѣнію Томашка и др.) едва-ли когда либо простиралось. Такое явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что и туда усиѣли проникнуть кое-какіе болгарскіе элементы изъ сосѣднихъ странъ, Валахій и Угріи, и даже, благодаря исключительнымъ условіямъ природы, могли долѣе держаться, чѣмъ въ послѣднихъ. Томашекъ приводитъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство¹⁾. Указавъ на то, что нарѣчіе (уже вымершихъ) трансильванскихъ Болгаръ (въ Czerged'ѣ), какъ замѣтилъ уже Рёслеръ (R. S., 117), отличается важными архаическими особенностями²⁾, онъ замѣчаетъ, что болгарскій элементъ въ Трансильваніи восходитъ къ гораздо болѣе древнему времени, чѣмъ къ XIII вѣку, и въ доказательство приводитъ любопытное извлеченіе изъ одной грамоты. Здѣсь идетъ рѣчь о зе-

¹⁾ Zeitschr. für d. Oesterr. Gymnasien, XXIII Jahrg. 1872, S. 148. Для него это-то извѣстіе и служитъ доказательствомъ господства Болгаръ даже въ Трансильваніи.

²⁾ Объ этомъ нарѣчій ст. Миклошича: Die Sprache der Bulgaren in Siebenburgen. Denkschr. d. Kais. Akad. d. Wiss. (Hist. philol. Cl.) VII Bd., W. 1858, S. 103—146.

млѣ, принадлежавшей одному Валаху, которую у него оспаривало, какъ свое родовое имѣніе, другое лицо; послѣднее опиралось на согласное показаніе многихъ, что она принадлежала его роду съ тѣхъ временъ, *когда эта валахская земля была еще болгарскою* — «*temporibus jam, quibus ipsa terra Blacorum terra Bulgarorum exstitisse fertur*»¹⁾). Итакъ даже въ XIII вѣкѣ еще не исчезли слѣды болгарскаго господства на сѣверъ отъ Дуная. Очевидно, то же самое преданіе могло лечь въ основу вымышленныхъ разсказовъ мадьярскаго историка Анонима Нотарія короля Бѣлы (писавшаго въ концѣ XIII вѣкѣ). Его болгарскія княжества и князья на территоріи древней Дакии, которыхъ будто бы застали при своемъ прибытіи Мадьяры, суть несомнѣнно плодъ его фантазій, но къ измышленію ихъ могло подать поводъ только дѣйствительное преданіе о томъ, что мадьярская земля (т. е. хоть небольшая часть ея) нѣкогда находилась во власти Болгаръ. Ибо въ противномъ случаѣ съ какой стати именно Болгаре явились бы у Анонима владѣтелями сѣверо-дунайской территоріи, а не другія сосѣднія державы, борьбою съ которыми было обусловлено поселеніе Мадьяръ въ нынѣшней Угрии, т. е. Франкская держава и Велико-моравское княжество. Итакъ въ виду всего вышесказаннаго всякій безпристрастный критикъ, надѣмаясь, согласится съ нами, что старанія нѣкоторыхъ ученыхъ опровергнуть мнѣніе о распространеніи болгарской власти къ сѣверу отъ Дуная должны быть признаны рѣшительно тщетными: такъ убѣдительно говорятъ въ его пользу приведенныя нами данныя и соображенія.

Несравненно труднѣе, а при существующихъ данныхъ едва ли и возможно—съ нѣкоторою точностью рѣшить вопросъ, какъ

¹⁾ Въ грамотѣ земля эта названа «*terra Bojae, terrae Zambutbel termina et de praesenti in ipsa terra Blacorum existens*; ею владѣтъ Валахъ *Bujul filius Stojae*, у котораго оспариваетъ ее *Thruith filius Chorui*: послѣдній утверждаетъ, что она принадлежала его предкамъ «*a tempore humanam memoriam transeunte*, что она принадлежала къ землѣ Фугрской (*Fugros*) «*a temporibus jam, quibus ipsa terra Blacorum terra Bulgarorum exstitisse fertur*» изд. у *Teutsch u. Firnhaber, № XLIX a. 1231, S. 50, см. Томаѣк, ibid, 148.*

далеко простиралось владычество Болгарь на сѣверъ и западъ и какъ долго оно продолжалось¹⁾.

Что касается *предполож* болгарскихъ владѣнй, то мы прежде всего можемъ смѣло включить въ эти владѣнйа большую часть нынѣшней Валахйи. Славянское населенйе территорйи древней Дакйи въ своей главной массѣ (главнымъ образомъ въ Трансильванйи, Молдавйи и сѣверовосточной Угрйи) принадлежало русской вѣтви, но очень можетъ быть, что въ Валахйи, какъ мы уже выше высказали предположенйе, Славяне были одноплеменны со Славянами болгарскими. Эти валашскйе Славяне сознавали вѣроятно свое ближайшее родство съ южными, задунайскими сосѣдями, и потому безъ особеннаго сопротивленйя примкнули къ нимъ политически, признавъ верховную власть болгарскаго царя. Кромѣ Валахйи, Круму удалось присоедиить къ Болгарйи и юговосточную Угрйю (т. е. южныя предѣлы тисской низменности и Банатъ). Мы склонны думать, что и тутъ ему помогло то же обстоятельство. Славянскйе жители юговосточной Угрйи, принадлежа безъ сомнѣнйя также къ вѣтви Славянъ болгарскихъ, охотно подчинились ихъ вождю. Послѣ того Круму не трудно было справиться со слабыми остатками Аваровъ въ тисской низменности. Далѣе на сѣверъ его власть уже не простиралась; Славяне сѣверной Угрйи и карпатскйе естественно тянули не къ югу, а скорѣе къ своимъ западнымъ родичамъ, котрые въ то время также стремились къ объединенйю. Болгарскйа владѣнйа по лѣвому берегу Дуная ограничивались, по нашему мнѣнйю, только Валахйей и юговосточной Угрйей. Мы не рѣшаемся включить въ нихъ Трансильванйю, — не потому, чтобы этому противорѣчили какйя либо прямыя свидѣтельства, а потому, что оно намъ кажется мало правдоподобнымъ. Во-пер-

¹⁾ Скудость данныхъ для рѣшенйя этого вопроса можетъ легко повести къ умалченйю, какое мы, напримѣръ, видимъ въ книгѣ г. Пи ча (Ueber die Abstamm. d. Rumänen), усмивающагося доказать, что господство Болгаръ простиралось, кромѣ Валахйи и восточной Угрйи, еще на всю Трансильванйю и даже далѣе, и что оно продолжалось и послѣ вторженйя Угровъ въ дунайскую равнину—до самаго завоеванйя этого края Уграми, при Стефанѣ. Стр. 70—79.

выхъ трансильванскія горы и вообще гористая природа Трансильваніи представляла довольно большія препятствія для завоеванія (и Мадьярамъ эта страна досталась не безъ большихъ успѣй)¹⁾; во-вторыхъ тамошнее населеніе, состоявшее изъ русскихъ Славянъ и остатковъ дакійскихъ племенъ и потому ничѣмъ непосредственно съ Болгарами не связанное, не могло быть во все расположено къ подчиненію чуждой ему власти и вѣроятно встрѣтило бы болгарскаго князя иначе, чѣмъ Славяне Валахія и сосѣдней части Угріи.

По вопросу о *продолжительности* болгарскаго господства на сѣверѣ отъ Дуная мы, по недостатку данныхъ, не можемъ сказать ничего рѣшительнаго. Несомнѣнно только то, что Мадьярамъ при поселеніи на новой родинѣ уже не пришлось имѣть съ ними дѣла на территоріи древней Дакии (въ Угріи и Трансильваніи). Но судя по тому, что еще въ XIII вѣкѣ жило воспоминаніе объ этомъ господствѣ, надо полагать, что оно было не слишкомъ кратковременно. Можетъ быть лишь движеніе Мадьяръ изъ южнорусской равнины къ нижнему Дунаю въ восьмидесятыхъ годахъ IX вѣка и ихъ поселеніе въ такъ называемомъ «Ателькузу» заставило Болгаръ совсѣмъ отказаться отъ сѣверо-дунайскихъ владѣній.

Относительно болгарскаго господства на сѣверѣ отъ Дуная слѣдуетъ указать еще на одно явленіе, заслуживающее вниманія. Дѣло въ томъ, что это господство не могло не оставить слѣдовъ и въ этническихъ отношеніяхъ той территоріи, на которую простиралось. Намъ достовѣрно извѣстно, что Болгары отводили за Дунай и поселяли тамъ илѣнныхъ, которыхъ захватывали въ войнахъ съ Греками. Иногда цѣлыя греческія поселенія, жители цѣлыхъ завоеванныхъ мѣстностей поголовно были переселяемы за Дунай, гдѣ еще было много незаселенныхъ пространствъ. Весьма вѣроятно, что кромѣ того многіе жители южной Болгаріи добровольно стали переселяться на лѣвый берегъ Дуная, во вповь присоединенный край, въ надеждѣ найти тамъ

¹⁾ Еслибъ было такое завоеваніе, потребовавшее значительныхъ успѣй, то о немъ навѣрно сохранились бы извѣстія въ исторіи.

непочатія природныя богатства, бблшій просторъ и даже бблшую свободу. Во всякомъ случаѣ, какъ мы уже однажды замѣтили, въ IX вѣкѣ должны были очень оживиться сношенія и обменъ населенія между странами праваго и лѣваго береговъ Дуная, въ предѣлахъ Болгаріи. Добровольно выселялись и искали себѣ новыхъ жилищъ на сѣверѣ конечно преимущественно тѣ жители Балканскаго полуострова, которые чувствовали себя болѣе стѣсненными, а въ такомъ положеніи должны были быть прежде всего остатки древнѣйшаго (романизованнаго) этническаго слоя, подавленные массою славянскаго населенія и политически господствующею восточною ордою¹⁾. Итакъ есть нѣкоторое основаніе предположить, что переселенія съ Балканскаго полуострова въ нынѣшнюю Валахію и сосѣднія земли романскихъ элементовъ, послужившихъ къ образованію румынской народности, восходятъ уже во всякомъ случаѣ къ IX вѣку, если не къ еще болѣе раннему времени, и имѣютъ связь съ одной стороны съ расширеніемъ и размноженіемъ Славянъ полуострова, а съ другою — съ распространеніемъ болгарскаго владычества въ земляхъ древней Дакии. Уже давно было высказано предположеніе о соотношеніи нынѣшнихъ Валаховъ (въ Угріи и Трансильваніи) съ тѣми романизованными Оракіицами, которыхъ Болгары переселили въ Адрианополя и его окрестностей и вообще въ Оракіи въ свои сѣверо-дунайскія владѣнія¹⁾. Если въ этомъ предполо-

¹⁾ Здѣсь кстати указать, что Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи о румынскомъ языкѣ также высказываетъ взглядъ о связи выселенія Румынъ съ праваго берега Дуная на сѣверъ съ завоеваніемъ и наводненіемъ восточной половины Балканскаго полуострова Славянами въ концѣ V вѣка. Въ его статьѣ «Die Slavischen Elemente im Rumunischen» (Denksch. d. K. Akad. d. Wiss. XII Bd. W. 1862) мы читаемъ между прочимъ: «Uns ist es wahrscheinlich, die Ursache dieser Begebenheit (т. е. переселенія Румынъ съ юга на сѣверъ) sei in der Eroberung der östlichen Hämusländer durch die Slovenen zu Ende des fünften Jahrhunderts zu suchen. Zu jener Zeit hat wohl auch der Zug nach Süden stattgefunden, denn die gleiche Sprache hindert uns anzunehmen, dass die macedonischen Rumänen anderswo entstanden seien, als die dacischen . . .»

²⁾ Предположеніе это принадлежитъ Энгелю: Geschichte des Alt Rannoniens. S. 279. Противъ него дѣлали возраженія, но мало убѣдительныя, Рёслеръ (Rom. Stud., S. 78) и Гунвальди (Ethn. v. Ung., S. 109).

женіи есть доля истины (и мы сами готовы ее признать), то почему не допустить и мысль о добровольной колонизации тѣхъ же новыхъ болгарскихъ владѣній уже въ IX вѣкѣ романскими элементами изъ разныхъ концовъ болгарской державы?

Въ то время, какъ южныя части древне-дакійской территоріи отошли къ Болгаріи, нѣкоторая часть нынѣшней сѣверной Угріи принадлежала къ Велико-моравскому политическому союзу. Но какъ далеко простиралась въ эту сторону власть моравскаго князя, опредѣлить даже съ приблизительною точностью очень трудно. Можно предположить, что въ эпоху наибольшаго могущества Моравіи владѣнія ея простирались на востокъ и за предѣлы прежняго Нитранскаго княжества. Между тѣмъ нынѣшняя сѣверовосточная Угрія и Трансильванія до самаго мадьярскаго погрома оставались въ сторонѣ отъ политической жизни сосѣднихъ странъ и народовъ, — ихъ населенію было еще чуждо стремленіе къ политическому объединенію.

3.

Мы перейдемъ теперь къ *западной* половинѣ дунайской территоріи и, чтобы разъяснить политическія отношенія, которыя застали здѣсь Мадьяры къ концѣ IX вѣка, прослѣдимъ судьбу Моравскаго княжества, коснувшись предварительно условій его образованія и довольно успѣшнаго политическаго развитія.

Вопросъ о *народности* (племенномъ происхожденіи) древнихъ Мораванъ, т. е. того племени, которое послужило зерномъ образованія перваго славянскаго государственнаго организма на среднемъ Дунаѣ и которое дало славянству такихъ видныхъ историческихъ дѣятелей, каковы были Моймиръ, Ростиславъ и Святополкъ, имѣеть безспорно глубокий интересъ, особенно въ виду его неразрывной связи съ капитальнѣйшимъ вопросомъ славянскихъ

древностей о языкѣ перваго перевода евангелія и церковныхъ книгъ, надъ рѣшеніемъ котораго такъ много уже трудился и не перестаютъ трудиться филологи. Тотъ, для кого образование и судьба Моравскаго княжества представляютъ главную цѣль изслѣдованія, не въ правѣ конечно оставить безъ должнаго вниманія вопросъ о народности Мораванъ, но для насъ, задавшихся иною цѣлью, онъ принадлежитъ къ ряду тѣхъ вопросовъ, которые, не имѣя прямого отношенія къ послѣдней, могутъ безъ ущерба для дѣла быть только слегка затронуты. Ограничимся поэтому изложеніемъ существующихъ въ наукѣ различныхъ взглядовъ и указаніемъ того изъ нихъ, къ которому насъ заставляютъ склоняться наши собственно *историческія* соображенія.

Въ прежнее время никто не думалъ подвергать сомнѣнію того взгляда, что населеніе древней собственной Моравіи (на сѣверъ отъ средняго Дуная, по рѣкѣ Моравѣ) принадлежало вообще къ сѣверозападному отдѣлу, въ частности къ чешско-словенской вѣтви славянскаго племени и что слѣдовательно теперешніе жители Моравіи вмѣстѣ съ обособившимся впоследствии Словаками — суть потомки Мораванъ IX вѣка. Это чешско-моравское населеніе шире распространяли также нѣсколько и къ югу отъ Дуная — на сѣверныя окраины Панноніи, гдѣ оно должно было подвергнуться смѣшенію съ населеніемъ словнискимъ, занявшимъ большую часть Панноніи, древнюю Хорутанію и сосѣднія области, и составлявшимъ главный этническій элементъ княжествъ Прибины и Коцела. Тому факту, что языкъ древнѣйшаго перевода священныя книгъ имѣетъ очень мало общаго съ нарѣчіемъ чешской вѣтви славянскаго языка и можетъ быть скорѣе приведенъ въ связь съ древне-болгарскимъ или древне-словнискимъ (древне-хорутанскимъ), давали различныя объясненія, причемъ одни утверждали, что первоначальный переводъ священнаго писанія былъ сдѣланъ еще до прихода братьевъ въ Моравію на языкѣ Славянъ болгарскихъ (точнѣе македонскихъ), другіе — что онъ былъ сдѣланъ въ Панноніи для тамошнихъ

Славянь, т. е. предковъ нынѣшнихъ Хорутанъ. Однако послѣднимъ рѣшеніемъ не могла удовлетвориться критика. Явилось очевидное противорѣчіе: Кирилль и Меодій были призваны Ростиславомъ въ Моравію, гдѣ и пребывали до своего путешествія въ Римъ (867 г.) и гдѣ впоследствии сосредоточилась дѣятельность Меодія; какимъ же образомъ евангеліе могло быть переведено на языкъ Славянъ паннонскихъ? Нужно было найти выходъ изъ этого затрудненія, и такой выходъ дѣйствительно былъ найденъ.

Уже довольно давно Дюмлеръ въ своей статьѣ «о народности древнихъ Мораванъ»¹⁾, подвергъ этотъ вопросъ исторической проверкѣ съ цѣлю доказать свою новую гипотезу, внушенную ему вѣроятно мнѣніямъ Копитара²⁾ и филологическимъ изысканіямъ Миклошича³⁾, что древніе Мораване въ племенномъ отношеніи не были тождественны съ нынѣшнимъ, а что они были также *Словены* (ибо для нихъ, а не для паннонскихъ Славянъ было переведено на древнеславянскій языкъ св. писаніе Меодіемъ), область которыхъ такимъ образомъ простиралась на сѣверъ не только на Моравію, но и на землю нынѣшнихъ Словаковъ. По мнѣнію г. Дюмлера, послѣ паденія Моравскаго княжества, въ началѣ X вѣка, Моравія вслѣдствіе сильнаго потрясенія, причпшеннаго съ одной стороны Нѣмцами, съ другой—Уграми, потеряла навсегда свою національную самобытность. Населеніе ея значительно порѣдѣло вслѣдствіе опустошительныхъ

¹⁾ Excurs über die Nationalität der alten Mährer въ «Archiv für Kunde Oester. Gesch.-Quellen» XIII Bd. W. 1854, S. 169—178.

²⁾ Въ противоположность Шафаріку, считавшему языкъ первоначальнаго перевода священнаго писанія—древне-болгарскимъ, Копитаръ приписывалъ его предкамъ нын. Хорутанъ. Его взглядъ высказанъ имъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ: Glagolisa Clozianus, p. IX, XXXIII и слѣд.; Ursprung der slawisch. Liturgie in Pannonien, Chmel, Österr. Geschichtsforscher, I, 3, p. 508; Hesychii glossogr. epigloss. R., p. 48; рецензія на Добровскаго (Institutiones l. a.), Wien. Jahrb. XVII. S. 69; наконецъ въ Prolegomena historica къ изд. Реймск. Еванг.

³⁾ Выводы изъ своихъ изысканій о *паннонскомъ* древне-церковнославянскаго языка Миклошичъ всего полнѣе и опредѣленнѣе высказалъ въ «Предисловіи» къ «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen», Wien, 1874.

пабѣговъ Мадьяръ и уведенія въ неволю массы моравскихъ женщинъ и дѣтей. Усилившіеся между тѣмъ и размножившіеся Чехи направили свою колонизацію въ запустѣвшую Моравію и восполнили убыль населенія. Чешскій элементъ сталъ крѣпнуть и умножаться здѣсь вмѣстѣ съ этимъ общимъ усиленіемъ чешской народности и политическимъ ея возвышеніемъ и мало по малу чехизовала страну, которая въ послѣдствіи является въ исторіи обновленною, уже въ нераздѣльной связи съ Чехіей и съ населеніемъ—одноплеменнымъ Чехамъ. Въ сѣверовосточную Угрію приливъ Чеховъ былъ гораздо слабѣе, и потому нынѣшніе Словаки, хотя и примыкаютъ теперь уже также (по языку и другимъ признакамъ) къ вѣтви чешско-славянской, всетаки не слились съ нею окончательно и успѣли сохранить въ своемъ языкѣ кое-что, сближающее его съ нарѣчіемъ нынѣшнихъ Словацивъ (Хорутанъ), да и сами называютъ его *словенскимъ*. — Таковъ взглядъ Дюмлера. Въ пользу его онъ приводитъ рядъ историческихъ соображеній и доводовъ, изъ которыхъ мы упомянемъ важнѣйшіе. Указывается на то, что Моравія и Чехія съ самаго начала являются въ политическомъ отношеніи существенно различающимися другъ отъ друга: въ то время, какъ менѣе огражденная природою, но объединенная подъ единой княжескою властью Моравія достигаетъ значительной силы и независимости и внушаетъ страхъ восточно-франкскимъ королямъ, Чехія, поставленная природою въ лучшія условія, остается не объединенною, повинуется многимъ князькамъ и не пріобрѣтаетъ почти никакого политическаго значенія. Указывается далѣе, что прочнаго и продолжительнаго союза и соединенія между тою и другою никогда не было, несмотря на общую опасность отъ общаго врага. При Святополкѣ длился нѣсколько долѣе союзъ между ними, но зато тотчасъ по его смерти Чехія перешла на сторону враговъ Моравіи. Одновременно съ паденіемъ послѣдней, Чехія напротивъ достигла небывалаго возвышенія, объединилась и стала страшна для своихъ сосѣдей; она вступила въ союзъ съ Уграми, вмѣстѣ предпринимала походы на западъ, наконецъ съ ними подѣлила и террито-

рію Моравіи. Однако всѣ эти различія въ судьбѣ той и другой страны еще не представляются намъ говорящими сколько-нибудь убѣдительно въ пользу положенія Дюллера. Вѣдь если между ними не замѣтно тѣсной связи и сходства, то точно такъ-же мы не замѣчаемъ подобной связи, особенной близости и единенія сѣверо-дунайской Моравіи со Славянами Панноніи, Восточной марки и Карантанія, что непременно должно было бы быть, по понятіямъ Дюллера, если бы Мораване принадлежали также къ словенскому племени. Между тѣмъ мы здѣсь видимъ съ одной стороны различіе въ судьбахъ, съ другой — не добровольное слияніе, а только политическое присоединеніе нижней Панноніи къ собственной Моравіи, обусловленное силой и завоевательными стремленіями моравскаго князя, а вовсе не особенными взаимными симпатіями и единомысліемъ населенія. Затѣмъ одною изъ главныхъ точекъ опоры служитъ Дюллеру въ его взглядѣ — «полный разгромъ и переворотъ въ Моравіи», причиненный Уграмъ и повлекшій за собой потерю всякой племенной самобытности Мораванами, послѣ чего по его мнѣнію произошло и обновленіе въ населеніи вслѣдствіе сильной колонизаціи Чеховъ. Для насъ однако и это соображеніе имѣетъ весьма мало силы, такъ какъ въ немъ выражается слишкомъ преувеличенное (какъ мы ниже увидимъ) представленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось паденіе Моравіи въ политическомъ отношеніи. Дюллеръ считаетъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу своего взгляда то обстоятельство, что воспоминаніе о Святополкѣ и Меоодіи чрезвычайно слабо сохранилось въ преданіяхъ нынѣшнихъ Мораванъ, что только и можетъ быть объяснено, по его мнѣнію, этническимъ переворотомъ, т. е. чехизаціей, которой подверглась Моравія послѣ своего паденія: у Чеховъ не могло быть живого преданія о Кириллѣ и Меоодіи, такъ какъ ихъ христіанское просвѣщеніе имѣло другой (западный) источникъ; почитаніе святыхъ апостоловъ славянства возникло у нихъ искусственно только въ XIV вѣкѣ. Мы согласны, что это соображеніе болѣе другихъ могло бы служить подтвержденіемъ разсматриваемой теоріи, но

только въ томъ отношеніи, что оно дѣйствительно говоритъ о томъ большомъ разстояніи, которое раздѣляетъ нынѣшнихъ Мораванъ отъ ихъ предковъ и о томъ, что въ судьбѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ произошло что-то, заставившее ихъ въ значительной мѣрѣ позабыть свои старыя народныя преданія. Однакожъ этотъ фактъ нисколько не доказываетъ главнаго положенія Дюмлера, что древніе Мораване были *словинской* народности. Мы сами далеки отъ того, чтобы совершенно отрицать всякое этническое обновленіе, и именно чехизацію (въ тѣсномъ смыслѣ) Моравіи въ теченіе вѣковъ, и считать нынѣшнихъ Мораванъ за несмѣшанныхъ потомковъ древнихъ. Такого процесса этническаго обновленія положительно нельзя не допустить, но онъ совершался медленнѣе и болѣе постепенно, чѣмъ представляютъ себѣ приверженцы той теоріи. Древнихъ же Мораванъ мы однако не считаемъ возможнымъ причислить къ словянскому племени, а скорѣе склоняемся къ предположенію, что они составляли одно племя съ нынѣшними *Словаками* и принадлежали такимъ образомъ къ восточному развѣтвленію чехо-словенской вѣтви, въ пользу чего довольно убѣдительно говоритъ даже объемъ собственно древне-мораванскаго княжества, обнимавшаго собою большую часть территоріи нынѣшнихъ Словаковъ. О другихъ второстепенныхъ соображеніяхъ Дюмлера, еще, менѣе убѣдительныхъ, чѣмъ приведенныя, было бы излишне распространяться¹⁾. Теорію Дюмлера раздѣляетъ Миклошичъ, отстаивая ее съ точки зрѣнія языка. Его *паннонизмъ* въ вопросѣ о языкѣ древняго перевода священныхъ книгъ, нуждался въ опорѣ со стороны исторіи, не могъ не схватиться за мысль о распространеніи словянскаго языка и на сѣверъ отъ Дуная — въ древней Моравіи²⁾. Если же будетъ доказана несостоятельность

¹⁾ Таковы указанія на предполагаемую болгарскую область *Мораву*, на *Великую Моравію* Константина Багрянороднаго, на *моравское происхожденіе* Прибины, основателя Паннонскаго княжества. Всѣ они ничего не доказываютъ.

²⁾ Miklosich, *Altsloven. Formenlehre in Paradigmen*, Wien, 1874. Einleitung, S. III—IV: «Ich bin nämlich jetzt der Ansicht, dass der Slovenische Volks-

этой мысли, то и теорія паннонизма потеряеть подь собою въ значительной мѣрѣ историческую почву ¹⁾). Наконецъ Дюмлеръ, кажется намъ, уклонился отъ разсмотрѣнія весьма важнаго пункта въ вопросѣ о народности Мораванъ, а именно не высказалъ своего мнѣнія о томъ, *когда и какъ* территория древней Моравіи могла быть заселена *словинскимъ* племенемъ, а ограничился замѣчаніемъ, что мы не имѣемъ извѣстій о томъ, когда Чехи и Мораване поселились на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ жительства ²⁾. Правда, такихъ извѣстій мы дѣйствительно не имѣемъ, но дѣ-которое понятіе о времени и о путяхъ, которыми шло расселеніе славянскихъ племенъ въ средней Европѣ и на Дунаѣ, мы все-таки имѣемъ, и можемъ прійти въ этомъ вопросѣ кое къ какимъ соображеніямъ, которыя едва-ли не повліяли бы и на выводы Дюмлера, если бы были приняты имъ въ расчетъ. Признавая, согласно общепринятому взгляду на ходъ славянскихъ переселеній, болѣе раннимъ расселеніе сѣверозападнаго отдѣла славянскихъ народовъ, чѣмъ югозападнаго, мы не можемъ не признать, что въ частности и чешско-словенская вѣтвь расселилась въ ту же болѣе раннюю пору (приблизительно въ концѣ V-го и началѣ VI-го в.) и что одновременно, съ той же сѣверовосточной стороны, былъ занятъ Славянами и весь сѣверный карнатскій край до центральной дунайской равнины и до средняго Дуная. Могла ли Моравія избѣгнуть тогда славянскаго наводненія? если нѣтъ—а другого отвѣта быть не можетъ, — то естественно, что и она была занята племенемъ того же сѣверозападнаго отдѣла и, какъ страна сосѣдняя съ Чехіей, той же *чехо-словенской* вѣтви. Между тѣмъ

stamm nicht nur auf dem rechten, sondern auch auf dem linken Ufer der Donau wohnte, freilich ohne über den Umfang seiner Wohnsitze im Norden der Donau auch nur eine Vermutung aussprechen zu können etc.»

¹⁾ Н. В. Ягичъ, полемизируя съ Миклошичемъ въ вопросѣ о паннонизмѣ, также высказывается рѣшительно противъ мнѣнія о распространенія *словинскаго* племени на сѣверѣ отъ Дуная. См. Archiv für slav. Philol., herausgeg. v. Jagić I B., 3 Hft. (1876) въ рецензіи на сочиненія Миклошича, стр. 444—445 и слѣд.

²⁾ Dammier, *ibid.*, S. 174.

разселеніе югозападнаго, *словинскаго* племени, шедшее совершенно иными путями, прямо съ востока — вверхъ по Дунаю, совершилось для западныхъ краевъ (Панноніи, нынѣшней Штиріи и Карлтіи) сравнительно нѣсколько поздиѣ (въ концѣ VI вѣка). Такимъ образомъ *Словени* (или Словинцы) распространились по правому берегу средняго Дуная тогда, когда его лѣвый берегъ (на сѣверѣ) былъ уже заселенъ Славянами чешской вѣтви. Какъ же Словенцы могли бы попасть въ Моравію? Очевидно только вытѣсненіемъ оттуда прежняго славянскаго населенія. Но ни о какомъ подобномъ вытѣсненіи, какъ извѣстно, исторія не знаетъ. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что послѣ разгрома аварской державы и происшедшей вслѣдствіе того убыли населенія на югъ отъ Дуная, туда направилась въ нѣкоторой степени колонизація съ сѣвера, т. е. изъ среды чешскихъ Славянъ, и такимъ образомъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Панноніи тоже оказался элементъ чешско-словенскій. Итакъ не только доводы Дюмлера не примиряютъ насъ съ его теоріей, но и другія соображенія, имъ не затронутыя, заставляютъ еще рѣшительнѣе отказаться отъ нея и признать въ древнихъ Мораванахъ чешско-словенскую народность и притомъ, кажется, въ ея *словацкой* (словенской) разновидности.

Намъ уже выше пришлось упомянуть о причинахъ, способствовавшихъ успешному политическому объединенію моравскихъ Славянъ въ IX вѣкѣ. Помимо причинъ внутреннихъ, т. е. достиженія этими Славянами той ступени общинно-бытового развитія, когда ставится возможнымъ объединеніе отдѣльныхъ общинъ подъ одною княжескою властью въ государственный союзъ, и помимо особенно благоприятныхъ внутреннихъ условій жизни тутъ являлись несомнѣнное и даже первенствующее вліяніе тѣхъ внѣшнихъ причинъ, которыя дали толчокъ проявленію національныхъ силъ и таившихся въ народѣ зачатковъ политическаго развитія. Такими внѣшними причинами были съ одной стороны близкое сосѣдство могущественной Франкской державы и ея стремленіе къ распространенію своего политическаго господства надъ восточ-

ными сосѣдями, съ другой стороны—вліяніе, которое оказывали Германцы своей государственной организаціей и извѣстнымъ культурнымъ превосходствомъ, и которому невольно и бессознательно не могли не поддаваться Славяне.

Въ началѣ IX вѣка дунайскіе Славяне могли насчитывать уже нѣсколько столѣтій своего пребыванія въ новыхъ жилищахъ. Въ этомъ отношеніи Славяне чешско-словенской вѣтви могли ставить себя впередъ другихъ, такъ какъ повидимому ранѣе прочихъ дунайскихъ Славянъ стали обладателями той территоріи, которой владѣли въ IX вѣкѣ и удержаніе которой имъ стоило такихъ успій и такой борьбы. Въ эти нѣсколько столѣтій, несмотря на всѣ невзгоды и бѣдствія, которыми особенно ознаменовался періодъ аварскаго владычества, дунайскіе Славяне успѣли привязаться къ своей землѣ, окрѣпнуть на ней и выработать у себя опредѣленные формы общественнаго устройства. Процессъ развитія этихъ формъ представляется намъ, въ общихъ чертахъ—въ слѣдующемъ видѣ. Родовая организація, основанная на узаконеніи семейнаго родства, какъ форма патріархальнаго быта, со временемъ мало по малу уступила мѣсто другимъ порядкамъ. Общее владѣніе и пользованіе землей создало новыя отношенія—*земскія*, и общинное устройство, *община* замѣнила собою прежній родъ, хотя впрочемъ и въ ней отразилось родовое начало. Община—это было соединеніе нѣсколькихъ или даже многихъ семействъ, которыя жили въ одномъ мѣстѣ, сообща владѣли большимъ или меньшимъ участкомъ земли (недвижимое имущество общины — *дѣдина*, первоначально *родовое* имущество) и сообща его воздѣлывали. Имъ управлялъ избранный старшина (староста, владыка — старшій по происхожденію или наиболѣе уважаемый), являвшійся представителемъ и блюстителемъ интересовъ своей общины. Остальные члены общины были совершенно равноправны и имѣли одинаковыя права на общинное имущество. Отдѣльныя мелкія общины при извѣстныхъ условіяхъ находили выгоднымъ соединеніе въ болѣе значительный союзъ, и такимъ образомъ возникала община болѣе обширныхъ размѣровъ (у однихъ Славянъ—

жуна, у другихъ — *волость*). Какъ маленькія общины до образованія общаго союза имѣли своихъ представителей — старшинъ, такъ и цѣлый союзъ общинъ выбиралъ своего главу (*жупана* или *князя*), возвышавшагося изъ наиболѣе знатнаго и вліятельнаго рода. Такъ было по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ уже было утрачено племенное единство, и гдѣ слѣдовательно не могло быть и князя, какъ *племенного* вождя. Мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какого происхожденія была княжеская власть у моравскихъ Славянъ; очень можетъ быть, тѣ первые князья, съ которыми знакомитъ насъ исторія, были именно князья *племенные*, но для такого утвержденія у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Мы имѣемъ столько же права предполагать, что они были изъ рода князей, возвысившихся изъ старшинъ при объединеніи общинъ въ болѣе значительные союзы. Каждый союзъ общинъ, или жуна, имѣлъ свое средоточіе — *градъ*, служившій мѣстопробываніемъ жупана или князя и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленнымъ мѣстомъ обороны. Съ этою послѣднею цѣлію города сооружались въ неприступныхъ мѣстностяхъ (напр. на горѣ, на островѣ, среди болотъ). Кромѣ военнаго, города соединяли въ себѣ и политическое, и религіозное значеніе. Городъ привлекалъ своихъ удобствами сожителства многихъ поселенъ изъ окрестностей; расширяясь такимъ образомъ и развпваясь, онъ становился и средоточіемъ торговли. Рядомъ съ главнымъ центромъ возникали мало по малу и другіе — меньшіе. Въ Моравскомъ княжествѣ намъ извѣстно нѣсколько выдающихся центровъ и вмѣстѣ укрѣпленныхъ городовъ. Таковы были столица *Велеградъ*, мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ остается не выясненнымъ¹⁾, сильная пограничная крѣпость *Дръ-*

¹⁾ Согласно народному преданію и весьма распространенному мнѣнію вышній городъ *Угорское Градище* въ юго-восточномъ углу Моравіи, на рѣкѣ Моравѣ съ бань-лежащимъ посадомъ *Велеградомъ* — расположены въ мѣстности древней моравской столицы. Имяшній Велеградъ почитается народомъ, какъ священное мѣсто, и привлекаетъ въ свои стѣны въ день праздника Кирилла и Мефодія, массы народа со всѣхъ концовъ Моравіи. Однако никакихъ положительныхъ историческихъ и документальныхъ основаній для приуроченія древняго Велеграда къ этой именно мѣстности — не имѣется. Преданія,

вина¹⁾ и *Нитра* (нын. Neutra), первоначально центръ особаго маленькаго племени или союза общинъ, сплюю присоединеннаго княземъ Мойміромъ къ своимъ владѣніямъ.

сообщающія историческое значеніе нынѣшнему Угорскому Градищу и Велеграду, возникаютъ лишь въ XIV вѣкѣ. До тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ слѣдовъ исторической связи этихъ мѣстечекъ съ древней лѣтописной столицей Моравіи. Относительно мѣстоположенія древняго Велеграда и его приуроченія къ нынѣшнему высказали свои сомнѣнія еще Добнеръ и Добровскій. Однако въ пользу такого приуроченія рѣшительно высказался Шафарикъ (Сл. Др. II, кн. 2, стр. 297, прим. 37) Палацкій (Dejiny Nar. Česk. 1862, стр. 141, пр. 87) и Герм. Пречекъ (Slov. pravo v Č. i па М. 1863, р. 61). Первый ученый въ новѣйшее время, отнесшійся съ полнымъ недоумѣніемъ къ этому мнѣнію, былъ Дудикъ (Gesch. Mähr. I, 147, 193, 194). За такое отрицаніе многіе сочи его чуть не измѣнникомъ и обвиняли въ желаніи поколебать народную вѣру и уваженіе къ современному Велеграду. По этому поводу завязалась у него оживленная полемика съ извѣстнымъ моравскимъ ученымъ Брандлемъ, который первый началъ ее своей брошюрой «Welehrad» Widerlegung der gegen dasselbe von Dr. Dudik im I B. sein. Mähr. Gesch. erhobenen Zweifel, Brünn, 1860. Въ этой брошюрѣ Брандль общимъ разборомъ I тома исторіи Дудика и указаніемъ многихъ противорѣчій старался подорвать авторитетъ послѣдняго, выставивъ несостоятельность его научной критики; онъ указывалъ, что доводы Дудика въ пользу его взгляда на Велеградъ слишкомъ слабы и не даютъ ему права разрушать установившееся мнѣніе, освященное народными преданіями и вѣрованіями. Самъ Брандль не могъ однако представить убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Дудикъ отвѣчалъ на это пространной и рѣзкой статьей: «Antwort auf Brandl's Welehrad», Br., 1860, въ которой старался по пунктамъ разбить противника. Брандль снова отвѣчалъ ему (Entgegnung auf Dr. Dudik's «Antwort». Br. 1860) и привелъ на это возраженіе нѣсколько довольно дѣльныхъ соображеній о территоріальныхъ особенностяхъ мѣстности около Угорскаго Градища, которыя должны были благоприятствовать образованію здѣсь центра тяготѣнія древнѣйшихъ поселеній. Въ 1862 г. онъ снова развилъ свою мысль въ брошюрѣ, посвященной Палацкому, «Poloha starého Welegradu», historické pojednání, v Brně, 1862. Въ концѣ концовъ, хотя мѣстоположеніе древняго Велеграда въ окрестностяхъ или на мѣстѣ нынѣшняго Уг. Градища и осталось недоказаннымъ исторически и документально, приуроченіе это можетъ все-таки считаться весьма правдоподобнымъ.

¹⁾ Нѣкоторые ошибочно смѣшивали и отождествляли *Дювимъ* съ Велеградомъ. *Дѣвинъ* былъ сильнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Моравіи—близъ нѣмецкой границы; онъ названъ *Dovina* — однажды, въ лѣтописи подъ 864 г. (Ann. Fuld.); но безъ сомнѣнія его же надо разумѣть подъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, упоминаемымъ подъ 855, 869, 871 г. Вопросъ о его мѣстоположеніи также спорный. О нахожденіи его гдѣ-то около Велеграда, какъ некогда думали (Шафарикъ), не можетъ быть рѣчи. Въ настоящее время одни (Палацкій, Перцъ) отождествляли его съ нынѣшнимъ *Theben* — не

Объединеніе отдѣльныхъ общинъ и образованіе государственныхъ союзовъ зависѣло отъ многихъ условій. Тамъ, гдѣ земля была заселена слабо и гдѣ отдѣльныя общины жили разрозненно, не замѣчается такого стремленія къ объединенію, какъ въ земляхъ, населенныхъ болѣе густо. Въ послѣднихъ возникавшіе союзы общинъ или отдѣльныя племена (если еще существовала племенная раздѣльность) приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ, — одно стремилось къ преобладанію надъ другими, къ подчиненію себѣ остальныхъ, что въ концѣ концовъ и удавалось. Впрочемъ на образованіе государственныхъ союзовъ имѣли вліяніе, какъ мы уже замѣтили, и внѣшнія обстоятельства. Сильные и опасные сосѣди-иноземцы всего чаще оказывали могущественное вліяніе на политическое объединеніе славянскихъ общинъ. Такъ было и у дунайскихъ Славянъ. Моравія и затѣмъ Чехія обязаны своимъ объединеніемъ въ IX—X в. не только сравнительной густотѣ своего населенія и благопріятнымъ географическимъ условіямъ, но и — въ значительной мѣрѣ — опасному сосѣдству завоевательныхъ Германцевъ. Въ Моравіи этотъ процессъ объединенія произошелъ быстрѣе, какъ намъ кажется, именно благодаря тому, что она несравненно менѣе Чехіи была защищена естественными преградами отъ внѣшнихъ враговъ. Природой болѣе защищенные и потому чувствовавшіе менѣе потребности къ сплоченію Чехи гораздо позже образовали общій союзъ съ единымъ княземъ во главѣ¹⁾. Между тѣмъ въ Панноніи и въ восточно-альпійскомъ краѣ, гдѣ славянскія поселенія были малочи-

далеко отъ Пресбурга при впадѣніи Моравы въ Дунай; по мнѣнію другихъ (Герм. Пречекъ) и притомъ, кажется, болѣе основательно, онъ находится гдѣ-то на пограничной рѣкѣ Дыѣ, гдѣ и позднѣе упоминается гор. *Podirín* (у Козьмы Пражскаго). См. *Jireček, Slov. Pravo. 1863, S. 59—60.* Успенскій, Слав. Мов., стр. 41—43, прим.; срв. *Faulhammer, Die Beziehungen Ludw. d. Deut. zum Gr.-Mähr. R., Czernowitz, 1862, S. 27.*

¹⁾ Княжескій родъ Премысла становится исторически извѣстнымъ не рано начала X в. До того времени въ Чехіи властвовало множество мелкихъ владѣльцевъ или князей. *Ann. Mettens. 805, Ann. Fuld. 845, 857, 871, 872 etc. Dümmler, Ueber die National. d. alt. Mährer, Arch. f. Kunde Oest. Geschsquell. V. XIII, S. 175.*

сленны и весьма разрозненны, самостоятельно не возникло союза отдельных общинъ, и лишь совершенно искусственнымъ образомъ, по волѣ могущественнаго завоевателя этого края, слѣдовательно по инициативѣ извнѣ, было создано такъ называемое Панновское княжество, которое вслѣдствіе того не могло быть ни прочно, ни долговѣчно.

Первыя историческія извѣстія о Мораванахъ и Моравіи (822 г.) застаютъ у этого народа нѣсколько княжествъ съ князьями во главѣ (были ли это объединившіеся союзы общинъ, или племена, сохранившія свою раздѣльность и самостоятельную организацію — рѣшить трудно). Въ то время происходила внутренняя борьба, вызванная стремленіемъ болѣе сильнаго князя къ дальнѣйшему объединенію. Этому объединенію несомнѣнно былъ данъ толчокъ уснѣхамъ Карла Великаго надъ Аварами и его возраставшимъ могуществомъ. Однако Мораване не могли себя чувствовать достаточно сильными для сопротивленія грознымъ завоевателямъ, а на союзъ съ другими племенами нельзя было рассчитывать, и вотъ почему они, повидимому добровольно, одновременно съ Чехами признали верховную власть Франковъ еще при Карлѣ Великомъ. Эта зависимость состояла, кажется, въ уплатѣ опредѣленной ежегодной дани, да еще въ доставленіи Германцамъ правѣ свободной проповѣди христіанства на территоріи этихъ Славянъ. Такимъ образомъ открытъ былъ къ послѣднимъ широкій путь нѣмецкому вліянію, какъ политическому, такъ и нравственному.

Мы знаемъ, какова была та сила, отъ которой Мораване поставили себя въ зависимость. На сторонѣ ея были политическія и матеріальныя преимущества, а въ извѣстномъ отношеніи и культурное превосходство, связанное съ историческимъ старшинствомъ германской расы. Первыя выражался въ лучшей, болѣе усовершенствованной военной организаціи, въ выработанной уже и твердой системѣ управления, наконецъ вообще въ болѣе обширныхъ матеріальныхъ средствахъ, второе — въ просвѣщеніи христіанствомъ и высшей степени образованности. Славяне и въ томъ, и въ другомъ

отношеніи въ ту пору не могли съ ними соперничать. Ко всему этому присоединилось еще и различіе въ характерѣ и наклонностяхъ того и другого племени, вслѣдствіе котораго опять таки успѣхъ въ осуществленіи политическихъ стремленій и задачъ могъ скорѣе быть достигнутъ Нѣмцами—насчетъ Славянъ, чѣмъ наоборотъ. Вопиющій духъ Германцевъ, ихъ упорство и неразборчивость въ средствахъ при преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей — достаточно извѣстны. Мы знаемъ, что Славяне напротивъ никогда не отличались подобными свойствами.

Сильнѣйшая сторона съ самаго начала стала въ положеніе наступательное и притомъ съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства ¹⁾, слабѣйшей оставалось только положеніе оборонительное, которое она и приняла, сдѣлавъ на первыхъ же порахъ уступку (признаніе верховной власти Франческаго короля), подъ страхомъ очутиться еще въ худшемъ положеніи. Каковы бы ни были промахи стороны сильнѣйшей, какъ бы искусно ни пользовалась противная сторона, какъ бы ни базовала послѣднюю судьба временными и случайными успѣхами, окончательный и естественный исходъ борьбы оттого не могъ бы измѣниться. Но обратимся къ фактамъ.

Славянское племя, носившее въ средніе вѣка имя Мораванъ (отъ рѣки Моравы), занимало въ IX вѣкѣ конечно не одну только ту территорію, какую занимаютъ нынѣшніе Мораване. Хотя и нѣтъ возможности точно опредѣлить эту древне-моравскую территорію, можно по крайней мѣрѣ принять за вѣрное, что Мораване IX вѣка населяли кромѣ нынѣшней Моравіи—часть Нижней Австріи (на сѣверъ отъ Дуная) и всю сѣверозападную часть Угрии между Дунаемъ и рѣкою Грономъ, а вѣроятно простирались и восточнѣе (въ предѣлахъ этнографической черты Сло-

¹⁾ Вспомнимъ слова нѣмецкаго духовенства въ извѣстномъ посланіи къ папѣ 900 года (съ жалобой на моравскую церковную организацію), что «Мораване—хотятъ или не хотятъ—а будутъ покорены нѣмецкой державой» (. . . et sive vellint, sive nolint, regnoostro subacti erunt, Erben, Regesta B. et M. стр. 23). Тутъ мы видимъ не столько хвастовство, сколько дѣйствительное сознаніе превосходства своихъ силъ.

ваковъ). Кроме того поселенія ихъ были распространены въ небольшомъ количествѣ, кажется, и на сѣверную окраину Паннонiи, гдѣ сливались съ поселеніями Словенцевъ. Однако политическія границы Моравiи, или вѣрнѣе моравскаго союза не совпадали съ этнографическими. Въ теченіе кратковременнаго существованія этого союза онѣ мѣнялись нѣсколько разъ и наибольшаго протяженія достигли къ концу княженія Святополка († 894 г.). Объ этихъ политическихъ границахъ (насколько возможно ихъ приблизительно прослѣдить) будетъ еще рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Первымъ извѣстнымъ намъ княземъ Мораванъ является *Моймиръ*, котораго мы около 830 г. находимъ въ борьбѣ съ другимъ (племеннымъ?) княземъ *Прибиной*, княжившимъ въ Нитранской области, между Дунаемъ и Грономъ. Столицей его была Нитра. Моймиръ, будучи сильнѣе, стремился присоединить къ себѣ землю сосѣда, что ему дѣйствительно скоро и удалось. Онъ изгналъ Прибину и объединилъ Моравію¹⁾. Прибина бѣжалъ къ маркиграфу Восточной марки Ратбоду, ища у него покровительства и защиты. Это обращеніе совершенно понятно, такъ какъ управителю Восточной марки, какъ мы знаемъ, было поручено охранять интересы Франко-германской державы на Дунаѣ и съ этою цѣлью зорко слѣдить за всѣмъ, что происходило у сосѣднихъ Славянъ. Прибыва, какъ и слѣдовало ожидать, былъ дружелюбно принятъ Ратбодомъ и, хотя потомъ между ними и была временная размолвка, все-таки Прибинѣ со стороны франкскихъ властей не только было оказано покровительство, но и дарована совершенно особенная, до того неслыханная милость: онъ получилъ сначала (около 840 г.) въ ленъ, а затѣмъ (ок. 849 г.) въ полную собственность отъ короля Людовика Нѣмецкаго значительный участокъ земли въ Нижней Паннонiи на р. Салѣ, въ окрестностяхъ Блатенскаго озера. Эта милость, оказанная Прибинѣ, была первымъ исторически извѣстнымъ намъ враждебнымъ дѣйствіемъ Германской державы

¹⁾ Такимъ же способомъ было вѣроятно ранѣе поступлено и съ другими мѣстными народными князьями, но извѣстій объ этомъ не сохранила наша исторія.

въ отношеніи къ Моравскому князю (изгнавшему Прибину), первымъ актомъ обычной съ сосѣдями-чужеземцами нѣмецкой политики, примененной къ Мораванамъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно политическіе виды, желаніе раздѣлить силы враговъ, руководили Людовикомъ въ этомъ дѣлѣ, и потому никакъ нельзя назвать его поступка «визіонной традиціямъ каролингской политики»¹⁾. Другой вопросъ — остороженъ ли былъ этотъ шагъ. Паннонское княжество, какъ новый центръ славянской политической и культурной жизни, оказало въ свое время большую услугу дунайскому славянству въ его политическомъ объединеніи и особенно въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія, но въ роли оплота противъ Нѣмцевъ, оно, будучи искусственно создано, могло только на короткое время задержать успѣхи Нѣмцевъ на завоевательномъ поприщѣ и германизацию. Оно не имѣло прочнаго основанія, а потому не могло имѣть и будущности.

Покровительство, оказанное Людовикомъ Прибину, должно было стать если не прямымъ, то косвеннымъ поводомъ къ послѣдующимъ столкновеніямъ нѣмецкихъ интересовъ съ моравскими и взаимному вмѣшательству одной стороны въ дѣла другой. Моймиръ и его объединительная дѣятельность стали внушать опасенія Людовику. Въ 846 году онъ предпринялъ походъ въ Моравію, свергъ Моймира и посадилъ на его мѣсто его племянника *Ростислава*²⁾, надѣясь такимъ образомъ держать въ повиновеніи Моравскаго князя. Весьма вѣроятно, что дѣло было заранѣе условлено съ Ростиславомъ³⁾ и что послѣдній получилъ престолъ цѣною какихъ-либо уступокъ. Та легкость, съ которой повидному былъ произведенъ Людовикомъ переворотъ въ Моравіи, уже свидѣтельствуетъ о силѣ Франковъ и о степени ихъ вліянія у Мораванъ. Однакожь со вступленіемъ на престолъ Ростислава

¹⁾ Kaemmel, Anf. deutsch. Leb. in Oesterr. S. 217.

²⁾ Rudolf. Fald. Ann., 846.

³⁾ Dudik, Mähr. Allgem. Gesch. I Bd., S. 130. Впрочемъ это только догадка. Faulhammer, Die Beziehungen Ludwigs des Deutschen zum Grossmähr. Reiche (Viert. Jahresbericht der griech.-oriental. Ober-Realschule in Czernowitz, 1862), S. 19.

зависимость отъ Франковъ, вопреки надеждамъ послѣднихъ, не только не увеличилась, но еще уменьшилась на дѣлѣ¹⁾. Славянское княжество мало по мало совершенно вышло изъ-подъ опеки Франкской державы, и этимъ оно обязано съ одной стороны особенно благоприятно сложившимся обстоятельствамъ и условіямъ внутренней жизни, съ другой стороны личнымъ качествамъ своего умнаго и энергическаго правителя, сумѣвшаго освободить свою страну отъ тяжелой зависимости въ церковномъ отношеніи и создать самостоятельную, народную церковь. Надежды, которыя питалъ Людовикъ, возводя на престолъ новаго князя, нисколько не оправдались: въ лицѣ послѣдняго Франки сами себѣ приготовили рѣшительнаго противника и мужественнаго борца за свободу и интересы своего народа. Въ 848 г. Людовикъ подарилъ Прибынѣ землю, данную ему въ ленъ²⁾. Очевидно этотъ князь умѣлъ списать довѣріе германскаго короля. Княжество Прибыны простиралось на югъ до Дравы, на сѣверъ до рѣки Раба, восточною границею былъ Дунай; западную опредѣляютъ съ точностью всего труднѣе: здѣсь владѣнія Прибыны простирались до предѣловъ «Карантаніи»³⁾. Такимъ образомъ вся ппкия Паннонія на сѣверъ отъ Дравы принадлежала славянскому князю⁴⁾. Столицей его былъ Мосбургъ (Mosaburg) или Блатно, укрѣпленный городъ, построенный Прибыной на рѣкѣ Салѣ (впадающей въ Блатенское озеро), кажется, по близости нынѣшняго Салавара (Szalavár)⁵⁾.

Милость, оказанная Прибынѣ, во всякомъ случаѣ давала ему извѣстную самостоятельность, но ошибочно было бы думать, что Прибына сталъ совершенно независимъ. Вѣрнѣе кажется взглядъ, что повышеііе имѣло болѣе формальный характеръ и

¹⁾ Dudik, *ibid.*, S. 149, 150.

²⁾ *Conversio Bagoar.*, Mon. Boic. XI, 119 (Pertz, M. G. XI, p. 13).

³⁾ Dämmeler, *Südöstl.*, Marken, S. 34. Havelka, *O Prívínovi a Kocelovi etc.* Program C. K. vyššího Gymnasia Slovanského v Olomouci, 1872), S. 9—10. Kaemmel, *ibid.*, S. 218.

⁴⁾ Житіе св. Климента (*Vita st. Clementis*, с. 4) называетъ Коцела властителемъ даже *всей* Панноніи, но ошибочно.

⁵⁾ Hunfalvy, *Ethnogr. v. Ung.*, S. 114—115.

что зависимость отъ нѣмецкаго короля въ сущности продолжалась, можетъ быть только въ меньшей степени¹⁾).

Между тѣмъ моравскій князь Ростиславъ не замедлилъ обнаружить свои отношенія къ Нѣмцамъ и тѣ національныя цѣли, къ которымъ онъ стремился. Его сношенія съ Болгарами (853) и другими сосѣдями явно доказывали, что онъ ищетъ себѣ союзниковъ, и Людовику Нѣмецкому не трудно было понять, къ чему онъ готовится. Поэтому Людовикъ въ 855 году самъ предпринялъ походъ въ Моравію. Оказалось, что Ростиславъ приготовился не даромъ. Предпріятіе Людовика было неудачно: онъ долженъ былъ очень скоро вернуться. Моравскій князь его преслѣдовалъ и произвелъ опустошенія на правомъ берегу Дуная²⁾. Этимъ счастливымъ исходомъ войны достигнута была независимость Моравіи. Первый значительный успѣхъ Мораванъ имѣлъ важное значеніе для дальнѣйшей судьбы ихъ княжества; онъ былъ причиною того, что за послѣднимъ была признана нѣкоторая политическая сила, которою Нѣмцы считывали пользоваться для собственныхъ цѣлей, и что такимъ образомъ Моравія была втянута во внутреннія дѣла своихъ могущественныхъ сосѣдей, и не могла съ тѣхъ поръ не имѣть на нихъ вліянія. Такова была дѣйствительно часто ея роль въ послѣдующія десятилѣтія, хотя въ періоды внутренняго согласія Германія не забывала своей главной задачи — политическаго подчиненія дунайскихъ Славянъ и возможно большаго распространенія своего господства на востокъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ Моравіи не разъ удавалось пользоваться своимъ положеніемъ и внушать не малыя опасенія Нѣмцамъ. Эти опасенія особенно увеличались съ освобожденіемъ Моравіи и Панноніи въ церковномъ отношеніи.

Первый, задумавшій воспользоваться силою моравскаго князя

¹⁾ Есть даже свидѣтельство, подтверждающее это предположеніе: изъ одного источника видно, что Прибисла и послѣ того не могъ дарить имѣній церквамъ и монастырямъ безъ предварительнаго на то согласія короля. *Monum. Boica* XI, 119; см. *Havelka*, *ibid.* стр. 12.

²⁾ *Ruod. Fuld. ann.*, 855; *Lamberti ann. etc.*

для своих честолюбивых замысловъ, былъ старшій сынъ Людовика Пѣмецкаго Карломанъ, который въ 856 году былъ сдѣланъ управителемъ всей Восточной марки (въ обширномъ смыслѣ), послѣ того какъ былъ смѣщенъ заподозрѣнный въ пзмѣнѣ Ратбодъ. Людовикъ, заинтересованный въ то время дѣлами западной половины Франкской державы, считалъ цѣлесообразнымъ ввѣрить управление всѣми восточными областями (такъ назыв. Ostland) одному лицу и избралъ для этого своего старшаго сына Карломана. Однако вскорѣ оказалось, что эта мѣра, имѣвшая цѣлью обезпеченіе вѣдшей безопасности Германіи, была губительною для ея внутренняго спокойствія.

Пока Людовикъ, отложивъ войну съ Моравіей, былъ увлеченъ предпріятіемъ на западѣ и мечталъ о западно-франкской коронѣ, противъ него собиравсь тучи на востокѣ. Ростиславъ измѣлъ время еще усильгся и кажется успѣлъ привлечь къ своему союзу сосѣднихъ Славянъ — чешскихъ¹⁾ и полабскихъ, съ которыми Людовикъ долженъ былъ вести войну въ 856 и 857 годахъ²⁾, а Карломанъ между тѣмъ возымѣлъ честолюбивый замыселъ добиться баварской короны³⁾ и съ этою цѣлью заключилъ союзъ съ Ростиславомъ. Моравское княжество пріобрѣтало этимъ новую силу. Однимъ изъ послѣдствій, кажется, было то, что Карломанъ выдалъ Ростиславу Прѣбпу (этого давнишняго врага моравскаго князи), который и былъ умерщвленъ вѣроятно уже въ 860 году или въ началѣ 861 года⁴⁾.

Мы не станемъ разсматривать исторію возстанія Карломана противъ отца и всей этой междоусобной борьбы. Началась она въ 861 г. и кончилась тѣмъ, что Карломанъ послѣ вторичнаго предпріятія съ отцомъ былъ на нѣкоторое время лишенъ управленія

¹⁾ Не даромъ чешскій князекъ Sclauitag (Славитагъ), изгнанный изъ своего владѣнія баварскимъ войскомъ, бѣжалъ въ Моравію къ Ростиславу. Ann. Fuld, 857. ср. Fäulhammer, *ibid*, S. 21.

²⁾ Fuld. ann. 856, 857.

³⁾ Очень можетъ быть, что на него подѣйствовалъ примѣръ отца, подымавшаго оружіе противъ брата (Карла Лысаго).

⁴⁾ Navelka, *ibid*, str. 15.

марками, но затѣмъ въ 864 г., тайно убѣжавъ въ свои прежнія владѣнія, былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ и правахъ. Важно то, что Ростиславъ въ этой распрѣ не оказалъ поддержки своему союзнику. По всей вѣроятности онъ не надѣялся на успѣхъ карломанова предпріятія и не хотѣлъ еще подавать поводъ къ возобновленію борьбы съ Людовикомъ. Однако этого новаго столкновенія онъ не могъ избѣжать, такъ какъ Людовикъ, усмиривъ сына, рѣшился энергично поднять наконецъ оружіе противъ моравскаго князя, не только вышедшаго совершенно изъ повиновенія и мечтавшаго о полной независимости, между прочимъ и церковной¹⁾, но и служившаго опорой для возмущившагося противъ него сына и вообще всѣхъ недовольныхъ и цепокорныхъ ему приближенныхъ.

Въ 864 году Людовикъ, заключивъ предварительно союзъ съ Болгарами (который потомъ не прекращался до конца столѣтія)²⁾, съ большимъ войскомъ пошелъ противъ Ростислава, окруживъ его въ укрѣпленномъ городѣ Дѣвпнѣ (въ лѣтоп. *Dovina*) и принудилъ къ подчиненію³⁾. Ростиславъ поклялся въ вѣрности и снова обѣщавъ платить дань. Однако обетательства не надолго оставили его въ покоѣ. Внутреннія смуты въ Германіи стали для него новымъ соблазномъ къ отпаденію. Младшій сынъ короля, тоже Людовикъ по имени, будучи недоволенъ предварительнымъ раздѣломъ земель, по которому Карломану была предоставлена Баварія, возсталъ противъ отца (866) въ сообществѣ съ нѣсколькими недовольными графами (лишенными своихъ владѣній за невѣрность). Онъ не замедлилъ втянуть въ эту смуту и Ростислава, который произвелъ нѣсколько опустошеній въ Восточной маркѣ, но во-время былъ остановленъ Карломаномъ⁴⁾. Послѣ примиренія своего съ младшимъ сыномъ Людовикъ естественно опять

¹⁾ Въ то время уже были призваны къ дѣятельности въ Моравію Кириллъ и Мефодій.

²⁾ О немъ упоминается въ *Hincmari ann. a. 866* (Pertz, SS. I, 474).

³⁾ *Fuld. ann. 864; Hildesheim. ann. 864.*

⁴⁾ *Fuld. ann. 866. Hincmari ann. 866.*

былъ сильно озабоченъ Моравіей, которая постоянно являлась пособницей бунтовщиковъ противъ его власти, соблазняла, а можетъ быть и подстрекала послѣднихъ, и такимъ образомъ была причиной внутреннихъ смуть въ Германской державѣ. Въ 868 году возобновилась борьба между Людовикомъ и Ростиславомъ¹⁾. Началъ ее на этотъ разъ кажется моравскій князь, который успѣлъ не только самъ приготовиться, но и подговорить къ возстанію Славянъ чешскихъ и полабскихъ. Людовикъ не успѣлъ сдѣлать нужныхъ приготовленій и въ этомъ году имѣлъ повидному рѣшительную неудачу, такъ какъ въ слѣдующемъ 869 году дѣятельно готовится къ большому походу. Предводительствовали войсками на этотъ разъ всѣ три его сына: Карломанъ, Людовикъ и Карлъ. Надъ Сорбами и Чѣхами Нѣмцамъ удалось торжествовать, но не такъ легко было справиться съ Мораванами, которые придерживались обычнаго образа войны, т. е. засѣли въ крѣпостяхъ, предоставляя неприятелю опустошать страну, пока недостатокъ въ продовольствіи не принудитъ его къ отступленію. Такъ было и теперь. Карломанъ и Карлъ значительно опустошили Моравію, но затѣмъ отступили и вошли въ переговоры съ Ростиславомъ. Каждая сторона могла себѣ приписывать побѣду. Въ томъ же году былъ заключенъ миръ, которымъ повидному особенно дорожилъ Людовикъ. Такимъ образомъ послѣдній еще не достигъ своей цѣли — окончательнаго униженія Ростислава, хотя и моравскому князю нельзя приписывать полнаго торжества, какъ дѣлаютъ нѣкоторые²⁾. На это указываютъ и дальнѣйшія событія.

¹⁾ О столкновеніяхъ этого года упоминается очень кратко въ *Pinnaqi* ann. 869 (Pertz, SS. I, p. 482).

²⁾ Свидѣтельства объ исходѣ этой войны расходятся. Фульденскіе анналы (Ann. Fulden. 869) изображаютъ походы сыновей Людовика побѣдоносными, между тѣмъ какъ Гинкмаръ (Ann. Bertin., 869) представляетъ дѣло болѣе выгоднымъ для Ростислава (на немъ основывается и Палацкій, *Dějiny*, 2 изд. стр. 141—142, см. *Faulhauser* ibid. S. 31). Что касается сравнительной достовѣрности извѣстій той и другой лѣтописи, то нельзя не признать, что и Фульденскій лѣтописецъ и архіеписк. Реймскій Гинкмаръ — оба могли имѣть вѣрные свѣдѣнія о походахъ сыновей Людовика: первый по своему положенію официа-

Взглянемъ теперь на обстоятельства внутренней жизни моравскаго народа, на условія его просвѣщенія христіанствомъ, безъ чего исторія возвышенія княжества была-бы далеко не полна и не ясна. Кромѣ виѣшнихъ условій этого возвышенія, было и нѣчто другое, что сообщило новый смыслъ борьбѣ Мораванъ съ Шѣльцами, придадо имъ новыя силы для этой борьбы и повліяло такимъ образомъ на укрѣпленіе славянскаго политическаго союза и на развитіе національнаго самосознанія. Обстоятельства эти заключались въ церковномъ отдѣленіи Моравіи отъ нѣмецкой державы и въ борьбѣ за сохраненіе этой церковной самостоятельности. Дѣятельность славянскихъ просвѣтителей имѣеть глубокое значеніе не въ одномъ только религіозномъ и національномъ отношеніяхъ; съ нею же неразрывно связано и временное политическое возвышеніе Моравіи. Появленіемъ этой новой силы дунайское славянство обязано тому же энергическому князю моравскому Ростиславу¹⁾. Онъ желать по видимому устра-

наго лѣтописца и по близости къ двору, второй—какъ вообще свѣдующій современникъ и притомъ высокопоставленное лицо, располагавшее безъ сомнѣнія достаточно вѣрными источниками. По дѣлу однакожь въ томъ, что оба они могли смотрѣть на событія съ разныхъ точекъ зрѣнія, руководствуясь различными симпатіями, и вслѣдствіе того передавать факты въ томъ или другомъ желательномъ для нихъ освѣщеніи, пристрастно. Если Фульдскій лѣтописецъ, по зависимости своего положенія и придворнымъ связямъ, долженъ былъ часто слѣдовать внушеніямъ свыше и угождать королю, изображая его дѣла и предпріятія въ возможно благопріятномъ для государства свѣтѣ, то съ другой стороны Гинкмаръ, хотя и былъ вполне независимъ въ этомъ смыслѣ, можетъ быть заподозрѣнъ въ другомъ отношеніи: онъ смотрѣлъ на событія, совершавшіяся на востокѣ, съ своей западно-франкской точки зрѣнія, а потому также пристрастно, выходя лишь въ противоположную крайность. Вотъ почему мы не можемъ вполне вѣрить и его свидѣтельству о рѣшительномъ торжествѣ Ростислава въ 869 г. и приходимъ къ выводу, что истина должна быть по серединѣ, что побѣда осталась нерѣшенной, и что обѣ стороны приписывали ее себѣ.

¹⁾ Рѣшительно утверждать (какъ Dudík, M. A. G., 157, 158), что и Коцель участвовалъ въ призваніи Кирилла и Мефодія изъ Византіи (согласно свидѣтельству Нестора) мы не можемъ. Противъ это нѣсколько говоритъ то, что еще въ 865 г. Коцель былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ заальбургскимъ архіепископомъ (Адальвинномъ), посетившимъ его княжество. Срв. Havelka, *ibid.* S. 17. Однако и настаивать на противномъ также нельзя, ибо близкія отношенія Коцеля къ еп. Адальвину могли имѣть лишь формальный характеръ и вовсе не быть искренни.

нить пагубное нѣмецкое вліяніе, пропикавшее къ Славянамъ путемъ религіозной пропаганды, и для этого обратился въ 862 году въ Византію съ просьбою прислать проповѣдниковъ, вооруженныхъ знаніемъ славянскаго языка ¹⁾. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ въ виду и то соображеніе, что проповѣдь христіанства нѣмецкими миссіонерами была сильно затруднена ихъ незнаніемъ славянскаго языка и отсутствіемъ стремленія изучать его ²⁾. Что касается церковнаго положенія Моравіи до Киррала и Меодія, то достовѣрно, что нѣмецкіе проповѣдники уже за долго до того занимались обращеніемъ Моравіи и что епархія, къ которой они относились по своему положенію, была Пассовская. Но была ли Моравія формально включена въ эту діоцезу, и слѣдовательно организована въ церковномъ отношеніи — это вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. По всей вѣроятности полномочія пассовскаго духовенства ограничивались только *правомъ* проповѣдывать въ Моравіи ³⁾, правомъ, которое было признано Мойміромъ одновременно съ признаніемъ верховной власти Франкскаго короля.

Кирралъ и Меодій прибыли въ Моравію въ 863 году и оставались здѣсь до своего путешествія въ Римъ въ 867 году. Появленіе ихъ не замедлило произвести свое дѣйствіе на баварское духовенство, которое поняло грозившую нѣмецкимъ интересамъ опасность. Началась борьба, и орудіемъ ея со стороны Нѣмцевъ явились всевозможныя интриги и клеветы, направленные противъ славянскихъ апостоловъ. Заступникомъ и покровителемъ послѣднихъ сталъ римскій папа, интересы котораго очевидно тре-

¹⁾ Можетъ быть обращеніе къ Византіи было не чуждо и политическаго значенія. Византія и Моравія имѣли общихъ враговъ — Франкскую державу и Болгарь. Поэтому понятна готовность Михаила услужить Ростиславу.

²⁾ Эту причину обращенія въ Византію высказали послы кн. Ростислава Императору Михаилу, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и Паннонскія житія «Учителя не имамъ такова, иже бы ны въ свои языкъ истую вѣру христіанскую сказалъ... Паннон. житіе Констант. философа (изд. Бодянскаго въ «Чтеніяхъ Общ. И. и Д. Росс., 1863, кн. 2, стр. 23).

³⁾ Срв. Paulhammer, *ibid.*, S. 13.

Боваля въ то время содѣйствія Славянамъ въ ихъ стремленіи къ самостоятельной церкви. Послѣ смерти Кирилла въ Римѣ (869) дѣятельность Меодія была перенесена изъ Моравіи въ Паннонію. Причина для насъ понятна: именно тогда (869) Моравія была вся поглощена войною съ Нѣмцами; время было вовсе не благоприятное для организаціи церкви и христіанской проповѣди. Напротивъ въ Паннонскомъ княжествѣ Меодій могъ вполне развернуть свою дѣятельность; онъ встрѣтилъ тутъ полное сочувствіе не только въ народѣ, но и въ князѣ Коцелѣ. Послѣ Прибыши († 860 г.) княземъ Нижней Панноніи сталъ его сынъ Коцель¹⁾. Онъ познакомился съ славянскими учителями на пути ихъ въ Римъ; впечатлѣніе, произведенное на него явилъ, было настолько сильно, что побудило его порвать всякія (даже официальные) сношенія съ зальцбургскимъ архіепископомъ. Коцель радѣлъ объ утвержденіи христіанства въ своемъ народѣ не менѣе отца, и славянское богослуженіе было для него истинной находкой. Онъ обратился съ просьбою къ папѣ (Адриану II) прислать ему Меодія для продолженія христіанской проповѣди. Папа дѣйствительно выслалъ его просьбѣ и въ 870 году Меодію, считая неудобнымъ по политическимъ обстоятельствамъ возвратиться въ Моравію, водворился въ Паннонію, гдѣ его ожидало обширное поприще дѣятельности. Вскорѣ, по просьбѣ Коцеля и согласно съ собственными желаніями и интересами папы, Меодію былъ сдѣланъ архіепископомъ Моравіи и Панноніи. Безъ этого назначенія дѣятельность его была бы парализована правами зальцбургской церкви въ Панноніи. Но эта рѣшительная мѣра, которой впрочемъ со стороны папы было придано законное основаніе²⁾, была уже самымъ чувствительнымъ ударомъ

¹⁾ Коцель сдѣлался княземъ не непосредственно послѣ смерти отца. Онъ въ 861 г. былъ въ Регенсбургѣ, гдѣ искалъ защиты, и вернулся въ Паннонію, кажется, только въ 892 г. Havelka, стр. 15.

²⁾ Папа ссылался на то, что назначеніемъ Меодія восстанавливается только прежнее епископство города Сирміума (Срема), переставшаго существовать въ 452 г., благодаря неблагоприятнымъ историческимъ обстоятельствамъ, т. е. нашествію языческихъ народовъ. См. Dudik S. 157—90; Faulhammer, S. 49.

нѣмецкимъ интересамъ и притязаніямъ зальцбургскаго архіепископства. Оно вступило въ открытую войну противъ Меоодія и, ссылаясь на нарушеніе своихъ правъ, потребовало Меоодія къ отвѣту на соборъ нѣмецкаго духовенства. Разумѣется результатъ этого суда не могъ быть благопріятенъ для Меоодія: онъ подвергся заключенію на 2½ или даже на 3 года и былъ отпущенъ послѣ настоятельнаго требованія папы Іоанна VIII (874 г.)¹⁾ (вслѣдствіе благопріятныхъ для Моравіи политическихъ обстоятельствъ), послѣ чего его дѣятельность опять сосредоточивается въ Моравіи.

Въ Моравіи произошли между тѣмъ событія первостепенной важности, которыя, разразившись гибелью для самого Ростислава, чуть было не разрушили всего его дѣла. У Ростислава былъ племянникъ Святополкъ, которому было поручено управленіе въ Нитрѣ. Этотъ Святополкъ во время войны 869 года вступилъ въ тайныя сношенія съ Карломаномъ, и они вмѣстѣ составили заговоръ противъ Ростислава съ тѣмъ, чтобы его свергнуть, и на его мѣсто сѣсть ему, Святополку (которому зато надо было оставаться, конечно, въ зависимости отъ Нѣмцевъ).

¹⁾ Любопытныя подробности о тѣхъ испытаніяхъ, которыя вынесъ Меоодій во время своего заключенія у Нѣмцевъ и о настоятельныхъ требованіяхъ папы Іоанна VIII, предъявленныхъ баварскимъ епископамъ, освободить Меоодія и оправдаться въ Римѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *папскія инструкціи и письма* въ новомъ собраніи ихъ, открытомъ недавно въ Лондонѣ и отчасти обнародованномъ Эвальдомъ въ *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* V. B. d. 2 Hf. Hannov., 1880, S. 277 — 414. Перепечат. Миклошичемъ и Рачкичъ въ *Stargine*, кн. XII, и *Zagr.*, 1880, p. 206—223. Меоодія касаются письма папы Іоанна VIII № 19 — 22 (ср. 301 — 304). Именнно: 1) Письмо къ архіепископу зальцбургскому Адальвину съ требованіемъ возстановленія Меоодія въ его архіепископскомъ санѣ. 2) Инструкція папскому легату, епископу Павлу Анконскому. 3) Письмо къ пассовскому епископу Германриху, вызывающее его для оправданія и 4) Такое же рѣзкое письмо къ епископу Фрейзингскому Ганнону, принимавшему участіе въ судѣ надъ Меоодіемъ. Содержаніе этихъ писемъ недавно обстоятельно изложено и разъяснено въ статьѣ о. Мартынова въ *Revue des Questions historiques*, Oct. 1880: «Saint Méthode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes, conservées au british Museum (отд. оттискъ, Paris, 1880).

Неизвѣстно, кому принадлежалъ починъ въ этомъ предпріятіи, но очень вѣроятно, что Карломану, ибо Нѣмцамъ давно хотѣлось подконтаться подъ Ростислава, — и вотъ, когда имъ не удалось украсть его открытою силою, они рѣшились прибѣгнуть къ другимъ, тайнымъ, но болѣе надѣжнымъ средствамъ. Ростиславъ узналъ о замыслѣ и хотѣлъ предупредить Святополка, приказавъ схватить его. Но было уже поздно; — Ростиславъ самъ попался въ руки племянника и былъ выданъ Нѣмцамъ, которые подвергли его суду, ослѣплению и заточенію ¹⁾).

Святополкъ въ 870 году вступилъ на моравскій престолъ. Онъ добровольно призналъ верховную власть Франковъ отчасти потому, что достигъ престола не безъ содѣйствія послѣднихъ, отчасти изъ осторожности и убѣжденія, что Моравія не довольно сильна, чтобы наперекоръ всему домогаться независимости. Она была вѣроятно уже истощена предшествующею войною и нуждалась въ отдыхѣ. Оттого-то Святополкъ и заботился о мирѣ; по обстоятельствамъ повернулись иначе. Святополкъ былъ подозрѣнъ въ измѣнѣ, именно въ сношеніяхъ съ двумя младшими сыновьями Людовика Нѣмецкаго, которые въ то время (871 г.) оказались непокорными въ отношеніи къ отцу ²⁾, схваченъ Карломаномъ и отосланъ на судъ къ Людовику въ Регенсбургъ. Моравію постигла горькая участь: Карломанъ вступилъ въ нее и, какъ въ завоеванной странѣ, сталъ вводить новые порядки. Онъ занялъ всѣ укрѣпленные города, а управление ввѣрилъ маркграфамъ (Вильгельму и Энгильскальку), такъ что Моравія сразу обратилась въ нѣмецкую провинцію ³⁾. Казалось, цѣль Нѣмцевъ была достигнута: славянское княжество, причивавшее имъ столько заботъ, очутилось въ ихъ рукахъ и въ ихъ полномъ распоряженіи; единственный законный претендентъ на моравскій престолъ былъ коварно устраненъ и находился у нихъ въ плѣну; еслибы народъ и произвелъ возстаніе, то не трудно было бы его усмирить съ

¹⁾ Ann. Fuld. a. 870; Hincmari ann., 870; Ann. Alam., 870; Regino, 860.

²⁾ Dudik, S. 200—201.

³⁾ Ann. Fuld. 871.

помощію сильнаго войска, которымъ всегда располагалъ нѣмецкій король. На что могли еще рассчитывать Мораване?

Но судьбой видно еще не было опредѣлено паденіе Моравскаго княжества. Славянамъ еще разъ удалось воспользоваться ошибкой Нѣмцевъ и опять достигнуть такого положенія, которое внушало опасенія ихъ могущественнымъ сосѣдямъ и заставляло послѣднихъ употреблять новыя, еще большія усилія для обузданія непокорной народности. Мораване дѣйствительно произвели возстаніе подъ предводительствомъ Славоміра (Sclagamar), происшедшаго изъ княжескаго рода, и одержали верхъ надъ нѣмецкими властями. Что же въ такую критическую минуту предприняли Нѣмцы? Они оправдали Святополка¹⁾ и рѣшились его употребить орудіемъ противъ возставшихъ. Съ пеноплатнымъ легкомысліемъ Людовикъ Нѣмецкій поставилъ его во главѣ многочисленнаго войска и поручилъ подавить возстаніе, вѣроятно въ полной увѣренности, что Святополкъ, если и сдѣлается потомъ княземъ, останется ему вѣренъ и по прежнему будетъ платить дань. Но Людовикъ жестоко обманулся въ своемъ расчетѣ. Святополкъ воспользовался оказаннымъ ему довѣріемъ, соединился съ своими возставшими соотечественниками и истребилъ почти все нѣмецкое войско, причѣмъ погибли и вышеназванные маркграфы (871 г.)²⁾. Такимъ образомъ не только Моравское княжество было восстановлено, но благодаря энергіи и храбрости новаго князя оно еще успѣло на нѣкоторое время достигнуть такой силы и такого объѣма, какихъ до сихъ поръ еще не достигало. Подъѣму національныхъ силъ въ Моравіи способствовало и то, что съ возвращеніемъ къ дѣятельности Меоодія, сдѣлало большія успѣхи христіанское просвѣщеніе и получила лучшую организацію самостоятельная моравская церковь. Однако прежде окончательнаго торжества, Святополку, послѣ его измѣнническаго поступка, пришлось еще помѣряться силами съ Людо-

¹⁾ Ann. Fuld. 871: cum nullus crimina quae ei obiecta fuerunt probare potuisset....

²⁾ Ann. Fuld., ibid. (Ann. Xantens., 872); Ann. Hincmari, 871.

викомъ и въ двухлѣтней войнѣ (872—873) отстоять и упрочить свое положеніе. Тутъ опять, какъ и прежде, ему помогли обстоятельства и отсутствіе единодушія у враговъ. Людовикъ хотѣлъ отомстить ему, но его задача усложнилась вслѣдствіе того, что моравскому князю удалось поднять Чеховъ и Славянъ полабскихъ. Къ тому же въ королевскомъ семействѣ были опять несогласія. Младшіе братья (Людовикъ и Карлъ) были въ распрѣ съ старшимъ Карломаномъ изъ-за невыгоднаго для нихъ дѣлежа земель, и не оказывали повиновенія отцу. Когда Людовикъ велѣлъ имъ собраться въ походъ противъ Славянъ, они отказались повиноваться, такъ что Саксы и Тюринги остались безъ высшаго начальства¹⁾. Все это не могло способствовать къ ободренію Людовика. Карломанъ въ 872 г., увлекшись опустошеніемъ и первыми успѣхами²⁾, и неосторожно углубившись въ страну, былъ разбитъ на голову³⁾. Это придавало мужества Святополку; въ 873 г. онъ самъ перешелъ Дунай и опустошилъ Восточную марку. На сѣверѣ, въ войнѣ съ полабскими Славянами, Нѣмцы были также несчастливы. При такомъ положеніи дѣлъ Людовикъ охотно началъ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ 874 г. въ *Форхгеймѣ*. Мы не знаемъ въ точности условій этого мира. Извѣстіе лѣтописца фульдскаго (едва-ли безпристрастное), что выгода этого мира была на сторонѣ Людовика и что Святополкъ поклялся въ вѣрности и обѣщалъ платить ежегодную дань, не можетъ считаться вполне достовернымъ⁴⁾. Въ виду исхода войны условія мира во всякомъ случаѣ не могли быть особенно выгодны для Нѣмцевъ⁵⁾, но полагать, что эти условія предписывалъ Святополкъ и что Людовикъ долженъ былъ на все согласиться, также нѣтъ никакого основанія⁶⁾. Если извѣстіе фульдской лѣтописи и обнаруживаетъ

¹⁾ Ann. Fuld., 872. Dudik, S. 207—208 и дал.

²⁾ Ann. Xantens. 872 (SS. II, 234).

³⁾ Ann. Fuld. 872. Только противъ Чеховъ предпріятіе Нѣмцевъ было удачнѣе, *ibid.*

⁴⁾ Ann. Fuld. 874.

⁵⁾ Это видно изъ извѣстія Гинкмара: *Hincmari ann. 873: per missos suos Winkles sub diversis principibus constitutos modo quo potuit sibi reconciliavit.*

⁶⁾ (Такого взгляда держится Палацкій. *Dějiny*, (2-ое изд.) str. 149.

пристрастие и преувеличиваетъ выгоды Нѣмцевъ, то все-же въ немъ по всей вѣроятности есть доля правды. Уступки были безъ сомнѣнія сдѣланы съ обѣихъ сторонъ и могли быть приняты взаимныя обязательства. Моравія тогда болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась въ мирѣ, ибо продолжительными войнами была сильно истощена. Война, благодаря способу ея веденія, всегда наносила большой ущербъ ея матеріальному благосостоянію и продолжать ее было бы очень рисковано. Святополкъ хорошо понималъ это, и потому самъ хлопоталъ о мирѣ ¹⁾. Очень возможно, что онъ сдѣлалъ уступку въ родѣ обѣщанія платить какую-либо ничтожную дань. Въ сущности же Моравія оставалась все-таки почти независимой и сила ея была признана. Одною изъ уступокъ со стороны Нѣмцевъ было, какъ кажется, возвращеніе Меоодія въ Моравію (874) и признаніе Людовикомъ правъ римскаго папы на паннонское архіепископство. Въ этихъ переговорахъ участвовали вѣроятно и самъ папа (Іоаннъ VIII) ²⁾. Такимъ образомъ не помогли протесты и жалобы нѣмецкаго духовенства на Меоодія, равно какъ осталась безъ послѣдствій и нарочито составленная зальцбургскимъ духовенствомъ, кажется для короля Людовика, извѣстная *Записка о правахъ Зальцбурга на Паннонію* (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*) 872 — 873 г.) ³⁾. Меоодій, по требованію папы, а вѣроятно и Святополка, былъ отпущенъ и вернулся къ своей паствѣ. Дѣятельность свою онъ опять перенесъ въ Моравію, ибо въ Панноніи обстоятельства приняли неблагоприятный оборотъ; къ тому же самъ папа направилъ его къ Святополку ⁴⁾, который можетъ быть ходатайствовалъ передъ

¹⁾ Срв. Fülhammer, *ibid.* S 40, также Wimpeller: Stösunki państwa Wielko-Morawskiego z Niemcami (Sprawozdanie dyrekcji C. K. Gymnazjum w Tarnowie, 1874) str. 22, Dudik, S 226—227.

²⁾ Dudik, S. 213.

³⁾ Сначала она была издана Копитаромъ, въ Gagolita Clozianus. Новѣйшее изданіе Ваттенбаха въ Monum. Germ. SS. XI, 3. См. о ней и о времени ея составленія Dümmler, *Gesch. d. Ostfr. R.* I, S. 214 — 217

⁴⁾ Это видно изъ инструкцій, данныхъ епископу Павлу Анконскому папой (Іоанномъ VIII). См. вышеупомянутую коллекцію папскихъ писемъ у Эвальда № 20, стр. 303.

нимъ объ этомъ. Около этого времени (именно въ 874 г.) умеръ князь Коцель ¹⁾. Трудно сказать съ достовѣрностью, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился последнее время къ нѣмецкому королю. Во всякомъ случаѣ эти отношенія были нѣсколько двусмысленны. Коцель безъ сомнѣнія оставался въ нѣкоторой зависимости отъ Людовика; онъ дорожилъ миромъ съ Нѣмцами и этимъ, можетъ быть, объясняется его какъ-будто нѣсколько равнодушное отношеніе къ судьбѣ Месодія, но едва-ли онъ помогалъ Людовику и Карломану въ войнѣ съ Святополкомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ²⁾. Этого не могли допустить общіе церковные и національные интересы обохъ княжествъ. По смерти Коцеля, не имѣвшего, повидямому, наследника, который могъ бы быть его преемникомъ, Паннонское княжество возвратилось подъ власть Нѣмцевъ, а именно Карломана ³⁾. Послѣдній отдалъ его своему незаконному сыну Арнульфу. Съ этихъ поръ нѣмецкій элементъ приобрѣлъ здѣсь новую силу. Славянское населеніе было недостаточно многочисленно и сплочено, чтобы отстаивать интересы своей народности. Княжество Прибвны и Коцеля было, какъ мы уже выше говорили, созданіемъ искусственнымъ, безъ необходимой основы для самостоятельнаго развитія, а потому и безъ будущности. Оно никакъ не могло само по себѣ стать центромъ славянскаго объединенія, а могло только примкнуть при благоприятныхъ обстоятельствахъ къ другому, болѣе сильному центру. Такъ дѣйствительно и случилось на нѣкоторое время, когда Святополкъ въ послѣднее десятилѣтіе своего княженія удачными войнами расширилъ предѣлы своихъ владѣній. Но до тѣхъ поръ, т. е.

¹⁾ Dudik, S. 312; Dammeler, Südöstl. Mark, S. 41 — 42.

²⁾ Havelka, *ibid.* 22.

³⁾ Часть его, прилегавшая къ Карантаніи, была отдѣлена, какъ особое графство, подъ именемъ *Dudleira*. Dammeler, *ibid.* S. 41. Названіе *Dudleira*, какъ извѣстно, отождествляется обыкновенно съ славянскимъ племеннымъ названіемъ Дулябы (*Шофар*, Сл. Др.). Однакожь Копитаръ высказался противъ этого; онъ считалъ это имя чисто нѣмецкимъ и сблизилъ его съ нынѣшнимъ *Dudeldorf* въ *Эйзенбург*. комитатѣ. См. «*Ursprung d. Slav. Liturgie in Pannonien*» Schmel, *Oesterr. Geschichtsforscher*, I B. 3 Hf; Wien, 1838.

до 884 г., Нижняя Паннонія была въ рукахъ Нѣмцевъ, которые не замедлили направить туда свою колонизацію.

Послѣ Форхгеймскаго мира почти 10 лѣтъ не было столкновений между Моравскимъ княжествомъ и Нѣмцами. Причиной тому было сперва увлеченіе Людовика другими предпріятіями, а затѣмъ смутное время въ Восточно-Франкской державѣ, обусловленное частой смѣной правителей, соперничествомъ и несогласіями въ распадавшемся и вымывшемъ домѣ Каролинговъ ¹⁾. За это время Моравія опять успѣла оправиться и окрѣпнуть, а когда она наконецъ была втянута въ междоусобную распрю сосѣдей, храбрый князь ее приобрѣлъ настолько силы и политическаго значенія, что съ большимъ успѣхомъ могъ воспользоваться представившимся случаемъ и своимъ выгоднымъ пожденіемъ для расширенія своихъ владѣній и политическаго вліянія насчетъ сосѣдей. Однако будущность Моравіи не могла быть обезпечена одними внѣшними случайными успѣхами. Для развитія ее внутренней жизни нужна была мощная поддержка той силы, которая заключалась въ самостоятельной національной церкви и которая, просвѣщая Мораванъ христіанскимъ ученіемъ, могла хоть въ нѣкоторой степени охранять вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ народную самобытность и не давать проникать въ страну пагубному чужеземному вліянію. Однимъ словомъ, нужна была поддержка Меоодію и его просвѣтителю дѣлу. Къ сожалѣнію однако, Святуполкъ не только не оказывалъ этой поддержки, а дѣйствовалъ въ совершенно противномъ духѣ и тѣмъ помогъ врагамъ нанести смертельный ударъ созданію славянскихъ просвѣтителей; но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Въ 876 году умеръ Людовикъ Нѣмецкій. Сыновья его подѣлили между собою земли, и Карломанъ получилъ Баварію, Каринтію, Восточную марку, Паннонію и верховную власть надъ Моравіей и Чехіей ²⁾. Въ Каринтіи и Панноніи онъ поручилъ

¹⁾ См. Dammeler, Gesch. I, S. 821 etc., и вач. II т.; Ueber die Südöstl. Mark, S. 47—48.

²⁾ Regino, 876 (Pertz. SS. I, 589). Это одно изъ доказательствъ, что *фор-*

управленіе своему сыну Арнульфу, который затѣмъ уже не разставался съ этими областями. Въ 877 году Карломанъ сдѣлалъ его герцогомъ въ нихъ, когда со смертію въ этомъ году Карла Лысаго самъ явился претендентомъ на Италію и предпринялъ туда походъ. Возвратившись съ этого неудачнаго похода и заболѣвъ, Карломанъ передалъ управленіе Баваріей своему брату Людовіку Младшему, и въ скорѣ затѣмъ, въ 880 году умеръ ¹⁾. Земли его наследовалъ Людовикъ Младшій; Арнульфу же пришлось довольствоваться все тѣми же двумя областями. Когда умеръ Людовикъ Младшій въ 882 г., вся Восточно-франкская держава (исключая владѣнія Арнульфа) досталась младшему брату Карлу Толстому, который въ 884 году соединилъ подъ своею властью всѣ земли Карла Великаго. Арнульфъ все оставался при своей Каринтіи и Панноніи, пока въ 887 г. самъ не былъ выбранъ въ преемники ничтожнаго Карла Толстаго.

Святополкъ былъ вовлеченъ въ новую войну, на этотъ разъ съ Арнульфомъ—по поводу смуты и междоусобія, происходившаго изъ-за владѣнія Восточною маркою. По смерти графовъ Вильгельма и Энгильскалька, о которыхъ уже была однажды рѣчь, Восточная марка (вслѣдствіе малолѣтства ихъ сыновей) перешла въ руки Арибо. Но сыновья вышеназванныхъ графовъ (именно Энгильскалька), достигнувъ совершеннолѣтія, потребовали, не имѣя на то право, возвращенія отцовскаго владѣнія, на что разумѣется Арибо не былъ согласенъ ²⁾. Послѣдній опираясь на законную власть, его дѣло было правое, и Карлу Толстому слѣдовательно естественно было вступиться за него противъ новыхъ претендентовъ. Между тѣмъ Арнульфъ не только враждебно настроенный противъ Карла Толстаго, но уже мечтавшій самъ о коронѣ, сталъ открыто на сторону сыновей графовъ, какъ болѣе для себя выгодныхъ сосѣдей. Опасность, грозившая графу Ари-

мально Моравія по форхгеймскому договору осталась въ нѣкоторой зависимости отъ Франковъ, см. Dudik. S. 226—227.

¹⁾ Dammier, Gesch. II, S. 139—140.

²⁾ Ann Fuld., 884.

бо, заставила его искать союзника, такъ какъ онъ не слишкомъ рассчитывалъ на слабого короля; такого союзника онъ нашелъ въ Святополкѣ ¹⁾, котораго мы застаемъ въ это время въ хорошихъ отношеніяхъ съ Карломъ ²⁾. Послѣдній самъ дорожилъ этими отношеніями, такъ какъ не довѣрялъ Арнульфу и даже боялся его. Итакъ Арибо сошелся съ Святополкомъ; это было естественной причиною разрыва между послѣднимъ и Арнульфомъ, бывшими до тѣхъ поръ между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Однако сыновья Энгильскалька дѣйствовали такъ энергично, что имъ удалось въ 882 году изгнать Арибо и занять его мѣсто. Тогда Карлъ и Святополкъ въ свою очередь принялись дѣйствовать. Первый формально утвердилъ Арибо графомъ Восточной марки, а послѣдній въ началѣ 883 года предпринялъ походъ съ цѣлью водворить изгнаннаго въ его владѣніяхъ. Встрѣтивъ еще на лѣвомъ берегу Дуная непріятельское войско, онъ разбилъ его, причемъ захватилъ въ плѣнъ и подвергъ пытаніямъ графовъ Верингара (Werinhar) и Везило (Vezzilo), а затѣмъ опустошилъ Восточную марку. Побѣжденные искали убѣжища и просили помощи у Арнульфа, который и взялъ ихъ подъ свое покровительство. Тогда Святополкъ уже обратился къ Арнульфу, требуя у него выдачи враговъ и спрашивая объясненій относительно его поведенія передъ тѣмъ ³⁾. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, Святополкъ вторгся еще въ 883 г. въ Паннонію, во владѣнія Арнульфа, и сильно опустошилъ ее. Въ слѣдующемъ 884 г. онъ повторилъ свой опустошительный набѣгъ и подвергъ страну еще большому разоренію и бѣдствіямъ. При этомъ послѣ програнной битвы погибли оба старшіе сына Энгильскалька—Мегингозь (Megingoz) и Пабо (Pabo) ⁴⁾. Мы не

¹⁾ Не забудемъ, что Святополкъ имѣлъ причины относиться враждебно къ соперникамъ Арибо: извѣстна роль ихъ отцовъ въ отношеніи къ Моравіи.

²⁾ Dudik, S. 253—254.

³⁾ Святополкъ подозрѣвалъ Арнульфа, и вѣроятно основательно, въ томъ, что онъ содѣйствовалъ Болгарамъ въ ихъ вторженіи въ Моравію въ 882 г. Dudik, 256.

⁴⁾ Ann. Fald., 884.

видимъ, чтобы Арнульфъ защищался противъ моравскаго князя. По всей вѣроятности онъ не чувствовалъ себя довольно сильнымъ и предпочиталъ выжидать въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ. Наконецъ Карлъ Толстый, уже тогда императоръ, явился въ Восточную марку (884) и пригласилъ Святополка для переговоровъ въ *Кенпштеттенъ* ¹⁾: Арнульфъ подвергся уже достаточному униженію и надо было позаботиться о возстановленіи мира. Святополкъ воевалъ не столько за себя, сколько за законное право и интересы своего друга Арибо, а слѣдовательно и нѣмецкаго короля, и Карлу нельзя было не вознаградить его за оказанныя услуги. Не удивительно поэтому, что Кенпштеттенскій миръ долженъ былъ быть выгоденъ для Святополка. Хотя и нѣтъ о томъ прямого свидѣтія, но многое заставляетъ предполагать, что Нижняя Паннонія (за исключеніемъ графства *Dudleira*) была отдана Святополку ²⁾, за что повидимому онъ обѣщалъ Карлу не вторгаться болѣе въ нѣмецкія области ³⁾. Арибо было возвращено управленіе Восточной маркой. Арнульфъ призналъ этотъ миръ только въ 885 году. Съ тѣхъ поръ опять замѣчается сближеніе между имъ и моравскимъ княземъ и даже усиленіе нѣмецкаго вліянія въ Моравіи (въ дѣлѣ Меодія). Это сближеніе было очень выгодно для Арнульфа, который не оставлялъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ и основательно рассчитывалъ на помощь Святополка; но для Моравіи это сближеніе и услуга Арнульфу не только не приносили никакихъ выгодъ, но напротивъ имѣли весьма вредныя и печальныя послѣдствія. Сближаясь съ Нѣмцами и помогая Арнульфу, моравскій князь съ одной стороны способствовалъ возвышенію злѣйшаго врага славянскаго княжества, а съ другой стороны содѣйствовалъ разрушенію того дѣла, которое одно еще могло

¹⁾ Ann. Fuld., 884.

²⁾ Въ пользу этого говорятъ особенно два обстоятельства: во 1) въ 892 послы Арнульфа, шедшіе въ Болгарію, миновали Паннонію, изъ страха передъ Святополкомъ; во 2) Константинъ Багрянородный опредѣляетъ южную границу Великой Моравіи Сремомъ на Дунаѣ (*De Adm. imp.*, с. 40). Срв. *Dudix*, S. 260.

³⁾ Ann. Fuld., а. 884.

нѣсколько укрѣпить и поддержать народныя силы, предохранить страну отъ вѣдшихъ разлагающихъ вліяній и хотъ сколько-нибудь обезпечить ея національную и политическую самостоятельность.

Вторичное водвореніе Меоодія въ Моравію относится къ 875 году. Нѣмецкое духовенство, которому не удалось отстоять свои притязанія на Паннонію и лишить Меоодія возможности продолжать свою дѣятельность, упорно преслѣдовало свою цѣль и измышляло новыя интриги и клеветы противъ него. Мы не будемъ подробно разсказывать исторію этой борьбы и этихъ злостныхъ преслѣдованій; для насъ достаточно отмѣтить главные факты. Нѣмцы сумѣли вкратерь въ довѣріе къ Святополку и образовали при его дворѣ сильную партію, которая вслѣдствіи интриговала противъ моравскаго архіепископа и возстановляла противъ него Святополка. Она служила орудіемъ баварскаго духовенства, которое съ своей стороны открыто нападало на Меоодія и жаловалось на него папѣ. Святополкъ былъ настолько слабъ, что далъ себя убѣдить Нѣмцамъ (которые потакали его слабостямъ¹) и обратился самъ къ папѣ (Іоанну VIII) съ запросами относительно Меоодія. Враги послѣдніго обвиняли его на этотъ разъ не только въ ослушаніи и совершеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ, но и въ ереси (при чтеніи сѣмвола вѣры). Слѣдствіемъ этого обвиненія было вторичное путешествіе Меоодія въ Римъ въ 879 году. Папа, оставаясь вѣренъ своей политикѣ, совершенно оправдалъ Меоодія и успокоилъ на его счетъ моравскаго князя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придумалъ нововведеніе, оказавшееся однако роковымъ для моравской церкви: чтобы облегчить трудъ Меоодію, было рѣшено назначить ему въ помощь двухъ епископовъ. Пока былъ назначенъ только одинъ²). На

¹) Такъ напр. они не вооружались противъ многоженства, къ которому имѣлъ слабость Святополкъ, тогда какъ Меоодій сильно ратовалъ противъ того.

²) Избрать другого папа предоставлялъ Святополку—съ согласія архіепископа Меоодія.

эту должность, а именно епископомъ Нитры¹⁾, былъ избранъ некто Викингъ, родомъ алеманнъ, котораго Святополкъ кажется самъ отрекомендовалъ папѣ, отпавивъ его въ Римъ вмѣстѣ съ Меоодіемъ. Этому Викингу суждено было играть самую дѣятельную роль въ разрушеніи великаго дѣла славянскихъ апостоловъ, а тѣмъ самымъ и въ политическомъ ослабленіи Моравскаго княжества. Это былъ самый близкій человѣкъ къ Арнульфу (вѣроятно имъ и выдвинутой) и глава нѣмецкой партіи въ Моравіи. Трудно сказать, что побудило папу согласиться на назначеніе Викинга въ епископы, о направленіи и симпатіяхъ котораго ему едва-ли могло быть неизвѣстно. Это была явная уступка Нѣмцамъ. Здѣсь кроются можетъ быть какіе-нибудь политическіе расчеты, которыхъ никогда не упускалъ изъ виду папа Іоаннъ VIII въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, назначая Меоодію помощника (суффрагана), папа безусловно подчинилъ ему послѣдняго. Онъ можетъ быть надѣялся, что такимъ образомъ враждебныя дѣйствія и интриги Викинга будутъ парализованы. Однако расчетъ оказался ошибоченъ. Получивъ постъ епископа (880 г.), Викингъ могъ гораздо удобнѣе преслѣдовать свои цѣли и тормозить дѣятельность Меоодія. Онъ имѣлъ могущественную поддержку въ павловскомъ и зальцбургскомъ духовенствѣ и въ Арнульфѣ. Меоодій же не имѣлъ никакой, такъ какъ Святополкъ, сбивтый съ толку Нѣмцами и вѣроятно дѣйствовавшей болѣе изъ личныхъ соображеній, нѣсколько не оказывалъ ему содѣйствія и не заступался за него, оставляя его на произволъ судьбы и его враговъ. Такимъ образомъ положеніе Меоодія по возвращеніи изъ Рима было очень тяжелое. Викингъ всячески клеветалъ на Меоодія и распускалъ слухи о какихъ-то данныхъ ему самому папой тайныхъ полномочіяхъ. Меоодій былъ принужденъ снова обратиться къ папѣ за разъясненіями (881 г.), на что послѣдовалъ самый успокоительный отвѣтъ, — выражалось полное довѣріе къ нему

¹⁾ Нитра была избрана, какъ старинный церковный центръ (здѣсь была очень рано освящена церковь архіеп. Адаляракомъ Зальцбургскимъ) См. Dudik, S. 247.

и негодование противъ Викинга ¹⁾. Къ сожалѣнію папа, поглощенный въ то время итальянскими дѣлами и опасностью отъ Сарацинъ, не могъ (а можетъ быть и не хотѣлъ) энергически вѣшаться въ борьбу Меодія съ Викингомъ и оказать первому дѣятельную поддержку. Въ 882 году онъ умеръ насильственной смертью, и Меодіи потерялъ въ немъ своего единственнаго покровителя. Впрочемъ въ то время политическія обстоятельства повернулись благопріятнымъ образомъ для Меодія, и онъ провелъ послѣдніе годы жизни сравнительно спокойно, усердно работая для блага своей церкви и паствы. Въ 882 году произошло, какъ мы видѣли, разрывъ между Святополкомъ и Арнульфомъ изъ-за претендентовъ на Восточную марку, и нѣмецкая партія въ Моравіи на время потеряла свою силу. Викингъ не могъ открыто дѣйствовать противъ Меодія и долженъ былъ выжидать болѣе благопріятнаго времени. Но не долго пришлось Меодію спокойно потрудиться для своей церкви. Онъ умеръ, по свидѣтельству своего «Житія», въ 885 г., по мнѣнію нѣкихъ ученыхъ нѣсколько позже ²⁾, указавъ на своего уче-

¹⁾ Erben, Regesta Boh. et Mor. № 44.

²⁾ Определенно означенный въ «Паннон. житіе» срокъ смерти Меодія, 6 апрѣля 885 г., заподозрѣвался многими учеными на томъ основаніи, что въ известномъ письмѣ (признаніемъ теперь подлиннымъ) папы Стефана VI къ Святополку говорится будто-бы о Меодіи, какъ о живомъ. Однако, какъ справедливо доказываетъ о. Мартыновъ (Saint Methode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes, P. 1880, p. 23—25), все свидѣлствуетъ напротивъ о томъ, что письмо предполагаетъ Меодія умершимъ, и написано оно по всей вѣроятности въ концѣ 885 года, такъ какъ папа Стефанъ только въ августѣ или сентябрѣ сталъ папой. Очень вѣроятно, что Викингъ тотчасъ по смерти Меодія отправился въ Римъ и успѣлъ настроить новаго папу въ свою пользу и противъ учениковъ Меодія. Точно также и *Communitorium* папы Стефана (инструкція папскимъ легатамъ), очень близкое къ письму, написано по смерти Меодія, вѣроятно приблизительно въ то же время, какъ и письмо. Такимъ образомъ едва-ли есть основаніе заподозрѣвать 885 годъ, какъ срокъ смерти Меодія. Эвальдъ (Papstbriefe, S. 408, Anm. 5) дѣлаетъ, кажется, натяжку, стараясь установить другую хронологію. Отдѣлять *Communitorium* отъ письма по времени едва-ли возможно, и потому нѣтъ достаточной причины помѣщать смерть Меодія между составленіемъ того и другого, и относить еѣ къ 887—8 году.

ника Горазда—какъ на лицо, достойное быть его преемникомъ¹⁾. Смерть Меодія избавила его, можетъ быть, отъ новыхъ преслѣдованій и клеветъ со стороны нѣмецкой партіи, такъ какъ послѣ кенигштеттенскаго мира (884) сближеніе Святополка съ Анульфомъ дало снова силу и вліяніе этой партіи и Викингу, но для славянской церкви въ Моравіи эта потеря была конечно роковымъ событіемъ. Еще до смерти Меодія Викингъ старался и, какъ видно, не безуспѣшно оклеветать его передъ новымъ папою Стефаномъ VI. Тогда же онъ домогался утвержденія себя въ правахъ паннонскаго архіепископа. Съ этой цѣлью онъ, кажется, самъ былъ въ Римѣ (если только помѣщать это путешествіе до смерти Меодія). Во всякомъ случаѣ еще въ 885 году онъ явился къ Святополку съ дѣйствительнымъ, а не подложнымъ, какъ до сихъ поръ полагали²⁾, письмомъ папы Стефана, въ которомъ выставлялось его, Викинга, правовѣріе, подвергалась строгому осужденію ересь и вообще вся дѣятельность Меодія, обращалось на него самого проклятіе, провнесенное имъ надъ Викингомъ, и послѣднему развязывались даже руки для дальнѣйшаго преслѣдованія ненавистнаго Нѣмцамъ славянскаго духовенства³⁾. Святополкъ, и прежде оставлявшій Меодія безъ защиты, теперь негдѣ, чѣмъ когда либо, былъ расположенъ отстаивать интере-

¹⁾ Къ послѣднимъ годамъ его жизни относятъ путешествіе въ Византію (весь вопросъ однако въ томъ, имѣеть-ли это извѣстіе историческую достоверность). Успенскій, тамъ же, стр. 89.

²⁾ Оно издано было Ваттенбахомъ (въ Beitrage zur Geschichte der Kristl. Kirche in Mähren, S. 43—47), который уже не отрицалъ возможности подделки его Викингомъ (S. 29). Сочин его подложнымъ потомъ и Эрбенъ (Regesta B. et M., I, 21), Bädinger (Oesterr. Gesch. I, S. 189), Ginzell (Gesch. d. Slavenapostel, S. 9), Dümmler (Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 257) и другіе.

³⁾ Подлинность этого письма теперь окончательно подтверждается новымъ документомъ въ лондонской коллекціи папскихъ писемъ, извлеченіе изъ которыхъ обнародовано Эвальдомъ (Ewald, № 31, S. 408—410). Это *Communitorium Dominico episcopo, Johanni et Stephano presbiteris euntibus ad Sclavitos (Sclagos)*. Здѣсь въ инструкціяхъ, данныхъ этимъ легатамъ папою Стефаномъ, въ cap. XIII (p. 410) есть ссылка на это письмо Стефана къ Святополку. См. вышеприведенную статью о Мартыновѣ: Saint Méthode apôtre des Slaves etc. Paris, 1880 p. 20—25. . .

сы моравской церкви, такъ какъ политическія обстоятельства сблизилъ его съ Арнульфомъ и такимъ образомъ поставили опять подъ сильное вліяніе Нѣмцевъ. Между тѣмъ смерть Меоодія дала рѣшительный и окончательный перевѣсъ противной сторонѣ. Виккингъ и его партія, съ разрѣшенія Святополка, предприняли настоящее гоненіе на учениковъ и послѣдователей Меоодія и вообще на все славянское духовенство. Они поставили себѣ цѣлю сломить во что бы то ни стало національную славянскую церковь, истребить все слѣды дѣятельности славянскихъ апостоловъ — и снова подчинить Моравію нѣмецкой церкви. Это удалось имъ очень скоро, такъ какъ моравскій князь предоставилъ имъ полную свободу дѣйствія. Въ 886 году ученики Меоодія: Гораздъ, Клементъ, Наумъ, Ангеларій, Савва и Лаврентій, пробывъ нѣкоторое время въ заключеніи, были изгнаны изъ предѣловъ Моравіи и нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и сосѣднихъ земляхъ¹⁾.

Такимъ образомъ стараніями Нѣмцевъ и при содѣйствіи самого представителя моравскаго народа была дѣйствительно сломлена та сила, безъ которой дальнѣйшее національное, самостоятельное развитіе и политическій ростъ славянскаго княжества были совершенно немислимы. И такъ уже, въ зависимости отъ римской церкви, почерпавшей все-таки отъ запада свою силу и политическое значеніе, не могло быть особенно прочно то зданіе, которое удалось построить Святополку и его предшественникамъ, благодаря счастливымъ вѣншимъ обстоятельствамъ. Можно даже считать вопросомъ, устояло ли бы Моравское княжество *и при своей славянской церкви* — въ виду всѣхъ тѣхъ отнюдь не благоприятныхъ для ея самостоятельности условій, которыя вытекали изъ ея отношеній къ Риму. Но по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ дѣло было еще далеко не спорчено. Теперь же, съ торжествомъ нѣмецкаго духовенства въ Моравіи, отпалаась у Славянъ послѣдняя опора. Можетъ быть рука силь-

¹⁾ Vita S. Clementis, c. XIII, XIV.

наго, энергическаго и умнаго князя была бы еще способна и въ которое время поддерживать это зданіе, во всякомъ случаѣ еще не достроенное и уже расшатанное. Но и этого не случилось: событія приняли совершенно иной оборотъ, на этотъ разъ роковой для Моравскаго княжества. Исходъ ихъ могъ стать гибельнымъ и для самого моравскаго народа, для его національнаго бытія, и не только для него, но и для другихъ сосѣднихъ славянскихъ народностей (Чеховъ, Словенцевъ и др.)... Однако, какъ увидимъ вскорѣ, новыя неожиданныя событія, если и не предотвратили несчастія, т. е. паденія Моравскаго союза, то все же значительно ослабили его послѣдствія для всѣхъ дунайскихъ Славянъ.

Установившіяся послѣ 885 года добрыя отношенія между Арнульфомъ и Святополкомъ привели къ тому, что моравскій князь помогъ Арнульфу въ 887 году достигнуть королевской власти. По крайней мѣрѣ славянское вспомогательное войско, доставившее ему престолъ, едва-ли могло исходить отъ кого-либо иного, кромѣ Святополка ¹⁾. Не менѣе вѣроятно и то, что послѣдній дѣлалъ это не безкорыстно (что тутъ было добровольное соглашеніе — несомнѣнно). Въ виду всего этого заслуживаетъ полнаго вниманія предположеніе, что Арнульфъ получилъ помощь Святополка цѣною уступки ему верховныхъ правъ на Чехію, что тогда именно Чехія, бывшая до тѣхъ поръ въ данническихъ отношеніяхъ къ Германіи, присоединилась къ Моравскому политическому союзу ²⁾. Тогда именно послѣдній достигъ своего наибольшаго расширенія. Сколько-нибудь точно опредѣлить его границы въ то время нѣтъ возможности. Несомнѣнно однако, что кромѣ Чехіи на западѣ, Панноніи на югѣ, къ нему добровольно примкнули или же были присоединены многія небольшія славянскія племена и земли на сѣверѣ (по Эльбѣ и Одру) и на сѣверовостокѣ, въ сторону тогдашней Бѣлохорватіи (Константина Багря-

¹⁾ Ann. Fuld., a. 887.

²⁾ Dudik, S. 290, 291; ср. Wimpeller, ibid., стр. 32.

породнаго) и нынѣшней Галиціи. Возможно, что верховную власть моравскаго князя признавали тогда Славяне въ нынѣшнихъ Лужицахъ Силезіи и даже Поляки западной Галиціи¹⁾. На востокѣ въ предѣлы Моравіи входила земля нынѣшнихъ Словаковъ, но на центральную равнину между Дунаемъ и Тиссой, повидному, не простиралась ни власть Мораванъ, ни Болгаръ.

Однако дружественныя отношенія между нѣмецкимъ королемъ и моравскимъ княземъ не могли быть прочны и искренны. Арнульфъ уже достигъ той цѣли, для которой ему необходимо было соединеніе съ Святополкомъ. Это ему стоило довольно дорого, такъ какъ имѣло результатомъ политическое усиленіе его естественнаго врага. Отнынѣ политика его должна была измѣниться: ему слѣдовало или окончательно забрать въ руки Святополка (въ чемъ ему до сихъ поръ помогалъ Викшигъ), или вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Первое было труднѣе, такъ какъ Святополкъ начиналъ понимать, къ чему можетъ повести дальнѣйшее сближеніе съ Шѣмцями, и сталъ болѣе чуждаться ихъ партіи въ Моравіи; притомъ же расширеніе его власти возбуждало его къ независимости и придавало болѣе силы и мужества. Такимъ образомъ разрывъ между нимъ и Арнульфомъ былъ неминуемъ. Нуженъ былъ только поводъ къ нему, и онъ не замедлилъ явиться, какъ скоро взаимное недоверіе обѣихъ сторонъ достигло крайняго напряженія. Мирныя и даже наружно дружественныя отношенія между ними существовали еще въ 890 году, на съѣздѣ въ *Омунтсбертѣ* (въ Паппоннѣ), гдѣ велись какіе-то переговоры²⁾, о сущности которыхъ, къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ свѣдѣній. Очень можетъ быть, что Арнульфъ еще старался поддержать миръ съ безпокойнымъ сосѣдомъ, въ виду той внѣшней опасности, которая съ другихъ

¹⁾ О зависимости сѣверныхъ *полабскихъ* Славянъ отъ Мораванъ говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ Титмаръ Мерзебургскій (Pertz, SS. III, VI, 60): *Wormii* (т. е. Мораване) *regnante Suctepulco duce quondam fuere principes nostri*. Palacky, *Dějiny* (1862), 155. Вообще о предѣлахъ моравскаго союза см. Dudík, S. 311—317.

²⁾ *Ann. Fuld.* 890.

сторонъ угрожала Германской державѣ. Это были съ одной стороны Норманны, частыя вторженія которыхъ требовали рѣшительныхъ мѣръ, съ другой — усиѣвшіе уже проявить свою силу новые невѣдомые пришельцы съ востока, *Уры*, — обстоятельство, которое также заставляло призадуматься ¹⁾). Вѣроятно Омунтесбергскіе переговоры Арнульфа и были вызваны между прочимъ этими обстоятельствами и имѣли цѣлью обезпечить себя со стороны Моравіи. Впрочемъ мы не беремъ рѣшить, въ чемъ именно состояли эти переговоры ²⁾; достовѣрно лишь то, что съ тѣхъ поръ начались уже недоразумѣнія между Арнульфомъ и Святополкомъ, который первый старался всячески уладить, однако тщетно ³⁾. Въ 892 году Арнульфъ, возвратившись съ удачнаго похода противъ Норманновъ, пригласилъ моравскаго князя на свиданіе въ Восточную марку, вѣроятно желая еще пенять его миролюбивое настроеніе. Святополкъ обѣщалъ, но не явился. Такой дерзкій въ глазахъ Немцевъ поступокъ не могъ остаться безъ отмщенія: онъ сталъ поводомъ къ рѣшительному разрыву. Арнульфъ началъ готовиться къ войнѣ и искать себѣ союзниковъ ⁴⁾.

Онъ заключилъ союзъ съ Брацлавомъ (Бряцлавомъ), княземъ такъ называемой Савіи (носавской Хорватіи), и кромѣ того успѣлъ подговорить къ одновременному вторженію въ Моравію прославившихся тогда въ войнѣ съ Болгарами и Угровъ, имя которыхъ впервые встрѣчается по этому случаю въ западно-европейскихъ анналахъ ⁵⁾. Слухъ о ихъ грозной силѣ не могъ конечно не возбудить въ некоторыхъ опасеній и въ Арнульфѣ — за себя и за свою страну: эти опасенія могли занимать его, какъ справедливо предпо-

¹⁾ Dudik, S. 295.

²⁾ Извѣстно только (Ann. Fuld. 890), что Святополкъ, исполняя просьбу папы Стефана, уговаривалъ Арнульфа предпринять походъ въ Италію, чтобы защитить ее отъ вѣнскихъ враговъ, чего Арнульфъ однакожь не нашелъ возможнымъ исполнить. Dudik, S. 295.

³⁾ Ann. Fuld. 891.

⁴⁾ Ann. Fuld. 892.

⁵⁾ Ann. Fuld. 893.

лагають, уже на Омунтесбергскомъ съѣздѣ въ 890 году, т. е. вскорѣ послѣ начала угро-болгарской войны; но очевидно онъ еще далеко не создавалъ настоящей опасности и считалъ болѣе необходимымъ и важнымъ обезпечить себя со стороны моравскаго князя и по возможности справиться съ этимъ врагомъ, усилившимъ черезъ-чуръ успѣхъ, благодаря счастливымъ для него обстоятельствамъ. Для этой цѣли Угры могли быть очень полезны, и соединеніе съ ними могло—такъ вѣроятно расчитывалъ Арнульфъ—предотвратить ихъ нападеніе на его собственныя земли.

Въ 892 году произошло одновременное вторженіе союзниковъ въ Моравію. Святополкъ, по обычаю, занерся въ укрѣпленія, предоставивъ часть страны разграбленію. Этимъ разграбленіемъ и ограничались успѣхи Арнульфа ¹⁾. Онъ однако не оставилъ своего предпріятія. Въ томъ же году заключилъ союзъ съ Болгарами съ тѣмъ, чтобы они не снабжали Моравію солью ²⁾, и затѣмъ снова вторгся въ ея предѣлы, однако и на этотъ разъ не съ большимъ успѣхомъ (893 г.) ³⁾. Мы видимъ изъ этого, что Святополкъ еще могъ сопротивляться. Въ этомъ Моравія была исключительно обязана военной тактикѣ и личной твердости своего

¹⁾ Разсказъ о неудачахъ Угровъ въ этомъ предпріятіи, о которыхъ говорятъ нѣкоторые ученые (Шафарикъ. Сл. Д. II, к. 2, стр. 305, срв. J. Záborský, Mad'ari pred orpanovaním terajšej vlasti, Letopis Matice Slovenskej, Ročn. XI, Sv. 1, Turč. Sv. Martin, 1879, str. 54), есть слѣдствіе неправильнаго истолкованія лѣтописнаго извѣстія.

²⁾ Ann. Fuld. 892. Это извѣстіе о соли само по себѣ очень любопытно. Обыкновенный и самый естественный источникъ снабженія солью Моравіи была несомнѣнно область нынѣшняго Зальцбурга и вообще баварскія соляныя копи. Это видно изъ извѣстнаго *Рафельштеттскаго* торговаго договора, относящагося приблизительно къ 904 году. Этотъ соляной источникъ однако закрывался для нея, какъ скоро возникали враждебныя отношенія или открытая война Мораванъ съ Нѣмцами. Тогда Мораване, какъ видно изъ нашего извѣстія, обращались за солью (морской) въ Болгарію. Чтобы поставить ихъ въ еще большее затрудненіе, Арнульфъ въ 892 г. уговорилъ и Болгаръ не снабжать ихъ солью. Изъ того факта, что Моравія доставала соль изъ Болгаріи, можно придти между прочимъ къ тому заключенію, что трансильванскія соляныя копи, которыя разрабатывались еще въ римское время, и сѣверныя карпатскія не были извѣстны въ IX вѣкѣ; иначе Мораване конечно первые пользовались бы ими. Срав. Hunfalvy, *ibid.* S. 124—125.

³⁾ Ann. Fuld. 893.

князя. Только эти благоприятныя условія и вообще твердо: единовластіе могли еще спасти въ неравной борьбѣ моравское княжество, глубоко потрясенное разрушеніемъ національнаго дѣла Меоодія, которое болѣе всего способно было пробуждать народное самосознаніе и духъ единенія. Святополкъ послѣдними годами своего княженія хотѣлъ какъ-бы загладить свои прежніе грѣхи. Во время его борьбы съ Арнульфомъ Пѣмцы, до тѣхъ поръ окружавшіе его, совсѣмъ повидимому притихли; Впкпнгъ оставилъ Моравію и въ 893 году былъ сдѣланъ канцлеромъ Арнульфа. Но приближался моментъ, когда Моравія должна была лишиться своей послѣдней надежды, послѣдняго условія, при которомъ еще возможно было отстоять независимое политическое существованіе. Въ 894 году, послѣ 24-лѣтняго княженія, умеръ Святополкъ¹⁾, оставивъ трехъ (но другимъ 2-хъ) сыновей и подѣливъ между ними власть, — на гибель страны своей. Соперничество, мелкая взаимная вражда и сравнительное ничтожество этихъ наслѣдниковъ неминуемо должно было привести княжество къ окончательному паденію и полному разложенію, а народъ моравскій подвергнуть всѣмъ послѣдствіямъ германскаго вліянія и связанной съ нимъ германизациі. Какого еще сопротивленія и стойкости можно было ожидать отъ княжества безъ единой власти, волнуемаго распріею братьевъ за престолъ, доступнаго, вслѣдствіе того, болѣе чѣмъ когда-либо кознямъ и интригамъ враговъ, лишенаго уже той внутренней опоры, которую оно находило прежде въ самостоятельной церкви, однимъ словомъ политически и нравственно обезсиленнаго? Моравскій политическій союзъ былъ уже по всѣмъ признакамъ обреченъ на разрушеніе: оно было только вопросомъ времени. Какая затѣмъ участь ожидала моравскій народъ, представить себѣ довольно легко:

¹⁾ Ann. Fuld. 894. Фульдскій лѣтоисецъ съ явной враждой и жельно отзывается о немъ: «Zuentibaldus, dux Maravorum, et vagina totius perfidiae, cum omnes regiones sibi affines dolo et astucia perturbando, humanum sanguinem alicuius circumiret, ultimum portando suos, ne pacis amatores, sed potius inimici domesticis peristerent, diem ultimum clausit infeliciter». Регинъ (894) называетъ его: «vir inter suos prudentissimus et ingenio callidissimus».

историческій опытъ въ этомъ отношеніи достаточно поучителен¹⁾, а потому было бы излишне пускаться въ подробное разъясненіе нашей мысли. Къ счастью однако для Моравянъ и другихъ славянскихъ народностей нынѣшней Австріи, естественное теченіе событій было нарушено. Парушила его именно та сила, которую привлекли и направили Германцы противъ искоренныхъ имъ Славянъ и которой суждено было нанести послѣдній ударъ Моравскому княжеству. Сила эта, обрушившись затѣмъ на западную Европу, остановила надолго напоръ Нѣмцевъ на востокъ по Дунаю и тѣмъ самымъ оказала не мало важную услугу дунайскому и вообще юго-западному славянству, хотя несомнѣнно въ свою очередь причинила ему много бѣдствій и существенныхъ потерь. Силою этого была хпщная *мадьярская орда*—новый неожиданный гость въ Европѣ и съ конца IX вѣка новый обитатель средне-дунайской территоріи. Глубокій переворотъ, произведенный Мадырями въ этническомъ состояніи и судьбѣ дунайскихъ странъ, представляетъ собою одно изъ любопытнѣйшихъ явленій средневѣковой исторіи германской и славянской Европы, постепенный смыслъ котораго, по нашему убѣжденію, донынѣ еще не былъ въ достаточной мѣрѣ разъясненъ, достаточно безпристрастно и вѣрно понять исторической критикой, но крайней мѣрѣ большинствомъ историковъ западнаго славянства.

4.

Чтобы обрисовать картину политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ къ концу IX вѣка по возможности полнѣе и вѣрнѣе, мы должны имѣть въ виду не одни успѣхи германскаго оружія и германской внѣшней политики, но и успѣхи той *мирной*, по по-

¹⁾ Довольно вспомнить о судьбѣ тѣхъ вѣкогда славянскихъ земель, въ которыхъ Нѣмцамъ, путемъ упорной и безпощадной войны и угнетенія искоренныхъ туземцевъ, удалось окончательно утвердить свое господство и отмечить населеніе, — о судьбѣ Славянъ *полабскихъ, балтійскихъ, восточно-альпійскихъ* и другихъ.

слѣдательной дѣятельности Нѣмцевъ, которая вела къ тѣмъ же политическимъ цѣлямъ и состояла въ распространеніи ихъ культурнаго вліянія всѣми возможными путями (напр. религиозной пропагандой, подавленіемъ славянскаго населенія и отнятіемъ у него земли, дѣятельной колонизаціей и проч.). Результатомъ этой дѣятельности была съ одной стороны постепенная германизация Славянъ, жившихъ разрозненно и одиноко посреди нѣмецкихъ владѣній, съ другой—сбѣны смуты и несогласій и даже образованіе сильной нѣмецкой партіи у сосѣднихъ, политически самостоятельныхъ Славянъ, какъ это было, напримѣръ, при дворѣ князя Святополка, гдѣ мы находимъ въ Влкънгѣ самаго яраго и преданнаго своимъ политическимъ цѣлямъ дѣятеля на этомъ поприщѣ.

Мы уже видѣли результаты этой политики въ исторіи постепеннаго разложенія и упадка Моравскаго княжества, — намъ остается взглянуть на то, чего достигла нѣмецкая культурная дѣятельность *въ теченіе IX вѣка* на территоріи Славянъ восточно-альпійскихъ и панионскихъ. Единственный источникъ, представляющій нѣкоторыя данныя для заключеній по этому вопросу, суть немногочисленныя, впрочемъ, грамоты и документы IX вѣка, по которымъ можно кое-какъ прослѣдить постепенный ходъ нѣмецкой колонизаціи въ этихъ земляхъ. Разумѣется при этомъ нельзя рассчитывать на точность выводовъ: они могутъ дать только приближительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей къ концу IX вѣка. Эти приближительные выводы, для которыхъ матеріалъ до известной степени уже собранъ, мы и намѣрены изложить здѣсь вкратцѣ¹⁾.

Едва Франки стали твердой ногой во вновь завоеванномъ краѣ, какъ уже началось въ немъ значительное колонизаціонное движеніе нѣмецкаго (преимущественно баварскаго) племени; оно

¹⁾ Мы основываемся на изслѣдованіяхъ г. Кеммеля, который въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterreich», Leipz. 1879, обстоятельно разобралъ этотъ вопросъ. S. 244—278. См. нашу рецензію на это сочиненіе, Ж. М. Н. Пр. 1880 г. апрѣль.

все успивалось по мѣрѣ того, какъ земля переходила въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, церковей и монастырей, которыхъ первымъ дѣломъ было привлеченіе своихъ колонистовъ не только въ не обработанные и не населенные еще края, но и въ такіе, гдѣ земля была въ рукахъ славянскихъ поселенцевъ. Впрочемъ, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ, территоріальныхъ условій и случайныхъ причинъ, нѣмецкая колонизація распредѣлялась крайне неравномерно. Въ большинствѣ случаевъ она устремлялась первоначально на почву уже воздѣланную, часто располагалась въ старыхъ культурныхъ центрахъ, примыкая то къ остаткамъ древняго романскаго населенія, то къ славянскимъ поселенцамъ, и уже затѣмъ распространялась въ мѣстности менѣе воздѣланныя и запущенныя, гдѣ предстояла не малая борьба съ природой. Во всѣхъ областяхъ новой нѣмецкой территоріи, въ Восточной маркѣ, такъ называемой Карантаніи и Панноніи, нѣмецкая колонизація имѣла свой особый характеръ и зависѣла отъ мѣстныхъ этническихъ и историческихъ условій.

Въ *Восточной маркѣ* она достигла самыхъ значительныхъ и быстрыхъ результатовъ, благодаря тому, что эта страна, будучи сравнительно мало заселена Славянами, представляла широкій просторъ колонизаціонному движенію; къ тому же въ ней было не мало остатковъ старинныхъ римскихъ центровъ, которые привлекали къ себѣ новыхъ поселенцевъ и на которыхъ въ свою очередь возникали средоточія нѣмецкой культурной жизни, политическаго и церковнаго управленія. Очень много нѣмецкихъ поселеній возникло здѣсь уже въ первой половинѣ IX вѣка (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ¹⁾). Такимъ образомъ германизація Вос-

¹⁾ На р. Исепъ—*Ipsa*, упом. впервые въ 837 г. (соответствуетъ римской колоніи: ad fontem Ises); здѣсь очень рано возникли нѣмецкія поселенія на королевскихъ земляхъ. Архіеп. Адалърамъ (821—836) уже построилъ здѣсь перковь. На р. Эрлафъ—*Herlungoburch* (837) и *Herlungefeld* (853), гдѣ очень раннія нѣмецкія поселенія смѣшались съ славянскими и гдѣ потомъ опять, съ переходомъ земли къ Регенсбургу, водворились Нѣмцы. Рано Нѣмцы расположились при устьѣ р. *Bidlach*. Затѣмъ на Дунаѣ встрѣчается мѣстечко *Hollenburg*, даже въ мѣстности *Tullner-Feld* (Traismauer), на сѣв. от. Дуная (Puchenu 811, Keßtingberg 827) и проч. Kaemmel, *ibid.*, S. 245—252, 253 и слѣд.

точной марки не могла потребовать особенныхъ усилій, и надо полагать, что къ концу IX вѣка нѣмецкій элементъ въ ней значительно преобладалъ надъ всѣми другими. Въ ея топографической номенклатурѣ мы видимъ уже въ ту эпоху весьма замѣтное преобладаніе нѣмецкихъ названій¹⁾, возникшихъ не на мѣстѣ прежнихъ славянскихъ и романскихъ (которыя обыкновенно передавались новымъ поселенцамъ), а совершенно самостоятельно, при разработкѣ и колонизаціи еще вовсе невоздѣланныхъ территорій.

Среди иныхъ условій происходило нѣмецкое колонизаціонное движеніе въ *Карантаніи* (нынѣшней Штиріи и Каринтіи). Здѣсь славянскія поселенія были гораздо многочисленнѣе, а потому и земли была большею частію обработана. Тѣмъ не менѣе и сюда направлялась значительная колонизація, такъ какъ разумѣется среди славянскихъ поселеній было еще много свободнаго мѣста. Новымъ колонистамъ—Нѣмцамъ приходилось такимъ образомъ располагаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Славянами, причемъ конечно крупныя землевладѣльцы, призывавшіе ихъ на свои новыя помѣстья, устранили ихъ наимыгоднѣйшимъ образомъ—насчетъ угнетаемыхъ ими туземцевъ. Мѣстныя славянскія названія, по мѣрѣ возобладанія нѣмецкаго элемента, не исчезали, но принимали нѣмецкую форму, вслѣдствіе чего чисто-нѣмецкихъ названій здѣсь было несравненно менѣе. Что касается распредѣленія нѣмецкихъ поселеній въ Карантанію, то оно и здѣсь, какъ и повсюду, отличалось большою неравномѣрностью: въ нынѣшней Штиріи нѣмецкая колонизація была вообще слабѣе, чѣмъ въ Каринтіи, особенно въ долинѣ рѣки Давки. Въ Каринтіи ея средоточіемъ была мѣстность около Клагенфурта; на югъ, за рѣку Драву она почти вовсе не простиралась: тамъ уже начинался австрийскій церковный округъ²⁾. Къ концу IX вѣка германизація этихъ областей была такъ-же, какъ и въ Вос-

¹⁾ Kaemmel, *ibid.*, S. 277.

²⁾ *Ibid.*, S. 260—269, 277.

точной маркѣ, въ полномъ ходу. Со стороны туземнаго славянства нельзя было ждать сопротивленія этой возраставшей силѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ довольно отличномъ отъ другихъ областей положеніи была *Паннонія* относительно нѣмецкой колонизаціи. Только въ нѣкоторой части этой страны (въ Верхней Панноніи) она шла своимъ естественнымъ и постепеннымъ ходомъ. Въ Нижней Панноніи, судьба которой сложилась въ IX вѣкѣ совершенно исключительнымъ образомъ, и колонизаціонная дѣятельность Нѣмцевъ должна была имѣть исключительный характеръ. Образование славянскаго княжества Прибины и Коцела не могло не задержать поступательнаго движенія Нѣмцевъ на востокъ (хотя оба эти князя, въ особенности первый, относились довольно сочувственно къ нѣмецкимъ колонистамъ), а развитіе самостоятельной славянской церкви и дѣятельность Меодія нанесли еще болѣе чувствительный ударъ германскимъ интересамъ въ Панноніи. Нужны были упорство и послѣдовательность Нѣмцевъ съ одной стороны, уступчивость и пристрастіе Славянъ къ чужеземному — съ другой, чтобы, несмотря на возникавшія препятствія, могли быть достигнуты тѣ результаты, которые замѣчаются здѣсь къ концу вѣка. Еще Прибина, находясь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Людовику Нѣмецкому, пашель полезнымъ привлечь къ себѣ, въ окрестности Блатенскаго озера нѣмецкихъ колонистовъ. Эти колонисты водворялись болшею частію вокругъ церквей, о размноженіи которыхъ Нѣмцы особенно заботились, и притомъ на земляхъ, которыя приобрѣтали баварскіе монастыри и епископы. Такія колоніи служили большою опорой нѣмецкому вліянію въ Панноніи и распространенію нѣмецкой культуры. Дѣятельность Меодія и церковное обособленіе Паннонскаго княжества могли только временно задержать развитіе нѣмецкой колонизаціи. Въ 874 г. (по смерти Коцела) Нижняя Паннонія опять отошла въ руки Нѣмцевъ и, какъ мы знаемъ, оставалась подъ ихъ властью въ теченіе 10 лѣтъ, до 884 года, когда была уступлена Святополку. Эти десять лѣтъ прошли разумѣется не даромъ для антиславянскихъ

интересовъ. Нѣмцы успѣли еще болѣе укорениться въ странѣ, и въ эпоху паденія Моравскаго княжества германизация всего края было повидному уже положено прочное основаніе ¹⁾). Между тѣмъ въ Верхней Панноніи постепенная колонизация происходила безъ особенныхъ препятствій, и въ концѣ вѣка, до опустошительныхъ вторженій въ нее Святополка моравскаго (883—884), край этотъ былъ сравнительно въ цвѣтущемъ положеніи. Нѣмецкія поселенія были болѣе многочисленны въ отрогахъ Штирійскихъ горъ, гдѣ они примыкали къ романскимъ остаткамъ, и по верхнему теченію Рааба. На самомъ Дунаѣ они были гораздо рѣже ²⁾). Въ своемъ движеніи на востокъ, въ сѣверной Панноніи Нѣмцы успѣли однако дойти приблизительно только до рѣки Рааба; на востокъ отъ нея они почти не проникали: тамъ по крайней мѣрѣ не оказывается въ ту эпоху никакихъ нѣмецкихъ топографическихъ названій. Съ ослабленіемъ моравскаго политическаго союза послѣ смерти Святополка можно было ожидать, конечно, только болѣе быстрого и усиленнаго движенія нѣмецкой колонизации на среднемъ Дунаѣ и въ восточно-альпійскихъ областяхъ. Славянское населеніе было почти повсемѣстно въ служебномъ, а въ очень многихъ мѣстахъ даже въ крѣпостномъ состояніи у крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, на которыхъ оно принуждено было работать. Нѣмецкіе управители отъ высшихъ до низшихъ во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни естественно покровительствовали своимъ колонистамъ и угнетали туземцевъ. Нѣмецкая церковь и духовенство пользовались своимъ нравственнымъ вліяніемъ, чтобы всѣми средствами приивать грубымъ славянскимъ земледѣльцамъ германскую культуру, отучая ихъ отъ всего своего, національнаго, и приучая къ нѣмецкому образу жизни, нра-

¹⁾ Въ грамотахъ того времени находятся въ Нижней Панноніи 21 нѣмецкихъ и 8 славянскихъ названій. Каетшел, S. 295. Если на основаніи этихъ данныхъ позволительно судить объ отношеніи національностей, то такое сопоставленіе весьма краснорѣчиво.

²⁾ Каетшел, S. 277, 278.

валъ, понятіямъ, языку, ко всему домашнему и общественному быту Нѣмцевъ, однимъ словомъ всѣми силами ихъ онѣмчивая. Въ концѣ IX вѣка, правда, территорію западной части Панноніи, Восточной марки и Карантанія въ этническомъ отношеніи еще нельзя было назвать нѣмецкою; славянской элементъ населенія былъ, разумѣется, для этого еще слишкомъ значителенъ, но при безпрепятственномъ продолженіи того процесса, который былъ тогда уже въ полномъ ходу, неминуемо должно было настать, и притомъ не въ столь отдаленномъ будущемъ, время, когда ничто болѣе не мѣшало бы Нѣмцамъ называть эти области *своими* во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. въ политическомъ, культурномъ и наконецъ этническомъ. Всю Паннонію несомнѣнно ожидала такая же участь. Но что же затѣмъ способно было удержать Нѣмцевъ отъ дальнѣйшаго движенія на востокъ? Существовала ли по ту сторону средняго Дуная (по направленію къ Тиссѣ) сила, которая была бы въ состояніи оказать надлежащій отпоръ завоевательно-колониационнымъ стремленіямъ Германцевъ? Центральная угорская низменность по обѣ стороны р. Тиссы была населена чрезвычайно слабо: только на восточныхъ и сѣверныхъ ея окраинахъ можно предполагать, какъ мы видѣли, болѣе значительныя славянскія поселенія, а на ея пустынныхъ равнинахъ держались развѣ только немногочисленные остатки Аваровъ. Между Дунаемъ и Тиссою владѣнія Болгарь съ одной стороны и Моравскаго княжества — съ другой едва-ли гдѣ либо соприкасались. Было бы неосновательно думать, что силы этихъ двухъ народностей могли задержать германское завоевательное движеніе. Мы знаемъ, въ какое безпомощное положеніе пришла Моравія послѣ смерти Святополка; намъ извѣстно также, что политическіе интересы Болгарь были далеки отъ славяно-германской распри на среднемъ Дунаѣ, — они были сосредоточены на Балканскомъ полуостровѣ и были направлены совершенно въ противоположную сторону, да и во всякомъ случаѣ Болгарское княжество не было довольно могущественно, чтобы защищать свои далекія задунайскія владѣнія отъ сколько-нибудь рѣшительнаго враждебнаго

натиска. Наконецъ между Мораванами и Болгарами никогда не было искренно дружественныхъ отношеній въ дѣлахъ политическихъ, и Нѣмцы, какъ извѣстно, почти всегда успѣвали привлечь Болгаръ въ союзъ противъ Мораванъ. Такимъ образомъ все это утверждаетъ насъ въ мысли, что до появленія новой силы на дунайской равнинѣ ничто не могло положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію (вмѣстѣ съ колонизаціей) политическаго господства Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, и что только внезапное *вторженіе* *Мадьяръ* въ дунайскую равнину и ихъ поселеніе на самомъ пути германскихъ завоеваній способно было остановить это послѣдовательное движеніе германства внизъ по Дунаю со всѣми его роковыми для западныхъ Славянъ послѣдствіями.

Оцѣнить мадьярскій погромъ съ этой, кажется, вполне естественной, точки зрѣнія—требуешь справедливости и безпристрастіе. А при такой постановкѣ вопроса для каждаго должно быть ясно, можно ли дѣйствительно, не жертвуя правдою, приписывать этому историческому явленію въ исторіи западнаго славянства то исключительно, безусловно пагубное для Славянъ значеніе, какое въ немъ привыкло усматривать большинство и славянскихъ и чужихъ историковъ.

III.

МАДЬЯРЫ: ИХЪ ВЫСЕЛЕНІЕ И СТРАНСТВОВАНІЕ ДО ВОДВОРЕНІЯ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ.

1. Народность Мадьяръ. 2. Ихъ первоначальная родина. 3. Выселеніе и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи. 4. Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Ателькузу»). 5. Союзъ съ ними Грековъ и Угро-болгарская война.

Въ то время, какъ борьба Моравскаго княжества съ Нѣмцами принимала все болѣе угрожающій и опасный для дунайскихъ Славянъ характеръ, не смотря на ихъ временные и иногда довольно значительные успѣхи, на обширныхъ равнинахъ восточной Европы совершались событія, которыя своими послѣдствіями должны были оказать самое рѣшительное вліяніе на судьбу придунайскихъ странъ и на конечный результатъ происходившей тамъ международной распри. Выступалъ на историческое поприще новый, дотогѣ невѣдомый народъ, которому суждено было играть первостепенную роль въ исторіи западнаго славянства, да и вообще всей западной Европы. Это была, по общему выраженію нѣмецкихъ историковъ, «послѣдняя волна великаго переселенія народовъ», надѣлавшая столько шуму въ Европѣ и произведшая въ этнологическихъ и политическихъ отношеніяхъ придунайскихъ народовъ величайшій по своему значенію переворотъ.

Мадьяры занимают насъ, конечно, прежде всего по своему положенію въ славянскомъ мірѣ, но и сами по себѣ они представляютъ явленіе настолько любопытное и исключительное въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ, что заслуживаютъ съ научной стороны самаго внимательнаго изученія и у насъ, несравненно большаго, чѣмъ имъ удѣляли до сихъ поръ вообще славянскіе и въ частности — русскіе ученые.

Несмотря на все, что уже сдѣлано наукой въ области мадьярскихъ древностей, послѣднія представляютъ еще бездну темнаго и загадочнаго, такъ что исторіи въ союзѣ съ лингвистикою и археологіею представтъ еще много специальныхъ трудовъ, чтобы достигнуть окончательныхъ и точныхъ результатовъ, даже по такимъ основнымъ вопросамъ, каковы вопросы: о происхожденіи Мадьяръ, ихъ первоначальной родиѣ, путяхъ переселенія въ новыя жилища, о ихъ характерныхъ народныхъ особенностяхъ на первобытной ступени культурнаго развитія и проч. Все это предметы, которыхъ не можемъ обойти и мы, повѣствуя о водвореніи Мадьяръ на Дунаѣ, но конечно для насъ не всѣ они имѣютъ однако-важное значеніе, нѣкоторые отступаютъ на второй планъ, а потому мы въ правѣ коснуться ихъ лишь настолько, насколько того требуетъ полнота изложенія нашего главнаго предмета.

1. Народность Мадьяръ.

До сихъ поръ нѣтъ возможности опредѣлить съ нѣкоторою точностью, когда Мадьяры или Угры стали извѣстны культурному европейскому міру подъ этими именами. Всѣ сблженія послѣднихъ съ разными народными именами, передаваемыми древними латинскими и греческими писателями, суть не болѣе какъ догадки, часто остроумныя, но всегда довольно сомнительныя. Въ этомъ отношеніи намъ не даютъ достаточной опоры для вполне достовѣрныхъ заключеній ни *Унууры* (Hunugari, Hunuguri)

Юрнанда (VI в.), или *Оууры* (Угуры) или *Оюры* Теофилакта Симокатты (VII в.), или различные другія еще гораздо ранѣе встрѣчающіяся названія, въ которыхъ искали и ищутъ слѣдовъ имени Угровъ ¹⁾).

Изъ всѣхъ этихъ предполагаемыхъ предковъ Мадырь *Унууры* Юрнанда до послѣдняго времени обращали на себя особенное вниманіе ученыхъ, хотя уже мадырскій историкъ Фесслеръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія замѣтилъ, что въ этомъ народѣ нельзя видѣть Угровъ, а скорѣе либо Гуиновъ, либо Аваровъ, такъ какъ о Мадыряхъ Юрнандъ не могъ-де еще ничего знать ²⁾. Извѣстный мадырскій этнографъ Гунфальви, усматривая имя Угровъ въ Унугурахъ, находить возможнымъ предположить при этомъ, на основаніи состава этого послѣдняго слова (*Hunugur*)—если только вполнѣ довѣрять тексту, что Юрнандъ сблизалъ съ этимъ народомъ и Гуиновъ, т. е. какъ-будто причислялъ Гуиновъ тоже къ Уграмъ ³⁾. Наконецъ сравнительно-филологическія изслѣдованія привели въ наше время одного финскаго ученаго къ толкованію именъ Унугуровъ и нѣкоторыхъ другихъ, повидному, однородныхъ племенъ, какъ напр. Утигуровъ, Кутригуровъ, Куциагуровъ, Сарагуровъ и др. звуками уральскихъ нарѣ-

¹⁾ Такихъ слѣдовъ искалъ напр. Фейеръ (*Fejér*) въ показаніяхъ Геродота (*Aborigines et insculptura Magyagorum etc.*, Budaë, 1840, p. 85); другіе приводятъ свидѣтельства Приска (ed Bonn. p. 158, 161) о Сарагурахъ (*Σαρξουροι*), Урогахъ (*Ούρωροι*) и Оногурахъ (*Όνογουροι*), которыхъ вытѣснили изъ ихъ мѣстожителства Сабиры. Срв. *Szoenig, Ethnographie der Oesterr. Monarchie*, Wien, 1855, B. II, S. 46—47. Сюда относится еще свидѣтельство старой хроникки гор. Дербента объ основаніи въ VI в. какимъ-то племенемъ Монгольской орды города *Мадшара* (Маджара) на сѣверъ отъ Кавказскаго хребта, близъ р. Кумы. Однако сблизеніе этого города съ племенемъ Мадырь не имѣетъ другаго основанія, какъ только подобіе звуковъ. Подобіе же это слѣдуетъ считать совершенно случайнымъ, и ни о какомъ дѣйствительномъ соотношеніи между Мадырями и г. Маджаромъ не можетъ быть рѣчи — уже потому, что самое названіе этого города—имя несобственное, и значитъ (на татарск. языкѣ) «развалины»: Маджаръ былъ разрушенъ Тамерланомъ; остатки его и до нынѣ еще можно видѣть около р. Кумы.

²⁾ *Fessler. Die Gesch. d. Ungern u. ihrer Landsassen*, T. I, Leipz. 1815, S. 174.

³⁾ *Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung.*, S. 172 (Срв. еще *Rösler, Rom. St.*, S. 260).

чій финно-угорской группы ¹⁾. Но всё эти и подобныя сопоставленія остаются пока въ области однихъ лишь гаданій, и потому не могутъ имѣть особенно важнаго значенія.

Первыя несомнѣнныя извѣстія объ Уграхъ, хотя и безъ обозначенія ихъ собственнаго народнаго имени, относятся только къ концу IX и къ началу X в., т. е. къ тому времени, когда они уже выступили на сцену историческихъ событій въ восточной Европѣ и вошли въ столкновение съ другими ея народами. Между византийцами первый, писавшій о Мадьярахъ и назвавшій ихъ «Турками» (Τούροι), былъ, сколько намъ извѣстно, имп. Левъ VI Мудрый (886—912), заключившій съ ними союзъ противъ Болгаръ ²⁾. Имя Угры (кроме западн. лѣтописей съ конца IX в.) находимъ нѣсколько позднѣе у двухъ византийцевъ: Продолжателя хронки Георгія Амартола и Льва Грамматика (Οὐγγροι, въ болг. редакц. хр. Сим. Логовета Вѣгры) ³⁾, называющихъ Мадьяръ еще и «Турками» и «Гуннами», какъ ихъ называли византийцы и послѣ ⁴⁾.

Изъ славянскихъ источниковъ объ Уграхъ упоминаетъ, кажется, впервые Пани. Житіе Константина Философа (относимое къ перв. пол. X в.), подвергшагося, какъ извѣстно, нападенію Угровъ въ Крыму, на своемъ пути къ Хозарамъ ⁵⁾. Слѣды же имени «Мадьяръ» встрѣчаются въ первый разъ у Константина Багрянороднаго въ названіи одного изъ мадырскихъ племенъ «Мегера» (Μεγέρη) ⁶⁾ и у арабскихъ писателей, напр. у Ибнъ-Дасты (н. X в.), который имя Мадьяръ передаетъ въ формѣ «Моджгаръ» ⁷⁾.

¹⁾ Europeusъ въ Suomi, 1868, журналѣ общества финск. литературы въ Гельсингф.; въ ст. «Къ вопросу о народахъ обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ» Ж. М. Н. Пр., июль 1868, стр. 66. Его же «Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средн. и сѣв. Россіи etc. Спб. 1874, стр. 3, 4.

²⁾ Imp. Leonis Tactica (ed. Meursius) с. 18, р. 289—292.

³⁾ Объ отношеніи этихъ хроникъ другъ къ другу см. ниже.

⁴⁾ Georg. Amart. изд. Муралята, р. 725 (Οὐγγροι, Οὐννοι); Leo Grammat. Ed. Bonn, р. 232. У византийцевъ заимствована названіе «Турковъ» и западный лѣтописецъ Лудипрандъ.

⁵⁾ Бодянского: Собраніе памятниковъ; Кириллъ и Меодій, въ Читаніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1863, кн. 2, стр. 12.—Vita Constantini, с. VIII.

⁶⁾ De Admin. Imp., с. 40, р. 172. Встрѣчающееся у Конст. имя Μίζαρη—видна ошибка въ Χίζαρη.

⁷⁾ Хаодльсонъ. Извѣстія о Хозарахъ в пр. Ибнъ-Дасты, стр. 25, 103 и др.

Что касается употребленія того и другого имени, то *Мадьярами* (Magyar) издавна называлъ себя самъ народъ, а Уграми (жгри, оугри, польск. ф. Венгры) прозывали ихъ, кажется, искони Славяне (русские), отъ которыхъ уже затѣмъ заимствовали это имя и западные народы. Латинскій и германскій западъ сталъ называть ихъ Ungri, Ungari, Hungari, Onogari и т. п. (по недоразумѣнiю даже однажды Agageni), а Византийцы — Τούρκοι ²⁾, рядомъ съ гораздо менѣе употребительнымъ Οὐγγροι (также Οὐννοι).

То, что было сказано нами о шаткости догадокъ при отысканiи слѣдовъ имени Угровъ-Мадьяръ въ древнихъ писанiяхъ, въ той же мѣрѣ примѣнимо къ большей части сдѣланныхъ попытокъ истолковать эти имена, найти ихъ корень и первоначальное значенiе. Было бы совершенно излишне приводить здѣсь всѣ когда-либо предложенныя разнообразныя и часто весьма замысловатыя толкованiя ихъ, такъ какъ большинство рѣшительно не выдерживаетъ критики ³⁾. Болѣе правдоподобны (такъ какъ построены на дѣйствительно научныхъ основанiяхъ) повѣйшiя объясненiя, къ которымъ мы еще вернемся. Во всякомъ случаѣ корня имени «Мадьяръ» всего естественнѣе, кажется, искать или въ самомъ мадьярскомъ языкѣ (Томашекъ) ⁴⁾, или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчiяхъ финскаго языка ⁵⁾.

Что же касается имени *Угры*, то несомнѣнно только то, что оно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею «Югрою» и «Югричами» русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки нашихъ Вогузовъ, Остяковъ и ихъ

²⁾ У Льва Мудраго, Константина Багрянороднаго, Теофана Продолжателя, Кедрина, Зонары и др. (изъ западныхъ лѣтописцевъ у Лiудпранда).

³⁾ Заслуживаютъ упоминанiя толкованiе Фесслера имени Мадьяръ отъ Mag, зерно, или Magas, высокiй («высокiе люди»), а Угры отъ Ugor, Ogur, Oegur, тоже «высокiй» (остяцкiй яз.) Fessler, Gesch., S. 174. Цейсъ (Die Deutschen, 748) предполагалъ, что корень им. Мадьяръ имѣлъ когда-то значенiе «разсказывать, объяснять» (нынѣ глаголъ magyarazni): аналогiя съ им. *Славянъ* и *Плямцевъ* (Deutsche). См. еще объясненiя у Czörnig (Ethnogr., S. 49, up.); Sayous, Les Origines de l'histoire des Hongrois, Paris, 1874, p. 5, 6.

⁴⁾ Томашек (рец. на кн. Рѣслера), Zeitschr. für Oesterr. Gymn. V. XXIII S. 151.

⁵⁾ Roesler, Rom. Stud., S. 158, 159.

родичей¹⁾, и что оно имѣетъ также прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи (напр. р. Угра, р. Угрия въ *Кн. В. Ч.*). Предоставляя себѣ еще вернуться къ имени Угровъ, переходимъ къ вопросу о народности послѣднихъ.

Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію *финскаго*, или болѣе точно *восточно-финскаго* (финно-уральскаго) происхожденія Мадырь. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ.

Дознано ближайшее родство мадырскаго языка съ языками приуральскихъ Вогуловъ и Остяковъ, современныхъ представителей нѣкогда обширнаго финно-угорскаго племени, дознано вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе въ этомъ языкѣ (кромя другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка *турецкихъ*²⁾ народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили Угры. Эти турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни Мадырь сказываются настолько сильно, что есть ученые, считающіе Мадырь, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими (Вамбери³⁾).

¹⁾ Известно, что нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ Зыряне (и Вотяки) называютъ до сихъ поръ Jögga, мн. ч. Jöggažass. см. Roesler, *ibid.*, S. 166, пр. 2; Европеусъ, Объ угор. народѣ, стр. 1.

²⁾ Принимаемъ терминъ «турецкій» вмѣсто нѣчто не оправдываемаго, изчуже безъ надобности заимствованнаго и странно звучащаго слова «тюркскій».

³⁾ Vámbéry. Die primitive Cultur des türko-tatar. Volkes auf Gr. sprachl. Forschungen Leipzig. 1879. По нѣсколько отличному отъ другихъ мнѣнію ак. Куника первобытные *Магары* (Magyar — Мадырь) — *тюркское* (т. е. турецкое) или можетъ быть хозаро-тюркское племя (бывшее когда-то подъ вліяніемъ какого-то иранскаго племени), которое, подчинивъ себѣ многочисленное *финское* племя, впоследствии сохранилось только въ знати и господствующей династии и приняло языкъ финскій (Ученые Зап. Ак. Н. т. III, 1855, стр. 728—729). Однако наши историческія данныя даютъ, какъ увидимъ, нѣсколько иное освѣщеніе отношенію турецкой стихіи къ финскому племени въ перво-

Понятно, что въ такомъ случаѣ для опредѣленія народности Мадьяръ всего пригоднѣе былъ бы терминъ «турецко-финскаго» народа (въ смыслѣ смѣшенія, а не родства этихъ элементовъ).

Вопросъ о народности Мадьяръ съ давняго времени былъ предметомъ оживленныхъ споровъ и старательныхъ, неутомимыхъ изысканій. Мадьяры съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ семью европейскихъ народовъ, представлялись взорамъ простыхъ наблюдателей и людей науки—въ высшей степени любопытнымъ явленіемъ. Въ среду стародавнихъ обитателей Европы явился народъ, съ одной стороны успѣвшій скоро развиться въ довольно значительную народность и завоевавшій себѣ видную роль въ системѣ европейскихъ государствъ, а съ другой стороны—совершенно своеобразный по языку и типу, чуждый всѣмъ своимъ сосѣдямъ и вообще всѣмъ народамъ Европы, непомнящій своего происхожденія и родины, однимъ словомъ, казавшійся «безъ роду и племени».

Естественно, съ возрастаніемъ живого интереса къ мадьярской народности, росло и стремленіе къ разрѣшенію этой этнологической загадки. Какъ національные мадьярскіе, такъ и иноземные ученые занимались ею, но разумѣется самихъ Мадьяръ этотъ вопросъ занималъ по преимуществу. Путешествія съ цѣлью отысканія слѣдовъ родины и родичей Угровъ начались очень рано (уже въ XIII в.) ¹⁾ и продолжались до позднѣй-

бытвую эпоху исторіи Мадьяръ. Мы не находимъ основанія къ предположенію именно *покоренія* Финновъ торкскимъ или хозаро-торкскимъ племенемъ, какъ полагають г. Куникъ.

¹⁾ См. извѣстное сочиненіе мон. Рихарда: *De facto Ungariae Magnae a fratre Richardo etc.* (Endllicher, Mon. Agr. p. 248) XIII в., гдѣ разсказывается, что Доминиканскіе монахи, узнавъ изъ мадьярскихъ хроникъ о существованіи еще *Великой Угрии*, откуда вышла семь мадьярскихъ вождей со своимъ народомъ, послали путешественниковъ отыскивать на востокъ своихъ языческихъ родичей. Когда это предпріятіе не удалось, кор. Бѣла IV снарядилъ другихъ монаховъ и направилъ ихъ черезъ Константинополь. Изъ нихъ только одинъ монахъ Юліанъ достигъ извѣстныхъ результатовъ: побывалъ въ Волжской Болгаріи и нашелъ народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для Мадьяръ (Endllicher, *ibid.*, p. 252).

шаго времени ¹⁾). Благодаря имъ, мадьярскіе ученые давно пришли къ предположенію своего родства съ нѣкоторыми финно-уральскими племенами. Но долго это мнѣніе встрѣчало съ разныхъ сторонъ отпоръ и горячо оспаривалось очень многими, такъ что временно имѣли преобладаніе различныя другіе взгляды, въ которыхъ однако, вслѣдствіе недостатка твердыхъ научныхъ основаній у ихъ защитниковъ, господствовали произволъ и фантазія. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ ученые изслѣдователи перешли на почву положительнаго филологическаго анализа мадьярскаго языка, этотъ вопросъ вступилъ въ новый фазисъ и такимъ образомъ, слѣдуя этимъ вѣрнымъ путемъ, мало по малу достигъ своего нынѣшняго удовлетворительнаго состоянія, въ которомъ прежнія гаданія и волигъ произвольныя предположенія смѣнились добытыми строгимъ изслѣдованіемъ наблюденіями и данными сравнительнаго языкознанія и основанными на нихъ научными выводами. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить существовавшіе вообще до сихъ поръ взгляды на народность Мадьяръ.

Долго держалось среди Мадьяръ, да и теперь еще не совсемъ исчезло убѣжденіе, что они прямые потомки Гунновъ Аттилы ²⁾ и что на этомъ основано ихъ право на Угрію, какъ

¹⁾ Такъ, кромѣ извѣстнаго путешествія Антона Регули, въ 40-хъ годахъ (1844—5) было совершенно также путешествіе на востокъ (по Россіи) для изслѣдованія мадьярскихъ переломныхъ жилищъ Ернестъ: Jerg neu, Keleti utazása a' magyarok' őshelyeinek kinyomozása végett. 1844—1845, Пештъ 1851, 2 тома. Еще передъ этимъ совершилъ путешествіе въ Азію (въ Тибетъ и къ самымъ границамъ Китая) молодой мадьярскій ученый Чома (Kőrösi Csoma), секреть по происхожденію, проникнутый мыслью о гуннскомъ происхожденіи Мадьяръ и искавшій поэтому ихъ родины совершенно въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ Регули. Его постигла несчастная участь. Долго проработавъ въ монастыряхъ Тибета надъ изученіемъ тибетскаго языка, онъ принужденъ былъ совершенно разочароваться въ мысли найти въ немъ указанія на происхожденіе Мадьяръ. Предпринявъ послѣ этого еще путешествіе къ границамъ Китая, онъ въ 1841 г. умеръ въ дали отъ родины, ничего ровно не достигнувъ и не открывъ. — Въ послѣднее время приобрѣлъ большую извѣстность своими путешествіями на востокъ Вамбергъ (Vámbérgy), специалистъ турецко-татарскихъ языковъ.

²⁾ Племя Секлеровъ (въ юго-восточной угрѣ Трансильваніи) до сихъ поръ глубоко убѣждено, что оно происходитъ отъ Гунновъ Аттилы; это мнѣніе держалось и въ наукѣ, и подтвержденіе ему видѣли въ какихъ-то яко-бы чужно-

на гуннское наслѣдіе. Эту сказку съ подобающими прикрасами передали между прочимъ въ своихъ фантастическихъ повѣствованіяхъ средневѣковыя мадьярскіе хронисты (Анонимъ, Сямонъ Кеца, Турочъ), и она такъ полюбилась имъ соотечественникамъ, что и до сихъ поръ многимъ изъ нихъ не легко съ нею разстаться ¹⁾. Были ученые, которые даже тратили много времени и труда на отысканіе для нея основаній въ исторіи и на сообщеніе ей научной подкладки ²⁾. Однако о существованіи какого-бы то ни было историческаго основанія для такого взгляда не можетъ быть рѣчи ³⁾. Намъ можетъ интересовать лишь вопросъ о томъ, какъ возникла эта сказка, и какъ она попала въ мадьярскія хроники: родилась-ли она среди самихъ Мадьяръ или была откуда-нибудь заимствована ими? Если допустить первое, то оно могло произойти конечно только на почвѣ Угрии, гдѣ смутныя воспоминанія о Гуннахъ и Аттилѣ еще пожалуй могли жить кое-гдѣ въ эпоху мадьярскаго погрома, однако и это послѣднее подлежитъ еще большому сомнѣнію. Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе Гунфальви, который, обстоятельно разобравъ этотъ вопросъ, пришелъ къ убѣжденію, что это гунно-мадьярское сказаніе могло быть только заимствовано извнѣ, и притомъ не откуда болѣе, какъ изъ *нѣмецкихъ* источниковъ, а

секлерскихъ надписяхъ, видѣнныхъ въ XVII в. мадьярскими учеными въ нѣкоторыхъ церквахъ Трансильваніи, см. Sayous, *ibid.*, p. 29; Rambaud, *L'Empire Grec*, p. 347; Toldy, *Culturzustände der Ungern vor d. Annahme des Christenthums*, Sitzgsber. d. Wien. Akad. d. W., V Bd. 1850, S. 14 — 15. Опроверженіе гуннскаго происх. Секлеровъ у Hunfalvy, *ibid.* S. 200—203, и въ спеціальной его статьѣ «Секлеры. Отвѣтъ на скиво-гуннское происхождение Секлеровъ», Budapest, 1880.

¹⁾ Такъ, еще недавно явилось на французск. яз. сочиненіе мадьярскаго автора—о происхожденіи Гунновъ, въ которой родство Мадьяръ съ Гуннами признается фактомъ, подлежащимъ никакому сомнѣнію: Földvágy, *Les ancêtres d'Attila, étude historique sur les races scythiques*, Paris, 1876.

²⁾ За родство Мадьяръ съ Гуннами стояли: Pray, Katona, Kornides, Engel, Dankowski, потомъ Fessler, Toldy и др. См. Czörnig, *Ethnogr.*, S. 45 Cassel. Magyar. Alterthüm. Berl. 1848, S. 1—70. Sayous, p. 29, 29 etc.

³⁾ Уже 30 лѣтъ тому назадъ противъ гуннскаго происхожденія Мадьяръ рѣшительно возсталъ Кассель (Mag. Alt.) (послѣ Шлещера).

никакъ не изъ греческихъ или латинскихъ. Онъ полагаеть, что *нѣмецкое духовенство* во время распространенія западнаго христіанства у Мадьяръ — первое познакомило ихъ съ Аттилою и Гуннами, такъ какъ только у Нѣмцевъ были въ большомъ ходу сказанія о Гуннахъ ¹⁾. Помимо своей научной несостоятельности, сближеніе Мадьяръ съ Гуннами, съ цѣлью опредѣленія народности первыхъ, не можетъ ни къ чему повести уже потому, что происхожденіе самихъ Гунновъ представляетъ пока неразрѣшимую загадку — вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія какимъ-бы то ни было положительныхъ данныхъ для ея рѣшенія (напр. остатковъ языка) ²⁾. Мы можемъ только предполагать, что гуннская орда была сбродомъ разныхъ кочевыхъ элементовъ какъ монгольскаго и турецкаго, такъ вѣроятно и финскаго племенъ.

Изъ другихъ многочисленныхъ взглядовъ прошлаго времени и начала нынѣшняго столѣтія любопытны сближенія мадырскаго языка со славянскимъ (Vochart), съ еврейскимъ (Törpelt, Otrokocsi (к. XVII в.) ³⁾, съ нѣмецкимъ (Benkó), наконецъ съ турецко-татарскимъ (Pray, Kollar, Gebhardi, Schott, Fessler); были даже ученые, производившіе Мадьяръ отъ Мидинъ (Valentin Kiss) и отъ Паронинъ (Fejér) ⁴⁾. Среди всѣхъ этихъ мнѣній конечно наибольшаго вниманія заслуживаетъ предположеніе о *турецкомъ* происхожденіи Мадьяръ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Фесслеръ ⁵⁾ выступилъ рѣшительнымъ его защитникомъ, страстно нападая на финскую теорію, число сторонниковъ которой постепенно увеличивалось. Для всю турецкую группу народовъ на

¹⁾ Hunfalvy, Ethn. v. Ung. S. 129—200.

²⁾ Hunfalvy, S. 252, 253.

³⁾ Мнѣніе о родствѣ мадырскаго языка съ еврейскимъ было долго господствующимъ въ средѣ прежнихъ мадырскихъ филологовъ, начиная съ автора первой мадырскаго грамматики Іоан. Сильвестра (Rapponius): Grammatica Hungaro-Latina, 1539. О старѣйшихъ мадырскихъ грамматическихъ трудахъ см. подробно въ статьѣ Гунфальви «Die Ungarische Sprachwissenschaft». Liter. Berichte aus Ungarn, I B., I H. (1877) S. 75 и слѣд.

⁴⁾ Cassel, S. 74—75. Срв. Czörnig, ibid. S. 47—48.

⁵⁾ Fessler, Gesch. S. 184 и слѣд.

двѣ вѣтви — *восточную* и *западную*, онъ причислялъ къ послѣдней Мадьяръ вмѣстѣ съ Печенѣгами и Узами. Въ своемъ мнѣніи онъ между прочимъ опирается на то, что византійцы называли Мадьяръ «Турками». Разумѣется, такое основаніе, въ виду отсутствія другихъ—болѣе существенныхъ, не можетъ имѣть силы. Старанія Фесслера доказать турецкое происхожденіе Мадьяръ не имѣли успѣха, и мнѣніе большинства все также склонялось въ пользу *финно-угорской* теоріи ¹⁾.

Не болѣе (если еще не менѣе) успѣха имѣлъ въ 40-хъ годахъ извѣстный изслѣдователь мадьярскихъ древностей Кассель, который тоже вооружился противъ финской теоріи, хотя уже не рѣшился отвергать значительнаго сходства языковъ мадьярскаго и нѣкоторыхъ финскихъ. Онъ исходилъ изъ той мысли, что всѣ предшествовавшія ему работы, посвященныя доказательствамъ ближайшаго родства этихъ языковъ, не имѣютъ достаточно научнаго характера (что впрочемъ тогда и было справедливо) и что въ основаніи ихъ лежитъ въ большинствѣ случаевъ *предвзятая* мысль. Кассель съ своей стороны пытается (но весьма неудачно) на основаніи разбора матеріала, представляемаго мадьярскимъ словаремъ, доказать родство первоначальнаго мадьярскаго языка съ индогерманскими; при этомъ въ своихъ этимологическихъ сопоставленіяхъ онъ пользуется для сравненія языками латинскимъ и греческимъ, но присоединяетъ къ нимъ еще и еврейскій, никакими научными соображеніями не мотивируя однако этого выбора. Онъ оговаривается впрочемъ, что отнюдь не думаетъ отказывать мадьярскому языку въ собственныхъ своеобразныхъ элементахъ, но что его задача — отыскать въ немъ «черты родства съ великими типами языковъ всего міра» ²⁾. Понятно, что взглядъ Касселя не могъ найти себѣ отголоска въ ученomъ мірѣ, такъ какъ онъ ужъ вовсе не былъ

¹⁾ Сильно вооружался противъ этого взгляда, между прочимъ, даровитый, но рано умершій ученый Auguste de Gégando въ своемъ сочиненіи *De l'origine des Hongrois* (Paris, 1844); въ немъ впрочемъ слышится отголосокъ мадьярскихъ предубѣжденій.

²⁾ *Sel. Cassel*, S. 85.

построенъ на твердой и дѣйствительно научной почвѣ, хотя самъ этотъ ученый, сознавая всю трудность вопроса ¹⁾, старался отнестись къ нему съ подобающею осторожностью и строгостью. Послѣ него финская теорія продолжала по прежнему првлекать къ себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей.

Выше уже было упомянуто, что мысль о родствѣ мадьярскаго языка съ языками *финскаго* племени возникла очень рано. Уже въ XIII в. путешественники-миссіонеры натолкнулись на нѣкоторыя приуральскія финскія племена за Волгой и за Камой, говорившія на нарѣчіяхъ, близкихъ и понятныхъ для мадьяра ²⁾. Отсюда и ведутъ свое начало догадки о башкиро-угорскомъ и финскомъ происхожденіи Мадьяръ ³⁾.

Не удивительно, что сначала на это открытіе не было обращено должнаго вниманія: наука еще долго не была въ состояніи оцѣнить его. Только въ XVI в. было серьезно пущено въ ходъ мнѣніе о финскомъ происхожденіи Мадьяръ. Въ XVII в. первый, обратившій вниманіе на сходство *языковъ мадьярскаго и финскаго*, былъ, сколько извѣстно, знаменитый славянинъ-педагогъ Амосъ

¹⁾ Ibid. S. 81, 82 и слѣд.

²⁾ Эти путешественники были: Доминикан. монахъ Юліанъ, отправленный съ другими монахами при кор. Белъ IV для отысканія на дальнемъ востокѣ «Великой Венгрии» (ок. 1237 г.); затѣмъ монахи Плато-Карпини, посланный къ Татарамъ папой Николентіемъ IV (1246) и Рубруквисъ (Ryisbrock), посланный туда же французскимъ королемъ Людовикомъ IX (въ 1252 г.). Разсказъ о путешествіи монаха Юліана былъ найденъ піаристомъ Дезеріциемъ (Desericius) въ 1745 г. въ ватиканской бібліотекѣ въ Римѣ, и извѣстіе о немъ появилось въ его большомъ сочиненіи «De Initiis ac Majoribus Hungarorum», изданномъ его другомъ (Martin Biró) въ Офенѣ въ 1748, 1753 гг. Впрочемъ самого автора открытіе это не навело на путь истины; онъ ведетъ своихъ соотечественниковъ по той же избитой дорожкѣ—отъ Гунновъ, и не допускаетъ ихъ родства съ Финнами. (См. упомянутую статью «Die ungar. Sprachwissenschaft», S. 84).

³⁾ Въ XV в. молва о существованіи на сѣверовостокѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ, сходномъ съ мадьярскимъ, была сильна въ Угрии при Маттѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собранія свѣдѣній объ этомъ племени. Въ XVI в. вѣнецкій посолъ и извѣстный путешественникъ по Россіи Герберштейнъ въ своемъ описаніи Россіи (Regum Moscovitarum Commentarii, 1556) сообщаетъ о землѣ «Югаринъ», изъ которой де происходятъ Угры и гдѣ говорятъ на языкѣ, понятномъ для Мадьяръ.

Коменскій ¹⁾). Однако современное ему языкознание не воспользовалось этимъ наблюдениемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣніе о родствѣ Мадырь съ Финнами стало повторяться съ тѣхъ поръ уже чаще, и къ началу слѣдующаго (XVIII) вѣка оно является уже довольно распространеннымъ ²⁾). Въ теченіе XVIII в. оно получило новое подкрѣпленіе вслѣдствіе путешествія на дальній сѣверъ (для наблюденія за прохожденіемъ Венеры въ 1769 г.) двухъ иезуитовъ-астрономовъ (Maximilian Hell и Joh. Sajnovicz), которые въ языкѣ Лапландцевъ нашли много сходнаго съ мадырскимъ ³⁾, а затѣмъ было возведено Шлѣцеромъ и другими учеными ⁴⁾ на

¹⁾ Амось Коменскій имѣлъ случай познакомиться съ финскимъ языкомъ въ Швеціи, куда былъ приглашенъ для организаціи школьнаго дѣла. Мадырскій языкъ онъ узналъ позднѣе въ г. Шарошъ-Патакѣ (Sáros-Patak), гдѣ онъ преподавалъ (до 1657) по приглашенію Сигм. Ракоци (Rácóczy). Такимъ образомъ знаніе того и другого языка привело его къ наблюденію ихъ сродства. См. упом. ст. Гунфальви, въ Liter. Ber. aus Ung. I B, S. 80; срв. Mailáth. Gesch. d. Magyarer, I B. Regensb. 1852, S. 1.

²⁾ Его держались Olav Rudbeck въ Specimen usus linguae Gothicae etc; addita analogia linguae Gothicae cum Sinica, nec non Finnicae cum Ungarica, Upsal. 1717; Matthias Bél «De veteri literatura hunno-scythica exercitatio», Leipz. 1718; Strahlenberg. Das Nord- und östliche Theil von Europa und Asia etc., Stockholm, 1730 и проч.

³⁾ Сочиненіе второго (Сайновича) появилось подъ заглавіемъ: «Demonstratio, idioma Ungarorum et Lapporum idem esse», Hafniae, 1771. Еще до этого путешествія нашъ гениальный Ломоносовъ (въ 60-хъ годахъ) прямо и рѣшительно высказался въ пользу этого мнѣнія. «Сильная земля Венгерская, говоритъ онъ, хотя отъ здѣшнихъ Чудскихъ областей отдѣлена великими Славянскими государствами, т. е. Россією и Польшею; однако не должно сомнѣваться о единоплеменствѣ ея жителей съ Чудью, разсудимъ одно только сходство ихъ языка съ Чудскими діалектами. Что подкрѣпляется еще ихъ выходомъ изъ сторонъ, гдѣ и по нынѣ Чудскія поколѣнія обитаютъ, ихъ остатки». См. Древняя Россійская Исторія, Сочин. Ломоносова, т. III. изд. 2, Спб. 1850, стр. 112. срв. В. И. Ламанскаго, Столѣтняя память М. В. Ломоносову, Спб. 1865, (2 изд.) стр. 57.

⁴⁾ Schlözer, Allgem. nordische Geschichte (Halle, 1771), S. 306. Шлѣцеръ, по собственному свидѣтельству, воспользовался въ своемъ трудѣ между прочимъ сборникомъ словъ, собранныхъ ак. Фишеромъ у инородцевъ въ Сибири. Фишеръ совершилъ большое путешествіе по Сибири, и въ 1768 г. была издана его «Sibirische Geschichte», въ которой онъ воспользовался матеріаломъ, въ свою очередь собраннымъ ак. Мюллеромъ въ Сибири (см. Исторія Импер. Академіи Наукъ Пекарскаго, т. I (1870), стр. 630—632). О родствѣ мадырскаго языка съ финскимъ ак. Фишеръ высказался въ ст. «De origine Ungro-

степень почти несомнѣннаго положенія. Наконецъ съ половины нашего столѣтїя ¹⁾, послѣ богатаго результатами путешествія мадьярскаго ученаго Антона Регули къ Финнамъ, въ Швецію, сѣверную Россію и на Уралъ ²⁾, послѣ изслѣдованій финскаго ученаго путешественника Кастрена ³⁾ и особенно въ послѣд-

гумъ въ его *Quaestiones petropolitanae*, изд. Шлѣцеромъ въ 1770 г. въ Гёттингенѣ.—*Prag. Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avatorum et Hungarorum*, Vindob. 1774; Müller. *Sammlung russisch. Gesch.* (1732—1765) B. III; Payer, *Neue Beweise der Verwandtschaft d. Ungarn mit den Lappländern*, Wien, 1794. Наконецъ особенно тщательно, впервые съ грамматической точки зрѣнія, вопросъ былъ разобранъ мадьярскимъ ученымъ Sam. Gyarmathi: *Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Finnicae originis grammaticè demonstrata*, Göttingae. 1799. Также Révai, авторъ мадьярск. грамматики (1803, 1806).

¹⁾ Еще въ 1837 году, впрочемъ, проникательный нѣмецкій изслѣдователь Цейсъ высказался уже совершенно опредѣленно и рѣшительно по этому вопросу: «Die Sprache der Ungern ist, wenn sie in ihren Formenbildungen auch viel Eigenthümliches zeigt, und hierin sich als besonderer Zweig ihres Stammes verräth, ihrem Stoffe nach finnisch, und die finnische Abstammung der Ungern ist dadurch aussor Zweifel gesetzt». Zeuss, *Die Deutschen etc.*, S. 746. У насъ въ то же время О. Н. Сенковскій говорилъ о несомнѣнно финскомъ происхожденіи Мадьяръ и о ихъ ближайшемъ родствѣ съ Вогулами. См. въ энциклопедич. слов. Плюшара подъ словомъ «Венгры», Спб. 1837, т. IX, стр. 344—345; 359—360.

²⁾ Впрочемъ Регули, признавая ближайшія связи языка мадьярскаго съ финскими (особенно вогульскимъ и остяцкимъ), отводилъ ему всетаки самостоятельное мѣсто въ семьѣ *урало-алтайскихъ* языковъ, подраздѣляемой имъ на вѣтви: мавжурскую, монгольскую, турко-татарскую, самоѣдскую, финскую и мадьярскую. См. замѣтку о трудахъ Регули, «*Географ. Извѣстія*». Спб. 1850, стр. 432—436. Путешествіе Регули, совершенное при содѣйствіи С.-Пет. Имп. Ак. Н., продолжалось отъ 1839 до 1846. Особенное вниманіе онъ посвятилъ Вогуламъ и Остякамъ, но также дѣлалъ свои наблюденія и у Мордвы, Черемисовъ и Чувашей. Онъ составилъ также карту сѣверной части Урала, которую предложилъ вниманію *Русск. Географ. Общества*. Замѣчанія его на эту карту въ его письмѣ къ акад. Кеппену. См. *Записки Русск. Географ. Общ.*, Спб. 1849 г. кн. III, стр. 159—175. Обработка и изданіе богатаго матеріала, собраннаго Регули, (по случаю его ранней смерти) была поручена Венгерской Академіей Наукъ двумъ ученымъ Гуицвальди и Буденцу, которые (нач. съ 1864 г.) издали рядъ монографій, — первый преимущественно въ области языка и этнографіи Вогуловъ и Остяковъ, а второй — Чувашей, Черемисовъ и Мордвы.

³⁾ Кастренъ, соединявшій съ глубокими познаніями и филологическихкими способностями изумительную энергію и постоянство въ стремленіяхъ, оказалъ неисчислимыя услуги науцѣ своими изслѣдованіями на сѣверѣ Россіи и въ Сибири—надъ этнографіей и языками финскихъ племенъ. Рядъ неутом-

нiя десятилѣтiя финская теорiя окончательно одержала верхъ надъ всѣми остальными, конечно, прежде всего, благодаря успѣхамъ сравнительно-лингвистическихъ изслѣдованiй и строгому примѣненiю послѣднихъ къ опредѣленiю состава и строя мадьярскаго языка ¹⁾).

Итакъ если, Мадьяры, по языку своему, принадлежатъ къ финской группѣ народовъ, то — само собой разумѣется — они при-

маго преслѣдованiя научныхъ цѣлей онъ поплатился здоровьемъ и очень рано (38-ми лѣтъ) кончилъ свою трудовую и страдальческую жизнь. Изъ сочиненiй его особенно заслуживаютъ упоминанiя: *Nordische Reisen und Forschungen*, куда вошли многiя его изслѣдованiя: *Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis v. Al. Castrén, S.-Petersb. 1849*; диссертацiя его: «*De affixis personalibus linguarum altaicarum*», Helsingf. 1850 и друг. О финскомъ происхожденiи мадьярскаго языка — см. его *Предисловіе* къ названной Остяцкой Грамматикѣ, гдѣ онъ говоритъ, что его изслѣдованiя «довольно подтверждаютъ мнѣніе о близости языковъ вогульскаго и остяцкаго съ мадьярскимъ»; также см. его *Ethnolog. Vorlesungen, S.-Pburg, 1857, S. 129*. Переводъ *Путешествiй Кастрена* въ «Магаз. землевѣдѣнiя и путеш.», т. VI, кн. 2 (М. 1860). О Кастренѣ см. Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общ. 1858, ч. VII, стр. 100—193.

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ уже сочиненiй, еще Klaproth, *Asia Polyglotta, Paris, 1823, p. 190*; Donnér (*Vergleichendes Wörterbuch der finnischugrischen Sprache, Helsingfors, 1874*). Budenz (*Magyar-Ugor ősszehasonlító szótár, Pesth, 1873*); Hunfalvy, *Die Herkunft der Magyaren (Pesth-Ofener Revue, 1864, XIX)*. Оба послѣдніе ученые издавали матеріалы, собранные путешественникомъ Регули. Изъ финскихъ ученыхъ способствовали своими трудами филологической разработкѣ финскихъ нарѣчiй и финской этнографіи, кромѣ Кастрена, еще ак. Шегренъ, см. *Sjögrén's Gesamte Schriften, B. I. Historisch-ethnograph. Abhandlungen über den finn.-russ. Norden, S.-Peth. 1861*. (См. перечень его сочиненiй, Учен. Зап. Ак. Н., т. III, стр. 569. О немъ въ Жур. М. Н. Пр. ч. LXXXVI, отд. V, 1—8), а въ новѣйшее время особенно Альквистъ, совершившій два путешествiя по сѣверной Россiи и западной Сибири (у Вогуловъ и Остяковъ въ 1854—1858 г., и въ 1877). Его описанiе путешествiя издано на финск. яз. въ Гельсингф. въ 1859 г. (краткія извѣстiя въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ); далѣе: *Ethnographische Schilderung der Wogulen, S.-Peth. 1858*; *Versuch einer Mokcha—Mordwinischen Grammatik, S.-Peth., 1861*; еще важны его труды: «*Die Kulturwörter der Westfinnisch. Sprachen, v. Aug. Ahlquist, Helsingf., 1875* (см. рецензію Л. Н. Майкова, Ж. М. Н. Пр. 1877, июль, июль, декабрь); *Ueber die Sprache des Nord-Ostjaken, Abth. I, Helsingf., 1860* г. Въ области изслѣдованiй надъ географ. номенклатурой сѣверной Россiи много потрудился Европеусъ (азъ указан. уже монографiяхъ). Въ историческомъ отношенiи важно соч. гельсингф. професс. Koskinen (псевдон. Форсмана) «*Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart, Leipzig, 1874*».

надлежать къ ней и по происхожденію, равно какъ и по первоначальному своему типу и по первобытной культурѣ. Это достовѣрно; но не слѣдуетъ однако забывать, что мадыарскій языкъ, какъ доказываетъ его научная разработка, заключаетъ въ себѣ много и такихъ элементовъ, которые съ финской основой не имѣютъ ничего общаго и очевидно привнесены въ него извнѣ. Это обстоятельство было главною причиною появленія въ разное время столь различныхъ мнѣній о происхожденіи мадыарскаго языка. Помимо элементовъ славянскаго, нѣмецкаго и другихъ индо-европейскихъ, существованіе которыхъ для каждаго вполне ясно, какъ результатъ достовѣрныхъ историческихъ фактовъ (международнаго общенія), есть въ немъ и еще значительный посторонній элементъ. Это — элементъ *турецкій*, который во всѣхъ вопросахъ, касающихся мадыарскихъ древностей, имѣетъ первостепенное значеніе, такъ какъ онъ, по многимъ соображеніямъ, могъ въ значительной мѣрѣ проникнуть въ мадыарскій языкъ уже въ древнѣйшій періодъ жизни Мадыаръ, на мѣстѣ ихъ первоначальной родины ¹⁾; а это естественно ведетъ насъ къ заключенію, что турецкій элементъ долженъ былъ играть не послѣднюю роль въ образованіи мадыарскаго народнаго типа и характера (посредствомъ кровнаго смѣшенія), въ древнѣйшихъ судьбахъ и первобытной культурѣ Мадыаръ. Преувеличивая этотъ элементъ, нѣкоторые ученые находили даже возможнымъ считать Мадыаръ *изъ корней* народомъ турецко-татарскимъ, подвергшимся когда-то сильному вліянію жившихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ финскихъ племенъ. Мы видѣли однакоже, что этотъ взглядъ не могъ выдержать научной критики. Итакъ теперь уже окончательно установилось единственно истинное мнѣніе, что Мадыары или Угры представляютъ собою оградъ *финскаго* (или по новѣйшему болѣе общему термину — *фенскаго*) семейства народовъ (въ свою очередь составляющаго часть великой туранской семьи) и принадлежать къ его *восточной*, такъ называемой *угорской* вѣт-

¹⁾ См. Fessler-Klein, Gesch. v. Ung. Leipz., 1897, S. 40.

ви, занимавшей некогда большія пространства сѣверовосточной Россіи и сопредѣльную азіатскую территорию; ихъ ближайшіе родичи суть нынѣшніе представители этой вѣтви, остатки древней «Югры»: прежде всего *Вогулы* и *Остяки*, а затѣмъ на второмъ планѣ—*Пермяки*, *Зыряне* и *Вотяки*; наконецъ *Черемисы* и *Мордва* ¹⁾).

Здѣсь кстати будетъ еще вернуться къ вопросу объ именахъ «*Мадьяры*» и «*Угры*».

И то и другое имя уже нашло себѣ толкованіе посредствомъ звуковъ финскихъ нарѣчій. Въ новѣйшее время было сдѣлано наблюденіе, что имена большинства финно-алтайскихъ народовъ дѣлятся на двѣ группы: одни называютъ себя «людьми земли» (какъ-бы «туземцами»), другіе—«людьми воды», причемъ во многихъ случаяхъ это обозначеніе *воды* стало собственнымъ именемъ рѣки, на которой живетъ то или другое племя ²⁾). Имя *Мадьяръ*, по мнѣнію Рёслера, относится къ первой категоріи ³⁾. Оно тождественно съ Мегерой (*Meğerî*) Константина Багрянороднаго и съ средневѣковою форм. *Mogerî*, а въ этихъ формахъ еще можно узнать «людей земли», *ma-ger*, ибо *kâr* значитъ по вогульски *человѣкъ* (срв. мад. *gyer-m-ek*, дитя, такъ что *ma-gyermek* значило бы по-мадьярски «дитя земли» ⁴⁾), а *ma*—весьма распространенное у Финновъ обозначеніе *земли*. Рёслеръ, который приводитъ это объясненіе, высказываетъ предположеніе, что и

¹⁾ Такъ смотря на нынѣ на свою народность и всѣ лучшіе повѣдшіе мадьярскіе ученые; особенно потрудились въ этой области Гунфалви, извѣстный знатокъ мадьярскаго языка и этнографіи. Его сочиненія: *A Vogul Föld és nép* (Земля и народъ Вогуловъ), Pest, 1864 (матеріалъ почерпнуть изъ путешествія Ант. Регули); *Die Herkunft der Magyaren*, 1864 (*Budapesti Szemle*); *A Kondai-Vogul Nyelv* (языкъ Конда-Вогуловъ), 1872; *Az északi osztják nyelvé* (языкъ сѣверныхъ Остяковъ); затѣмъ Ридль (*Riedl, Magyar. Gramm. W.* 1858), Буденцъ и друг.

²⁾ Къ первому разряду относятся названія: *Mamies* (Осты), *Ma-Kum* (Вогулы), *Mug-ma* (Мурома), въ которыхъ *ma*=земля. Ко второму: *Wut-wort* (Вотяки), *Mord-wa* (Мордвинны) и друг., гдѣ *wa, wa*=вода. См. Roesler, R. S., 168—9.

³⁾ Roesler, S. 158—9.

⁴⁾ Срв. Fessler-Klein, S. 45.

«Угры» есть, можетъ быть, также мадьярское названіе, въ которомъ скрывается тотъ же корень *gar* (человѣкъ¹⁾), и притомъ первоначальное (общее) для всего народа, тогда какъ «Мегера» называлось только одно изъ семи мадьярскихъ племенъ²⁾. Томашекъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ объяснить имя Мадьярь изъ самого мадьярскаго языка и указываетъ на слова *tagas*, высокій, *teg*, спина, хребетъ (въ родствѣ съ уйгур. *tag'и*, возвышеніе, самоѣд. *шапа*, того, так, спина), такъ что для Мадьярь получается значеніе «горцевъ» (жителей Уральскаго хребта³⁾. Г. Куникъ, не отрицая возможности финскаго производства слова «Мадьярь», предпочитаетъ однако объясненіе, что первоначально «*Magar*» было только турецкимъ, специально-династическимъ названіемъ⁴⁾. Далѣе, относительно имени Мадьярь существуетъ предположеніе о его родствѣ съ племенемъ *Башкиръ*. Дѣло въ томъ, что средневѣковые мусульманскіе писатели, употребляющіе довольно рѣдко имя Мадьярь въ формѣ «Моджгаръ» и еще рѣже въ формѣ «Унгаръ» (Хункаръ), въ большинствѣ случаевъ называютъ Мадьярь *Башкирами*. Имя послѣднихъ встрѣчается у нихъ въ довольно разнообразныхъ формахъ: у Масуди — Баджгардъ⁵⁾, у Эль-Балхи — Башджардъ, у Якута — Башгирдъ, Башджердъ, у Казвини — Башгартъ и т. д.⁶⁾.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ эта этимологія болѣе удачна, чѣмъ та, которая производитъ имя Угры изъ славян. яз. и сближаетъ его съ корн. *гор* (гора), такъ что Угры значило-бы «обитатели горъ», гораци, верховицы.

²⁾ По мнѣнію Рёслера, изъ этого племени *Мегера*—произошелъ Арпадъ со своею династіей, и благодаря особенному уваженію, которымъ поэтому пользовалось это племя, имя его было перенесено на всю народность. Roesler, S. 159.

³⁾ Tomasek, Zeitschr. für Oesterr. Gymn. V. XXIII, S. 151.

⁴⁾ По его мнѣнію, династія Мадьярь была первоначально *турецкая*, почему и византийцы называютъ Мадьярь «Турками». См. Извѣстія Ал-Бекри и друг. авторовъ о Руси и Славянахъ, т. I, Спб. 1878, стр. 109 (также въ «Учен. Зап. И. А. Н.», III т. стр. 728).

⁵⁾ У Масуди есть еще имя одного племени «*Yadjni*», въ которомъ нѣкоторые (Френъ) думали видѣть Мадьярь. См. Брунъ, Черногорье, II, стр. 328.

⁶⁾ Хвольсонъ, Извѣстія о Ховарахъ и пр. Ибн-Даста, Спб. 1839, стр. 103—107. См. еще: Dorn, Auszüge aus vierzehn morgenländ. Schriftstellern, Bulletin de l'Académie Impériale des S. d. S.-Petersb., T. XVIII, p. 303.

Сопоставленіе этихъ формъ съ формами имени «Мадьяръ» у арабскихъ писателей (Маджгаръ, Мадшаръ) привело нѣкоторыхъ ученыхъ, правда, къ довольно смѣлому предположенію объ *общемъ происхожденіи* этихъ названій, но не совсѣмъ невѣроятному, если имѣть въ виду близость Мадьяръ къ древнимъ Башкирамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ уже вышеупомянутые путешественники XIII в. Въ этомъ смыслѣ впервые высказался Клапротъ¹⁾; изъ нашихъ ученыхъ такого мнѣнія держится также г. Хвольсонъ, по словамъ котораго²⁾ наиболѣе древняя (намъ извѣстная) форма имени Башкиръ—«*Баджардъ*» (по Масуди) измѣнилась двоякимъ образомъ: на востокѣ она обратилась черезъ посредствующія формы Башгардъ, Башкардъ, Башкартъ и т. д. въ *Башкиръ*, а на западѣ—вслѣдствіе возможнаго перехода *б* въ *м*, и отпаденія конечнаго *д*, образовалась форма Маджгаръ, потомъ Маджаръ и Мадьяръ³⁾. Наконецъ есть и еще объясненіе: Гунфальви пытался отождествлять кор. *тод* съ кор. *оуиг*, *юг*, являющимися въ имени Уйгуры, Угры, и заключающемъ въ себѣ понятіе «союза», «общины»; такое объясненіе признаеть слѣдовательно и тождественность именъ Мадьяры и Угры⁴⁾. Однако намъ такое толкованіе кажется натянутымъ.

2. Первоначальная родина Мадьяръ.

Одинъ изъ темпѣйшихъ вопросовъ мадьярскихъ древностей есть безъ сомнѣнія вопросъ о первоначальныхъ жилищахъ Мадьяръ⁵⁾. Мы разумѣемъ при этомъ не первобытную ихъ колыбель

¹⁾ Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 276; Asia polyglotta, S. 189. Также ак. Фишеръ «Sibirische Geschichte, I T. Einleitung, S. 127; Castrén, Ethnolog. Vorlesungen über die Altaisch. Völker, S. Petersb. 1857, S. 131.

²⁾ Хвольсонъ, тамъ же, стр. 114 и предыд.

³⁾ Такое объясненіе допускаеть и Рёслеръ. Rom. Stud., S. 159.

⁴⁾ См. Saouys, Les origines etc. p. 6. Съ Гунфальви согласенъ и Ujfalvy въ соч. «Les migrations des peuples» etc., Paris, 1878.

⁵⁾ Неудивительно, что 100 лѣтъ тому назадъ извѣстный датскій историкъ Сумъ могъ сказать: «Отысканіе древнѣйшаго мѣстопребыванія Мадьяръ есть,

въ Азіи, стоящую конечно за предѣлами нашего историческаго крутозора, а мѣста жительства Мадьяръ непосредственно передъ достовѣрнымъ выступленіемъ ихъ на историческое поприще, ту страну, которую они оставили, какъ кажется, въ началѣ IX в., вынужденные безъ сомнѣнія обстоятельствами искать счастья и новой родины на западѣ.

Мѣстоположеніе этой страны едва-ли было бы вообще опредѣлимо, еслибъ пришлось основываться лишь на скудныхъ намѣнкахъ о ней исторіи, на фантастическихъ и сбивчивыхъ о ней сказкахъ у средневѣковыхъ мадырскихъ хронистовъ. Но къ счастью, сравнительное языкознаніе, давшее возможность рѣшить вопросъ о происхожденіи Мадьяръ, приходитъ на помощь и въ настоящемъ случаѣ. Признаніе финно-угорскаго происхожденія Мадьяръ бросаетъ значительный свѣтъ на древнія ихъ жилища, на ихъ прародину (если не считать ихъ колыбелю — центральной Азіи, вѣроятно, Приалтайскихъ краевъ). Изъ нашего предыдущаго разсмотрѣнія вопроса о народности Мадьяръ уже достаточно ясно, гдѣ приблизительно слѣдуетъ искать древнѣйшія ихъ жилища. Мадьяры входили въ составъ восточной, угорской вѣтви финскаго племени, слѣдовательно они и жили нѣкогда въ географическихъ предѣлахъ этой вѣтви, а именно гдѣ-то на сѣверовостокѣ Россіи, по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, гдѣ жила наша древняя, несомнѣнно съ ними тождественная по племени и происхожденію Югра¹⁾, и гдѣ теперь живутъ ихъ бли-

можетъ быть, одна изъ труднѣйшихъ задачъ во всей исторіи среднихъ вѣковъ, о которой теперь я еще не осмѣливаюсь сказать чего-либо рѣшительнаго. Историческое разсужденіе о Пачинакахъ или Печенѣгахъ. Сума, перев. съ датск. Сабиніи. Читенія въ Общ. Ист. и Др., М. 1846, № 1.

¹⁾ О мѣстахъ жительства Югры см. Барсовъ, Географія Начальной Лѣтописи (Варш., 1873), стр. 52—54; также А. Б. . . . зъ (Бушень), Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ. Вѣстникъ Императорскаго Русск. Географич. Общ. 1835, ч. XIV, Спб., стр. 167—186. Здѣсь авторъ проводитъ историческую связь (въ его время еще не весьма окончательно дознанную) между Уграмі (Мадьярами) и Югрою или Угрою Пестора, старался опредѣлить путь Угровъ съ Урала на Дунай. Неясность и сбивчивость извѣстій, еще не проверенныхъ строгою критикой, не могли не отразиться на этой попыткѣ.

жайшіе родичи — Вогулы, Остяки и прочіе остатки когда-то многочисленнаго угорскаго народа. Когда и какимъ путемъ Мадыяры со своимъ одноплеменниками пришли сюда — мы сказать не можемъ, да намъ здѣсь и неумѣстно было бы останавливаться на этихъ пока неразрѣшимыхъ вопросахъ¹⁾. Достоверно одно: до своего вторичнаго странствованія на западъ Угры составляли часть многочисленныхъ и широко распространенныхъ финскихъ обитателей сѣверовосточной Европы и смежныхъ азіатскихъ странъ.

Изученіе слѣдовъ финскаго населенія въ разныхъ краяхъ сѣверной Россіи и мѣстныхъ нерусскихъ географическихъ названій уже давно доказало, что бѣльшая часть сѣверной половины Россіи, т. е. не однѣ только сѣверныя, но и нѣкоторыя среднія губерніи (Владимірская, Московская и др.) были нѣкогда, въ глубокую древность, заселены финскимъ народомъ (*Чудью* въ общемъ знач.), который впоследствии, съ наплывомъ славянскаго населенія, частью былъ отгѣсненъ далѣе на сѣверъ и востокъ, частью же обрусѣлъ. Въ новѣйшее время дознано, что этотъ финскій или *фенскій* народъ (какъ его нѣкоторые называютъ въ отличіе отъ финскаго въ тѣсномъ смыслѣ), уже въ ту отдаленную пору, о которой идетъ рѣчь, какъ и теперь, дѣлился на двѣ большія группы: *западную* или собственно *финскую* и *восточную* или *угорскую*.

¹⁾ Нѣкоторые ученые полагали, что Угры были увлечены изъ глубины Азии общимъ потокомъ великаго переселенія народовъ, сначала прямо на западъ, къ берегамъ Каспійскаго моря (откуда будто-бы частица ихъ проникла на сѣверъ отъ Кавказск. горъ, на р. Куму: мнимое существованіе здѣсь Мадыяръ), а затѣмъ всюю массою двинулись на сѣверъ, вдоль Урала и Волги. Вѣроятность такого движенія Мадыяръ представлялось особенно тѣмъ писателямъ, которые стояли за ихъ турецкое происхожденіе. См. Fessler, S. 184—228; также Horvath; S. 4, Szalay (срв. Czörnig, Ethnogr. d. Oesterr. Mon., S. 42—52). Разъ мы однако признали ихъ Финнами, для насъ не можетъ уже быть сомнѣнія, что они вмѣстѣ съ остальными своими родичами были выдвинуты на западъ изъ азіатской своей колыбели въ несравненно болѣе древнюю эпоху, и такимъ образомъ являются на сѣверовостокъ Россіи народомъ *стародавнимъ*, въ пользу чего достаточно свидѣтельствуетъ первоначальная финно-угорская географическая номенклатура этихъ странъ.

Къ западной принадлежать выѣшшія племена: собственные Финны или Суоми, Эсты, Карелы, Ливы и нѣкоторыя другія; къ восточной—Пермяки, Зыряне и Вотьяки; Вогулы и Остяки; Черемсы и Мордва. Середнну же между ними (по языку) составляютъ Лопари (Лапландцы) ¹⁾. Мадыяры, какъ было выше разъяснено, принадлежать ко второй группѣ и стоятъ всего ближе (опять-таки по языку) къ Вогуламъ и Остякамъ. Такое дѣленіе опирается и на новѣйшія изслѣдованія нерусскихъ топографическихъ названій сѣверной Россіи; оно повидному оправдывается и археологическими раскопками. ²⁾ Было бы весьма важно опредѣлить, гдѣ соприкасались границы собственно-финскихъ и угорскихъ племенъ, и слѣдовательно до какихъ предѣловъ къ западу простирался эти послѣднія. Г. Европеусъ, которому принадлежитъ заслуга специальныхъ разысканій по этому вопросу надъ топографической номенклатурой сѣверной Россіи ³⁾, отстаиваетъ чисто вогуло-угорское происхожденіе нерусскихъ названій мѣстъ въ большей части всего пространства, занятого когда-то финскимъ племенемъ. По его мнѣнію, древніе Угры занимали земли отъ южныхъ предѣловъ бассейна сѣв. Двины до Ледовитаго моря и отъ предѣловъ Вислы и Балтійскаго моря до Урала. На западѣ ихъ поселенія были разбросаны, какъ онъ полагаетъ, даже въ Финляндіи и сѣверной Швеціи. Собственно же финскому племени онъ удѣляетъ мѣстности по Балтійскому морю, Ладожскому и Онеж-

¹⁾ Hunfalvy, S. 146, 147.

²⁾ Въ разныхъ мѣстностяхъ этого пространства отыскиваютъ длинноюловыя черепа, приписываемые угорскимъ племенамъ, между прочимъ на томъ основаніи, что нынѣ единственные народы длиннолового типа на сѣверѣ суть Вогулы и Остяки (мнѣніе Бэра). То обстоятельство, что Мадыяры въ настоящее время уже не длиннолового типа, объясняется тѣмъ, что, по переселеніи въ Паннонію, они сильно стали смѣшиваться съ сосѣдними народами индоевропейскаго типа вследствие недостатка одноплеменныхъ женщинъ, и такимъ образомъ скоро утратили свой первоначальный финскій типъ. См. Европеусъ, Объ угорскомъ народѣ, стр. 16.

³⁾ Его изслѣдованія помѣщены въ журн. финск. литер. общ. «Suomi», Helsingfors, 1863. Статьи въ Ж. М. Пр. 1863, июль и особ. статья объ Угорскомъ народѣ etc., Сиб. 1874.

скому озерамъ ¹⁾). Не считая себя, конечно, компетентными въ этомъ вопросѣ, мы не беремся судить о степени вѣроятности этого разграниченія; но еслибъ оно и оказалось не вполне вѣрнымъ и не точнымъ ²⁾, всетаки фактъ мѣстопребыванія угорскихъ племенъ въ восточной части намѣченного пространства (по р. Печорѣ, Камѣ и средней Волгѣ, гдѣ нынѣ разбросаны поселенія Зарянъ, Пермиковъ, Вотяковъ, Черемисовъ и Мордвы) остается несомнѣннымъ, точно такъ же какъ не подлежитъ сомнѣнiю и то, что поселенія угорскаго народа въ древнѣйшiя времена простирались и на востокъ отъ Уральскаго хребта, въ областяхъ рѣкъ: Оби, нижн. Иртыша и верхняго Урала (Янка), гдѣ нынѣ жьвуть Вогулы, Остяки и нѣкоторые турецко-татарскiя племена. Дальнѣйшiя изслѣдованiя, безъ сомнѣнiя, подвинуть и далѣе вопросъ о первоначальныхъ границахъ обще-угорской территорiи, а въ частности тщательный и разносторонний анализъ мадьярскаго языка, надо надѣяться, будетъ способствовать со временемъ точнѣйшему опредѣленiю собственно той страны, изъ которой вышли Мадьяры.

Уже ближайшее родство мадьярскаго языка съ вогульскимъ и остяцкимъ даетъ право заключать, что Мадьяры составляли когда-то нѣчто цѣльное и нераздѣльное съ этими племенами, а слѣдовательно. жили гдѣ-то въ ихъ сосѣдствѣ ³⁾. Но и помимо этого въ языкѣ Мадьяръ подмѣчены уже нѣкоторые факты, могущiе также служить точками опоры при рѣшенiи вопроса.

¹⁾ Около Онежскаго озера, какъ полагаютъ, были первоначальныя жилища собственныхъ Финновъ, ибо тутъ не встрѣчается никакихъ *до-финскихъ* мѣстныхъ названiй. Европеусъ, Ж. М. П. 1868, июль, стр. 59.

²⁾ Срв. Огородниковъ, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей и ихъ притоковъ по книгѣ Больш. Чертежа, Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд. Этнографiи, т. VII, Спб. 1877, стр. 20.

³⁾ Изъ этого нельзя однако заключать, что Мадьяры жили *непрерывно* только на востокѣ отъ Уральскаго хребта, потому уже, что у нихъ. Вогуловъ и Остяковъ сохранилось преданiе, что они нѣкогда жили на западъ отъ Урала. Вогулы рассказывали одному шведу-путешественнику (Шенстрему), что они жили когда-то на р. Двинѣ и Югѣ, и назывались тогда «Югрою» отъ р. Югъ. См. Müller, Ugr. Volkst., S. 163, 302. Впрочемъ нѣкоторые сомнѣваются въ вѣрности этого преданiя. См. Огородниковъ, тамъ же, стр. 35.

Присутствіе въ немъ въ значительной мѣрѣ турецко-татарскихъ элементовъ, какъ выше упомянуто, должно быть приписано не только позднѣйшему сообществу и сближенію ихъ съ турецкими племенами (Хозарами, потомъ Печенѣгами и Куманами, наконецъ и Турками-Османами), но и стародавнему сосѣдству и общенію съ ними въ прародинѣ, а это могло быть только въ южныхъ предѣлахъ вышеуказанныхъ странъ, гдѣ угорскія племена дѣйствительно соприкасались съ турецкими¹⁾. Есть еще соображеніе, заставляющее искать мадьярскую родину также въ южныхъ частяхъ финно-угорскихъ земель; оно заключается въ томъ, что у Мадьяръ нѣтъ финно-угорскаго слова для обозначенія моря, тогда какъ такое есть, и притомъ общее у всѣхъ другихъ родственныхъ племенъ: Остяковъ, Вогуловъ, Пермьковъ и Вотьяковъ²⁾. Это обстоятельство даетъ намъ право къ заключенію объ отдаленности мадьярскихъ жилищъ отъ сѣвернаго моря, что только и могло быть причиною несуществованія у нихъ собственного слова для этого понятія, и заимствованія его у Турковъ (*tenger-dengiz*)³⁾. Итакъ подобными лингвистическими данными подтверждается предположеніе, что Мадьяры жили гдѣ-то въ южныхъ предѣлахъ пространной сѣверной угорской территоріи, и этимъ оправдываются какъ вышеупомянутыя свидѣтельства средневѣковыхъ путешественниковъ о «Великой Угрии», такъ и нѣкоторые историческіе намеки и указанія⁴⁾.

¹⁾ Срв. *Zeuss, Die Deutschen*, S. 747.

²⁾ Остяковъ море—*z'aras*, у Вогуловъ—*zaris*, у Пермьковъ — *zarič* или *zaridj*, у Вотьяковъ *zariz* или *zaridz*. *Hunfalvy*, S. 174.

³⁾ Это заимствованіе можетъ также считаться однимъ изъ доказательствъ, что Мадьяры и до столкновенія съ Хозарами находились въ общеніи съ турецкими племенами. Живя рядомъ съ Хозарами, они уже находились подъ сильнымъ вліяніемъ окружающихъ ихъ Славянъ (съ которыми торговали) и вѣроятно приняли бы названіе моря у послѣднихъ, а не у Хозаръ. *Hunfalvy, ibid.*

⁴⁾ Здѣсь я имѣю въ виду отрывочныя показанія *мусульманскихъ писателей* (о Маджгарахъ-Баджгардахъ) относительно первоначальныхъ жилищъ Мадьяръ, показанія, которыя въ общемъ сходятся съ полученными выводами. *См. Хвольсонъ, Извѣстія Ибн-Дасты*, стр. 104—111.

Историческія упоминанія о сѣверныхъ жилищахъ угорскаго народа, объ этой сѣверной «Угріи» (или Югріи) восходятъ не далѣе X вѣка. Такъ, изъ этой эпохи имѣется свидѣтельство хозарскаго царя Іосифа (ок. 957—961), который въ своемъ извѣстномъ отвѣтномъ письмѣ (ок. 960 г.) арабскому мшистру, раввину Хасдаю (Khasdaï) Ибнъ-Шапруту говоритъ о землѣ Угріи (или Югріи) (ha-jigra-im), простивающей на сѣверъ отъ его владѣній¹⁾. Нѣсколько позднѣе (XI в.) эта Угрія или «Югра», благодаря торговымъ сношеніямъ съ ней Русскихъ, и въ особенности Новгородомъ, становится все болѣе извѣстною. Очевидно, о той же заволжской и приуральской Угріи идетъ рѣчь въ разсказахъ путешественниковъ и миссіонеровъ XIII вѣка, утверждающихъ, что племена, тамъ живущія, говорятъ языкомъ, понятнымъ для Мадьяра и что тамъ и была первоначальная родина Угровъ²⁾. Наконецъ, уже въ XVI вѣкѣ Герберштейнъ говоритъ о Югрѣ, какъ о странѣ, изъ которой когда-то вышли Мадьяры³⁾. Но есть и еще источникъ, изъ котораго можно бы, повидимому, почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о мадьярской прародинѣ. Мы разумѣемъ средневѣковыхъ мадьярскихъ хронистовъ, начиная съ извѣстнаго Анонима Нотарія кор. Бѣлы. У нихъ можно найти не мало разсказовъ о

¹⁾ См. Cassel, M. Alt., S. 182—219, особ. стр. 215, примѣч. 5. Также у Белѣвскаго, Monum. Hist. Polon. I, 51—83; русскій переводъ письма Хасдая К. А. Коссовича въ «Ист. Сборн.» Валуева, стр. 185—189; у Гаркави «Сказанія еврейскихъ писателей о Хозарахъ», Сиб. 1874, вып. I, стр. 78; 140. Письмо Іосифа въ «Еврейской Библіотекѣ», т. VII. См. статью Гаркави «Русь и русское въ средневѣк. еврейск. литературѣ» въ журн. *Восходъ*, 1880 г. Срв. Hunfalvy, S. 137, 172. У мусульм. писателей Югра упоминается въ Ф. Juga (земля, прилежающ. къ сѣв. морю). См. D'Ohsson, Les peuples de Cascause, Paris, 1828, p. 82—83, 219.

²⁾ Путешествіе мон. Юліана (Ricardus: de inventa Ungaria Magna, Eudlicher, Mon. Arpad., p. 248). Plano-Carpini (1246) («Bascardos, qui sunt antiqui Ungari»), Rubruquis (1252). Плато-Карпини изданъ (съ русск. переводомъ) въ «Собраніи Путешествій къ Татарамъ» Языкова, Сиб. 1825. См. Zeuss, S. 748; Fessler-Klein, S. 44—45.

³⁾ «Rutheni pro aspirationem Iuhra proferunt (им. Jagra) et populos Iuhrici vocant. Haec est Iuharia, ex qua olim Hungari progressi Pannoniam occuparunt... Ajunt Jugaros in hunc diem eodem cum Hungaris idiomate uti, quod an verum sit, nescio». Rerum Moscovit. Comment., p. 69.

томъ, откуда и какъ пришли Мадыры въ Паннонію. Однако мы не прибѣгаемъ къ нимъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, они не имѣютъ цѣны историческихъ источниковъ, хоть сколько-нибудь заслуживающихъ довѣрія... Невозможность пользоваться Анонимомъ, какъ такимъ источникомъ, теперь, послѣ критическихъ работъ Рёслера¹⁾ и въ особенности Марцали²⁾, окончательно дознана, о чемъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Въ отношеніи къ исторической достовѣрности не далеки отъ Анонима и прочіе средне-вѣковые мадырскіе хронисты (Симонъ Кеца, Турочъ и пр.). Отсутствіе дѣйствительной исторической основы, вымыселъ и фантастическая поддѣлка исторіи по шаблону нѣкоторыхъ излюбленныхъ средне-вѣковыхъ сказаній классическаго содержанія, часто съ буквальными заимствованіями изъ нихъ, — все это обнаружено блестящимъ образомъ въ повѣствованіяхъ этихъ авторовъ (по крайней мѣрѣ пока Анонима) о пути Мадыръ изъ первоначальныхъ жилищъ на средній Дунай, завоеваніи новой родины и борьбѣ съ сосѣдними народами и государствами. Безъ сомнѣнія, такой же фантазіи и такимъ же источникамъ, главнымъ образомъ обязано, своимъ происхожденіемъ и то, что они рассказываютъ о прародищѣ Мадыръ, которую послѣдніе должны были оставить будто-бы «вълѣдствіе недостатка земли». Однако въ этомъ случаѣ намъ кажется возможнымъ предположить еще и другой элементъ. Какъ напр. объяснить относящіяся къ этой прародищѣ названія «Dentumoger» или Dentia и Mogeria³⁾, рѣка Togata, земля Jorgia и

¹⁾ Сначала въ статьѣ: «Zur Kritik älterer Ungarisch. Geschichte», v. Roessler. Programm des Kais. K. Ober-Gymnasium zu Troppau, 1860. Потомъ въ *Romanische Studien*, т. IV: Die Anfänge d. Ungarn und Anonyme Notar, S. 149 — 230. (1871).

²⁾ H. Marczali, Ueber die Gesta Hungarorum des Anonymus Belae regis notarii, въ «Forschungen zur Deutsch. Gesch.» XVII Bd., Göttingen, 1877, S. 623 — 632.

³⁾ ГуиФальми (Ethn., S. 192) не считаетъ возможнымъ читать въ Dentumoger — Domb-magyar и видѣть тутъ домскія Мадыры (какъ Mailath, Gesch. d. M., S. 3). По мнѣнію Куника это имя требуетъ еще подробнаго анализа. Онъ приводитъ отъ себя, ради сходства звуковъ, названіе горы въ Воронеж. губ. «Дентумъ», о которой въ XVII в. упоминаетъ Книга Больш. Чертежу, см. «Извѣстія Ал.-Букри», г. Куника и Розена, стр. 109.

проч.? Слѣдовъ ихъ заимствованія изъ какихъ-нибудь средневѣковыхъ источниковъ, или поводовъ для ихъ сочиненія мы пока, по крайней мѣрѣ, не находимъ. А между тѣмъ сближеніе р. «Togata» съ названіемъ р. Иртыша у Остяковъ «Tangat», земли «Jorgia» съ нашею Югрою (*Hunfalvy*, Ethn. v. Ung. S. 192) едва-ли можетъ быть названо произвольнымъ. Но какъ могли эти дѣйствительныя мѣстныя имена, принадлежащія мадьярской прародинѣ, дойти до слуха мадьярскихъ историковъ? О сохраненіи ихъ народнымъ преданіемъ у Мадьяръ не можетъ быть рѣчи. Надо искать другого пути. Вспомнимъ, что въ XIII в. и позже, когда жили и писали эти историки, вопросъ о мадьярской прародинѣ занималъ уже многихъ пытливыхъ Мадьяръ, и уже съ первой половины XIII вѣка, какъ мы видѣли, начался путешествія съ цѣлью отысканія ея. Доминиканскій монахъ Юліанъ былъ за Волгой въ первой половинѣ XIII вѣка. Довольно правдоподобно, что именно этимъ или подобнымъ путемъ доходили до мадьярскихъ писателей свѣдѣнія о заволжскихъ странахъ, какъ первоначальной родинѣ Угровъ, свѣдѣнія, которыя они и впитали въ свои большую частью баснословные и вымышленные рассказы. Эту же мысль о возможности знакомства мадьярскихъ хронистовъ съ странами востока черезъ путешественниковъ XIII вѣка мы нашли также высказанною у Томашека ¹⁾. Послѣ частыхъ путешествій на востокъ миссіонеровъ («*fratres praedicatores*») въ земли Хозарь, Аланъ, Татаръ и въ «Великую Угрію» — понятно, по мнѣнію Томашека, что свѣдѣнія о приволжскихъ странахъ стали общераспространенными; Анонимъ могъ поэтому сказать: *homines qui Scythiam habitant Dentu-moger dicuntur usque in hodiernum diem*. Кеза имѣлъ вообще порядочныя свѣдѣнія о востокѣ. Итакъ, если у средневѣковыхъ мадьярскихъ писателей мы находимъ известное представленіе о заволжской родинѣ Мадьяръ, то это конечно не болѣе, какъ отголосокъ со-

¹⁾ Tomášek, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn. XXIII B., S. 152 — 153. (Рец. на соч. Рёслера).

временныхъ пять мѣстъ и предположеній, явившихся результатомъ наблюдений и открытій первыхъ мадьярскихъ путешественниковъ на дальнемъ востокѣ Европы.

Къ сожалѣнію, болѣе точное опредѣленіе мѣстоположенія первоначальныхъ жилищъ Угровъ пока не возможно ¹⁾. Не увлекаясь бесплодными догадками, надо довольствоваться тѣмъ, что есть возможность хоть приблизительно намѣтить эти древнія жилища Мадьяръ въ юго-восточныхъ частяхъ древней финно-угорской территоріи, идь-нибудь въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Пермской, Вятской, а можетъ быть и Тобольской (южной части).

Вопросъ о культурномъ состояніи и образѣ жизни Мадьяръ въ ихъ прародинѣ нѣсколько освѣщается также данными языка, за неимѣніемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. По всему видно, что охота и рыболовство были ихъ почти исключительными занятіями и средствомъ жизни, что конечно обуславливалось самою природою лѣсныхъ и вообще дикихъ мѣстностей, какими въ старину были сѣверныя и среднія полосы Россіи. Извѣстно, что и въ новую свою родину Угры явились по преимуществу охотниками и рыболовами.

Вообще надо замѣтить, что всему финно-угорскому племени и въ старину и до нынѣшняго времени — всегда былъ всего болѣе свойственъ именно этотъ образъ жизни ²⁾; орудія

¹⁾ Нельзя не считать совершенно произвольнымъ мнѣіе г. Европеуса, безъ колебанія выводящаго Мадьяръ, на основаніи сказочнаго описанія пути ихъ у Анонима, съ береговъ Сѣверной Двины или лучше сказать изъ окрестностей Юга рѣки. (О народѣ среди и сѣв. Россіи. Ж. М. Пр. 1863, стр. 68—69). Въ томъ обстоятельствѣ, что въ этой мѣстности встрѣчается необыкновенное множество мѣстныхъ названій чисто угорскаго происхожденія, онъ видитъ подтвержденіе того сказанія (у Анонима), что Мадьяры рѣшились покинуть родину по причинѣ чрезмернаго размноженія населенія. Очевидно однако, что заключеніе г. Европеуса построено на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Срв. Огородниковъ, тамъ-же, стр. 20, 21.

²⁾ Главное занятіе ими. Вогузовъ — обитателей страны, прилегающей къ горамъ Урала, — зѣриная ловля; напротивъ Остяки, жители долины р. Оби, по преимуществу рыболовы. Müller, D. Ugrische Volkstamm, I B. Berlin, 1897,

охоты и рыбной ловли носят у него общія финно-угорскія названія¹⁾. Въ исторіи языка Мадьяръ, какъ и въ ихъ историческихъ судьбахъ, разпичаются обыкновенно три главные періода: 1) *генетическій* (образование мадьярской народной индивидуальности) 2) періодъ *турецкаго* вліянія и 3) періодъ *славянскаго* вліянія. Въ генетическомъ періодѣ можно также отмѣтить двѣ эпохи: общую финно-угорскую и собственно-угорскую. Пребываніе Мадьяръ въ сѣверной родинѣ соотвѣтствуетъ первому періоду (т. е. генетическому) и большей части второго (т. е. турецкаго). *Турецкому* вліянію и въ языкѣ и въ жизни Мадьяры подверглись, повидному, очень рано; турецко-татарскіе элементы въ мадьярской языкѣ не только бросаютъ нѣкоторый свѣтъ (какъ было выше замѣчено) на мѣстоположеніе мадьярской прародины, но и освѣщаютъ нѣкоторыя стороны ихъ первоначальнаго быта; по крайней мѣрѣ на основаніи словъ, заимствованныхъ у племенъ турецкаго происхожденія, можно судить о томъ, съ какими предметами и понятіями Мадьяры не были знакомы до своихъ сношеній съ этими племенами²⁾. Такимъ образомъ позволительно думать, что знаніе *скотоводства* и даже первыя понятія о *земледѣліи* Мадьяры заимствовали у Турко-татаръ³⁾. Черезъ нихъ же они впер-

8. 164, 300. Мордва еще во времена Герберштейна славилась своею мѣткою стрѣльбою изъ лука. Срв. Ламанскій. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра. Спб. 1871, стр. 312. Здѣсь (стр. 311—314) читатель найдетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о финно-угорскихъ племенахъ въ средн. и сѣверн. Россіи въ древнія времена, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о русскихъ поселеніяхъ между ними и т. д.

¹⁾ Вообще основной лексикальный составъ мадьярскаго языка, т. е. слова собственно *уиро-финскіе* соотвѣтствуютъ лишь самымъ обыденнымъ понятіямъ народа *кочевого*, и притомъ кочевавшаго на сѣверѣ (эти главныя понятія суть: ледъ и огонь; вода озеръ и рѣкъ; ночь, вечеръ, зима; рыба, жиръ, мозгъ, кровь, кора, листья, лукъ, стрѣла, ножъ и пр.) срв. Saunio, *ibid.*, p. 44—46.

²⁾ Аналогическія заключенія могутъ быть выводимы конечно и на основаніи *славянскихъ* элементовъ въ мадьярскомъ языкѣ.

³⁾ Впослѣдствіи и въ томъ, и въ другомъ ихъ учителями были по преимуществу *Славяне*, какъ доказываетъ множество словъ славянскаго корня, относящихся и къ скотоводству и къ земледѣлію. Большую часть домашнихъ животныхъ Финны (а съ ними и Мадьяры) узнали отъ сосѣднихъ арійскихъ народовъ. Такъ напр. названія животныхъ овечьей породы у Мадьяръ — *славянскаго*

вые познакомились со многими (по преимуществу южными) плодами и виномъ, съ разными хозяйственными орудіями и домашнею утварью, наконецъ у Турковъ же они взяли слова для выраженія нѣкоторыхъ нравственныхъ представленій и отношеній¹⁾. Что же касается того, были ли Мадьяры уже у себя дома *наездниками*²⁾ или сдѣлались ими только подъ вліяніемъ кочевыхъ турецкихъ племенъ, какъ думаетъ г. Кунпкъ³⁾, то по нашему убѣжденію рѣшительно не можетъ быть сомнѣнія въ послѣднемъ: это должно быть ясно для каждаго, кто знакомъ съ племеннымъ типомъ финно-угорскихъ народовъ, съ ихъ характеромъ, условіями жизни и бытомъ.

Относительно собственно *турецкихъ* элементовъ въ мадыарскомъ языкѣ любопытно было бы точнѣе опредѣлить источникъ ихъ заимствованья, рѣшить, какому или какимъ племеню изъ турецкихъ племенъ они принадлежатъ. Мусульманскіе писатели называютъ Мадьяръ большою частью Башкирами. Путешественники XIII в. говорятъ о странѣ Башкиріи (Pascatir, Bascardia), гдѣ-то на сѣверовостокъ отъ волжскихъ Болгаръ (при слияніи рѣкъ Волги и Камы), странѣ, жители которой говорятъ на языкѣ поразительно сходномъ съ мадыарскимъ. А между тѣмъ нынѣшніе Башкиры— часто турецко-татарское племя, и мнѣніе нѣкоторыхъ, что Башкиры могли быть первоначально финно-угорскимъ племенемъ и лишь впоследствии отуречились, должно быть рѣшительно отвергнуто⁴⁾. Какъ же согласить эти противорѣчивые факты? Ка-

происхожденія, что доказываетъ, что они не знали *осцеводства*, пока не познакомились со Слаланами, (jub, ягненокъ; коз, баранъ, bárány, барашекъ). См. ст. «О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ языка» Л. М. Майкова (разборъ известнаго сочин. Альквиста), Ж. М. Н. Пр., 1877, июнь, стр. 275.

¹⁾ Hunfalvy, *ibid.* 174—178.

²⁾ Мнѣніе г. Гуиоальви, тамъ же.

³⁾ «Hunf. et in. Alz-Bekri и т. д.», стр. 123.

⁴⁾ См. Cassel. M. Alt., S. 153, 154, 153. Fessler-Klein полагаютъ, что Башкиры происходятъ отъ незначительныхъ остатковъ Мадьяръ, слившихся съ поселившимися среди нихъ Турками и принявшихъ ихъ языкъ, стр. 42. Срв. Kasztén (Ethnolog. Vorles., 1857, S. 131), который также полагаетъ возможнымъ

жется, противорѣчіе можетъ быть всего лучше устранено предположеніемъ ближайшаго сосѣдства и тѣсныхъ связей Мадьяръ въ ихъ прародниѣ между прочимъ съ турецкимъ племенемъ Башкиръ, подавшихъ поводъ съ одной стороны мусульманскимъ писателямъ называть ихъ общимъ именемъ Башкиръ, принадлежавшимъ собственно только Туркамъ, вмѣсто имени «Мадьяръ», встрѣчающагося у нихъ изрѣдка въ Ф. Моджгаръ ¹⁾,—съ другой стороны — средневѣковыми путешественникамъ также смѣшивать эти названія и часто приписывать одному племени черты другого ²⁾.

Но кромѣ Башкиръ не были ли Мадьяры въ своихъ сѣверныхъ жилищахъ въ общеніи еще съ какимъ-нибудь турецкимъ племенемъ? На это отвѣчаетъ анализъ мадьярскаго языка, въ которомъ оказывается много словъ, общихъ съ языкомъ нынѣшнихъ *Чуваши* ³⁾ — турецко-татарскаго племени, обратившаго на себя въ послѣднее время особенное вниманіе науки. Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ ⁴⁾ пришелъ къ убѣжденію, что въ Чувашихъ слѣдуетъ видѣть «если не остатки такъ называемыхъ Бѣлыхъ (Камскихъ) Болгаръ, то все-же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства на среднемъ Поволжьѣ». Такимъ образомъ есть основаніе предположить, что рядомъ съ Башкирами ближайшими

считать Башкиръ потомками Угровъ.—Представленіе объ этническомъ превращеніи Башкиръ изъ финскаго въ турецко-татарское племя могло возникнуть именно благодаря тому отчасти, что территорія, занятая Башкирами, нѣкогда была также занята финскимъ народомъ (средневѣковая *Magna Ungaria*), предѣлы распространенія котораго заходили тогда несравненно далѣе на югъ. См. Hunfalvy, въ *Liter. Ber. aus Ung.* I B., 1 H., S. 84.

¹⁾ Если же отождествлять, какъ мы выше видѣли, имена Мадьяръ и Башкиръ (Хвольсонъ и др.), то пришлось-бы согласиться съ мнѣніемъ, что имя Мадьяръ принадлежитъ турецкому языку.

²⁾ О возможности такого смѣшенія говоритъ также Цей съ, *Die Deutsch.* S. 748. Срв. Бестужевъ Рюминъ, *Русск. Истр.* I, 1872, стр. 69.

³⁾ Hunfalvy, *ibid.*, S. 174—5.

⁴⁾ А. А. Куникъ — въ вышеуказанномъ изслѣдованіи «Извѣстія Аль-Бекри»: Разысканіе I: «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашиями», стр. 118—161. (Приложеніе къ XXXII т. Зап. И. Акад. Наукъ).

турецкими сосѣдями Мадьяръ въ приуральскихъ краяхъ, оказавшими на нихъ сильное вліяніе, были предки нынѣшнихъ Чувашей, вѣроятно отрасль Болгарь Камскихъ и Волжскихъ. Это заключеніе воиолнѣ согласуется съ вышеприведеннымъ приблизительнымъ опредѣленіемъ мѣстоположенія мадьярской прародины.

3. Выселеніе Угровъ и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи.

Чтобы попасть изъ приуральскихъ сѣверныхъ странъ, съ береговъ Камы и Волги, на нижній Дунай, Угры должны были пройти черезъ среднюю и южную полосы Россіи, по обширнымъ равнинамъ Великой Россіи и Малороссіи, по направленію съ сѣверо-востока на югозападъ. Какимъ именно путемъ они слѣдовали, гдѣ останавливались на болѣе продолжительный срокъ, сколько времени положили на это странствованіе, наконецъ какими событіями, встрѣчами, столкновеніями и вліяніями сопровождалось это движеніе, — все это вопросы величайшаго интереса и значенія. Нельзя не сожалѣть поэтому, что историческія извѣстія не даютъ достаточно твердой опоры для ихъ полнаго рѣшенія и могутъ привести лишь къ самымъ общимъ, довольно неяснымъ и неточнымъ представленіямъ объ этомъ угорскомъ переселеніи. А между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ свидѣтельства исторіи составляютъ почти единственный нашъ источникъ. Данныя лингвистическія и археологическія, значительно освѣтившія вопросъ о мадьярской прародинѣ, могутъ оказать здѣсь сравнительно небольшую помощь, такъ какъ пребываніе Угровъ въ южной Россіи, на пути отъ Волги до Дуная, не было особенно продолжительно¹⁾, а потому слѣды ихъ жизни тутъ (если таковыя и остались послѣ ихъ ухода, въ незначительномъ коли-

¹⁾ Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе шести, семи десятковъ лѣтъ.

чествѣ) давно могли быть стёрты послѣдующими вѣками и народами, послѣ нихъ занимавшими и окончательно населившими эти страны. Главные писатели, если не современные, то по крайней мѣрѣ ближайшіе къ событіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и сообщающіе то немногое, что мы знаемъ о движеніи Угровъ и пребываніи ихъ въ южнорусскихъ степяхъ, суть: пзъ византійцевъ—Константинь Багрянородный (X в.), а изъ арабскихъ писателей—Ибнъ-Даста (нач. X в.), и къ нимъ еще примыкаетъ нашъ лѣтописецъ Несторъ (XI в.), котораго немногія строки объ Уграхъ имѣютъ для насъ всетаки первостепенное значеніе. Правда, о пути Мадьяръ изъ прародины, какъ пзвѣстпо, рассказываютъ еще національные мадьярскіе писатели, и прежде всего Анонимъ, но его баснословные рассказы, которымъ теперь уже отведено безпристрастной критикой подобающее пмъ мѣсто тенденціозной и фантастической поддѣлки исторіи, не только не могутъ быть поставлены рядомъ съ названными источниками, но должны быть вообще навсегда совершенно исключены пзъ категоріи заслуживающихъ серьезнаго вниманія извѣстій по древней исторіи Мадьяръ, оставался лишь при своемъ значеніи любопытныхъ и характерныхъ литературныхъ памятниковъ своего времени ¹⁾. Зато заслуживаютъ внимательнаго раз-

¹⁾ Такой взглядъ на Анонима былъ впервые определенно высказанъ Шлѣцеромъ («Несторъ», пер. Языкова, ч. II, стр. 360—363 и слѣд.), и съ тѣхъ поръ находилъ себѣ усердныхъ приверженцевъ въ такихъ ученыхъ, какъ Бюддигеръ, Рёслеръ, Дюллеръ (*De Arnulfo, Fr. rege., Berol. 1852*), Гунфальви (*Ethnogr. v. Ung.*) и др. Послѣ Рёслера, которому первому принадлежитъ особенная заслуга спеціальнаго, тщательнаго разбора Анонима и совершенное устраненіе его, какъ историческаго источника (*Zur Kritik älterer ungarischer Geschichte, Programm d. Kaiser. K. Ober-Gymn. zu Troppau, 1860; Román. Studien, Leipz. 1871, S. 192—230*), окончательный, можно сказать, смертельный ударъ послѣднему нанесъ г. Марцали (Marcsali) въ своемъ блистательномъ разборѣ Анонима «Ueber die Gesta Hungarorum des Anonymus B. r. Not., помещенномъ въ *Forschungen zur deutsch. Gesch., B. 17, Götting. 1877, S. 622—639*. Марцали удалось добраться до настоящихъ источниковъ Анонима и такимъ образомъ разоблачить его въ полномъ смыслѣ слова. Если вопросъ объ этихъ источникахъ и не исчерпанъ еще окончательно, то всетаки главное уже найдено, и Анонимъ навѣки потерялъ свое значеніе и цѣну для историка. Кромѣ опредѣленія главныхъ со-

смотрѣнія отдѣльныя и случайныя извѣстія о томъ же предметѣ у нѣкоторыхъ восточныхъ (мусульманскихъ) и западныхъ писателей, современныхъ Константину Багрянородному и Нестору.

Всѣ названныя извѣстія, не считая мадьярскихъ хроникъ, отрывочны, часто неопредѣленны, иногда сбивчивы и заключаютъ въ себѣ не мало противорѣчій. Какъ всегда бываетъ, такого рода свидѣтельства представляютъ изслѣдователямъ широкое поле для догадокъ и часто произвольныхъ выводовъ, и въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи привести къ прочнымъ резуль-

ствами элементомъ хроники Анонима, Марцали съ помощью весьма остроумныхъ и основательныхъ соображеній установилъ съ возможною точностью время ея составленія и наконецъ сдѣлалъ новую, повидимому, также наиболее удачную догадку объ ея авторѣ. Такимъ образомъ изслѣдованіе Марцали есть послѣдній выводъ исторической критики о пресловутомъ Нотаріи и его произведеніи. Анонимъ оказывается тенденціознымъ поддѣльщикомъ исторіи, которую строитъ между прочимъ на этимологическихъ толкованіяхъ мѣстныхъ названій; безсовѣстнымъ компиляторомъ изъ книжекъ, неимѣющихъ никакой исторической цѣны и никакого отношенія къ его предмету, наконецъ безграничнымъ фантазеромъ. Въ этомъ отношеніи приговоръ о немъ Марцали кажется намъ даже слишкомъ мягкимъ и снисходительнымъ. Онъ полагаетъ (стр. 636), что Анонима не вѣрно называютъ *поддѣльщикомъ*, сочиняющимъ исторіи ради своихъ тенденцій. «Его живая фантазія, говоритъ нашъ критикъ, схватываетъ содержаніе его познаній и переноситъ это содержаніе въ область прошедшаго, подобно тому, какъ живописцы его времени изображаютъ Бога въ епископской одеждѣ, и какъ каждая нація одѣвала святыхъ по своей временной модѣ.....» Въ такомъ заключеніи проглядываетъ явное снисхожденіе къ Анониму, котораго онъ едва ли заслуживаетъ. Онъ во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду написать исторію, и притомъ основанную «не на живыхъ басняхъ поселанъ, или на болтливыхъ пѣсняхъ народныхъ музыкантовъ, но на опредѣленномъ истолкованіи письменныхъ памятниковъ», какъ самъ выражается въ прологѣ,—а потому его пріемы и выборъ источниковъ ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Къ тому же извѣстную тенденцію признаетъ у него и самъ Марцали. Она, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что только потомки Альма должны властвовать надъ Уграми, и объясняется положеніемъ дѣлъ по вопросу о престолонаслѣдіи въ Уграмъ послѣ Владислава IV, въ концѣ XIII в., когда Карлъ Анжуйскій явился претендентомъ на престолъ. Анонимъ принадлежалъ къ національной партіи, выставившей своимъ кандидатомъ единственнаго мужескаго потомка Арпада, Андрея, и можетъ быть считать нужнымъ на почвѣ исторіи вступить за права дома Арпада. Въ этомъ-де и заключается его главная тенденція. Какъ-бы то ни было, тенденціозность Анонима неоспорима, и въ этомъ отношеніи такъ и бѣтъ въ глаза его чрезмѣрное національное пристрастіе, подъ вліяніемъ котораго онъ

татамъ; ибо распутать, согласить и удовлетворительно разъяснить подобныя показанія является дѣломъ въ высшей степени труднымъ, а иногда просто невозможнымъ.

Сравнительно болѣе полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о мадьярскомъ движеніи сообщаетъ имп. *Константинъ Богрянородный* (пис. 948 - 953 гг.). Этотъ прилежный писатель пользовался вообще довольно надёжными и достовѣрными источниками, особенно по вопросамъ, близко касавшимся византійскихъ дѣлъ и отношеній, но конечно ожидать отъ него пріемовъ осторожной

до крайности раздуваетъ и ставитъ на ходули дѣйствительныя и мнимыя дѣла и подвиги Угровъ и ихъ историческихъ дѣятелей, приписывая послѣднимъ необыкновенную доблесть, мужество и героизмъ и окружая ихъ ореоломъ недостижимой славы и величія. Самые главные выводы Марцали объ источникахъ Анонима сподятся къ слѣдующему. Изъ латинскихъ писателей можно доказать пользованіе Юстиномъ, и притомъ непосредственно, а не только черезъ Регинана, изъ котораго Анонимъ черпалъ кромѣ того. Есть слѣды заимствования изъ «Polyhistor»'а Солина. Вліяніе Исидора въ страсти къ этимологизированью и къ построенію исторій на этой основѣ замѣтно на каждомъ шагу. По однимъ изъ главныхъ источниковъ Анонима было столь распространённое въ средніе вѣка сказаніе объ *Александрѣ Великомъ* «Alexandri Magni liber de preliis», переведенное съ греческаго Псевдокалисоена итальянскимъ попомъ Львомъ въ пол. X в. Весь плакъ повѣствованія напоминаетъ скорѣе это сказаніе, чѣмъ книгу Исуса Навина, какъ думалъ Рёслеръ. Это подтверждается массой сходныхъ мѣстъ и почти буквальныхъ повтореній и заимствованій. Слѣды занятій автора *Троиской сагой* (о чемъ онъ говоритъ въ Прологѣ) также не остались безъ вліянія на его компіляцію, хотя и не въ той степени, какъ Александрида. Независимо отъ Дареса Оригіуса, можно прослѣдить заимствование Анонима у Guido de Colonna, хотя объ отождествленіи его съ этимъ лицомъ (какъ хотѣли Белѣвскій и Пилать) не можетъ быть рѣчи. Таковы разнообразныя источники мадьярскаго хрониста. Однако это еще не все. Самый любопытный и неожиданный результатъ изслѣдованія Марцали — есть отысканіе еще одной основы у Анонима, и притомъ исторической, но къ сожалѣнію не настоящей... Эта основа — *каместіе Молюловъ на Угрію* въ XIII в., живыми свѣдѣніями о которомъ и воспользовался мадьярскій историкъ для изображенія переселенія Мадьяръ въ Угрію. Большинство подробностей этого переселенія прямо перенесено съ Татаръ на Угровъ. Достаточно упомянуть здѣсь путь Угровъ по Россіи, города Суздаль и Кіевъ, битву съ русскими князьями и Половцами—Куманами подъ Кіевомъ, побѣдоносное шествіе черезъ Галицію, переходъ черезъ сѣверо-восточныя Карпаты и т. д. Этотъ источникъ даетъ лучшую точку опоры и для рѣшенія вопроса о времени составленія хроникъ. Какъ это обстоятельство такъ и вообще содержаніе всего произведенія не оставляютъ сомнѣній и тѣмъ

исторической критики—невозможно: онъ сообщаетъ слышанные или найденные имъ въ источникахъ факты безъ надлежащей проверки и строгой системы, часто повторяясь и путаясь, и такимъ образомъ задаетъ своимъ читателямъ не легкую работу тщательнаго критическаго анализа, распутыванья и приведенія въ порядокъ своихъ сбивчивыхъ разсказовъ. Мы не знаемъ въ точности, откуда собственно черпалъ Константинъ свои извѣстія о пребываніи Мадьяръ въ южной Россіи, но происхождение ихъ очевидно современно тѣмъ событіямъ, коихъ они касаются. Надо

сомнѣнія, что оно относится къ концу XIII в. Марцали приводитъ кромѣ того рядъ основательныхъ соображеній по этому вопросу. Обнаруженіе вышеупомянутой тенденціи автора, т. е. желанія защитить права Арпадова потомства, даетъ ему точку опоры для возможно точнаго установленія времени написанія труда Нотарія, именно промежутку времени между 1278 и 1282 г. Въ 1278 г. Карлъ Анжуйскій принимаетъ титулъ короля Угорскаго, и противъ его партіи сильно вооружается народная партія. Послѣ 1282 г. сочиненіе Анонима не могло быть написано потому, что въ этомъ году произошло возстаніе Кумановъ и разрывъ между ними и народомъ, а Нотарій относится къ нимъ очень сочувственно, такъ какъ они были опорой національной партіи до своего возстанія. — Отражающееся у Анонима политическое и внутреннее состояніе Угрии также какъ нельзя болѣе подходитъ къ означенной эпохѣ — послѣдней четверти XIII в. Что касается личности Анонима, то Марцали останавливается на нѣкомъ магистрѣ Роуз, котораго Бѣла IV (1235—1270) называетъ «aulae nostrae notarius», и имя котораго встрѣчается въ трехъ грамотахъ (1266, 1267, 1275). Онъ пережилъ Бѣлу IV, и потому могъ его называть «quondam gloriosissimus rex». Его нерѣдко употребляли посломъ отъ короля, и этому онъ вѣроятно обязанъ своимъ значительными литературными и географическими познаніями. Такъ какъ въ «Прологѣ» хроники авторъ ее означенъ буквой *P. dictus Magister* etc. и время его дѣятельности совпадаетъ съ принятымъ временемъ написанія труда, то гипотеза Марцали представляется очень вѣроятною. — Впрочемъ противъ Марцали и его опредѣленія времени жизни Анонима возсталъ недавно другой мадьярскій ученый Florian Mátyás, отстаивающій мнѣніе, что хроника эта написана въ концѣ XII или нач. XIII в. и что авторъ ее былъ Нотаріемъ короля Бѣлы III (1173—1196). Онъ основывается между прочимъ на вѣднѣйшей характеристикѣ Анонимомъ Кумановъ (бръющихъ голову), не подходящей будто-бы къ концу XIII в., на невозможности допустить, чтобы Анонимъ былъ современникомъ Св. Кезы (послѣ 1282), въ виду разности ихъ хроникъ въ исходныхъ точкахъ и проч., наконецъ на нѣкоторыхъ чертахъ рукописи, будто-бы не соответствующихъ эпохѣ. См. «Literarische Berichte aus Ungarn», В. III, Н. 2, Budapest, 1879; Sitzungsber., S. 331. Однакожь нѣ доводы противника Марцали кажутся намъ мало убѣдительными въ сравненіи съ его вѣскими доказательствами.

слѣдовательно предположить у вѣнцедоснаго историка какой-нибудь письменный источникъ. Никакихъ современныхъ той эпохѣ византійскихъ писателей, писавшихъ о Мадьярахъ, мы не знаемъ; но что въ Византіи IX вѣка хорошо знали о появленіи и движеніяхъ Мадьяръ на сѣверѣ отъ Понта и о ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ византійцы могли почерпнуть главнымъ образомъ путемъ довольно оживленныхъ сношеній съ Хозарами, съ которыми Византія находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ, а Хозары въ свою очередь были въ тѣсныхъ связяхъ съ Мадьярами во время кочевокъ сплхъ послѣднихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Византійскіе послы, возвращавшіеся изъ Хозаріи, сообщали императорскому правительству конечно все, что узнавали и на что наталкивались во время своего пути и пребыванія у варваровъ. Впрочемъ свидѣтельства Константина о Мадьярахъ обличаютъ также и *славянскій* источникъ его свѣдѣній, и дѣйствительно быть безъ сомнѣнія и подобный источникъ. Вспомнимъ только, что Мадьяры сбывали своихъ славянскихъ (русскихъ) плѣнныхъ Грекамъ: конечно, изъ устъ этихъ плѣнниковъ могли доходить рассказы о Мадьярахъ до византійскаго правительства и до императора. Всѣ эти свѣдѣнія были безъ сомнѣнія тщательно записываемы, вѣроятно оффиціальнымъ образомъ (изъ политическихъ видовъ), и хранились въ византійскомъ архивѣ, гдѣ ими въ свое время и могъ пользоваться императоръ Константинъ Багрянородный.

Что касается *нашего мѣстисца*, упоминающаго въ самыхъ краткихъ словахъ о движеніи Угровъ мимо Кіева, то его показаніе несомнѣнно имѣетъ для насъ важное значеніе, тѣмъ болѣе, что, повидному, нѣсколько отзывается мѣстнымъ преданіемъ. Заслуживаетъ ли однако безусловнаго довѣрія рѣшительно все, что сообщаетъ Несторъ, и особенно срокъ, къ которому онъ приурочиваетъ это событіе, — другой вопросъ, который будетъ разобранъ нами въ своемъ мѣстѣ. Много попытокъ сдѣлано было учеными, чтобы добиться яснаго пониманія всѣхъ сохранившихся

свидѣтельствъ, но до сихъ поръ, надо признаться, результаты далеко не соотвѣтствуютъ массѣ потраченнаго труда ¹⁾). Относительно главныхъ вопросовъ пришли, правда, къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ и заключеніямъ, которыя уже приобрѣли почти общее признаніе, но несмотря на то, положеніе дѣла не можетъ удовлетворить пытливаго изслѣдователя. Существующія извѣстія и данныя даютъ поводъ ко многимъ весьма, повидимому, правдоподобнымъ догадкамъ и предположеніямъ, но подтвердить или опровергнуть ихъ могли бы только какіе-нибудь вновь найденные источники. Во всякомъ случаѣ всякая новая провѣрка добытыхъ результатовъ не бесполезна и можетъ не пропасть безслѣдно для дальнѣйшихъ изысканій.

Никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о времени выступленія Мадырь изъ ихъ первоначальной сѣверной родины не имѣется ²⁾, а потому приходится довольствоваться приблизительнымъ заключеніемъ изъ извѣстныхъ намъ фактовъ и данныхъ. Многія соображенія, основанныя, какъ увидимъ, на общей связи и послѣдовательности событій (какими они являются въ нашихъ источникахъ), побуждаютъ насъ отнести выходъ Мадырь изъ прародины не позже (да кажется и не ранѣе), какъ къ началу IX вѣка.

Причины этого событія безъ сомнѣнія были сходны съ тѣми, что въ разное время побуждали и другія восточныя племена и орды оставлять свои азійскія кочевья и переселяться на западъ, въ сосѣдство культурныхъ народовъ Европы, подобно магипту

¹⁾ Надъ разъясненіемъ извѣстій Константина Багрянороднаго особенно потрудился Кассель (Magyarische Alterthümer), но и его попытка должна быть признана вообще мало удачною.

²⁾ Анонимъ-Нотарій кор. Бѣлы рассказываетъ, будто «семь мадырскихъ вождей (Hetmogor) выступили изъ земли скиѣской въ 884 году, какъ показано въ анналахъ» (Anon. Gesta Hungar. Monum. Agrad. Endlicher, p. 6); добиться, откуда онъ почерпнулъ это хронологическое указаніе, нѣтъ возможности, да и нѣтъ впрочемъ особенной надобности, ибо, зная цѣну этому писателю, мы рѣшительно не можемъ серьезно относиться къ его свидѣтельствамъ, — еслибъ даже нѣкоторые изъ нихъ и казались правдоподобными....

всегда притягивавшихъ къ себѣ все новыя и новыя массы восточныхъ варваровъ. Въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ привлекательнымъ богатствамъ запада и юга одна какая-нибудь азіатская орда ставила на ноги множество другихъ кочевыхъ ордъ и племенъ, производила всеобщее движеніе и волненіе, и послѣдовательно двигалась впередъ, увлекая за собою волю или неволю полчища сосѣднихъ и на пути встрѣчавшихся племенъ, такимъ образомъ все возрастая въ своемъ количествѣ, разнообразясь въ своемъ составѣ. Такими разноплеменными массами были въ періодъ великаго переселенія орда страшныхъ Гунновъ, а за ними не менѣе страшные для запада Авары. Конечно, первый толчокъ ко всѣмъ подобнымъ движеніямъ исходилъ постоянно изъ среды предприимчивой и подвижной турецко-татарской расы, а уже эти воинственные кочевники частью подстрекали къ соединенію съ собой, частью силою увлекали болѣе пасивныя и менѣе подвижныя элементы финской расы. Впрочемъ въ тѣсномъ сообществѣ и затѣмъ кровномъ смѣшеніи съ Турками, подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ, и эти финскіе элементы усвоивали себѣ довольно быстро черты турецкаго характера, а иногда даже мало по малу совершенно перерождались.

Есть полное основаніе предполагать, что въ полчищахъ Гунновъ и Аваровъ, особенно въ первыхъ, финскій элементъ игралъ не послѣднюю роль, но слѣдовъ этого явленія въ свидѣтельствахъ западныхъ лѣтописцевъ мы не можемъ искать уже потому, что въ эпоху столкновенія этихъ ордъ съ культурными народами западной и южной Европы финскій элементъ долженъ былъ уже настолько слиться съ преобладавшимъ турецко-татарскимъ, не только во внѣшности, но и въ характерѣ, правахъ и обычаяхъ, что племенное различіе не могло болѣе бросаться въ глаза.

Итакъ, если мы признаемъ, что почипъ въ народныхъ переселеніяхъ на западъ принадлежалъ всегда, согласно справедливому наблюденію ученыхъ, племенамъ турецко-татарскимъ, то что же сказать о выселеніи и вторженіи въ западную Европу

Мадьяръ, принадлежащихъ, какъ мы видѣли, по происхожденію къ вообще пассивнымъ и мало предприимчивымъ финно-угорскимъ племенамъ? Составляютъ ли они, Мадьяры, поразительное и совершенно необъяснимое исключеніе изъ общаго правила, или и въ ихъ переселеніи кроется что-то такое, въ чемъ видно только повтореніе одного изъ обычныхъ явленій исторіи народныхъ движеній съ азійскаго востока на европейскій западъ? Конечно, здравый смыслъ заставляетъ принять скорѣе послѣднее объясненіе. Авторъ исторіи Мадьяръ, Фесслеръ, стоявшій за турецкое ихъ происхожденіе, опираясь между прочимъ на тотъ доводъ, что «будь Мадьяры Финнами, они вѣроятно и нынѣ жили бы со своими родичами въ сѣверо-восточной Россіи, съ Черемисами, Вотиками, Зырянами, Пермяками и Вогулами, не уступая имъ въ грубости, тупоуміи, лѣни и нищетѣ»¹⁾. Этотъ доводъ дѣйствительно могъ бы имѣть силу, еслибъ финское происхожденіе Угровъ не было окончательно и безповоротнѣ доказано еще болѣе сильными доводами сравнительнаго языкознанія и еслибъ намъ не были извѣстны нѣкоторыя данныя, касающіяся жизни Мадьяръ въ прародинѣ, данныя, которыми можно объяснить выселеніе Мадьяръ и безъ предположенія ихъ турецкаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что это финно-угорское племя, какъ было уже нами разъяснено, находилось, благодаря своему географическому положенію, въ довольно исключительныхъ условіяхъ, и потому не можетъ быть вполне приравнено къ прочимъ финскимъ племенамъ: оно жило на юго-восточной окраинѣ первоначальной финно-угорской территоріи въ Россіи, гдѣ-то въ южныхъ предѣлахъ Югры нашихъ лѣтоисей, и издавна сохѣдло съ разными турецкими племенами, каковы Башкиры, Камскіе Болгары, предки нынѣшнихъ Чувашей и проч. Объ этомъ неоспорномъ сохѣдствѣ и взаимномъ общеніи съ турецкими племенами достаточно свидѣтельствуютъ данныя мадьярскаго языка. Итакъ вотъ въ этомъ-то непосредственномъ

¹⁾ Fessler, *Gesch. d. Ung.* (1815), S. 228.

соприкосновеніи и первобытномъ вліаніи Турковъ на Мадьяръ и крестя, по нашему мнѣнію, тайна оставленія Уграмъ ихъ родины, стремленія на западъ и появленія на границахъ культурнаго Европейскаго міра, какъ хищной, кочевой и воинственной орды со всѣми типическими чертами прежнихъ полчищъ восточныхъ варваровъ, громившихъ Европу, въ родѣ Гунновъ, Болгаръ и Аваровъ. Мадьяры уже въ первоначальныхъ своихъ жилищахъ должны были, подъ вліаніемъ постоянного общенія и смѣшенія съ Турками, утратить нѣсколько свою природную финскую апатію и предприимчивость. Не слѣдуетъ также забывать, что всякій полукочевой, не земледѣльческій народъ, какимъ были Угры въ прародинѣ, даже пассивнаго характера, отличается сравнительною подвижностью, безъ особеннаго труда перемѣщается съ мѣста на мѣсто (чему всегда способствуетъ малонаселенность земель) и вообще довольно легко на подъѣмъ. Такимъ образомъ и въ мадьярскомъ племени существовали всѣ данныя, при которыхъ становилось возможнымъ предпріятіе, подобное общему переселенію въ другія страны ¹⁾. Для осуществленія его необходимъ былъ только ближайшій поводъ, какой-нибудь ви́шній толчокъ, напоръ другого народа или что-либо подобное. Очевидно, что такой поводъ или толчокъ наконецъ явился и, увлекши Мадьяръ въ круговоротъ народныхъ движеній, происходившихъ на великомъ южномъ пути изъ Азіи въ Европу, выдвинулъ ихъ на историческое поприще и предопредѣлилъ имъ важную роль въ судьбахъ западной Европы и ея народовъ. Къ сожалѣнію, исторія не оставила намъ никакихъ положительныхъ извѣстій о томъ, что было именно поводомъ или ближайшей причиною выселенія Мадьяръ, такъ что мы должны ограничиться болѣе или менѣе произвольными предположеніями и догадками. Но во всякомъ случаѣ всего правдоподобіе кажется намъ предположить какой-нибудь ви́шній толчокъ, напр. напоръ

¹⁾ Тѣмъ не менѣе финское происхожденіе Мадьяръ всетаки сказалося въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ, между прочимъ тѣмъ, что они постоянно оказывались слабѣе Печенѣговъ-Турковъ, и принуждены были отступать передъ ними. Чисто-турецкое племя всегда было верхъ надъ турецко-финскими.

съ востока турецкихъ племень, который въ свою очередь могъ быть вызванъ болѣе общимъ движеніемъ азійскихъ ордъ въ самой Азіи. Очень можетъ быть, что непосредственными утѣснителями Мадырь были уже тогда Печенѣги, кочевавшіе въ стѣняхъ между Волгой и Янкомъ. По крайней мѣрѣ при дальнѣйшемъ своемъ движеніи на западъ Мадыры постоянно находились подъ давленіемъ Печенѣговъ, которымъ принуждены были уступать свои мѣстожителства. Объ этомъ есть прямая повѣстiя у имп. Константина Багрянороднаго ¹⁾. Онъ же въ одномъ мѣстѣ, говоря вообще объ отношеніяхъ Мадырь къ Печенѣгамъ, замѣчаетъ, что «Турки (Мадыры) сильно боятся Печенѣговъ вслѣдствіе того, что бывали часто побѣждены ими и чуть не истреблены окончательно; оттого Печенѣги считаются страшными для Турокъ и сдерживаютъ ихъ» ²⁾. По вопросу о выселеніи Мадырь было еще выражено мнѣніе, которое кажется намъ не менѣе правдоподобнымъ. В. И. Ламанскимъ была высказана мысль, что выселеніе Мадырь могло произойти и вслѣдствіе какого-нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ Славянъ на Финновъ ³⁾. Дѣйствительно, въ то время можно предположить и подобное давленіе съ запада на Угровъ, которое впрочемъ конечно не исключаетъ возможности и толчка съ востока. Тѣснимымъ съ разныхъ сторонъ Мадырамъ не оставалось ничего болѣе, какъ или покориться вѣдущей силѣ, или выселиться и искать новыхъ жилищъ. Они предпочли послѣднее. Это рѣшеніе они приняли по всей вѣроятности подъ вліяніемъ сосѣднихъ турецкихъ элементовъ, которые, находясь въ такомъ же положеніи тѣснимыхъ, могли даже показать примѣръ и увлечь за собой менѣе предпримчивыхъ сосѣдей. Гораздо менѣе правдоподобно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что Мадырами просто овладѣло стремленіе къ странствованію (Wandertrieb), стремленіе, нерѣдко проявляющееся у народовъ

¹⁾ De Adm. Imp., c. 37, 38.

²⁾ Ibid., c. 3, p. 70.

³⁾ Ламанскій, Объ ист. изуч. Греко-Слав. міра. Сиб. 1871, стр. 313.

на первоначальной ступени развитія и вызывающее у них соединеніе племенъ и военную организацію ¹⁾. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится примѣръ не далѣе, какъ изъ прошлаго вѣка (1770), когда одно Калмыцкое племя *Тортоговъ*, побуждаемое подобнымъ же стремленіемъ, оставило свои мирныя жилища въ степяхъ между Дономъ и Волгой и въ числѣ 50,000 слишкомъ семействъ направилось на востокъ, дабы вернуться въ предѣлы Китая, откуда оно будто-бы выселилось. Ничто, говорятъ, не могло помѣшати рѣшенія этихъ переселенцевъ: они ввели у себя военный порядокъ и со всѣхъ сторонъ окружили себя военными отрядами. Несмотря на то, что имъ приходилось переходить по пустыннымъ мѣстностямъ и среди враждебныхъ народовъ, большая часть ихъ совершила весь далекий путь въ 8 мѣсяцевъ ²⁾. Это—во всякомъ случаѣ весьма характеристичное явленіе, но для насъ оно не представляетъ подходящей аналогіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выселеніемъ изъ первоначальной родины, а тамъ (у Калмыковъ) напротивъ съ стремленіемъ возвратиться на родину, къ тому же и не съ финскимъ племенемъ; да и тутъ нельзя все-таки не предположить какой-нибудь достаточно важной побудительной причины, напр. недовольства своимъ кочевьемъ, невыгоднымъ положеніемъ и т. п. Наконецъ ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что—разъ мы допустили возможность участія финскаго элемента въ гуннскихъ, а можетъ быть и аварскихъ племенахъ,—для насъ уже не можетъ казаться чѣмъ-то совершенно загадочнымъ движеніе на западъ цѣлаго финно-угорскаго племени, особенно когда это движеніе можетъ быть поставлено въ связь съ весьма естественными историческими явленіями и причинами ³⁾.

¹⁾ Badinger, Oesterr. Gesch., I B. 1858, S. 214.

²⁾ Ibid. См. описаніе этого выселенія Волжскихъ Калмыковъ у Палласа: Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, durch P. S. Pallas, I T. St.-Petersb., 1776., S. 90—96.

³⁾ Увѣреніе Анонима (Endlicher, Geogr. Hungar., p. 6), будто Мадыяры принуждены были выселиться изъ-за чрезмѣрнаго населенія, которое не могло ни помѣститься, ни прокормиться на своей родинѣ, заключаетъ въ

Итакъ Мадьяры, кажется, въ нач. IX в. оставили свою родину за Волгой и Камой и пустились искать счастья въ пниыхъ странахъ, слухъ о богатствахъ и благоденствіи которыхъ давно конечно пропикъ въ ихъ суровыя сѣверныя жилища. Путь ихъ шелъ въ югозападномъ направленіи. Мы не знаемъ, выступило ли все мадырское племя, или часть его осталась въ родной странѣ. Это для насъ не такъ важно. Важнѣе для насъ другое: не можетъ быть, на нашъ взглядъ, никакого сомнѣнія въ томъ, что съ Мадьярами соединились значительныя толпы сосѣднихъ и близкихъ къ нимъ турецкихъ кочевниковъ (напр. Башкировъ), склонныхъ къ странствованію и къ хищническимъ набѣгамъ¹⁾.

Дошедшія до насъ свидѣтельства исторіи застаютъ Мадьяръ уже въ южныхъ стѣняхъ Россіи, въ сосѣдствѣ и близкомъ общеніи съ Хазарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря и еще далѣе на югозападъ. Ради ясности и удобства дальнѣйшаго изложенія мы приведемъ сначала подырядъ всѣ эти свидѣтельства. Начнемъ съ Константина Багрянороднаго, какъ главнаго нашего источника.

Въ 37-й гл. (Ed. Bonn., p. 164 сочиненія «De Adm. Imp.») Константинъ рассказываетъ, что Печенѣги жили прежде на р. Ателѣ (Волгѣ) и Геахѣ (Гейгу, Янкъ) въ сосѣдствѣ съ Мазарами (явная ошпбка писца вм. «Хазарами»²⁾) и Узами. Хозары соеди-

себѣ такъ мало правдоподобнаго, что искать въ немъ какого-либо историческаго основанія было бы совершенно напрасно. Въ сообщеніи Рихарда о путешествіи миссіонеровъ и объ отысканіи монах. Юліаномъ «Великой Угрии» выставлена та же причина выселенія Мадьяръ (De facto Ung. Magnae, ibid. p. 249: eo quod terra ipsorum multitudinem inhabitantium sustinere non posset) Конечно это—догадка самого ученаго монаха. Не отсюда ли заимствовалъ ее и Анонимъ (писавшій позже, въ к. XIII в)?

¹⁾ Разумѣется, при дальнѣйшемъ слѣдованіи мадырская орда увеличилась еще многими другими выходцами. Въ этомъ случаѣ есть правда и въ словахъ Анонима гопорцаго, что Альмусъ выступилъ: «nec non cum multitudine magna populorum non numerata foederatorum». Endlicher, p. 8. Срв. Fessler, Gesch., S. 232; Zeuss, S. 753—755.

²⁾ Видѣть въ «Мазарахъ» — Мадьяръ нѣтъ никакого основанія; тутъ ошпбка очевидна, какъ это уже признали Fessler, S. 225, Zeuss, S. 747—8 (прим.) и Cassel, S. 125.

шлись съ Узами противъ Печенѣговъ и изгнали ихъ изъ ихъ жилищъ, которыя заняли Узы. Изгнанные Печенѣги искали себѣ новыхъ жилищъ; «прибывъ въ землю, которую нынѣ паселяютъ, и найдя живущихъ въ ней Турковъ (т. е. Мадьяръ), они пошли противъ ихъ войною, побѣдили и вытѣснили оттуда, поселились тамъ сами и до сихъ поръ занимаютъ эту страну, какъ говорятъ, въ теченіе 55 лѣтъ».

Въ слѣдующей 38-й главѣ (р. 168), исключительно посвященной Мадьярамъ, Константинъ рассказываетъ:

«Народъ Турковъ обиталъ нѣкогда близъ Хозаринъ, въ мѣстности *Лебедии* (*Λεβεδία*), называемой такъ по имени перваго ихъ воеводы, котораго звали по имени *Лебедіасомъ* (*Λεβεδίας*), а по достоинству *воеводой* (*βοέβδος*), какъ и его преемниковъ. Въ этой вышеозначенной мѣстности Лебедии была рѣка *Хидрасъ*, называемая также *Χιγγυλούς*. Въ то время они не назывались Турками, а по какой-то причинѣ *Σαβαρτοιάτραλοι*. Этихъ Турковъ было семь племенъ, никогда они не имѣли царя (*ἄρχων*), ни своего, ни чужого, но были у нихъ какіе-то воеводы, изъ которыхъ первымъ былъ вышеупомянутый воевода Лебедіасъ. Съ Хозарами они жили вмѣстѣ три года, участвуя во всѣхъ ихъ войнахъ. Хаганъ-царь хозарскій за храбрость и содѣйствіе Турковъ далъ въ жены ихъ первому воеводѣ Лебедію — хозарку знатнаго происхожденія, чтобы онъ имѣлъ отъ нея потомство. Случилось однако, что Лебедіасъ дѣтей отъ этой хозарки не имѣлъ. — Печенѣги, нѣкогда называвшіеся *Κάγγαρ* (что означаетъ у нихъ благородство и доблесть), побѣжденные въ войнѣ съ Хозарами, принуждены были оставить свою землю и занять землю Турковъ. Въ возникшей между тѣмъ и другими войнѣ Турки (*τῶ τῶν Τούρκων φροσάτων*) были разбиты и раздѣлились на двѣ части. Одна часть, направившись на востокъ, заселила часть Персін (и до сихъ поръ она сохранила прежнее названіе Турковъ *Σαβαρτοιάτραλοι*); другая же часть, направившись къ за-

паду, поселилась вмѣстѣ съ своимъ воеводой и вождемъ Лебедіасомъ, въ странѣ, называемой *Ателькузу* (Ἀτελκῶζου), гдѣ живутъ нынѣ Печенѣги. Черезъ нѣсколько времени хаганъ-царь хозарскій просилъ Турковъ прислать къ нему «хеландію» (χελάνδια) съ ихъ первымъ воеводой. Лебедіасъ, прибывъ въ хагану хозарскому, спросилъ немедленно о причинѣ, побудившей послать за нимъ. Хаганъ отвѣчалъ, что мы де призвали тебя для того, чтобы сдѣлать тебя—человѣка знатнаго происхожденія, разумнаго и энергичнаго, считающагося первымъ у Турковъ — *царемъ* твоего народа, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты былъ подчиненъ и подвластенъ намъ. Лебедіасъ отвѣчалъ хагану, что онъ высоко цѣнитъ его расположеніе, уважаетъ его желаніе и изъявляетъ ему свою великую благодарность; но, сказалъ онъ затѣмъ, «такъ какъ я неспособенъ къ такой власти, то не могу согласиться принять ее, а есть кромѣ меня еще воевода, по имени Σαλμούζης, у котораго есть сынъ *Арпадъ* (Ἀρπαδῆς). Пусть лучше изъ нихъ станетъ царемъ Салмуцъ или его сынъ Арпадъ и будетъ подвластенъ тебѣ». Эти слова понравились хагану, и онъ послалъ съ нимъ своихъ людей къ Туркамъ. Когда они переговорили объ этомъ, Турки рѣшили, что лучше быть царемъ Арпаду, чѣмъ его отцу Салмуцу, такъ какъ онъ болѣе достоинъ, замѣчательнень умомъ, совѣтомъ и мужествомъ и способнѣе къ такой власти. И они сдѣлали его царемъ, по обычаю и закону Хозаръ ¹⁾, поднявъ его на щитѣ. До этого Арпада Турки никогда никого не имѣли царемъ; изъ рода же Арпада и доннынѣ происходитъ царь Туркіи. Черезъ нѣсколько времени Печенѣги, идя на Турковъ, преслѣдовали ихъ съ вождемъ ихъ Арпадомъ. Турки же, будучи побѣждены, въ бѣгствѣ и ища земли для поселенія, прибыли въ Великую Моравію и, прогнавъ жителей ея, расположились въ этой

¹⁾ С. 38, р. 170: κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ἄξινον.

землѣ; въ ней и до сихъ поръ живутъ Турки. Съ той поры Турки не воевали болѣе съ Печенѣгами. Съ тѣми же вышеупомянутыми Турками, расположившимися на востокѣ въ краяхъ Персіи, до сей поры сносятся западные Турки, заботятся о нихъ и часто получаютъ отъ нихъ отвѣтныя посланія.

«Земля Печенѣговъ, въ которой когда-то жили Турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ. Рѣки же эти слѣдующія: первая такъ называемая *Барухъ* (*Βαρούχ*), вторая т. н. *Кубу* (*Κουβού*), третья — *Трулъ* (*Τρούλλος*), четвертая — *Брутъ* (*Βρούτος*), пятая — *Серетъ* (*Σέρετος*)».

39-ая глава посвящена племени Кабаровъ (р. 171):

«Такъ называемые Кабары происходятъ изъ рода Хозарь. Когда же между ними произошло столкновение изъ-за власти и началась междуособная война, то первая власть (*πρώτη ἀρχή*) у нихъ одержала верхъ. Изъ другихъ часть была истреблена, часть бѣжала и поселилась съ Турками въ нынѣшней землѣ Печенѣговъ: они подружились между собой и тѣ были прозваны Кабарями. Такимъ образомъ они научили и Турковъ языку Хозарь, и имъ самимъ до сихъ поръ знакомъ этотъ языкъ, но есть у нихъ и другой — языкъ Турковъ. Такъ какъ они превосходили силою и храбростью остальныхъ восемь племенъ, и превосходили ихъ въ войнѣ, то и заняли первое мѣсто среди прочихъ племенъ. Вождь у нихъ одинъ, т. е. у всѣхъ трехъ племенъ Кабаровъ. Таковой существуетъ и до сихъ поръ».

Арабскій писатель *Ибнъ-Даста* ¹⁾, свидѣтельства котораго мы сейчасъ приведемъ, писалъ въ началѣ X в. (кажется не позже 913 г.) ²⁾; однако извѣстія его о Мадырахъ относятся очевидно

¹⁾ Или собственно Ибн-Дустехъ (*Ibn-Dusteh*, *Ibn-Dosteh*), имя, которое считаютъ нѣкоторые искаженнымъ изъ *Ibn-Rosteh*. См. Ал-Бекри, Куника и Розена, 1878 (Прил. къ XXII т. Запис. Акад. И.), стр. 65 — 66.

²⁾ Хвольсонъ, «Извѣстія Ибнъ-Даста о Хазарахъ, Бургасахъ и проч.» Спб. 1869. Введеніе, стр. 4. По предположенію Куника, авторъ источника,

еще къ тому времени, когда послѣдніе кочевали въ равнинахъ, приыкающихъ къ Черному морю, въ «Лебедіи» или «Ателькузу»: гдѣ именно, это — вопросъ, по которому намъ предстоитъ еще высказаться. Ибнъ-Даста рассказываетъ:

«Между землею Печенѣговъ и землею Болгарскихъ «Эсегель» лежитъ первый изъ краевъ (предѣловъ) Мадьярскихъ. Мадьяры эти — тюркское племя. Глава ихъ выступаетъ въ походъ съ 20,000 всадниковъ и называется Кенден. Это титулъ царя ихъ, потому что собственное имя человека, который царемъ у нихъ — *Джыла*. Всѣ Мадьяры повинуются приказаніямъ, которыя даетъ имъ глава ихъ по имени Джыла, прикажетъ ли онъ на врага идти, или врага отражать, или что другое. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища. Земля ихъ обширна; одною окраиной своею она прилегаетъ къ Румскому морю (Черному морю), въ которое впадаютъ двѣ рѣки; одна изъ нихъ больше Джейгуна (Аму-Дарья); между этими-то двумя рѣками и находится мѣстопробываніе Мадьяръ. Съ наступленіемъ зимняго времени, кто изъ нихъ къ какой рѣкѣ ближе, къ той рѣкѣ и прикочевываетъ и остается тамъ въ продолженіе зимы, занимаясь рыболовствомъ. Жить имъ зимой у тѣхъ рѣкъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Земля Мадьяръ богата лѣсами и водами; а почва тамъ сыра. Много у нихъ также и хлѣбопахотныхъ полей.—Мадьяры господствуютъ надъ всѣми сосѣдними Славянами, налагаютъ на нихъ тяжелыя оброки и обращаются съ ними, какъ съ военно-плѣнными. Вѣра Мадьяръ огнепоклонническая. Воюя Славянъ и добывши отъ нихъ плѣнниковъ, отводятъ они этихъ плѣнниковъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней

которымъ пользовался Ибнъ-Даста, могъ жить (и писать) въ концѣ IX в. Тогда было бы понятно, почему извѣстія Ибнъ-Дасты относятся именно къ послѣднему десятилѣтію IX вѣка. См. Извѣстія Ал-Бекри, Куника и Розена, такъ-же, стр. 66.

Румской земли, которая зовется *Кархъ*. — Сказываютъ, что въ прежнія времена Хозаре, опасаясь Мадырь и другихъ сосѣднихъ съ землей своей народовъ, окапывались противъ нихъ рвами. А какъ дойдутъ Мадыры съ плѣшными своими до Карха, Греки выходятъ къ нимъ на встрѣчу. Мадыры заводятъ торгъ съ ними, отдаютъ имъ плѣшниковъ своихъ и въ замѣнъ ихъ получаютъ греческую парчу, нестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары¹⁾.

Лѣтопись Нестора (какъ уже принято называть нашу начальную лѣтопись конца XI-го и нач. XII в.) сообщаетъ объ Уграхъ нѣсколько краткихъ, отрывочныхъ извѣстій, касающихся ихъ прохожденія мимо Кіева, слѣдовательно землею русскихъ Славянъ. Въ началѣ лѣтописи, послѣ разсказа о разселеніи славянскихъ племенъ, о пути изъ Варягъ въ Греки, о Кіи и его братьяхъ, о различныхъ русскихъ и финскихъ племенахъ и проч., лѣтописецъ, возвращаясь къ народамъ, господствовавшимъ надъ Славянами, говоритъ между прочимъ о *Бьмыхъ Уграхъ*, подъ которыми — кстати сказать — до сихъ поръ обыкновенно разумѣли Хозарь (См. Лѣтопись по Лаврент. сп., изд. Археограф. Комм. Спб. 1872 г. стр. 10).

¹⁾ Хвольсонъ, тамъ же, стр. 25—27 (срв. перев. у Рёслера Rom., St., S 362—363). Ал-Бекри (пис. XI в.) въ своихъ извѣстіяхъ о Мадырахъ извлекаетъ кое-что изъ Ибнъ-Дасты, кое-что самъ прибавляетъ, но его показанія очень неточны и невѣрны въ географическомъ отношеніи, а потому для насъ имѣютъ мало значенія (Хвольсонъ, стр. 105 — 106). Ради полноты впрочемъ приводимъ ихъ здѣсь по изданію гг. Куника и Розена. (Извѣстія Ал-Бекри etc. ч. I, Спб. 1878, стр. 63): «Маджгарія между странами Печенѣговъ и странами Ашка изъ Болгаръ. Маджгарія — идолопоклонники и титулъ ихъ царя Кида. Они — народъ обитающій въ шатрахъ и слѣдящій за мѣстами, гдѣ выпалъ дождь и имѣется кормъ. И ширина ихъ страны 100 фарсаховъ и длина ея столько же. И одна изъ ея границъ соприкасается съ странами Рѣм-овъ, а въ концѣ ея границъ, по направленію къ пустынѣ, находится гора, на которой живетъ народъ, называемый А..и и владѣющій лошадьми, скотомъ и пашнями. Ниже этой горы, на берегу моря живетъ народъ по имени Авгва. Это хрістіане; они граничатъ съ мусульманскими странами, причисляемыми къ странамъ Тифлиса, гдѣ начинается граница Арменіи. И эта гора тянется до страны Бал-авъба, и доходитъ до страны Хазарь».

«Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре, (и) сѣдоша по Дунаевѣ, (и) населяици Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣлци, (и) наслѣдиша землю Словѣнску; [прогнавши волохы иже бѣша преже прияли землю словенску, въ *сп. АР.*], си бо Угри начаша быти при Ираклии царя, иже находша на Хоздроя, царя Перскаго».

Нѣсколько далѣе, послѣ разказа объ Обрахъ (Аварахъ), гѣтонписецъ замѣчаетъ (стр. 11): «По сихъ же (т. е. Аваръ) придоша Печенѣзи; пакы идоша Угри Чернии мимо Кіевъ, послѣже при Олзѣ».

Главное извѣстіе Нестора о проходе Угровъ мимо Кіева помѣщено подъ 6406 (т. е. 898-мъ) годомъ и читается такъ:

«Идоша Угри мимо Кіевъ горою (иѣтъ въ *РА сп.*), еже ся зоветъ нынѣ Угорское, (и) пришедше къ Днѣпру сташа вежамъ; бѣша бо ходяще акы се Половци. Пришедше отъ вѣстока и устремшася чересъ горы великия (*ТРА сп.*: яже прозвашася горы Угорскыя), и почаша воевати на живуцая ту Волохи (*Т:* волхи) и Словѣни. Сѣдяху бо (*РА* убо) ту преже Словѣни, и Волохове прияша землю Словенску; посемъ же Угри погнаша Волхы, и наслѣдиша землю (ту), и сѣдоша съ Словѣны (*РА:* словѣнцы), покоривше (*Т:* ꙗ покорше) я подъ ся (*Т:* подъ ся прочее) (и) отголе (отгуду) прозвася земля Угорская. . . .» (тамъ же, стр. 24—25).

Ранѣе подъ 882 г. (6390) Несторъ въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ какое-то мѣсто подъ Кіевомъ по имени «Угорское».

Разказывая объ Аскольдѣ и Дирѣ, онъ говоритъ, какъ Олегъ прибылъ къ горамъ Кіевскимъ, спрятавъ воиновъ въ ладьяхъ: «и пришу подъ Угорское (*Т:* пришы подъ угорская), похоронивъ вои своя, и посла къ Асколду и Дирови и т. д.». И далѣе, послѣ разказа объ убіеніи Аскольда и Дира по приказаніи Олега: «И убиша Асколда и Дира, (и) несомаша на гору, и погребомаша ѿ на горѣ (иѣтъ въ *РА сп.*), еже ся нынѣ зоветъ Угоръ».

ское, где ныне Ольгинъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу...» (тамъ же, стр. 22—23).

Нельзя не упомянуть здѣсь еще, что въ *Воскресенскомъ* спискѣ лѣтописи Олегъ называетъ себя «гостемъ подугорскимъ»: «яко гость есмь *подугорской*... да придѣте къ намъ къ родомъ своимъ»¹⁾.

Къ эпохѣ пребыванія Угровъ въ южныхъ степяхъ Россіи относится еще извѣстіе о нихъ въ *Паннонскомъ Житіи Константина Философа*. Изъ этого источника мы узнаемъ, что какая-то шайка Угровъ совершила нападеніе на славянскаго апостола на пути его къ Хозарамъ. Вотъ что именно разсказываетъ объ этомъ Житіе. Какой-то христіанскій городъ былъ осажденъ хозарскимъ воеводою. Константинъ Философъ отправился къ этому воеводѣ, и проповѣдь его такъ подѣйствовала на послѣдняго, что онъ обѣщалъ креститься и оставилъ осаду города. Послѣ этого, продолжаетъ Житіе, Философъ пустился въ обратный путь, и въ первый часъ, когда онъ творилъ молитву, на него напали Угры съ воємъ, подобнымъ волчьему, и хотѣли убить его. Онъ же не утрашился и не оставилъ своей молитвы, а взывалъ только: «Господи помилуй», такъ какъ уже оканчивалъ службу. Они же, увидѣвъ это, по Божьему велѣнію, стали кротки и начали кланяться ему; услышавъ же изъ устъ его слово учительское, они отпустили его со всею дружиною»²⁾.

Намъ остается еще привести извѣстіе *византійцевъ* о первомъ появленіи Угровъ на Дунаѣ, повидимому, относящемся ко второй четверти IX вѣка. Его сообщаютъ Продолжатель *Геор-*

¹⁾ О правдоподобности этого чтенія будетъ сказано ниже.

²⁾ Възвративъ же се философъ въ свои поуты, и въ прѣвѣхъ ухъ, маткоу творещоу ємоу, младоше изъ нь оугри, яко калуьскии кыюще, хотеще оубыти его. Онъ же не оужасе се, ни остави своѣс матки, ги поилоуи тько докымъ. въ ємъ оконула юже слоужьскоу. Онъ же, оузрѣвше и, по єаію покслѣнію, оукротиле се и илусше кланити се ємоу, и слышлеше оучитслила словеса ѿ оустъ его, ѿпустише и съ всею дружиною. См. Паннонское житіе Кирилла, изд. Бодянскимъ въ «Собраніи Памятниковъ» въ Читеніяхъ Моск. Общ. И. и Д. 1863, № 2, стр. 12; 1873, кн. I, стр. 409. (См. также стр. 443—444, 477, 507—509). Срв. Dümmler, *Süd.-Ö. M.*, S. 53.

ня *Амартола* (писавшей не ранее второй полов. X в.) и авторъ хроники, дошедшей съ именемъ *Льва Грамматика* ¹⁾. Мы приведемъ здѣсь извѣстіе Георгія Амартола (по изд. Муральта) и укажемъ (въ выноскахъ), въ чемъ разнится съ нимъ другое, Бониское изданіе Георгія и хроника (принадлежащая собственно Сим. Логооету) съ именемъ *Льва Грамматика*.

Въ исторіи царствованія имп. Михаила III и Теодоры, въ главѣ «о воспитаніи Василія Македонянина» (*Περὶ τῆς Μακεδονοῦ Βασιλεῖου ἀνατροφῆς*, Ed. Murg., p. 724), послѣ разсказа о взятіи Крумомъ Адрианополя и захватѣ въ плѣнъ 12 тысячъ человѣкъ

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ хроникъ (Георгія Амарт. и Льва Грамм.) другъ къ другу рѣшался донынѣ различно; преобладало мнѣніе (Муральта), что вся хроника Льва Грамм. есть заимствованье изъ Георгія. Въ новѣйшее время Гиршъ (*Hirsch*, *Byzantin. Studien*, 1876), тщательно изслѣдовавъ ту и другую хронику, пришелъ къ выводу, что оба автора въ большинствѣ случаевъ имѣли общіе источники и только въ позднѣйшей части Левъ Граммат. сдѣлалъ просто извлеченіе изъ Георгія (S. 47; 89—101). Однако и это мнѣніе оказалось не выдерживающимъ критики послѣ того, какъ проф. В. Г. Васильевскій, по поводу одной славянской редакціи *хроники Симеона Метафраста и Логоета*, пришелъ къ новому, неожиданному рѣшенію этого вопроса, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о составѣ хроники Георгія Амартола и его Продолжателя. По мнѣнію Гирша (S. 51—54, 87—8), въ основу Продолжателя Георгія А. (842—948) легла хроника неизвѣстнаго Логоета (именемъ котораго и помѣчены многія рукописи), послужившая, какъ кажется, источникомъ также для распространенной (2-й) редакціи самого Амартола. Что *Логоетъ* писалъ самостоятельно свою хронику также и до 842 г., доказываетъ тѣмъ, что у Продолжателя Георгія въ занимающемъ насъ мѣстѣ (о Кордалѣ) есть фраза «какъ выше было разсказано», тогда какъ у Георгія въ исторіи Имп. Теофила ничего объ этомъ нѣтъ. Вышеупомянутая славянская редакція съ именемъ Сим. Метафраста и Логоета оказалась, по изслѣдованію В. Г. Васильевского, именно той хроникой Логоета (имя Метафраста вошло вѣроятно ошибкою), которою воспользовался Продолжатель Амартола и авторъ 2-й редакціи хроники самого Георгія; такимъ образомъ предположеніе Гирша подтвердилось. Что же касается *хроники Льва Грамматика*, то проф. Васильевскій, по сличеніи ея съ хроникой Логоета, вполне убѣдился, что это ничто иное, какъ та же самая хроника Логоета, что такимъ образомъ особой хроники, которой авторъ былъ бы Левъ Грамматикъ, вовсе не существуетъ, и исторія, извѣстная подъ его именемъ, оказывается не заимствованьемъ изъ Георгія Амартола, какъ полагали до сихъ поръ, а напротивъ прямымъ источникомъ Продолженія Амартола и распространенной его редакціи. Сообщеніе объ этомъ было сдѣлано проф. Васильевскимъ въ зазданіи Филолог. Общ. при С.-Петерб. Универс. 3 апр. 1881 г. и въ печати еще не явилось.

(кромѣ женщинъ), которые были переселены затѣмъ въ Болгарію на сѣверъ (ἐκεῖθεν) отъ Дуная, Георгій продолжаетъ:

«Во времена императора Ософила былъ въ Македоніи военскій начальникъ по имени Кордилъ (Κορδύλης). Онъ имѣлъ взрослога сына Барду, котораго онъ оставилъ вмѣсто себя управлять Македонянами, жившими за Дунаемъ (т. е. на сѣверѣ). Онъ же съ нѣкоторою хитростью умѣлъ подступитъ къ Теофилу¹⁾. Послѣдній принялъ его съ радостью и узнавъ, чего онъ желаетъ, послалъ суда, чтобы взять тѣхъ (т. е. Македонянгъ) и привезти въ городъ (Византію). А княземъ Болгаріи былъ Владиміръ (ὁ Βαλδῖμερ), потомокъ (или внукъ, ἑγγονος) Крума, отецъ Симеона, царствовавшего послѣ²⁾».

«Населеніе (т. е. греческое, на лѣвомъ берегу Дуная) приняло рѣшеніе уйти съ женами и дѣтьми въ Романію (т. е. на родину). Когда Михаилъ Болгарскій отправился въ г. Θεσσαλονίκη (ἐξελεθόντος δὲ τοῦ Μιχαήλ Βουλγάρου ἐν Θεσσαλονίκη³⁾), они стали переправляться собственными средствами. Узнавъ объ этомъ, начальникъ (болгарскій, κόμης) переправился имъ на встрѣчу и началъ военныя дѣйствія. Македоняне же, отчаяваясь, выбрали вождями Цанцеса (Τζάντζην) и Кордила и, принявъ сраженіе, убили многихъ, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Болгары же, не имѣвшіе возможности переправиться, обратились къ Уграмъ (τοῖς Οὐγγροῖς⁴⁾) и рассказали имъ обстоятельства, въ какихъ

¹⁾ Ἄυτος δὲ μετὰ μηχανῆς τινος εἰσήλθεν εἰς Θεόφιλον. Ed. Muralt., p. 724; здѣсь именно и вставлена фраза «καθὼς ἐκείσε προεγράφη», о которой рѣчь въ предыдущемъ примѣчаніи.

²⁾ Georg. Ed. Mur. (p. 725): πατὴρ Σιμεών τοῦ μετὰ ταῦτα κρατήσαντος; а Leo Gramm. (Ed. Bonn., p. 231): πατὴρ Σιμεώνος—просто; пояснительная фраза—очевидно позднѣйшее прибавленіе.

³⁾ Въ Бонн. изд. Георгія, p. 217—219 читаемъ ἐξελεθόντες — вслѣдствіе опяски?

⁴⁾ Ed. Bonn.: «Они же, не могли переправиться въ Болгарію, обратились...» οἱ δὲ μὴ δυναθέντες περᾶσαι Βουλγαρίαν προσεπέφυσαν τοῖς Οὐγγροῖς. Муральтъ предлагаетъ читать здѣсь Οὐγγροῖς вм. Οὐγγροῖς, но безъ достаточнаго основанія.

находились Македоняне. Прибыли и суда императора, посланные для переноса ихъ въ городъ (Византию). Между тѣмъ показались и Унны (Οὐννοι) въ несмѣтномъ числѣ; а тѣ, увидѣвъ ихъ, со слезами воскликнули: «о Боже св. Адриана, помоги намъ!» и стали въ боевой порядокъ. Турки же сказали имъ: «отдайте все ваше имущество и тогда убирайтесь съ Богомъ, куда хотите». Но тѣ не согласившись, а въ теченіе трехъ дней стояли готовые къ бою; на четвертый же начали садиться на суда. Замѣтивъ это, Турки завязали бой, длившійся отъ 4-хъ часовъ дня до вечера. Ихъ отрядъ показалъ наконецъ тылъ и былъ преслѣдуемъ Македонянами. На слѣдующій день, когда они начали собираться (въ путь), Унны опять появились и напали на нихъ. Сопротивленіе оказалъ однако молодой Македонянинъ (ἀναστᾶς δὲ Μακεδῶν νεώτερος ¹⁾) по имени Левъ, изъ рода Гомостовъ (τῶν Γομοστῶν), сдѣлавшійся впоследствии ἐταρειάρης, и другіе знатные изъ Македонянъ обратили ихъ въ бѣгство и преслѣдовали. Вернувшись, они сѣли на корабли и благополучно прибыли къ императору, и бывъ имъ милостиво приняты, вернулись въ Македонію, въ родную свою страну. Василій (будущій императоръ) былъ молодымъ человѣкомъ, когда вернулся изъ плѣна, продолжавшагося при Левѣ и Михаилѣ Аморіи, и кончившагося при императорѣ Теофилѣ, такъ что ему было тогда 25 лѣтъ....» ²⁾).

Итакъ весь этотъ эпизодъ разсказанъ ради Василія Македонянина, который ребенкомъ съ родителями былъ въ числѣ плѣнныхъ, переселенныхъ за Дунай, и вернулся изъ плѣна при Теофилѣ, уже 25-ти лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ.

¹⁾ Ed. Bonn. Georg. Mon.: Μακεδῶν νεώτερος, Leo Gramm. (E. V. p. 232): Μακεδῶν ἑτερος.

²⁾ Хроногр. Геогр. Амартаза изд. Муралята, Спб. 1859, стр. 724—726. (Учен. Зап. II Отд. Имп. Ак. Н., кн. VI, 1861). Въ Bonn. изд. Georg. Monach. о Василіи сказано всего: ἔν δὲ τότε Βασίλειος ὡς εἶναι τὰ ἐτη αὐτοῦ κτ'.

Разсказъ объ этомъ возвращеніи плѣнныхъ Грековъ изъ-за Дуная, но безъ эпизода объ Уграхъ, и вообще въ иномъ видѣ, передаютъ еще *Константинъ Багрянородный* въ «*Vita Basilii*» (Ed. Bonn. Theophanes Contin. l. V, c. 4, 5, p. 216—218) и *Кедринъ* (Cedren, Ed. B., p. 184—186); оба относятъ это событіе къ царствованію въ Болгаріи князя Мортагона ¹⁾.

¹⁾ Есть еще упоминаніе о томъ же, но безъ всякихъ подробностей, у Constant. Manasses, ed. Bonn. p. 222, v. 5190 и слѣд. — Читатель уже знаетъ, почему мы не даемъ мѣста на ряду со всѣми этими свидѣтельствами разсказу *Анонима Нотарія кор. Бѣлы* о пути Угровъ черезъ Россію: разсказъ этотъ вымышленъ, подобно другимъ баснямъ этого писателя, и никакого отношенія къ исторической дѣйствительности не имѣетъ. Мы уже выше указали, что основаніемъ ему послужило нашествіе Татаръ на Угрію въ XIII в., изъ подробностей коего перенесены авторомъ цѣликомъ на Мадыаръ и ихъ переселеніе. Чтобы дать понятіе объ этомъ заимствованіи, мы сообщимъ лишь сущность этого повѣствованія: Въ 884 г. семь мадыарскихъ вождей (Hetumoger), между которыми былъ и Альмусъ (Almus) съ семействомъ, вышли изъ Скинской земли (о ней ранѣе, Моп. Агр., p. 3) къ западу, въ сопровожденіи безчисленнаго множества союзныхъ народовъ. Послѣ многодневнаго пути по пустымъ мѣстностямъ, они переплыли черезъ р. Этиль (Etyl, Волга) на кожаныхъ «торбахъ» (zireg tulbou sedentes) и, нигдѣ не встрѣчая ни дорогъ, ни селеній, прибыли наконецъ въ Россію, въ Суздадь (in Rusciam, que Susudal vocatur), а оттуда по землѣ Руссовъ безъ сопротивленія достигли Кіева (Куев). Здѣсь они имѣли столкновеніе съ князьями Руссовъ, которые не хотѣли имъ покоряться и призвали себѣ на помощь семь Куманскихъ вождей, имъ дружественныхъ. Произошла битва, передъ которой Альмусъ воинственною рѣчью возбуждалъ Мадыаръ къ мужеству. Мадыары остались побѣдителями и загнали Руссовъ въ Кіевъ. Когда затѣмъ Альмусъ приступилъ къ осадѣ города, Руссы и Куманы вошли въ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ на довольно тяжелыхъ для нихъ условіяхъ (ежегодная дань и проч.). Князья Руссовъ убѣждали Альмуса отправиться на западъ въ землю Паннонію, которую прежде владѣлъ Атилла и которую они очень восхваляли. Альмусъ обѣщалъ исполнить ихъ просьбу. Тогда и вожди Куманскіе, увидя милость его, добровольно покорились ему, говоря: «отнынѣ мы выбираемъ тебя господиномъ и пождемъ своимъ до послѣдняго кохѣна и послѣдуемъ за тобой, куда только направитъ тебя судьба твоя». Такимъ образомъ Куманы присоединились къ Мадыарамъ, а равно примкнули къ нимъ и многіе изъ Руссовъ и вмѣстѣ отправились въ Паннонію. По указанію Руссовъ, Альмусъ со всѣмъ народомъ пустился въ путь черезъ гор. Владимиръ (Lodomer), Галицію и черезъ горы Карпатскія въ низ. Угрію (см. Анонимъ Gesta Hungar., Endlicher, Моп. Аград., p. 8—13). — Мы видимъ здѣсь знакомыя черты движенія *Татаръ* по Россіи и отъ Кіева далѣе на западъ. Анонимъ ведетъ своихъ Угровъ въ дунайскую равнину съ сѣверовостока, т. е. тѣмъ путемъ, которымъ шли Татары, причемъ для подтвержденія

Какъ ни коротки и ни отрывочны всѣ эти извѣстія, они все-таки даютъ возможность установить нѣсколько положительныхъ данныхъ, достовѣрность коихъ стоитъ виѣ сомнѣнія и на основаніи которыхъ можно придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ, немаловажнымъ для древней мадьярской исторіи. Съ другой стороны конечно, эти свидѣтельства открываютъ широкое поле и для всякихъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе существенныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Однако на этой скользкой почвѣ нельзя не быть особенно осторожнымъ и осмотрительнымъ.

Мы выше замѣтили, что выселеніе Мадьяръ изъ сѣверо-восточной Россіи должно было произойти никакъ *не позже* начала IX вѣка. Къ этому заключенію насъ въ особенности приводитъ то, что по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ Мадьяры около половины IX в. уже появляются на берегахъ Понта и простираютъ свои набѣги даже до нижняго Дуная: тамъ они нападаютъ на славянскаго апостола Кирилла на его пути къ Хозарамъ, здѣсь они оказываютъ помощь Болгарамъ противъ непослушныхъ имъ греческихъ военно-цѣнныхъ. Но и *гораздо раньше* этого срока, т. е. начала IX в., выселеніе Мадьяръ также не могло совершиться. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ никакого основанія предполагать пребыванье Угровъ въ южныхъ стѣняхъ Россіи *продолжительнымъ*. Нельзя, конечно, положиться на показаніе Константина Багрянороднаго, что Угры прѣ-

своего показанія пользуется еще этимологіей нѣкоторыхъ мѣстныхъ именъ, напр. Умара и Мункача. Подобно Татарамъ—Угры у него проходятъ черезъ Суздадь и Кіевъ, ихъ встрѣчаютъ русскіе князья въ союзѣ съ Куманами-Половцами и дарятъ ихъ тѣмъ же способомъ, какъ Татаръ; они продолжаютъ свое побѣдное шествіе, какъ и Татары, черезъ Галичь и Владиміръ, гдѣ князья имъ даютъ клятву въ вѣрности (извѣстно, что Давидъ IV Галицкій былъ вассаломъ кор. Бѣлы IV). Князь Галицкій, одаривъ ихъ, провожаетъ и указываетъ имъ дорогу въ Угрію. Подобныя же подробности о Татаряхъ намъ извѣстны изъ *Вопы Архидіакона Славянскаго*, у котораго между прочимъ есть упоминаніе и о г. Суздадь (Thomas. *Histor. Sal.*, с. 37), см. *Magkali, For-schungen z. deut. Gesch.*, S. 633. — Разказы другихъ позднѣйшихъ мадьярскихъ хронистовъ (Сим. Кезы, Туроча) заключаютъ въ себѣ столько же вымысла-ваго и фантастическаго.

жили съ Хозарами, т. е. въ ихъ сосѣдствѣ, всего *три* года (эта цифра могла быть искажена переписчикомъ); это совершенно невѣроятно и не согласуется съ другими нашими извѣстіями; но еще менѣе правы тѣ, кто находятъ возможнымъ предполагать, что *три* года написано де по ошибкѣ вмѣсто *203 мѣт*¹⁾. Почему же предполагать именно такую ошибку, а не какую-нибудь другую? Для этой послѣдней цифры лѣтъ (203) нѣтъ ровно никакихъ историческихъ основаній; къ тому же самое простое соображеніе говоритъ противъ такой догадки. Еслибъ Мадьяры дѣйствительно такъ долго (болѣе 2-хъ столѣтій) жили на югѣ нашей родины, спрашивается, не оставили ли бы они тамъ гораздо болѣе ясныхъ слѣдовъ своего пребыванія, а главное могли ли бы быть такъ скудны свидѣтельства о томъ исторіи? Неужели нашъ лѣтописецъ, такъ обстоятельно знакомый съ этнографіей сѣверной и южной Россіи въ IX в., не сообщилъ бы намъ о долговременномъ пребываніи цѣлаго довольно многочисленнаго народа въ южно-русскихъ степяхъ, бокъ о бокъ съ днѣпровскими Славянами и Хозарами, народа, съ которымъ (какъ съ кочевымъ и хищнымъ) должны были слѣдовательно считаться сосѣди и который въ преданіяхъ славянской древности долженъ бы былъ занимать не послѣднее мѣсто на ряду съ другими восточными народами, каковы Хозары, Печенѣги и Половцы. Точно также не умолчали бы объ этомъ и другіе свидѣтели, арабскіе и византійскіе писатели.

Извѣстіе Нестора о *прохожденіи* Угровъ мимо Кіева въ отношеніи къ вопросу о продолжительности пребыванія ихъ въ южныхъ степяхъ также не лишено значенія. Оно доказываетъ, что Угры оставили по себѣ у днѣпровской Руси впечатлѣніе и воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только временно располагавшейся кочевьями въ ея со-

¹⁾ Предположеніе это сдѣлалъ Тунманнъ (Untersuchungen etc., Leipz. 1774, S. 105—107, 141) и его приняли многіе другіе. Однако уже Фесслеръ (Gesch., S. 243—4) справедливо возражалъ противъ этого. Срв. Cassel, *Mad. Alterth.*, S. 136—7; Badinger, *Oesterr. Gesch.*, S. 214, Anm. 8.

сѣдствѣ. Конечно, это понятіе «временно» очень относительно и въ настоящемъ случаѣ вполне примѣнимо къ тѣмъ нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ, которыми слѣдуетъ, кажется, опредѣлить продолжительность движенія Угровъ изъ-за Волги до нижняго Дуная.

Итакъ и много раньше начала IX в. Угры не могли оставить своей завожской прародины. Земля, въ которой они расположились, въ сосѣдствѣ съ Хозарами, носитъ у Константина Багрянороднаго очевидно славянское имя «*Лебедію*». Эту страну *Лебедію*, по общепризнанному взгляду, съ которымъ вѣтъ основанія не согласиться, помещаютъ на сѣверъ отъ Чернаго моря, гдѣ-то между Днѣпромъ и Дюпомъ. Ниже мы еще подробнѣе коснемся мѣстоположенія этой страны, а теперь остановимся нѣсколько на вопросѣ, *какимъ путемъ* Угры прикочевали въ эту *Лебедію*.

Для этого не лишнее — воспроизвести общую географическую картину Руси того времени, чтобы принять въ расчетъ характеръ и природныя особенности тѣхъ мѣстностей, которыя лежали на пути нашихъ переселенцевъ.

Вся сѣверная и отчасти средняя полоса Европейской Россіи до верхняго теченія Оки и другихъ волжскихъ притоковъ, однимъ словомъ до полосы чернозема, рѣзко отличалась отъ южной половины Руси характеромъ своей природы. Въ то время, какъ на сѣверѣ преобладали обширныя и дикіе лѣса, которые придавали особый, такъ сказать «лѣсной» характеръ и самимъ жителямъ сѣвера и ихъ жизни и быту, на югѣ преобладали поля и степныя пространства съ ихъ благопріятными условіями для земледѣлія — съ одной стороны и для привольной, подвижной жизни кочевниковъ — съ другой. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ лѣса попадались рѣже и наконецъ мѣстность обращалась въ совершенную степь ¹⁾, которую пересѣкли многочисленныя рѣки на-

¹⁾ Вопросъ о томъ, были ли наши южныя степи въ древности покрыты лѣсами (уничтоженными потомъ номадами) или вѣтъ, можетъ, кажется намъ, считаться теперь уже рѣшеннымъ въ послѣднемъ смыслѣ. Дознаю, что суще-

шего юга, прежде чѣмъ впасть въ Черное море ¹⁾. Вся жизнь и промышленность этихъ степныхъ странъ сосредоточивалась на рѣкахъ, которыя привлекали къ себѣ все осѣдлое и болѣе развитое населеніе; въ широкихъ степяхъ располагались пришлые кочевники, которые, стремясь на западъ и постоянно смѣняя одинъ другихъ, почти не переводились въ этомъ краѣ и своими опустошительными набѣгами держали въ страхѣ сосѣднее осѣдлое населеніе. Эти степные кочевники со своими стадами перекочевывали съ мѣста на мѣсто, легко подымая съ собою все свое несложное имущество, и единственными слѣдами ихъ пребыванія оставались разбросанные по степи голые и одинокіе курганы — могилы, которые они имѣли обычай воздвигать надъ своими покойниками.

Въ IX вѣкѣ, т. е. въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, и еще ранѣе описываемый край представлялъ въ *этнографическомъ* отношеніи слѣдующую картину.

На сѣверъ отъ Каспійскаго моря и на востокъ отъ нижней Волги, въ степяхъ, примыкавшихъ къ необозримымъ равнинамъ средней Азіи кочевали и уже готовы были устремиться на западъ различные народы турецкаго племени, какъ напр. *Печенги, Половцы, Узы* и др. На сѣверъ отъ нихъ простирался жилища *восточныхъ Финновъ*, на окраинахъ въ пере-

ствованію лѣсовъ въ этой полосѣ препятствовали климатическія условія (продолжительная засуха) и недостатокъ влаги, такъ какъ собственно составъ почвы (чернозѣмъ) самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть препятствіемъ произрастанію лѣсовъ. Въ пользу того же вывода о *несуществованіи* лѣсовъ — свидѣтельствуетъ и исторія. См. сообщеніе объ этомъ вопросѣ Щуровскаго въ засѣданіи «Общества Любителей естествознанія, антропологии и этнографіи» 15 окт. 1880. Краткій отчетъ о немъ въ *Ж. М. Пр.* ноябрь, 1880, стр. 24—25 (Современ. Лѣтоп.), а также обстоятельный разборъ и рѣшеніе вопроса въ томъ же смыслѣ на основаніи выводовъ науки естествознанія и историческихъ данныхъ — въ рецензій *А. Майкова* на книгу Барсова «*Географія началъ. Лѣтописи*», Варшава, 1873 г. въ *Ж. М. П.* 1874 г. авг., стр. 259—276.

¹⁾ Нашъ даровитый знатокъ русской бытовой старины, г. Забѣлинъ въ своемъ описаніи природы русской земли характеризуетъ мѣткими и живыми чертами особенности нашей южной и сѣверной природы и различія въ бытѣ и характерѣ населенія здѣсь и тамъ. *Истор. Русс. Жизнь*, I, стр. 1—86.

мѣшку съ турецкими кочевниками (напр. Башкирами), далѣе же къ сѣверу составлявшихъ сплошную массу. На средней Волгѣ и нижней Камѣ жили на довольно далекомъ протяженіи Волжскіе и Камскіе *Болары*, въ державѣ которыхъ были элементы финскіе, а можетъ быть даже отчасти и славянскіе.

На западъ отъ Печенѣговъ, по сѣверовосточному берегу Каспійскаго моря, по нижней Волгѣ и на сѣверъ отъ Кавказа и Азовскаго моря, по всему теченію Дона и его притоковъ, на сѣверъ до Оки, на югозападъ до устьевъ Днѣпра и наконецъ на Крымскомъ полуостровѣ господствовали *Хозары*, полуосѣдлый народъ, достигшій уже въ ту пору извѣстной степени государственнаго и гражданскаго развитія. Въ VIII в. и въ первой половинѣ IX-го они находились во всемъ блескѣ своего могущества и силы ¹⁾. Множество сосѣднихъ племенъ различныхъ народностей, въ числѣ коихъ было не мало и Славянъ ²⁾, а по всей вѣроятности были и Финны, входили въ составъ ихъ обширной державы и платили имъ дань или служили ихъ воинственнымъ цѣлямъ. Сѣверными сосѣдями хозарскихъ владѣній, тамъ, гдѣ уже начиналась полоса лѣсовъ и бассейновъ р. Волги, отдѣленный отъ южныхъ степей незначительною возвышенностью (которая тянулась съ запада на востокъ и оканчивалась Самарскою лукою на Волгѣ) ³⁾, были угрюмые *Финны*, вѣроятно предки нынѣшнихъ Мещеряковъ и Мордвы; они насѣдали южные предѣлы обширной финно-угорской родины, занимавшей весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Наконецъ на западъ и сѣверозападъ отъ Хозаръ, и еще въ предѣлахъ ихъ владѣній простиралась не менѣе обширная жилища *русскихъ Славянъ*;

¹⁾ Срв. В. Григорьевъ, «Обзоръ политической исторіи Хазаровъ» въ его сборникѣ «Россія и Азія», Спб. 1876, стр. 57—59.

²⁾ О многочисленныхъ Славянахъ въ предѣлахъ Хозарской державы говорить между прочимъ арабскіе писатели: Аль-Балазури IX в. и Масуди X в. См. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (Спб. 1870), стр. 32 и 129—130. Срв. Барсовъ, Географія начальной лѣтописи, (Варш. 1873), стр. 129—130.

³⁾ См. Забѣлинъ, тамъ же, I, стр. 24.

ихъ географическое распредѣленіе по племенамъ извѣстно намъ изъ лѣтописи. Первенствующая роль между этими племенами принадлежала тѣмъ, которыя жили по теченію Днѣпра, а на сѣверѣ вокругъ озера Ильменя, однимъ словомъ на знаменитомъ торговомъ пути «изъ Варягъ въ Греки», а именно Полянамъ, Древлянамъ, Кривичамъ, Словенамъ и проч. Вѣтви этихъ русскихъ Славянъ простиралась довольно далеко на югозападъ и западъ, шли по рѣкамъ нижнему Днѣпру, Бугу и Днѣстру до нижняго Дуная ¹⁾, населяли нынѣшнюю Молдавію и Буковину, а затѣмъ тянулись и далѣе на западъ, за горы Карпатскія, въ Трансильванію и сѣверную Угрію, примыкая здѣсь къ своимъ западнымъ соплеменникамъ (Словакамъ). Наконецъ на сѣверозападъ отъ русскихъ Славянъ къ Балтійскому морю прилежали племена *Литовскія*.

Сѣверовосточный край Европейской Россіи по р. Камѣ, между сѣверной Двиной и Уральскимъ хребтомъ былъ въ древности извѣстенъ на сѣверѣ подъ именемъ *Бярмии*, первое историческое упоминаніе о которой относится къ IX в. ²⁾. Уже съ незапамят-

¹⁾ По всему Черноморью, отъ нижняго Днѣпра до нижняго Дуная, были распространены русскіе Славяне, принадлежавшіе (какъ свидѣтельствуется Песторъ) двумъ многочисленнымъ племенамъ, *Ульчамъ* (Уличамъ) и *Тиверцамъ*; средоточія ихъ были на р. Бугѣ и Днѣстрѣ. По Бугу жили Уличи, по Днѣстру—Тиверцы, имя которыхъ производятъ отъ древняго названія Днѣстра—*Тиастъ*. Предполагаютъ, что восточная вѣтвь Ульцевъ, жившая въ «углу», образуемомъ Днѣпромъ и окаймленномъ съ запада р. Ингульцемъ, носила частное названіе *Уличей*; въ такомъ случаѣ нельзя смѣшивать эти два схожія названія. Таково по крайней мѣрѣ наиболее правдоподобное рѣшеніе запутаннаго вопроса объ этихъ племенахъ у г. *Ламбина* («Славяне въ сѣверн. Черноморья», Ж. М. Пр. 1877, май). Эти черноморскіе Славяне (Уличи и Тиверцы) были отгѣснены отсюда на сѣверъ кочевниками, т. е. главнымъ образомъ Печенѣгами. Съ тѣхъ поръ (съ нач. X в.) ихъ жилища находились по верхнему теченію Буга и Днѣстра. Уличи жили между этими двумя рѣками, какъ доказывала *Ламбинъ* (тамъ же, 1877, июнь) и какъ подтвердилось затѣмъ чтеніемъ загадочнаго мѣста о нихъ въ *Повтород. литоп.* («межи Богъ и Днѣстръ»), отысканнымъ акад. А. О. Бычковымъ (Отчетъ о XIV присуд. Увар. нагр., 1872); срв. В. Васильевскій, рец. на Бруна: *Черноморье*, I. въ Ж. М. Пр. 1879, ноябрь, стр. 103.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ Русск. Исторія (Сиб. 1872), стр. 71.

ныхъ временъ край этотъ, особенно его восточная часть, прилегавшая къ горамъ Урала (гдѣ были горные промыслы), славилась повсюду своими природными богатствами и достигла важнаго торговаго значенія. Слѣды этой эпохи и донынѣ отыскиваются въ Пермской губерніи. И близкіе сосѣди (Камскіе и Волжскіе Болгары), и народы дальнихъ странъ вступали съ обитателями Біарміи въ торговыя сношенія. Уже Геродотъ приводитъ баснословные рассказы объ этой странѣ. Торговля ея съ югомъ, особенно съ прикаспійскими землями, шедшая самымъ естественнымъ рѣчнымъ путемъ по Камѣ и Волгѣ, началась очень рано: этимъ путемъ находили себѣ между прочимъ сбытъ и богатства средней Азіи. Но и Греки изъ своихъ черноморскихъ колоній рано познакомились и завели сношенія съ жителями Біарміи. Такимъ образомъ богатый греческій міръ нашего Черноморья долженъ былъ быть издавна соединенъ торговыми путями съ дальнимъ сѣверовостокомъ, съ Біарміей, и знакомъ съ ея обитателями, Юрью¹⁾. Такихъ путей по всей вѣроятности было нѣсколько, и конечно они шли не иначе, какъ по рѣкамъ, т. е. по главнымъ воднымъ сообщеніямъ. *Западный* путь шелъ (изъ греческой колоніи Ольвіи) по Днѣпру и по Деснѣ, затѣмъ Окою въ Волгу и Каму. *Восточный* направлялся изъ Босфора и Азовскаго моря по Дону до его поворота на западъ, затѣмъ переходилъ на Волгу и при устьѣ Камы сходилъ съ первымъ. Однако едва ли подлежитъ сомнѣнію, что между этими путями существовалъ еще третій—*средній*, который шелъ вверхъ по Дону и съ него переваломъ въ рѣчную систему Волги, т. е. Рязанскою областью въ Оку (вѣроятно, ея притокомъ Пронсой) и опять въ Волгу и Каму²⁾.

Съ первыхъ вѣковъ по Р. X. страну на сѣверъ отъ Каспійскаго моря и Кавказа, по ширинѣ Волгѣ и Янку занималъ, какъ мы видѣли, многочисленный народъ турецкаго происхожденія—

¹⁾ Уже поддѣе проникли съ торговыми цѣлями въ Біармію русскіе Славяне и Норманны. Последніе только въ IX в. Срв. Бѣстужевъ-Рюминъ, тамъ же.

²⁾ Срв. Забѣлина, тамъ же, стр. 34, 35.

Хозары. Съ шми-то издавна находились въ торговых сношеніяхъ какъ Камскіе и Волжскіе Болгары, такъ безъ сомнѣнія и сѣверовосточныя финно-угорскія племена Югры (въ Біарміи). Такимъ образомъ эти послѣдніе и Хозары могли очень рано познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ что и предки *Урогъ* (Мадыаръ) еще въ прароднигѣ своей мѣнялись товарами съ хозарскими кунцами, а въ такомъ случаѣ знакомство ихъ съ Хозарами относится къ очень древнему времени.

Къ VII и VIII в., какъ кажется, относится нѣкоторое распространеніе жилищъ и господства Хозаръ къ западу. Вслѣдствіе напора турецкихъ кочевыхъ ордъ (Печеніговъ и Узовъ), они принуждены были податься на западъ и утвердиться также на территоріи къ сѣверу отъ Азовскаго моря. Съ этимъ вмѣстѣ на берега Дона перемѣстились отчасти съ береговъ Каспійскаго моря (гдѣ при устьяхъ Волги процвѣтала ихъ столица *Итиль*) ихъ внутренніе экономическіе и политическіе интересы. Тогда-то, въ VIII в. и еще въ IX-мъ, они находились на вершинѣ своего могущества. Разумѣется, въ эту эпоху ихъ торговыя связи съ сѣверомъ, съ угро-уральскимъ краемъ не только не ослабѣли, но напротивъ должны были усиливаться. Только въ торговыхъ путяхъ сообщенія, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, могла произойти перемѣна. Путь по Волгѣ уже не былъ болѣе достаточно безопасенъ для ихъ торговыхъ экспедицій вслѣдствіе близости кочевыхъ хищныхъ Печеніговъ и Узовъ, которые безпрестанно рыскали по берегамъ Волги. Имъ поэтому оставалось избрать именно тотъ *средній путь всерхъ по Дону на перевалъ въ Оку*, о которомъ мы упомянули выше. Для донскихъ жителей такой путь былъ самый естественный и удобный. Очень можетъ быть, что именно для обезпеченія этого торговаго пути по Дону была построена Хозарами (приблизительно на крутомъ поворотѣ его на югозападъ)¹⁾, при помощи греческихъ

¹⁾ О спорѣ ученыхъ относительно мѣстоположенія Саркела, срв. В. Григорьевъ, Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, сб. «Россія и Азія», стр. 59—60, прим. 44.

виженеро́въ (въ 835 г.), крѣпость *Саркелъ*¹⁾ — противъ набѣговъ Печенѣговъ, которые заходили также за Волгу и могли легко явиться даже на Дону, тамъ, гдѣ онъ подходит на самое близкое разстояніе къ Волгѣ. Этотъ путь, которымъ хозарскіе купцы ѣздили въ Югру и на сѣверный Уралъ, не могъ быть безызвѣстенъ и тому населенію, съ которымъ они торговали, т. е. финно-угорскимъ племенамъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности и предкамъ нынѣшнихъ Угровъ. Скажемъ болѣе: предприимчивые люди изъ племенъ восточныхъ Финновъ сами могли ходить этимъ путемъ въ Хозарію.

Все эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что, когда Мадьяры, по выше разъясненнымъ причинамъ, рѣшились покинуть свою родину и искать новыхъ жилищъ, они не могли избрать иного пути, какъ по Камѣ и Волгѣ на Оку, и вверхъ по Окѣ — къ верховьямъ Дона (т. е. давно знакомый имъ торговый путь къ Хозарамъ). На Окѣ имъ впрочемъ предстоялъ выборъ, ибо путь раздваивался: одинъ шелъ переваломъ на Донъ къ Хозарамъ, другой — на Десну и Десною въ Днѣпръ къ днѣпровскимъ Славянамъ. Мадьяры, какъ увидимъ сейчасъ, предпочли первый изъ нихъ²⁾.

О самомъ переходѣ Мадьяръ въ Лебедію нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго уже застаютъ ихъ въ этой странѣ³⁾. Что касается органи-

¹⁾ Саркелъ, имя котораго объясняется изъ чувашскаго языка, гдѣ *шора* (= сари) значитъ *бѣлый*, а *киль* — *домъ*, означаетъ слѣдовательно «бѣлый домъ» и тождественъ съ *Бѣлой Вижой* Нестора; чувашскій языкъ (особ. древній), какъ языкъ турецкаго корня, былъ вѣроятно близокъ къ хозарскому. Срв. Куника, Уч. Зап. И. Ак. Наука, III, 1855, стр. 727—728; также Извѣстія *Аль-Бекри* о Руси и Славянахъ (Сиб. 1878), 1-е розысканіе Куника (стр. 125); срв. еще *Нансальву*, S. 257.

²⁾ Второй путь съ Оки — ея притоками (Угрою или Жиздрю) на Десну, даже не могъ быть, кажется, доступенъ Уграмъ, ибо именно здѣсь, на водораздѣлѣ рѣкъ Десны и Оки тянулись въ старину обширные дремучіе лѣса, извѣстные въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ *Брымскихъ* (рец. Л. Н. Майкова на книгу Барсова, Ж. М. Пр. 1874, авг., стр. 269), — лѣса, которые не могли не служить препятствіемъ движенію конныхъ Угровъ.

³⁾ На сколько заслуживаетъ вѣры рассказъ *Анонима*, было рассмотрено выше. Все, что до сихъ поръ на немъ основывали, остается безъ почвы.

зацин мадыарскыхъ полчищъ при переселеніи, то, если вѣрять извѣстіямъ, они состояли изъ *семи* племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего вождя; по крайней мѣрѣ о такомъ подраздѣленіи рассказываетъ Константинъ Багрянородный ¹⁾ (и Анонимъ). Общаго царя или вождя не было ²⁾. По всей вѣроятности для большаго удобства и порядка при передвиженіи, каждое племя было раздѣлено своимъ главою еще на болѣе мелкіе отряды и для каждаго избранъ особый начальникъ. Вообще на время пути Мадыары и ихъ турецкіе сотоварищи безъ сомнѣнія ввели у себя какую-нибудь *военную* организацію, въ родѣ той, какал въ новѣйшее время была введена (какъ было выше упомянуто) у калмыцкаго племени *Тортоговъ*, предпринявшаго въ прошломъ вѣкѣ далекое странствованіе съ береговъ Волги къ предѣламъ Китая ³⁾. Средствомъ пропитанія ихъ на пути были, разумѣется, все тѣ же охота и рыболовство, т. е. занятія, которыми они существовали и на родинѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ путь по большимъ рѣкамъ представлялъ особенныя удобства. Само собою разумѣется, что движеніе мадыарской орды сопровождалось грабежомъ и набѣгами на мирное осѣдлое населеніе, встрѣчавшееся на пути. Въ этомъ случаѣ впереди Мадыаръ отличались конечно турецкіе элементы, увлекавшіе за собой и послѣднихъ.

Въ продолженіе своего пути Мадыары, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ останавливались на болѣе значительное время. Такъ, есть основаніе думать, что подобной стоянкой была мѣстность на Окѣ въ нынѣшней Калужской губерніи. На это предположеніе наводитъ насъ рѣка *Угра* (притокъ Оки), обязанная по видимому этому обстоятельству (т. е. прохожденію здѣсь Угровъ)

Срв. напр. выводы Европеуса, «О народахъ средн. и сѣв. Россіи», Ж. М. П. 1868, № 7, стр. 69—70. Опроверженіе у Огородникова, Зап. Им. Геогр. Общ. по этнографіи, т. VII, стр. 21—22.

¹⁾ De Adm. Imp., с. 38. Впослѣдствіи Кабары (частица Хозаръ) присоединилась къ Мадыарамъ, какъ 8-е племя. De Adm. I. с. 40, р. 172.

²⁾ Fessler, S. 233.

³⁾ Pallas, Sammlungen histor. Nachrichten ab. die Mongol. Völkerschaften, I T. S.-Petersb., 1776, S. 90—96.

своимъ названіемъ. Прозвали ее такъ безъ сомнѣнія не сами Угры, а сосѣдніе Славяне.

Перейдя съ Оки (вѣроятно же всего—р. Упою) на Донъ и продолжая свой путь по Дону, Мадыры въ то же время вступили въ хозарскія владѣнія. Хозары вѣроятно сами назначили имъ мѣстности для кочевьевъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, который почерпнулъ свои свѣдѣнія (какъ выше замѣчено) между прочимъ и изъ славянскихъ источниковъ, эта страна, званная Уграмъ, называлась *Лебедіей* (*Λεβεδία*). Остается опредѣлить ея мѣстоположеніе.

По словамъ Константина, «Лебедіей» называлась эта страна по имени перваго воеводы Мадыръ Лебедіаса. Въ ней протекаетъ рѣка *Χιθμάς*, или иначе *Χιγγυλεύς*; она находилась по близости отъ земли Хозаръ. Никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній мы о ней не имѣемъ. Впослѣдствіи изъ этой страны Мадыры, вытѣсненные Печенѣгами, переселились въ страну «Ателькузу», гдѣ во времена Багрянороднаго жили Печенѣги.

Имена «Лебедія» и «Лебедіасъ», славянское происхожденіе которыхъ очевидно, не могутъ не напоминать намъ однородныхъ географическихъ названій въ Россіи: *Лебедянъ* (на Дону) въ Тамбовской губерніи, гор. *Лебединъ* въ Харьковской губерніи, *Лебединъ лѣсъ* (нынѣ Черный лѣсъ) въ Екатеринославской губерніи и проч. Но есть ли какаго-нибудь непосредственная связь между этими названіями и именами земли и вождя у Константина Багрянороднаго, это—вопросъ, для рѣшенія котораго къ сожалѣнію нѣтъ положительныхъ данныхъ. Большая часть ученыхъ, имѣя въ виду гор. Лебединъ Харьковской губерніи и Лебединъ лѣсъ Екатеринославкой губерніи, помещали и *Лебедію* Константина въ эти мѣстности ¹⁾. При этомъ принималась въ расчетъ и упо-

¹⁾ Thunmann, *Untersuch.*, 142; Fessler, 236—237. Карамзинъ, *Ист. Гос. Росс.*, I стр. 77, прим. 302; Zeuss, S. 750. Срв. Юргевичъ, *Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, 71, который, какъ извѣстно, объясняетъ русскія имена Днѣпровскихъ пороговъ изъ мадырскою языка и второе названіе Кіева у Константина В. *Σαδύχτις* считаетъ тоже мадырскимъ.

мянутая Багряпороднымъ р. *Χιδμας* или *Χιγγυλοῦς*, тождественная, кажется, съ упомянутой въ другомъ мѣстѣ (с. 42, р. 179) рѣкой *Σιγγυλ*, въ которой нельзя не узнать р. Ингула (или Ингульца). Итакъ, согласно съ этимъ, Лебедія должна была простираться между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, въ Харьковской губ., на юго-западъ по направленію къ порогамъ Днѣпровскимъ и за Днѣпръ, въ область рѣкъ Ингульца и Ингула. Съ другой стороны нѣкоторые изслѣдователи, имѣя въ виду не Лебедню Харьковской губ., а Лебедню Тамбовской, помѣщали мадыарскую Лебедию по верхнему теченію Дона, въ западный уголъ Тамбовской губ. и въ смежныя мѣстности ¹⁾. Однако мы не считаемъ возможнымъ на основаніи однихъ этихъ гадательныхъ сопоставленій съ увѣренностью опредѣлить мѣстоположеніе Лебедіи въ той или другой изъ означенныхъ странъ. Вообще, существовалъ ли дѣйствительно *цѣлый край* (вмѣстившій всю орду мадыарскую) по имени *Лебедія*, и затѣмъ въ какомъ отношеніи стоятъ это географическое названіе къ личному имени вождя Лебедіаса у нашего писателя, это вопросы, для рѣшенія которыхъ показанія одного Константина Багряпороднаго не достаточны. Въ свидѣтельствахъ послѣдняго для насъ всего важнѣе то, что у него съ пребываніемъ Мадыаръ въ южныхъ странахъ Россіи, по сосѣдству съ Хозарами, связаны имена чисто-славянскаго происхожденія. Изъ этого факта мы, кажется, имѣемъ полное право сдѣлать выводъ, что Мадыары, прибывъ по верхнему Дону въ южно-русскую степную страну и расположившись рядомъ съ Хозарами, вошли тотчасъ же въ самое близкое соприкосновеніе со Славянами (русскими), поселенія которыхъ простиралось тогда уже на востокъ по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, верхнему теченію Оки и даже вѣроятно по верхнему и отчасти среднему Дону. Самое же имя «Лебедія» доказываетъ только древность и

¹⁾ Шафарикъ, Сл. Др. Ц, 1 кн., стр. 390; Fessler-Klein, S. 49. ср. Cassel, M. Alt., S. 128. (Послѣдній вообще скорѣе еще болѣе запуталъ, чѣмъ разъяснилъ показанія К. Багр. своими толкованіями).

распространенность топографических названий этого корня на Руси: и до сих поръ они въ значительномъ числѣ разбросаны по разнымъ концамъ Россіи¹⁾. Гор. Лебединъ Харьковской губ. дѣйствительно заслуживаетъ въ данномъ вопросѣ нашего особеннаго вниманія, но лишь потому, что на ту же мѣстность, какъ на мѣсто угорскихъ кочевьевъ, наводитъ насъ другое соображеніе, еще гораздо болѣе убѣдительно. Именно въ Книгѣ Большаго Чертежа означена рѣчка *Уринъ* въ нынѣшней Харьковской губ., впадающая въ р. Уды, притокъ Дона²⁾. Въ этомъ названіи «Уринъ» (какъ и въ р. Угрѣ) дѣйствительно нельзя опять не видѣть слѣда Угровъ, которые въ теченіе нѣкотораго (не слишкомъ незначительнаго) времени кочевали въ этой мѣстности. И это названіе безъ сомнѣнія было дано Славянами, которые слѣдовательно въ ту эпоху уже жили въ этихъ краяхъ³⁾.

Что касается упоминанія Константиномъ рѣки *Χιγγυλοῦς* (гдѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется Ингуль или Ингулецъ), протекающей въ Лебедин, то оно никакъ не даетъ еще права отыскивать эту страну по ту (правую) сторону Днѣпра, а свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, лишь о томъ, что Мадыры, пріютившись во владѣніяхъ хозарскихъ, не ограничили своихъ скитаній и хищническихъ предпріятій какою-нибудь опредѣленною мѣстностью; напротивъ, отдѣльные ихъ отряды, вскорѣ по прибытіи въ придонскую степь, продолжали движеніе на югъ и югозападъ, рат-

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ г. Лебедина и Лебедяни: *Лебедино озеро* (Новгород. губ.), *Лебедино* (деревня Каз. губ.), *Лебединцы* (село Кіев. губ.), *Лебединь* (село Кіев. губ.), *Лебедь* (р. Томск. губ.) и проч. См. Географич. Словарь П. Семенова, т. III, стр. 18—20.

²⁾ Въ *Кн. Больш. Черт.* читаемъ: «А отъ рѣчки отъ Удъ на лѣвой сторонѣ Муравской дороги рѣчка Уринъ да Лопань; а рѣчка Угринъ пала въ Уды, а Лопань пала въ Харьковъ, а Харьковъ впаде въ Удъ и проч.». См. Географ. Словарь, Москва, 1803 г., ч. 6—7, стр. 540.

³⁾ Мы замѣтили выше (стр. 174), что *Книга Больш. Черт.* упоминаетъ о горѣ «Дентумъ» въ нынѣшней Воронежской губ., слѣдовательно приблизительно въ тѣхъ же странахъ. Г. Куникъ сблизаетъ съ этимъ именемъ названіе мадырской родины по Анониму «*Dentumoger*». Не беремся судить, насколько основательно это сблизженіе (*Извѣстія Аль-Бекри, Куника и Розена*, стр. 109).

полагаясь своими «всжами» то тутъ, то тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства и природныя условія, и совершая въ то же время грабительскіе набѣги въ разныя стороны. Оттого-то она такъ рано (въ перв. полов. IX в.) появляются уже на низьемъ Дунаѣ и затѣмъ на Крымскомъ полуостровѣ.

По словамъ Константина, Мадьяры въ то время (т. е. въ Лебедии) назывались не Турками, а «Σαβαρτοιάσφαλοι». Всѣ попытки ученыхъ объяснить это названіе не привели пока къ удовлетворительному результату. Довольно остроумно объясненіе Цейса, производившаго это слово изъ Swartias-phali, гдѣ первая часть соотвѣтствуетъ-де нѣмецк. *schwarz*, а вторая есть имя народа: такъ будто-бы прозвали Мадьяръ Варяги-Норманны, переводя русское названіе «Черные Угры» ¹⁾. Другіе ученые пытаются объяснить это слово то языкомъ *мадьярскимъ* ²⁾, то *персидскимъ* ³⁾, то *греческимъ* ⁴⁾ и т. д. Во всякомъ случаѣ оно, какъ справедливо замѣтилъ г. Клейнъ, очевидно носить слѣды греческой передѣлки ⁵⁾, а потому и объясненіе этого имени въ высшей степени затруднительно.

О Мадьярахъ въ періодъ ихъ сожительства съ Хозарами Константинъ Багрянородный рассказываетъ еще, что ихъ было семь племенъ; что они никогда не имѣли царя (ἄρχων), ни своего, ни чужого, но что были у нихъ какіе-то воеводы, изъ которыхъ первымъ былъ упомянутый Лебедіасъ. Живя рядомъ съ Хозара-

¹⁾ Zeuss, S. 749. Это объясненіе одобряетъ и Roesler, S. 150; Брунъ (Черноморе II, стр. 328) производитъ это слово изъ: Swart и Phali и думаетъ, что это имя было заимствовано Херсонскими или Воспорскими Грками у южскихъ ихъ сосѣдей.

²⁾ Fessler, S. 238 (Szabados, свободный; feles, равный).

³⁾ Cassel, S. 136 (Suvar, всадникъ; esp, лошадь).

⁴⁾ Σαβαρ, τοῦτοστι ἄσφαλοι, см. Fessler, S. 238. Нѣкоторые читаютъ это имя такъ: Σαβαρ ἤτοι ἄσφαλοι, т. е. Мадьяры будто-бы назывались *Савары*, т. е. безопасные (или твердые, храбрые), Fessler, *ibid.*, срв. Гильфердингъ, Соч. I т. стр. 87. Наконецъ были ученые, которые сближали это имя съ *Сабирами* (Prau); но все это — одни догадки, которымъ недостаетъ сколько-нибудь твердыхъ основаній.

⁵⁾ Fessler-Klein, S. 48.

ми, они участвовали во всѣхъ ихъ войнахъ. Хаганъ хозарскій за ихъ храбрость и содѣйствіе далъ въ жены ихъ первому воеводѣ Лебедіасу хозарку знатнаго происхожденія, отъ которой одна-кожъ послѣдній дѣтей не имѣлъ.

Итакъ Угры первоначально не имѣли общаго главы, т. е. царя или князя, а управлялись племенными начальниками, которыхъ Константинъ называетъ *воеводами*. Это показаніе носитъ на себѣ, можетъ быть, отпечатокъ источника, изъ котораго почеркнуто. Называли ли такъ сами Мадьяры своихъ племенныхъ вождей — мы не знаемъ; скорѣе примѣненіе къ нимъ этого титула принадлежитъ Славянамъ, находившимся въ сношеніяхъ съ Мадьярами и служившимъ источникомъ свѣдѣній о нихъ для византійцевъ ¹⁾. Вопросъ объ имени мадьярскаго вождя Лебедіаса или Лебеда остается темнымъ и послѣ всѣхъ высказанныхъ до сихъ поръ догадокъ ²⁾.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ Константинъ характеризуетъ отношенія Мадьяръ къ Хозарамъ. Совершенно естественно, что Хозары, допустивъ Мадьяръ расположиться въ своихъ владѣніяхъ, должны были рассчитывать на ихъ помощь въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ. И дѣйствительно, мы видимъ Мадьяръ за все время ихъ пребыванія въ «Лебедіи» въ союзѣ съ Хозарами, которыхъ высшій авторитетъ они признавали надъ собою ³⁾. Со стороны хозарскаго хагана была попытка, какъ

¹⁾ Срн. Zeuss, S. 760.

²⁾ Есть мнѣніе, сблизжающее имя Лебеда съ *ЕлсидОжъ* (Elöd) собственно мадьярской генеалогіи (Anonymi G. II., p. 8). Zeuss, *ibid.*; Fessler-Klein, S. 49. Szabó, *Biborban Született* (Записки Венг. Акад. II., т. I, Петъ, 1865, стр. 107) у *Sayovs*, p. 11.

³⁾ Въ противорѣчіи съ этими извѣстіями о дружественныхъ отношеніяхъ Мадьяръ къ Хозарамъ находится одно мѣсто въ свидѣльствахъ Ибнъ-Дасты. У него въ рассказѣ о походахъ Мадьяръ съ русскими Славянами вставлено извѣстіе, не имѣющее никакого отношенія къ рассказу: «Сказываютъ, что въ прежнія времена Хозаре, опасаясь Мадьяръ и другихъ сосѣднихъ съ землей своею народомъ, оказывались противъ нихъ врами». По формѣ своей это извѣстіе, правда, имѣетъ характеръ достоверности, но поскольку оно касается Мадьяръ, оно возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе. Понятно конечно, что

оказывается изъ Константина, еще болѣе укрѣпить связь ма-
дьярскаго племени съ Хозарамп, а именно бракомъ ихъ вождя съ
знатной хозаркой. Бракъ дѣйствительно состоялся, но во пер-
выхъ этотъ союзъ оказался бесплоденъ, во вторыхъ дальнѣйшія
обстоятельства разрушили планы тѣснѣйшаго сближенія этихъ
двухъ народовъ. Впрочемъ Хозары успѣли оказать довольно силь-
ное вліяніе на многія стороны жизни и народнаго характера
Мадьяръ, проводившихъ въ тѣсномъ общеніи съ ними во всякомъ
случаѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Не говоря уже о томъ, что
вопциственпый и предприимчивый характеръ Турковъ-Хозаръ не
могъ остаться безъ вліянія на Мадьяръ, послѣдніе, какъ мы ви-
дѣли, испытали вліяніе ихъ и на своей политической органи-
заціи, вліяніе, сказавшееся въ выборѣ ими одного общаго на-
роднаго вождя. Быть и правы Мадьяръ безъ сомнѣнія также
не остались внѣ этого вліянія. Не слѣдуетъ вообще забывать,
что къ воспріятію всякихъ вліяній со стороны Хозаръ Угры были
подготовлены уже въ прародинѣ — равнинъ сообществомъ и
смѣшеніемъ съ Турками.

Но рядомъ съ вліяніемъ хозарскимъ не слѣдуетъ упускать
изъ виду и другого, которое въ своемъ родѣ должно было быть
не менѣе сильно, и которое для насъ представляетъ особенную
важность и интересъ. Мы разумѣемъ вліяніе *славянское*. Угры
расположились въ странѣ, въ которой были разбросаны значи-
тельныя славянскія поселенія и которая съ одной стороны при-
мыкала къ чисто-славянскому (приднѣпровскому) краю. Слѣдова-
тельно первою народностью, съ которою Угры, по прибытіи въ
южныя степи, должны были имѣть дѣло, завязать тѣ или другія
сношенія, не считая Хозаръ, были *русскіе Славяне*. Если Хозары,

Хозары оказывались рвами противъ враговъ. Слѣды ихъ (валы) можно видѣть
и нынѣ въ Харьковской и Воронежской губ. Однакожъ врагами Хозаръ были
Печенѣги, мож. 6. Болгаре, русск. Славяне, но едва-ли Мадьяры. См. Хволь-
сонъ, стр. 121—122, который полагаетъ, что эта фраза «можетъ быть только
примѣчаніе читателя, попавшее, вслѣдствіе ошибки переписчика, въ текстъ,
и очевидно, на невѣрное мѣсто».

какъ сосѣди и какъ-бы верховные покровители Угровъ, оказали на нихъ столь замѣтное, въ нѣкоторомъ отношеніи воспитательное вліяніе, то съ другой стороны и мирные поселенцы—Славяне, среди которыхъ кочевали Мадьяры и трудами которыхъ они отчасти питались, должны были также имѣть на нихъ вліяніе, конечно не въ томъ же родѣ, какъ Хозары, но во всякомъ случаѣ не менѣе прочное.

Здѣсь, въ южныхъ степяхъ Россіи, въ этой Лебедин Константина Багрянороднаго Мадьяры впервые ближе познакомились съ тѣмъ племенемъ, отъ котораго имъ позднѣе пришлось еще столько заимствовать и въ государственномъ и въ домашнемъ быту, и въ нравахъ, и въ языкѣ. Кое-что изъ этой славянской стихіи навѣрно привилось къ нимъ уже въ эпоху ихъ общенія съ русскими Славянами между Днѣпромъ и Дюномъ (а затѣмъ и въ «Ателькузу»). Это первоначальное славянское вліяніе—въ противоположность хозарскому—происходило исключительно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта, всѣдневныхъ житейскихъ отношеній, а тѣмъ самымъ должно было уже тогда отчасти проникнуть и въ языкъ. Среди русскихъ Славянъ Мадьяры познакомились впервые ближе съ осѣдлою земледѣльческою жизнью, съ ея трудами, занятіями и обстановкой ¹⁾.

Что касается первоначальныхъ отношеній Мадьяръ къ Славянамъ, то кромѣ намѣковъ на нихъ въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, есть нѣсколько свѣдѣній объ этихъ отношеніяхъ въ свидѣтельствахъ арабскаго писателя Ибнъ-Дасты.

¹⁾ Ибнъ-Даста рассказываетъ (см. Хвольсонъ), что «въ странѣ Мадьярской, прилегающей къ Черному морю, много хлѣбопахотныхъ полей». Хотя эти поля и обрабатывались не Мадьярами, а Славянами, все-же это свидѣтельство доказываетъ, что Мадьярамъ было, гдѣ поучиться хлѣбопашеству и что они действительно уже тутъ приглядѣлись къ нему. Впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ мадырскаго языка можно думать, что они получили первыя понятія о земледѣліи еще отъ Турковъ. См. Hupfaly, S. 175. Исчисленіе названій предметовъ, относящихся къ земледѣлію и заимствованныхъ Мадьярами у Славянъ см. Šulek, Pogled iz biljarstva u praviek Slavezah etc., Rad, XXXIX, 1877, стр. 252.

Трудно окончательно рѣшить, какую именно обширную страну имѣеть въ виду этотъ писатель, говоря о жилищахъ Мадьяръ, «прилегающихъ одною окраиною къ румскому (т. е. Черному) морю». Судя по описанію, здѣсь скорѣе надо разумѣть «Ателькузу»,¹⁾ т. е. позднѣйшее мѣстожителство Угровъ, тѣмъ болѣе, что пребываніе ихъ тамъ и по времени ближе къ эпохѣ, въ которой жилъ и писалъ Ибнъ-Даста²⁾. Но во всякомъ случаѣ его свидѣтельства, хотя и относятся къ иному, нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ свидѣтельство Константина о Лебедіи, все-таки не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ извѣстному, строго опредѣленному времени или мѣсту, а обрисовываютъ отношенія и жизнь Мадьяръ вообще во время ихъ кочевокъ по сосѣдству съ Хозарами, по обширнымъ пространствамъ южной Руси и по берегамъ Чернаго моря. Ибнъ-Даста изображаетъ Мадьяръ—повелителями и даже притѣснителями Славянъ. Этому показанію нельзя не вѣрить: таковы и должны были быть ихъ первоначальныя отношенія къ туземцамъ. «Мадьяры, говоритъ Ибнъ-Даста, господствуя надъ всѣми сосѣдними Славянами, налагаютъ на нихъ тяжелыя оброки и обращаются съ ними, какъ съ военноплѣнными»³⁾.

Затѣмъ тотъ же источникъ рассказываетъ, какъ Угры поступали съ своими славянскими плѣнниками (которыхъ они добывали главнымъ образомъ во время своихъ набѣговъ на сосѣднія славянскія земли): они отводили ихъ берегомъ моря къ одной изъ

¹⁾ Хвольсонъ, стр. 118—119; Гунфальви (S. 132—133) ошибается, относя эти извѣстія къ Лебедіи.

²⁾ Ибнъ-Даста писалъ свое сочиненіе, по соображеніямъ ученыхъ, не позже 913 года. См. Хвольсонъ, Введеніе, стр. 4.

³⁾ Тутъ Ибнъ-Даста прибавляетъ еще, что «вѣра Мадьяръ огнеспоклонническая». Другихъ свидѣтельствъ о первоначальной религіи Мадьяръ мы не имѣемъ. Будучи языческою, она можетъ быть и имѣла особенный характеръ *отеночитанія*, которое было распространено у племенъ, сродныхъ съ Мадьярами. У Аль-Бекри повторено это мѣсто Ибнъ-Дасты, но мѣсто огнеспоклонниковъ они названы «идолопоклонниками». Хвольсонъ, тамъ же, стр. 120, 121. Съ хозарскими элементами проникли вѣроятно къ Мадьярамъ въ нѣкоторой степени и магометанство и иудейство.

пристаней румской земли, по имени Кархъ. Здѣсь Греки выходили къ нимъ на встрѣчу¹⁾. Мадыры заводили съ ними торгъ, отдавали имъ плѣнниковъ своихъ, а взаменъ ихъ получали греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары²⁾. Это извѣстіе, характеризующее воинственную дѣятельность Мадыръ на равнинахъ южной Руси, ихъ отношенія къ сосѣднимъ Славянамъ и торговыя сношенія съ Греками, само по себѣ весьма важное, любопытно для насъ и потому, что показанія этихъ плѣнниковъ, какъ мы выше замѣтили, и были по всей вѣроятности тѣмъ славянскимъ источникомъ, изъ котораго между прочимъ черпали свои свѣдѣнія о Мадырахъ византійцы.

Что касается греческой пристани «*Кархъ*», то мы не беремся рѣшить, какой именно греческій городъ здѣсь разумѣется. Довольно правдоподобно предположеніе г. Хвольсона, отождествляющее его съ городомъ Каркинитомъ или Каркиной, упоминаемымъ еще Геродотомъ и другими древними писателями и находившимся «на южномъ склономъ берегу, по сю сторону Таврическаго полуострова»³⁾.

О Мадырахъ и ихъ внутреннихъ отношеніяхъ въ ту же

¹⁾ Греки вѣроятно сами побаивались Мадыръ и не рѣшались пускать ихъ въ стѣны своего города. См. Хвольсонъ (тамъ же, стр. 122, прим. 58), который замѣчаетъ, что подобную же предосторожность принимали и Генуэзскіе колонисты въ Кафѣ.

²⁾ По словамъ г. Хвольсона (стр. 122), «Масуди говоритъ о четырехъ турецкихъ народахъ, къ которымъ принадлежали и Мадыры, что они обыкновенно мѣняли взятыхъ ими въ плѣнъ женщинъ и дѣтей на матеріи и платья шелковыми и парчевыми». Персидскій писатель XV вѣка Шукръ-Аллахъ такъ передаетъ извѣстіе Ибнъ-Дасты объ отношеніяхъ Мадыръ къ Славянамъ: «Мадыры съ одной стороны, а Славяне и Руссы съ другой стороны, постоянно воюютъ другъ съ другомъ. Первые побѣждаютъ послѣднихъ, берутъ ихъ въ плѣнъ, приводятъ въ Византійское государство и продаютъ ихъ тамъ». Упомянутый изслѣдователь (стр. 123), у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, приводитъ его въ примѣръ обращенія позднѣйшихъ авторовъ съ древними источниками, извѣстія которыхъ они часто передѣлывали или извращали.

³⁾ Хвольсонъ, стр. 121. Противъ мнѣнія Хвольсона высказался Брунъ, видѣвшій въ Кархѣ—городъ Корчезъ, подъ которымъ уже былъ будто-бы въ X вѣкѣ извѣстенъ Русскимъ гор. Паптикалеа (Конст. Багрянор. Таматаргу) т. е. Керчь, См. «Черноморье», II, стр. 320.

эпоху странствованія на сѣверъ отъ Чернаго моря Ибнъ-Даста рассказываетъ еще, что «глава Мадьяръ, которому они всѣ безусловно повинуются, выступаетъ въ походъ съ 20,000 всадниковъ; глава этотъ или царь носитъ титулъ *Кендеһ*, а собственное имя его *Джыла*. Очевидно это извѣстіе относится уже къ тому времени, когда Угры, подъ вліяніемъ Хозарь, избрали себѣ одного общаго вождя, о чемъ подробно рассказываетъ Константины Багрянородный.

Что касается приводимыхъ именъ *Кендеһ* и *Джыла*, то къ нимъ нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ; очень возможно, что они искажены. По мнѣнію г. Хвольсона, надо принимать наоборотъ: «Джыла» за *титулъ* (напоминающій мадырскій титулъ *Gylas* (γυλάς) у Константина Багрянороднаго)¹⁾, а *Кендеһ*—за *собственное имя*²⁾. Это послѣднее онъ съ помощью уже слишкомъ смѣлой догадки отождествляетъ съ *Лебедомъ* Константина Багрянороднаго и дѣлаетъ такимъ образомъ очевидную натяжку³⁾. Впрочемъ есть возможность объяснить имена Ибнъ-Дасты и въ томъ видѣ, какъ они расположены у него, т. е. не переставляя ихъ: *Джыла* напоминаетъ собственное имя *Gyula*, встрѣчающееся въ мадырской хроникѣ (Ист. Бѣлы, гл. 6), а *Кендеһ*—титулъ перваго хозарскаго вельможи послѣ Пеха, *Кендеръ-хакана*⁴⁾.

Далѣе Ибнъ-Дасти рассказываетъ о кочевомъ образѣ жизни Мадьяръ, что они «живутъ въ шатрахъ и перекочевываютъ съ

¹⁾ Const. Porph. De Adm. Imp., С. 40, р. 174: ἰστέον ἔτι ὁ γυλάς καὶ ὁ κερχᾶν οὐκ ἰστίον ὀνόματα χύριχ ἀλλὰ ἀξιώματα. Эти названія γυλάς и dzila отождествляетъ и Томашекъ въ упомянутой рецензій на Реслера, стр. 161. По мнѣнію этого ученаго, званіе *иласа* заимствовано Мадьярами у турковъ-Хозарь; съ уничтоженіемъ званія исчезло и слово, ибо *диулѣс*, *собраніе*, ничего общаго съ нимъ не имѣетъ (см. Roesler, *ibid*, 8. 163).

²⁾ Тамъ же, стр. 115—117.

³⁾ Срв. разборъ кн. Хвольсона — Готвальдомъ. Отчетъ о XIII Присуденіи Уваровск. Преміи, Спб. 1872, стр. 383.

⁴⁾ Хвольсонъ, тамъ же, стр. 116, 117; Hunfalvy (S. 142) сопоставляетъ *Кендеһ* съ мад. слов. *Kend*, употребляемымъ Мадьярами въ сельскомъ просторѣчій въ смыслѣ «Вы» при обращеніи.

мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища ¹⁾)... Съ наступленіемъ зимняго времени, кто изъ нихъ къ какой рѣкѣ ближе, къ той рѣкѣ прикочевываетъ и остается тамъ въ продолженіе зимы, занимаясь рыболовствомъ. Жить имъ зимой у тѣхъ рѣкъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Земля Мадырь богата лѣсами и водами и почва тамъ сыра. Много у нихъ также и хлѣбопахотныхъ полей». Это послѣднее описаніе свойства земли, обиліе воды и лѣсовъ и сырость почвы, по справедливому замѣчанію г. Хвольсона, ²⁾ скорѣе всего относится къ странѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, т. е. къ нынѣшней *Бессарабіи*.

Ибигъ-Даста, подобно Константину Багрянородному и Масуди ³⁾, называетъ Мадырь *турецкимъ* племенемъ. Это показаніе византійцевъ и арабовъ, хотя въ сущности и ошибочное, все-же имѣетъ нѣкоторое значеніе, пбо можетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ сплени былъ среди Мадырь турецкій элементъ и насколько они самп. усвоили себѣ турецкій характеръ кочевой жизни и вошнихъ пріемовъ, всѣ характерныя черты степныхъ кочевниковъ къ тому времени, когда въ цивилизованнѣйшій міръ проникли первые слухи о ихъ появленіи на берегахъ Понта и приближеніи къ границамъ Восточной имперіи. Причисленію Мадырь къ Туркамъ много способствовало и то, что они предстали передъ Греками и вообще передъ всѣмъ западомъ въ видѣ конныхъ полчищъ, какими постоянно являлись орды кочевыхъ турковъ-азіатовъ.

¹⁾ Соответствующее этому показанію находится у позднѣйшаго арабскаго писателя Абуль-Феды (XIV в.): Этотъ народъ (т. е. Мадыры) имѣетъ палатки и шатры и отыскиваетъ мѣстности, оплодотворяемыя дождемъ и мѣста травянистыя. Хвольсонъ, тамъ же, стр. 118.

²⁾ Тамъ же, стр. 119.

³⁾ Масуди говоритъ о Чернохъ морѣ: «по показаніямъ астрономовъ и древнихъ ученыхъ объ этомъ морѣ выходитъ, что море Болгарь, Руссовъ, Нагайцевъ, Печенѣговъ и Баджгардовъ (т. е. Мадырь) — послѣдніе три народа турки — не что иное, какъ Черносе». Въ другомъ мѣстѣ Масуди говоритъ о четырехъ кочующихъ турецкихъ племенахъ, живущихъ къ западу отъ Хозаръ и часто воюющихъ съ Византіянами. Къ этимъ племенамъ причисляетъ онъ Печенѣговъ и Баджгардовъ; конечно подъ послѣдними только и можно разумѣть Мадырь. См. Хвольсонъ, тамъ же, стр. 104.

Быстрый конь былъ самою необходимою принадлежностью восточнаго степняка-воина; онъ служилъ ему равно вѣрно и въ походахъ, и въ домашнемъ быту, для нападений и для защиты, для спасенія отъ погони; безъ этого неизмѣннаго друга онъ не могъ существовать ¹⁾). Естественно, что и конныхъ Мадьяръ Арабы и Греки отнесли къ тому же типу турецкихъ выходцевъ съ востока, къ которому они причисляли и Хозарь, а позднѣе Печенѣговъ, Узовъ и другихъ ²⁾).

Мы сказали выше, что Мадьяры, кочуя между Дономъ и Днѣпромъ, не ограничивались опредѣленною мѣстностью, но предпринимали болѣе отдаленные походы и набѣги, и притомъ часто независимо отъ Хозарь. Весьма возможно даже, что нѣкоторые ихъ отряды, отдѣлившись отъ главной массы, очень рано проникли вдоль берега Чернаго моря, къ нижнему Дунаю, и рыскали на сѣверъ отъ него, въ нынѣшней Бессарабii и южной Молдавиi. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить на основанiи перваго извѣстiя у византiйцевъ объ Уграхъ и объ ихъ невольномъ, впрочемъ, вмѣшательствѣ въ греко-болгарскiя отношенiя.

Это первое византiйское свидѣтельство объ Уграхъ, относящее повидному ихъ первое появленiе на Дунаѣ еще къ 30-мъ годамъ IX вѣка, весьма любопытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно требуетъ особенно внимательнаго разсмотрѣнiя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько такихъ сбивчивыхъ данныхъ, которыя весьма затрудняютъ рѣшенiе вопроса о времени разсказаннаго въ немъ эпизода.

Эпизодъ этотъ передается *Георгиемъ Амартоломъ* или вѣрнѣе

¹⁾ См. характеристику значенiя коня въ жизни степняка у Забѣлина, *Ист. Русск. Жизни*, I, стр. 15.

²⁾ Наконецъ наименованiе Мадьяръ «Турками» у византiйцевъ зависѣло въ значительной мѣрѣ и отъ того, что послѣднiе считали Мадьяръ очень близкими къ Хозарамъ, которыхъ они также часто называли «Турками» (Георг. Амарт.). Г. Куникъ полагаетъ, что византiйцы, называя Мадьяръ Турками, имѣли въ виду лишь господствующую у Мадьяръ династiю, бывшую по его мнѣнiю *турецкою*. *Уч. Зап. А. Н.*, III, 1855, стр. 729.

его *Продолжателем*¹⁾, по поводу рассказа о дѣтскихъ годахъ императора Василія Македонянина, и находится также (съ нѣкоторыми варьянтами) въ хроникѣ *Льва Грамматика* (т. е. собственно Сим. Логооста, послужившаго источникомъ Продолжателю Амартала, см. стр. 200). Рассказъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Болгарскій князь Крумъ, взявъ во время войны съ Византіей Адрианополь, переселилъ массу плѣнныхъ (12,000 безъ женщинъ) въ задунайскую (сѣверную) Болгарію (*πέραν τοῦ Δαυσιβίου*)²⁾. Въ числѣ ихъ находился и ребенокъ Василій (будущій императоръ) со своими родителями. Въ царствованіе императора Θεοφλα (829—842) эти греческіе переселенцы возымѣли намѣреніе силою вернуться на родину. Хлопотавшій объ этомъ македонскій воинскій начальникъ Кордиль побудилъ Θεοφла послать на Дунай необходимое число судовъ, чтобы доставить переселенцевъ въ Византію. Княземъ болгарскимъ былъ тогда будто-бы Владиміръ, внукъ Крума и отецъ Симеона.

Между тѣмъ Македоняне, не дожидаясь помощи, собрались переправляться черезъ Дунай *въ то время, какъ Михаилъ Болгарскій пошелъ на Солунь*. Но Болгары (бывшіе на другой сторонѣ рѣки), замѣтивъ намѣреніе Македонянъ, переправились сами, однако въ послѣдовавшемъ за тѣмъ сраженіи потерпѣли неудачу. Вотъ тутъ-то, находясь въ критическомъ положеніи, они и обратились за помощью къ *Уграмъ*.

Ясно слѣдовательно, что Угры въ то время находились гдѣ-то очень близко отъ Дуная, такъ сказать подъ рукою у Болгаръ, ибо

¹⁾ Георгій Амарталъ писалъ свою хроникку въ царствованіе Михаила и Θεοδору (кончилъ ее кажется въ 866 г.), но самъ довелъ ее только до 842 г., т. е. до смерти Θεοφла. Продолженіе же писано другимъ авторомъ и относится къ болѣе позднему времени, къ 2-й пол. X в. (Hirsch, Byz. St., 2, 8; 5—6; 52—53). Такииъ образомъ и нашъ эпизодъ, помѣщенный уже въ главѣ о царствованіи Михаила и Θεοδору, былъ вписанъ вѣроятно гораздо позже. Доказательство находимъ въ немъ самомъ. Говоритъ о «Владиміръ, какъ отецъ (?) Симеона, царствовавшаго послѣ», возможно было во всякомъ случаѣ не ранѣе половины X вѣка.

²⁾ Въ хроникѣ Льва Грамматика (Ed. Bonn. p. 231): *μὲν τῶν Δαυσιβίου*.

въ противномъ случаѣ послѣдніе врядъ-ли успѣли бы прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію: имъ нужна была самая быстрая помощь. Но спрашивается, откуда взялись здѣсь Угры? Всего вѣроятнѣе, что появленіе ихъ при этомъ обстоятельстве было совершенно случайное и внезапное. Еслибъ ихъ кочевья уже были ранѣе расположены въ этой мѣстности ¹⁾, то конечно сами македонскіе переселенцы не преминули бы воспользоваться ихъ помощью противъ Болгаръ. Это было безъ сомнѣнія, вопреки показанію Георгія, *небольшой* отрядъ, совершавшій одинъ изъ хищническихъ своихъ набѣговъ и зашедшій довольно далеко на югозападъ. Только допустивъ его сравнительную малочисленность, можно объяснить то обстоятельство, что онъ такъ легко былъ два раза обращенъ въ бѣгство греческими переселенцами. Греческій лѣтописецъ говоритъ о «несмѣтномъ числѣ Угровъ» очевидно лишь для возвеличенія подвига своихъ соотечественниковъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Угры называются то *Уннами*, то *Турками*. Можно думать, что въ ту эпоху, когда это было писано, за ними не установилось еще окончательно это послѣднее имя, т. е. «Турки».

Итакъ на выручку къ Болгарамъ явились Угры въ то самое время, когда съ другой стороны прибыли изъ Византіи суда для переезда Македоняцъ. Угры, вѣрные своимъ хищнымъ инстинктамъ и вмѣшавшіеся въ дѣло, конечно, скорѣе въ надеждѣ самимъ поживиться, чѣмъ ради Болгаръ, обратились къ переселенцамъ съ требованіемъ отдать имъ все имущество и затѣмъ убираться хоть на всѣ четыре стороны. Греки конечно не пошли на это и ожидали, что будетъ. Когда они черезъ 3 дня сдѣлали попытку съѣсть на суда, Угры напали на нихъ, но въ происшедшей битвѣ потерпѣли поражение. То же самое повторилось и на слѣдующій день: Угры были вторично разбиты и подверглись преслѣдованію. Послѣ этого Македоняцамъ удалось съѣсть на ожидавшія ихъ суда и благополучно прибыть въ Византію, откуда они уже сухимъ путемъ вернулись на родину. Въ числѣ ихъ былъ и будущій импе-

¹⁾ Такъ безъ достаточнаго основанія полагаетъ Тулманъ, стр. 137.

раторъ Василій—въ то время 25 лѣтней молодой человѣкъ¹⁾). Любопытно между прочимъ въ этомъ разсказѣ то, что съ появленіемъ на сцену Угровъ совершенно прекращается рѣчь о Болгарахъ: о нихъ далѣе не упоминается ни однимъ словомъ. По всей вѣроятности они были въ такомъ незначительномъ числѣ, что сами не могли оказать достаточнаго сопротивленія переселяющимся; убѣдившись, что и Угры не въ состояніи съ ними справиться, они можетъ быть поспѣшили вернуться во свояси, предоставивъ Македонянг ихъ судьбѣ.

Такъ какъ этотъ эпизодъ любопытенъ для насъ главнымъ образомъ ради перваго столкновенія Угровъ съ Греками, то важнѣе всего было бы рѣшить вопросъ, къ какому именно времени относится это первое извѣстное намъ вмѣшательство Мадьяръ во взаимныя отношенія Восточной имперіи и ея сосѣдей. Къ сожалѣнію данныя, которыя мы находимъ въ разсказахъ византийцевъ, настолько противорѣчны и сбивчивы, что отвѣчать на поставленный вопросъ можно во всякомъ случаѣ только предположительно, не пропуская послѣдняго слова.

Данныя эти состоятъ въ слѣдующемъ: по Продолжателю Георгіа Амартола и Льву Грамматіку пребываніе македонскихъ жителей въ плѣну (за Дунаемъ)²⁾ продолжалось съ 813 или 814 г. при Левѣ Армянинѣ (813—820) и Михаилѣ II Бальбѣ (820—829), а возвращеніе ихъ состоялось при Ософилѣ (829—842).

¹⁾ У Константина Багрянороднаго въ *Vita Basilii* (см. Theoph. Contin. Ed. Bonn. I. V, с. 4—5, р. 216—218) и затѣмъ у Кедрива (Cedren., р. 184—186) возвращеніе плѣнныхъ въ Македонію разсказано совершенно иначе: Болгары послѣ пораженія, нанесеннаго Грекамъ, сами возвратили греческихъ плѣнныхъ по договору. Было это при кн. Мортагонѣ. Подробностей возвращенія и эпизода съ Уграми у этихъ византийцевъ вовсе нѣтъ. У Константина Багрянороднаго (*Vita Basilii*): ἀρτί δὲ ἐκκεκτομένους θεοῦ τὸν λαόν αὐτοῦ καὶ τὴν ἕξοδον αὐτοῖς πρὸταναύοντες (ὁ γὰρ τῶν Βουλγάρων ἀρχὴν μὴ θυνόμενος ἐπὶ κολῶ πρὸς τὰς Ῥωμαϊκὰς δυνάμεις ἀνταγωνίζεσθαι πάλιν εἰς ὑπέκτισιν ἐνεκεν). У Кедрива: ὁ τῶν Βουλγάρων ἀρχηγὸς πολλὰς θραύσεῖς καὶ μὴ θυνόμενος ἐπὶ πλῆθον πρὸς τὰς Ῥωμαϊκὰς δυνάμεις ἀπικαθίστασθαι εἰρήνην ἀπὸ τῆς μάχης ἀσπίζεται καὶ ἀπολῆναι τῆς αἰχμαλωσίας τὸν λαόν. Здѣсь Мортагонъ названъ ошибочно Кругѣγων.

²⁾ Вѣроятно въ южной части нынѣшней Валахія.

Василій (будущій императоръ) былъ груднымъ младенцемъ, когда родители его были уведены въ неволю ¹⁾ (814). При возвращеніи же изъ плѣна ему было 25 лѣтъ. Эти показанія довольно опредѣленны; на основаніи ихъ эпизодъ появленія Угровъ на Дунаѣ приходится отнести къ 838—839 году ²⁾. Но вопросъ сильно запутывается, какъ скоро пытаешься согласить этотъ выводъ съ другими хронологическими указаніями и намеками того же рассказа, а именно съ именами болгарскихъ князей, упоминаемыхъ при этомъ византійскими историками. Георгій Амартагъ (и Левъ Грамматикъ), рассказавъ о предпріятіи Кордла, замѣчаетъ: «княземъ же Болгаріи былъ Владиміръ (ὁ Βαλδῖμερ), внукъ Крума (ἔγγονος Κρούμου), отецъ Симеона, царствовавшего послѣ». Затѣмъ слѣдуетъ: «населеніе (Македоняне) приняли рѣшеніе съ женами и дѣтьми уйти въ Романію. Когда Михаѣль Болгарскій отправился въ Солунь (ἔξελεθόντος δὲ τοῦ Μιχαήλ Βουλγάρου ἐν Θεσσαλονίκῃ), они (Македоняне) стали переправляться собственными средствами и т. д.» Итакъ здѣсь рядомъ названы два болгарскіе князя, княженіе и дѣятельность которыхъ относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ къ 30-мъ годамъ IX вѣка, если только не разумѣть здѣсь никого другого, какъ Михаѣла-Бориса (843—885) и его сына Владиміра (ок. 885—888). Наконецъ другіе источники (Константинъ Багрянородный и Кедригъ) относятъ это событіе, какъ мы видѣли, къ князю Мортагону, царствовавшему отъ 814 года до начала 30-хъ годовъ, т. е. ранѣе предполагаемаго выше срока (838).

Есть ли возможность какъ-нибудь примирить эти противорѣчивыя показанія или хотя разъяснить ихъ происхожденіе? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что извѣстіе о Владимірѣ заключаетъ въ себѣ двѣ существенныя ошибки. Владиміръ не былъ, какъ извѣстно, ни внукомъ Крума, ни отцомъ Симеона, а былъ братомъ по-

¹⁾ Συνέβη μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοὺς τοῦ Βασιλείου γεννήτορας, ὑπεράξιον αὐτῶν ἐπὶ φέροντα, εἰς τὴν Βουλγάριαν ἀποχθῆναι γῆν... Cedren., p. 184 (Ed. Bonn.).

²⁾ Шафарикъ относитъ его къ 836 г. (II кн. I, 287), тоже и Гумфальви, стр. 109; Муральтъ (Essai de Chronogr. Byz. I, 1855. p. 417)—къ 837-му г.

слѣднѣго, старшимъ сыномъ Бориса. Царствовалъ онъ очень не долго, и за свое распутство и злодѣянія былъ лишенъ престола отцомъ, ослѣпленъ и заключенъ въ монастырь; на его мѣсто былъ возведенъ его младшій братъ Симеонъ (888). Такимъ образомъ упоминаніе Владиміра въ нашемъ разсказѣ совершенно не кстати. Надо предположить, что или имя это стоитъ ошибочно, вмѣсто имени другого князя (Пресьяма?)¹⁾, или представляетъ можетъ быть позднѣйшую вставку. Вопросъ рѣшить тѣмъ труднѣе, что порядокъ и хронологія болгарскихъ князей за все это время (отъ Крума до Симеона) далеко не установлены и донынѣ мнѣнія ученыхъ на этотъ счетъ расходятся. Наболѣе правдоподобный порядокъ слѣдующій: *Омортагъ* или *Мортагонъ*, преемникъ и можетъ быть сынъ Крума, умеръ кажется около 835 года, ибо въ 836 году болгарскій престолъ положительно уже занялъ *Пресьямъ*, воевавшій, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, съ сербскимъ княземъ Властиміромъ три года, приблизительно отъ 836—839. Около 843 л. Пресьяму наследовалъ его сынъ *Борисъ-Михаилъ*, царствовавшій кажется до 885 года²⁾. Итакъ, согласно съ

¹⁾ Намъ кажется возможнымъ сдѣлать здѣсь еще и другое предположеніе: не спуталъ ли здѣсь Продолжатель Георгія съ Владиміромъ имя, довольно близкое по звукамъ—Маломіра, бывшаго дѣйствительно, по свидѣтельству архіепископа Оеофіакта (въ Тиверіуп. мучен. въ Патрол. Миня, т. 126, § 31 и слѣд.), внукомъ Крума, младшимъ сыномъ Мортагона и вступившаго будто-бы на престолъ послѣ отца (Голубинскій, Очеркъ Пр. Ц., стр. 6). Еслибъ послѣднее было вѣрно (чему однако противорѣчитъ извѣстіе Константина Багрянороднаго), то не было бы ничего неестественнаго въ упоминаніи его въ 838 г. Наконецъ не былъ ли можетъ быть Маломіръ въ то время княземъ-наместникомъ въ сѣверной, задубайской Болгаріи, о которой въ нашемъ разсказѣ именно идетъ рѣчь, если только вообще можно допустить существованіе такихъ князей-наместниковъ? (Палаузовъ, Вѣкъ Болг. ц. Симеона, стр. 37).

²⁾ Принимая этотъ порядокъ, мы слѣдуемъ Константину Багрянородному. См. Шафарикъ II, 1 к., стр. 287, 288 и слѣд., Dümmler, S.-Ö. M., 82; Ирецекъ (пер. Бруна), стр. 182—4. Нѣкоторые (въ томъ числѣ и Ирецекъ) относятъ вступленіе на престолъ Бориса къ болѣе позднему времени, а именно къ 852 г.—Оеофіактъ, архіепископъ Охридскій, передаетъ дѣло иначе: у Мортагона было трое сыновей: Эправота (Ευραβώτης) или Боинъ (Βοίνος), Звеница Ζβνιτσ(α) и Маломіръ; послѣдній наследовалъ отцу, а преемникомъ его былъ Борисъ-Михаилъ, сынъ Звеницы, а не Пресьяма. Этого свидѣтельства держится Голубинскій (тамъ же, стр. 6; 21).

этой хронологіей, если относить занимающій насъ эпизодъ къ 838 году, то болгарскимъ княземъ былъ тогда Пресьямъ. Но въ такомъ случаѣ почему византійцы упоминаютъ тутъ же о Михаилѣ? Княземъ могъ быть только одинъ изъ двухъ. О походѣ кн. Михаила на Солунь въ то время мы ровно никакихъ другихъ извѣстій не имѣемъ. Между тѣмъ очень вѣроятно, что Болгары были отвлечены тогда какимъ-нибудь военнымъ предпріятіемъ, такъ какъ македонскіе переселенцы хотѣли именно воспользоваться отдаленіемъ болгарскихъ силъ. Намъ предстоитъ такимъ образомъ допустить одно изъ двухъ: или вѣрнѣе 838 годъ,—тогда ошибочно упоминаніе кн. Михаила, не могшаго еще быть княземъ; или это событіе произошло дѣйствительно при Михаилѣ, и тогда придется отнести его не ранѣе, какъ къ 842—43 г., а въ такомъ случаѣ слѣдовательно должно быть не вѣрно первое показаніе.

Сопоставивъ и взвѣсивъ эти два предположенія, мы не можемъ не высказаться въ пользу перваго изъ нихъ, которое, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, считаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ. Во-первыхъ опредѣленіе времени обстоятельствами жизни Василия имѣетъ для насъ большую цѣну уже потому, что весь эпизодъ этотъ (о возвращеніи плѣнныхъ Македонянъ) рассказывается по поводу и ради Василия, т. е. описанія его происхожденія и дѣтства¹⁾, связаннаго съ судьбою македонскихъ плѣнныхъ, а византійскій историкъ долженъ былъ конечно имѣть болѣе вѣрныя извѣстія объ обстоятельствахъ собственно византійскихъ, чѣмъ болгарскихъ, особенно когда они касались судьбы такого императора, каковъ былъ Василий. Далѣе намъ извѣстно, что именно въ то время, т. е. около 838 года, Болгары были заняты войной съ Сербамъ (походъ Пресьяма); этимъ можетъ быть и воспользо-

¹⁾ Ἀναγκαῖον δὲ τῆς ἐξέλιξιν διηγεῖσθαι περὶ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως τῆν τε ἀνατροφὴν καὶ ὅθεν ἐστὶ μέγρι τῆς τοιαύτης ἐκπαίδεως, послѣ чего и слѣдуетъ рассказъ. Georg. Amart. Mng., p. 724. Ed. Bonn., p. 817; Leo Gramm., p. 231. Въ такомъ же отношеніи къ Василию и упоминаніе объ этомъ событіи у Константина Багрянороднаго (Vita Basilii въ Cont. Theoph.) и Кедрина.

вались македонскіе плѣнные ¹⁾, а не какимъ-то вовсе неизвѣстнымъ походомъ Михаила на Солунь ²⁾, чтобы безпрепятственно осуществить свой планъ возвращенія на родину. Случилось это довольно скоро послѣ смерти Мортагона, такъ что упоминаніе послѣдняго въ разсказахъ Константина Багрянороднаго и Кедрина находятъ себѣ нѣкоторое оправданіе: впрочемъ свидѣтельства этихъ писателей, какъ болѣе позднихъ, имѣютъ для насъ менѣе значенія.

Но есть еще обстоятельство, которое слѣдуетъ принять въ соображеніе и которое тоже говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ есть указаніе, что въ то именно время (838—39 г.) полчища какого-то дикаго народа господствовали въ сѣверозападномъ Черноморьѣ, на Нижнемъ Днѣпрѣ и до Дуная, наводя страхъ на сосѣдніе народы и дѣлая опаснымъ путь изъ Греціи въ Кіевскую Русь. Мы разумѣемъ пресловутое извѣстіе *Бертинской лѣтописи*, гдѣ въ извлеченіи изъ письма императора Теофила къ Людовіку говорится о послахъ кіевской Руси, избравшихъ обратный путь въ Кіевъ черезъ Германію и для того присоединившихся къ греческому посольству, отправлявшемуся въ Ингельгеймъ, — по той причинѣ, что *прежній прямой путь, которымъ они пришли въ Византію, находился во власти дикихъ варваровъ* ³⁾. Мы

¹⁾ По мнѣнію Саспика (*Dejiny drevn. národ. na území terajšicho Uhorska, v Skalici, 1867, стр. 113*) задумано было это предпріятіе дѣйствительно во время Болгаро-сербской войны, но выполнено было лишь въ 840 г., когда будто-бы Михаилъ Борисъ въ началѣ своего княженія выступилъ противъ Солуни. (?)

²⁾ Такъ какъ вмѣсто Михаила мы признаемъ княземъ болгарскимъ во время этихъ событій *Персыяма*, то не разумѣется ли подъ этимъ извѣстіемъ то путешествіе по имперіи, которое предпринялъ, какъ извѣстно, Персыямъ и во время котораго онъ былъ и въ Солуни? Это было передъ самой войной съ Сербіей, слѣдовательно и по времени близко къ занимающему насъ 838-му году

³⁾ Въ Бертинской лѣтописи подъ 839 г. читаемъ: «*Misit cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, chascanus vocabulo, ad se, amicitias, sicut asserebant, causa direxerant; petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxi-*

считаемъ вполне возможнымъ разумѣть здѣсь полчища Угровъ, ибо о другихъ кочевникахъ, напр. Печенѣгахъ, въ этихъ мѣстностяхъ не могло быть еще и рѣчи въ ту пору ¹⁾, а между тѣмъ тутъ очевидно дѣло идетъ о хищныхъ варварахъ, явившихся внезапно, и которыхъ не было еще при путешествіи пословъ въ Византію. Слѣдовательно Угры уже тогда, въ 30-хъ годахъ, простирали свои хищническіе набѣги далеко за Дунай, по берегамъ Чернаго моря и въ нынѣшнюю Бессарабію. Если они именно въ 838 году, по свидѣтельству византійцевъ, появляются на Дунаѣ и нападаютъ на македонскихъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, то естественно, что эти послѣдніе распространили о нихъ вѣроятно преувеличенные слухи въ Византіи, и послы Руссовъ, напуганные ими, не рѣшились возвращаться домой прежней дорогой (839 г.). Итакъ всё эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, кажутся намъ достаточными для подтвержденія того предположенія, что первое пзвѣстное намъ появленіе Мадырь на Дунаѣ, отмѣченное византійскими писателями, случилось около 839 года, въ царствованіе императора Ософила, черезъ 24 года послѣ переселенія Крумомъ за Дунай плѣнныхъ македонскихъ и адрианопольскихъ жителей ²⁾.

Мадыры совершали свои опустошительныя предпріятія не только на югозанадѣ, но и по другимъ направленіямъ. На югѣ они рыскали по берегамъ Чернаго моря и не оставляли въ по-

lium per imperium suum totum habere possent quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaros et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire voluit. Ann. Bertin., ap. Pertz., I, 434.

¹⁾ Погодинъ совершенно ошибочно думаетъ при этомъ о Печенѣгахъ. См. Гедсоновъ и его система. Зап. И. Ак. Н. т. VI, кн. I, стр. 33. Придя къ нашему заключенію совершенно самостоятельно, мы впоследствии нашли то же предположеніе у г. Иловайскаго (Болгаре и Русь на Азов. Пом., Ж. М. Н. Пр. 1875, янв., стр. 143—144), который впрочемъ кромѣ Мадырь, видитъ въ этихъ «дикихъ варварахъ» и Хозарь (?).

²⁾ Этой же хронологіи держится большинство исследователей: Цейсъ (D. Deutschen, S. 749), Бюддигеръ (Oesterr. Gesch., S. 215), Дюмилеръ (S.-Ü. M., S. 53), Рёслеръ (Rom. St., S. 149—151), Гуифальви (Ethn. v. U., S. 109, 129) и др.

коѣ даже Крымскаго полуострова, на среднемъ Днѣпрѣ они безпокоили русскихъ Славянъ и подходили, повидимому, подъ самый Кіевъ.

Житіе славянскаго просвѣтителя Константина (Кирилла) Философа сохранило намъ любопытное извѣстіе о набѣгѣ Мадырь на Крымскій полуостровъ, относящемся къ половинѣ IX вѣка. Константинъ Филосовъ былъ въ то время въ Корсунѣ, гдѣ остановился по пути къ Хозарамъ, изучилъ еврейскій языкъ и обрѣлъ мощи св. Климента. Какой-то христіанскій городъ (греческій?) былъ въ ту пору осажденъ Хозарами. Житіе рассказываетъ, какъ Константинъ отправился къ хозарскому воеводѣ и старался на него подѣйствовать христіанскою проповѣдью. Онъ успѣлъ въ этомъ вполнѣ. Воевода обѣщаль креститься и снялъ осаду съ города. Когда Философъ снова пустился въ путь и въ первый часъ творилъ молитву, на него напали Угры съ криками, подобными вою волковъ, и хотѣли убить его. Онъ же нисколько не испугался, а продолжалъ молиться, возглашая только «Господи, помилуй», такъ какъ уже оканчивалъ службу. Угры, видя это, по Божьему внушенію, присмирѣли и стали кланяться ему; услышавъ же изъ устъ его учительскія увѣщанія, они отпустили его со всеми спутниками¹⁾. Хотя Угры въ настоящемъ случаѣ являются шайкою, повидимому независимой отъ Хозаръ, однако то, что мы знаемъ о полузависимыхъ отношеніяхъ ихъ къ послѣднимъ, даетъ поводъ предположить, что и этотъ набѣгъ ихъ былъ въ связи съ предпріятіемъ Хозаръ: пока эти осаждали городъ, Угры рыскали въ его окрестностяхъ, вѣроятно съ цѣлью предупредить всякую по-

¹⁾ Паннонское житіе Кирилла, у Бодянскаго, Кириллъ и Меодій. Чтенія въ М. О. И. и Д. 1863, кн. 2, стр. 12; 1873 г. к. I, 403. Славянскій текстъ приведенъ нами выше, стр. 199. Vita Constantini, с. VIII (Dümmler, S.-Ö. M., S. 53): cum vero philosophus ad iter suum revertus prima hora preces dicebat, irruerunt in eum Ungri luporum more ululantes, ut eum acciderent. Ille autem non perterritus est, neque orare cessavit, Domine miserere tantum clamans, finiterat enim jam officium. Illi vero conspicati eum et jussu divino mansuefacti coeperunt venerari eum et verbis admonitionis ab ore, ejus auditis dimiserunt eum cum sociis.

пытку посылки помощи городу извѣи и нападенія на Хозарь съ тылу. Дѣло происходило по всей вѣроятности гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ, степныхъ частяхъ Крыма, благопріятныхъ для хищническихъ цѣлей конныхъ Угровъ ¹⁾). Крымскій полуостровъ былъ слѣдовательно въ ту эпоху доступенъ для набѣговъ кочевниковъ, что было не всегда. Въ древности, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго ²⁾, Перекопскій перешеекъ былъ пересѣченъ огромнымъ рвомъ (и валомъ), который долженъ былъ конечно служить защитою для полуострова противъ нападеній степныхъ кочевниковъ, и былъ устроенъ вѣроятно въ эпоху Воспорскаго царства ³⁾. Но съ теченіемъ времени, по словамъ Константина, онъ былъ засыпанъ землею и заросъ лѣсомъ, такъ что въ его время давно уже не существовалъ. Занимающее насъ извѣстіе о набѣгѣ Угровъ на Крымъ служитъ доказательствомъ, что его уже не было и въ половинѣ IX вѣка. Что касается времени этого эпизода, то оно естественно опредѣляется временемъ путешествія Константина къ Хозарамъ и должно быть отнесено къ 50-мъ годамъ IX вѣка (приблизительно къ 856 году ⁴⁾).

Въ ту же эпоху своихъ скитаній по степямъ южной Руси Угры, безъ сомнѣнія, не оставляли въ покоѣ и дѣпровскихъ Славянъ. Это мнѣніе подтверждается какъ вышеупомянутымъ извѣстіемъ Ибнъ-Дасты о военно-плѣнныхъ Славянахъ, которыхъ Угры сбывали Грекамъ, такъ и извѣстіями *нашего Летописца*. Мы привели выше три упоминанія Нестора о движе-

¹⁾ Кочевники умѣли совершать свои нападенія совершенно неожиданно. Часто этому благопріятствовала мѣстность. «Въ степи иной разъ встрѣчается цѣлая система широкихъ и отлогихъ овраговъ, по которымъ тайно и невидимо съ уровня степи можно проходить изъ одной далекой мѣстности въ другую, чѣмъ и пользовались кочевники и потомъ казаки, появляясь въ иныхъ случаяхъ внезапно передъ лицомъ непріятеля». Забѣлинъ, Ист. Р. Ж. I, стр. 13.

²⁾ De Adm. Imp., с. 42, р. 180.

³⁾ Срв. В. Г. Васильевскій, въ разборѣ сочиненія Бруна. Ж. М. Н. Пр. ноябрь, 1879 г. стр. 102.

⁴⁾ Badinger, Oesterr. Gesch., S. 216; Dammier, S.-Ö. M., S. 53, Roesler, S. 151, 152; срв. Hunfalvy, S. 116.

ни Угровъ. Последнее (записанное въ самой лѣтописи подъ 898 годомъ) заключаетъ въ себѣ главное извѣстiе о передвиженiи всей мадьярской орды на западъ — по вытѣсненiи ея изъ «Лебедiя» Печенѣгамп. Первые два извѣстiя о *Бѣлыхъ* и *Черныхъ* Уграхъ, встрѣчающiяся не въ самой лѣтописи, а во вступительномъ къ ней разсказѣ, не совсѣмъ ясны и возбуждаютъ нѣкоторыя недоумѣнiя. Не смотря на то, важность ихъ несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что одно изъ нихъ, какъ его толкуютъ иные, заключаетъ въ себѣ указанiе на неоднократное появленiе Угровъ въ землѣ днѣпровскихъ Славянъ, и именно около Кiева. Это указанiе видятъ въ выраженiи: «пакп идоша Угри Чернип мпмо Кiевъ, послѣже при Олзѣ». Итакъ это мѣсто Нестора о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнiя ¹⁾. Повторимъ его здѣсь для ясности:

«Славѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекоми Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населпци Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣни, наслѣдпша землю Словѣнску (прогнавши Волохы иже бѣша преже прияли землю словесьску, въ *Радз.* и *Акад. сп.*); сп бо Угри почаша быти при Ираклип царп, иже находпша на Хоздроя, царп Перьсаго». Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь объ Авахъ («Въ сп же времляна быша п Обри, ходпша на Ираклия царя» и т. д.), послѣ чего прибавляется: «по спхъ же придоша Печенѣзи: пакп идоша Угри Чернип (въ *сп. Р. и А.* нѣтъ Чернип) мпмо Кiевъ, послѣже при Олзѣ».

По общепринятому мнѣнiю, пущенному въ ходъ еще Шлѣцеромъ, здѣсь подъ *Бѣлыми Урами* слѣдуетъ разумѣть не Угровъ, а *Хозаръ* ²⁾.

¹⁾ Важно разъяснить это мѣсто и потому еще, что имъ пользовались для подкрѣпленiя ложнаго мнѣнiя объ угорскомъ (а не турецкомъ) происхожденiи Хозаръ, которыхъ будто-бы Несторъ самъ называетъ здѣсь *Бѣлыми Урами*. См. напр. Юргевичъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., 1867, т. VI, стр. 74; Срв. *Нанселву*, S. 256.

²⁾ Шлѣцеръ, Несторъ, перев. Языкова, II, стр. 402; Куникъ, Учен. Зап. Ак. II. III (о турецкихъ Печенѣгахъ), стр. 729. — Г. Иловайскiй думаетъ, что

Шлѣцеръ относился вообще съ недоверіемъ къ этой части Несторова вступленія, подозрѣвая въ ней позднѣйшія вставки, произведшія путаницу. Основываясь главнымъ образомъ на словахъ объ Иракліи, онъ замѣчаетъ, что здѣсь навѣрно рѣчь идетъ объ Хозарахъ. «Какой-то писецъ, говоритъ онъ, ставитъ вмѣсто того *Угровъ* и именно *Бѣлыхъ*: что его къ этому побудило, отгадать мудрено. О настоящихъ Уграхъ или Венграхъ никакъ нельзя здѣсь думать. Они жили тогда еще на Уралѣ ¹⁾, но ежели они и были уже въ «Лебедіастѣ» (?), то какое еще ужасное разстояніе отсюда до Персін, на которую они напали и пр. Мнѣніе Шлѣцера было принято почти одногласно ²⁾, а многіе пошли дальше и выражали предположеніе, что Хозары были названы *Бѣлыми Уграми* именно въ противоположность Чернымъ Уграмъ, т. е. собственнымъ Мадьярамъ, жившимъ въ южныхъ степяхъ Россіи, *въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ* (какъ извѣстно, по заимствованному у восточныхъ народовъ взгляду, названіе *Бѣлые* заключаетъ въ себѣ понятіе *свободныхъ, независимыхъ* ³⁾), а Чер-

подъ Бѣлыми Уграми можно разумѣть не только Хозаръ, но съ не меньшею вѣроятностью и *Авары* (?). Это основывается на его предположеніи, что «Хазары и Авары принадлежали къ тому же черкесскому племени, и что это племя въ соединеніи съ истыми Уграми дѣйствовало въ южной Россіи, и на Дунаѣ...» См. Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ, Ж. М. Пр. 1876, янв., стр. 110. У нѣкоторыхъ западно-славянскихъ ученыхъ существуютъ свои, весьма отличныя отъ господствующаго взгляда, мнѣнія по этому вопросу, но всѣ они по меньшей мѣрѣ произвольны и особеннаго вниманія не заслуживаютъ. Такъ Эрбенъ (пер. Nestorův Letopis ruský, 1867, 820) видѣлъ въ Бѣлыхъ Уграхъ *Гунновъ* (?), а словацкій писатель Sasínek (Роѣ. Uhog., 174, пр. 3) полагалъ, что Несторъ разумѣлъ подъ ними предковъ нынѣшнихъ Карпатскихъ Словаковъ (которыхъ онъ отождествляетъ съ Бѣлохорватами Константина Багрянороднаго)!!... Срв. Záborský: «Mad'ari pred oranovaním terajšej vlasti». Letopis Matice Slovenskej, ročn. XI, sv. 1, Turč. Sv. Mart. 1874, 40—41.

¹⁾ Былъ у насъ впрочемъ ученый, считавшій возможнымъ относить первое появленіе Угровъ въ Дунайской землѣ — дѣйствительно къ половинѣ VIII в. (?) См. А. Б. . . . зъ (Бушентъ), Опытъ изслѣдованія о древней Югріѣ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., 1855, ч. 14, стр. 180.

²⁾ См. Roesler, R. St., S. 82, прим. 1. Противъ Шлѣцера рѣшительно высказался, сколько намъ извѣстно, только Фесслеръ (Gesch. Ung., S. 47), утверждая, что Несторъ слишкомъ хорошо различалъ народныя имена Угровъ, Хозаръ, Аваровъ, чтобы ихъ ступать.

³⁾ См. Вѣстникъ Имп. Р. Геогр. Общ. 1855, тамъ же, стр. 182.

ныя — напротивъ, означаетъ *подчиненныхъ, зависимыхъ*)¹⁾. Однако, что бы ни думали ученые, рѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ пониманія подъ Бѣлыми Уграми—Хозарь нуждается въ самой внимательной проверкѣ²⁾.

Приписывать самому Нестору или кому бы то ни было (т. е. поздѣйшему переписчику) сознательное наименованіе Хозарь Бѣлыми Уграми совершенно немыслимо. Лѣтопись наша знаетъ и вездѣ точно различаетъ Хозарь (Козарь) отъ прочихъ чуждыхъ народовъ: Болгарь, Аваровъ (Обровъ), Угровъ и проч. Въ разбираемомъ мѣстѣ о нихъ также упоминается двумя строками раньше, чѣмъ о Бѣлыхъ Уграхъ. Последнее названіе встрѣчается всего одинъ разъ, что едва-ли было бы возможно, еслибъ оно было въ употребленіи, какъ второе прозвище Хозарь; къ тому же въ этомъ случаѣ была бы конечно сдѣлана оговорка. Болѣе правдоподобія на первый взглядъ представляетъ догадка, что названіе «Бѣлые Угры» попало сюда какъ-нибудь по ошибкѣ или по какому-нибудь недоразумѣнію, вмѣсто имени Хозарь, о которыхъ тутъ будто-бы идетъ рѣчь. Такъ думалъ именно Шлѣцеръ, основываясь, какъ мы видѣли, на отношеніи, въ какое здѣсь поставлены Угры къ имп. *Ираклію* и къ его походу на Персовъ. Однако, вникнувъ ближе въ это извѣстіе и въ текстъ Нестора, мы убѣждаемся, что удовлетвориться такимъ объясненіемъ рѣшительно невозможно. Намъ кажется, мы можемъ напротивъ привести достаточно вѣскія доказательства въ пользу того, что подъ Бѣлыми Уграми разумѣются именно *Мадьяры*, а отнюдь не Хозары, точно также, какъ Мадьяры разумѣются и подъ упоминаемыми вслѣдъ за тѣмъ Черными Уграми. Въ приведенномъ отрывкѣ очевидно идетъ рѣчь о Славянахъ, расселившихся на Дунаѣ: «Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ. . . Болгаре»

¹⁾ Zeuss, Die Deutschen, S. 745; Cassel, M. A., S. 144; Badinger, Oesterr. Gesch., S. 212, etc; также Брунъ, Черноморье, II, стр. 319; Hunfalvy, S. 228.

²⁾ Черныя Угры всѣ единогласно признають за изстоящихъ Угровъ-Мадьяръ.

и т. д. Лѣтописецъ говоритъ, что этихъ дунайскихъ Славянъ покорили пришедшіе съ востока, изъ сосѣдней съ Хозарами земля (отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ), Болгаре, а что за симъ пришл Бѣлые Угры и наслѣдовали землю славянскую (т. е. опять-таки на Дунаѣ ¹⁾), «прогнавши Волохы, пже бѣша преже прияли землю словенскую», какъ прибавлено въ двухъ спискахъ лѣтописи (*Радзив.* и *Акад.*). Уже изъ того, что здѣсь говорится о занятіи земли дунайскихъ Славянъ, ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о Хозарахъ. Но это станетъ уже совершенно очевиднымъ, если мы рассмотримъ это мѣсто въ связи съ остальнымъ текстомъ вступительной части и если обратимъ вниманіе на вставленные здѣсь Несторомъ слова: «якоже рекохомъ». Эти слова явно относятся къ извѣстному классическому мѣсту лѣтописи о первоначальномъ расселеніи славянскихъ племенъ на Дунаѣ, которое начинается такъ: «По мпозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ, *идѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска....*» Разсказавъ о расселеніи всѣхъ славянскихъ племенъ, лѣтописецъ переходитъ къ племенамъ собственно русскимъ, увлекается разсказомъ о нихъ, о пути Варягъ въ Греки, объ апостолахъ Андреѣ, о Полянахъ, объ основаніи тремя братьями Кіева, наконецъ о другихъ русскихъ племенахъ и населяющихъ сѣверную Русь Финнахъ. За этимъ уже слѣдуетъ занимающее насъ мѣсто о приходѣ *Болгаръ* и потомъ *Бѣлыхъ Угровъ* въ земли дунайскихъ Славянъ, причемъ авторъ словами «якоже рекохомъ» ссылается на выше начатый и прерванный разсказъ о расселеніи Славянъ на Дунаѣ. Не можетъ быть кажется ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ этимъ мѣстомъ хочетъ пояснить, какъ возникли на территоріи дунайскихъ Славянъ современная ему «*Угорска земля и Болгарска*», т. е. отвѣчать на вопросъ, когда и откуда явились эти новые народы, Болгаре и Угры. «Словѣнску же языку, говорятъ онъ, якоже рекохомъ, живуццю на Дунаѣ, придоша

¹⁾ И къ нимъ можетъ быть относятся слова: «отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ», что особенно примѣнимо къ Мадырямъ.

отъ Скутъ, рекше отъ Козарь, рекомпи Болгаре. . . . Посемь придоша Угри Бѣли, наслѣдиша землю Словѣньску». . . . И такъ очевидно здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительныхъ Уграхъ, а не о Хозарахъ ¹⁾. Но доказавъ это, намъ остается разяснить и устранить то, что собственно послужило главнымъ поводомъ къ заблужденію. Такимъ поводомъ (вызвавшимъ, какъ мы видѣли, мнѣніе Шлѣцера) послужили слова, которыми лѣтописецъ какъ-бы поясняетъ хронологически свое извѣстіе о Бѣлыхъ Уграхъ: «*Си бо Ури, замѣчаетъ онъ, почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перскаго*». Дѣйствительно, такое показаніе могло заставить думать о Хозарахъ, которые, какъ извѣстно, были союзниками императора Ираклія въ войнѣ его противъ Персовъ (Хозроя II) ²⁾. О Мадьярахъ при Иракліи — такъ разсуждали ученые — не могло быть и рѣчи: они тогда спокойно жили еще на своей далекой сѣверной родинѣ и появляются на сцену только въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно, заключали они, подъ Бѣлыми Уграми только и можно разумѣть Хозарь. Но посмотримъ внимательнѣе въ это несторово извѣстіе, и тогда дѣло объяснится иначе. Исно прежде всего, что это извѣстіе почерпнуто изъ *византійскаго* источника, ибо конечно неоткуда болѣе было узнать Нестору объ Иракліи и о его войнѣ съ Персидскимъ царемъ Хозроемъ. Лѣтописцу очевидно хотѣлось опредѣлить время, когда Угры впервые становятся извѣстны («Угры почаша быти»), и вотъ онъ обращается за справкою къ византійцамъ. Ему извѣстно конечно, что византійцы называютъ Угровъ «Турками»,

¹⁾ Слѣдующая затѣмъ въ 2-хъ спискахъ (*Радз. и Акад.*) фраза «прогнавши Волохи, иже бѣша прежде приази землю Словенску», конечно, также подтверждаетъ наше мнѣніе, что здѣсь разумѣются Угры, и согласуется съ извѣстіемъ Нестора о движеніи Угровъ подъ 898 г., гдѣ повторяется то же свидѣтельство о Волохахъ: «Сѣдаху бо ту преже Словѣни, и Волохове приаши землю Словенску; посемь же Угри погнаша Волхи, и наслѣдиша землю» и т. д. (Лѣт. по Лав. сп., стр. 24—25). Совсѣмъ выбрасывать ту фразу изъ текста только на томъ основаніи, что ея нѣтъ въ другихъ спискахъ, мы не имеемъ права.

²⁾ См. Fessler - Klein, S. 47.

но онъ упускаетъ изъ виду или не знаетъ, что то же самое названіе «Турки» византійцы примѣняютъ иногда и къ Хозарамъ, хотя знаютъ ихъ и подъ этимъ послѣднимъ именемъ ¹⁾. Турками названы Хозары именно въ разсказѣ византійцевъ о войнѣ Ираклія въ союзѣ съ ними противъ Персовъ. Подробный разсказъ объ этой войнѣ (622—628) и о союзѣ Ираклія съ «Турками» (Хозарами) находится у патріарха Константинопольскаго Никифора ²⁾. Кратко упоминаетъ объ этой помощи и Георгій Амартолъ ³⁾, которымъ безъ сомнѣнія въ данномъ случаѣ воспользовался и Несторъ. Найдя имя Τούρκοι, встрѣчающееся у Амартола впервые именно по этому случаю въ главѣ о царствованіи Ираклія, онъ представилъ себѣ, что рѣчь идетъ объ Уграхъ и послѣшилъ отмѣтить въ своей лѣтописи, что Угры «начали быть» при Иракліи царѣ, прибавивъ для поясненія: «ниже находиша на Хоздроя царя Перьскаго». Это такъ естественно, что не нуждается кажется въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ ⁴⁾.

¹⁾ «Турками» называютъ Хозаръ и византійцы и арабы. Первые называютъ ихъ иногда въ отличіе отъ Мадьяръ «Восточными Турками». Такъ Θεοφανῆς (I, p. 485), разсказывая объ этой помощи, прямо выражается; τοὺς Τούρκους ἀπὸ τῆς ἰώας, οἷς Χαζάρους ἐνομάζουσιν, εἰς συμμαχίαν προσκαλέσεται.

²⁾ S. Nicephor. Crolit., Ed. Bonn., p. 17, 18.

³⁾ Хроногр. Георг. Амарт. изд. Муральта, Спб. 1859, стр. 567, 12. «Καὶ δὴ (προσκαλεσόμενος τὸν Τούρκον εἰς συμμαχίαν κατὰ παράδωξ ἐξ οὗ καὶ φιλαρχον καί.. Vind.) πλῆθος Τούρκων ἄρας, ἐξώριστος κατὰ Περσῶν ἐν δουλίῃσι βασιλῆα σφόδρα διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου. Срв. у позднѣйшихъ писателей, Theophanes, I, ed. Bonn. 485, 486 и слѣд.

⁴⁾ Здѣсь слѣдуетъ впрочемъ сдѣлать еще одну маленькую поправку въ чтеніи текста, еще болѣе способствовавшемъ заблужденію. Слова «ниже находиша на Хоздроя царя Перьскаго» заключаютъ въ себѣ, повидному, искаженіе первоначальнаго текста; надо читать вмѣсто «ниже находиша на» — «ниже находи на Хоздроя», ибо слова эти очевидно относятся не къ Уграмъ, а къ царю Ираклію, чего требуетъ смыслъ и конструкція всей фразы. Дѣло въ томъ, что въ Лаврентіевскомъ спискѣ это мѣсто написано такъ: $\text{ниже} \text{на} \text{Х} \text{О} \text{Д} \text{И} \text{Ш} \text{А} \text{Х} \text{О} \text{З} \text{Д} \text{Р} \text{О} \text{И}$. (Повѣсть времен. лѣтъ по Лаврен. Сп., Изд. Археограф. Комм. Спб. 1872, стр. 8). Очень вѣроятно, что переписчикъ прочелъ вмѣсто $\text{на} \text{Х} \text{О} \text{Д} \text{И} \text{Ш} \text{А}$, какъ было въ первоначальномъ текстѣ, $\text{на} \text{Х} \text{С} \text{Д} \text{И} \text{Ш} \text{А}$ (что по начертанію довольно сходно и возможно въ синтаксическомъ отношеніи), а затѣмъ самъ или кто-нибудь послѣ него, сочтя предлогъ на пропущеннымъ, приписалъ его сверху.

Отъ Угровъ, «начавшихъ быти» при царѣ Иракліи, лѣтописецъ въ разбираемомъ мѣстѣ непосредственно переходитъ къ *Аварамъ*: «Въ си же времена быша и СЪри (пже) ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» и т. д. Этотъ переходъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наше предположеніе объ источникѣ, къ которому обратился Несторъ за хронологической справкой объ Уграхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ свѣтъ на приемы его работы. У Георгія Амартола (равно какъ у патриарха Никифора) ¹⁾ непосредственно передъ рассказомъ о войнѣ Ираклія съ Хозроемъ и о помощи Турковъ и послѣ него рѣчь идетъ объ Авахъ и о ихъ войнѣ съ Иракліемъ, причемъ рассказывается извѣстный эпизодъ, когда императоръ едва не попался въ руки Аваровъ и съ трудомъ, пересодѣтый, ускакалъ въ Византію ²⁾. Нестору, заговорившему въ своей лѣтописи объ Уграхъ, было кстати это извѣстіе объ Авахъ, о которыхъ онъ очевидно и безъ того зналъ и собирался сказать, какъ о народѣ, господствовавшемъ надъ Славянамъ. Извѣстіе, найденное о нихъ у византійца, рядомъ съ рассказомъ о Туркахъ, дало ему поводъ прицѣпить къ своему рассказу объ Уграхъ и то, что онъ самъ зналъ объ Авахъ: «въ си же времена, продолжаетъ онъ, быша и Обри, ходиша на Ираклия царя и мало его не яша», и затѣмъ сообщаетъ объ отношеніяхъ Обровъ къ Славянамъ, о ихъ войнѣ, о жестокости Обровъ, о мученіяхъ, испытанныхъ отъ нихъ Дулѣбамъ, о гибели всѣхъ Обровъ и о существующей о нихъ на Руси поговоркѣ. Откуда онъ взялъ все это, мы сказать не можемъ, но если въ его время ходила въ народѣ поговорка, связанная съ воспоминаніями объ Обрахъ ³⁾, то нѣтъ ничего удивитель-

¹⁾ Георг. Амар., тамъ же стр. 565—6; 567—8; Niceph. Spolit., p. 15—16; 20 etc.

²⁾ Георг. Амар. стр. 566: «μελες εις το Βυζάντιον διαλαθών εφυγεν... Niceph. p. 16: ζυγώνος παραδύρα εις φυγῆν ἔτραπητο, καὶ μόλις πρὸς τὸ Βυζάντιον διασώζεται».

³⁾ Г. Гедеоновъ думалъ, что эта поговорка или притча взята Несторомъ отъ Грековъ, которыми она была извѣстна еще за два вѣка до Нестора; при этомъ Гедеоновъ ссылается на письмо патриарха Николая Мистика, въ которомъ говорится словами библіи о гибели Аваровъ — всѣхъ безъ остатка: «ὅτι

наго, что могло существовать и какое-нибудь предание о нихъ по отношенію къ Дулѣбамъ, которымъ и воспользовался Несторъ.

Свой отрывокъ о хинцихъ народахъ, проходившихъ съ востока и производившихъ населенія надъ Славянами, лѣтописецъ заканчиваетъ упоминаніемъ о *Печенгахъ* и вторичнымъ упоминаніемъ объ Уграхъ (на этотъ разъ *Черныхъ*): «но сихъ же придоша Печенѣзи, пакы идоша Угри Чернии (нѣтъ въ *Радз.* и *Акад. св.*) мимо Кпевъ, послѣже при Олзѣ». Здѣсь лѣтописецъ еще разъ возвращается къ Уграмъ, чтобы отмѣтить ихъ движеніе мимо Кіева при Олегѣ, о которомъ онъ сообщаетъ далѣе въ самой лѣтописи, такъ какъ передъ этимъ онъ упомянулъ только о томъ, когда они «начали быть». Нѣкоторый анахронизмъ, состоящій въ упоминаніи въ этомъ случаѣ имени Печенѣговъ ранѣе Угровъ, объясняется просто тѣмъ, что въ этомъ предварительномъ этнографическомъ очеркѣ авторъ не имѣлъ въ виду строгой хронологической послѣдовательности. Что подъ Уграмъ здѣсь разумѣется тотъ же народъ, о которомъ рѣчь шла нѣсколько выше, причемъ названіе «Чернии» означаетъ лишь *видовое* различіе, это достаточно доказывается выраженіемъ: «пакы идоша Угри»... Очевидно лѣтописецъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета о переселеніи Угровъ на западъ и, отнеся ошибочно, по недоразумѣнію, ихъ первое появленіе уже ко времени Ираклія, составилъ себѣ представленіе о *разновременномъ, двукратномъ* прохожденіи Угровъ черезъ южную Русь и мимо Кіева. Съ этимъ его представленіемъ безъ сомнѣнія связано и различеніе имъ *Бѣлыхъ* и *Черныхъ* Угровъ, какъ двухъ отдѣловъ того же народа, лишь

δεξιῶν τε καὶ ὑβριῶν ἐφίσταται (Варяги и Русь, ч. II, стр. 451). Г. Ламбинъ отрицаетъ существованіе такой притчи объ Аварахъ у Грековъ. Однако его собственное предположеніе не отличается большимъ правдоподобіемъ. По его словамъ «книжникъ, сообщившій этой притчѣ письменную редакцію, вѣроятно при византійской миссіи въ Кіевѣ въ X в., прибавилъ къ ней безъ всякой надобности библейскую фразу, ту самую, которая читается у патріарха Николая: «ихъ же нѣсть племени, ни наследка». См. «Славяне въ сѣв. Черноморьѣ», III, Ж. М. П. 1879, Декабрь, стр. 143.

въ разное время прикочевавшихъ въ Европу. Остается рѣшить вопросъ: *откуда* взяты имъ эти наименованія и имѣютъ ли они какое-нибудь отношеніе къ дѣйствительности? Разумѣется, гораздо правдоподобнѣе, что они, если на самомъ дѣлѣ когда-либо примѣнялись къ Уграмъ, принадлежатъ эпохѣ самого Пестора, чѣмъ эпохѣ переселенія Угровъ, представлявшихъ тогда одну нераздѣльную, всей своей массой передвигавшуюся орду. И дѣйствительно, такое предположеніе находитъ себѣ достаточное оправданіе въ исторіи, а именно прежде всего въ одномъ западномъ источникѣ XI вѣка, правда вообще не особенно достовѣрномъ и довольно безтолковомъ ¹⁾, но въ настоящемъ случаѣ заслуживающемъ, кажется, довѣрія. Источникъ этотъ есть *хроника* (Historiarum libri III) *монаха Адемара* († 1030 г.), въ которой (вѣриѣ въ позднѣйшей интерполяціи, XII в.) между прочимъ по поводу крещенія Угровъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о св. Брунонѣ. Встрѣчающіяся при этомъ случаѣ названія *Бѣлой* и *Черной Угрии* ²⁾ по всей вѣроятности были въ употребленіи въ то время и притомъ въ значеніи территоріальномъ или даже политическомъ, но навѣрно не племенномъ. Хотя и нѣтъ тамъ прямыхъ поясненій того и другого названія, можно всетаки догадываться о ихъ значеніи.

Бѣлой Угріей называлась повидному собственная Угрія, первоначальныя владѣнія Стефана Святаго (т. е. средне-дунайская равнина), а *Черной*, какъ кажется, Трансильванія ³⁾, которой часть и нынѣ населена Уграми-Секлерами, или вообще покоренныя Стефаномъ Святымъ восточныя части (средневѣковой)

¹⁾ Срв. Wattenbach, Deutsche Geschichtsquellen, II B. (1874), S. 148.

²⁾ Ademar, L. III, c. 31 (Pertz., SS., IV, p. 129): Abiit (Bruno) in provinciam Ungriam, quae dicitur *Alba Ungaria*, ad differenciam alteri *Ungrie nigre*....

³⁾ На Трансильванію указываетъ встрѣчающаяся тамъ же (въ отрывкѣ Адемара) фраза: «Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provinciam, aliam, quae vocatur *Russia*» (Pertz, ib., p. 129). «Другая Угорская провинція» очевидно соответствуетъ ранѣ упомянутой *Черной Угрии*. «Руссией» же могла быть названа только Трансильванія и сѣверовосточная Угрія, гдѣ преобладающимъ населеніемъ были русскіе Славяне.

Угрии¹⁾. Если это действительно такъ, то для насъ становятся вполне понятными и самыя названія этихъ территорій (Бѣлая и Черная Угрии). По всей вѣроятности Трансильванія и юго-восточная Угрия назывались «Черной Угріей» потому, что, хотя и составляли какъ-бы нѣчто отдѣльное, все-же были подвластны Угрии свободной, т. е. Бѣлой²⁾. Имя *Черныхъ Угровъ* встрѣчается и еще въ одномъ современномъ источникѣ, а именно въ *посланіи* проповѣдника *Брунона* (Бонифація) къ королю Генриху II, относящемся къ началу XI вѣка (1007 г.) и написанномъ во время пребыванія его при дворѣ кор. польскаго Болеслава. Тамъ мы между прочимъ читаемъ: «*Audivi enim de nigris Ungris, ad quos que nunquam frustra vadit, sancti Petri prima legatio venit, quamvis nostri cum magno peccato aliquo cecarentur; qui conversi omnes facti sunt christiani*»³⁾. Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о какой-нибудь части Угрии, *покоренной* (и потому Черной) и затѣмъ обращенной въ христіанство Стефаномъ Святымъ, по всей вѣроятности, о Трансильваніи⁴⁾. Соображая время, можно впро-

¹⁾ Stephanus etiam rex Ungrie bello appetens *Ungriam nigram*, tam vi, quam timore et amore ad fidem veritatis totam illam terram convertere meruit. Ibid., Pertz B. IV, p. 181.

²⁾ Срв. Záborský, *Mad'ari pred orpanovaním terajšej vlasti. Letop. Mat. Slov.* (XI, sv. 1), стр. 41. Адемаръ явно замѣчаетъ, что Черная Угрия называлась такъ «pro eo quod populus est colore fusco velut Etiopes.» Ibid, p. 129. Насколько подобныя названія были тогда употребительны, доказываются существованіемъ современныхъ Бѣлой и Черной Куманіи (о нихъ и Сим. Кеза), Черной Болгаріи, Черныхъ и Бѣлыхъ Хозаръ. Съ этими эпитетами можно сопоставить эпитетъ «бѣлаго» въ названіяхъ главныхъ городовъ и центровъ: Бѣлградъ (Weissenburg, Fejér-vár), Sarkel (Бѣлая Вѣжа), Stuhlweissenburg, etc. (срв. Hunfalvy, S. 228).

³⁾ Письмо это издано было впервые Гильфердингомъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г., кн. 1, стр. 8, 18, потомъ Миклошичемъ и Фидлеромъ въ Slav. Biblioth. II, S. 307; также см. Giesebrecht, 3 изд. II, S. 667—670; Bielowski, *Mon. P. I*, p. 223—238. Гильфердингъ представлялъ себѣ, что подъ *Черными Угрями* должно разумѣть ту часть орды, которая будто-бы при вытѣсненіи всѣхъ Угровъ изъ Лебедія Печенѣгами, бѣжала отъ нихъ на востокъ, въ предѣлы Персіи (Р. Бесѣда, тамъ же, стр. 18). Однако такое предположеніе не имѣетъ никакого основанія.

⁴⁾ Такое же объясненіе этого мѣста о «Черныхъ Угряхъ» Брунона мы встрѣтили и у Гунфальви (*Ethnogr. v. Ung.*, стр. 417, прим. 370), который за-

чемъ, по справедливому замѣчанію Бюдингера, отнести это извѣстіе и къ княжеству *Ахтума* (т. наз. *Csanad*), покоренному, какъ кажется, вкорѣ послѣ отъѣзда Брунона изъ Угріи ¹⁾. Такимъ образомъ Черными Уграми могли бы здѣсь называться жители восточной или юговосточной части Угріи.

Итакъ, если дѣйствительно слѣдуетъ разумѣть *главную и центральную Угрію* подъ *Бѣлой Угріей* интерполятора исторіи Адемара и *восточная, позже къ ней присоединенная часть Угріи* подъ *Черной Угріей* того же писателя и подъ *Черными Уграми* Брунона, то очень правдоподобно, что и Несторъ подъ своими Бѣлыми и Черными Уграми разумѣлъ приблизительно то же самое, и имѣлъ фальшивое представленіе о двукратномъ прохожденіи Угровъ черезъ южную Россію, употребилъ разъ названіе *Бѣлыхъ*, говоря о главной ордѣ, а другой разъ названіе *Черныхъ*, говоря о той ея части, которая, по его понятіямъ, прикочевала послѣ и расположилась въ Трансильваніи и вообще восточныхъ окраинахъ Угріи ²⁾. Вотъ все, что мы можемъ сказать по вопросу о несторовыхъ Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ. Для насъ стало ясно по крайней мѣрѣ происхожденіе этого извѣстія. Оно во всякомъ случаѣ очень любопытно, но выводитъ изъ него заключеніе о неоднократномъ появленіи Угровъ подъ Кіевомъ, какъ могъ убѣдиться читатель, положительно нѣтъ разумнаго основанія. Да въ такомъ выводѣ намъ нѣтъ и надобности, ибо и безъ такого подтвержденія имѣеть полную вѣроятность предположеніе, что Угры, кочуя въ южныхъ степяхъ Россіи и участвуя въ хозарскихъ военныхъ предиріятіяхъ, не разъ заходили въ землю днѣпровскихъ Славянъ и подвергали ее опустошеніямъ.

и часть, что Брунонъ вѣроятно узналъ кое-что о Черной Угріи у Печенѣговъ, т. е. въ нѣм. Молдавіи, и что тутъ очевидно разумѣется *Трансильванія*, которую, какъ страну мало извѣстную, этотъ проповѣдникъ миновалъ, отправляясь изъ собственной Угріи—къ Руссамъ и Печенѣгамъ.

¹⁾ Badinger, Oesterr. Gesch., S. 404, прим. 3.

²⁾ Къ послѣднимъ должно быть по преимуществу примѣнено извѣстіе Нестора о изгнѣшеніи Угровъ *Волохотъ*, подъ которыми нельзя не разумѣть *романскихъ жителей Трансильванскихъ горъ*.

Послѣ этого маленькаго отступленія возвращаемся еще къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ объ Уграхъ, чтобы въ заключеніе упомянуть объ одномъ, которое относится по времени къ той же эпохѣ пребыванія Угровъ на югѣ Россіи.

Въ одинъ рядъ съ извѣстіями византійцевъ, Житія Константина и русскаго лѣтописца ставятъ обыкновенно показаніе *Бертинскихъ лѣтописей*, именно Гинкмара (Hinkmar)¹⁾, который подъ 862 годомъ рассказываетъ, что невѣдомый дотогѣ народъ Угровъ совершилъ опустошительный набѣгъ во владѣнія Людовика Нѣмецкаго²⁾. Судя по этому извѣстію, Угры уже въ 862 году, т. е. въ эпоху своего кочеванія между Дономъ и Днѣпромъ и по берегамъ Чернаго моря, совершили далекій набѣгъ на западъ, къ предѣламъ восточно-франкскаго государства и переступивъ его границы (гдѣ-нибудь близъ Дуная или на сѣверѣ, у Лабы?), произвели тамъ опустошеніе. У царствовавшего тогда Людовика Нѣмецкаго шла въ то время упорная борьба съ моравскимъ княземъ Ростиславомъ, и военное счастье было не на его сторонѣ. Ученые предполагаютъ будто-бы и Угры предприняли набѣгъ въ Германію по наущенію и убѣжденію того же Ростислава моравскаго³⁾. Однако самое это извѣстіе Бертинской хроники не заслуживаетъ довѣрія. Совершенно невѣроятно, чтобъ Угры, даже въ самомъ незначительномъ числѣ, могли изъ южныхъ степей Россіи, повидному никѣмъ не замѣченные, перенестись внезапно къ границамъ франкскаго государства. Гдѣ и какъ они могли бы такъ безпрятственно и легко совершить столь дальній путь въ невѣдомыя имъ страны? Наконецъ извѣстіе Гинкмара стоитъ совсѣмъ одиноко, не подтверждаясь никакими другими свидѣтельствами (его повторяютъ лишь Ann. Alam.

¹⁾ Его лѣтопись, составляя продолженіе Пруденція, начинается 861-мъ годомъ и доходитъ до 882 г., т. е. года его смерти. Wattenbach, *Deutsch. Geschichtsquellen*; I B, 1873, S. 156, 219.

²⁾ Hinkmar, 862: «hostes antea illis populis inexperti, qui Ungri vocantur, regnum ejusdem (Hudovici) populantur».

³⁾ Thunmann, *Unters.*, S. 137—139; Dammeler, *Gesch.*, II, B, S. 439—440; Roesler, S. 152.

Sangall. major., 863), а могли ли западные летописцы оставить не отмѣченнымъ столь важное событіе, какъ первое враждебное появленіе какихъ-то еще невѣдомыхъ западу хищныхъ кочевниковъ, которыхъ нельзя было не принять за передовой лишь отрядъ новой грозной орды, надвигавшейся съ востока? Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отвергнуть показаніе Гинкмара, признавъ его ошибочно попавшимъ въ его летопись, т. е. по всей вѣроятности *позднѣйшею вставкою* неслѣдующаго грамотея.

4. Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Ательвузу»).

Исчерпавъ все, сохраненное намъ исторіей о пребываніи Мадьяръ въ южныхъ степяхъ Россіи, мы перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о дальнѣйшемъ странствованіи ихъ изъ Лебедіи въ такъ называемую страну *Ательвузу* и на Дунай.

Причиной выселенія Мадьяръ изъ Лебедіи былъ, какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, напоръ Печенѣговъ, превосходившихъ ихъ и численностью и воинственнымъ духомъ¹⁾. Этотъ хищный азіатскій народъ, кочевавшій въ степяхъ за Волгой, тѣснимый съ юга (отъ южной Волги) Хозарами, а съ востока Узами и другими турецкими племенами, долженъ былъ поневолѣ пробить себѣ путь на западъ. Перейдя Волгу и Донъ въ его верхнемъ теченіи, въ предѣлахъ сѣверныхъ владѣній Хозарь, Печенѣги всею массою своею обрушились на Угровъ, которые не могли выдержать ихъ натиска и принуждены были въ свою очередь двинуться далѣе и искать

¹⁾ Объ этомъ превосходствѣ Печенѣговъ надъ Мадьярами числомъ и силою имѣются прямые свидѣтельства у Константина Багрянороднаго. De adm. imp. c. 3, p. 70; c. 8, p. 74. Тоже у Кедрина: Cedren (Ed. B.), II, p. 581: «Τὸ ἔνος τῶν Παθίνων Σχυθικῶν ὑπάρχειν, ἀπὸ τῶν λεγομένων βλαχίων Σχυθῶν, μέγας τε ἔστι καὶ πλουσεδέρον πρὸς ἑ αὐτῶ ἐν αὐτῷ κατὰ τὸ Σχυθικὸν γένος ἀνιστῆσαι δύναται. Срв. Regino, ann., a. 889: Печенѣги, замѣчаетъ онъ, прогнали Мадьяръ eo, quod numero et virtute praestarento.

новыхъ жилищъ. О совмѣстномъ давленіи на Печенѣговъ Хозарь и Узовъ говоритъ Константинъ Багрянородный въ приведенномъ уже нами мѣстѣ (37 гл.): «Печенѣги жили прежде на рѣкѣ Ателѣ и Геэхѣ (Волгѣ и Япкѣ), въ сосѣдствѣ съ Мазарами (т. е. Хозарами) и Узами 50 лѣтъ тому назадъ. Хозары соединились съ Узами противъ Печенѣговъ и изгнали ихъ изъ ихъ жилищъ, которыя (въ свою очередь) заняли Узы. Изгнанные Печенѣги искали себѣ новыхъ жилищъ; прибывъ въ землю, которую нынѣ населяютъ, и найдя живущихъ въ ней Турковъ (Мадьяръ), они вступили съ ними въ борьбу, побѣдили и выгнѣнили оттуда, поселились тамъ сами и до сихъ поръ занимаютъ эту страну, какъ говорятъ 55 лѣтъ» (с. 37, р. 164). О томъ же Константинъ говоритъ далѣе въ 38 гл.: «Печенѣги, нѣкогда называвшіеся *Καγγάρ* (что означастъ у нихъ благородство и доблесть), побѣжденные въ войнѣ съ Хозарами, принуждены были оставить свою землю и занять землю Турковъ» и т. д. (с. 38 р. 169). Только время этого событія опредѣляется у Константина ошибочно¹⁾. Онъ самъ, по обыкновенію, путается въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ²⁾. Изъ его словъ слѣдуетъ, что Угры были выгнѣнены изъ сѣвернаго Черноморья Печенѣгами, которые поселились на ихъ мѣстѣ, лѣтъ 50 — 55 до того времени, какъ онъ писалъ свое сочиненіе, т. е. въ самыхъ послѣднихъ годахъ IX вѣка (894 — 899); между тѣмъ это передвиженіе Мадьяръ и Печенѣговъ было по крайней мѣрѣ десяткомъ лѣтъ ранѣе, такъ какъ около 890 г. извѣстія застаютъ Мадьяръ уже на сѣверѣ отъ нижняго Дуная, совершающихъ оттуда набѣги на западъ и оказывающихъ помощь Грекамъ противъ болгарскаго царя Симеона. Впрочемъ, такъ какъ Мадьяры впоследствии были выгнѣнены изъ «Ателькузу» Печенѣгами,

¹⁾ Въ хронологіи ошибается и Несторъ, относя движеніе Угровъ мимо Кіева къ 898 году. Объ этомъ еще ниже.

²⁾ Узы съ Хозарами, по его словамъ, изгнали Печенѣговъ за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ онъ писалъ, а нѣсколько строкъ спустя онъ уже противорѣчитъ себѣ, говоря, что Печенѣги занимаютъ страну, изъ которой выгнѣнили Мадьяръ, уже 55 лѣтъ! De adm. imp., с. 37, р. 164; срв. Fessler, S. 245—246, прим.

нѣгами же, которые распространились тогда до самаго Дуная, и это было именно въ 90-хъ годахъ, то очень возможно, что относительно времени Порт-прородный спуталъ оба движенія Мадьяръ подъ напоромъ Печенѣговъ. Говоря въ 37-ой главѣ о томъ, что Печенѣги въ продолженіе 55 лѣтъ занимаютъ страну, изъ которой вытѣснили Мадьяръ, онъ очевидно имѣетъ въ виду не первыя мѣста жительства Мадьяръ на сѣверъ отъ Чернаго моря, а послѣдующія — на сѣверъ отъ нижняго Дуная (Ателькузу), куда Печенѣги дѣйствительно распространились не ранѣе, какъ около 895 г.

Итакъ переселеніе Угровъ въ страну, называемую Константиномъ *Ἀτελοῦζου*, должно быть отнесено, по нашему мнѣнію, къ 80-мъ годамъ IX вѣка. Для болѣе точнаго опредѣленія времени рѣшительно нѣтъ данныхъ ¹⁾. Нельзя при этомъ случаѣ не упомянуть о свидѣтельствѣ западнаго лѣтописца Регинона, которое несомнѣнно имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе. У Регинона отгѣсненіе Мадьяръ Печенѣгами отъ Дона (изъ Лебедія) отмѣчено подъ 889 г. ²⁾. Намъ однако положительно извѣстно, что въ этомъ году Угры уже были на новыхъ кочевьяхъ (на нижнемъ Дунаѣ), такъ что выселеніе ихъ должно было произойти во всякомъ случаѣ ранѣе. Показаніе же Регинона объясняется тѣмъ, что въ 889 г. вѣроятно пронесся на западъ первый грозный слухъ о Мадьярахъ, когда они были вовлечены въ болгаро-греческую войну. Показаніе Нестора о 898 годѣ, какъ годѣ прохожденія Угровъ мимо Кіева, оказывается такимъ образомъ совершенно невѣрнымъ: мы еще вернемся къ нему ниже.

Когда Печенѣги напали на Угровъ (жившихъ въ Лебедіи), то, по словамъ Константина, въ возникшей между ними войнѣ Турки (*τῶ τῶν Τούρκων φετατάτου*) были разбиты и раздѣлились

¹⁾ Срв. Дриновъ «Южные Славяне и Византия въ X в.», стр. 7, который относитъ это переселеніе къ 885 году.

²⁾ Regino, ann., a. 889: ex supradictis igitur locis (т. е. отъ Дона) gens mercata a finitimis sibi populis, qui Pecinaci vocantur, a propriis sedibus expulsa est, eo quod numero et virtute praestarent.

на двѣ части: одна часть, направившись на востокъ, заселила часть Персїи (и до сихъ поръ она сохранила прежнее названіе Турковъ Σαζαρτοιάρταλοι); другая же часть, направившись къ западу, поселилась вмѣстѣ съ своимъ вождемъ Лебедіасомъ въ странѣ, называемой Ἀτελοῦζου, гдѣ живутъ нынѣ Печенѣги ¹⁾. Сущность этого извѣстія заключается въ томъ, что не всѣ Угры, вслѣдствіе погрома печенѣжскаго, устремились на западъ. Часть ихъ была, кажется, вынуждена избрать иной путь: по словамъ Константина, эти Мадьяры ушли по направлеию къ востоку и «поселились въ предѣлахъ Персїи». Это послѣднее показаніе невольно возбуждаетъ сомнѣніе: какимъ образомъ и къ чему Мадьярамъ было бы переселяться такъ далеко на востокъ? Предположеніе Цейса, что въ этомъ извѣстїи Константинъ смѣшалъ «Турковъ»-Мадьяръ съ настоящими Турками (восточными), обитавшими дѣйствительно по сосѣдству съ Персїей, кажется намъ довольно правдоподобнымъ ²⁾. Если же свидѣтельство о раздѣленїи мадьярской орды на двѣ части вообще имѣетъ какое-нибудь историческое основаніе, то всего проще его понимать въ томъ смыслѣ, что часть Угровъ, можетъ быть самими Печенѣгами отброшенная къ сѣверу и такимъ образомъ отдѣленная отъ остальной массы, была поставлена въ необходимость уйти куда-либо отъ враговъ своихъ и въ такомъ случаѣ весьма вѣроятно вернулась прежнимъ знакомымъ путемъ къ своимъ финскимъ родичамъ ³⁾.

¹⁾ De adm. imp., c. 38, p. 169.

²⁾ Zeuss, Die Deutschen, S. 749.

³⁾ Лербергъ предполагаетъ (Lehrberg, Untersuch., S. 398), будто еще нѣкоторая часть Мадьяръ осталась жить на прежнихъ мѣстахъ съ Печенѣгами, на что будто-бы ясно намекаютъ домашніе летописи; но мы, признаемся, не знаемъ, что здѣсь разумѣлъ этотъ ученый. Подобный же взглядъ о сохраненїи остатка Мадьяръ въ Россїи высказалъ покойный Брунъ (Черноморье, II, § VIII, стр. 320—321), совершенно неосновательно предполагая, что подъ Мадьярами, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Даста (что они торгуютъ славянскими пѣлиниками), слѣдуетъ разумѣть остатокъ этой орды, удержавшейся въ южныхъ степяхъ Россїи. По очевидному недоразумѣию, Брунъ при этомъ ссылается на А. А. Куника (примѣч. къ «Каспїю» Дорна, стр. 386) и примѣняетъ къ Мадьярамъ его выраженіе «остатокъ этой нѣкогда значительной азовской тюркской орды», тогда какъ оно на самомъ дѣлѣ, если только вни-

Съ этими-то вернувшимися на родину соплеменниками западные Мадьяры не прекращали, по замѣчанію того же историка, и послѣ переселенія сношеній и заботились о нихъ ¹⁾). Мадьяры, изгнанные изъ Лебедія Печенѣгами, переселились въ страну, называемую Константиномъ «Ателькузу». О томъ, какимъ путемъ они шли туда, мы скажемъ послѣ, а теперь остановимся на этомъ названіи и на вопросѣ о томъ, какія именно мѣстности должны быть здѣсь понимаемы.

Самъ Константинъ называетъ именовъ Ἀτελχοῦζον страну, въ которой въ его время жили Печенѣги. Въ концѣ 38 главы онъ ближе опредѣляетъ ее слѣдующими словами: «Земля Печенѣговъ, въ которой когда-то жили Турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ. Рѣки эти слѣдующія: первая такъ называемая Βαρβύχ, вторая такъ называемая Κοῦζοῦ, третья — Τρεῦλλος, четвертая Βροῦτος, пятая Σέρετος». Наконецъ въ 40-й главѣ, рассказывая о дальнѣйшемъ переселеніи Мадьяръ въ равнину средняго Дуная, Константинъ замѣчаетъ кстати: «земля, въ которой прежде жили Турки, называется по имени протекающей тамъ рѣки Ἐτέλ καὶ Κοῦζοῦ, гдѣ нынѣ живутъ Печенѣги» ²⁾). Вопросъ объ этомъ пресловутомъ «Ателькузу», бывший предметомъ столькихъ разсужденій и споровъ, имѣетъ двѣ стороны: понять, какую собственно землю разумѣлъ нашъ авторъ и даже опредѣлить приблизительно ея границы представляется намъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ разгадать ея названіе и еще нѣкоторыя имена, сообщаемыя Багрянороднымъ. Относительно мѣстоположенія этихъ новыхъ жилищъ Угровъ въ общихъ чертахъ

материально прочесть слова г. Куника, относится къ Азовскимъ Туркамъ — въ совокупности, о коихъ было говорено нѣсколько выше. Съ своей стороны мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы не всѣ Мадьяры выселились изъ Лебедія.

¹⁾ καὶ ἀπεκρίθη παρ' αὐτῶν πρὸς αὐτοὺς πολλὰ καὶ ἀπεκρίθησαν. Cap. 38, p. 171.

²⁾ Cap. 40, p. 173. Ἐτελ καὶ Κοῦζοῦ, ἐν ᾧ ἀρτίως κατὰ τὴν ἐπινομήν τιν' ἔκείσε διαρχοῦντο ποταμοῦ, Ἐτέλ καὶ Κοῦζοῦ, ἐν ᾧ ἀρτίως οἱ Πατζουκίται κατοικοῦνται.

всѣ изслѣдователи (начиная съ Тупманна и Фесслера), за исключеніемъ двухъ-трехъ, неосновательно хотѣвшихъ во что-бы то ни стало видѣть въ имени Ателькузу — указаніе на Волгу, и такимъ образомъ приходившихъ къ невѣроятному заключенію о расположеніи этой страны на Волгѣ¹⁾, всѣ изслѣдователи, говоримъ, болѣе или менѣе согласны въ своихъ мнѣніяхъ. Это объясняется во-первыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что жилища Печенѣговъ, занимавшихъ при Константинѣ Багрянородномъ эту самую страну, намъ извѣстны изъ рассказовъ того же писателя, а вторыхъ существованіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ показаній другихъ авторовъ; наконецъ къ одинаковому рѣшенію этого вопроса клонятся и всѣ соображенія о дальнѣйшей судьбѣ Мадьяръ и ихъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ. Общее мнѣніе состоитъ въ томъ, что Угры, вытѣсненные Печенѣгами изъ «Лебедіи», ушли на югозападъ по направленію къ Дунаю и расположились въ земляхъ, лежащихъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ позднѣе жили Печенѣги. Вопросъ только, гдѣ именно? Тутъ уже начинаются разногласія у изслѣдователей, старающихся основать свои выводы на различныхъ толкованіяхъ загадочнаго имени «Ателькузу». Въ опредѣленіи западной границы рѣкою Серетомъ сходятся почти всѣ, опираясь на перечисленіе Константиномъ рѣкъ, протекающихъ по странѣ Мадьяръ, но относительно восточной границы существуетъ значительное разногласіе. Въ то время, какъ одни раздвигаютъ предѣлы страны Ателькузу до самаго Днѣпра²⁾, другіе опредѣляютъ эту границу Бугомъ³⁾ и даже Днѣстромъ⁴⁾. Есть еще мнѣніе, что такъ называлась первоначально собственно только земля между Бугомъ (*Атель* = вообще большая рѣка) и Днѣпромъ (= *Узу* у Турокъ и Татаръ), по что

¹⁾ Cassel, *Mag. Alterth.*, S. 139 и слѣд., затѣмъ Hunfalvy, S. 140; также Klarroth., S. 280.

²⁾ Thunmann, S. 145; Czörnig, S. 54, Mailath, S. 3; Roesler, S. 154; Брунъ, Черноморье (ч. I, 1879) стр. 23; Sayous, p. 14—15.

³⁾ Klarroth, S. 280, Fessler-Klein, S. 49.

⁴⁾ Хвольсонъ, тамъ же, стр. 118—120; Horvath, S. 5—6.

впослѣдствіи имя это перенесено на всю страну до Серета⁴⁾. Однако никакого вѣскаго основанія это послѣднее предположеніе не имѣеть. Всѣ эти мнѣнія основываются на различныхъ объясненіяхъ какъ составныхъ частей этого имени, т. е. словъ *Атель* и *Кузу* или *Узу* (ибо нѣкоторые читаютъ *Ateluzu*, нѣкоторые же *Atelk-uzu*), такъ и названій перечисленныхъ Константиномъ рѣкъ. Изъ нихъ для насъ вполне ясны только два: *Βροῦτος* и *Σέρρετος*, т. е. Прутъ и Сереть. Въ третьемъ *Τροῦλλος* всѣ ученые безъ исключенія согласны видѣть Днѣстръ, который и нынѣ слыветъ у Турокъ подъ именемъ *Турлу*. Камень преткновенія составляютъ два остальныхъ имени: *Βαρῶυχ* и *Κουζῶυ*. На нихъ, какъ и на «Ателькузу», ученые безконечно изощрали свое остроуміе, предлагая массу толкованій, но, не смотря на всѣ ихъ успія, вопросъ и нынѣ остается открытымъ. Можно сказать, что каждое изъ предложенныхъ объясненій имѣеть нѣкоторую долю вѣроятности, свои *pro* и *contra*, такъ что безусловно принять какое-нибудь одно изъ нихъ и отвергнуть всѣ остальные — нѣтъ достаточнаго повода. Тѣмъ не менѣе можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предпочитать одно другимъ. Въ виду всего этого въ ближайшемъ опредѣленіи жлицъ Мадьяръ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная мы не считаемъ цѣлесообразнымъ слишкомъ опираться на объясненія темныхъ именъ, переданныхъ Константиномъ, можетъ быть въ очень искаженномъ видѣ. Для насъ въ этомъ случаѣ имѣеть болѣе значенія другое историческое извѣстіе, на которомъ мы остановимся прежде, чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію мнѣній о вышеупомянутыхъ именахъ.

Цитованный нами выше арабскій писатель Ибнъ-Даста, извѣстія котораго, какъ мы видѣли, по всѣмъ признакамъ относятся къ той же странѣ, которую Константинъ называетъ Ателькузу, даетъ слѣдующія показанія, опредѣляющія ея мѣстоположеніе: «между землею Печенѣговъ и болгарскихъ Эсегель («Асгл»), говоритъ онъ, лежитъ первый изъ краевъ мадырскихъ», за-

⁴⁾ Roesler, S. 154.

тѣмъ нѣсколько далѣе: «земля ихъ обширна; одною окрайною своею прилегаеть она къ Румскому морю (Черному м.), въ которое впадаютъ двѣ рѣки; одна изъ нихъ больше Джейгуна (Аму-Дарья); между этими-то двумя рѣками и находится мѣстопробываніе Мадьяръ». О той же странѣ онъ замѣчаетъ еще: «земля Мадьяръ богата лѣсами и водами, а почва тамъ сыра»¹⁾. Хотя эти свидѣтельства не особенно ясны и точны, они всетаки даютъ нѣкоторыя важныя указанія. Первое изъ этихъ свидѣтельствъ о расположеніи «перваго мадьярскаго края» между Печенѣгами и болгарскимъ племенемъ *Эсегель* не имѣетъ для насъ впрочемъ особенно важнаго значенія, такъ какъ мы пока не можемъ опредѣлить, что собственно арабскій писатель разумѣлъ подъ племенемъ *Эсегель*²⁾. Мы знаемъ и безъ этого, что Мадьяры въ Ателькузу граничили на востокѣ съ Печенѣгами, а на югѣ и западѣ съ Болгарами и областью Карпатскихъ горъ. Для насъ вопросъ состоитъ лишь въ болѣе точномъ опредѣленіи границъ Ателькузу, а для этого имѣютъ болѣе значенія другія показанія *Ибнъ-Даста*. По его словамъ, жилища Мадьяръ находятся между двумя рѣками, изъ которыхъ одна больше Джейгуна, т. е. Оксуса (Аму-Дарья)³⁾. Названія этихъ рѣкъ вѣроятно какъ-нибудь случайно исчезли изъ текста⁴⁾. Намъ кажется, не можетъ быть со-

¹⁾ Хвольсонъ, стр. 25—27.

²⁾ Трудно согласиться съ мнѣніемъ г. Хвольсона, что имя *Эсегель* тождественно съ именемъ нынѣшнихъ Мадьяръ-Секловъ или Секлеровъ: это предположеніе (высказанное уже прежде г. Дефреми, *Fragments de géogr. et d'hist. arabes*, p. 22) построено на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ, и доводы г. Хвольсона въ пользу него кажутся намъ вообще мало убѣдительными. Тамъ же, стр. 95—98; срв. Roesler, *Rom. St. S.* 335—337. У Арабовъ это имя одного изъ болгарскихъ племенъ на Волгѣ встрѣчается въ такихъ формахъ: «Асглъ», «Асклъ», Ашклъ, Алсклъ и проч. Еще менѣе вѣроятно предположеніе Бруна (Черноморье, II, стр. 321), что подъ *Эсегель* *Ибнъ-Даста* могъ разумѣть обитателей 9 хозарскихъ климатовъ.

³⁾ *Ибнъ-Даста* очевидно хорошо зналъ эту послѣднюю рѣку: онъ былъ, какъ извѣстно, Персіанинъ родомъ и вѣроятно именно изъ сѣверной части Персіи.

⁴⁾ Это видно изъ другихъ Арабскихъ писателей. У *Шукръ-Аллаха* (повторяющаго это мѣсто) читаемъ: одна изъ этихъ рѣкъ называется *Вафомъ*, а другая *Итисмъ*, и обѣ онѣ больше Джейкуна. У *Музамета-Эль-Катиба* первая названа *Вакою*; у *Ходжи Халфа* онѣ названы *Волгою* и *Дономъ* (Хволь-

мнѣнія, что подъ большой рѣкой Ибнъ-Даста разумѣль *Дунай*, такъ какъ только послѣдній превосходитъ величиною Аму-Дарью (Днѣпръ меньше ея); что же касается другой рѣки, то подъ ней, по отсутствію болѣе точнаго опредѣленія, можно бы конечно разумѣть и Днѣстръ и Бугъ и даже пожалуй Днѣпръ, но другія соображенія и прежде всего то, что замѣчаетъ вслѣдъ затѣмъ тотъ же писатель, заставляють насъ признать наибольшую долю вѣроятности за *Днѣстромъ*. Днѣстръ послѣ Дуная по порядку первая большая рѣка, впадающая въ Черное море; еслибъ жилища Мадьяръ простирались и далѣе къ востоку до Буга или до Днѣпра, то Ибнъ-Даста врядъ-ли упомянулъ бы только о *двухъ рѣкахъ*, между которыми живутъ Угры. Онъ же говоритъ далѣе, что ихъ страна *лѣсиста и сыра*; эта характеристика, по справедливому замѣчанію г. Хвольсона, прилична именно мѣстностямъ, расположеннымъ между Днѣстромъ и Дунаемъ, т. е. нынѣшней *Бессарабіи*, сѣверная часть которой до сихъ поръ еще изобилуетъ лѣсами¹⁾. Къ тому же есть основаніе думать, что Печенѣги, занявшіе между прочимъ и пряднѣпровскія степи, утвердились по обѣ стороны нижняго Днѣпра и довольно далеко на западъ, такъ какъ были гораздо многочисленнѣе Мадьяръ, на мѣстѣ которыхъ они расположились.

Посмотримъ же теперь, не противорѣчатъ ли этому выводу свидѣтельства Константина и имя Ἀτελχοῦζου?

Излишне было бы перечислять здѣсь отдѣльно всѣ мнѣнія ученыхъ о происхожденіи и значеніи этого имени. Мы приведемъ главнѣйшія и, надѣмся, изъ сопоставленія ихъ выяснится, которое изъ нихъ болѣе правдоподобно и болѣе согласно съ другими соображеніями. Существуетъ множество догадокъ и предположеній относительно обѣихъ составныхъ частей слова. Рѣшить за-

сонъ, стр. 119—120). Очевидно, при такой разности показаній, трудно положиться на нихъ. Шукръ-Аллахъ заслуживалъ-бы большей вѣры, но никакой рѣки съ именемъ Вафъ (или Вака) мы не знаемъ. Подъ Итилемъ разумѣется Дунай, а не Днѣпръ, какъ думалъ Рёслеръ (Rom. St., S. 165, Anm. 3).

¹⁾ Хвольсонъ, тамъ же, стр. 119.

дачу было бы несколько легче, если бы знать, какому народу обязана эта страна такимъ наименованіемъ, Мадьярамъ или же Печенѣгамъ; но отсутствіе необходимыхъ данныхъ не позволяетъ положительно отвѣтить на этотъ вопросъ¹⁾. Что касается первой половины слова «Атель» (Etel), то въ то время, какъ одинъ старался приурочить это названіе къ какой-либо одной извѣстной рѣкѣ, которая могла быть названа такъ Мадьярами по воспоминанію о Волгѣ, напр. то къ *Дунаю*²⁾, то къ *Бузу*³⁾, то къ *Днѣпру*⁴⁾, другіе видѣли въ немъ просто общее названіе для рѣки (или воды)⁵⁾ у финно-уральскихъ народовъ. Точно также и вторая часть—«Кузу» толкуется двойко: одни и здѣсь ищутъ спеціального имени какой-нибудь рѣки, причѣмъ нѣкоторые читаютъ даже *Узу* вмѣсто Кузу, такъ какъ *Узу* есть древнее названіе *Днѣпра* у Турковъ и Татаръ⁶⁾; для иныхъ Кузу—*Буз*⁷⁾; третьи предполагаютъ въ «кузу» мадырское слово *köz* (közep), означающее промежутокъ, середину, пространство между двумя предметами, такъ что *Atelköz* на этомъ основаніи значило бы *междурѣчье*, страна между рѣками (конечно если только въ Ателѣ видѣть обозначеніе рѣки вообще); приводятся и аналогическіе примѣры мадырскихъ названій: *Bodrog-köz*, *Muga-köz*, потомъ *Csallo-köz* и др. За это толкованіе слова *Κούζου*, которое у Константина въ одномъ мѣстѣ стоитъ и особо (*Ετέλ καὶ Κούζου*), высказались многіе авторитетные ученые, каковы напр. Фесслеръ, Цейсъ и Томашекъ⁸⁾; его же придерживаются и по-

¹⁾ Мнѣніе Гунмана (Untersuch., S. 145), что это названіе исходитъ отъ Печенѣговъ, повидному совершенно голословно.

²⁾ Fessler, S. 247; Horvath, S. 5, 6.

³⁾ Roesler, S. 154.

⁴⁾ Брунъ, Черноморье, I, стр. 24.

⁵⁾ Thunmann, S. 145; Mailath, S. 3; Мад. уч. Jergney, см. Saouy, p. 14 (также Klaproth).

⁶⁾ Roesler, *ibid.*; Брунъ, такъ же; противъ этого В. Г. Васильевскій, см. Ж. М. Н. Пр. 1879, ноябрь, стр. 93—94.

⁷⁾ Klaproth, *Tableaux historiques*, p. 281.

⁸⁾ Fessler, S. 247; Zeuss, S. 751; Томашекъ въ рецензіи на книгу Рёслера (*Zeitschr. für österr. Gymnasien*, V. XXIII, 1872, S. 151), высказываясь

вѣйшіе мадьярскіе изслѣдователи¹⁾). Съ своей стороны мы должны сказать, что также не можемъ не склониться въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые придаютъ имени Ателькузу *общее значеніе* и переводятъ его выраженіемъ «междурѣчья» (какъ-бы *месопотаміи*). Ибо навязывая названія *Атель* и *Кузу* специально тѣмъ или другимъ рѣкамъ и на этомъ основаніи заключая о томъ, какой странѣ принадлежитъ это имя, ученые во-первыхъ поступаютъ всегда слишкомъ произвольно, чему доказательствомъ служатъ ихъ разногласіе въ выводахъ, во-вторыхъ они не довольно внимательно въ смыслъ текста Константина Багрянороднаго. У него сказано, что земля эта «называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ», а затѣмъ тотчасъ же поименованы всѣ эти рѣки и между ними мы не встрѣчаемъ ни Ἀτέλ, ни Κουζού²⁾. Слѣдовательно приведенную только-что фразу Константина можно, кажется, понимать только въ томъ общемъ смыслѣ, что названіе страны «Ателькузу» происходитъ отъ ея расположенія посреди нѣсколькихъ (почти параллельно текущихъ) рѣкъ. Во всякомъ случаѣ объясненіе имени Ἀτέλκουζου, какъ общаго обозначенія страны, расположенной *между рѣками*, нисколько не противорѣчитъ принятому нами опредѣленію жилищъ Мадьяръ между Дунаемъ и Днѣстромъ и совершенно согласуется съ показаніемъ Ибнъ-Даста о положеніи мадьярской страны «между двумя рѣками, впадающими въ Черное море».

Что же касается до переименованныхъ Константиномъ рѣкъ, то названія трехъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто выше, вполне ясны для насъ: это—Βροῦτος, Σίρετος и Τροῦλλος, т. е. Прутъ,

противъ чтенія Рёслера Ateluzú, приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда то важное соображеніе, что Финны Ud-shurt называютъ свою землю, расположенную на р. Вяткѣ и Камѣ, Кам-Кузур, т. е. водная середина (Wassermittle).

¹⁾ Напр. Jerney (Keleti utazása etc.), см. Sayona, op. cit. p. 14.

²⁾ Рёслеръ (стр. 154) высказалъ предположеніе, что р. Κουζού стоитъ нежесть быть по ошибкѣ вмѣсто Κουζού, но это только произвольная догадка, по нашему мнѣнію, мало даже помогающая разъясненію дѣла съ точки зрѣнія Рёслера.

Сереть и Днѣстръ (*Турлу* у Турокъ). Остаются еще двѣ: *Вароу* и *Ковзоу*. Имена этихъ рѣкъ, какъ и названіе «Ателькузу», служили ученымъ не менѣе важнымъ основаніемъ для опредѣленія восточной границы мадьярскихъ жилищъ. Имѣя въ виду порядокъ ихъ поименованія у Константина, они по известнымъ имъ рѣкамъ — Днѣстру, Пруту и Серету (расположеннымъ въ порядкѣ) заключали о систематическомъ распредѣленіи ихъ всѣхъ Константиномъ съ востока на западъ, и вслѣдствіе того приурочивали названія *Ковзоу* и *Вароу* къ рѣкамъ на востокъ отъ Днѣстра, а именно къ Бугу и Днѣпру. Хотя и въ этомъ приуроченіи были значительныя разногласія, но по болѣе распространенному мнѣнію — подъ *Ковзоу* разумѣлся *Бугъ* (древній *Куфисъ*), а подъ *Вароу* — *Днѣпръ*, древній *Борисоенъ* (*Бюрю-юзенъ*)¹⁾. Однако на нашъ взглядъ подобныя заключенія не имѣютъ подъ собой достаточно твердой почвы и отличаются не меньшимъ произволомъ, чѣмъ вышеприведенныя догадки о рѣкахъ *Атель* и *Кузу*. Дѣло въ томъ, что мы никакъ не находимъ возможнымъ, на основаніи известнаго порядка именъ двухъ-трехъ рѣкъ у Константина, дѣлать рѣшительное заключеніе объ общемъ порядкѣ поименованія имъ всѣхъ рѣкъ. Это, кажется намъ, было бы слишкомъ смѣло. Врядъ-ли Константину можно приписать въ этомъ случаѣ такую преднамѣренную точность и систематичность. Порядокъ, въ какомъ у него стоятъ Днѣстръ, Прутъ и Сереть, могъ бы быть совершенно случайнымъ, и мы, кажется, съ не меньшимъ правомъ можемъ искать рѣкъ *Вароу* и *Ковзоу* — на западѣ или даже между Днѣстромъ, Прутомъ и Серетомъ, чѣмъ на востокѣ. Впрочемъ, еслибъ даже и удалось до-

¹⁾ Такъ *Thunmann*, S. 145; *Mailath*, S. 3; *Брунъ*, *Черном.*, I, стр. 23; *Sayous*, p. 14—15; *Томашекъ* (въ упомянутой рецензій: *Ковзоу*—*Бугъ* по печенѣжскому произношенію; *Вароу* = *Днѣпръ*, изъ гунск. обознач. *tor* и *ny* (коман. *схиз*=*огиз*—рѣка, *огі*=вода) (?). Другого мнѣнія былъ *Фесслеръ*, по которому *Вароу*=*Бугъ*, *Ковзоу*=*Kugalnik* или *Kunduk*; того же мнѣнія объ имени *Вароу* *Дюмлеръ* (*Gesch.*, II, S. 440); по *Чернигу* (*Czbrnig*) *Вароу* = *Днѣпръ*, а *Ковзоу* = *Kabolta* и проч.

казать, что рѣки *Коръзъ* и *Варъзъ* суть именно *Буръ* и *Диньръ*, то это еще не значило бы, что и жилища Мадьяръ непременно простирались на области этихъ рѣкъ. Константинъ опредѣляетъ ими собственно страну Печенѣговъ, а не Мадьяръ. Онъ говоритъ: «земля Печенѣговъ, въ которой когда-то жили Турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ; рѣки эти слѣдующія» и т. д. Мадьяры, по своей сравнительной численности, могли и даже должны были занимать только часть той страны, которую послѣ всю заняли Печенѣги. А такъ какъ о ихъ жилищахъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная, въ нынѣшней Бессарабiи и части Молдавіи, мы достоверно знаемъ изъ историческихъ данныхъ, то полагаемъ поэтому, что едва-ли эти жилища простирались на востокъ много *далѣе* Днѣстра.

Вопросъ о *пути* Мадьяръ изъ Лебедii въ Ателькузу освѣщается только однимъ историческимъ указанiемъ, именно краткимъ свидѣтельствомъ нашего лѣтописца о движенiи Угровъ мимо Кiева, записаннымъ имъ подъ 898 годомъ. Изъ этого свидѣтельства мы, кажется намъ, имѣемъ право заключить, что Мадьяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Кiевомъ, и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, предпринимая набѣги въ стороны, подходили и къ Кiеву. Для насъ имѣетъ значенiе только этотъ фактъ и мы не имѣемъ причины подвергать сомнѣнiю сущности несторова извѣстiя, хотя и должны признать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ его, т. е. прежде всего приуроченiя этого событiя къ 898 году и затѣмъ его разсказа о дальнѣйшемъ странствованiи Угровъ «черезъ горы великія», т. е. черезъ Карпаты.

Несторъ такъ разсказываетъ объ этомъ: «пошла Угри мимо Кiевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское, пришедше къ Днѣпру сташа вежами; бѣша бо ходяще аки се Половци. Пришедше отъ вѣстока и устремляшася чересь горы великыя (яже

прозвашася горы Угорьскія: *Т. Р. А. см.*) и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни» и т. д...

Въ этомъ извѣстїи есть еще указаніе, подтверждающее фактъ прохожденія Угровъ вблизи Кіева. Мы разумѣемъ названіе какой-то горы (или скорѣе холма) ¹⁾ подъ Кіевомъ — *Угорьское*. Объ этой горѣ или мѣстѣ «Угорьскомъ» Несторъ упоминаетъ еще въ разсказѣ о смерти Аскольда и Дира подъ 882 (6390) годомъ. Олегъ прибылъ «къ горамъ Кіевскимъ», спрятавъ воиновъ въ ладьяхъ: «И приплу подъ *Угорьское*, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Дирови»..., далѣе объ убійствѣ Аскольда и Дира: «и убиша Асколда и Дира, песоша на гору и погребоша ѿ *на горь*, *сже ся ныне зоветъ Угорьское*, где ныне Ольмишъ дворъ; на той моголѣ поставилъ церковь святому Николу» и т. д. Ясно такимъ образомъ, что Угры оставили слѣдъ своего прохожденія мимо Кіева въ мѣстѣ того мѣста, гдѣ они ммоходомъ располагались «всѣмъ» ²⁾; весьма вѣроятно также, что съ этимъ племенемъ связано было мѣстное преданіе объ Уграхъ и ихъ временныхъ кочевьяхъ по сосѣдству съ Кіевомъ, преданіе, которымъ и воспользовался Несторъ. Но какъ же поступилъ онъ съ этимъ преданіемъ? Онъ не могъ его провѣрить никакими историческими свидѣтельствами, такъ какъ нельзя было найти таковыхъ у византійцевъ; между тѣмъ, занося его въ лѣтопись, онъ долженъ былъ приурочить его къ извѣстному времени и дать ему какое-либо поясненіе, чтобъ оно не представлялось совершенно голымъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ фактомъ. Лѣтописецъ сдѣлалъ и то и другое: приурочилъ это событіе къ извѣстному году (898)

¹⁾ Здѣсь впрочемъ нѣтъ надобности разумѣть именно юру. «Горою» въ древности назывался также *берегъ* (нагорный), а также береговой путь, вообще сухопутье. См. Барсовъ, Географія начальныхъ лѣтописи (1873), стр. 16.

²⁾ Г. Иловайскій во II ч. «Исторіи Россіи» рѣшительно отвергаетъ связь этого мѣста съ именемъ Угровъ и держится мнѣнія (высказаннаго уже Шлѣдеромъ въ его «Несторѣ» II, стр. 236, но положительно не выдерживающаго критики), что оно происходитъ отъ «горы»: *Угорь*. Онъ полагаетъ, что Угры не могли быть вовсе подъ Кіевомъ (но почему? Печенѣги и Половцы подходили же). См. Иловайскій, II ч., стр. 514—515.

и постарался разъяснить его указаніемъ на дальнѣйшее движеніе Мадьяръ; но въ обѣихъ случаяхъ сдѣлалъ промахи: совершенно неосновательно приписалъ Мадьярамъ путь въ Угрію *черезъ горы великія* (Карпаты), тогда какъ всѣ историческія и этнографическія данныя наши и соображенія говорятъ противъ этого, и не вѣрно отнесъ ихъ движеніе мимо Кіева къ 898 году, тогда какъ оно, какъ мы видѣли, должно быть отнесено уже къ 80-мъ годамъ IX вѣка¹⁾. Впрочемъ происхожденіе и той и другой ошибки не представляеть для насъ загадки. Нестору, не имѣвшему подъ рукой никакихъ историческихъ извѣстій о пути Мадьяръ на новую родину, было простиительно думать, что послѣдніе переселились въ свои закарпатскія земли не иначе, какъ переваливъ черезъ лежавшія имъ на пути Карпатскія горы. Для него, знавшаго Мадьяръ уже народомъ осѣдымъ, успѣвшимъ утратить характерныя черты кочевниковъ, въ этомъ, повидному, естественномъ и простомъ явленіи не было ничего страннаго или неправдоподобнаго. Тотъ же взглядъ на угорское переселеніе высказали позднѣе въ своихъ баснословныхъ разсказахъ и національные мадьярскіе хронисты, которые впрочемъ сообщали небылицы, какъ мы знаемъ, не всегда по невѣденію.

Что касается несторова опредѣленія года, то ошибочность его еще очевиднѣе и можетъ быть также довольно легко объяснена. Источникомъ его могло быть только какое-нибудь показаніе византійцевъ, само по себѣ не вѣрное или же ложно понятое и перетолкованное лѣтописцемъ. Любопытно, что указанная нами выше хронологическая ошибка Константина Багрянороднаго въ опредѣленіи времени выселенія Мадьяръ изъ Лебедін поразительно совпадаетъ съ ошибочнымъ свидѣтельствомъ Нестора. Константинъ говоритъ, что Печенѣги, выгнанные Мадьяръ изъ Лебедін, живутъ тамъ 55 лѣтъ. Допустивъ, что это было напи-

¹⁾ Можно пожалуй разумѣть, что лѣтописецъ нашъ относитъ это событіе неопредѣленно—къ цѣлому десятку лѣтъ, ибо ставить его противъ цѣлаго ряда годовъ (отъ 863—898), только выставленныхъ и не отмѣченныхъ никакимъ другимъ событіемъ.

само Константиномъ въ 953 году (время написанія соч. De Adm. Imp.) и сдѣлавъ вычетъ 55 лѣтъ, мы получимъ именно 898 годъ, т. е. тотъ самый, къ которому Несторъ относитъ прохожденіе Угровъ мимо Кіева. Едва-ли это совпаденіе случайно. Не естественно ли предположить, что оба историка воспользовались въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь общимъ источникомъ, который или самъ не отличался точностью, или былъ неправильно понятъ. Ошибку Нестора въ этомъ опредѣленіи года не могли не признать, разумѣется, большинство послѣдователей¹⁾. Однако она отчасти подала поводъ нѣкоторымъ ученымъ дѣлать совершенно невѣроятный и странный домыселъ, что Мадыяры, вытѣсненные изъ «Ателькузу» Печенѣгами въ союзъ съ Болгарами, принуждены были избрать единственный будто-бы остававшійся имъ путь на сѣверовостокъ, а затѣмъ уже повернули на западъ и пришли въ Угрію сѣверовосточными проходами Карпатскихъ горъ. Къ этому-то ихъ пути относится будто-бы упоминаніе Нестора о ихъ появленіи около Кіева²⁾. Это предположеніе настолько произвольно и лишено всякаго разумнаго основанія, что не требуетъ и опроверженія.

Здѣсь кстати сказать о другой не менѣе произвольной догадкѣ, основанной на разночтеніи списковъ лѣтописи. Въ *Воскресенскомъ* спискѣ (и нѣкоторыхъ другихъ, напр. *Архангельскомъ*, *Никоновскомъ*) читается объ Олегѣ, пришедшемъ къ Аскольду и Дюру: «яко гость есмь поддугорской... да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». На основаніи этого мѣста была построена гипотеза (впервые Эверсомъ)³⁾ о томъ, что Аскольдъ и Диръ были Угры и что Олегъ, называя себя «гостемъ поддугорскимъ», хотѣлъ обмануть ихъ. А между тѣмъ это чтеніе «гость

¹⁾ Ее замѣтилъ уже Клапротъ, *op. cit.*, p. 277, см. Roesler, S. 169. У Нестора встрѣчается не одна подобная хронологическая ошибка, см. «Хронологическія ошибки Нестора» А. А. Куника (его Замѣчанія на Геденова) *Зап. Ак. Наукъ*, т. VI, кн. I, стр. 64.

²⁾ Fessler-Klein, S. 63; Sayous, p. 21—22.

³⁾ Evera, *Vom Ursprung d. Russ. Staats*, S. 202.

✓ подъугорскій», повидному, есть просто результатъ ошибки въ текстѣ, сдѣланной по недоразумѣнію переписчикомъ ¹⁾. Въ послѣднее время рѣшительнымъ защитникомъ мнѣнія о мадьярскомъ происхожденіи Аскольда и Дира выступилъ г. Геденовъ ²⁾. Между прочимъ онъ считалъ и мѣстное названіе «Угорское» происшедшимъ не отъ прохода Угровъ этою мѣстностью при Олегѣ (какъ справедливо принимали Кругъ и Погодинъ), а отъ погребенія на томъ мѣстѣ Аскольда и Дира. Въ пользу мадьярскаго же происхожденія Аскольда и Дира приводилось еще молчаніе лѣтописи о ихъ борьбѣ съ Хозарами (такъ какъ вѣдъ съ послѣдними въ союзѣ были также Угры) и будто-бы мадьярское названіе *Олма* (Ольминъ дворъ), встрѣчающееся въ лѣтописномъ разсказѣ о погребеніи Аскольда ³⁾.

Однако всѣ доводы Геденова и его предшественниковъ не могутъ считаться вѣскими и убѣдительными; Погодинъ вполне основательно опровергъ ихъ взглядъ ⁴⁾. Дѣйствительно, ни въ лѣ-

✓ ¹⁾ Довольно удачно объясняетъ эту ошибку г. Ламбинъ. Онъ полагаетъ, что въ выраженіи, относящемся къ Олегу: «и пришу подъ Угорское» — слова «подъ Угорское» принадлежатъ не лѣтописцу, а представляютъ чью-либо позднѣйшую приписку, вѣроятно, на полѣ, внесенную потомъ въ текстъ переписчиками, изъ которыхъ иные, не понимая — куда это слово должно быть отнесено, поставили его, имѣя въ окончаніи, послѣ «яко гость есмь», такъ что и вышло: «яко гость есмь подъугорскій. . .» (подъ угорскою). «Такое нецѣлое чтеніе не могло бы возникнуть, если бы «подъ Угорское» было написано самимъ Несторомъ прямо въ текстѣ послѣ «пришу», какъ въ древнихъ спискахъ». См. Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, Ж. М. Пр., 1874, июль, стр. 57.

²⁾ «О Варяжскомъ вопросѣ». Зап. А. Н., т. III, кн. 1, стр. 244—246.

³⁾ Юргевичъ, тамъ же, стр. 115; срв. Морошкинъ, Аскольдъ и Диръ (Сынъ Отеч. 1812, VIII). Въ пользу этого мнѣнія высказался и К. П. Бестужевъ-Рюминъ, Истор. Р., стр. 70. Самыя имена Аскольдъ и Диръ пытались объяснить также мадьярскимъ языкомъ, Юргевичъ, тамъ же, стр. 114—15. Г. Евронеусъ идетъ еще дальше. Ставя движеніе Мадьяръ черезъ Кіевъ въ Панионию — въ связи съ завоепаніемъ Кіева Олегомъ, онъ не видитъ въ вестроронѣхъ *Олма* никого болѣе, какъ извѣстнаго вождя Мадьяръ, родоначальника ихъ первой династіи — *Алма* (или *Альмуса*). См. статью его «Die Magyaren als die vorzuglichsten Mithelfer bei der Schöpfung der Grossmacht Russlands», St. Petersburg. Herald, № 159, 1881, 8 Juni.

⁴⁾ Геденовъ и его система, Зап. А. Н. т. VI, кн. 1, стр. 18—22. Срв. тоже «Замѣчанія А. А. Куника». З. А. Н. т. II, кн. 2, стр. 210.

топши Нестора, ни въ извѣстныхъ намъ историческихъ фактахъ и данныхъ нельзя безъ большихъ натяжекъ найти что-либо говорящее въ пользу предположенія о мадьярскомъ происхожденіи Аскольда и Дира. Противъ этого говоритъ уже то простое соображеніе, что еслибы Аскольдъ и Диръ были Угры, то въ Кіевъ и въ окрестныя мѣстности долженъ былъ прибыть съ ними и тамъ поселиться значительный мадьярскій элементъ, безъ котораго появленіе тамъ двухъ вождей (или князей) — мадьяръ было бы необъяснимой загадкой. А такой выдающійся фактъ не могъ бы не быть извѣстенъ свѣдущему въ исторіи дѣпровской Руси Нестору; у послѣдняго однако нѣтъ на него и намѣка.

Приверженцы этого взгляда находятъ обыкновенно подтвержденіе ему также и въ извѣстномъ имени Кіева у Константина Багрянороднаго *Σαμβατὰς*¹⁾, которое объясняютъ изъ мадьярскаго языка, сближая его съ мадьярскимъ словомъ *Szombat*, употребляемымъ для означенія городовъ-крѣпостей²⁾; и теперь въ Венгріи есть нѣсколько городовъ съ такимъ названіемъ³⁾. Но въ первыхъ это сближеніе именъ *Σαμβατὰς* и *Szombat* сильно поколеблено уже тѣмъ соображеніемъ, что мадьярское слово *Szombat*, приложенное къ именамъ многихъ городовъ и собственно означающее «субботу» (*Sabbath*), относится по своему происхожденію къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ *Σαμβατὰς* Константина Багрянороднаго⁴⁾, и замѣтвано Мадырами можетъ быть

1) De adm. imp., с. 9, р. 76: τὸ καστρεν τὸ Κιόβζ τὸ ἐκποραζόμενον Σαμβατὰς.

2) Другія объясненія имени *Σαμβατὰς*: Добровскій — «Самботъ», т. е. сборное мѣсто лодокъ; Карамзину (I, пр. 72) слышались въ немъ звуки «сама мать» (Кіевъ—мать городовъ русскихъ); Ламбину (Ж. М. II, II, июль, 1874) — «ся есть мать»; Томсея (ор. с., р. 72) — древн. скандинавское *Sandb'akki* (мель) или *Sandbakka-áss* (возвышенность мели). Брунъ считаетъ это имя тождественнымъ съ армянскимъ именемъ Самватесъ или Симбатесъ, какъ звали сына Императора Льва Арменина. См. Брунъ, Черноморье, ч. II, 1860, стр. 287—288.

3) Гедеоновъ, О Варяж. вопр., Зап. Ак. Н. т. I, кн. 2, стр. 107; Юргевичъ, стр. 112—113; съ этимъ соглашается отчасти и ак. Куникъ (см. Брунъ, тамъ же.).

4) Roesler, R. S. 134.—Thomsen, The Relations between Russia and Scandinavia etc, 1877, Additions, p. 145—146.

у дунайскихъ Славянъ¹⁾); а во-вторыхъ, еслибы это тождество и было доказано, то оно, по нашему мнѣнію, вовсе не можетъ служить подтвержденіемъ мадьярскаго происхожденія Аскольда и Дира: Мадьяры, жившіе нѣсколько десятковъ лѣтъ въ «Лебедіи» и часто имѣвшіе столкновение съ днѣпровскими Славянами, могли дать Кіеву свое особое названіе, которое могло черезъ нихъ же стать извѣстнымъ Византійскому императору²⁾).

Что касается разсказа Анонима о движеніи Мадьяръ мимо Кіева, которому до сихъ поръ обыкновенно придавали большое значеніе (благодаря существовавшему относительно его заблужденію), то въ немъ заслуживаютъ вниманія развѣ только нѣкоторыя черты, отражающія современныя его автору отношенія. Такова роль, отведенная *Куманамъ* рядомъ съ Мадьярами. Анонимъ разсказываетъ, что къ Мадьярамъ на ихъ дальнѣйшемъ пути въ Угрію присоединились между прочимъ Куманы. О Куманамъ въ эпоху мадьярскаго переселенія еще не можетъ быть рѣчи, конечно. Они, какъ извѣстно, выступаютъ на сцену только въ XI вѣкѣ (1060—61)³⁾. Понали Куманы въ разсказъ Анонима конечно по аналогіи, — замѣнивъ собою тѣхъ *Половцевъ*, которые помогали русскимъ князьямъ противъ Татаръ. Союзъ же ихъ съ Уграми, въ чемъ выразилось также сочувствіе къ нимъ автора хроникки, обуславливается современными отношеніями Мадьяръ и Куманъ. До монгольскаго погрома Куманы не были союзниками угорскихъ королей. Напротивъ, въ концѣ XIII вѣка Куманы являлись опорой національной партіи въ Угріи, къ которой принадлежалъ и Анонимъ⁴⁾.

¹⁾ Срв. Первоульѣъ, рецензія на книгу Гедеонова, Ж. М. Н. Пр. 1877 г. Юль, стр. 67, прим.

²⁾ Въ послѣднее время В. Г. Васильевскій указалъ на возможность искать объясненія этого названія Кіева въ географической номенклатурѣ отечественныхъ книгъ. «Русско-Византійскіе отрывки», ст. V., Ж. М. Н. Пр. 1877 февраль, стр. 185.

³⁾ Лѣтоп. по Лаврент. списку, стр. 159: «Въ лѣто 6569 придоша Половци первое на Русьскую землю воевать».

⁴⁾ Сн. *Marcsali*, о. с., S. 633—4, 636.

Совершенно независимо отъ разсказа Анонима о Куманыхъ, можно предположить, что къ Мадьярамъ примкнули на пути въ Угрю шайки такихъ же, какъ они, кочевниковъ, но по всей вѣроятности *турецкаго* племени. Константинь Багрянородный, какъ увидимъ нѣсколько ниже, говоритъ о присоединеніи къ Мадьярамъ *Кабаровъ*. Г. Клейнъ предлагаетъ догадку, что Кабары тождественны съ *Палочами* (Palocz) и можетъ быть носили уже тогда это послѣднее имя, а Анонимъ и его современники, по созвучію, смѣшали ихъ съ Половцами или Куманами ¹⁾.

О преобладавшемъ до сихъ поръ въ наукѣ взглядѣ о пути Угровъ въ новую родину *черезъ Карпаты* надо сказать, что онъ почти исключительно былъ основанъ на вымышленномъ разсказѣ Анонима, которому такъ долго и простодушно вѣрили столь многіе ученые. Съ разоблаченіемъ историческихъ приемовъ и источниковъ этого автора само собой должно рушиться и неправдоподобное мнѣніе о сѣверовосточномъ пути Мадьяръ въ дунайскую равнину черезъ Карпаты, противъ котораго достаточно убѣдительно говорятъ и здравый смыслъ и всѣ наши соображенія. Главныя изъ ихъ слѣдующія: 1) пребываніе Мадьяръ, по переселеніи изъ Лебедія, въ Ателькузу, т. е. на сѣверѣ отъ Нижняго Дуная въ нынѣшней Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, откуда имъ лежала естественно дорога вверхъ по Дунаю; 2) извѣстные ихъ походы оттуда по Дунаю на западъ и ознакомленіе съ равниной дунайской—именно съ этой южной стороны; 3) представленіе западнаго лѣтописца (Регипона) о первоначальныхъ опустошительныхъ предпріятіяхъ Мадьяръ въ равнинѣ тиссо-дунайской, въ Панноніи и затѣмъ уже въ болѣе сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ предѣлахъ ²⁾; 4) невѣроятность явленія, чтобы кочевал, конная орда, всегда

¹⁾ См. Fessler-Klein, S. 54—55. О Кобарахъ ниже, стр. 271.

²⁾ Regino, a. 889: Et primo quidam Pannoniorum et Avagorum solitudines pererrantes, . . . deinde Carantanorum, Marahensium et Vulgarum fines crebris incursionum infestationibus irrupunt. etc. Срв. Roesler, Zur Kritik älter. Ungar. Gesch. (Program. K. K. Ober-Gymn. zu Troppau, 1860) S. 21—22. Вообще Реслеръ первый рѣшительно высказался противъ взгляда о проходѣ Угровъ черезъ Карпаты.

грозная и сильная на равнинах и в степи, беспомощная и безсилая в лесистых и гористых местностях, чтобы такая орда (а таковою уже стали тогда Мадыры, руководимые своими чисто-турецкими спутниками) избрала себе путь через лесистые и удобные для всякой обороны и засады Карпатскія горы. Здѣсь, в горахъ жили остатки дако-романскаго населенія и Славяне, и Мадыры были сашкомъ осторожны, чтобы рискнуть на столь затруднительный и необычный для нихъ походъ в горы Карпатскія, в страну имъ невѣдомую и неизвѣстную (для нихъ) къ населенную. Впрочемъ двигаясь постоянно вдоль большихъ рѣкъ по ихъ равнинамъ, они не могли и понасть в отроги сѣверовосточныхъ Карпатовъ; 5) краснорѣчиво говоритъ в томъ же смыслѣ и географическое распределение народностей в восточной Угрии. Сѣверовосточный ея уголокъ, прилегающій къ Карпатамъ, т. е. тотъ племно край, который, согласно разбираемому взгляду, первый долженъ бы былъ подвергнуться угорскому нашествію, издавна силовъ занятъ славянскимъ населеніемъ, тогда какъ самое коренное и первобытное мадырское населеніе сосредоточено в югозападной части Угрии, между Тиссой и Дунаемъ ¹⁾. Такое явленіе было бы совершенно немыслимо, еслибы исходнымъ пунктомъ распространенія мадырской народности былъ сѣверовосточный уголокъ Угрии (приблизительно около Дуклянскаго прохода). Коренное славянское населеніе не могло бы здѣсь удержаться.

Мадыры в своемъ движеніи на западъ не могли идти иначе, какъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, восточныхъ степныхъ кочевниковъ, каковы были Гунны, Болгары и Авары: и тѣ, и другіе, и третьи изъ южныхъ степенъ нашей Руси направлялись къ устьямъ Дуная и, двигаясь вдоль этой рѣки, у такъ называемыхъ «Железныхъ Воротъ» проникли в великую равнину дунайскую. Такъ несомнѣнно прошли и Угры.

Возвратимся же теперь къ переселенію Мадыръ в «Атель-

¹⁾ Ср. Krones, Handbuch der Gesch. Oesterr., L. VII, S. 578.

кузу». Тѣснимые Печенѣгами, они поневолѣ должны были разстаться со своими ближайшими сосѣдями и покровителями Хозарамъ, съ которыми они были въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ во все время своего пребыванія въ «Лебедіи». Порвался ли сразу эти связи и отношенія, или они сказались еще и тогда, когда судьба навсегда разлучила оба народа?

На это отвѣчаетъ Константинъ Багрянородный — и именно въ послѣднемъ смыслѣ—своимъ рассказомъ о починѣ Хозарь въ дѣлѣ избранія *одного общаго вождя* мадьярскаго, съ цѣлю большаго сплоченія Мадьярь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ усиленія въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Константинъ Багрянородный относитъ эту перемѣну въ мадьярской политической организаціи къ тому времени, когда Мадьяры уже жили въ Ателькузу, испытавъ уже на опытѣ вредныя послѣдствія своей племенной разрозненности—въ совершенно неудачномъ сопротивленіи при встрѣчахъ съ Печенѣгами.

Такъ какъ съ этимъ избраніемъ общаго народнаго вождя было соединено условіе подчиненія Мадьярь верховной власти Хозарь, то этому показанію Константина можно повѣрить скорѣе, чѣмъ мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, что избраніе общаго главы народа произошло еще въ «Лебедіи», когда Мадьяры, находясь уже и безъ того въ нѣкоторой зависимости отъ Хозарь, составляли съ ними какъ-бы одно цѣлое. Какъ-бы то ни было, подробный и обстоятельный рассказъ Константина не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Мадьяры этою мудрою и своевременною мѣрою обязаны Хозарамъ, которые слѣдовательно, хотя и заботились о поддержаніи своего авторитета и власти у Мадьярь, все-же очевидно желали имъ блага и пользы. Константинъ рассказываетъ, какъ хаганъ хозарскій просилъ Мадьярь прислать къ нему ихъ старѣйшаго воеводу. Вслѣдствіе того Лебедіасъ отправился къ хагану, который и объявилъ ему, что хочетъ провозгласить его вождемъ мадьярскаго народа, такъ какъ онъ почитается старѣйшимъ въ народѣ, человекомъ знатнаго происхожденія, разумнымъ и энергичнымъ, — съ тѣмъ однако усло-

вѣзмъ, чтобы онъ подчинился верховной власти его, хагана хозарскаго. Лебедіась благодарилъ, однако самъ уклонился отъ избранія, сославшись на преклонность лѣтъ, и предложилъ на свое мѣсто другого, вѣроятно старѣйшаго послѣ себя вождя *Салмуцеса* (*Σαλμούτζης*) или его сына *Арпада*. Хаганъ согласился и послалъ къ Мадьярамъ для окончательныхъ переговоровъ своихъ пословъ. По совѣщаніи съ ними, и совершилось избраніе Арпада, какъ замѣчательнаго умомъ и мужествомъ и вообще наиболѣе достойнаго, причемъ, по обычаю своему, Мадьяры подняли его на щитѣ¹⁾. «Изъ рода Арпада, прибавляетъ Константинъ, и до сихъ поръ происходятъ цари Туркіи».

Итакъ здѣсь Константинъ упоминаетъ имена трехъ вождей мадьярскихъ. О *Лебедіась* и загадочности для насъ этого имени мы уже говорили выше²⁾. *Арпадъ* уже вполне историческое и извѣстное лицо. А имя его отца *Σαλμούτζης*, по общему признанію³⁾, съ которымъ нельзя не согласиться, есть хорошо намъ извѣстное изъ мадьярскихъ хроникъ имя *Almus*, искаженное ошибочно прибавкою *σ* (которою кончается предыдущее слово — *λεγόμενος Σαλμούτζης*); слѣдуетъ поэтому читать *Ἄλμουτζης*, имя, несомнѣнно тождественное съ Альмусомъ и съ встрѣчающимся у Никиты Хонскаго именемъ *Ἄλμουζης*⁴⁾. Избранный мадьярскій вождь не имѣлъ однакожъ въ настоящемъ смыслѣ царскихъ (самодержавныхъ) правъ и значенія; его власть была по преимуществу *воинная*; вожди отдѣльныхъ племенъ еще продолжали и при немъ сохранять свое значеніе.

Къ переселенію Мадьяръ на Дунай относятся еще одно из-

¹⁾ Сар. 33, р. 170: «ὄν καὶ ἄρχοντα κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζήσανον πεποιθῆσθαι, ἐκδικῶντες αὐτὸν εἰς οὐρανίον».

²⁾ См. стр. 218. — Константинъ (*De A. I.*, с. 40, р. 172) называетъ еще сына Арпада *Λιούτια*, имя, которое отождествляютъ съ встрѣчающимся у Мадьяръ перѣдко позднѣе *Lewenta* (*Roesler*, S. 160), но сблизать его съ *Лебедіасомъ* едва-ли возможно.

³⁾ *Zeuss*, S. 750; *Budinger*, S. 214; *Dümmler*, *Gesch.*, II, S. 438; *Roesler*, S. 160.

⁴⁾ *Nicet. Choniast.* (Ed. Bonn.), *Joannes Comnenus*, с. 5, р. 24.

вѣстіе Багрянороднаго, на которое намъ осталось обратить вниманіе. Мы разумѣемъ свидѣтельство его о какихъ-то *Кабарахъ*, хозарскомъ племени, переселившемся вмѣстѣ съ Мадьярами въ ихъ новыя жилища¹⁾. Константинъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее (с. 39, р. 171). «Такъ называемыя Кабары (*Κάβαροι*) происходятъ изъ рода Хозаръ. Когда же между ними (т. е. Хозарами) произошло столкновение изъ-за власти и началась междоусобная война, то первая (верховная) власть (*πρώτη ἀρχή*) одержала верхъ. Изъ другихъ часть была истреблена, часть бѣжала и поселилась съ Турками въ землѣ Печенѣговъ: между ними утвердилась взаимная дружба, и пришельцы были прозваны *Кабарами*. Такимъ образомъ они научили и Турковъ языку Хозаръ и имъ самимъ до сихъ поръ знакомъ этотъ діалектъ, но и другой имъ извѣстенъ—языкъ Турковъ. Такъ какъ они превосходили военною доблестью и храбростью другія семь племенъ, и шли впередъ ихъ на войнѣ, то и заняли первое мѣсто среди всѣхъ племенъ. Вождь у нихъ одинъ, т. е. у всѣхъ трехъ племенъ Кабаровъ; онъ существуетъ и до сихъ поръ»²⁾.

Еслибы мы и не имѣли этого свидѣтельства Константина, то были бы всетаки въ правѣ предположить, что Мадьяры, вытѣсненные изъ земли своей Печенѣгами, легко могли увлечь съ со-

¹⁾ Особенное толкованіе извѣстія Константина о Кабарахъ было предложено г. Иловайскимъ въ его статьѣ «Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ» (Ж. М. Пр., 1875, янв., стр. 108—109). Мы упоминаемъ о немъ лишь ради его оригинальности, такъ какъ правдоподобнымъ оно намъ не представляется. По мнѣнію г. Иловайскаго, Константинъ Багрянородный, говоря о Кабарахъ, «вспоминаетъ въ сущности о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ говорятъ Менардръ и Теофилактъ по отношенію къ *Аварамъ*, т. е. что часть ихъ ушла изъ Хазаріи, спасаясь отъ ига пришлыхъ Турокъ». «Авары и Кавары или Кабары суть одинъ и тотъ же народъ, принадлежавшій къ хазарскому или черкесскому семейству». Догадка—весьма смѣлая, но, кажется намъ, слишкомъ произвольная.

²⁾ Въ сар. 40 (р. 172) онъ уже говоритъ о Кабарахъ, какъ объ особомъ (8-мъ) племени Мадьяръ, занявшемъ 1-е мѣсто: Πρώτη ἢ πρῶτῶν Χαζάρων ἀποπαροῦσα αὐτῆ ἢ προρρηθείσα Καβάρων γενεά, δεύτερα τοῦ Νίκη, τρίτη τοῦ Μεγέρη, τέταρτη τοῦ Κορτουγεμάτου, πέμπτη τοῦ Ταρίνου, ἕκτη Γενάχ, ἑβδόμη Καρῆ, ὄγδοη Κασῆ, καὶ οὕτω: ἀλλήλους συναρξέντες μετὰ τῶν Τούρκων εἰς Καβάρων εἰς τῶν Πατριναχίτων κατώχρησαν γῆν.

бою нѣкоторую часть своихъ ближайшихъ союзниковъ и со товарищей на полѣ брани — Хозаровъ. Теперь же, при показаніи Константина, это предположеніе обращается въ несомнѣнный фактъ. При всемъ томъ мы не считаемъ возможнымъ понимать въ узкомъ смыслѣ слова нашего историка, т. е. считать Кабаровъ, какъ многіе это дѣлаютъ¹⁾, особымъ хозарскимъ племенемъ, возмущившимся противъ верховной власти, побѣжденнымъ въ возникшей междоусобной войнѣ и вслѣдствіе того удалившимся на западъ для присоединенія къ Мадьярамъ. Самъ Константинъ вовсе не говоритъ о Кабарахъ, какъ объ особомъ хозарскомъ племени; изъ его словъ можно скорѣе заключить, что имя это было дано хозарскимъ выселенцамъ уже послѣ ихъ соединенія съ Мадьярами и, кажется, именно этими послѣдними. Свидѣтельство Константина слѣдуетъ, какъ намъ думается, понимать въ томъ смыслѣ, что къ Мадьярамъ присоединились тѣ хозарскіе элементы, которые или жили до тѣхъ поръ къ нимъ всего ближе, въ непосредственномъ общеніи съ ними, или были чѣмъ-нибудь недовольны и терпѣли притѣсненія въ своей роднѣ. Среди Мадьяръ они должны были занять видное мѣсто, такъ какъ принадлежали къ народу, политически и нравственно господствовавшему надъ Мадьярами. Это и подтверждается свидѣтельствомъ Константина, который отводитъ Кабарамъ передовое мѣсто въ числѣ племенъ мадьярскихъ²⁾ (которыхъ такимъ образомъ изъ прежнихъ семи стало восемь). Они, будучи чисто-турецкаго происхожденія, должны были дѣйствительно превосходить Мадьяръ и военною удалью, и подвижностью, и другими боевыми качествами (о которыхъ говоритъ Константинъ), что въ свою очередь опредѣляло ихъ роль передовой дружины. Изъ разсказа Константина не довольно ясно, когда часть Хозаровъ присоединилась къ Уграмъ: ушла ли она одновременно и вмѣстѣ съ ними, или при-

¹⁾ Fessler, S. 244—245; Zeuss, S. 734; Hunfalvy, S. 256—257.

²⁾ De adm. imp., c. 39, p. 172.

мкнула къ нимъ уже поздне, въ «Ателькузу». Первое, по нашему мнѣнію, болѣе вѣроятно, такъ какъ во второмъ случаѣ Кабарамъ пришлось бы пробиваться черезъ землю, уже занятую Печенѣгами, едва-ли имъ дружественными.

Что касается вопроса объ имени Кабаровъ (Кабарри), то ничего достовѣрнаго о его происхожденіи сказать нельзя¹⁾. Очень можетъ быть, что такъ прозвали хозарскихъ выходцевъ сами Мадыры; въ такомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія сближеніе этого имени съ мадырскимъ словомъ *kóbor*, означающимъ нынѣ *бродягу, скитальца*²⁾; такимъ образомъ по значенію своего имени Кабары Константина не могутъ не напомнить намъ нашихъ (лѣтписныхъ) *Бродниковъ*, если только производить это названіе отъ слова *бродить* или *бродня*³⁾. Нѣсколько соображеній по этому поводу представляеть г. Брунъ (въ своемъ «Черноморьѣ»⁴⁾). Допустивъ возможность того обстоятельства, что часть Кабаровъ осталась въ русскихъ степяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, г. Брунъ приводитъ ихъ въ связь съ позднѣйшими Черкасами и Черкесами, сближая имя Кабаровъ съ «Кабардою», какъ до сихъ поръ называется земля кавказскихъ Черкесовъ: по мнѣнію Бруна, предки Черкесовъ могли быть просто однимъ изъ племенъ хозарскихъ. Такъ какъ Константинъ не опредѣляетъ мѣстности, изъ которой выселились Кабары, то Брунъ полагаетъ, что они именно вышли или изъ Кабарды на Кавказѣ, или изъ Крыма (съ бере-

¹⁾ Объяснить его было не мало попытокъ. Кассель (Mag. Alt., S. 170) предложилъ не вѣроятное толкованіе изъ еврейскаго языка, на которомъ это слово значитъ «товарищъ», «спутникъ».

²⁾ Saucy, p. 19 (*kobors, vagabonds*). Въ древности это слово могло не имѣть еще этого отгѣпка (бродяги), а значило можетъ быть просто «переселенецъ».

³⁾ По мнѣнію г. Васильевскаго, вѣрность такого производства не вполне очевидна, въ виду существованія напр. германскаго народа Бродниковъ (лѣтвь Геруловъ), имя котораго очень близко по звукамъ къ Бродникамъ. См. Рецензію на кн. Успенскаго (Образов. второго Болг. царства). Ж. М. Пр. 1879, авг., стр. 334.

⁴⁾ Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, въ статьѣ: «Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море», стр. 114—120.

говъ р. Кабарды). Однако, по справедливому замѣчанію г. Васильевскаго, соображенія г. Бруна имѣютъ слишкомъ проблематическій характеръ, чтобы стропть на нихъ какія-нибудь рѣшительныя заключенія¹⁾. Они не представляютъ достаточныхъ данныхъ и для рѣшенія занимающаго насъ вопроса объ имени Кабаровъ²⁾.

Весьма любопытный фактъ представляетъ сообщеніе Константина (въ вышеприведенномъ разсказѣ) о сохраненіи Кабарами и на новой роднѣ *своего хозарскаго языка*, которому они научили и Мадьяръ и объ усвоеніи ими также языка послѣднихъ³⁾. Въ немъ мы имѣемъ явное указаніе на одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ мадьярскій языкъ почерпнулъ свои разнородные элементы. Усвоеніе Мадьярами турецкаго языка Хозаръ (Кабаровъ) должно быть понимаемо конечно не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ значительныхъ заимствованій Мадьярами въ свой языкъ элементовъ хозарскихъ, т. е. турецкихъ. Впослѣдствіи

¹⁾ См. рецензію его на книгу Бруна, Ж. М. Пр. 1879, ноябрь, стр. 104.

²⁾ Къ вопросу объ имени *Кабаровъ* слѣдуетъ замѣтить еще одно: Въ одномъ русскомъ литературн. памятникѣ (XII в.), а именно одной редакціи извѣстнаго Слова Данила Заточника (обнародованной Ундольскимъ въ «Русск. Бесѣд.» 1856, кн. 2, и комментированной Безсоновымъ въ «Москвитян.» 1856, № 7 и 8) есть неясный отрывокъ съ описаніемъ какихъ-то игръ, въ которомъ встрѣчается не мало иностранныхъ словъ (искаженныхъ переплсчпкомъ). Мѣсто это начинается такъ: «Королязи бо и Ковари офорозѣ, рытиры (риторы?), магистрове, дуксове и т. д.» А. А. Куникъ, которому мы обязаны указаніемъ этого мѣста, сближаетъ имя *Ковари* съ *Кабарами* (Къзъроі) Константина Багрянороднаго. Онъ предполагаетъ, не означаютъ ли *Ковари* — *Евреевъ* вообще (такъ какъ *кабары* по еврейски товарищъ), въ противоположность *Королязи*, т. е. Франкамъ или вообще западнымъ христіанамъ. Если это сближеніе вѣрно (а ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ правдоподобіи, то *Кабары* Константина Багрянороднаго дѣйствительно могли значить то же, что *товарищи*, *слутники*. Не надо забывать, что въ Хозарской державѣ было много Евреевъ, и потому употребленіе еврейскаго слова не представляетъ ничего страннаго или загадочнаго.

³⁾ Кассель (Mag. Alt., S. 106—107) справедливо признаетъ важность этого свидѣтельства, но толкуетъ его въ пользу своего прератнаго взгляда на происхожденія языковъ мадьярскаго и хозарскаго. Гунфальви (S. 256—257), признающій Кабаровъ за особую часть Хозаръ, полагаетъ, что и языкъ ихъ былъ особый, не общехозарскій. Онъ считаетъ кабарское нарѣчіе турецкимъ, и притомъ наиболее близкимъ къ чувашскому.

Кабары слѣлись съ Мадьярами, мало по малу забыли свой коренной языкъ и приняли мадьярскій, сильно испытавшій на своемъ вѣку турецкое вліяніе, какъ еще въ первоначальной родинѣ Мадьяръ, такъ и въ эпоху сближенія послѣднихъ съ Хозарами, а по отдаленіи отъ нихъ — черезъ Кабаровъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ этническомъ состояніи новыхъ жилищъ Мадьяръ на Нижнемъ Дунаѣ и на сѣверозападномъ побережьѣ Чернаго моря, о томъ, какое населеніе застали они въ «Ателькузу». Это важно для насъ и въ томъ отношеніи, что и здѣсь Угры, несмотря на свое кратковременное пребываніе, не могли остаться совершенно внѣ вліянія того болѣе культурнаго, осѣдлаго населенія, которое было ими здѣсь покорено. Что большая часть черноморской равнины отъ Дибра до нижняго Дуная была населена въ IX вѣкѣ (хотя и не густо, конечно) русскими Славянами — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Объ этомъ Несторъ говоритъ достаточно опредѣленно. Но несравненно труднѣе прійти къ какому-либо рѣшительному заключенію относительно того, *какія* именно русскія племена населяли эту равнину, насколько они простирались на западъ и какъ распредѣлились. Извѣстія нашей Лѣтописи обо всемъ этомъ въ высшей степени скудны, встрѣчаются даже не во всѣхъ ея спискахъ и притомъ настолько искажены, что требуются большія усилія, чтобы ихъ возстановить, распутать и согласить между собою.

Племена, которымъ Лѣтопись отводитъ мѣсто на сѣверовосточныхъ берегахъ Чернаго моря, суть пресловутые *Ульцы* (*Уличи*) и *Тиверцы* (которые «сѣдяху по Бугу и по Дибстру, и присѣдяху къ Дунаеву, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и Дибстру оми до моря» и т. д. . .), независимо отъ которыхъ Несторъ упоминаетъ еще въ другихъ мѣстахъ объ *Уличахъ*, сидѣвшихъ «по Дибру внизъ». Не вдаваясь здѣсь въ темный и запутанный вопросъ объ этихъ Уличахъ, Ульцахъ и Тиверцахъ, о тождествѣ или нетождествѣ первыхъ двухъ и о ихъ первоначальныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ, вопросъ, надъ которымъ ломали голову столь многіе ученые, мы сообщимъ только выводъ,

къ которому въ послѣднее время пришла историческая критика (въ лицѣ г. Ламбина) послѣ спеціальнаго и весьма тщательнаго разбора лѣтописныхъ извѣстій.

По мнѣнію Ламбина, предпринявшаго такой спеціальный разборъ, Ульцы и Тиверцы были два близкія другъ къ другу и довольно многочисленныя племена, населявшія всю черноморскую равнину на западъ отъ Дибра (гдѣ онъ образуетъ тупой уголъ) до самаго нижняго Дуная; средоточіе ихъ жилищъ было на Бугѣ и Дибстрѣ, причеиъ Ульцы жили по Бугу до самаго моря¹⁾, а Тиверцы (имя коихъ въ связи съ древнимъ названіемъ Дибстра, Тпрась) по Дибстру до моря и на югозападъ до самаго Дуная. Восточную вѣтвь Ульцевъ составляли Угличи, имя которыхъ такимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ именемъ цѣлаго племени, къ которому они принадлежали²⁾. Эти Угличи (отъ «уголь»?), о коихъ сказано въ Лѣтописи, что они «бѣша сѣдлице по Дибпру впизъ», населяли восточный уголъ той же черноморской равнины, образуемый Дибромъ, когда онъ у пороговъ поворачиваетъ сперва на югъ, потомъ на югозападъ. Западной границей земли Угличей была рѣка Ингулецъ³⁾. Итакъ здѣсь жили эти племена до начала X вѣка, когда ихъ, какъ полагаютъ ученые (основываясь на Лѣтописи) вытѣснили изъ этихъ жилищъ на сѣверъ Печенѣги, такъ что и Ульцы и Тиверцы очутились на сѣверъ отъ Печенѣговъ, въ сосѣдствѣ Древлянъ и Хорватовъ, по верхнему

¹⁾ Ульцевъ или Уличей, какъ многочисленный народъ, знаетъ Анонимъ-Баварскій Географъ (876—890), называющій ихъ «Unlizi, populus multus, civitates CCCXVIII». См. у Шафарика, Сл. Др. II, Прил. XIX, стр. 70.

²⁾ Это предположеніе о принадлежности Угличей, по племенному происхожденію, къ Ульцамъ, кажется впрочемъ мало убѣдительнымъ академику А. О. Бычкову, рецензенту соч. Ламбина; см. Отчетъ о XIV Присуд. Увар. Нагр., 1872 г.

³⁾ Надеждинъ, допускавшій существованіе однихъ только Угличей (а не Уличей), помѣщаетъ ихъ въ мѣстности между Дибстромъ и Дунаемъ, извѣстной уже въ VII в. (по византійцамъ) на языкѣ туземцевъ Ὀγγλος, Oglus, т. е. Уголь (лгль), а впоследствии у Татаръ, въ переводѣ на ихъ языкъ Буджикъ (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. I, стр. 252), см. Ламбинъ Ж. М. Н. Пр. 1877 г. изд., стр. 52.

теченію Дністра и южнаго Буга (въ Подоліи), гдѣ ихъ знасть въ половинѣ X вѣка Константинъ Багрянородный ¹⁾. Въ смыслѣ этого отгѣсненія на сѣверъ, въ землю верхняго Буга и Дністра, должна быть понята пзвѣстная лѣтописная фраза (съ трудомъ разгаданная) объ Угличахъ: «по семъ придоша (Угличи) межи Богъ и Дністръ» ²⁾. Самый фактъ отгѣсненія на сѣверъ русскихъ племенъ (Ульцевъ и Тиверцевъ) кочевниками, нахлынувшими въ черноморскія степи, не подлежитъ сомнѣнію. Труднѣе сказать, когда именно и кѣмъ былъ произведенъ этотъ переворотъ. Мнѣніе, что это произошло только въ началѣ X вѣка (около 913 г.) вслѣдствіе напора Печенѣговъ, не можетъ считаться вѣрнымъ уже потому, что появленіе Печенѣговъ на Руси отнесено лѣтописью къ слишкомъ позднему времени, именно къ 914 (915 г.) году, тогда какъ мы знаемъ, что переселеніе Мадьяръ изъ Лебедіи было вынуждено напоромъ Печенѣговъ и что слѣдовательно появленіе послѣднихъ на нижнемъ Дніпрѣ относится уже къ 80 годамъ IX вѣка. Итакъ, если дѣйствительно Печенѣги принудили черноморскихъ Славянъ бѣжать на сѣверъ и искать себѣ тамъ новыхъ жилищъ, то это должно было произойти не позже конца IX вѣка (въ 90-хъ г.), когда Печенѣги вытѣснили Мадьяръ и изъ «Ателькузу». Въ этомъ вопросѣ для насъ имѣетъ нѣкоторое значеніе извѣстіе Нестора о войнѣ Олега съ черноморскими Славянами въ 884 году. Мы знаемъ, что въ этомъ году Олегъ, покоривъ ранѣе Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, пошелъ еще войною («пмяше рать») противъ Ульцевъ и Тиверцевъ. Объ исходѣ этой войны лѣтопись ничего не сообщаетъ, и затѣмъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ (до 906 г.) объ Олгѣ и его дальнѣйшей дѣятельности почти нѣтъ упоминанія. Г. Ламбинъ, от-

¹⁾ De adm. imp. c. 37, p. 166 (Οὐλίχοι; Тиверцы=те Βεργίνοι? с. 9., p. 79) срв. Ламбинъ, Ж. М. Пр. 1877, июнь, стр. 249.

²⁾ Ламбинъ, Славяне на сѣверѣ. Черноморьѣ. Ж. М. Пр. 1877, май и июни; 1879, дек. Такое чтеніе «межи Богъ и Дністръ» было впервые предложено г. Ламбинымъ и потомъ блистательно подтвердилось найденнымъ акад. Бычковымъ вариантомъ въ Новгород. лѣтоп. (Отчетъ о XIV Присудѣ Уваров. прехій, 1872, стр. 98).

мѣчая этотъ фактъ, нисколько не сомнѣвается, что начатое Олегомъ покореніе племенъ славянскихъ (въ Черноморьѣ) продолжалось безостановочно и что оно было имъ благополучно окончено¹⁾. Мы однако позволяемъ себѣ быть иного мнѣнія, ибо невѣроятно, чтобы летописецъ не отмѣтилъ подобнаго важнаго результата, если бы онъ дѣйствительно былъ достигнутъ.

Если же мы сопоставимъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что знаемъ о происходившемъ въ то время движеніи мадьярской орды на юго-западъ, то для насъ вполне объяснится умолчаніе Лѣтописи о результатахъ военнаго предпріятія Олега противъ Славянъ черноморскихъ. Именно около 885 года, какъ выше было показано, совершилось переселеніе Мадьяръ подъ давленіемъ Печенѣговъ изъ Лебедін въ «Ателькузу». Этотъ напоръ кочевниковъ заставилъ, безъ сомнѣнія, Олега оставить неоконченнымъ начатое дѣло — покореніе Ульцевъ и Тверцевъ, вернуться во свояси и на время отложить всякія предпріятія на югѣ. Угры, перейдя черезъ Днѣпръ и направляясь на югозападъ, вступили въ предѣлы Ульцевъ и Тверцевъ; расположились они въ «Ателькузу» въ землѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, слѣдовательно заняли только часть территоріи этихъ племенъ. Безъ сомнѣнія и они должны были произвести смятеніе и движеніе между послѣдними; но однако далеко не такое, какое вслѣдъ за ними произвели болѣе многочисленныя и еще болѣе хищныя Печенѣги. Причина бѣгства черноморскихъ Славянъ на сѣверъ, на верхній Бугъ и Днѣстръ, не должна быть приписана никому болѣе, какъ Печенѣгамъ, занявшимъ большое пространство южно-русскихъ степей на востокъ отъ Угровъ, по обѣ стороны нижняго Днѣпра, по Ингульцу, нижнему Бугу, почти до Днѣстра; и это отгѣсненіе Ульцевъ и Тверцевъ Печенѣгами произошло именно въ 80-хъ и 90-хъ годахъ IX вѣка (а не около 913 года, какъ ошибочно выводилъ г. Ламбигъ изъ показанія Нестора).

Что же случилось, спрашивается, съ русскими Славянами (Тя-

¹⁾ Тамъ же, Ж. М. Пр. 1877, изд., стр. 71 — 72.

верцами?), которыхъ Мадьяры застали въ «Ателькузу»? Мы полагаемъ, что они (равно какъ сосѣди ихъ въ Валахїи, одноплеменные Славянамъ болгарскимъ) могли еще кое-какъ оставаться здѣсь при Мадьярахъ (поработившихъ, но не истребившихъ ихъ), но навѣрно были частью истреблены, частью вытѣснены отсюда Печенѣгами, такъ что русскихъ поселеній на нижнемъ Дунаѣ послѣ этого не было до XI вѣка, когда являются здѣсь снова несомнѣнные слѣды ихъ существованія ¹⁾.

Итакъ Мадьяры и на нижнемъ Дунаѣ (въ Ателькузу) поневолѣ должны были войти въ близкое сношеніе съ Славянами, какъ это было въ Лебедїи и какъ впоследствии это случилось въ ихъ новой родинѣ на среднемъ Дунаѣ.

Мы перебрали и разсмотрѣли, сколько намъ извѣстно, все, что только сохранилась путемъ историческихъ свидѣтельствъ о переселеніи Мадьяръ изъ первоначальной сѣверной родины на нижній Дунай, гдѣ они въ концѣ IX вѣка являются новою грозною силою, привлекая на себя всеобщее вниманіе и возбуждая страхъ не только Восточной имперїи, но вскорѣ и всего франко-германскаго запада. Если и послѣ нашего изложенія и разбора всѣхъ имѣющихся извѣстій—представленія читателя о пути Мадьяръ, обстоятельствахъ ихъ переселенія и судьбахъ ихъ въ эту эпоху странствованій по степямъ южной Руси останутся не довольно ясны и не довольно опредѣленны, то по всей справедливости, смѣемъ думать, главную вину въ этомъ придется сложить на свойство самихъ извѣстій, ихъ чрезвычайную скудость, сбивчивость и неопредѣленность...

Подводя общій итогъ всему предыдущему разбору, мы приходимъ къ слѣдующимъ лишь болѣе или менѣе достовѣрнымъ общимъ выводамъ:

Мадьяры выступили въ началѣ IX вѣка изъ своей сѣверной родины (подъ давленіемъ сосѣднихъ турецкихъ племенъ, а

¹⁾ См. Васильевскій, «Византія и Печенѣги». Прилож. 2-ое: «Русскіе на Дунаѣ въ XI в.» Ж. М. Н. Пр. 1872 г., декабрь, стр. 299. Срв. Успенскаго, «Образованіе втораго Болгарскаго царства. Прилож. V, стр. 31—39. См. еще Pitz, Die Abstamm. d. Rumänen, S. 105—107.

можетъ быть отчасти и русскихъ Славягъ), съ цѣлю искать новыхъ жилищъ, вѣроятно въ сопровожденіи значительныхъ турецкихъ шаекъ, оказавшихъ несомнѣнное вліяніе на Угровъ своимъ предпримчивымъ, воиственнымъ и смѣлымъ характеромъ.

Они двинулись по направленію къ владѣніямъ Хозаръ на Дону, съ которыми уже были, кажется, знакомы, благодаря торговымъ сношеніямъ Хозаръ съ сѣверовосточнымъ угро-финскимъ угломъ Россіи (Біарміей-Югрою), и избрали знакомый вѣроятно всему сѣверовостоку рѣчной путь: Камой, Волгой, Окой и переваломъ на Донъ.

Съ разрѣшенія Хозаръ Мадьяры поселились въ предѣлахъ ихъ владѣній, въ такъ называемой «*Лебедін*» Багрянороднаго, т. е. въ странѣ между Дономъ и Днѣпромъ (приблизительно въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской, Курской), уже населенной тогда отчасти Славянами, и признали надъ собою верховную власть Хозаръ.

Ведя кочевую жизнь, предпринимая въ сосѣднія земли хищническіе набѣги и служба воиственнымъ цѣлямъ Хозаръ, они не ограничивались опредѣленною мѣстностью, а отдѣльными полчищами заходили далеко на югъ и западъ и мало по малу распространяли свои кочевья и за Днѣпръ, и по берегамъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ у насъ имѣются историческія извѣстія, свидѣтельствующія о ихъ появленіи то въ землѣ днѣпровскихъ Славягъ (въ окрестностяхъ Кіева), то на нижнемъ Дунаѣ (въ 30-хъ годахъ IX в.), то на Крымскомъ полуостровѣ (въ 50-хъ годахъ).

Мадьяры прожили въ Лебедін нѣсколько (отъ 6 до 7) десятковъ лѣтъ (точнѣе опредѣлить невозможно) и въ этотъ періодъ времени должны были подвергнуться значительному вліянію народовъ, съ которыми были въ тѣсномъ общеніи: съ одной стороны Хозаръ, которые успали въ нихъ турецкую стихію и повлияли на ихъ политическую организацію (убѣдивъ ихъ избрать одного общаго вождя), съ другой стороны славянскаго населенія

занятой ими территоріи, которое естественно, какъ болѣе культурное, не могло не оставить слѣдовъ въ ихъ домашнемъ бытѣ, правахъ и языкѣ.

Вслѣдствіе неожиданнаго напора *Печенеговъ* (со стороны верхняго Дона), Мадьяры, уступая имъ въ силѣ и численности, принуждены были покинуть Лебедію, разстаться съ Хозарами и броситься на западъ, ища тамъ новаго пристанища¹⁾.

Перейдя Днѣпръ гдѣ-то ниже Кіева, потомъ Бугъ и Днѣстръ, Мадьяры остановились въ области рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета въ странѣ, называемой Константиномъ Багрянороднымъ «*Ателькузу*» (въ пынѣшной Бессарабіи и Молдавіи), населенной тогда русскими Славянами (Ульцами и Тиверцами?), а затѣмъ по нижнему Дунаю распространились и нѣсколько далѣе.

Это вытѣсненіе Мадьяръ изъ Лебедіи произошло въ 80-хъ годахъ IX в. (приблизительно отъ 885 — 888 г.), такъ какъ въ 889 году Мадьяры, какъ позволяютъ заключать достоверныя историческія извѣстія, уже положительно кочевали по сѣверному берегу нижняго Дуная.

Къ Мадьярамъ при этомъ бѣгствѣ изъ Лебедіи присоединился значительный отрядъ Хозаръ, рассчитывавшихъ вѣроятно найти для себя лучшія жилища на западѣ; эти хозарскіе выселенцы были прозваны *Кабарами*.

Ближайшимъ послѣдствіемъ появленія Мадьяръ на правомъ берегу нижняго Дуная было вовлеченіе ихъ въ политическія отношенія и соперничество сосѣднихъ государствъ и народовъ. Едва они успѣли осмотрѣться въ новыхъ мѣстностяхъ, какъ уже должны были стать орудіемъ политики своихъ новыхъ могущественныхъ сосѣдей и были вовлечены почти одновременно— на югѣ (на Балканскомъ полуостровѣ) въ ожесточенную войну Византіи съ Болгарами, на западѣ въ не менѣе упорную и про-

¹⁾ Отдѣленная отъ главной массы натискомъ Печенеговъ часть ихъ вернулась, кажется, на родину: такъ мы по крайней мѣрѣ понимаемъ извѣстное свидѣтельство Багрянороднаго—объ отдѣленіи части Мадьяръ и переселеніи ея въ предѣлы Персіи (?).

должительную борьбу стремившихся на востокъ германскихъ завоевательныхъ слъзъ (въ лицѣ Арнульфа) съ дунайскимъ Славянствомъ (въ лицѣ Святополка Моравскаго).

Не долго однакожь пришлось Мадьярамъ играть роль слѣпого орудія чужихъ цѣлей и замысловъ. Обстоятельства сложились такъ, что тѣ государства, которыя, желая отвлечь отъ себя Мадьяръ, употребляли ихъ орудіемъ противъ своихъ враговъ, въ концѣ концовъ не только не могли воспрепятствовать развитію ихъ могущества и значенія и приобрѣтенію ими политической самостоятельности, но сами должны были стать жертвами своей политики и на себѣ испытать всю тяжесть ударовъ, которые они до тѣхъ поръ искусно умѣли направлять на враговъ своихъ...

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разбору и оцѣнкѣ тѣхъ событій и явленій, которыя совершились въ самомъ исходѣ IX вѣка на среднемъ Дунаѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи, и которыя закончились вторженіемъ и поселеніемъ Мадьяръ на ихъ новой родинѣ (въ великой равнинѣ дунайской), мы должны остановить еще наше вниманіе на союзѣ Византіи съ Мадьярами и на *мадьяро-болгарской войнѣ*, въ которой Угры впервые на глазахъ цивилизованнаго міра выказали свои боевыя силы въ столкновеніи съ организованными военными силами осѣдлыхъ народовъ.

5. Союзъ Грековъ съ Мадьярами и угро-болгарская война.

Въ то время, какъ Мадьяры, спасаясь отъ Печенѣговъ, расположились на сѣверѣ отъ нижняго Дуная (въ Ателькузу), императоромъ Византійскимъ былъ вступившій незадолго передъ тѣмъ на престолъ Левъ Мудрый (886 — 912). Болгарскій царь Симеонъ, противъ котораго послѣдній вооружилъ Мадьяръ, началъ царствовать по однимъ съ 888 г., по другимъ только съ 892 г. Вопросъ о времени перехода престола отъ Бориса къ Владимиру и вскорѣ затѣмъ къ Симеону весьма тѣменъ и составляетъ до

сихъ поръ предметъ ученой полемики ¹⁾. Слѣдствіемъ такого разногласія является естественно и разногласіе во мнѣніяхъ о времени угро-болгарской войны, которая началась очень скоро по вступленіи Симеона на престолъ и которую поэтому относятъ то къ 889-му, то къ 893-му году. И до сихъ поръ этотъ вопросъ остается открытымъ и окончательно не выясненнымъ, несмотря на то, что въ послѣднее время нѣкоторымъ нѣмецкимъ ученымъ и хотѣлось считать его безповоротно рѣшеннымъ въ пользу послѣдняго срока, т. е. 893 года ²⁾. Прежде чѣмъ заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого вопроса, мы приведемъ дошедшія до насъ историческія свидѣтельства о событіяхъ этой войны и ея причинахъ, т. е. о призваніи Угровъ императоромъ Львомъ себѣ на помощь противъ смѣло и рѣшительно выступившаго въ защиту своихъ правъ болгарскаго народа.

У византійскихъ писателей существуетъ два разсказа объ этой войнѣ, значительно другъ отъ друга разнящіеся. Одинъ принадлежитъ *Георгію Амартолу* (т. е. собственно его Продолжателю) и повторенъ затѣмъ въ томъ же видѣ или съ незначительными вариантами Львомъ Грамматикомъ, Ософановымъ Продолжателемъ, Кедринимъ и Зонарою; другой — *Константину Багрянородному*. Кроме того извѣстія объ этой войнѣ находимъ еще у *Симеона Маистра* и наконецъ у самого императора *Льва VI* въ его «Тактикѣ». Изъ западныхъ лѣтописей упоминаютъ о ней *Фульденскіе анналы* и ее же разумѣютъ, по общераспространенному мнѣнію, анналы *Гилдесгеймскіе* (а по нимъ Ламбертъ). Наконецъ и нашъ *Несторъ* заноситъ въ свою лѣтопись извѣстіе объ этой войнѣ, заимствуя его очевидно изъ *Георгія Амартола*.

Мы начнемъ съ разсказа этого византійца (*Георгія*), послужившаго по всей вѣроятности источникомъ для другихъ (кроме *Льва Мудраго*, свидѣтельство котораго самое раннее), и укажемъ

¹⁾ См. выше, стр. 230.

²⁾ Dümmler, *Gesch. d. Ostfr. R.*, II, S. 442—444; Sadösl. M., S. 64; Badinger, *Oesterr. Gesch.*, S. 217; Roesler, S. 160 — 162.

(въ выноскахъ) главные варианты, встрѣчающіеся у послѣдующихъ писателей.

Война Симеона съ Греками, по разсказу Амартола, началась по поводу нанесеннаго Болгарамъ ущерба въ ихъ торговыхъ дѣлахъ. Два ловкіе Греки (Ставракій и Козьма) съ помощью притригъ при дворѣ императора Льва добились того, что посредствующимъ пунктомъ византійской торговли сталъ г. Солунь, куда былъ перенесенъ торговый рынокъ изъ Константинополя, а путь черезъ Болгарію по Дунаю былъ заброшенъ. Разумѣется, эта перемѣна была въ высшей степени чувствительна для болгарскихъ купцовъ, которыхъ прижимали въ г. Солуни большими пошлинами, и вообще для интересовъ Болгаріи.

Жалобы и ходатайства Симеона передъ византійскимъ правительствомъ остались неудовлетворенными. Тогда Симеонъ собралъ войско и началъ войну. Левъ VI послалъ противъ него магистра Крипта. Греки въ прошедшей битвѣ (въ Македоніи) были разбиты и обращены въ бѣгство, причемъ Крипты и другіе начальники потеряли жизнь. Съ плѣнными Хозарами (служившими въ войскѣ Грековъ) было поступлено очень жестоко: они были изуродованы (отрубаньемъ носовъ) и отправлены въ Византію.

Увидавъ ихъ, продолжаетъ Георгій, разгнѣванный императоръ послалъ Никиту, по прозванію Склера, съ тремя-четырьмя на Дунай, съ тѣмъ, чтобы передать подарки *Туркамъ* (т. е. Уграмъ) и возбудить ихъ къ войнѣ противъ Симеона ¹⁾. Никита, отправившись и переговоривъ съ ихъ вождями Арпадомъ и Курсаномъ (*Κουρσανῶν*) ²⁾, взялъ съ нихъ обѣщаніе начать войну и, получивъ заложниковъ, возвратился къ императору ³⁾. Тогда этотъ послалъ моремъ

¹⁾ Cedren (Ed. Bonn.), p. 255... διὰ τοῦ Ἰστρου πρὸς τοὺς ἄλλοιους τοὺς Οὐγγρούς κληρονομοῦντες ἡγεστὰς.

²⁾ Въ изд. Мураманта, стр. 772: *Κουρσανῶν*; у Theoph. Contin. (Ed. Bonn.) p. 358—нѣтъ вовсе имени: τοῦτοις βουτουχῶν καὶ πείσαι κατὰ Σιμεῶν ἐπὶ τὰς ἀρσάδας.

³⁾ Здѣсь у Theophan. Contin. (p. 358) прибавлено: Императоръ рѣшилъ воевать съ Болгарами и на морѣ, и на сушѣ.

патриція и друнгарія флота Евстаоія, а патриція и домо- стика Никифора Фоку съ войсками сушею, и послѣдній дошелъ до самой Болгаріи (μέγχι Βουλγάρων, Miralt: μέγχι Βουλγαρίας ¹). Императоръ при всемъ томъ, будучи скло- ненъ къ миру, послалъ къ Симеону квестора Константинаа для переговоровъ о мирѣ ²). Симеонъ же, узнавъ о томъ, что противъ него предпріято и на морѣ, и на сушѣ, за- ключилъ въ темницу квестора, какъ пришедшаго съ ковар- ною цѣлью».

«Турки, перейдя Дунай въ то время, какъ Симеонъ имѣлъ дѣло съ войскомъ Фоки, полонили (Theoph. Cont: ουστοσшил, ἐληήσαντο) всю Болгарію. Узнавъ объ этомъ, Симеонъ обратился противъ Турковъ, которые въ свою оче- редь пошли ему на встрѣчу и вступили въ бой съ Болгарами.

Симеонъ былъ обращенъ въ бѣгство и едва спасся въ г. Дистрѣ (Δίστρα) ³). Турки же просили императора, чтобы онъ послалъ кого-нибудь для выкупа у нихъ изъ плѣна Болгарь. Императоръ такъ и сдѣлалъ и послалъ гражданъ, чтобы выкупили ихъ».

(13) «Симеонъ черезъ друнгарія Евстаоія просилъ о мирѣ. Императоръ изъявилъ согласіе и послалъ для его заключенія Льва хойросфакта (τὸν χυροσφάκτην). Никифору же съ войскомъ и друнгарію флота Евстаоію было приказано возвратиться. Симеонъ и словомъ неудостоялъ Льва и заключилъ его въ темницу. Выступивъ затѣмъ въ походъ противъ Турковъ, когда они не имѣли болѣе по- мощи отъ Грековъ и непредусмотрительно были броше- ны на произволъ судьбы, онъ (Симеонъ) перебилъ ихъ

¹) У Theophan. Cont. (ibid) это относится къ обоимъ вождямъ: ἐν μέγχι Βουλγαρίας χηταλχβόντων.

²) Theoph. Cont. (ibid), кажется вѣрнѣе: «будто бы ница мира и какъ-бы желая заключить съ нимъ союзъ».

³) Cedgen, p. 255: μέλις τοῦ Σιμεῶν ἐν Δοροστόλῃ σωθέντος, ἔ καὶ Δρίστη χαιρίται.

всѣхъ¹⁾, что сдѣлало его еще болѣе высокомернымъ. Вернувшись, онъ пошелъ Льва (хойросфакта) въ Мудагрѣ (ἐν τῇ Μουδαγγρᾷ²⁾) и сказалъ ему: «я не заключу мира, пока не получу всѣхъ плѣнныхъ»³⁾. Императоръ рѣшилъ выдать ихъ, и съ Львомъ прибылъ Болгаринъ⁴⁾, домашнiй челоѣкъ Симеона, и получилъ ихъ. (*Georg. Monach., De Leone Basilii f., Ed. Bonn., с. 12 и 13, р. 853—855 и въ изд. Муральта, стр. 772—774.*)

Константинъ Багрянородный рассказываетъ о тѣхъ же событiяхъ въ 40 т. своего сочиненiя *De Adm. Imp.* (*Ed. Bonn. р. 172—173*). Сказавъ о присоединенiи къ Мадьярамъ Кабаровъ и перечисливъ остальные мадьярскiя колѣна, онъ продолжаетъ:

«Послѣ того призванные христолюбивымъ и славнымъ императоромъ Львомъ Турки переправились (черезъ Дунай) и, начавъ войну съ Симеономъ, совершенно разбили его и, преслѣдуя, дошли до Преславы (μέγρι τῆς Πρεσλάβου) и заперевъ его въ городѣ, называемомъ Мундрага (Μουνδράγα), вернулись въ свою землю. Вождемъ (архонтомъ) оми пмѣли тогда Диунтина (τὸν Διούντινα), сына Арпада. Послѣ того какъ Симеонъ опять заключилъ миръ съ греческимъ императоромъ и приобрѣлъ увѣренность въ безопасности (λαβεῖν ἀδείαν), онъ послалъ пословъ къ Печенѣгамъ и заключилъ съ ними союзъ съ цѣлью начать войну съ Турками и уничтожить ихъ. И когда Турки ушли въ походъ, Печенѣги и Симеонъ пошли противъ нихъ, истребили совер-

¹⁾ Cedren, p. 256: «Такъ какъ императоръ вслѣдствiе внезапности и неожиданности не могъ имъ подать помощи, онъ ихъ разбилъ и опустошилъ всю ихъ землю».

²⁾ У Муральта Μουδαγγρᾷ, у Leo Gramm. (p. 268) Μουδαγγρᾷ, у Const. Porph. Μουνδράγα, у Θεοφαν. Продолж. и Кедрина совсѣмъ нѣтъ этого имени.

³⁾ Кедринъ (Cedren, p. 256) говоритъ о письмѣ Симеона къ императору: ἰσχυρῶν δ' ἐπὶ τῇ νικῇ καὶ φρακτικῶν ἐγχαρᾶς πρὸς τὸν βασιλεῖα μὴ πρῶτον ποιῆσαι εἰρήνην... etc.

⁴⁾ У Льва Граммат., Θεοφан. Продолж. и Кедрина онъ названъ Θεοδωρῶν (Θεόδωρος).

шенно ихъ семейства и позорно прогнали оттуда тѣхъ Турковъ, которые оставались охранять свою землю. А Турки, вернувшись и найдя такимъ образомъ свою землю пустою и разграбленною, расположились на житье въ той странѣ, въ которой и нынѣ живутъ, въ странѣ, называвшейся, какъ выше было сказано, по имени рѣкъ. . . »¹⁾ Здѣсь повторяется показаніе о названіи *Ετέλ και Κοζού*, принадлежащемъ землѣ, въ которой ранѣе жили Турки, а потомъ Печенѣги.

Въ 51 главѣ (р. 238—239) Константинъ рассказываетъ эпизодъ, случившійся при переправѣ Мадьяръ черезъ Дунай, по поводу упоминанія о главномъ дѣйствующемъ лицѣ этого эпизода:

«Михаилъ, по прозванію Баркаласъ (*Βαρκαλάς*), былъ «протелатомъ» (*πρωτελάτης*) во флотѣ при друнгариіи и патриціи Евстаіи, когда этотъ переправлялъ Турковъ и воевалъ съ Симеономъ болгарскимъ. Симеонъ, князь Болгаръ, узнавъ о прибытіи на Дунай флота, намѣревающагося переправить Турковъ на другую сторону, употребилъ въ дѣло крѣпкіе и толстые канаты или щипы, чтобы помѣшать переправѣ Турковъ черезъ рѣку. Выше названный Баркаласъ съ двумя другими моряками, взявъ щиты и мечи мужественно и храбро выскочилъ изъ хеландіи, перерубилъ канаты и открылъ переправу Туркамъ». За этотъ подвигъ Баркаласъ былъ награжденъ.

Краткое упоминаніе объ угро-болгарской войнѣ находимъ у *Симеона Маистра* — съ указаніемъ на годъ (*Sym. Mag. de Leone Bas. f.*, с. 3, см. ed. Bonn: Theoph. Contin, p. 701):

«Въ третій годъ царствованія Льва Самось подвергся нападенію Арабовъ. . . . Симеонъ, болгарскій князь, вторгся

¹⁾ Это мѣсто не совсѣмъ ясно, и Константинъ Багрянородный повидимому нѣсколько путается здѣсь въ своихъ словахъ. Кассель (р. 167—177) пытается распутать его слѣдующимъ исправленіемъ текста (именно вставку слова: *καταλειψάντες*): «... «κατεςκύνοντες εἰς τὴν γῆν εἰς τὴν καὶ σήμερον κατοικοῦσι (καταλειψάντες) τὴν ἐπονομαζομένην κατὰ τὴν ἀνωτέρω, ὡς εἶρηται, τῶν πεταμῶν ἐπονομαζομένην». (с. 40, р. 178).

во владѣнія Грековъ и былъ побѣжденъ выступившими противъ него Турками, а всѣ плѣнные (Болгары) были перепулены императоромъ. Послѣ того онъ (Симеонъ) опять обратился противъ Турковъ и вслѣдствіе требованія получилъ обратно плѣнныхъ и заключилъ миръ». Къ тому же году отнесена Симеономъ Магистромъ смерть патріарха Стефана и назначеніе на его мѣсто Антонія (по прозванію Καυδέας).

Наконецъ самъ императоръ *Λεων VI*, рассказывая въ «Тактикѣ» о своемъ союзѣ съ Турками, замѣчаетъ, что Мадьяры были ему посланы свыше, что ихъ вооружилъ Божественный Промыселъ для спасенія Имперіи (Τούρκους ἢ θεῖα πρόνοια ἀντὶ Ρωμαίων κατὰ Βουλγάρων ἐστράτευσε...). Затѣмъ онъ говоритъ о *τρεις* битвахъ, въ которыхъ Симеонъ былъ разбитъ Уграми (τρισι μάχαις κατὰ κράτος νικηχότας) (с. 18, р. 287, ed. Meursii)¹⁾.

У византійцевъ, а именно—надо предполагать—у Георгія Амартола почерпнуть свое извѣстіе и *наизъ мѣтотисеуз*. Вотъ, что онъ записалъ подъ 6410 (902) годомъ:

«Леонъ царь пая Угры на Болгары, Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску плѣноваху (Т.:—поплѣниша); Семионъ же, увидѣвъ (увидѣвъ), на Угры възвратися, и Угри противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убѣжа (Т.:—семионъ царь въ градъ дерестовъ бѣжа)» (см. Лѣтоп. по Лаврент. сп., Спб. 1872, стр. 28).

¹⁾ Leonis Imp. *Tactica*, ed. Meursii, cap. 18, p. 287—288... οὗς ἡ δίκη ἐπεξελέγετο, τε εἰς Χριστὸν τὸν θεὸν παρορκίας τῶν ὄλων τὸν βασιλεῖα τάχος ἔρθεσαν ἐπιθῆναι τὴν τιμωρίαν καὶ γὰρ τῶν ἡμετέρων θυμῶν κατὰ Σαρακηνῶν ἀχολουμένων Τούρκους ἢ θεῖα πρόνοια ἀντὶ Ρωμαίων κατὰ Βουλγάρων ἐστράτευσε πλωῖμου στόλου τῆς ἡμῶν βασιλείας αὐτοὺς διαπερίσαντες τε καὶ συμμαχῆσαντες καὶ τὸν κακῶς κατὰ χριστιανῶν ἐπλειονότητα Βουλγάρων στρατῶν τρισὶ μάχαις κατὰ κράτος νικηχότας ὡς ἂν εἰ δομῖους ἐξηποστείλας κατὰ αὐτῶν, ἵνα μὴ ἔκωντες Ῥωμαῖοι χριστιανῶν Βουλγάρων ἀφίκοι χραίνοντο.

Въ опредѣленіи времени этого событія у Нестора очевидно грубая ошпбка ¹⁾).

Намъ остается наконецъ привести свидѣтельства западныхъ лѣтописцевъ, которыя, хотя и очень скудны, все-же важны, за-ключая въ себѣ подтвержденіе другихъ извѣстій.

Главное свидѣтельство объ этихъ событіяхъ находится въ *Фульденской* лѣтописи (подъ 895 и 896 годами).

895 г.: «Авары (такъ назыв. Угры), вторгнувшись въ предѣлы Болгаръ, были предупреждены ими, и большая часть ихъ войска истреблена» ²⁾).

896 г. ³⁾: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами, иначе Уграмм, чтò принимается въ дурную сторону согражданами (сопсѣives, т. е. сосѣдями) Грековъ, Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя. Въ отмщеніе Греки, съ свойственнымъ имъ коварствомъ, отправляютъ свои корабли къ Аварамъ (Уграмм) и перевозятъ ихъ черезъ Дунай въ царство Болгарское. Перевезенные въ великой сплѣ, они губятъ народъ болгарскій. Болгары, находящіеся въ походѣ, спѣшатъ назадъ въ отечество, сражаются съ не-приятелями, разбиты. И во второй битвѣ побѣда остается

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что и тутъ онъ ошибается совершенно на такое же число лѣтъ (13), какъ въ опредѣленіи времени прохода Угровъ мимо Кіева (895—898; 899—902).

²⁾ Ann. Fuld. 895: Avari terminos Bulgarorum invadentes ab ipsis praeventi sunt et magna pars eorum exercitus interfecta est.

³⁾ Кругъ (Byz. Chr., S. 25—26) объясняетъ эту хронологическую ошибку (на цѣлыхъ 7—8 л.) неразличеніемъ разныхъ эръ у византійцевъ, вслѣдствіе чего западный лѣтописецъ всѣ показанія лѣтъ отъ сотворенія міра, которыя находилъ въ разныхъ источникахъ, вычислялъ одинаковымъ способомъ. Лѣтописецъ к. XI и нач. XII в. Sigebert изъ Gembloux, поступавшій также (какъ и многіе другіе), дѣлаетъ тоже хронологическія ошибки на 7—8 лѣтъ. Ниже мы коснемся еще одного важнаго соображенія для объясненія этого приуроченія: на западѣ узнали подробности этой войны именно въ 896 г., когда византійскій посолъ (Лазарь) былъ у Арнульфа и рассказывалъ объ Уграхъ. Очень можетъ быть, что благодаря этому и извѣстіе объ этой войнѣ по-пало въ Фульд. лѣтописи подъ тотъ же 896 годъ.

не за ями. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, они всё прибѣгаютъ къ стопамъ (старячка, *vetuli*) царя ихъ Мпханла, вповниика ихъ обращенія къ истинѣ, спрашиваютъ его совѣта. Мпханлъ назначаетъ имъ трехдневный постъ, велитъ покаяться въ напесенной христіанамъ обидѣ (т. е. въ войнѣ съ Греками), молить Бога о помощи. Совершивъ сіе, они вступаютъ въ жестокой бой съ врагами. Обѣ стороны сражаются упорно и наконецъ побѣда, хотя кровопролитная, достается христіанамъ. Кто возможетъ псчислить потери язычниковъ Аваровъ (Угровъ), когда на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ¹⁾.

Кромѣ этого извѣстія Фульденской лѣтописи, у западныхъ хронистовъ нѣтъ болѣе прямого и яснаго свидѣтельства объ этой войнѣ, но къ ней обыкновенно относятъ (Дюмлеръ²⁾ слѣдующее извѣстіе *Гильдесгеймскихъ* анналовъ (ann. Hildesheim.) подъ 893 г.: «Factum est bellum magnum inter Bawarios et Ungarios». Здѣсь предлагается читать вмѣсто будто-бы ошибочнаго *Bawarios* — *Bulgarios*, такъ какъ о войнѣ Угровъ съ Баварцами не могло-де тогда быть рѣчи. То же извѣстіе повторено и Ламбертомъ (Lambert von Hersfeld, писавшимъ въ концѣ XI в.), но подъ 892 годомъ³⁾. Однако съ своей стороны мы не находимъ возможнымъ относить это извѣстіе къ войнѣ съ Болгарами, такъ какъ упомянутая догадка кажется намъ очень мало вѣроятной. Войну Угровъ съ Болгарами, мало интересовавшую дальній западъ, анналы Гильдесгеймскіе едва-ли стали бы заносить на свои страницы. Нѣтъ почти сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о войнѣ, веденной Нѣмцами (Баварцами). Мы бы предложили скорѣе разумѣть здѣсь войну

¹⁾ Переводъ Гильфольдинга, Соч., т. I, стр. 89—89 («Quis enim gentilium Avarorum strages tantis congressionibus enumerando possit exponere? cum Bulgarorum, ad quos victoria concessit, numero 20 milia caesa inveniuntur. Ann. Fuld. Pertz, SS. I, p. 412—13.

²⁾ Dümmler, Gesch., II, S. 443—4; Südöstl. M., S. 54.

³⁾ Lamberti annales, a. 892 (M. G., SS., in usum scholarum, Hannov., 1878, p. 16): Proelium magnum factum est inter Baiuarios et Ungarios.

Арнульфа съ Моравіей, такъ какъ къ этому 893 году дѣйстви-тельно относится походъ туда Арнульфа, изъ котораго онъ съ трудомъ вернулся. Угры попали сюда ошибочно вмѣсто Мора-ванъ.

Вотъ всѣ извѣстія о первомъ выступленіи Мадьяръ на боевое поприще на глазахъ Европы въ союзѣ съ однимъ изъ самыхъ куль-турныхъ ея народовъ. Всѣ три главныя разсказа историковъ объ этомъ (Георгія Амартола и заимствовавшихъ у него, Константина Багрянороднаго и Фульденскихъ ашталовъ) значительно разнятся другъ отъ друга въ частностяхъ описанія, въ опредѣленіи вре-мени самой войны, времени и послѣдовательности отдѣльныхъ ея эпизодовъ, но всѣ они сходятся въ изображеніи главныхъ момен-товъ и общихъ четръ событій. Мадьяры, призванные императо-ромъ Львомъ, вторглись въ Болгарію, жестоко опустошили ее и на голову разбили (въ нѣсколько пріемовъ) Симеона, который самъ едва спасся. Но затѣмъ Симеонъ, оправившись и обезне-чивъ себя со стороны Грековъ, отомстилъ Уграмъ, опустошивъ въ свою очередь ихъ страну, для чего воспользовался по-мощью Печенѣговъ и отсутствіемъ главныхъ боевыхъ силъ Мадьяръ.

Главнѣйшіе вопросы, которые подлежатъ здѣсь разбору и рѣшенію, состоятъ въ слѣдующемъ: во 1-хъ, когда началась греко-болгарская и угро-болгарская война (вопросъ, связан-ный съ другимъ: о времени вступленія Симеона на пре-столъ), т. е. въ 889-мъ ли году, или только въ 893-мъ про-изошло вторженіе Мадьяръ въ Болгарію? и во 2-хъ, совершилась ли месть Симеона непосредственно вслѣдъ за пораженіемъ его Мадьярами и, такимъ образомъ, признавать ли только *одну* угро-болгарскую войну съ двумя главными столкновеніями: въ такомъ случаѣ — какъ она была продолжительна? или были *две* войны, раздѣленные извѣстнымъ промежуткомъ времени, одна несчаст-ная для Симеона, другая для него побѣдоносная: въ такомъ слу-чаѣ — къ какимъ годамъ слѣдуетъ отнести ту и другую?

Несмотря на то, что еще въ прошломъ вѣкѣ нѣкоторые кри-

твки (Риттеръ и Паги)¹⁾, отвергая прямое свидѣтельство Симеона Магистра, относящаго начало этой войны къ 3-му году царствованія Льва, т. е. къ 888 году, старался доказать, что она была въ 893 г. (къ которому они относили смерть патріарха Стефана), т. е. происходила послѣ извѣстнаго похода Мадьяръ на западъ, гдѣ имъ была оказана помощь Арнульфу противъ Мораванъ (892), — несмотря на это, большинство изслѣдователей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ числѣ которыхъ стоятъ имена Круга, Фесслера, Цейса, Шафарика, Салая, Клейна, Гильфердянга, Дринова и Иречка, не колеблясь, относятъ вмѣшательство Мадьяръ въ греко-болгарскую войну къ 889-му или 890-му году, признавая тѣмъ самымъ всѣ другія опредѣленія, основанныя, какъ увидимъ, лишь на ложномъ представленіи о царствованіи Болгарскаго князя Владиміра до 892 г. (иочерпнутомъ изъ Фульд. лѣтописи) — несостоятельными.

Дѣйствительно, только это послѣднее предположеніе о годѣ вступленія на престолъ Симеона могло бы подвергнуть сомнѣнію правильно вычисленный изъ свидѣтельства византійцевъ годъ угро-болгарской войны, ибо нельзя же ссылаться на другія явно ошибочныя показанія года, каковыми мы считаемъ, не говоря уже о Несторѣ, и показанія Фульденскихъ анналовъ. Если же и это предположеніе окажется безъ достаточно твердой почвы, а потому неосновательнымъ, то очевидно останется только присоединиться къ общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, вопреки взгляду новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, именно Дюмера и Рёслера. Мы уже выше имѣли случай говорить о запутанности хронологіи княженія Болгарскихъ князей за это время. Хотя у византійцевъ и не имѣется прямыхъ свидѣтельствъ о началѣ царствованія Симеона, однако, въ виду всѣхъ соображеній и имѣющихся у насъ свѣдѣній, есть достаточное основаніе отнести его къ 888 году, или ужь—

¹⁾ Ritter, Allgemeine Weltgeschichte. Th. V, B. I, Leipz. 1769, S. 496, Pagi, Critica Historico-chronologica in Annales ecclesiasticos Caesaris Cardinalis Baronii, Antverp. 1727, T. III, p. 750, 759. Срв. Круг, Byzant. Chron., S. 20—24.

крайній срокъ—къ 889 году. Борисъ отказался отъ престола года за три передъ этимъ, а царствованіе его старшаго сына Владиміра продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ. Этому вычисленію противорѣчить только одно показаніе Фульденской лѣтописи, гдѣ подъ 892 годомъ говорится, что Арнульфъ возобновилъ (Тульнскій) договоръ съ Болгарскимъ княземъ Владиміромъ (Laodomer). Но зная вообще довольно частыя ошибки западныхъ хроникъ въ разсказахъ о дѣлахъ восточныхъ, мы рѣшительно не можемъ придавать важнаго значеніе этому показанію. По нашему мнѣнію, изслѣдователь только тогда вступитъ на болѣе надежный путь, когда въ рѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ отправляться отъ болѣе извѣстнаго и опредѣленнаго къ менѣе извѣстному и тѣмному, а не наоборотъ, т. е. въ опредѣленіи года угро-болгарской войны не будетъ руководствоваться бесплоднымъ гаданіемъ о времени царствованія Болгарскихъ князей, а скорѣе возметъ въ основаніе своихъ расчетовъ эту самую болгарскую войну, начало которой опредѣлить при имѣющихся извѣстіяхъ во всякомъ случаѣ легче и сподручѣе.

Спмеонъ Магистръ помѣщаетъ рядомъ съ извѣстіемъ объ угро-болгарской войнѣ подъ тѣмъ же 3-мъ годомъ правленія Льва VI извѣстіе о смерти патріарха Стефана и назначеніе его преемника (Антонія). Если правда, что это событіе ошибочно отнесено къ 888 году, какъ утверждаетъ Дюмеръ, согласно съ мнѣніемъ Папи, и должно быть отнесено къ 893 году, то мы еще не видимъ причинъ приурочивать также и болгарскую войну къ тому же году, какъ поступаетъ названный изслѣдователь. Одно можетъ быть невѣрно, другое вѣрно. Никакой связи между этими двумя фактами, насколько намъ извѣстно, не было, да и не могло быть. Впрочемъ Кругъ не допускалъ и приуроченія смерти патріарха Стефана къ 893 году, а помѣщалъ ее въ маѣ 889 года¹⁾. Итакъ и это основаніе нѣмецкаго критика оказывается шаткимъ. Ссылка на Гильдесгеймскіе анналы, которые, во всякомъ слу-

¹⁾ Krug, Byzant. Chronol., S. 23.

чаѣ только по совершенно произвольной догадкѣ ученыхъ, говорятъ будто-бы о той же войнѣ подъ 893 годомъ, тоже оказывается несостоятельною, слѣдовательно еще менѣе дѣйствительна для защиты разбираемаго положенія. Если же, такимъ образомъ, не выдерживаютъ критики доказательства, приводимыя въ пользу хронологіи Паги, Дюмлера и Рёслера и ихъ послѣдователей, то уже рѣшительно противъ нихъ говорятъ историческая логика событій, ихъ связь и послѣдовательность, каковыми онѣ должны представляться всякому безпристрастному изыскателю.

Во-первыхъ трудно предположить, чтобы Угры, эти хищные кочевники, выказавшіе свою воинственность уже въ южной Руси (въ «Лебеди»), отъ времени своего прибытія въ Ателькузу (885) до 893 года мирно сидѣли на Дунаѣ и не предпринимали набѣговъ въ богатыя задунайскія области. Далѣе, что Угры въ 892 году оказали содѣйствіе Арнульфу—это несомнѣнно, а что Арнульфъ самъ и вполне сознательно призвалъ ихъ полчища себѣ на помощь съ цѣлью тѣмъ вѣрнѣе сломить стойкость моравскихъ Славянъ, въ этомъ тоже врядъ-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, вопреки всяческимъ стараніямъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ отстранить отъ Арнульфа эту роль. Но если послѣдній рѣшился на такой шагъ, то онъ очевидно долженъ былъ уже имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Мадьярахъ и о ихъ пригодности для той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду; онъ дѣйствовалъ безъ сомнѣній на основаніи слуховъ о военной силѣ Угровъ, а такіе слухи не могли возникнуть даромъ. Мадьярская орда должна была уже заявить себя чѣмъ-либо до 892 года, и эту-то извѣстность она стяжала не иначе, какъ въ болгарской войнѣ 889 года¹⁾. Однимъ словомъ намъ кажется совершенно яснымъ, что угро-болгарская война, т. е. собственно пораженіе Симеона предшествовало вовлеченію Мадьяръ въ борьбу Славянъ и Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ.

¹⁾ Съ другой стороны Левъ VI долженъ былъ узнать о Мадьярахъ, какъ только они расположились близъ Дуная, а отъ союза съ ними онъ не могъ ожидать ничего кромѣ выгоды (срв. Rambaud, о. с., р. 354—6); оттого онъ, не задумываясь, и не медля призвалъ ихъ на помощь противъ Болгаръ.

Ариульфъ, прослышавъ о грозной силѣ Мадьяръ и панимая ихъ полчища, имѣлъ въ виду по всей вѣроятности и то соображеніе, что воспользоваться новымъ опаснымъ сосѣдомъ для собственныхъ цѣлей и задобрить его дарами было вѣрнѣе, чѣмъ ждать, чтобы онъ обрушился на самые предѣлы германскихъ владѣній. Расчетъ его, какъ показали событія, оказался не совсѣмъ вѣрнымъ, хотя впрочемъ врядъ-ли и другая политика относительно Мадьяръ была бы въ состояніи удержать дальнѣйшее ихъ движеніе на западъ. Затѣмъ надо принять во вниманіе, что въ 894 году, какъ мы знаемъ изъ Фульденской лѣтописи, былъ произведенъ Мадьярами набѣгъ на Моравію и Паннонію. Могло ли бы это быть, еслибъ въ 893 году началась угро-болгарская война? Едва-ли. Въ 894 году Мадьяры должны были бы быть слишкомъ заняты этой войной и не стали бы разъединять своихъ силъ. Наконецъ еще одно соображеніе. Въ Византіи не могли не быть извѣстны дружественныя отношенія Франковъ къ Болгарамъ. Въ 892 году эти отношенія выразились въ договорѣ противъ Моравіи. Могъ ли императоръ Левъ VI въ 893 году явно вооружить Угровъ противъ Болгаръ, не подвергаясь опасности вооружить въ свою очередь противъ себя Франковъ. Это не было въ духѣ осторожной византійской политики¹⁾.

Итакъ если принять, что греко-болгарская война, изъ-за притѣсненія Болгаръ въ торговыхъ дѣлахъ, началась въ 888 году, что всего вѣроятнѣе, то вторженіе Мадьяръ въ Болгарію и побѣда надъ Симеономъ должны были произойти въ слѣдующемъ, т. е. 889 году²⁾. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется еще возвратиться къ этому вопросу и привести еще кое-какіе доводы въ пользу нашего опредѣленія.

²⁾ Ошибочно относить угро-болгарскую войну уже къ 888 г. мадьярскій ученый Szabó въ своей монографіи объ этой войнѣ (Nouvelles Ungar. Museum, 2 T. IX, 615); см. хорватскій переводъ ея, снабженный поправками и дополнительными примѣчаніями: «Bulgarско-magyaraki rat godine 888», преведо из magyarскога B. V. s orazkami uredništva, помѣщенъ у Кукулевича въ «Arhiv za povjest jugoslov.», кн. IX, Zagreb, 1863. Вѣрное опредѣленіе года (889) мы на-

этого может служить упомянутое нами выше извѣстіе Регинона, который, хотя и умалчиваетъ объ этой войнѣ, но подь тѣмъ же 889 годомъ говоритъ о переселеніи Угровъ изъ ихъ донскихъ жилищъ, и этимъ какъ-бы подтверждаетъ, что первая молва о нихъ въ западной Европѣ разнеслась въ этомъ году.

Мадьяры, какъ кочевой народъ, искавшій только случая пограбить и поживиться на чужой счѣтъ, не могли не принять съ радостью предложенія Грековъ, тѣмъ болѣе, что оно еще сопровождалось вѣроятно щедрыми подарками. Пока Симеонъ находился въ походѣ противъ сухопутнаго греческаго войска, отправленнаго Львомъ подь начальствомъ Никифора Фоки, греческое судно переправило Мадьяръ черезъ Дунай¹⁾. Императоръ Константинъ Багрянородный (De A. I., с. 52) не упустилъ случая сообщить рассказъ о подвигѣ одного грека Баркаласа при этой переправѣ, совершенномъ на глазахъ варваровъ Мадьяръ, рассказъ, который не могъ не льстить греческому самолюбію. Мадьярами предводительствовало въ этомъ предпріятіи по Георгію Амартолу — Арпадъ и Курсанъ (Κουρσανῆς), по Константину Багрянородному — Лиунтигъ, сынъ Арпада. Мы не беремся рѣшать этого вопроса о предводительствѣ, такъ какъ для того нѣтъ никакихъ твердыхъ точекъ опоры²⁾. Можно предположить, что Арпадъ самъ повелъ Мадьяръ въ это первое предпріятіе изъ вѣновъ занятой страны. Охранять послѣднюю на это время онъ поручилъ можетъ быть своему сыну (Лиунтину?).

Переправившись черезъ Дунай, Угры, разумѣется, предались грабежу и наспліямъ надъ мирнымъ населеніемъ. Какъ

ходимъ у Цейса (стр. 752), Муралята (Chronogr., р. 470—1), Шафарика (II, I кн., стр. 307—308), Салая (Gesch., S. 5—6), Иречка (пер. Бруна, стр. 202—203) и у друг.

¹⁾ Мадьярскій ученый Jegneу (Keleti utazása, t. I, р. 16) полагаетъ, что слѣдъ этой переправы Мадьяръ находится въ имени мѣстечка (деревушки) близъ Галаца—Vad-Ungar, которое означаетъ именно Угорскій бродъ, переправу. См. ст. Szabó, *ibid.*, стр. 89, прим.; Sáyosy, р. 20.

²⁾ См. соображенія г. Собо по этому поводу (тамъ-же), не приводящія однако ни къ какому рѣшительному выводу.

только слухъ объ этомъ бѣдствіи дошелъ до Симеона, онъ, оставивъ вѣроятно часть войска для сопротивленія Никифору Θокѣ, бросился на встрѣчу неожиданнымъ врагамъ, которые въ свою очередь приготовились къ столкновенію. Симеонъ въ этихъ сраженіяхъ (по рассказамъ императора Льва) былъ разбитъ и долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ: онъ едва успѣлъ скрыться и запереться въ крѣпость города Доростола или Дистры (Дристы), какъ его называютъ византійцы (нын. Силистрія)¹⁾. Константинъ Багрянородный вмѣсто Доростола называетъ городъ *Мундрагу*, какъ мѣсто спасенія Симеона. О положеніи этой Мундраги мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Одни полагаютъ, что это совершенно другой городъ, въ который Симеонъ приружденъ былъ бѣжать изъ Доростола, вторично спасаясь отъ Угровъ²⁾, другіе — что Мундрага (у Георгія Ам. Μουδάγρα, у Льва Грамм. Μουλδάγρα) есть только другое названіе той же крѣпости Дристы³⁾. Первое предположеніе кажется намъ правдоподобнѣе. Во всякомъ случаѣ ясно, что Симеонъ былъ на голову разбитъ, войско его разсѣяно и что онъ пока могъ только думать о собственномъ спасеніи. Мадыяры же безирепятственно опустошили Болгарію, по свидѣтельству Константина, до самой Преславы (Πρεσλάβου)⁴⁾, а затѣмъ вернулись въ свой «Ателькузу» съ громадной добычей и массою плѣнныхъ, которыхъ потомъ выгодно продали Грекамъ. Этимъ и кончился первый актъ угро-болгарской войны.

Что Симеонъ, и передъ тѣмъ и впослѣдствіи столь счастливый въ войнахъ съ Византійей, не могъ устоять противъ Угровъ, этихъ безпорядочныхъ полчищъ кочевниковъ, совершенно естественно. Здѣсь повторилось только общее явленіе, что войско осѣд-

¹⁾ Шафарикъ, II, 1 кн., стр. 360.

²⁾ Fessler, S. 252—253; Иречекъ, (пер. Бруна), стр. 202.

³⁾ Thunmann, S. 150; Szabó, тамъ же, стр. 40, прим.

⁴⁾ Вѣроятно здѣсь разумѣется такъ называемая *Великая Преслава*, столица Болгаріи, находившаяся на мѣстѣ древняго Марціанополиса. Срв. Шафарикъ, II, 1 кн., стр. 359.

лаго народа, руководяемое даже самымъ опытнымъ вождемъ, обыкновенно не выдерживаетъ въ своей странѣ стремительнаго набѣга воинственныхъ кочевниковъ, которые постоянно имѣютъ успѣхъ и достигаютъ своихъ хищническихъ цѣлей, несмотря на нестройность своихъ полчищъ и свое сравнительно плохое вооруженіе. Причины такого явленія совершенно понятны; что же касается Симеона, то его пораженіе тѣмъ понятнѣе, что военныя силы его были весьма ограничены, такъ какъ часть ихъ была занята на югѣ.

По удаленіи Мадьяръ Симеонъ началъ переговоры о мирѣ съ Византійскимъ императоромъ. Но съ этого момента оба разсказа византійцевъ значительно расходятся.

По словамъ Георгія Амартола, Льва Грамматика и прочихъ, Симеонъ, затянувъ переговоры съ Греками и даже засадивъ въ темницу ихъ посла, немедленно рѣшился отомстить Уграмъ, оставшимся безъ греческой помощи, и дѣйствительно, предпринявъ противъ нихъ походъ, произвелъ у нихъ страшную рѣзню («почти всѣхъ ихъ истребилъ»¹⁾). Гордый своей побѣдой, онъ потребовалъ у императора своихъ плѣнныхъ и, только получивъ ихъ, заключилъ миръ.

Разсказъ Константина Багрянороднаго о мести Симеона нѣсколько иной: на основаніи его словъ можно предположить нѣкоторый промежутокъ времени, перерывъ можетъ быть въ одинъ или два года между несчастной для Симеона войной и его жестокой расправой надъ беззащитными Уграми въ ихъ собственной странѣ. По Константину, Симеонъ обезпечилъ себя сначала со стороны Грековъ, т. е. заключилъ съ ними миръ, затѣмъ уже собравшись съ силами, на что всетаки нужно было время, пошелъ учинить расправу надъ своими задунайскими врагами; но и тутъ онъ поступилъ очень осмотрительно и принялъ всѣ мѣры, чтобы успѣхъ былъ вѣрнѣе: во 1-хъ, слѣдуя византійской политикѣ, онъ подговорилъ, вѣроятно тоже съ помощью подарковъ, Печенѣговъ, этихъ исконныхъ злыхъ враговъ Ма-

¹⁾ Во всякомъ случаѣ этотъ результатъ сильно преувеличенъ.

дьярь, одновременно съ нимъ вторгнуться въ ихъ землю, а во 2-хъ для осуществленія своего плана онъ дождался того момента, когда Угры, т. е. ихъ боевые отряды, вѣроятно успокоенные разгромомъ болгарскихъ силъ, предприняли какой-то другой походъ. Вторгнувшись вмѣстѣ съ Печенѣгами въ землю Мадьярь, онъ учинилъ кровавую, безпощадную расправу надъ ихъ беззащитными семействами и оставшимся дома мужскимъ населеніемъ: часть поплатилась при этомъ жизнью¹⁾, а часть нашла кое-какъ спасеніе въ бѣгствѣ.

Сравненіе этихъ двухъ рассказовъ положительно заставляетъ признать болъшую степень правдоподобія и логичности за вторымъ. Трудно предположить, чтобы Симеонъ, разбитый и самъ едва спасшійся, не обезпечивъ себя миромъ съ Греками, а напротивъ коварно обманувъ ихъ и засадивъ ихъ посла, не успѣвъ оправиться отъ полнаго разгрома, рѣшился немедленно возобновить борьбу съ Уграми и такъ легко отомстилъ имъ. Съ другой стороны—все, что рассказываетъ Багрянородный о дѣйствіяхъ Симеона, совершенно естественно и понятно, а потому нельзя не отдать предпочтенія его повѣствованію.

Что касается времени вторженія Симеона въ Ателькузу, то дѣло вѣроятно было такъ: къ концу 889 года Мадьяры вернулись изъ Болгаріи. Слѣдующіе два года (890—891) были употреблены Симеономъ на переговоры и миръ съ Греками, на подготовленіе къ отомщенію Уграмъ, на сношенія съ Печенѣгами. Наконецъ въ 892 году представился благоприятный случай и планъ Симеона могъ осуществиться. Сопоставляя извѣстіе Константина Багрянороднаго о какомъ-то предпріятіи Угровъ, которымъ воспользовался Симеонъ (*οὗτοι ἔρχονται πρὸς ταξείδιον ἀπὸ τῶν*), съ свидѣтельствомъ западныхъ лѣтописцевъ объ участіи ихъ въ походѣ Арнульфа противъ Мораванъ въ 892 г., многіе ученые при-

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ, охрана страны была поручена Арпадомъ своему сыну Лиунтину (*Λιούντινος*, о которомъ упоминаетъ Константинъ Багрянородный, *De A. I.*, с. 40, р. 172), который былъ-де также убитъ ожесточенными мстителями. Срв. *Novatič*, Б. 6.

шли къ заключенію, что тутъ по всей вѣроятности рѣчь идетъ о томъ же самомъ походѣ Мадырь на западъ; дѣйствительно, такое заключеніе должно быть признано вполне основательнымъ и вѣроятнымъ, а въ такомъ случаѣ и опустошеніе мадырской земли Болгарами и Печенѣгами остается только отнести къ 892 году, а не къ 894-му, какъ это дѣлають критики, относящіе начало угро-болгарской войны къ 893 году¹⁾.

Мы видѣли, что свидѣтельства византійцевъ подтверждаются еще одною западною лѣтописью, именно Фульдскими анналами; этотъ третій рассказъ объ угро-болгарской войнѣ близокъ къ остальнымъ двумъ, нами разобраннымъ, хотя и заключаетъ въ себѣ кое-что свое, оригинальное. Всѣ столкновения Угровъ съ Болгарами представляются здѣсь непосредственно другъ за другомъ слѣдующими: Симеонъ въ двухъ сраженіяхъ терпитъ поражение; прежде чѣмъ продолжать войну, Болгаре обращаются за совѣтомъ къ старцу Михаилу, бывшему своему царю и «виновнику ихъ обращенія къ истинѣ». Очитивъ себя, по его совѣту, постомъ, покаяніемъ и молитвою, они снова вступаютъ въ борьбу съ Мадырами, послѣ упорной и кровопролитной битвы они ослабляютъ наконецъ врага; но побѣда имъ достается дорогою цѣной: по словамъ лѣтописца, «на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшимъ до 20,000 всадниковъ». Это послѣднее извѣстіе для насъ не совершенно ясно. Если тутъ идетъ рѣчь о той же окончательной расправѣ Симеона съ Мадырами, о которой говорятъ византійцы, то извѣстію о потерѣ 20,000 всадниковъ, т. е. вообще о столь большой потерѣ со стороны Болгаръ весьма трудно повѣрить. Скорѣе нельзя ли предположить, что здѣсь разумѣется третья стычка Симеона съ Уграми 889 года, въ которой побѣда досталась все-таки Мадырамъ, хотя можетъ быть не рѣшительная, а потому могла быть приписана Болгарами себѣ? Любопытна одна черта въ этомъ рассказѣ — обращеніе Болгаръ за совѣ-

¹⁾ Dammeler, *Sadbstl. M.*, S. 85, и другіе.

томъ къ своему бывшему князю (въ то время уже монаху), Мн-хангу.

Разобравъ всѣ имѣющіяся свидѣтельства о первомъ вмѣшательствѣ мадыарской орды въ европейскія международныя отношенія, повторимъ вкратцѣ наши выводы, отвѣчая на поставленные выше два вопроса:

1) Война Симеона съ Греками началась въ 888 году, вѣроятно очень скоро по вступленіи Симеона на болгарскій престолъ, а вторженіе Угровъ въ Болгарію, по призыву императора Льва VI, и троскратная побѣда надъ Симеономъ произошла въ 889 году, (а не въ 893-мъ, какъ старались доказать вышеназванные нѣмецкіе ученые).

2) Слѣдуетъ признать не одну угро-болгарскую войну, а скорѣе *два*, или по крайней мѣрѣ *два различныхъ акта* въ сущности той же самой борьбы, но возобновленной послѣ 2-хъ лѣтняго перерыва. Первый ся актъ начался и окончился въ 889 году и былъ несчастливъ для Болгаръ, второй совершился въ 892 году и былъ ихъ торжествомъ. Хотя онъ разразился великимъ бѣдствіемъ для Мадыаръ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ближайшимъ поводомъ ихъ переселенія на новую родину, гдѣ судьба готовила имъ столь блестящую будущность ¹⁾.

Толпы Угровъ, уцѣлѣвшихъ и бѣжавшихъ отъ кровавой расправы Симеона и Печенѣговъ, по соединеніи съ остальными мадыарскими полчищами, отпущенными Арнульфомъ послѣ моравскаго похода, были увлечены общимъ движеніемъ, съ цѣлью перекочевать въ привлекавшую ихъ среднедунайскую равнину.

Есть впрочемъ предположеніе, что небольшая часть этихъ спасшихся Угровъ была отброшена болгаро-печенѣжскимъ погромомъ на сѣверъ и укрылась въ горахъ Карпатскихъ. Размно-

¹⁾ Мы видѣли, что извѣстіе объ угро-болгарской войнѣ въ Фульдской лѣтописи (895, 896) относится къ той же войнѣ (889—892 г.) и заключаетъ въ себѣ только хронологическую ошибку (о ней еще рѣчь впереди), а потому нѣтъ никакого основанія говорить объ *особомъ* столкновеніи Угровъ съ Болгарами въ эти годы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки (Roesler, R. St., S. 161).

жившіеся потомки этихъ Мадьяръ распространились будто-бы въ послѣдствіи на весь юговосточный уголъ Трансильваніи. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ многіе происхождение мадьярскаго племени *Секлеровъ* ¹⁾. Кстатн нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ. О нихъ очень долго держалось цѣльное мнѣніе, возникшее еще въ средніе вѣка и особенно распространенное среди самихъ Секлеровъ, что они происходятъ отъ Гунновъ, удержавшихся въ горахъ Трансильваніи ²⁾? Наболѣе вѣроятное рѣшеніе вопроса о Секлерахъ, о происхожденіи которыхъ высказано не мало предположеній ³⁾, состоитъ въ томъ, что они представляютъ просто вышедшую въ послѣдствіи изъ Угрии мадьярскую колонію, безъ сомнѣнія съ цѣлью защиты восточной границы отъ внѣшнихъ непріятелей (Кумановъ, Татаръ), на что нѣсколько наме-

¹⁾ Энгель (Engel, *Gesch. d. Ung. Reiches*, I, S. 61) считаетъ Секлеровъ—мадьярскими «бѣглецами» (szökevény отъ szökni, преслѣдовать). Такое же происхождение приписывалъ имъ сначала и Дюмлеръ въ *Südsl. Mark.*, S. 55; Szalay, *Gesch. Ung.* I, S. 11, Anm.; Fessler-Klein, 1867, I, S. 25.

²⁾ Такой взглядъ, высказанный впервые у Анонима (*Mon. Agr. Endlicher*, p. 46: *et omnes Siculi, qui primo erant populi Athile regis...*) повторяется послѣдующими мадьярскими историками, Симономъ Кезой (*Endlicher*, p. 100) и Турочемъ (*Thworez.*, см. *Schwandtner*, p. 78). Такимъ образомъ онъ существовалъ уже въ XIII в. Къ вопросу о происхожденіи этого взгляда Марцали приводитъ слѣдующее соображеніе: Въ сочиненіи польск. истор. Богухвала (серед. XIII в.) говорится, что по хроникѣ Мартина Гунны пришли изъ горъ Сициліи въ Паннонію и назвали тамошнихъ жителей Уграми. Хроника Мартина была очень распространена въ XIII вѣкѣ; однако въ ней читается не *Scicia* ви. Сицилія. Это названіе *Scicia* приняли за *Sicilia* и жителей Сикульскихъ горъ отождествляли съ прибывшими Гуннами Аттилы. См. *Marzali, o. c.*, S. 634—5. Противъ гуннскаго происхожденія Секлеровъ, въ отвѣтъ на брошюру «о скиво-гуннскомъ происхожденіи С.» (*Ioh. Nagy, Klausenb.*, 1879) написалъ недавно статью Гунфальви: «*Székelyek. Felelet a Székelyek Scythia-hun eredetüségére*», *Budapest*, 1880, въ которой онъ разъясняетъ вообще происхожденія гуннской сказки и останавливается на языкѣ Секлеровъ, свидѣтельствующемъ о сравнительно позднемъ отдѣленіи ихъ отъ Мадьяръ собственной Угрии. См. объ этой статьѣ *Literarische Berichte aus Ungarn*, изд. Гунфальви, IV B., 2 H., 1880, *Literatur*, S. 315—320.

³⁾ Шафарикъ (*Сл. Древн.*, II, кн. 1, стр. 309, 309) высказываетъ предположеніе о происхожденіи племени Секеловъ (т. е. Секлеровъ) отъ славянскаго племени Саклатовъ, которые омадьярились. Однако такое сближеніе не можетъ выдерживать строгой критики.

каеть и самое имя их¹⁾. Въ пользу такого мнѣнія свидѣтельствуется почти полнѣйшее тождество языка Секлеровъ и Мадьяръ, что едва-ли было бы возможно, еслибы ихъ раздѣленіе произошло уже въ концѣ IX вѣка, въ эпоху ихъ еще совершенно некультурнаго состоянія. Сближеніе Секлеровъ съ племенемъ страны *Эселемъ* у Ибнъ-Дасты и у позднѣйшаго географа Абуль-Феды, сдѣланное Дефрери и Хвольсономъ, какъ мы уже видѣли выше, нельзя назвать удачнымъ¹⁾.

Итакъ послѣ катастрофы 892 года переселеніе Мадьяръ въ ихъ нынѣшнюю родину было дѣломъ уже ничѣмъ не отвратимымъ и неизбѣжнымъ. Это вторженіе чуждой и хищной восточной орды въ земли средняго Дуная конечно не могло не произвести глубокаго переворота въ судьбѣ жившихъ здѣсь народовъ. Сущность же его должна была опредѣляться этническими

¹⁾ Roesler, Romän. Stud. S. 335, который рѣшительно отвергаетъ предыдущее мнѣніе; Томашекъ въ рецензій на него (Zeitschr. f. österr. Gymn., B. XXIII, S. 148); Гунфальви (S. 213) относитъ это переселеніе ко времени не ранѣе Владислава Святаго.—Имя Секлеровъ (Székely) производятъ отъ мадьярскаго слова *szék* (поселеніе, владѣніе); *székely*=*szék*—*ely*, *szék*—*ely* значить собственно «по ту сторону владѣнія», т. е. *марка*, граница, подобно тому, какъ имя Трансильваніи по мадьярски *Erdély*=*erd*—*ely* значить «за лѣсомъ, по ту сторону лѣса» (Transsilvania); или еще *Szék*—*elyi* значить *житель марки*, граничаръ. Подтверженіемъ такого производства служитъ то обстоятельство, что въ старину существовали Секлеры (граничары) и на западной границѣ Угрии, въ комитатахъ Эденбургъ, Пресбургъ и Питръ (особенно были извѣстны Секлеры мѣстечка *Vág*'а въ Эденбургскомъ комитатѣ). Такимъ образомъ имя Секлеровъ не есть собственно имя народности, а означаетъ просто *пограничную стражу, граничаръ*; см. Hunfalvy, Ethogr., S. 201—202. Шлѣцеръ видѣлъ въ Секлерахъ тоже «пограничныхъ стражей», а по національности считалъ ихъ за мадьяризованныхъ *Кумановъ* (Gesch. der Deutschen in Siebenbürgen, S. 208), но противъ этого говоритъ ихъ языкъ, совершенно тождественный съ языкомъ прочихъ Мадьяръ. Шлѣцеру послѣдовалъ въ этомъ вопросѣ и Дюмлеръ въ своей Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 444, хотя онъ же ранѣе (Südöstl. Mark., S. 55) высказался въ пользу мнѣнія Энгеля. Срв. еще Krones, Handbuch der Gesch. Oesterr., 6 Liefer., S. 563—564.

¹⁾ Defrémery, Fragments de géographes et d'historiens arabes etc. Paris, 1847, p. 22. Хвольсонъ, Извѣстія о Хазарахъ и т. д. Спб. 1869, стр. 95—97. Его основательно опровергаетъ Рѣслеръ, R. St., S. 335—337; Куиникъ, въ Прилож. къ Извѣстіямъ Ал-Бекри, изд. Розеномъ, стр. 156.

и политическими отношеніями, существовавшими въ тотъ моментъ между этими народами, отношеніями, о которыхъ была уже рѣчь въ первыхъ главахъ нашего изслѣдованія и къ которымъ мы теперь возвратимся.

IV.

ПОСЕЛЕНИЕ МАДЬЯРЪ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ И ТИССѢ И ИХЪ ТОРЖЕСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ МОРАВЕИ И ВОСТОЧНО-ФРАНКСКОЙ ДЕРЖАВОЙ.

1.

Угры перекочевываютъ изъ «Ателькузу» въ тиссо-дунайскую равнину (893—894 г.). Ихъ новыя жилища. Впечатлѣніе, ими произведенное на западѣ. Роль Арнульфа въ ихъ переселеніи.

Тотъ историческій моментъ, на которомъ мы остановились въ прошлой главѣ, въ изложеніи мадьярскаго переселенія, былъ тяжелымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи Ма-дьярь. Испытавъ жестокій ударъ отъ своихъ исконныхъ враговъ Печенѣговъ и новыхъ, Болгаръ, имъ оставалось одно изъ двухъ: или остаться въ прежнихъ жилищахъ, еще пока не занятыхъ Печенѣгами, и, ожидая новаго столкновенія съ болѣе сильнымъ врагомъ, защищаться до послѣдней крайности и разумѣется обречь себя такимъ образомъ окончательному разгрому и почти вѣрной гибели, или искать счастья и новаго пристанища да-

лѣе, на другой сторонѣ, гдѣ-нибудь на западѣ, куда имъ отчасти уже была знакома дорога ¹⁾).

Инстинктъ самосохраненія и другіе, хищные инстинкты полудикаго и кочевого племени не дали разумѣться Мадьярамъ колебаться въ этомъ случаѣ. Къ тому же ихъ полчища, помогавшія Ариульфу громить Моравію, уже успѣли присмотрѣться къ странѣ, которая своею природою и выгоднымъ географическимъ положеніемъ какъ нельзя болѣе соответствовала ихъ вкусамъ и желаніямъ, которая должна была првлекать ихъ своимъ характеромъ, столь имъ роднымъ и знакомымъ.

Страна эта, широкая, степная и низменная равнина среднего Дуная и Тиссы, почти вовсе не населенная, въ которой лишь кое-гдѣ скрывались ничтожныя, разрозненные остатки аварской орды, была у нихъ подъ рукою и завладѣть ею, какъ они предвидѣли, имъ не стоило бы большихъ усилій. Туда-то Мадьяры и рѣшились перекочевать изъ ставшаго опаснымъ для нихъ «Ателькузу» съ остатками своихъ семействъ, своихъ стадъ и прочаго подвижнаго имущества.

Когда именно, т. е. въ какомъ году совершилось это переселеніе, опредѣлить довольно трудно, такъ какъ ни у византійцевъ, ни у западныхъ лѣтописцевъ не сохранилось объ этомъ прямого извѣстія или хоть сколько-нибудь яснаго указанія. Большинство историковъ ставитъ это переселеніе въ непосредственную связь съ болгаро-печенѣжской расправой въ Ателькузу, а такъ какъ это событіе относятъ обыкновенно къ 894—895 г., то и переселеніе приурочивается къ этимъ же годамъ ²⁾). Такое вычисленіе не предполагаетъ слѣдовательно никакого промежутка времени ме-

¹⁾ После всего нами уже высказаннаго объ извѣстіяхъ Нотарія кор. Бѣлы и о мнимомъ пути Мадьяръ черезъ Карпаты, мы считаемъ излишнимъ опять возвращаться къ этому вопросу, признавая рассказы мадьярскихъ хронистовъ недобросовѣстной выдумкой, не заслуживающей болѣе подробнаго разсмотрѣнія, особенно въ виду всѣхъ тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу противоположнаго мнѣнія.

²⁾ Dammeler, *Südost. Mark.*, S. 55; 695 г. вычисленъ еще Катоню (Histor. critica primor. ducum Hungariae, p. 169).

жду этими двумя действительно тѣсно связанными другъ съ другомъ фактами. Однако есть ли необходимость предполагать, что Мадьяры, узнавъ о постигшемъ ихъ страну бѣдствіи, немедленно всею ордою устремились въ тиссо-дунайскую равнину? Въ дошедшихъ до насъ скудныхъ извѣстіяхъ мы не находимъ основанія для такого заключенія.

Печенѣги, опустошивъ вмѣстѣ съ Болгарами жилища Мадьяръ, не заняли ихъ тотчасъ же, а вернулись къ себѣ. Константъ Багрянородный рассказываетъ, что Мадьяры нашли свою страну «пустою и разграбленною»¹⁾, слѣдовательно Печенѣги еще не расположились тамъ. Это и понятно, потому что не вся орда, а только часть вооруженныхъ силъ Печенѣговъ приходила Болгарамъ на помощь. Ничто не мѣшало Мадьярамъ еще на нѣкоторое время остаться на ширинѣ Дунаѣ, чтобы дать возможность собраться разбѣжавшимся въ разныя стороны остаткамъ потерпѣвшей части орды и сообща рѣшить, чтѣ предпринять при такихъ обстоятельствахъ. Вѣрояте же впрочемъ, что они тогда же подвинулись на западъ и расположились на время за р. Алуттой (Ольтой), въ нынѣшней Малой Валахія²⁾.

Мы признали выше, что болгаро-печенѣжское предпріятіе въ Ателькузу должно быть отнесено къ 892 г. (а не 894—5 г., какъ принимаютъ другіе). Имѣя въ виду временную стоянку Мадьяръ въ западной части Валахія, можно предположить, что не ранѣе исхода 893 г. было принято окончательное рѣшеніе перекочевать вдоль по Дунаю, у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» въ средне-дунайскую равнину³⁾. А къ началу 894 г. слѣдуетъ отнести

¹⁾ Const. P. De adm. imp., cap. 40 p. 176: *οἱ δὲ Τοῦρκοι ὑποστρίψαντες, καὶ τῆς χώρας αὐτῶν εὐρέντες ἔρμιον καὶ καταφανόμενον. . . .*

²⁾ Roesler, Rom. Stud., S. 161.

³⁾ Такъ какъ здѣсь, у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ», гдѣ Дунай стѣсненъ высокими гористыми берегами, Угры вѣроятно не могли пройти непосредственно вдоль рѣки по ея берегу, то надо предположить, что они проникли въ тисскую равнину горными долинами на сѣверъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, ибо край этотъ сравнительно довольно доступенъ и особенныхъ препятствій для прохода конной орды представить не могъ.

осуществленіе этого предпріятія. Такой расчетъ совершенно согласуется съ тѣмъ, что Мадыяры повидимому еще 894 г., перейдя черезъ Дунай, совершили опустошительный набѣгъ въ предѣлы Панноніи¹⁾. Мы видѣли, что этотъ 894-ый или слѣдующій 895-ый годъ обыкновенно признается и другими изслѣдователями годомъ поселенія Мадыяръ въ новой родинѣ. Но приурочивая и мщеніе Болгарь къ тому же сроку, они принуждены сгучивать всѣ эти событія въ промежутокъ времени, очевидно слишкомъ для нихъ краткій²⁾.

Новая территорія досталась Мадыярамъ повидимому безъ борьбы и безъ особенныхъ потерь. Здѣсь не было политической силы, которая могла бы оказать имъ сопротивленіе и хоть сколько-нибудь задержать ихъ движеніе. Болгаре уже со времени прихода Угровъ на нижній Дунай предоставили свой сѣверо-дунайскій край на произволъ судьбы и перестали о немъ заботиться, считая его и безъ того для себя потеряннымъ. Другіе западные сосѣди, т. е. Восточно-франкская держава и Моравія достаточно не сознавали еще опасности отъ новыхъ пришельцевъ и притомъ были до того поглощены борьбой и ослѣплены взаимной враждой, что забывали все остальное и во-время не обратили должнаго вниманія на надвигавшуюся съ востока грозу. Они опомнились только тогда, когда ихъ общій врагъ уже расположился у нихъ подъ бокомъ и сталъ безпощадно свирѣпствовать въ ихъ владѣніяхъ. О мѣстности первоначальныхъ кочевьевъ Мадыяръ мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ пзвѣстій, но можемъ съ полнымъ вѣроятіемъ судить о ней, имѣя въ виду съ одной стороны природный характеръ пынѣшней угорской территоріи, съ другой—племенной характеръ и наклонности мадыярской орды въ ту еще первобытную эпоху ея жизни. Мадыяры безъ сомнѣнія заняли

¹⁾ Ann. Fuld., 894: Avari, qui dicuntur Ungari, in his temporibus ultra Danubium peragrantes... totam Pannoniam usque ad interencionem deleverunt.

²⁾ Нѣкоторое время было потрачено Мадыярами безъ сомнѣнія на развѣдки, безъ которыхъ они, будучи вообще очень осторожны, едва-ли рѣшились бы подняться и двинуться всею ордою.

прежде всего ближайшую къ ихъ прежнимъ жилищамъ равнину по обѣ стороны Тиссы и затѣмъ пространство между Тиссой и Дунаемъ¹⁾, гдѣ некому было у нихъ оспаривать землю и гдѣ было привольно и безопасно какъ имъ самимъ, такъ и многочисленнымъ стадамъ ихъ. Широкия и тучныя пастбища, обильныя водой и рыбой рѣки, мѣстности, удобныя для охоты на птицъ и звѣрей, повсюду просторъ и необозримая равнина, — чего еще лучшаго было желать кочевой ордѣ переселенцевъ съ востока?

Единственными обитателями этого пустыннаго края могли быть крайне немногочисленные остатки Аваровъ, нѣкогда бѣжавшихъ сюда отъ неумолимаго меча Франковъ;²⁾ но эти кое-гдѣ разбросанныя аварскія поселенія не могли быть помѣхой Мадьярамъ: Авары конечно безъ сопротивленія отдались во власть послѣднихъ и вѣроятно приняли участіе въ ихъ походахъ на западъ³⁾.

Однако Мадьяры очень недолго довольствовались первоначально занятымъ пространствомъ. Изъ центральной тиссо-дунайской равнины они не замедлили раздвинуть предѣлы своихъ владѣній на сѣверъ и востокъ и мало по малу распространить свою власть до отроговъ Карпатскихъ на сѣверъ, до горъ трансильванскихъ на востокъ. Только одна природа могла положить предѣлъ расширенію ихъ господства.

Славянское населеніе, которое начиналось въ болѣе возвышенной полосѣ и становилось гуще по мѣрѣ приближенія къ горамъ, было отчасти покорено Уграми, отчасти бѣжало и находило вѣрное убѣжище въ горахъ. Въ то же время Угры подвигались и на западъ. Послѣ первыхъ походовъ за Дунай они стали распространяться въ старой Панноніи: въ моравскихъ

1) Въ этихъ мѣстностяхъ и понынѣ мадьярское населеніе сохранилось всего чище, безъ примѣся другихъ національностей.

2) Остатки Гепидовъ едва-ли могли еще держаться тогда въ дунайской равнинѣ.

3) Можетъ быть этимъ объясняется наименованіе Мадьяръ *Аварами* въ нѣкоторыхъ западныхъ источникахъ.

владѣшихъ (бывшемъ княжествѣ Коцела), а впослѣдствіи перешли и на Франкскую территорію. Не особенно многочисленны Славяне Панноніи были также частью покорены, частью отгнаны въ горы нынѣшней Штиріи и Каринтіи.

Константинь Багрянородный, говоря о переселеніи Мадьяръ изъ «Ателькузу» въ новую родину, опредѣляетъ мѣстоположеніе послѣдней (въ его время) пятью рѣками¹⁾. Хотя это опредѣленіе и не отлчается особенной точностію, тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не видѣть яснаго подтвержденія взгляда на первоначальное расположеніе Мадьяръ по Тиссѣ — на западъ отъ нея до Дуная и на востокъ по ея притокамъ. Названія этихъ рѣкъ, упоминаемыя Константиномъ, слѣдующія: 1) *Τιμῆτης*, т. е. нын. Темешъ (Temes), древ. *Tibiscus*, 2) *Τούτης*, въ немъ видятъ нын. р. Бегу (Альтъ-Бега), 3) *Μορήτης*, т. е. Марошъ (Maros), 4) *Κρίσος*, т. е. Кэрѣшъ (*Körös*) и наконецъ 5) *Τίτσα* — Тисса. Расположеніе рѣки Темеша и 3-хъ названныхъ притоковъ Тиссы совершенно соотвѣтствуетъ нашему представленію о первоначальномъ мѣстѣ кочевьевъ Мадьяръ на великой тиссо-дунайской равнинѣ²⁾. Итакъ Мадьяры захватили вскорѣ въ свое распоряженіе весьма значительную по объѣму территорію. Было бы однако неосновательно заключать изъ этого о ихъ многочисленности. Мадьяры, какъ и другія до нихъ приходившія съ востока орды кочевниковъ, вовсе не были такъ многочисленны, какъ ихъ

¹⁾ De A. I., cap. 40, p. 173—174: οἱ δὲ Τούρκοι... κατοικήσασαν εἰς τὴν γῆν εἰς ἣν καὶ σήμερον κατοικοῦσι τὴν ἐπωνομαζομένην κατὰ τὴν ἀνωτέρω, ὡς εἴρηται, τῶν ποταμῶν ἑπωνυμίαν...; p. 174: οἱ δὲ ποταμοὶ εἰσὶν οὗτοι, ποταμὸς πρῶτος ἔστι Τιμῆτης, ποταμὸς δεύτερος Τούτης, ποταμὸς τρίτος ὁ Μορήτης, τέταρτος ὁ Κρίσος, καὶ πάλιν ἕτερος ποταμὸς ἢ Τίτσα.

²⁾ Константинь Багрянородный дѣлаетъ еще нѣсколько указаній для опредѣленія жилищъ мадыарскихъ. Слѣдуя по Дунаю вверхъ, онъ отмѣчаетъ мѣста Трояновъ, г. Бѣлградъ и Сремъ. Но всего важнѣе его показаніе, что за этой мѣстностью начинается Великая Моравія Святополька. Здѣсь конечно разумѣется Нижняя Паннонія, принадлежавшая Моравіи. De A. I. c. 40, p. 173: καὶ πάλιν κατὰ τὴν τοῦ ποταμοῦ ἐκδρομὴν ἔστιν τὸ Σέρμιον ἐκεῖνο τὸ λεγόμενον, ἐκτὸς τῆς Βαλκυρίδος ὅθεν ἔχον τῶνδε δύο καὶ ἀπὸ τῶν ἐκείσε ἢ μεγάλῃ Μοραβίᾳ ἢ ἀρίστικτος, ἣν καὶ ἐξήλειψαν εἰς Τούρκοι, ὅς τῃδε τὸ πρῶτον ὁ Σερβοπλόκος.

обыкновенно изображаютъ византийскіе и западныя историки подѣ влияніемъ страха и въ оправданіе понесенныхъ ихъ соотечественниками поражений. Успѣхи и побѣды, которыя постоянно одерживались кочевыми полчищами надъ войсками осѣдлыхъ народовъ, обуславливаются вовсе не сравнительною многочисленностью первыхъ (хотя современные имъ историки и очень любятъ примѣнять къ нимъ выраженіе «безчисленное множество»), а конечно ихъ военными приѣмами и характеромъ ихъ дико-стремительныхъ набѣговъ ¹⁾. Нѣтъ причинъ думать, что Мадыары значительно превосходили своимъ числомъ полчища своихъ предшественниковъ, Гунновъ или Аваровъ ²⁾. Нельзя конечно не принять во вниманіе, что и они, подобно послѣднимъ, на пути своемъ изъ первоначальной родины въ дунайскую равнину, по всей вѣроятности, умножились приставшими къ нимъ воиственными шайками изъ населенія тѣхъ странъ, черезъ которыя шель ихъ путь; но вѣдь надо взять въ расчетъ и то, что ими были понесены не малыя потери во время частыхъ походовъ и войнъ съ осѣдлыми народами и при столкновеніяхъ съ ихъ постоянными противниками, Печенѣгами. Достаточно вспомнить ихъ послѣднюю потерю въ Ателькузу. Такимъ образомъ собственно мадыарская орда не должна была быть многочисленна при своемъ поселеніи въ нынѣшней Угріи ³⁾. Только позднѣе, благодаря мно-

¹⁾ Аваровъ было, какъ мы знаемъ, не болѣе 20,000 семей. Срв. выше упомянутую статью В. В. Григорьева: «Кочевые и осѣдлые народы», Ж. М. Н. Пр. 1875, мартъ, стр. 14—15.

²⁾ Печенѣги, какъ видно изъ историческихъ свидѣтельствъ, были положительно многочисленнѣе и потому сильнѣе ихъ. De adm. Imp., c. 3, p. 70 (Ed. Vopp.). Г. Гунфальви (Ethnogr., S. 265) преувеличиваетъ численную силу Мадыаръ.

³⁾ Весьма многочисленною, разумѣется, она является, въ разсказахъ національных мадыарскихъ историковъ, но вѣрить ихъ показаніямъ было бы ужъ чересчуръ наивно. По ихъ расчету выходитъ, что общее число Мадыаръ превосходило 1.000,000 человекъ; ибо было 7 племенъ (племя=103 родовъ), а въ каждомъ племени было 30,857 чел. способныхъ носить оружіе, итого однихъ воиновъ 216,000!! Kézai, II, 1; Thüröczy, Chron. Ung. II, 2, см. Fezler-Klein, S. 55—56. Срв. также Елагинъ, Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы, Русск. Бесѣда, М. 1859, I, стр. 140—141.

гимъ благоприятнымъ условіямъ, она постепенно достигла размѣровъ значительной народности. Тотчасъ по переселеніи она была сильна не числомъ своимъ, а всѣмъ тѣмъ, что вообще даетъ перевѣсъ воинственнымъ кочевникамъ въ борьбѣ съ осѣдлыми племенами. Къ тому же въ мадьярскихъ набѣгахъ на западную Европу принимали участіе не одни невольно примкнувшіе къ нимъ остатки Аваровъ, но и другіе туземные элементы, свободно и сознательно вступавшіе въ ихъ ряды (о чемъ еще будетъ рѣчь ниже).

Поселившись на новой территоріи, Мадьяры пріобрѣли и новыхъ сосѣдей. Сосѣдями этими были: на сѣверъ и сѣверовостокъ, вдоль горъ Карпатскихъ — довольно многочисленныя *Славяне*: съ одной стороны соплеменные моравскимъ Славянамъ (предки нынѣшнихъ Словаковъ), съ другой — русскимъ ¹⁾; на востокъ — Славяне Трансильваніи, принадлежавшіе также къ русской вѣтви, и затѣмъ, хотя и немногочисленное, но все-же составлявшее важный этническій элементъ, горное *романское* (валашское) населеніе ²⁾; на юговостокъ, въ прежнихъ мадьярскихъ жилищахъ —

¹⁾ Бѣлохорватія Константина Багрянороднаго едва-ли соприкосалась непосредственно съ владѣніями Угровъ.

²⁾ Вопросъ о непрерывности романскаго населенія (въ небольшомъ числѣ) на территоріи Трансильваніи, за которую мы стоимъ, уже былъ нами рассмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 41—55). Съ другой стороны мы указали на необходимость допустить, что приливъ романскихъ элементовъ изъ-за Дуная, съ Балканскаго полуострова въ страны древней Дакии начался довольно рано, гораздо ранѣе, чѣмъ думаютъ обыкновенно, т. е. вѣроятно уже въ IX в., если еще не ранѣе (стр. 96—97). Такимъ образомъ мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что Мадьяры уже застали на почвѣ Трансильваніи Румыновъ или Валаховъ въ не совсемъ ничтожномъ количествѣ. Извѣстно, что фактъ этотъ подтверждается свидѣтельствами Анонима и Нотарія Бѣлы (Anonymi Gesta Hungarorum, Endlicher, p. 11, 25) и нашего Нестора, говорящаго также о Валахахъ, которыхъ будто-бы вытѣснили Угры. Извѣстіе Анонима, лживость и фантазерство котораго дознаны, для насъ не можетъ имѣть большого историческаго значенія, хотя и оно можетъ служить орудіемъ противъ Рѣслера (см. рец. Томашка, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn. V. XXIII, S. 152), но показаніе Нестора, какъ летописца добросовѣстнаго и основательнаго, притомъ по времени болѣе близкаго къ мадьярскому переселенію, заслуживаетъ полнаго вниманія. Подъ 898 годомъ, гдѣ находится главное свидѣтельство Нестора объ Уграхъ и ихъ

Печенги, которые впрочемъ сосѣднн съ Мадьярами не непосредственно; на югъ, за Дунаемъ—частью *Болары*, частью *Хорваты*; на югозападъ и западъ *словенское* населеніе и *нѣмецкія* владѣнія Восточной марки; наконецъ на сѣверо-западъ — *Сла-*

проходѣ мимо Кіева, мы читаемъ: «Угры) пришедше отъ вѣстока и устремшася чересь горы великия. (Т. Р. А: яже прозвашася горы Угорьска) и почаша воевати на живуцая ту Волохи (въ Л. волхи) и Словьни. Сидяху бо ту преже Словьни, и Волохове прияха землю Словенську; посемъ же Угри погнаша Волъхи и наслѣдиша землю (Т. Р. А: ту), и сѣдоша съ Словѣны, покоривши я подъ ся; оттоле прозвася земля Угорьска. . . » Во вступленіи къ лѣтописи, говори о разселеніи Славянъ на Дунаѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ: «Волохомъ бо нашедшемъ на Словьни на Дунайскія, сидшемъ въ нилъ и насмлящемъ имъ. . . .»; наконецъ далѣе въ извѣстіи о Бѣлыхъ Уграхъ—въ двухъ спискахъ (Р. А.) прибавлено: «Угри Бѣлни наслѣдиша землю Словѣнскую, прогнавши волохи, иже бша преже приаху землю словенскую». Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ фраза о Волохахъ считается обыкновенно позднѣйшей вставкой писца. Сущность этихъ показаній Нестора состоитъ въ томъ, что по его представленіямъ Волохи когда-то въ древности пришли и заняли землю Дунайскихъ Славянъ, покоривъ сихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи сюда пришли Угры, воевали съ тѣми и другими, прогнали Волоховъ и поработили Славянъ. Первая часть этого разсказа о покореніи Дунайскихъ Славянъ Волохами была предметомъ многихъ соображеній и догадокъ (напр. Шафарика, Сл. Др., т. I, кн. 3, стр. 377, о Кельтахъ, которой слѣдуетъ г. Барсовъ. См. Очерки русск. историч. географіи, Варшава, 1873, стр. 61—63), изъ коихъ уже была нами указана наиболѣе вѣроятная (преданіе о завоеваніи древней Дакии Римлянами при Троянѣ и происшедшемъ при этомъ нѣкоторомъ движеніи среди дакійскихъ племенъ, между коими могли быть и Славяне. Срезневскій въ рецензій на книгу Миклошича, Извѣстія Отд. Рус. яз. и Слов. X, 144—146). Вторая половина несторова свидѣтельства о вытѣсненіи Волоховъ Уграми возбуждаетъ также недоумѣніе, такъ какъ нигдѣ не находитъ себѣ подтвержденія. Не представляетъ ли она просто собственнаго заключенія Нестора, поводомъ къ которому только и могло послужить покореніе Уграми при Стефанѣ Св. Трансильваніи, какъ страны, населенной также и Волохами? какъ-бы то ни было, для насъ не столько существенно самое содержаніе извѣстій Нестора, сколько тотъ главный выводъ, который позволительно изъ нихъ сдѣлать. Несторъ во 2-й половинѣ XI в. очевидно зналъ Волоховъ на сѣверѣ отъ Дуная, за горами Карпатскими, и притомъ какъ племя, по всему видно, не совсемъ ничтожное. Это даетъ намъ право заключить, что и полтора столѣтія передъ тѣмъ, т. е. въ концѣ IX в., Волохи уже должны были, хотя и въ незначительномъ числѣ, жить въ горахъ Трансильваніи, ибо цѣлый народъ не могъ явиться здѣсь внезапно, въ сравнительно краткій промежутокъ времени нѣсколькихъ десятилѣтій. А что подъ Волохами разумѣются Романцы, предки нынѣшнихъ Румыновъ и болѣе никого другого здѣсь понимать нельзя, въ этомъ не можетъ быть кажется никакого сомнѣнія. *Влахами* Славяне издавна

яне Моравскаго княжества ¹⁾. Изъ этого перечня видно, что за немногими исключеніями (*нѣмецкія* поселенія въ Восточной маркѣ и Панноніи, да *романскіе* настухи въ Трансильваніи) непосредственными сосѣдями Мадьяръ во всѣ стороны были Славяне ²⁾. Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно говоритъ за себя, чтобы съ перваго взгляда оцѣнить его значеніе и первепствующее вліяніе на историческое развитіе и судьбу мадьярской народности. Чтобы убѣдиться въ этомъ вліяніи, достаточно взглянуть въ политическую и культурную исторію Мадьяръ, въ ихъ государственный и народный бытъ, наконецъ въ языкъ ихъ.... Во всѣхъ этихъ сферахъ и прежде всего въ языкѣ, пропитан-

называли жителей Италіи и Румынскихъ земель и заимствовали эту форму у Нѣмцевъ (Миклошичъ, *Die Slav. Elem. im Rumun. Wien, 1861, S. 1*; срв. Куяникъ, Прилож. къ VI т. Зап. И. Ак. И. № 2, стр. 54). Рёслеръ, для теоріи котораго о Румунахъ свидѣтельство Нестора о Волохахъ (Романцахъ) служило помѣхой и камнемъ преткновенія, выставилъ домыселъ (который самъ счелъ за непреложную истину), что подъ Волохами нашей лѣтописи слѣдуетъ разумѣть Франковъ Карловингской державы, и что свидѣтельство о вытѣсненіи ихъ Уграми относится къ событіямъ въ Панноніи (Roesler, *Rom. St. S. 80—82*). Однако онъ не подтвердилъ своего взгляда ни однимъ сколько-нибудь убѣдительнымъ доказательствомъ. Еще въ извѣстіи о вытѣсненіи Волоховъ Уграми кос-какъ можно бы понимать Франковъ, но видѣть ихъ въ Волохахъ, расположенныхъ въ славянской землѣ на Дунаѣ и вытѣсняющихъ оттуда многихъ Славянъ на Вислу и т. д., ужь очень мудрено! Притомъ Несторъ въ своемъ перечнѣ народовъ рядомъ съ Волохами переименовываетъ другіе западные народы, между которыми мы находимъ и Нѣмцевъ и Франковъ: «Варяги, Свен, Урмане, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмцы, Корязи, Венедици, Фрягове и проч.». Итакъ попытка Рёслера опровергнуть свидѣтельство Пестора о Волохахъ-Румунахъ должна считаться неудавшеюся.

¹⁾ Константинъ Багрянородный (*De A. I. c. 40, p. 174*), ниѣющій вообще очень неясное представленіе о сѣверодунайскихъ странахъ, упоминаетъ о сосѣдяхъ Мадьяръ, но его показанія страдаютъ неполнотой и неточностью. По его словамъ, на востокъ за Дунаемъ съ Мадьярами сосѣдять Болгары, на сѣверъ Печенѣги, на западъ—Франки, на югъ—Хорваты.

²⁾ Понѣшнее положеніе Мадьяръ разнится тѣмъ, что на тѣхъ границахъ ихъ территоріи, гдѣ славянское населеніе не было сплошное, а смѣшанное съ другими элементами, оно совершенно исчезло, очистивъ мѣсто этимъ другимъ элементамъ. Такимъ образомъ на западъ сосѣдями Мадьяръ стали Нѣмцы, на востокъ—Румыны.

номъ славянскими элементами ¹⁾, внимательный наблюдатель наткнется на множество чертъ, которыя объясняются единственно раннимъ вліяніемъ Славянства на Мадырь и прямыми заимствованіями у него.

По этому поводу здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ любопытномъ обстоятельстве, сопровождавшемъ поселеніе Мадырь въ ихъ нынѣшней землѣ. По извѣстному уже намъ разсказу императора-историка, Печенѣги и Болгары, вторгнувшись въ «Ателькузу» въ отсутствіи мадырскихъ дружинъ, ушедшихъ въ походъ на западъ, истребили ихъ семейства, равно какъ и оставленную для защиты ихъ стражу. Въ этомъ сообщеніи нѣтъ, кажется, ничего невѣроятнаго. Но если даже допустить, что извѣстіе преувеличено, и часть мадырскихъ семействъ спаслась, то и тогда положеніе Мадырь, лишившихся такой массы женщинъ и дѣтей, должно было быть довольно критическое. Надо было такъ или иначе помочь дѣлу, — и конечно не Мадырямъ было задумываться надъ этимъ. У нихъ, подобно другимъ кочевымъ ордамъ, былъ и безъ того обычай при набѣгахъ въ земли осѣдлыхъ племенъ истреблять по возможности всѣхъ, способныхъ къ сопротивленію, а женщинъ и дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ уводить въ неволю. Теперь надо было скорѣе, чѣмъ когда-либо, воспользоваться этимъ способомъ для восполненія оказавшагося недостатка въ женщинахъ, и Угры конечно не замедлили прибѣгнуть къ нему. Ихъ первый набѣгъ на западъ послѣ перекочеванія въ равнину Тиссы относится къ 894 г. Довольно знаменательно, что именно къ этому году относится разсказъ Фульдской лѣтописи о жестокомъ опустошеніи, произведенномъ Мадырями въ Панноніи ²⁾, причемъ лѣтописецъ считаетъ нужнымъ сообщить объ обращеніи варваровъ съ побѣжденными,

¹⁾ Miklosich, Die Slavische Elemente im Magyarischen (Denkschrift d. Kais. Akad. d. Wiss., B. 21, Wien, 1872). Срв. замѣтку Сасеника «Объ отношеніи Мадырскаго языка къ языку Славянскому. Ж. М. П. Пр. 1870, СХLХ, стр. 312; также Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung., S. 182—184.

²⁾ Ann. Fuld. 894: totam Pannoniam usque ad internecionem deleverunt.

какъ она убиваютъ мужчинъ и старухъ, а молодыхъ женщинъ уводятъ съ собой для удовлетворенія своего сладострастiя¹⁾. Этотъ разсказъ останавливаетъ на себѣ наше особенное вниманiе. Не для одной указанной лѣтописцемъ цѣли забирали съ собой Мадьяры женщинъ; ихъ безъ сомнѣнiя вынуждалъ къ этому большой недостатокъ послѣднихъ у себя дома. Такимъ образомъ масса Славянокъ, уведенныхъ въ неволю, становилась женами Мадьяръ. Черезъ нихъ-то между прочимъ, вмѣстѣ съ славянскою кровью, прививались къ Мадьярамъ многія характерныя особенности славянскаго быта, образа жизни и нравовъ, и неизгладимыми чертами отпечатлѣвались на ихъ еще слагавшемся бытѣ и домашней жизни и въ особенности на ихъ языкѣ. Это былъ первый и живой проводникъ славянскаго влiянiя среди Мадьяръ. Впослѣдствiи путемъ постоянного сближенiя съ своими славянскими подданными и съ сосѣдями, тоже Славянами, изъ кочевого и хищнаго племени постепенно выработывалась осѣдая народность съ своимъ своеобразнымъ типомъ, съ своими культурными особенностями и съ своимъ оригинальнымъ государственнымъ строемъ, въ основу котораго легли многія чисто-славянскiя установленiя...

Прежде чѣмъ продолжать повѣсть первыхъ столкновений Мадьяръ съ западными сосѣдями и послѣдовавшаго переворота въ политическихъ отношенiяхъ на среднемъ Дунаѣ, мы должны посвятить нѣсколько словъ сохранившейся у современныхъ лѣтописцевъ *характеристикѣ* Угровъ и впечатлѣнiю, произведенному ими на тогдашнiй культурный мiръ. Хотя эта характеристика достаточно извѣстна и мы къ ней не можемъ прибавить никакихъ новыхъ чертъ, мы всетаки не въ правѣ совершенно обойти ее въ нашемъ изложенiи.

Мадьяры явились въ среду европейскихъ народовъ кочевымъ, коннымъ племенемъ, стоявшимъ на той же первоначаль-

¹⁾ Ann. Fuld., ibid.: Ungari... multa miserabilia perpetravere, nam homines et vetulas matronas penitus occidendo invenculas tantum ut jumenta pro libidina exercenda secum trahentes etc. (срв. Dümmler, Gesch. II, S. 449).

ной ступени развитія, на которой находились и прочія кочевья орды, до нихъ и послѣ нихъ громившія Европу. Мы видѣли, что Мадыяры принадлежали собственно къ народамъ не турецкаго, а финскаго корня; однако еще въ прародниѣ своей и послѣ, по оставленіи ея, они жили подъ такимъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ и даже слившихся съ ними (болѣе активныхъ) турецкихъ элементовъ, что невольно усвоили себѣ постепенно характерныя черты турецкаго типа; а такъ какъ вообще всѣ народы въ эпоху первобытнаго развитія, какъ и люди въ пору дѣтства, и безъ того имѣютъ столько общаго между собой въ характерѣ, образѣ жизни и правахъ, то понятно, что впечатлѣніе, произведенное Мадыярами на Европейцевъ конца IX и X в., было не только въ общихъ чертахъ, но и во многихъ подробностяхъ тождественно впечатлѣнію, произведенному Гупнами, Аварами, Болгарами и прочими восточными выходцами на ихъ современниковъ. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что историки осѣдлыхъ народовъ для характеристики Угровъ не только замѣтствовали черты и краски изъ описаній подобныхъ же «варваровъ» у своихъ предшественниковъ, но зачастую почти буквально повторяли ихъ характеристики. Такимъ образомъ императоръ *Левъ Мудрый* для этой цѣли повторяетъ *Маврикія*, писавшаго объ Аварахъ, а западный лѣтописецъ *Регинонъ* заимствуетъ свое описаніе Угровъ у *Юстина*, оставившаго характеристику Скифовъ. Кромѣ названныхъ писателей, Льва Мудраго ¹⁾ и Регинона ²⁾, давшихъ намъ сравнительно наиболѣе полное описаніе Угровъ, кое-какія дополняющія его черты мы почерпнемъ у нѣкоторыхъ другихъ современниковъ и позднѣйшихъ писателей, напр. въ апналахъ *Фулденскихъ*, у *Лиутпранда* (X в.), въ хроникѣ *Іоанна Діакона* (Венец.), у *Оттона Фрейзинскаго* (XII в.) и проч. ³⁾.

¹⁾ Leonis Tactica (Meursius), c. 18, p. 289—292.

²⁾ Regino (Pertz, SS. I, 600), a. 889 etc.

³⁾ Liutprandi Antapodosis, l. II; Ann. Fuld. 894 etc.; Iohannis Chron. Venet. (SS., VII, 22); Otto Frisingens. Hist. Friderici (T. I).

Страхъ, который наводили Мадьяры на Европейцевъ своими неожиданными, опустошительными набѣгами и своею дикою жестокостью, соединился постоянно съ чувствомъ отвращенія, возбуждаемымъ ихъ безобразною и отталкивающею наружностью. Эти малорослые, невзрачные всадники съ уродливыми и смуглыми восточными лицами, небольшими и глубоко впалыми глазами, съ бритыми головами, украшенными тремя косичками, въ одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, съ ихъ варварскою, неблагозвучною рѣчью должны были дѣйствительно поражать и наводить ужасъ своимъ звѣроподобнымъ видомъ. Они производили истинную панику среди незнакомыхъ съ ними европейскихъ войскъ, когда они съ дикимъ боевымъ крикомъ мчались на своихъ быстрыхъ коняхъ, крытыхъ поповами изъ шкуръ, готовые поразить врага своими навѣрняка попадавшими стрѣлами. Образъ жизни и нравы Мадьяръ, сколько они становятся намъ извѣстны изъ дошедшихъ свидѣтельствъ, ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ быта и нравовъ другихъ восточныхъ кочевниковъ. Съ своими большими стадами лошадей и другого скота, въ которыхъ заключалось все ихъ богатство, они перекочевывали съ мѣста на мѣсто, вѣчно верхомъ, тогда какъ семьи ихъ слѣдовали за ними въ кибиткахъ, прикрывавшихся отъ ненастья звѣриными шкурами. Обычными занятіями и вмѣстѣ средствомъ къ существованію у нихъ были скотоводство, охота и рыболовство! Пищей имъ служило полусырое мясо звѣрей, конина, рыба, молоко, наконецъ даже кровь убитыхъ животныхъ. Въ видѣ лѣкарства они, какъ свидѣтельствуется однимъ изъ лѣтописцевъ, ѣли даже сердца сраженныхъ враговъ ¹⁾. Они не умѣли выдѣлывать никакихъ тканей, и вмѣсто нихъ во всѣхъ случаяхъ употребляли кожу звѣрей ²⁾.

Ихъ общественное устройство было родовое. Вся орда дѣлилась на племена, роды и семьи. Племень было сперва семь,

¹⁾ Regino, 859 (P. SS., I, 600):.... corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant.

²⁾ Regino, ibid.

потомъ, по присоединеніи *Кабаровъ*,—восемь. Константипъ Багряпородный сообщаетъ намъ ихъ названія, повидимому принадлежавшія собственно ихъ вождямъ. За достовѣрность ихъ мы, разумѣется, поручиться не можемъ ¹⁾. Каждое племя имѣло своего вождя, а одинъ изъ племенныхъ вождей былъ главою всего народа. Однако у нихъ не было ни неограниченнаго единодержавія (какое мы привыкли встрѣчать у азіатскихъ народовъ турк.-монг. происх.), ни самовласти отдѣльныхъ племенныхъ вождей, т. е. полной самостоятельности племенъ. Ихъ внутреннее политическое устройство имѣло скорѣе федеративный характеръ, причемъ глава народа былъ общимъ вождемъ-полководцемъ, но никакъ не самодержавнымъ правителемъ. Такое устройство характеризуется слѣдующимъ свидѣтельствомъ Константина Багряпороднаго: «Восемь колѣнъ мадыарскихъ не повинуются своимъ дошашнимъ князьямъ, но живя по своимъ рѣкамъ, состоятъ во взаимномъ соглашеніи, какъ скоро одна часть подверглась нападенію, сражаться сообща еднородно и усердно» ²⁾. Въ пользу того же говорить то обстоятельство, что византійскіе императоры адресовали свои буллы на имя *вождей* Угровъ, а не одного главнаго народнаго вождя (*πρὸς τοὺς ἄρχοντας τῶν Τούρκων*—De Cerimon. A. V. II, 48, p. 691). Общимъ народнымъ вождемъ во время переселенія былъ *Арпадъ*, родоначальникъ первой династіи угорскихъ королей. Главный вождь дѣлалъ однако свою власть не только съ вождями отдѣльныхъ племенъ, но и съ двумя поставленными рядомъ съ нимъ сановниками-судьями: *иласомъ* и *карханомъ*, какъ ихъ называетъ Константинъ Багряпородный ³⁾, прибавляя, что

¹⁾ Const. Porph. De A. I., c. 40, p. 172: Πρώτη... τῶν Κεβάρων γενεά, δεύτερη τοῦ Νέκη, τρίτη τοῦ Μεγέρη, τετάρτη τοῦ Κορτυγερχμάτου, πέμπτη τοῦ Ταράνου, ἕκτη Γένχη, ἑβδόμη Καρή, ὄγδοη Κισή.

²⁾ Ibid., p. 174: αἱ δὲ ὀκτὼ γενεαὶ τῶν Τούρκων αὐταὶ πρὸς τοὺς οἰκίους ἄρχοντας οὐχ ὑπακούουσιν, ἀλλ' ὁμόνοιαν ἔχουσιν εἰς τοὺς ποταμούς, εἰς ὅταν μέρος προβάλλει πόλεμος, συναγωνίζονται μετὰ πίσεως φροντίδος τε καὶ σπουδῆς.

³⁾ Ibid., c. 40, p. 174: ἔχουσι δὲ κεφαλὴν πρώτην τὸν ἄρχοντα ἀπὸ τῆς γενεᾶς τοῦ Αρπαδῆ κατὰ ἀκολουθίαν, καὶ δύο ἑτέρους, τὸν τε γυλᾶν καὶ τὸν καρχᾶν, οἵτινες ἔχουσι τῆξιν κριτοῦ· ἔχει δὲ ἐλάχιστη γενεὴ ἄρχοντα.—Ἰστέον ὅτι ὁ γυλᾶς καὶ ὁ

это не собственные имена, а названія должностей. Всего болѣе историкъ (и прежде всего императоръ Левъ) распространяются о способѣ веденія войны Мадырами, о ихъ военныхъ приемахъ и тактикѣ. Естественно, это всего болѣе занимало Европейцевъ, съ этими они были всего лучше знакомы. Императоръ Левъ Мудрый въ своей «Тактикѣ» оставилъ самый подробный рассказъ объ этомъ предметѣ. Предпринимая военный походъ, Угры оставляли отрядъ для охраны своихъ семействъ и стадъ, а впередъ посылали развѣдчиковъ и шпионовъ, которые должны были провѣсти развѣдки и собрать извѣстія о непріятелѣ, его численности, позиціи и т. д. Во время стоянокъ они окружали себя сторожевыми постами; вообще они дѣйствовали очень осторожно и предусмотрительно. При нападеніи на непріятеля, они слѣдовали своей особенной тактикѣ: никогда не нападали всей своей массой, сомкнутыми рядами, и не вступали безъ надобности въ рукопашный бой. Подойдя на извѣстное разстояніе къ врагу, вооруженные мечомъ, копьемъ и главное—лукомъ, въ стрѣльбѣ изъ котораго они были замѣчательные мастера, они осыпали тучей стрѣлъ непріятельское войско и всячески старались провѣсти въ немъ смятеніе и беспорядокъ. Достигнувъ этого, они на своихъ невзрачныхъ, но быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ стремительно налетали на него, разъединяли, разсѣвали и приводили въ беспорядочное бѣгство. Когда первое не удавалось сразу, то они прибѣгали къ хитрости: прикидывались побѣжденными, обращались въ мнимое бѣгство и, нарушивъ такимъ образомъ порядокъ непріятеля, бросавшагося какъ попало преслѣдовать ихъ, неожиданно обращались къ нему фронтомъ и въ свою очередь принуждали его искать спасенія въ бѣгствѣ. Войско ихъ было раздѣлено на отдѣльные небольшіе отряды, вслѣдствіе чего пріобрѣтало большую подвижность. Чтобы обезпечить за собой побѣду, они всегда оставляли резервъ, который ждалъ результата сраженія въ засадѣ,

καρχῆν οὐκ εἰς τὸ ἐνέματα κέρει ἀλλὰ ἀφ' ὀφθαλμοῦ. Гиласъ былъ старше Кархана: γυλιε, ὃ ἐστὶ μεῖζον τοῦ καρχῆ. Ibid.

и въ случаѣ его неблагопріятнаго исхода въ критическую минуту неожиданно вступалъ въ бой и одерживалъ побѣду. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось до послѣдней крайности — чтобы не дать уйти по возможности ни одному человѣку. Пощады не было никому. Мадыяры убивали не изъ одной жажды крови, но также изъ болѣе отвлеченнаго побужденія: у нихъ существовало повѣрье, что пораженные ихъ мечомъ будутъ въ загробной жизни ихъ рабами. Военно-плѣнныхъ у нихъ бывало не много, и они кажется не держали ихъ у себя, а продавали въ сосѣднія земли. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ извѣстіе, что они такъ дѣлали со Славянами во время своихъ кочевокъ въ южныхъ степяхъ Россіи¹⁾. Вести правильную осаду укрѣпленныхъ мѣстъ они вовсе не умѣли, а брали городъ или какую-нибудь хитростью или, перерѣзавъ ему всѣ пути сообщенія, голодомъ принуждали жителей къ сдачѣ. Черезъ рѣки они переправлялись по восточному способу, на большихъ звѣршнихъ кожахъ, набитыхъ сѣномъ²⁾. Стрѣльба изъ лука, въ которой они упражнялись съ дѣтства, была ихъ главнымъ, почти исключительнымъ орудіемъ при нападеніи. Мечъ и коньё имъ служили только въ крайнихъ случаяхъ, преимущественно какъ орудіе защиты. Какъ и кони ихъ, они обладали замѣчательною выносливостью: они равно легко переносили холодъ, жару, всевозможныя лишенія и трудности. На полѣ сраженія соблюдалась строгая дисциплина, и всякое уклоненіе отъ нея наказывалось. По отношенію къ робкямъ также употреблялась сила. Производя набѣги на непріятельскую землю съ цѣлью грабежа, Мадыяры выказывали неимовѣрную жестокость и дикость. Мужское населеніе, способное къ сопротивленію, беспощадно истребляли, молодыхъ женщинъ и дѣтей забирали съ собой вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ, а все остальное предавали разоренію и пламени. Отличительною чертою ихъ дѣйствій на

¹⁾ См. выше, въ предыдущей главѣ, стр. 221—222.

²⁾ Johann. Chron. Venet. (SS. II. p. 22): ad Venecias introgressi cum equis atque pellicis navibus.

войнѣ была хитрость; считая все позволительнымъ для достиженія своихъ цѣлей, они бывали часто и коварны: не задумывались нарушать и клятву.

Таковъ былъ врагъ, съ которымъ пришлось познакомиться не одной восточной, но и западной Европѣ въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ сходства Угровъ съ тѣми грозными ордами кочевниковъ, которыя до нихъ причиняли Европѣ неисчислимыя бѣдствія, западные лѣтописцы то связываютъ, то смѣшиваютъ новыхъ пришельцевъ съ старыми знакомыми, приписывая къ нимъ имена Гунновъ, Аваровъ и даже Сарагнѣ (Agarini, ann. Sangall., можетъ быть, просто вслѣдствіе опечатки). Послѣдніе впрочемъ, какъ тогдашній бычъ южныхъ и западныхъ окраинъ Европы, должны были быть ей хорошо извѣстны, и уподоблять имъ Мадьяръ можно было развѣ только по отношенію къ жестокости. Въ остальномъ ни Арабы, ни Норманны, эта третья язва той эпохи, не имѣли ничего общаго съ хищнымъ отродьемъ восточныхъ равнинъ, какимъ представлялся Угры. Военные обычая и приемы послѣднихъ были во всякомъ случаѣ явленіемъ новымъ для людей конца IX вѣка, имѣвшихъ о нихъ понятіе только по преданіямъ и по лѣтописнымъ рассказамъ, завѣщаннымъ имъ прошлыми вѣками; ничего подобнаго имъ самимъ на своемъ вѣку не приводилось видѣть и испытать¹⁾. Отсюда тотъ недолимый страхъ, который дѣлалъ ихъ, обладавшихъ организованными и хорошо вооруженными войсками, совершенно безпомощными и безсильными передъ сравнительно небольшими шайками Мадьяръ и давалъ возможность этимъ послѣднимъ десятки лѣтъ безнаказанно опустошать цвѣтущіе края Германіи, Франціи и Италіи.

Подъ впечатлѣніемъ всехъ бѣдствій, нанесенныхъ вторженіями Угровъ, населеніе западной Европы (какъ это обыкновенно

¹⁾ Имъ. Левъ Мудрый (Leop. Tactica, с. 18, р. 288) находитъ, что къ Мадьярамъ нѣсколько приближались только Болгаре своими военными приѣздами (срв. Dammeler, Gesch. II, S. 447).

бываетъ) искало лично кому-нибудь приписать вину мадьярскаго погрома, и вотъ такимъ ближайшимъ виновникомъ несчастія единогласно признали имп. Арнульфа, съ именемъ котораго дѣйстви- тельно связано первое появленіе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ въ 892 г. Арнульфа обвиняли въ томъ, что онъ, напавъ мадьяр- скій отрядъ для собственной военной цѣли, открылъ такимъ обра- зомъ путь и выпустилъ цѣлую восточную орду на Европу. Запад- ные лѣтописцы, а именно Лудипрандъ, Видукинъ, Сан-Гальскіе анналы, прямо высказываются въ этомъ смыслѣ. Въ ихъ пред- ставленіи Мадьяры до тѣхъ поръ были заперты и ограждены громадными валами и укрѣпленіями и такимъ образомъ лишены возможности вредить, а теперь Арнульфъ такъ сказать открылъ имъ ворота въ Европу¹⁾. Представленіе это образовалось вслѣд- ствіе неясности понятія, откуда и какъ пришли Угры, и смѣшенія ихъ то съ Аварами, которыхъ будто-бы Карлъ Великій заперъ за Дунаемъ, то съ другими полчищами восточныхъ варваровъ, относительно которыхъ существовали смутныя сказанія, подоб- ныя тому напримѣръ, какъ Александръ Македонскій заперъ за воротами Каспія сѣверныхъ дикарей и проч.²⁾ Въ противопо-

¹⁾ *Liudprandi Antapodos.*, L. I, 6: *Ungariorum gens, cujus omnes poene nationes experte sunt sevitiam. . . . nobis omnibus tunc temporis habebatur ignota. Quibusdam namque difficillimis separata a nobis erat interpositionibus, quas clusas nominat vulgus, ut neque ad meridianam neque ad occidentalem plagam exeundi habuerit facultatem. Ibid*, 13: *Arnulfus interea. . . ., depulsis his, pro dolor, munitissimis interpositionibus, quas vulgo clusas nominari prediximus, Hungariorum gentem cupidam, audacem, omnipotentis dei ignaram, scelerum omnium non insciam, caedis et rapinarum solummodo avidam, in auxilium convocat; si tamen auxilium dici potest, quod paulo post, eo moriente, cum genti suae, tum caeteris in meridie occasuque degentibus nationibus, grave periculum, immo exitium fuit. Quid igitur? Centebaldus vincitur, subjugatur, fit tributarius; sed non solus. O caecam regnandi Arnulfi regis cupiditatem! o infelicem amarumque diem! Unius homuntii deiectio fit totius Europae contritio etc.*—*Widukind (Res gestae Saxon. I; c. 18—19)*, смѣшная Угровъ съ Аварами, рассказываетъ, какъ Карлъ Великій отгородилъ послѣднихъ валомъ по ту сторону Дуная и какъ «*impetrante autem Arnulfo destructum est opus et via eis nocendi patefacta*». Въ *Ann. Sangall. Maj.* 892 г. читаемъ: *Arnolfus contra Maravenses pergebat et Agarenos (разум. Угры), ubi reclusi erant, dimisit. Наконецъ еще въ Ann. Ratispon. 894 (SS. XVII, 582): Arnolfus Ungarios eduxit.*

²⁾ Срв. *Budinger, Oesterr. Gesch. S. 204.*

ложность этому—нѣмецкіе историкки въ своемъ стараніи обѣлгать и очистить Арнульфа отъ позорнаго пятна, будто-бы омрачающаго его память, дошли даже до того, что хотѣли отрпцать всякую связь между предпріятіемъ Арнульфа противъ Моравіи и одновременнымъ набѣгомъ на нее Мадьяръ, предполагая, что послѣдніе сами воспользовались благоприятнымъ случаемъ для опустошительныхъ набѣговъ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что для такого предположенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ виду яснаго свидѣтельства современниковъ, мы нисколько не сомнѣваемся, что Арнульфъ подговорилъ Мадьяръ къ вторженію въ Моравію. Однако совершенно иной вопросъ для насъ: что изъ этого слѣдуетъ? можно ли на основаніи этого факта считать Арнульфа виновникомъ мадьярскаго погрома и происшедшихъ отъ него европейскихъ бѣдствій? Неужели не призвали Арнульфа Мадьяръ противъ Мораванъ, они не переселились бы въ равнину Дуная и вся Европа была бы навѣки избавлена отъ ихъ разрушительныхъ набѣговъ? Очевидно подобныя обвиненія совершенно несправедливы и наивны: они объясняются возбужденнымъ настроеніемъ переживавшаго ту тяжелую эпоху общества и человѣческой склонностью искать всегда виновника въ своихъ страданіяхъ, даже и тогда, когда эти послѣднія очевидно были ничѣмъ не предотвратимы. Ни Арнульфъ, ни какал-либо другая государственная или военная сила конечно не могли помѣшать Мадьярамъ вторгнуться въ тиссо-дунайскую равнину и затѣмъ громить оттуда сосѣднія страны. Это переселеніе было обусловлено ходомъ событій на нижнемъ Дунаѣ, сложившихся такъ несчастливо (или пожалуй вѣрнѣе—счастливо) для Мадьяръ, что они принуждены были искать себѣ новыхъ жилищъ. Если ужъ кто-нибудь виноватъ въ бѣдствіяхъ Европы, такъ это скорѣе Болгары и Печенѣги, общими силами нанесшіе ударъ Мадьярамъ въ «Ателькузу», а особенно Печенѣги, постоянно шедшіе по ихъ шатамъ и тѣснявшіе ихъ съ востока. Но не въ

¹⁾ Dammier, *Sudost. Mark.*, S. 54. Въ своей *Gesch. d. Ostfr. Reich.* (II B.) онъ высказывается уже менѣе рѣшительно въ пользу такого предположенія.

этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, Мадыры были вынуждены по-двинуться далѣе на западъ. Въ чемъ же тутъ виновенъ Арнульфъ? Столько же несправедливо было бы ставить ему въ вину и то, что онъ показалъ имъ дорогу на средній Дунай, въ Паннонію и Моравію, а слѣдовательно и далѣе на западъ. И безъ него Мадыры безъ труда нашли бы эту дорогу. Дунай имъ указывалъ ее. Разъ они уже прошли, вынужденные необходимостью, мимо такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» горными долинами между Банатомъ и Сербіей (а другой дороги имъ не было)—направленіе ихъ дальнѣйшаго пути сразу опредѣлилось: они не могли идти иначе какъ по Дунаю и по Тиссѣ, не могли избрать себѣ иныхъ жвлящъ, какъ широкую степную равнину по Тиссѣ и между этой рѣкой и Дунаемъ. Съ этого момента опредѣлился и путь ихъ послѣдующихъ военныхъ предпріятій, ихъ набѣговъ на привлекательный и богатый западъ.

Но если Арнульфъ неповиненъ въ поселеніи Мадыръ въ ихъ настоящей роднѣ и въ тяжелыхъ для всей Европы послѣдствіяхъ этого поселенія, то изъ этого конечно еще отнюдь не слѣдуетъ, что его образъ дѣйствій не имѣлъ никакого значенія въ исторіи столкновенія Европы съ мадырскою ордою. Несомнѣнно отъ его политики и дѣятельности зависѣли отчасти и успѣхи Мадыръ на первыхъ порахъ по ихъ вторженіи, и тотъ крайне несчастный оборотъ, который приняли дальнѣйшія отношенія ихъ къ народамъ запада. Въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ доля отвѣтственности передъ потомствомъ.

Арнульфъ оказался недостаточно дальновиденъ. Можетъ быть причина тому—отчасти чрезмѣрное ослѣпленіе враждою къ ставшему ему поперекъ дороги Моравскому союзу, сломить который было его завѣтною цѣлью, отчасти увлеченіе политикою по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ, и собственными властолюбивыми замыслами. Было бы конечно неосновательно думать, что Арнульфъ вовсе не сознавалъ опасности, угрожавшей и его державѣ со стороны новыхъ непрошенныхъ гостей. Слухъ о ихъ силѣ и воинственномъ характерѣ уже успѣлъ проникнуть на за-

падъ послѣ ихъ первыхъ успѣховъ въ Болгаріи, и, какъ мы видѣли, очень можетъ быть, что объ этой опасности уже была рѣчь въ 890 г. на извѣстномъ съѣздѣ Арнульфа и Святополка въ *Омунтсбертъ*. Но не будучи еще вовсе знакомъ съ Мадырями, Арнульфъ не могъ оцѣнить настоящей опасности и слишкомъ надѣлся на свои силы.

Когда около 892 г. произошелъ у него окончательный разрывъ съ Святополкомъ, у него явилась мысль употребить новую неожиданно явившуюся силу противъ стараго ненавистнаго врага: онъ рассчитывалъ, что такимъ образомъ можетъ быть отвратить отъ себя тотъ ударъ, который Угры могли нанести и ему въ случаѣ своего движенія на западъ. Можетъ быть онъ надѣлся, что Угры, эта безпорядочная толпа первобытно-вооруженныхъ кочевниковъ, увидѣвъ его организованное и сильное войско и въ добавокъ будучи подкуплены его подарками за оказанную помощь, не захотятъ, да и не посмѣютъ вступить съ нимъ въ состязаніе.

Вѣроятно шайки Мадырь около того времени уже бродили вдоль по Дунаю, и вотъ онъ черезъ нихъ пригласилъ себѣ на помощь этихъ хищниковъ, а по окончаніи похода отпустилъ ихъ. Вскорѣ затѣмъ разнесся слухъ о страшной бѣдѣ, постигшей Мадырь со стороны Болгаръ и Печенѣговъ. Настоящихъ послѣдствій этого событія Арнульфъ и его современники конечно не могли предвидѣть. Напротивъ, это извѣстіе должно было имѣть успокоительное дѣйствіе. Слава, добытая ихъ прежними успѣхами, нѣсколько померкла, а съ тѣмъ вмѣстѣ улеглись и опасенія, которыя уже были возбуждены ими и начинали смущать умы на западѣ. Такому настроенію способствовало и то, что вскорѣ затѣмъ мало по малу слухи о нихъ замолкли и въ теченіи довольно продолжительнаго времени (около 2-хъ лѣтъ) не было никакихъ особенно тревожныхъ извѣстій. Перекочевка Мадырь въ тесскія степи совершилась тихо и, повидному, не возбудила серьезныхъ опасеній. Арнульфъ пересталъ беспокоиться и послѣ довольно неудачныхъ походовъ въ Моравію занялся вну-

тренными дѣлами и особенно интересовавшими его политическими отношеніями на западѣ.

Изъ событій 893 года, кромѣ поступленія Викинга канцлеромъ къ Арнульфу и затѣмъ второго неудачнаго похода въ Моравію, чуть не кончившагося гибельно для самого Арнульфа¹⁾, слѣдуетъ отмѣтить еще несчастную участь, постигшую въ началѣ этого года потомковъ извѣстныхъ графовъ Вильгельма Энгильскалька, и рожденіе у Арнульфа сына *Людвика*, по прозванію *Дитяти*. Молодой графъ *Энгильскалькъ*, женатый на побочной дочери Арнульфа (которую онъ похитилъ) и управлявшій частью Восточной марки, былъ за свое самоуправство ослѣпленъ по приговору баварскихъ саповниковъ. Его близкій родственникъ, *Вильгельмъ*, уstraшенный такой расправой, вошелъ въ сношенія съ Моравскимъ княземъ. Улученный въ этомъ, онъ былъ казненъ за пзмѣну. Наконецъ братъ послѣдняго *Рудпертъ* (графъ Карнитійскій), искавшій также убѣжища въ Моравіи, былъ коварнымъ образомъ со всей своей свитой умерщвленъ — по приказанію Святополка²⁾. Земли этихъ графовъ были отданы монастырю Кремсмонстерскому. Вся эта исторія довольно темна и возбуждаетъ не мало недоумѣній. Связанъ ли съ участіемъ Рудперта походъ Арнульфа въ Моравію глѣтомъ того же 893 года, какъ полагаютъ нѣкоторые, еще вопросъ³⁾.

¹⁾ Святополкъ приготовилъ засаду нѣмецкому войску, въ которую оно и попало. Арнульфъ едва спасся. Ann. Fuld. 893:.... propter insidias positas magna cum difficultate itineris in Baloaria.... reversus est. Онъ приписалъ спасеніе свое заступничеству святого Эммерама и одарилъ всѣ баварскіе монастыри и особенно монастырь св. Эммерама. См. Dümmler, Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 361, 362.

²⁾ Ann. Fuld. 893; Ann. Alamann. 893.

³⁾ Dudík, M. G., I. B., S. 302—305; Dümmler, Gesch., ibid.

2.

Событія съ 894 года до смерти Арнульфа (899). Моравія по смерти Святополка: междоусобія и вмѣшательство Нѣмцевъ.

Наступилъ 894-й годъ. Арнульфъ былъ особенно занятъ въ то время итальянскими дѣлами. Мечтая о возстановленіи Римской имперіи, онъ поставилъ себѣ ближайшею цѣлью распространить свое господство на Италію, гдѣ въ то время соперничали за императорскую корону двое итальянскихъ герцоговъ: *Беренгаръ* (Бернгардъ) Фриульскій и *Гвидонъ* Сполетскій. По убѣдительной просьбѣ папы Формоза прійти на выручку Италіи и взять ее подъ свое покровительство, Арнульфъ рѣшилъ вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Еще въ 893 году онъ посылалъ туда своего сына (Цвентибальда), а въ началѣ 894 самъ отправился въ походъ черезъ Альпы съ азаманскимъ войскомъ, поручивъ баварскимъ силамъ защиту восточныхъ границъ своей державы. Этотъ походъ, начатый довольно удачно, ничѣмъ однако не кончился, такъ какъ военныя силы Арнульфа были слишкомъ ограничены. Не достигнувъ никакихъ существенныхъ результатовъ, онъ принужденъ былъ вернуться. Вслѣдъ затѣмъ онъ присутствовалъ на сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ обсуждался дѣла Западно-Франкскаго государства, а отсюда лѣтомъ 894 г. вернулся въ Регенсбургъ¹⁾. Здѣсь его ожидало извѣстіе объ очень счастливомъ для него обстоятельстве: около этого времени умеръ его ненавистный противникъ Святополкъ, князь Моравскій, передавъ управленіе княжествомъ своимъ сыновьямъ²⁾. Нечего и говорить, какую общую радость среди Нѣмцевъ вызвала эта смерть. Святополкъ—это хорошо понимали на западѣ—уносилъ съ собою въ могилу могущество и политическое единство Моравіи, имъ однимъ державшееся. Враги ея чувствовали, что въ соперничествѣ сыновей Святополка лежатъ источникъ всевозможныхъ бѣдствій для ихъ родны, а за-

¹⁾ Dammeler, Gesch. II, S. 372—388.

²⁾ Ann. Fuld. 894; Regino, 894 etc.

тѣмъ постепеннаго разложенія и гибели славянскаго союза—и зло-радствовали. Между тѣмъ, еще лѣтомъ 894 г. Угры, успѣвшіе уже тѣмъ временемъ перескочевать въ равнину Тиссы, предприняли (можетъ быть получивъ извѣстіе о смерти Святлополка) опустошитель-ный набѣгъ за Дунай въ Паннонію и, какъ кажется, именно въ Моравскія владѣнія. Это вѣроятно побудило сыновей Святлополка осенью того же года заключить миръ съ Арнульфомъ¹⁾, который въ свою очередь охотно принялъ его, отчасти можетъ быть изъ опасенія, чтобы въ случаѣ отказа Мораване не вздумали призвать къ себѣ на помощь Угровъ, отчасти и изъ другихъ побужденій, связанныхъ съ его планами на западѣ. Приблизительно въ то же время Арнульфъ принималъ посла императора Льва Мудраго, *Анастасія* и, по словамъ лѣтописца, въ тотъ же день отпустилъ его²⁾.

Къ зимѣ съ 894 и 895 г. относится возвышеніе *Люитпольда*, родственника Арнульфа, который уже до того управлялъ Карантаніей и, кажется, также частью Восточной марки (другая часть была подъ управленіемъ *Арибо*). Ему были отданы владѣнія обвиненнаго въ заговорѣ графа *Эмилдэо*, во власти котораго были Чешская марка и два графства (такъ назыв. *Nordgau* и на Дунаѣ *Sulzgau*)³⁾. Такимъ образомъ Люитпольдъ приобрѣлъ обширную территорію и вмѣстѣ съ тѣмъ огромную власть и вліяніе. На немъ съ этой поры очевидно лежала обязанность защищать границы Германіи со стороны Чехіи, Моравіи и Панноніи. Въ Восточной маркѣ его помощникомъ былъ *Арибо*. Пробывъ нѣкоторое время въ западныхъ предѣлахъ государства, Арнульфъ лѣтомъ 895 г. вернулся въ Баварію и здѣсь принималъ пословъ *Бодричей* и *Чеховъ*, пришедшихъ заявить добровольное подчиненіе своихъ племенъ власти нѣмецкаго короля и дать обѣщаніе въ вѣрности. Этимъ началось отпаденіе отдѣльныхъ частей Моравскаго союза, и Арнульфъ долженъ былъ конечно ра-

¹⁾ Ann. Fuld. 894:....paз tempore auctumni inter Baiuarios et Moravos comracta est.

²⁾ Ibid.

³⁾ Dämmler, Gesch. II, S. 393.

доваться такимъ благопріятнымъ признакамъ. Онъ не могъ пока желать лучшихъ отношеній къ сосѣднимъ славянскимъ народностямъ, чѣмъ какія существовали въ тотъ моментъ, къ концу 895 г., и успокоенный съ этой стороны, онъ опять обратилъ свои взоры на Италію. Здѣсь обстоятельства также благопріятствовали его планамъ. На мѣстѣ умершаго въ 894 г. имп. Гвидона сидѣлъ неопытный юноша *Ламбертъ*; папа же Формозъ по прежнему возлагалъ свои надежды на Арнульфа и снова снарядилъ къ нему посольство съ просьбою прибыть въ Римъ, взявъ подъ покровительство Италію и вступить за папскіе интересы. Арнульфъ рѣшился послѣдовать приглашенію и, поручивъ восточныя марки Люйтпольду, еще осенью 895 г. вторично перешелъ черезъ Альпы. На этотъ разъ съ болѣе многочисленнымъ войскомъ Франковъ и Швабовъ предпріятіе ему удалось, хотя ему и пришлось преодолевать значительныя трудности въ сѣверной Италіи. Въ февралѣ 896 года онъ достигъ Рима и долженъ былъ взять его приступомъ, такъ какъ городъ оказался запертымъ и обороняемымъ по распоряженію императрицы *Агелтруды*, вдовы Гвидона. Въ апрѣлѣ 896 г. папа Формозъ короновалъ Арнульфа императорскою короною, что было завѣтнымъ желаніемъ послѣдняго. Однако главный результатъ—полное торжество надъ врагомъ — еще не былъ достигнутъ. Арнульфъ уже предпринялъ походъ на гор. Сполето, когда внезапно почувствовалъ себя настолько больнымъ, что принужденъ былъ немедленно пуститься въ обратный путь въ Баварію ¹⁾).

Такимъ образомъ главные успѣхи Арнульфа оказались напрасными и были скоро потеряны, ибо Ламбертъ, по его удаленіи, восстановилъ свою власть и подѣлился Италіей съ Беренгаромъ, который снова предъявилъ свои права. Между тѣмъ силы Арнульфа, этого до тѣхъ поръ мощнаго и энергическаго человѣка, были окон-

¹⁾ Говорили, будто по внушенію его врага, Агелтруды, онъ былъ отравленъ медленными ядомъ, который причинилъ ему продолжительную боль и наконецъ спелъ его въ могилу. Подробное изложеніе этого похода и сопровождавшихъ его обстоятельствъ см. у Dammler'a, *ibid*, S. 412—422.

чательно подкошены. Болѣзнь лишила его возможности продолжать свою неутомимую дѣятельность и осуществлять широко задуманные планы. Онъ ослабѣлъ и физически, и нравственно — именно въ тотъ моментъ, когда ему болѣе чѣмъ когда-либо надо было быть дѣятельнымъ и предприимчивымъ, въ виду собравшихся тучъ на востокъ.

Что же происходило между тѣмъ въ Моравіи?

Выше, въ очеркѣ ей посвященномъ (стр. 97—148), мы охарактеризовали положеніе этого княжества въ послѣдніе годы жизни Святополка. Несмотря на расширеніе владѣній послѣднего, славянскій политическій союзъ не представлялъ ничего прочнаго и не заключалъ въ себѣ задатковъ самостоятельнаго политическаго развитія. Съ разрушеніемъ великаго дѣла славянскихъ апостоловъ, онъ лишился той внутренней основы и опоры, при которой только и возможно было возникновеніе самостоятельной національной культуры и вообще развитіе народныхъ силъ, способное дать надлежащій отпоръ чужеземному вліянію, отстоять политическую независимость родины и привлечь къ общему союзу соплеменныхъ сосѣдей. Усиленіе Моравіи при Святополкѣ имѣло характеръ случайный и искусственный, обуславливалось временными отношеніями и сдѣлками съ Восточно-Франкской державой, страдавшей также отсутствіемъ внутренняго единенія и нуждавшейся часто во внѣшнемъ содѣйствіи, и не имѣло подъ собой никакой твердой почвы. При первомъ дружномъ натискѣ несравненно сильнѣйшаго врага это эфемерное зданіе должно было рушиться, подвергнувъ свои составныя части печальной участи быть задавленными беспощадною рукою чуждой власти и чуждой національности. Святополкъ самъ, какъ видно изъ его отношеній къ Месодию и подчасъ изъ его политики, былъ далекъ отъ пониманія истинныхъ благъ и нуждъ своей родины, и нерѣдко бессознательно помогалъ врагамъ своимъ, умѣвшимъ прикидываться передъ нимъ искренними друзьями. Давно уже при дворѣ Моравскихъ князей гнѣздилась нѣмецкая партія, но никогда она не была такъ сильна, какъ при Святополкѣ. Она сумѣла воспользо-

ваться личными слабостями послѣдняго, чтобы пріобрѣсть сильное вліяніе на его образъ мыслей и дѣятельность. Главою этой партіи былъ, какъ извѣстно, *Викингъ*, ставшій послѣ смерти Методія и изгнанія его учениковъ—архіепископомъ Паннонскимъ и Моравскимъ. Послѣ разрыва и войны 892 г. Святополкъ, какъ кажется, понялъ свои прежнія ошибки, сталъ остерегаться Нѣмцевъ у себя дома и лишилъ ихъ своего довѣрія. Этимъ слѣдуетъ объяснить внезапное оставленіе Викингѣмъ своего поста въ Моравіи въ 893 г. и поступленіе канцлеромъ къ Арнульфу. Нельзя однако думать, что, оставивъ свою пастырскую дѣятельность въ Моравскомъ княжествѣ, Викингъ прервалъ всякія сношенія со своими тамошними друзьями и сообщниками. Его цѣли и задачи не измѣнились, а слѣдовательно не прекратилась конечно и та скрытая дѣятельность, которая вела его къ этимъ цѣлямъ. Провски и интриги его продолжались по прежнему: онъ перемѣнилъ только свое положеніе и мѣсто, такъ какъ пребываніе при Святополкѣ, послѣ потери личнаго къ нему довѣрія послѣдняго, стало для него менѣе удобнымъ, между тѣмъ какъ постъ канцлера при Арнульфѣ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Святополку не суждено было однако продолжать предпринятую борьбу съ Нѣмцами. Онъ умеръ въ 894 г., и съ его смертію начало для Моравіи послѣднее условіе нѣкоторой политической силы и самостоятельности, т. е. единство власти, личная энергія и предприимчивость ея представителя. Съ 894 года наступаетъ для нея періодъ явнаго паденія и разрушенія. Періодъ этотъ въ общемъ характеризуется тѣми же самыми явленіями внѣшней политической и внутренней жизни, какими отличается и вся исторія образованія и возвышенія Моравскаго союза, только съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ не было уже тогда внутреннихъ условій для успѣшности борьбы за существованіе, а между тѣмъ къ прежнимъ врагамъ прибавился еще новый—хитрый и сильный. Явленія эти были съ одной стороны—вышпательство во внутреннихъ дѣлахъ и междоусобія враговъ и податливость на всевозможныя сдѣлки въ явный ущербъ своимъ интересамъ,

съ другой — рознь и междоусобія у себя дома, которыя проявились теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо и представляли врагамъ удобный случай интриговать и строить козни. Правда, и въ этомъ періодѣ слѣдуетъ отмѣтить одну дѣйствительно патріотическую попытку со стороны Моравскаго князя снова создать благоприятную почву для борьбы съ чужеземнымъ вліяніемъ и для защиты національныхъ интересовъ. Мы разумѣемъ обращеніе князя Моймира къ папѣ съ просьбой взять на себя церковную организацію страны—помимо нѣмецкаго духовенства, и дѣйствительное исполненіе этой просьбы папой *Іоанномъ IX*. Однако эта попытка осталась безъ результатовъ по той простой причинѣ, что явилась слишкомъ поздно, когда уже ничто не могло болѣе воскресить Моравіи, сперва окончательно потрясенной отпаденіемъ естественныхъ союзниковъ (Чеховъ и другихъ Славянъ) и послѣдними враждебными предпріятіями западнаго сосѣда, а подъ конецъ смятой натискомъ хищныхъ Угровъ съ востока.

Послѣ Святополка осталось, по одному извѣстію, три, по другимъ два сына¹⁾. Рѣшить, которое изъ этихъ двухъ различныхъ показаній вѣрнѣе, мы не имѣемъ возможности; но судя по тому, что до насъ дошли имена только двухъ сыновей, Моймира и Святополка, мы имѣемъ нѣкоторое право предположить, что если и былъ третій сынъ, то онъ, какъ вѣроятно самый младшій, былъ по смерти отца устраненъ своими братьями отъ дѣлежа наслѣдства, такъ что ему не пришлось играть политической роли и оставить по себѣ какую-либо память въ исторіи. Очень возможно, что онъ былъ еще малолѣтнимъ при смерти отца, такъ какъ и Святополкъ II названъ еще юношей въ 899 году (Ann. Fuldens.)²⁾.

¹⁾ Константинъ Багрянородный (De Adm. Imp. c. 41. p. 175—6) говоритъ о трехъ сыновьяхъ: εσχῆ δὲ ὁ αὐτὸς Σφενδοπλόκος τρεῖς υἱούς, καὶ τελευταῖων διαπέμει εἰς τρεῖς μέρη τῆν αὐτοῦ χώραν, καὶ τοῖς τρισὶν υἱοῖς αὐτοῦ ἀνὰ μίαν μερίδα κατέλιπε, τὸν πρῶτον καταλείψας ἄρχοντα μέγιστον, τοὺς δὲ ἑτέροισιν δύο τοῦ εἶναι ὑπὸ τὸν λόγον τοῦ πρῶτου υἱοῦ. Западные анналы, напр. *Фульденскіе* (898 г.) говорятъ только о *двухъ* сыновьяхъ: Моймирѣ и Святополкѣ.

²⁾ Дудикъ (Gesch. M., I, S. 319) называетъ третьяго сына *Святобоємъ* (?), но безъ достаточнаго повода (срв. Шафарикъ, II, 2 к., стр. 306). Другіе (Szalay,

Святополкъ, умирая, подѣлилъ Моравію между сыновьями, подчпнивъ однако младшихъ (или младшаго) старшему¹⁾. Это раздѣленіе было именно тѣмъ роковымъ шагомъ, который привелъ къ распаденію и къ окончательной гибели уже расшатанный Моравскій союзъ. Внутренняя смута, начавшаяся между братьями пзъ-за первенства²⁾, дала возможность врагамъ въ короткое время такъ обезсилить Моравію, что достаточно было еще одного рѣшительнаго удара, чтобы навсегда покончить съ нею³⁾. Мы видѣли, что

Gesch. d. Ung., I, S. 17) видятъ въ Zobog'ѣ (Нитр. князь, Анонима Нотарія Бѣлы 3-го сына Святополка, однако также разумѣется безъ достаточнаго основанія (Fessler-Klein, S. 59). Въ вопросѣ о семействѣ Святополка имѣетъ нѣкоторое значеніе известная *Чуендалская* Евангельская рукопись (Evangelienhandschrift zu Cividale, изд. въ Archiv der Gesellsch. f. alt. d. Gesch. II B., S. 119), гдѣ между славянскими именами встрѣчаются на 4-мъ листѣ вмѣстѣ (написаны тою же рукою) имена: «*Ssuentiepulc, Ssuentezizna, predeslaus*». Ученые (К. Ирчекъ и Рачкиѣ) согласны видѣть здѣсь историческаго Святополка Моравскаго, а во 2-мъ имени его жену, что подтверждается сохранившимся въ Зальцбургской братской книгѣ (изд. Кагапан'омъ) именемъ послѣдней въ формѣ *uu...izna=(s)uu(ent)ezizna*. См. Rački, *Rad*, XLII, 207—208. Кто такое *Предеславъ*—совершенно неизвѣстно. Не былъ-ли это можетъ быть именно тотъ изъ сыновей Святополка (малолѣтній), имя котораго до насъ не дошло инымъ путемъ?

¹⁾ Сопчъ Р., De A. I. с. 41, р. 175. Константинъ рассказываетъ о томъ, какъ Святополкъ внушалъ сыновьямъ жить согласно, и при этомъ аллегорически, посредствомъ опыта надъ связанными прутьями, представилъ слѣдствія ихъ единенія и согласія, и слѣдствія раздѣненія и несогласія. |

²⁾ Было высказано предположеніе, не совсѣмъ невѣроятное, что ссора братьевъ произошла по смерти третьяго брата, часть котораго они другъ у друга оспаривали. См. Sasinek, *Dejiny dr. nar.*, 1867, р. 178.

³⁾ У Константина, не могшаго конечно знать подробностей и всѣхъ обстоятельствъ паденія Моравіи, отмѣченъ только вообще самый фактъ разрушенія и его ближайшая причина, т.е. междоусобія сыновей Святополка. Главными дѣятелями этого разрушенія являются у него Угры, дѣйствительно довершившіе то дѣло, къ которому такъ стремились и которое подготовили Пѣнцы. Впрочемъ слѣдствія погрома *собственно для Моравіи* изображены и у К-на преувеличенно, да и гдѣ же ему было вѣрно оцѣнить эти слѣдствія. Вотъ рассказъ Константина (De A. I., 41 с., р. 176) *μετά δὲ τὴν τελευτὴν τοῦ αὐτοῦ Σφενδοπλάκου ἔτα χρεὶον ἐν ἐστῆν διατελέσαντες, ἐρίδος καὶ στάσεως ἐν αὐτοῖς ἑκπεσοῦσθε, καὶ πρὸς ἄλληλους ἐμφύλιον πόλεμον ποιήσαντες, ἐλθόντες εἰ τοῦρκοι τοῦτους παντὶ ὄντι ἐξολόθρευσαν, καὶ ἐκράτησαν τὴν αὐτῶν χώραν, εἰς ἣ καὶ ἄρτίως οἰκοῦσι καὶ οἱ ὑπολειφθέντες τοῦ λαοῦ διασκορπισθέντες προσφυγόντες εἰς τὰ παρρηκείμενα ἔθνη, εἰς τε τοὺς Βουλγάρους καὶ Τούρκους καὶ Χρωζίτους καὶ εἰς τὰ λοιπὰ ἔθνη.*

сыновья Святополка еще въ 894 г., вѣроятно подъ вліяніемъ угорскаго набѣга, поспѣшили заключить миръ съ Арнульфомъ. На слѣдующій годъ (895) Моравія понесла первую существенную потерю вслѣдствіе отпаденія Чехіи. Чешскіе князья, Спятигнѣвъ и Вратиславъ, сами явились въ Регенсбургъ къ Арнульфу съ изъявленіемъ покорности и клятвою въ вѣрности. Изъ этого факта уже видно, что Моравія, послѣ разъединенія въ ней княжеской власти, утратила свой авторитетъ у племенъ, входившихъ въ ея составъ, и не внушала имъ болѣе никакого страха. Такое безпомощное состояніе ея подтверждается тѣмъ, что сыновья Святополка дѣйствительно должны были въ концѣ концовъ помириться съ совершившимся фактомъ, хотя, какъ увидимъ далѣе, и старались потомъ отомстить Чехамъ, безпокая ихъ предѣлы. Съ тѣхъ поръ до окончательной гибели Моравіи, Чехи находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ ней и причиняли ей не мало вреда, помогая ея исконнымъ врагамъ наносить ей послѣдніе рѣшительные удары.

Въ 896 году осенью, по возвращеніи изъ второго итальянскаго похода, Арнульфъ принималъ посла отъ Византійскаго императора Льва, епископа *Лазаря*¹⁾.

Это посольство имѣетъ для насъ особенно въ одномъ отношеніи немаловажное значеніе. Извѣстію о немъ въ Фульденской лѣтописи непосредственно предшествуетъ рассказъ объ угро-болгарской войнѣ, которую лѣтописецъ относитъ къ тому же году. Исторіки, опредѣляющіе для этой войны промежутокъ между 893-имъ и 895 г., не упускаютъ при этомъ изъ виду разумѣется и показанія Фульденскихъ анналовъ, для нихъ довольно подходящаго. Однако нѣтъ сомнѣнія, что—въ виду разногласія и сбивчивости существующихъ свидѣтельствъ для опредѣленія времени этой войны — показанія западныхъ лѣтописцевъ сравнительно съ показаніями византійцевъ заслуживаютъ во всякомъ случаѣ меньшаго довѣрія, такъ какъ на далекій западъ извѣстія съ востока

¹⁾ Ann. Fuldens., a. 896.

прои́кали вообще неправильно, медленно, и притомъ большею частію случайнымъ путемъ. Съ своей стороны мы, относя угро-болгарскую войну къ 889—892 году, признаемъ этимъ самымъ ошибочность показанія Фульдѣнской лѣтописи; такое отрицаніе его получить однако еще большій вѣсъ, если удастся вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить его происхожденіе. Въ этомъ отношеніи мы и считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на вышеупомянутое извѣстіе того же источника о посольствѣ Льва Мудраго къ императору Арнульфу.

Прежде всего это посольство, равно какъ и предыдущее 894 года (въ которомъ посланъ былъ Анастасій), можетъ служить намъ нѣкоторымъ образомъ подтвержденіемъ того, что окончаніе войны Болгаръ съ Уграми относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ 895 году. Еслибы императоръ Левъ пригласилъ Угровъ въ 893 г. напасть на Болгаръ, съ которыми, какъ извѣстно, еще въ 892 г. дружественный имъ Арнульфъ заключилъ договоръ (о неввозѣ соли въ Моравію), то трудно предположить, чтобъ онъ (Византійскій императоръ) во время самой войны (въ 894 г.) и вслѣдъ за ней сталъ отправлять посольство къ нѣмецкому королю, отъ котораго не могла укрыться истинная роль Грековъ въ ней и котораго сочувствія не могли не быть на сторонѣ Болгаріи. Между тѣмъ спустя два и болѣе лѣтъ послѣ войны, какъ выходитъ по нашему исчисленію, фактъ посольства уже перестаетъ быть страннымъ¹⁾. Затѣмъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ связи второго посольства 896 года съ помѣщеннымъ подъ тѣмъ же годомъ разсказомъ Фульдѣнской лѣтописи о болгаро-угор-

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: 1-ое посольство Льва въ 894 г. было какъ-будто сухо принято Арнульфомъ: «*Misus Leonis, imperatoris Graecorum, ad regem urbe Radisbona Anastasius, cum muneribus venit: quem rex audivit, et eodem die absolvit. Ann. Fuld. a. 894;* между тѣмъ второе посольство было принято милостивѣе и одарено. Весьма вѣроятно, что въ 894 г. Арнульфъ хотѣлъ показать нѣкоторое неудовольствіе Грекамъ за ихъ образъ дѣянія относительно Болгаръ. Въ 896 г. воспоминае объ этомъ уже изгладилось.

ской распрѣ. Хронологическая ошибка послѣдней очень естественно объясняется тѣмъ, что Фульденскій лѣтописецъ впервые получилъ определенное извѣстiе о событiяхъ на нижнемъ Дунаѣ вслѣдствiе болѣе подробнаго сообщенiя о нихъ византiйскаго посла Лазаря при дворѣ Арнульфа¹⁾. Уже Дюмлеръ призналъ этотъ греческiй источникъ въ фульденскомъ извѣстiи, причемъ справедливо указалъ на то, что въ самомъ извѣстiи наводитъ на такое заключенiе²⁾. Коварство Грековъ было достаточно извѣстно на западѣ, и западный лѣтописецъ не упустилъ конечно случая упомянуть о немъ и въ своемъ разсказѣ³⁾, но передача имъ самой завязки войны и нѣкоторыхъ подробностей явно свидѣтельствуетъ о своемъ греческомъ происхожденiи и—вѣрнѣе всего—изъ устъ византiйскаго посла Лазаря. Извѣстiе начинается такъ: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами (иначе Уграми); это принимается въ дурную сторону со стороны Грековъ Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя⁴⁾»; только тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, Греки въ отомщенiе призываютъ Угровъ противъ Болгаръ и т. д. Кто другой, кромѣ византiйцевъ, могъ такъ истолковать причину угроболгарской войны? Въ этой передачѣ такъ и рисуется Грекъ,

¹⁾ Составитель послѣдней части Фульденскихъ annalovъ (882—901), по всему видно, былъ очень близокъ ко двору императора Арнульфа и черпалъ свои свѣдѣнiя непосредственно изъ придворныхъ сферъ. См. Dümmler, Gesch., II, S. 483—484. Срв. Wattenbach, Deutschl. Geschichtsquellen im Mittelalt. Berl., 1873, I, S. 173.

²⁾ По его словамъ, греческiй взглядъ виденъ въ томъ, что будто-бы кн. Михаилъ свѣтуетъ Болгарамъ: *penitentiam de inlata Christianis injuria, deini auxilium a Deo quaerendum esse praemonuit* (Подобный же взглядъ выражаетъ имп. Левъ VI въ Tactica, p. 288); см. Dümmler, de Arnulfo, Francorum rege, Berol. 1852, p. 173 и Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 450, Ann.

³⁾ Ann. Fuld. 896: . . . Quod ad ulciscendum Graeci astucia sua naves illorum contra Avaros mittunt etc.

⁴⁾ Ann. Fuld. 896 (Pertz, SS. I, p. 412): «pacem ergo Graeci cum eodem anno cum Avaris (qui dicuntur Ungari) facientes; quod eorum (con)cives Bulgari in pravum vertentes, hostili expeditione contra eos insurgunt, et omnem regionem illorum usque portam Constantinopolitanam devastando insecuntur. etc.

разсказывающій Арнульфъ о причинахъ и ходѣ этой войны и старающійся оправдать въ ней Византійскаго императора. Последній заключилъ только миръ съ Уграми, а Болгары приняли это въ дурную сторону (*in pravum vertentes*) и сами начали войну съ Греками, давъ этимъ поводъ вмѣшаться въ дѣло Угровъ. . . . Итакъ для насъ какъ нельзя болѣе ясно, какимъ образомъ извѣстіе о войнѣ угро-болгарской, бывшей отъ 889 до 892 г., могло попасть въ Фульденскую лѣтопись подъ 896 годъ.

Послѣ этого маленькаго отступленія возвращаемся къ событіямъ 896 года. Отъ греческаго посла и изъ другихъ источниковъ Арнульфъ безъ сомнѣнія уже узналъ и подробности о томъ, какъ Мадыры оставили нижній Дунай и Валахію, узналъ, что они кочуютъ теперь въ среднедунайской равнинѣ, и слѣдовательно не на шутку угрожаютъ пограничнымъ владѣніямъ Нѣмцевъ. О ихъ набѣгѣ на Моравію 894 г. Арнульфъ конечно зналъ и могъ бы даже радоваться этому, но съ Моравіей граничили его собственныя владѣнія, которыя ничѣмъ не были застрахованы отъ мадырскихъ набѣговъ. Поэтому-то Арнульфъ поручилъ охрану Нижней Панноніи князю *Брацлаву*, вѣрному своему вассалу, владѣвшему землей между Дравой и Савой¹⁾.

Это обстоятельство, т. е. порученіе именно Блатенской Панноніи (*Pannoniam cum urbe paludarum*) Брацлаву можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Въ послѣднее десятилѣтіе при жизни Святополка (884—894) Нижняя Паннонія— не знаемъ впрочемъ въ точности въ какомъ объемѣ (во всякомъ случаѣ за исключеніемъ такъ называемаго графства «*Dudleira*») — была владѣніемъ Моравскаго князя. Этимъ расширеніемъ Моравіи на югъ объясняется между прочимъ названіе «*Великой Моравіи*» (*ἡ Μεγάλη Μεραβία*), данное ей Константиномъ Багрянороднымъ, и свидѣтельство его о ея предѣлахъ. Спрашивается, понимать ли извѣ-

¹⁾ *Ann. Fuld. 896: Supra tantibus vero isdem in partibus inter se conflictibus, imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlawoni, duci suo, in id tempus commendavit.*

стіе Фульденской лѣтописи въ томъ смыслѣ, что Арнульфъ поручилъ въ 896 г. Брацлаву лишь ту часть Панноніи, которая оставалась еще за нямъ, послѣ уступки большей части Нижней Панноніи Святополку ¹⁾, или же въ томъ смыслѣ, что Брацлаву была поручена *ося* Нижняя Паннонія, изъ чего слѣдуетъ, что она послѣ смерти Моравскаго князя уже успѣла перейти въ руки Арнульфа ²⁾ (о чемъ однако нѣтъ никакого лѣтописнаго свидѣтельства)? На нашъ взглядъ едва-ли есть надобность принимать непременно одно изъ этихъ двухъ объясненій. Принимая первое изъ нихъ, коего держатся Дудикъ и Дюмлеръ, приходится предположить, что Блатенская Паннонія, которая именно была поручена Брацлаву, не входила въ предѣлы моравскихъ владѣній, что совершенно невѣроятно, ибо эта часть была нѣкогда центромъ княжества Коцела, ея дорожилъ всего болѣе Моравскій князь и безъ нея присоединеніе Нижней Панноніи къ его владѣніямъ не могло бы имѣть смысла. Съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія и надобности предполагать, что съ 894 г. произошла здѣсь перемѣна, и власть Моравскаго князя въ Нижней Панноніи смѣнилась властью Арнульфа. Дѣло объясняется, какъ намъ кажется, иначе и проще. Арнульфъ, узнавъ о кочевьяхъ мадьярской орды на среднедунайской равнинѣ, долженъ былъ позаботиться о защитѣ своихъ предѣловъ. На самомъ Дунаѣ и со стороны Моравіи достаточно охраняли границы его державы маркграфы, да и собственное его вниманіе было направлено въ эту сторону, гдѣ на первомъ планѣ стояли моравскія отношенія. Между тѣмъ со стороны Нижней Панноніи, гдѣ мѣстность, въ особенности равнина Дравы, представляла Мадырамъ самый удобный путь для совершенія ихъ набѣговъ, германскія границы были менѣ защищены и подвергались болѣе опасности. Этотъ нижне-паннонскій край на сѣ-

¹⁾ Такъ представлялъ себѣ дѣло Dudik, M. G. I, S. 261, 322; также Damsler, S.-O. M., S. 56; Badinger, S. 205.

²⁾ Такого мнѣнія держится г. Успенскій (Сл. Мор.), стр. 97.

верь отъ Дравы принадлежалъ Мораванамъ, но могъ ли въ то время Арнульфъ рассчитывать на защиту его послѣдними? Съ необходимостью предоставить его врагу онъ бы могъ, конечно, легко помириться, но съ этимъ была связана большая опасность для его собственныхъ земель, и надо было принять надежныя мѣры для огражденія себя именно съ этой стороны. Подъ бокомъ у него, въ странѣ сосѣдней съ тѣмъ краемъ, между Дравой и Савой былъ у него вѣрный вассалъ — князь Брацлавъ. Совершенно понятно, что къ нему и обратился Арнульфъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и поручилъ ему охрану отъ Мадьяръ всей Нижней Паннонии. Онъ конечно имѣлъ при этомъ въ виду, что съ распаденіемъ и разгромомъ Морави, Нижняя Паннонія должна стать его добычей, и потому смотрѣлъ уже на всю Паннонію, какъ на свое достояніе ¹⁾. Въ этомъ-то смыслѣ мы и понимаемъ извѣстіе Фульденской лѣтописи, что «*Imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlowoni, duci suo, in id tempus commendavit*». Всякое другое объясненіе едва-ли можетъ быть уместно.

Однако послѣ извѣстнаго намъ опустошенія Паннонии Угрями въ 894 году въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (до смерти Арнульфа) нѣтъ никакихъ извѣстій о мадьярскихъ набѣгахъ на западъ, въ предѣлы моравскіе и германскіе. Это не мѣшаетъ впрочемъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что и въ этотъ промежутокъ времени происходили набѣги Угровъ — какъ въ Паннонію, такъ особенно въ собственную Моравію ²⁾. Дѣйствительно трудно допустить, чтобъ за это время Мадьяры во все не переходили Дунай и не тревожили Моравію. Не было можетъ быть большихъ общихъ набѣговъ, но были вѣроятно частныя нападеныя отдѣльными небольшими шайками, далеко не

¹⁾ Въ церковномъ отношеніи и безъ того Нѣмцы по смерти Меровія смотрѣли на Паннонію, какъ на свою землю. Такъ духовенство баварское въ пресловутомъ посланіи къ папѣ Юанну IX въ 900 г. выражается о Паннони: *nostra maxima provincia. Erben, Regesta Boh. et. Mor., p. 24.*

²⁾ Dammier, Gesch. II, S. 450—451.

проникавшими, оставшіяся поэтому не занесенными въ лѣтописи. Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что не было значительныхъ предпріятій Мадьяръ на западъ за это время? По нашему мнѣнію, это можетъ быть объяснено нѣсколькими обстоятельствами, и прежде всего тѣмъ, что силы Мадьяръ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ были по преимуществу направлены въ другую сторону.

Расположившись въ незнакомой имъ еще тиссо-дунайской равнинѣ и избравъ ее съ того момента своимъ постояннымъ мѣсто-пребываніемъ—изъ-за тѣхъ удобствъ и преимуществъ, которыя она дѣйствительно представляла имъ своимъ природнымъ характеромъ, новые поселенцы прежде всего конечно находили нужнымъ осмотрѣться со всѣхъ сторонъ, узнать, въ чьемъ сосѣдствѣ они поселились и не угрожаетъ ли имъ откуда-нибудь опасность; ихъ ближайшая цѣль была внушить страхъ сосѣдямъ, по возможности расширить предѣлы своего господства и тѣмъ обезпечить себя отъ всякихъ случайностей. Пребываніе въ Ателькузу и псытанный погромъ сдѣлали ихъ еще болѣе осторожными. Съ западными сосѣдями, Мораванами и Нѣмцами, они уже успѣли познаться. Безъ сомнѣнія, послѣ похода 894 года они направили свои силы въ другія имъ невѣдомыя стороны — на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Насколько они распространили здѣсь свою власть, встрѣтили ли они какое-нибудь сопротивленіе въ мѣстномъ населеніи, сопровождался ли ихъ походы сюда такими же опустошеніями, какъ на западѣ,— все это намъ столько же мало извѣстно, сколько вообще темны этнографическія и историческія отношенія и культурное состояніе этихъ сѣверовосточныхъ и восточныхъ странъ нынѣшней Угрии (съ Трансильваніей) въ ту эпоху. Несомнѣнно одно — что Мадьяры не могли встрѣтиться здѣсь ни съ какой политической силой, въ формѣ ли особаго княжества или союза племенъ. Слѣдовательно и никакого организованнаго сопротивленія имъ здѣсь не могло быть оказано. Другой несомнѣнный фактъ — тотъ, что въ этихъ сѣверныхъ и восточныхъ краяхъ ихъ окружало исключительно славянское населеніе. Только въ горахъ Трап-

сильваніи они могли бы натолкнуться на валашскихъ пастуховъ, но на первыхъ порахъ они едва-ли успѣли проникнуть вглубь этой горной страны. Вообще слишкомъ гористыя мѣстности ихъ вездѣ останавливали. Имѣя въ виду ихъ кочевыя привычки и характеръ, мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить, что направленіе ихъ первоначальнаго движенія и распространеніе ихъ власти шло по большимъ рѣкамъ: съ одной стороны вверхъ по Тиссѣ и ея притокамъ съ сѣвера, съ другой—по р. Темешу и лѣвымъ притокамъ Тиссы (Марошу, Кѣрѣшу и др.). Большія, обильныя рыбой рѣки, съ роскошными пастбищами по берегамъ, были ихъ естественными проводниками. Славянское населеніе сѣверныхъ, сѣверовосточныхъ и восточныхъ окраинъ угорской равнины первое (послѣ паннонскихъ Славянъ) подверглось мадыарскому погрому. Оно было вообще рѣдко и безъ труда было покорено. Нѣкоторая его часть по всей вѣроятности успѣла бѣжать и укрыться въ горахъ, населенныхъ соплеменниками ¹⁾. Оставшіеся должны были работать на новыхъ повелителей, т. е. платить имъ дань—конечно, натурой. За предѣлы равнины Мадьяры первоначально еще не распространяли своего господства.

Итакъ въ этой-то сторонѣ, надо полагать, были заняты они въ первые годы по свосмъ переселеніи. Другая причина, которою можно объяснить то, что до 899 г. Угры не предпринимали большихъ походовъ на западъ, состоитъ въ отношеніи ихъ къ Арнульфъ. По всей вѣроятности имъ всетаки внушалъ страхъ Арнульфъ и его военныя силы, съ которыми они имѣли случай познакомиться еще въ 892 г. Уграмъ, какъ и другимъ кочевникамъ, была страшна всякая организованная, хорошо вооруженная сила, а таковою они справедливо считали пѣмсецкое войско съ Арнульфомъ во главѣ. Мы ниже увидимъ, какое впечатлѣніе произвело на нихъ многочисленное и стройное войско Итальян-

¹⁾ Впрочемъ, когда улеглась буря мадыарскаго налета и прошелъ первый страхъ, многіе Славяне вѣроятно вернулись изъ горъ въ свои прежнія жилища, куда ихъ привлекали земледѣльческія занятія и привычки къ жизни въ равнинѣ.

цевъ во время ихъ похода въ Италію въ 899 г. Какъ только Арнульфъ умеръ, начались ихъ непрерывные набѣги на западъ. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія.

Наконецъ къ объясненію этого явленія можетъ послужить еще одна догадка, едва-ли еще не болѣе правдоподобная. Очень можетъ быть, что Арнульфъ задабривалъ Угровъ деньгами и подарками и такимъ образомъ отвлекалъ ихъ отъ своихъ предѣловъ. Прямое указаніе на это имѣется въ извѣстномъ письмѣ баварскаго духовенства къ папѣ Іоанну IX. Здѣсь Баварцы оправдываютъ себя между прочимъ въ направленныхъ противъ нихъ обвиненіяхъ со стороны Мораванъ, будто они заключили мирный договоръ съ Уграми и давали имъ денегъ, чтобъ тѣ пошли въ Италію. Отрицая именно это, Баварцы однако сознаются въ томъ, что они для укрощенія дикости Угровъ, беспокоившихъ сосѣднія христіанскія области, давали имъ подарки, но не деньгами, а льняными одеждами ¹⁾. Ужъ если Нѣмцы сами сознаются въ этомъ (въ такомъ пропикнутомъ несправдою и фальшью посланіи), то есть основаніе заключить изъ того, что эти подарки были просто систематическимъ подкупомъ, чтобы защитить нѣмецкую территорію, и что скрыть эту мѣру уже нельзя было ни отъ кого.

Формальный миръ между Арнульфомъ и сыновьями Святополка, заключенный въ 894 г., продолжался еще и въ 897 г., но взаимныя отношенія ихъ были, по всему виду, натянуты; Арнульфъ не скрывалъ своей враждебности къ Моравіи и не доставало только рѣшительнаго повода для открытаго столкновения. Въ самомъ началѣ 897 года или еще въ концѣ 896-го явилось къ Арнулфу посольство отъ Мораванъ съ ходатайствомъ, чтобъ Нѣмцы, въ виду упроченія мира, не принимали къ себѣ изгнанниковъ и бѣглецовъ изъ Моравіи. Понятно, какъ долженъ былъ

¹⁾ Quia enim christianis nostris longe a nobis potitis semper imminebant, et persecutione ipsos nimia affligebant, donavimus illis nullius pretiosae pecuniam substantiae, et tantum nostra linea vestimenta, quatenus eorum feritatem aliquatenus molliremus. Erben, Regesta. № 54, p. 23.

отнестись Арнульфъ къ подобнаго рода ходатайству: оно такъ мало согласовалось съ его собственной извѣстной намъ политикой и видами, что о дѣйствительномъ исполненіи имъ этого ходатайства конечно не могло быть и рѣчи. Не желая еще разрыва, онъ можетъ быть и успокоилъ моравскихъ пословъ, но принялъ и отпустилъ ихъ кажется вообще сухо ¹⁾. Въ томъ же году позднѣе, возвращаясь съ запада, Арнульфъ принималъ въ Зальцѣ посольство Сорбовъ, которые явились съ подарками ²⁾, слѣдовательно какъ-бы съ изъявленіемъ покорности. Объ отношеніяхъ къ нимъ со времени послѣдней войны 880 года ³⁾ нѣтъ никакихъ извѣстій. Очень вѣроятно, что и они примкнули къ Моравскому союзу во время его успленія при Святополкѣ, но послѣ его смерти и послѣ отпаденія Чеховъ они конечно не замедлили послѣдовать ихъ примѣру, потерявъ довѣріе къ силамъ распадавшейся Моравіи. Впрочемъ вопросъ о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ за все это время остается невыясненнымъ ⁴⁾. Наконецъ къ 897 г. относится еще одно славянское посольство къ Арнульфу, которое было принято имъ наиболѣе милостиво и имѣло полный успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, — потому конечно, что послѣднее какъ нельзя болѣе соответствовало желаніямъ и планамъ нѣмецкаго императора. Посольство это было отъ Чеховъ, которые жаловались на притѣсненія со стороны Мораванъ и просили Арнульфа принять ихъ подъ свою защиту ⁵⁾. Было высказано мнѣніе о связи

¹⁾ Намекъ на такой сухой пріемъ видятъ даже и въ Фульдской лѣтописи. Ann. Fuld., 897:.... Advenientibus ibidem ad eum Maravorum missis, qui pro pace constituenda, ne exules eorum profugi reciperentur, ab imperatore flagitabant; quos rex ut audivit, absolvit et (sine mora) abire permisit.

²⁾ Ann. Fuld., ibid:.... advenientibus ibi ad eum cum muneribus Soraborum missis etc.

³⁾ Ibid., a. 880.

⁴⁾ Dammeler, Gesch. II, S. 457.

⁵⁾ An. Fuld. 897: His ita expletis, contigit ut gentis Behemicarum duces ad imperatorem Arnulfum, qui tunc Radisbona urbe moratus est, devenerunt, offerentes ei munera regia et sua suorumque fidelium suffragia contra eorum inimicos Marahabitas postulantes, a quibus tum saepe, ut ipsi testificati sunt, durissime comprimebantur.

этого посольства Чеховъ съ предыдущимъ посольствомъ Мораванъ, разумѣвшихъ будто-бы въ своемъ вышеупомянутомъ ходатайствѣ подъ бѣглецами — отпавшихъ отъ союза Чеховъ и Сорбовъ¹⁾. Однако это предположеніе не имѣетъ ровно никакого основанія, ибо подъ бѣглецами (*exules eorum profugi*) очевидно разумѣются отдѣльныя лица; да и слишкомъ наивно было бы со стороны Моравскихъ князей — выражать Арнульфа свою претензію на измѣну Чеховъ и Сорбовъ.

О какихъ претѣсеніяхъ Чеховъ Мораванами здѣсь идетъ рѣчь? Достаточно ясно, что тутъ разумѣются вторженія послѣднихъ въ чешскіе предѣлы. Итакъ Моравано не совсѣмъ оставили неостомщеннымъ поступка Чеховъ. Они не имѣли силъ и смѣлости предпринять противъ нихъ что-либо рѣшительное, но довольствовались мелкой войной, опустошительными вторженіями въ ихъ землю. Чехи прибѣгли наконецъ къ помощи Шѣмцевъ. Арнульфъ принялъ ихъ пословъ самымъ радушнымъ образомъ, успокоилъ обѣщаніемъ исполнить ихъ просьбу и, одаривъ, отпустилъ домой. Обѣщаніе не ограничилось однимъ словомъ. Арнульфъ считалъ своевременнымъ на дѣлѣ проявить свое враждебное отношеніе къ Моравіи и стать къ ней въ угрожающее положеніе. Онъ всю осень того года простоялъ съ войскомъ на сѣверъ отъ Дуная, близъ р. Регена, по сосѣдству съ Чехіей — съ тѣмъ, чтобы придти на помощь Чехамъ, какъ скоро имъ снова будетъ угрожать опасность со стороны Мораванъ²⁾. Однако такого случая повидному болѣе не представилось. Угроза вѣроятно подѣйствовала: о предпріятіяхъ Мораванъ противъ Чеховъ мы болѣе ничего не слышимъ. Впрочемъ главной тому причиною были разразившееся въ слѣдующемъ году пагубными междоусобіями сопер-

¹⁾ Palacky, *Gesch. Böhm.* I, S. 154.

²⁾ Дуди къ (*Gesch. M. I, S. 325*) объясняетъ явно враждебныя дѣйствія Арнульфа относительно Мораванъ между прочимъ его сближеніемъ съ Византіей послѣ известнаго посольства Лазаря. Но для насъ подобныя предположенія кажутся совершенно излишними. Дѣйствія Арнульфа были въ духѣ слишкомъ известной намъ традиціонной франко-германской политики по отношенію къ славянскому союзу.

ничество братьев Моймира и Святополка, наведшее на ихъ страну враговъ и повергшее ее въ самое бѣдственное состояніе. Чехи въ эту пору переѣхались ролями съ Мораванами и въ союзѣ съ общимъ славянскимъ врагомъ имѣли полную возможность удовлетворить свою жажду мести. Они это, какъ увидимъ, и исполнили.

Въ 898 г. раздоръ между князьями-братьями Моймиромъ и Святополкомъ обратился въ открытое междоусобіе. У каждаго изъ нихъ была конечно своя партія въ народѣ и въ высшемъ классѣ. Такимъ образомъ эта княжеская распря неизбежно должна была сопровождаться общей народной смутой. Арнульфъ, по разсказу Фульденскихъ анналовъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ своимъ маркграфамъ Лютпольду и Арнбо оказать содѣйствіе и помощь той партіи, которая прѣбѣгла къ нему съ просьбой о томъ (по всему видно, партіи Святополка). Маркграфы огнемъ и мечомъ разгромили и опустошили землю враговъ¹⁾. Это вмѣшательство Арнульфа въ дѣла Моравіи для насъ вполнѣ понятно. Пользуясь возникшей смутой, какъ лучшимъ поводомъ для нанесенія возможно болѣе чувствительныхъ ударовъ Моравскому княжеству, Восточно-франкскій императоръ оставался вѣрнымъ своей политикѣ и послѣдовательно шелъ къ своей цѣли. Поэтому для насъ кажется съ перваго взгляда нѣсколько страннымъ слѣдующее затѣмъ извѣстіе той же Фульденской лѣтописи. По ея словамъ оказалось, что самъ Арнбо, по наущенію своего сына *Исанриха*, былъ возбудителемъ междоусобія между Моравскими князьями и вмѣстѣ вмѣшникомъ, и какъ таковой, былъ наказанъ лишеніемъ на нѣкоторое время управленія въ Восточной маркѣ, впрочемъ

¹⁾ Fuld. ann., 898: Postea vero, anno 898, inter duos fratres gentis Marahensium, Moymirum ac Zuentibaldum, eorumque populum dissensio atque discordia gravissima exorta est; ita etiam, ut, si uterque alterum suis viribus insequi atque comprehendere valeret, capitale subiret sentenciam. Tunc vero rex imperator ista sciens, marchiones suos, Liutboldum et Arbonem comitem, una cum ceteris fidelibus suis, parti quae ad se spern ac confugium habuit, auxilium ad eorum liberationem protectionemque Bajuarios suos primates transmisit. At illi in ore gladii, igitur prout poterant, inimicos suos humiliaverunt et devastando necaverunt.

довольно скоро затѣмъ ему возвращеннаго¹⁾. Это извѣстiе даетъ поводъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ изслѣдователямъ (Дюмлеру, Бюдингеру и др.) утверждать, что Арнульфъ, наказывая Арибо за возбужденiе смуты въ Моравiи и за вовлеченiе въ нее его, императора, будто-бы очевидно не сочувствовалъ этой войнѣ, такъ какъ имѣлъ прежде всего въ виду опасность отъ Угровъ, и что слѣдовательно вовсе не онъ виновникъ войны, а честолюбивые вассалы²⁾. Это заключенiе слишкомъ поспѣшно и оказывается положительно неосновательнымъ, когда мы хорошенько вникнемъ въ дѣло. Оно возникло отъ слишкомъ буквального пониманiя словъ лѣтописи и отъ неправильнаго взгляда на политику Арнульфа и на тогдашнiя обстоятельства. Арнульфъ не только не старался избѣгать разрыва и войны съ Моравiей, но скорѣе искалъ повода къ пей. Мы видѣли, что онъ незадолго передъ тѣмъ былъ готовъ вступить за Чеховъ и такимъ образомъ нарушить свой формальный миръ съ сыновьями Святополка. Всѣ его интересы въ то время, когда усилившаяся болѣзнь его и слабость не позволяли ему осуществлять широкихъ замысловъ на западѣ, были сосредоточены на рѣшительной борьбѣ съ Моравскимъ княжествомъ, которое онъ надѣлся наконецъ сломить послѣ смерти своего сильнаго соперника Святополка. Настоящей опасности отъ Угровъ онъ еще тогда не признавалъ, а то бы конечно принялъ противъ нихъ болѣе энергическiя мѣры. Ихъ сравнительное спокойствiе съ 894 г. должно было значительно усыпить его бдительность на ихъ счетъ, и онъ обратилъ все свое вниманiе на славянскiя, и прежде всего моравскiя дѣла. Въ виду этого было бы черезчуръ наивно думать, чтобы онъ сталъ наказывать маркграфа Арибо лишь за то, что тотъ спо-

¹⁾ Ann. Fuld., *ibid*: Istius ergo dissensionis et disruptae pacis inter supranominatos fratres Arbo comes, Isanrico filio suo instigante, instructor delatorque atque proditor esse convicitur, et ab hanc causam praefectura sua ad tempus caruit, quam non multo post accepit.

²⁾ Dümmler, *Ueb. d. Südöst. M.*, S. 56—57; *Gesch.*, II, S. 458—459; *Badinger*, S. 208.

собствовалъ возникновенію раздора между князьями и тѣмъ далъ поводъ Шѣмцамъ вмѣшаться въ моравскія дѣла. Несомнѣнно Арнульфъ желалъ войны и былъ радъ представившемуся случаю. По словамъ самого Фульденскаго лѣтописца, онъ, узнавъ о междоусобіи, тотчасъ поручилъ своимъ маркграфамъ помочь одной сторонѣ противъ другой. Если бы онъ былъ рѣшительно противъ войны (какъ полагають Дюмлеръ и др.), кто его заставлялъ въ нее вмѣшиваться? онъ бы могъ спокойно смотрѣть на эту гибельную для его враговъ междоусобицу и — злорадствовать. Наконецъ, если онъ уже разъ увлекся или былъ увлеченъ Арнбо противъ своихъ расчетовъ, кто ему мѣшалъ прекратить войну, какъ скоро онъ узналъ ея настоящую причину? Однако онъ ея не прекратилъ, и походы Баварцевъ въ Моравію повторяются опять въ 898, потомъ 899 году, наконецъ они продолжаются послѣдовательно и послѣ смерти Арнульфа его преемникомъ въ 900 году, несмотря на то, что опять увеличилась опасность отъ Угровъ. Очевидно эта борьба не была вовсе случайнаго характера, а была сознательнымъ и упорнымъ стремленіемъ къ исполненію давно предначертанныхъ плановъ и отличалась особенною страстностью со стороны Шѣмцевъ, не видѣвшихъ въ своемъ ослабленіи враждою къ Моравянамъ той страшной грозы, которая надвигалась съ другой стороны. Итакъ, намъ кажется, мнѣніе Дюмлера не выдерживаетъ критики. Мы понимаемъ занимающее насъ показаніе Фульденской лѣтописи нѣсколько въ иномъ смыслѣ. Не возбужденіе ссоры между Моравскими князьями было причиной наказанія, которому подвергся Арнбо, а та роль, которая ему (можетъ быть и ошибочно) приписывалась въ этомъ дѣлѣ уже тогда, когда ссора возникла. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣе смотрѣть на этотъ вопросъ Дудикъ¹⁾, хотя и съ его предположеніемъ нельзя вполне согласиться. Онъ полагаетъ, что Арнбо съ самаго начала, въ стачкѣ съ своимъ сыномъ *Исанрихомъ* и однимъ знатнымъ баварскимъ графомъ (*Эрмбертомъ*), о которомъ тоже говорятъ

¹⁾ Dudik, I, S. 325—326.

Фульденская лѣтопись, вошелъ въ сношенія съ княземъ Мойміромъ и возбуждалъ его къ присвоенію себѣ *исключительной* власти въ Моравіи, съ тѣмъ, чтобы онъ (Мойміръ) потомъ помогъ ему (Арибо) достигнуть независимости, — что за это онъ и потерпѣлъ. Тутъ есть, по нашему мнѣнію, доля истины, но намъ дѣло представляется нѣсколько иначе. Интрига извѣстной (оппозиціонной) нѣмецкой партіи съ Мойміромъ противъ Арнульфа по всѣмъ признакамъ дѣйствительно существовала, хотя мы не можемъ опредѣлить, когда она завязалась, но главная, дѣятельная роль въ ней принадлежала, какъ кажется, вовсе не Арибо, а его сыну Исаприху¹⁾, на что только намекается въ анналахъ (*Isanrico filio suo instigante*), но что главнымъ образомъ подтверждается послѣдующею дѣятельностью и судьбою этого лица. Очень можетъ быть, что Исаприхъ былъ отчасти и подстрекателемъ Мойміра къ междоусобной войнѣ его съ братомъ, еще совершенно юношей²⁾, котораго можно было надѣяться безъ труда устранивъ отъ всякой власти. Самъ же Исаприхъ рассчитывалъ на помощь Мойміра для достиженія своихъ собственныхъ властолюбивыхъ цѣлей. Поступокъ сына не могъ не бросить тѣни на отца (Арибо), который былъ тоже заподозрѣнъ въ измѣнѣ, хотя можетъ быть ни въ чемъ не былъ виновенъ, и такимъ образомъ пострадалъ изъ-за сына своего. Это подтверждается тѣмъ, что ему такъ скоро были возвращены его владѣнія, — вѣроятно вслѣдствіе того, что ему удалось оправдаться. Едва-ли это случилось бы, если бы онъ дѣйствительно (какъ полагаетъ г. Дудикъ) самъ строилъ козни противъ Арнульфа и вступалъ въ сдѣлку съ исконнымъ врагомъ нѣмецкой державы. Фульденскій лѣтописецъ, хотя и стоялъ близко къ Арнульфу, могъ не знать всѣхъ подробностей дѣла и передать его не совсѣмъ точно и не въ томъ свѣтѣ.

¹⁾ Вѣроятно тотъ самый, который въ 892 г. былъ оставленъ заложникомъ въ Моравіи у Святополка. Онъ долженъ былъ хорошо знать моравскія отношенія и потому неудивительно, что онъ рѣшился ими воспользоваться для своихъ цѣлей.

²⁾ Фульденскій лѣтописецъ называетъ его мальчикомъ, *Fuld. ann. 899: Zuentibaldum (puerum, filium antiqui ducis Zwentobolchi)*.

Въ концѣ 898 года въ зимнее время Баварцы предприняли еще опустошительный походъ въ Моравію, натѣшились грабежомъ и разрушеніемъ и съ богатой добычей вернулись домой ¹⁾. Этимъ однако они не могли удовлетвориться: надо было спѣшить пользоваться благоприятнымъ временемъ внутренней смуты въ Моравію. Дѣйствительно, то же самое повторяется и въ 899 году: баварское войско вторгается и опустошаетъ страну. Между тѣмъ, какъ разъ передъ этимъ (насколько выясняется изъ лѣтописнаго извѣстія) Моймиръ успѣлъ запереть своего брата Святополка въ какомъ-то укрѣпленномъ городѣ и ждать повидимому, чтобы тотъ сдался. Въ это самое время явилось на выручку Святополка баварское войско, освободило его и вмѣстѣ съ приверженцами «изъ состраданія» увело его на свою родину, предварительно предавъ пламени этотъ городъ ²⁾. Болѣе мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Святополкѣ и его партіи. Приблизительно около того же времени большому Арнульфу пришлось имѣть дѣло съ возмущеніемъ и у себя дома. Исаприхъ, возбуждавшій, какъ мы видѣли, Моймира противъ своего брата и вовлекшій такимъ образомъ въ моравскую войну Арнульфа, имѣлъ въ виду, какъ кажется, не столько даже содѣйствіе Моймира, сколько то, чтобы воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ отвлеченія Арнульфа моравскими дѣлами и отсутствія Люпгольда и отца своего изъ ихъ владѣній, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить свои замыслы. Ему дѣйствительно и удалось это: въ 899 году онъ овладѣлъ частью Восточной марки (которая тогда была ввѣрена по всей вѣроятности Люпгольду). Разгнѣвавшій этимъ Арнульфъ самъ, несмотря на свое уже очень бо-
лѣзненное состояніе, отправился на кораблѣ по Дунаю—противъ

¹⁾ Ann. Fuld. 698.

²⁾ Ann. Fuld. 699: dein non post multum temporis Baiarii terminos Moravorum confidenter et cruto intrantes, et quaecumque poterant diripiendo populati sunt et Zuentibaldum (puerum, filium antiqui ducis Zwentobolchi) suumque populum, de ergastulo civitatis in quo inclusi morabantur eripuerunt, ipsamque civitatem igni succenderunt, atque in fines patriae suae pro misericordia secum abduxerunt.

Исанриха, и осадилъ его въ крѣпости Маутернъ (Mautern). Черезъ нѣсколько времени городъ былъ взятъ, а виновникъ смуты съ семействомъ и свитой предсталъ передъ императоромъ. Послѣдній велѣлъ его отвести въ Регенсбургъ. Однако Исанриху, боявшемуся заслуженной кары, удалось бѣжать съ дороги. Онъ укрылся въ Моравіи и затѣмъ при содѣйствіи Мораванъ опять овладѣлъ прежнею областью ¹⁾. Вскорѣ послѣ этого, вѣроятно, болѣзнь Арнульфа приняла уже роковой для него оборотъ и приковала его къ одру смерти, такъ какъ противъ непокорнаго графа болѣе уже ничего не предпринималось: онъ остался въ захваченной имъ области и только въ 901 году, при Людовикѣ Дитяти, произошло его примиреніе съ верховною властью. Въ концѣ 899 г. Арнульфъ копчилъ свое неутомимое жизненное поприще, къ несчастію для себя немного не доживъ до окончательнаго разрушенія Моравскаго княжества, несомнѣнно подготовленнаго въ значительной степени его дѣятельностью и политикой, и не доживъ къ своему счастью до тѣхъ горестныхъ послѣдствій, съ которыми былъ связанъ этотъ разгромъ Моравіи для его собственной родины, для германскихъ интересовъ на среднемъ Дунаѣ, наконецъ вообще для всего запада и для его политическихъ видовъ.

3.

Походъ Угровъ въ Италію 899 года. Угры опустошаютъ Паннонію. Нѣмцы продолжаютъ борьбу съ Моравією. Церковныя отношенія Моравіи. Посланіе Зальцбургскаго духовенства къ папѣ 900 года.

Мы впрочемъ еще не оставляемъ 899 года. Въ теченіе его произошло еще одно важное событіе, а именно первый набѣгъ Угровъ на Италію, которымъ открывается бѣдственный періодъ ихъ частыхъ опустошительныхъ походовъ на западъ.

¹⁾ Ibid. Весь рассказъ объ этомъ читается въ Фульденской лѣтописи: ... At ille timens ne puniretur, fugam iniit, et ad Marahenses usque fugit. Quorum itaque adiutorio suffultus, ut prius, partem regni subripuit; eandem secum retinendo obtinuit.

Еще осенью 898 г. толпа Угровъ совершила такъ сказать развѣдочный походъ въ верхнюю Италію до р. Brentы, и убѣдившись въ прривлекательности страны и богатствѣ представляющей добычи, вернулась домой и увлекла своихъ родичей предпринять прежде всего набѣгъ на верхнюю Италію¹⁾. Набѣгъ этотъ и состоялся въ 899 г. и продолжался еще въ 900 г. Это опредѣленіе времени подтверждается большинствомъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и другихъ извѣстій, и отступить отъ него не даютъ права одно или два очевидно ошибочныхъ показанія иныхъ источниковъ²⁾. Путь, которымъ проникли Угры въ Италію, шелъ вѣроятно равниною р. Савы (слѣдовательно черезъ владѣнія Брацлава, не имѣвшаго силы задержать ихъ, а можетъ быть усиѣвшаго уже измѣнить Нѣмцамъ), долинами Юлійскихъ Альпъ, на сѣверъ отъ Истрии и черезъ Фріуль въ сѣверную Италію. Этимъ путемъ они сюда и впоследствии совершали набѣги³⁾.

¹⁾ Объ этомъ предварительномъ предпріятіи свидѣтельствуешь Лиудбрандъ, *Liudprandi Antapodos. L. II, c. 7: ...Immenso itaque innumerabilique collecto exercitu miseram petunt Italiam. Cumque juxta fluvium Brentam defixis tentoriolis, immo centonibus, triduo exploratoribus directis, terrae situm gentisque multitudinem seu raritatem considerarent, repedantibus nuntiis hujusmodi responsa suscipiunt...* Слѣдуетъ описаніе и характеристика края.

²⁾ Подъ 899 г. это событіе находится въ слѣдующихъ анналахъ: *ann. Alamann., Sangallenses, Augienses* (Ungari Italiam ingressi multa (mala) fecerunt), *Vencent.* (Hungari in Italiam venerunt), *Laudacenses* (Ungari Italiam ingressi), *Chronie. Nonantulan.* (Tiraboschi storia di Nonantula, II, 6), *Liudprandi Antapodos.*, II, c. 9 (см. Dümmler, *Gesch. II, S. 505*). *Фульденская летопись* говоритъ объ этомъ въ 900 г., но какъ о событіи, уже начавшемся ранѣе: *Interim vero Avari (qui dicuntur Ungari) tota devastata Italia, ita ut etc...* Ошибочно относятъ этотъ походъ: *Dandolo, Chronie. Venetum* (Muratori, XII, p. 197) къ 906 г., а *Regino* къ 901 г. Относительно 899 г. послѣднія сомнѣнія уничтожаются извѣстнымъ письмомъ Зальцбургскаго архіепископа и другого вѣмпакаго духовенства къ папѣ Іоанну IX съ жалобой на моравскую церковную организацію. Его составленіе относится къ 899—900 году, и въ немъ идетъ рѣчь и о походѣ Угровъ въ Италію.

³⁾ Набѣги Угровъ въ сѣверную Италію надолго должны были сильно затруднить сношенія подунайскихъ земель и другихъ болѣе отдаленныхъ странъ съ прибрежными городами Адриатики и вообще съ Италіей, куда постоянно со всѣхъ концовъ стекались путешественники и пилигримы. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, какъ отозвались эти угорскіе набѣги на стеченіе путешественниковъ въ Аквилею. Извѣстная *Тибидальская Евангелъ*

Здѣсь, на сѣверномъ берегу Адриатическаго моря одна дорога (около города Pieve di Sacco) въ теченіе долгаго времени сохраняла названіе «*дороги Угровъ*» (Strada Ungarorum). Въ томъ же краю въ мѣстныхъ названіяхъ долго существовали и другіе слѣды прохожденія и стоянки тамъ Угровъ. Такъ на р. Brentѣ (около гор. Bassano) одинъ холмъ назывался «*горою Угровъ*», а близъ гор. Mestre одно поле было извѣстно подъ именемъ «*Campo degli Ungari*»¹⁾.

Итакъ въ 899 г. (въ исходѣ лѣта) Угры перешли Альпы и устремились въ ломбардскую равнину, опустошая все по дорогѣ и забирая несмѣтную добычу. Они избѣгали укрѣпленныхъ городовъ и дошли до самой Павіи, не встрѣтивъ никакого сопротивленія²⁾. Между тѣмъ король Италіи Беренгаръ усилъ собрать многочисленное войско въ 15,000 чел.³⁾ и пошелъ навстрѣчу

ская рукопись содержитъ въ себѣ массу именъ путешественниковъ, которыя записывались на ней въ Аквилеѣ въ теченіе всего IX в. Это записываніе именъ прекращается или по крайней мѣрѣ становится очень рѣдкимъ именно въ началѣ X в.: очевидно причиной тому были угорскій погромъ и угорскіе набѣги въ Италію. Срв. С. Jireček, «Ueber die Marginalnoten in d. Evangelienhandschr. zu Cividale». См. Sitzungsber. d. Bdm. Gesellsch. d. Wissensch. in Prag, Sitzung der Classe f. Philos. etc., 22 Jan. 1877.

¹⁾ S. Ljubić, Ugrı u Mletačkoj (Starine, kn. I. 1869, p. 211—212). Что касается такъ называемой *дороги Угровъ*, то есть грамота кор. Беренгара, относящаяся уже къ 888 году (напечатана Зикелемъ въ «Forschung. z. Deutsch. Gesch. IX, S. 427), гдѣ читаемъ: quicquid haberi videtur nostri juris inter aquas defuentes, hoc est inter Tiliamentum et Lipientiam, et sicut via Ungarorum cernitur et paludes maris. Очевидно въ такое раннее время (888) не могло быть еще и рѣчи объ «угорской дорогѣ». Рёслеръ справедливо считаетъ это мѣсто вставленнымъ позже, при перепискѣ грамоты, такъ какъ существующій списокъ относится только къ 1426 г.; при этомъ онъ указываетъ, какъ на любопытный фактъ, что мѣстное приуроченіе «дороги Угровъ» произошло во Фриуль. См. Roesler, Rom. St., S. 169, прим.

²⁾ Самый подробный рассказъ объ этомъ походѣ сообщаетъ Liudprand, Antapodos., II с. 9—16; затѣмъ есть кое-какія подробности въ Iohannis Chronic. Venet. (SS. II, 22), въ Chron. Nonantul. (вышеупомянутой), въ Ann. Fuld. 900, наконецъ у Regino, 901.

³⁾ Chron. Johann. D. Venet: contra quos Berengarius rex direxit exercitum 15000 hominum, sed pauci ex eis reversi sunt. По Liudprанду, это войско было втрое сильнѣе угорскаго: «...factus est exercitus triplo Hungariorum validior», I. с., сар. 9.

Уграмъ. Такой встрѣчи послѣдніе вѣроятно не ожидали и, охваченные паническимъ страхомъ, пустились въ обратный путь. Ихъ конечно преслѣдовали. Съ немалой потерей они переплыли р. Адду. Снесшсь затѣмъ съ Беренгаромъ, они предложили ему возвратить всю добычу, съ тѣмъ только, чтобы имъ свободно вернуться. Получивъ отказъ, они продолжали бѣгство и въ небольшомъ столкновеніи близъ Вероны имѣли даже частный успѣхъ, который впрочемъ не могъ остановить ихъ преслѣдователей. Однако отъ стремительности этого движенія кони ихъ утомились; достигнувъ р. Brentы почти одновременно съ шедшимъ по ихъ пятамъ непріятелемъ, Угры принуждены были наконецъ остановиться. Въ отчаяніи они вторично обратились къ Беренгару съ тою же просьбою принять у нихъ всю добычу, оружіе, лошадей (кромѣ необходимыхъ для обратнаго пути) и предоставить имъ свободный выходъ изъ Италіи. Они кромѣ того предлагали заложниковъ и обѣщали никогда болѣе не вторгаться въ итальянскіе предѣлы. Но Беренгаръ остался непреклоненъ въ своемъ отказѣ и этимъ побудилъ Угровъ къ послѣдней отчаянной попыткѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, — къ рѣшенію, которое доставило имъ блестящее торжество, а итальянскому войску и всей сѣверной Италіи рядъ самыхъ жестокихъ бѣдствій и страданій. Угры рѣшились немедленно и неожиданно сдѣлать нападеніе на врага, и съ отчаяннымъ мужествомъ и яростью (внушенною безвыходнымъ положеніемъ) исполнили этотъ планъ 24 сентября 899 года ¹⁾. Устроивъ нѣсколько засадъ, они внезапно ворвались въ лагерь непріготовленныхъ, безпечно занятыхъ ѣдой непріятелей, произвели безошадную рѣзню, смяли ихъ и нанесли имъ окончательное, страшное пораженіе. Имъ облегчили успѣхъ, по словамъ лѣтописца, несогласія, т. е. вѣроятно отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ непріятеля ²⁾. Незначительная часть войска спаслась бѣгствомъ, а большинство, и въ томъ числѣ много

¹⁾ Срв. Dammeler, Gesch. II, S. 503.

²⁾ Liudprandi, *ibid*, II, p. 15: ad augmentum denique perditionis christianorum parva inter eos erat discordia.

итальянской знати (графовъ и епископовъ) погнбло отъ меча хищниковъ¹⁾. Одержавъ такую побѣду, Угры конечно уже не думали о возвращеніи, и вторично устремились по равнинѣ ломбардской, предаваясь нестому грабежу, опустошеніямъ и насиліямъ. На западъ они доходили до горы Св. Бернарда (Велик.)²⁾, на югъ переходили черезъ р. По и, подвергнувъ разграбленію г. Модену и Реджіо, добрались до самой Піаченцы.

Большая часть этихъ опустошеній должна, по справедливому замѣчанію Дюллера³⁾, быть отнесена уже къ 900 г., такъ какъ послѣ (сентябрскаго) сраженія при Брентѣ для осеннихъ предприятий оставалось уже не много времени. Наиболѣе важные моменты этого опустошительнаго рысканія Угровъ по сѣверной Италіи суть слѣдующіе: взятіе города Бергамо; сожженіе извѣстнаго Нонантульскаго монастыря (Nonantula), изъ котораго успѣла спастись только часть монаховъ и въ которомъ погнбла масса рукописей⁴⁾; разграбленіе г. Модены и Реджіо и сожженіе церкви св. Савина (San Savino) близъ г. Піаченцы⁵⁾; наконецъ убіеніе епископа Лутварда Верцельскаго (Vercelli), хотѣвшаго спастись бѣгствомъ отъ Угровъ и попавшагося имъ въ руки (въ июнѣ 900 г.)⁶⁾.

Пока большая часть Угровъ была занята вышеупомянутыми варварскими подвигами, одинъ отрядъ ихъ предпринялъ походъ противъ Венеціи, столь привлекательной своими богатствами. Проплывъ опустошеніе на берегу, Мадьяры на кожаныхъ лодкахъ

¹⁾ Ann. Fuld. ibid: ...ita ut occisis episcopis quam plurimis, Italici contra eos debellare molientes in uno proelio una die occiderunt 22 millia. — Regino, a. 901: cujus (gentis Hungarorum) violentiae a beluino furori cum terrae incolae in unum agmen conglobati resistere conarentur, innumerabilis multitudo ictibus sagittarum perii; quam plurimi episcopi et comites trucidati sunt.

²⁾ Johann. Cron. Venet.: Ungri vero pertranseuntes Tarvisium, Patavium, Brixium ceterosque fines, Papiam et Mediolanum venerunt et usque ad montem Iob depopulantes cuncta.

³⁾ Dammeler, ibid., S. 506, примѣч. 34.

⁴⁾ Chron. Nonantul. и письмо папы Сергія настоятелю Нонант. монастыря Леопольду. См. Дюллеръ, тамъ же.

⁵⁾ Dammeler, ibid.

⁶⁾ Regino 901.

переправились на острова Венецій, произвели грабежъ и предали, что могли, пламени. Когда они собирались уже напасть на острова Malamosso и Rialto, ихъ встрѣтилъ съ морскою силой Венеціанскій дожъ Петръ: въ день Петра и Павла онъ нанесъ имъ поражение при мѣстечкѣ Альбіолѣ (Albiola) и обратилъ въ бѣгство ¹⁾. Наши свѣдѣнія объ этомъ угорскомъ набѣгѣ пополняются еще однимъ документомъ 900 года, открытіемъ и обнаруженіемъ котораго наука обязана хорватскому ученому Любичу ²⁾. Этотъ документъ, свидѣтельствуя о взятіи и разрушеніи Мадьярами на берегу Адриатическаго моря города Альтинантіума (Altinantium) ³⁾ и тамошняго монастыря св. Стефана, представляетъ такимъ образомъ достовѣрное извѣстіе о времени этого похода (900) и прибавляетъ еще одну подробность къ тому, что было до сихъ поръ о немъ извѣстно. Лѣтописное извѣстіе рассказываетъ объ Альтинантской катастрофѣ, что большая шайка Угровъ, разрушивъ многіе города, направилась къ г. Альтинантію, откуда жители успѣли бѣжать и, найдя его опустѣвшимъ, разграбили его, подожгли и вмѣстѣ со стѣнами разрушили ⁴⁾.

Найденная Любичемъ дарственная грамота дана была Альтинантскому монастырю св. Стефана именно по поводу угорскаго погрома, во время котораго, какъ изъ нея видно, былъ разрушенъ и этотъ монастырь и разграблено все его имуще-

¹⁾ Chron. Johann. Diac. Venet.: Ungarorum pagana et crudelissima gens ... ad Venetias Ingressi cum equis et bellicis navibus primum civitatem Novam, fugente populo, igne concremaverunt..... littoraque maris depopulaverunt; etiam tentantes Rivoaltum et Melamaucum ingredi per loca, que Albiola vocantur, in die passionis apostolorum sanctorum Petri et Pauli. Tunc dominus Petrus dux, navali exercitu, dei protectus auxilio, praedictos Ungros in fugam vertit. Срв. также Dand. Chron. См. Ljubić, въ упомянутой статьѣ, стр. 211.

²⁾ Въ вышеупомянутой статьѣ еро (Ugri u Mletačkoj) въ «Starine», 1869, кн. I.

³⁾ Объ этомъ городѣ см. Ljubić, ibid, str. 212.

⁴⁾ Chron. Johann. Diac. Venet.: post multarum urbium destructionem cum sevissima Paganorum multitudo ad Altinantium civitatem aciem direxisset in qua, cum ejusdem civitatis indigenis fugatis, neminem reperissent, omnem illam civitatem depredantis, igne succenderunt, muros quoque ac tures funditus subvertunt. Ljubić, ibid., str. 211.

ство¹⁾. Въ этой грамотѣ между прочимъ читаемъ: «Dum imminentibus nostris peccatis crudelissima gens Ungrorum Italia intrasset, et tam pro suis quamque et in nostris finibus plurimas depredationes atque incendia perpetrasset seu homicidia multa fecisset devastassetque episcopales incendiis; immo mensis aprilis die quadam residente in publico placito nos Petro domino protegente imperiali protospatario et Veneciarum duce etc. ecce Ioanici venit abba monasterii Sancti Stephani Altinenatis adveniens, cepit cum gemitis et cordis dolore proferre damna ejusdem zenobii sui, et quomodo possessiones ipsius depopulantes, et coloni pariter interfecti vel efugati ab Ungris²⁾».

Вѣроятно вскорѣ послѣ пораженія подъ Венеціей Угры, насытившись грабежомъ и убійствами, рѣшились пуститься въ обратный путь, но даромъ: Беренгаръ принужденъ былъ заплатить имъ за это заложниками и подарками³⁾. Съ несмѣтной добычей оставили Угры несчастную Италию и вернулись въ свою дунайскую равнину опять черезъ Паннонію, не упустивъ, конечно, случая пограбить и здѣсь⁴⁾. Судя по тому, что они такъ безпрятственно проходятъ черезъ паннонскую территорію, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, приходится предположить, что хозяева этой страны, не будучи болѣе въ силахъ защищать ее, уже оставили ее на произволъ судьбы (хотя еще и называли своею⁵⁾), — что порученіе, данное Арнульфомъ въ 896 г. Брацлаву по отношенію къ ней стало очень скоро затѣмъ неисполнимо. О самомъ Брацлавѣ нѣтъ болѣе никакого упоминанія. Можетъ

¹⁾ Монастырь св. Стефана былъ возстановленъ потомъ уже не въ гор. Альтинумѣ, а на островѣ Аміанъ (Amianum, de Humanis, de Almanis, de Imanis) подъ именемъ монастыря св. Феликса и Фортуната, Ljubić, *ibid.*, s. 213.

²⁾ Anno Christi 900, Privilegio imperiali de S. Felixe di Manj № 82. См. Ljubić, *ibid.*, s. 213.

³⁾ Ioh. Chron. Venet.: rex igitur Berengarius datis obsidibus ac donis praedictos Ungros de Italia recedere fecit cum omni preda quam ceperant.

⁴⁾ Ann. Fuld. 900: Ipsi namque eadem via qua intraverunt, Pannoniam ex maxima parte devastantes, regressi sunt.

⁵⁾ Въ письмѣ баварскаго духовенства 900 г. она названа — «nostra maxima provincia».

быть онъ скрывался гдѣ-нибудь въ окраинахъ своихъ владѣній, если уже не погибъ въ какомъ-нибудь столкновеніи съ Уграми. Но нѣтъ также ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что онъ, увидѣвъ невозможность справиться съ Мадьярами, измѣнилъ Арнульфу и добровольно вошелъ въ сдѣлку съ его врагами ¹⁾. Доказательство, что Паннонія въ то время, въ 900 г., была уже заброшена и варварски опустошена, имѣется еще въ извѣстномъ письмѣ баварскихъ епископовъ, въ которомъ идетъ рѣчь о бѣдственномъ состояніи Панноніи, о томъ, что въ ней не осталось болѣе ни одной церкви ²⁾. Можетъ быть для того времени это показаніе нѣсколько преувеличено, какъ и все въ этомъ посланіи, что хоть сколько-нибудь справедливо, носитъ характеръ преувеличенія и страстности; но оно всетаки характеризуетъ положеніе дѣлъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что черезъ короткое время Угры являются уже полными и исключительными хозяевами Панноніи.

Прежде чѣмъ продолжать повѣсть угорскихъ набѣговъ, мы должны предварительно обратиться къ тому, что творилось тѣмъ временемъ въ Моравіи и у Нѣмцевъ и что, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшіе успѣхи Угровъ. Борьба Нѣмцевъ съ Мораванами все еще продолжалась. Восточно-франкское государство и по смерти Арнульфа не думало оставить свою задачу — окончательно сломить ненавистнаго врага. Оно все еще какъ-будто не сознавало всей опасности, которой одновременно подвергалось со стороны другого, новаго, несравненно болѣе страшнаго сосѣда, — такъ велика была его вражда къ Славянамъ. Подобно предыдущимъ годамъ Баварцы и лѣтомъ 900 года, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Чехами, вторглись въ Моравію и въ теченіе трехъ недѣль без-

¹⁾ Срв. Zaborský, *Mad'ari pred opranovaním terajšej vlasti. Letopis Matice Slovenskej*, ročn. XI, sv. 1. (1874), стр. 59. Срв. также Благинъ, *Мѣсто Венгровъ и т. д. Русская Бесѣда*, 1858, I, стр. 149.

²⁾ Тамъ читается: . . . ita ut in tota Pannonia, nostra maxima provincia, tantum una non appareat ecclesia, prout episcopi a vobis destinati, si fateri velint, narrare possunt, quantos dies transierunt et totam terram desolatam viderunt. *Erben, Regesta*, p. 24.

пощадно опустошали ее, послѣ чего благополучно вернулись домой ¹⁾). Между тѣмъ положеніе еще болѣе усложнилось, благодаря тому обороту, который приняли въ томъ же году церковныя отношенія. Продолжительная распря народовъ съ поля брани перешла подъ конецъ снова въ сферу церкви и разразиласьписьменнымъ походомъ баварскаго духовенства противъ Моравіи, извѣстнымъ посланіемъ его къ папѣ Іоанну IX-му въ 900 году, столь характерно и типично выражающимъ взаимныя отношенія и чувства обѣихъ народностей (нѣмецкой и славянской) въ тотъ критическій моментъ ихъ вѣкового соперничества на Дунаѣ. Посмотримъ, чѣмъ былъ вызванъ этотъ любопытный документъ.

Съ 893 года церковное состояніе Моравіи для насъ совершенно темно; въ этомъ году, какъ мы выше видѣли, извѣстный намъ епископъ Викингъ былъ назначенъ канцлеромъ Арнульфа, и моравская церковь окончательно осиротѣла. О назначеніи другаго пастыря мы никакихъ извѣстій не имѣемъ: вѣроятно никто и не былъ назначенъ, ибо Нѣмцы давно стремились къ полному присоединенію Моравіи и Панноніи къ Баварской епархіи (къ Пассовской и Зальбургской церквамъ), и можетъ быть даже отчасти въ этихъ цѣляхъ было дано Викингу новое назначеніе. Отсутствие всякаго верховнаго пастыря было во всякомъ случаѣ болѣе благотѣльно для Моравіи, чѣмъ подчиненіе такому, какимъ былъ Викингъ. Моравія въ церковномъ отношеніи послѣ удаленія Викинга могла дышать свободнѣе, что и выразилось вскорѣ въ сношеніяхъ Моймира съ папой Іоанномъ IX по вопросу о новой организаціи моравской церкви. О самомъ Викингѣ мы узнаемъ изъ Фульденской лѣтописи, что въ 899 году Арнульфъ назначилъ его епископомъ Пассовскимъ послѣ смерти епископа Энгильмара, надѣясь вѣроятно такимъ образомъ доставить ему большее вліяніе на рѣшеніе вопроса о церковныхъ дѣ-

¹⁾ Ann. Fuld. 900: Baiarii per Boemariam, ipsis secum assumptis, regnum Moravorum, cuncta incendio per tres ebdomadas devastantes iruperunt, tandem cum omni prosperitate domum reversi sunt.

лахъ Моравіи¹⁾. Однако Викингъ оставался на этомъ посту очень недолго, такъ какъ его назначеніе было противно церковнымъ установленіямъ: баварское духовенство съ архіепископомъ Зальцбургскимъ Тэотмаромъ во главѣ на особомъ соборѣ въ томъ же 899 г. принудило его сложить съ себя епископское достоинство и назначило на его мѣсто нѣкаго *Рихара*²⁾. Съ тѣхъ поръ имя Викинга совсѣмъ исчезаетъ изъ исторіи.

Посланіе баварскаго духовенства было составлено въ первой половинѣ 900 года (къ іюню этого года относится уже смерть папы Іоанна IX) — гдѣ именно, достовѣрно неизвѣстно, но, по предположенію Дюллера, это могло быть въ Рисбахѣ, гдѣ, какъ видно изъ одной грамоты, именно въ ту пору было собраніе баварскихъ сановниковъ³⁾. Посланіе было вызвано тѣмъ, что въ 899 году, вслѣдствіе сношеній князя Мойміра съ папой, послѣднимъ были отпращены въ Моравію архіепископъ Іоаннъ и два епископа, Бенедиктъ и Даніиль, которымъ было поручено, по соглашенію съ Мойміромъ, организовать моравскую церковь независимо отъ Баварскаго архіепископства. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ только изъ этого документа. Для насъ остается невыясненнымъ вопросъ о возникновеніи и ходѣ этихъ переговоровъ Мойміра съ папой. Инициатива въ нихъ принадлежала по всей вѣроятности Моравскому князю, на что есть указаніе и въ самомъ посланіи; но несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ былъ не мало заинтересованъ и папа. Съ его стороны было совершенно естественно позаботиться о замѣщеніи давно вакантной Мораво-паннонскон архіепископской кафедры, созданной съ такими усиліями и борьбою самымъ панскимъ престоломъ, и притомъ отчасти въ его собственныхъ интересахъ. Со стороны Мойміра это обращеніе къ папѣ съ ходатайствомъ о принятіи моравской церкви подъ свое покровительство было послѣдней попыткой поддержать и оживить разрушавшееся зданіе Моравскаго княжества,

¹⁾ Срв. Dudik, I, S. 330, 331.

²⁾ Ann. Fuld. 899 (SS. I, 414).

³⁾ Dammeler, Südöstl. Mark., S. 58.

избавивъ его отъ гибельнаго нѣмецкаго вліянія, но попыткою къ сожалѣнію уже слишкомъ запоздавшею, а потому и тщетною...

Посланные папой духовные прелаты успѣли, правда, организовать моравскую церковь, раздѣлили всю страну на четыре округа и посвятили въ нихъ одного архіепископа и трехъ епископовъ-суффрагановъ¹⁾, но этотъ новый порядокъ не имѣлъ времени принести какихъ-либо плоды, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ буря мадырскаго нашествія произвела и здѣсь такой переворотъ, что не только прекратила политическое существованіе княжества и внесла хаосъ во все его внутреннія, между прочимъ и церковныя дѣла, но и передала на западъ полному забвенію самое имя Моравіи, которое съ тѣхъ поръ на долгое время совершенно исчезаетъ изъ историческихъ памятниковъ.

Посланіе баварской церкви, изъ котораго мы почерпаемъ кое-какія, хотя и чрезвычайно скудныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ фактахъ и явленіяхъ послѣднихъ лѣтъ политической жизни Моравіи и ея борьбы съ западнымъ сосѣдомъ, заслуживаетъ вниманія, какъ мы выше сказали, преимущественно для характеристики взаимныхъ отношеній Славянъ и Нѣмцевъ въ ту пору. Будучи вызвано событіями, во всякомъ случаѣ нарушавшими интересы Нѣмцевъ и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, оно написано въ самомъ тенденціозномъ и пристрастномъ къ Славянамъ тонѣ, въ духѣ непримиримой вражды, причемъ явно и безсовѣстно то извращаются, то умалчиваются важныя историческія событія и отношенія, всему придается фальшивый, подходящий къ цѣлямъ составителей колоритъ и смыслъ, однимъ словомъ истина завѣдомо и дерзко попирается на каждомъ шагу. Не будь у насъ положительныхъ и достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ о дѣйствительномъ ходѣ тѣхъ событій и истиной сущности и характерѣ тѣхъ отношеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ по-

¹⁾ Очень можетъ быть, что эти лица были Мораване по происхожденію и принадлежали даже къ школѣ Мессодія, какъ на это указываетъ Дудикъ; такъ что ихъ дѣятельность могла бы быть очень благотворна и плодотворна для моравскаго народа. См. Dudik. I, S. 333—334.

сланіи, мы были бы введены въ величайшее заблужденіе и ошибки, еслибъ отнеслись довѣрчиво къ этому документу. Теперь же мы, располагая достовѣрными, хотя и не обильными лѣтописными извѣстіями, въ состояніи вѣрно судить о немъ, отличить то немногое, что въ немъ заслуживаетъ довѣрія, отъ очевидной лжи, и такимъ образомъ всетаки въ предѣлахъ возможности воспользоваться и этимъ источникомъ.

Мы приведемъ его здѣсь сполна и затѣмъ пояснимъ его необходимыми замѣчаніями. Во вступительныхъ словахъ нѣмецкое духовенство, т. е. архіепископъ Тэотмаръ и его суффраганы поясняютъ мотивъ обращенія къ папѣ: «Указы Вашихъ предшественниковъ—такъ начинаютъ они—и постановленія католическихъ отцовъ церкви научаютъ насъ во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ обращаться къ римскому престолу», радѣющему о поддержаніи въ церкви согласія, порядка и дисциплины. «Мы никакъ не можемъ думать, о чемъ мы ежедневно принуждены слушать, чтобы что-нибудь превратное (несправедливое) могло произойти со стороны св. апостольскаго престола, служащаго для насъ источникомъ нашего священническаго сана и колыбелью христіанской вѣры; мы ждемъ отъ него скорѣе ученія и авторитетнаго слова церковной мудрости.—И тѣмъ не менѣе пришли отъ Васъ, какъ они сами объявили, три епископа, именно архіепископъ Іоаннъ и епископы Бенедиктъ и Даниль, въ землю Славянъ, такъ называемыхъ Моравянъ, подвластную нашимъ королямъ, нашему народу и намъ, со всѣми своими жителями, не только въ церковномъ отношеніи, но и податью изъ мірскаго имущества, ибо отъ насъ исходило ихъ обращеніе, ихъ переходъ изъ язычества къ христіанству¹⁾. И потому Пассовскій епископъ, къ епархіи котораго принадлежали жители той страны со времени своего обращенія въ христіанство, являлся

¹⁾ Sed venerunt, ut ipsi promulgaverunt, de latere vestro tres episcopi, videlicet Iohannes archiepiscopus, Benedictus et Daniel episcopi in terram Schlanorum, qui Moravi dicuntur, quae regibus nostris et populo nostro.... subacta fuerat tam in cultu religionis, quam in tributo substantiae secularis.... etc.

туда, когда хотѣлъ и когда нужно было, не встрѣчая никакого сопротивленія, часто созывалъ синоды съ участіемъ своего и мѣстнаго духовенства, исполнялъ полновластно всѣ свои обязанности, и никто открыто ему не противодѣйствовалъ. Также и пограничные (съ Моравіей) маркграфы наши устранили тамъ собранія, чинили судъ и расправу, собирали подати, точно также не встрѣчая ни въ комъ противодѣйствія до тѣхъ поръ, пока тѣ (т. е. Мораване) не стали ненавидѣть христіанство, отвращаться отъ правды, подстрекать къ войнѣ и упорно защищаться, такъ что епископу и проповѣдникамъ былъ закрытъ туда путь, и водворился тамъ полнѣйшій произволъ. Нынѣ же въ увеличеніе своего беззаконія они еще хвастаютъ, что они большою суммою денегъ достигли того, что Вы послали имъ тѣхъ епископовъ. Въ епископствѣ Пассовскомъ Вы произвели нѣчто такое, что никогда не исходило отъ апостольскаго престола и чего не допускаютъ церковныя постановленія: Вы дозволили расколъ въ единой церкви; и вотъ одно епископство распалось на пять, ибо упомянутые епископы отъ Вашего имени — по ихъ же собственнымъ словамъ — поставили въ одно и то же епископство одного архіепископа, какъ-будто можетъ быть архіепископъ въ чужомъ епископствѣ, и трехъ епископовъ-суффрагановъ, — и все это безъ вѣдома архіепископа и безъ согласія епископа, въ епархіи котораго они находились¹⁾. . . . Вашъ предшественникъ, по настоянію Святополка, посвятилъ епископа Викинга, но послалъ его однако не въ то древнее Пассовское епископство, а къ новокрещенному народу, покоренному въ войнѣ тѣмъ княземъ и обращенному имъ изъ язычества въ христіанство²⁾. Когда же Ваши

¹⁾ *Intrantes enim praedicti episcopi in nomine vestro, ut ipsi dixerunt, ordinauerunt in uno eodemque episcopatu unum archiepiscopum, si tamen in alterius episcopatu archiepiscopum esse potest, et tres suffraganeos ejus episcopos, absque scientia archiepiscopi et consensu episcopi in cujus fuere diocesi.* — Здѣсь приводится нѣсколько постановленій Африканскаго собора, папы Льва Великаго и Целестина I — въ подтвержденіе высказаннаго обвиненія.

²⁾ *. . . . et nequaquam in illum antiquam Pataviensem episcopatum transmisit, sed in quandam neophytam gentem, quam ipse dux (Zuentibaldus) domuit bello, et paganis christianos ipse paravit.*

легаты позволили этимъ Славянамъ войти съ ними въ близкія сношенія, то тѣ обвиняли насъ, старались оклеветать во многомъ, взводили на насъ всевозможныя небылицы, такъ какъ никто не облачалъ ихъ словами правды, утверждал, что мы имѣли неприязность и ссору также и съ Франками и Алеманнами, тогда какъ напротивъ они — наши лучшіе друзья и помощники. И еще они обвиняли насъ, что мы въ отношеніи къ нимъ непрямпримы, чего нельзя дѣйствительно не признать, но не мы въ этомъ виноваты, а ихъ собственная строитивость. Ибо когда они начали чуждаться христіанства и въ добавокъ отказались платить должную дань властителямъ, королямъ нашимъ и ихъ управителямъ, стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ и беспокоить нашъ народъ, то у нихъ вспыхнулъ мятежъ. И такъ какъ тѣ отстояли ихъ для себя оружіемъ и снова обратили въ рабство, то слѣдовательно по закону должны были и должны имѣть ихъ своими подданными, и они во всякомъ случаѣ будутъ подвластны нашему государству, хотя бы ли того или не хотять¹⁾. Поэтому Вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными и предпочитать дѣйствовать въ духѣ умѣренности (т. е. сираведливо), чтобы худшая сторона не успивалась и лучшая не ослабѣвала. Предки нашего свѣтлѣйшаго госнодина Людовика-императора, короли, произошли отъ христіаннѣйшаго народа Франковъ, а Славяне мойміровы — отъ поганыхъ язычниковъ. Тѣ посредствомъ императорской власти способствовали възвышенію римской республики, эти — вредили ей; тѣ стяжали себѣ славу на весь міръ, эти пряталсь въ скрытыхъ мѣстахъ и городахъ²⁾. Совѣтомъ тѣхъ былъ сплечь апостольскій престолъ, отъ нападеній этихъ страдало христіанство. Во всемъ этомъ нашъ молодой король, не уступающій никому взъ своихъ предшествен-

¹⁾ orta est seditio inter illos; et quoniam armis sibi eos defenderunt et in servitiam redegerunt, idcirco jure proprio tributarios habere debuerunt et debent et sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt.

²⁾ Здѣсь намечается на систему Славянъ—при вторженіяхъ въ ихъ страну зашираться въ укрѣпленныхъ городахъ и предоставлять опустѣвшія мѣстности грабежу неприятеля, вслѣдствіе чего одержать надъ ними полную побѣду было очень нелегко.

никовъ, желаетъ, сообразно ему данной отъ Бога доблести, со всѣми князьями своего государства быть энергическимъ заступникомъ святой римской церкви и Вамъ, высшему церковному пастырю; ибо употреблять данную ему власть на служеніе Богу, — этого онъ (Людовикъ) только и желаетъ, къ этому только и стремится. Вслѣдствіе того онъ такъ дорожитъ миромъ и согласіемъ, и находитъ отраду прибѣгать къ Вамъ, какъ къ отцу своему. Что же касается того, что вышеназванные Славяне обвиняютъ насъ въ томъ, что мы будто-бы съ Уграми оскорбили католическую вѣру и заключили мирный договоръ, причемъ клялись собакою или волкомъ и другими погаными и языческими предметами, и будто дали имъ (Уграмъ) денегъ, чтобы они пошли на Италію ¹⁾, то лживость всего этого обнаружилась бы и наша невиновность была бы засвидѣтельствована, еслибы это дѣло наше подверглось обсужденію передъ лицомъ всевѣдущаго Бога и Васъ, его апостольскаго намѣстника. Такъ какъ однако они постоянно угрожали нашимъ, отдаленнымъ отъ насъ христіанамъ и допекали ихъ жестокими преслѣдованіями, то мы дѣйствительно одарили ихъ, только не денежными суммами, а нашими льняными одеждами, чтобы нѣсколько смягчить ихъ дикость. Итакъ именно все вышеупомянутое измыслили тѣ (т. е. Славяне) въ злобѣ своего сердца и возбудили Вашихъ епископовъ къ несправедливости по отношенію къ намъ, такъ что они въ письмѣ къ намъ, исходящемъ какъ-бы отъ апостольскаго престола, ставили намъ все то въ вину и между прочимъ утверждали, что мы достойны быть пораженными Божескимъ мечомъ (проклятіемъ). — Между тѣмъ они сами издавна (въ теченіе многихъ лѣтъ) ²⁾ совершали то преступленіе, которое они намъ несправедливо приписываютъ. Они приняли къ себѣ

¹⁾ Nos prefati Schlaui criminabantur cum Ungaris fidem catholicam violasse, et per canem, seu lupum, aliasque nefandissimas et ethnicos res sacramenta et pacem egisse, atque ut in Italiam transirent, pecuniam dedisse.

²⁾ Ipsi enim crimen, quod nobis falso semel factum imposuerunt, multis annis peregerunt. См. К rem per (De Ungarorum demigrat., p. 45) у Dümmler'a, Gesch. II, S. 511.

огромное множество Угровъ, по обычаю послѣднихъ обрили головы своимъ лжехристіанамъ ¹⁾ и не только натравпили ихъ (Угровъ) на насъ христіанъ, но и сами къ нимъ присоединились ²⁾ и однихъ увели въ плѣнъ, другихъ убили, третьихъ уморили голодомъ и жаждою въ темницахъ, безчисленное множество вогнали въ нищету, благородныхъ мужей и честныхъ женщинъ увели въ неволю, сожгли храмы Божьи и разрушили все зданія, такъ что во всей Панноніи, нашей обширѣйшей провинціи, не увидишь почти ни одной церкви, какъ это могли бы вамъ рассказать назначенные Вами епископы, еслибъ хотѣли сознаться, сколько дней они путешествовали и какъ нашли страну опустошенною. Когда же мы узнали о вторженіи Угровъ въ Италію, то — видѣть Богъ — мы сильно желали помяться со Славянами, причемъ обѣщали простить имъ ради всемогущаго Бога все зло, причиненное намъ и нашимъ, и возвратить имъ все то, что оказалось бы у насъ изъ ихъ имуществъ, чтобы намъ быть въ безопасности отъ нихъ — по крайней мѣрѣ хоть на то время, пока мы совершили бы походъ въ Лангобардію съ цѣлью защитить владѣнія св. Петра и освободить христіанскій народъ съ Божьей помощью. Но даже и этого мы не могли добиться отъ нихъ. И послѣ такихъ злодѣяній имъ еще оказываются такіа благодѣянія! и живыми обвинителями выступаютъ тѣ, которые были всегда гонителями христіанъ. Если есть кто-нибудь на свѣтѣ, кто рѣшился бы уличить насъ въ несправедливости, пусть онъ явится и Вы убѣдитесь, что онъ обманется, а мы окажемся невинными въ этомъ дѣлѣ. Итакъ мы все умоляемъ Васъ не давать вѣры ничьимъ противъ насъ навѣтамъ, пока не явится случай и ради этого дѣла не будетъ отправленъ посоль отъ Васъ къ намъ или наоборотъ отъ насъ къ Вамъ. Всеобщая скорбь и страданія постигли

¹⁾ Угры, какъ извѣстно, брили себѣ головы, оставляя однако для красы — три косички.

²⁾ *Ipsi multitudinem Ungarorum non modicam ad se sumserunt, et more eorum capita suorum pseudochristianorum penitus detonserunt, et super nos christianos immiserunt, atque ipsi supervenerunt.... etc.*

жителей Германіи и Норика изъ-за того, что единство церкви нарушается, ибо одно епископство, какъ мы сказали, раздѣлено на пять. Если поэтому обманъ—лукавствомъ Славянъ причинилъ какой вредъ, пусть справедливость исправить это...».

Въ заключеніи упоминается, что доходы папскаго престола въ Баваріи не могли быть до сихъ поръ пересланы въ Римъ — вслѣдствіе нестовствъ язычниковъ, но что теперь, когда дороги опять очистились, это будетъ исполнено при первой оказіи. Посланіе подписано архіепископомъ Зальцбургскимъ Тэотмаромъ и его 5-ю суфраганами-епископами (Вальдо Фрейзингенскій, Эрхенвальдъ Эйхстедтскій, Захарій Себенскій (Тирольскій еп.), Туго Регенсбургскій и Рихаръ Пассовскій).

Прежде чѣмъ отмѣтить въ этомъ характерномъ документѣ то, что имѣетъ для насъ значеніе болѣе или менѣе интересныхъ историческихъ свидѣтельствъ, укажемъ на главные пункты, въ которыхъ посланіе представляетъ явное извращеніе истины. Нечего и говорить, что уже самый его предметъ и цѣль, т. е. жалоба на церковныя мѣры, принятія въ Моравіи, и требованіе, обращенное къ папѣ, съ точки зрѣнія справедливости не могутъ быть признаны состоятельными. Ссылаться на какія-то соборныя постановленія и папскіе указы V вѣка и совершенно умалчивать о томъ, что сдѣлано и установлено папой лѣтъ 30 тому назадъ, говорить о старомъ, совершенно пересозданномъ порядкѣ вещей—какъ о законномъ и будто-бы продолжающемъ существовать, обобщать на цѣлую эпоху событія и случайныя явленія одного, двухъ лѣтъ, называть язычествомъ и попираніемъ христіанства—отстаиваніе церковной самостоятельности, наконецъ требовать отмѣны мѣръ, только что принятыхъ папой для возобновленія установленнаго порядка, грозя въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ,—все это объясняется только отчасти существовавшимъ тогда взглядомъ нѣмецкаго духовенства на права и предѣлы власти главы римской церкви; рѣшительный и страстный тонъ посланія долженъ быть приписанъ также и крайнему озлобленію нѣмецкихъ епископовъ, выведенныхъ изъ себя новымъ шагомъ Моравскаго князя:

они уже рассчитывали окончательно торжествовать и надѣялись незамѣтно и навсегда забрать въ свои руки потерянные-было (при Меоодіи) Моравію и Паннонію¹⁾, и тутъ-то вдругъ расчеты ихъ оказывались неожиданно разстроеными, имъ приходилось вновь отказаться отъ присвоенныхъ себѣ правъ, вновь мпритъся съ нарушеніемъ своихъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣла нѣмецкіе епископы рѣшились испробовать еще одно средство— энергически протестовать передъ папой противъ церковнаго отдѣленія Моравіи, для чего и сочинили пресловутое посланіе, въ которомъ извратили всю исторію Моравскаго княжества и его отношеній къ Восточно-Франкской державѣ, рассчитывая вѣроятно такимъ отрицаніемъ прошлаго тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на папу.

Моравія является тутъ съ самаго начала совершенно подвластною Франкамъ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ полное политическое подчиненіе было только въ 870—871 году; нѣмецкіе маркграфы чинятъ въ ней судъ и расправу, чего также никогда не было, за исключеніемъ эпизода 870 года²⁾. Пассовскій епископъ безпрепятственно распоряжается и хозяйничаетъ въ Моравіи, тогда какъ извѣстно, что онъ могъ дѣйствовать въ ней никакъ не позже 869 года, когда положеніе Меоодія было узаконено самимъ папой; назна-

¹⁾ Зальцбургская церковь успѣла уже кажется возстановить свою власть, по крайней мѣрѣ отчасти, что можно заключить изъ того, что баварское духовенство (съ Зальцбургскимъ архіепископомъ во главѣ) въ своемъ посланіи отстаиваетъ исключительно права Пассовскаго епископа, а о правахъ Зальцбурга — нѣтъ ни слова. Срв. Wattenbach, Beiträge zur Gesch. d. Christl. Kirche in Böhmen u. Mähren, Wien, 1849, S. 32.

²⁾ Дудикъ (M. A. G., I, S. 336, пр.) замѣчаетъ, что тутъ можетъ быть есть намекъ на обычай, по которому Моравяне, жившіе на нѣмецкой границѣ, при бѣгахъ иногда за судомъ къ нѣмецкимъ маркграфамъ, какъ это видно изъ одной грамоты Арнульфа (893): «Et si forsam de Moravorum regno aliquis causa justitiæ supervenerit, si tale quidlibet est, quod ipse Heimo vel advocatus ejus corrigere nequiverit, judicio eiusdem comitis (Arbonis) potenter finiatur». (Egbe n, Regesta, № 53, стр. 22). Едва-ли однако можно обобщить это показаніе, такъ какъ оно относится ко времени разгара смутъ и междоусобій въ Моравіи (893), когда пограничные съ Маркой Моравяне были вынуждены искать правосудія на сторонѣ, не находя его у своихъ властей, занятыхъ раздорами.

чснїе Меодїа Мораво-паннонскимъ архїепископомъ, его плодотворная дѣятельность въ Моравїи, непосредственныя его сношенїя съ папой и заступничество послѣдняго за него противъ интригъ Нѣмцевъ, — обо всемъ этомъ завѣдомо умалчивается ¹⁾ и эта знаменательная эпоха отмѣчается въ нѣсколькихъ словахъ — временемъ отступничества отъ христіанства, бунта и всевозможнаго произвола; Моравїя представляется принадлежащею къ Пассовской епархіи, и новое назначенїе туда архїепископа и трехъ епископовъ называется неслыханнымъ дѣломъ, между тѣмъ какъ это дѣло было только замѣщенїемъ довольно долго остававшейся вакантіи Мораво-паннонской каедрѣ; относительно Викнга, о которомъ ужъ нельзя было умолчать, дѣлается уловка, и онъ оказывается епископомъ, назначеннымъ по просьбѣ Святополка «къ новообращенному народу» (въ Нитру) и такимъ образомъ не имѣющимъ отношенїя собственно къ моравской церкви: уловка неудачная, такъ какъ извѣстно, какъ давно Нитра принадлежала Моравїи и что тамъ была освящена церковь еще Зальцбургскимъ архїепископомъ Адальрамомъ (около 836 г.); ²⁾ затѣмъ повторяется неясное упоминанїе о мнгомъ отчужденїи Мораванъ отъ христіанства, о возмущенїи и враждебныхъ ихъ дѣйствїяхъ противъ Нѣмцевъ и рѣзко высказывается убѣжденїе, что Мораване волей-неволей, а должны будутъ смириться передъ нѣмецкою властью; Мораване изображаются непримиримыми, а Нѣмцы напротивъ — всегда желавшими мира: такъ рассказываетъ, что послѣдніе, узнавъ о походѣ Угровъ въ Италію, умоляли Мораванъ о заключенїи мира, на что эти будто-бы не соглашались, тогда какъ мы знаемъ, что и тутъ, какъ всегда, непримиримость была напротивъ со стороны Нѣмцевъ и что имѣно во время угор-

¹⁾ Нѣмцы могли съ своей точки зрѣнїя оправдывать это умолчанїе тѣмъ, что мѣсто Меодїа оставалось такъ долго не замѣщено и что самая его дѣятельность была, по проискамъ Викнга, очернена и объявлена еретическою самимъ папой Стефаномъ V въ его письмѣ къ Святополку.

²⁾ Было бы странно только на основанїи этого мѣста посланїя строить какїя-нибудь предположенїя насчетъ отношенїя Нитры къ епархіи Меодїа. См. Wattenbach, Beiträge, *ibid.*, S. 32.

скаго предпріятія въ Италію (899—900) Баварцы совершили два опустошительныхъ похода въ Моравію и расположенія къ миру вовсе не обнаруживали. Таковы правда и безпристрастіе въ изложеніи фактовъ нѣмецкимъ духовенствомъ! Особенно характерны здѣсь внушительныя слова, что *Мораване, хотя и не хотятъ, а всетаки сдѣлаются подвластны нѣмецкому государству*. Убѣжденіе, съ которымъ это сказано, доказываетъ въ Нѣмцахъ большую увѣренность въ себѣ и полное сознаніе превосходства своихъ силъ, и едва-ли было бы справедливо видѣть въ этой выходкѣ одно только хвастовство и кичливость. Мы знаемъ, съ какою настойчивостью и даже неразборчивостью въ средствахъ Нѣмцы всегда преслѣдовали свои цѣли, знаемъ, что матеріальныя силы ихъ были очень значительны, знаемъ наконецъ, какихъ результатовъ они достигали въ своемъ политическомъ и культурномъ движеніи на востокъ, и потому имѣемъ право думать, что такія слова въ ихъ устахъ не были одними только пустыми словами, тѣмъ болѣе, что они обращены не къ Славянамъ, а къ намъ, передъ которыми не было причинъ хвастаться.

Другую сторону посланія составляетъ отчасти отстраненіе отъ себя разныхъ обвиненій, которымъ Нѣмцы подвергались со стороны Мораванъ и въ которыхъ они находили необходимымъ оправдаться передъ нами, отчасти обвиненіе самихъ Мораванъ въ кое-какихъ проступкахъ. Всѣ свидѣтельства этого рода имѣютъ дѣйствительно ббльшую или меньшую историческую цѣну и заслуживаютъ гораздо ббльшаго вниманія и довѣрія, такъ какъ первыя изъ нихъ являются показаніями противоположной стороны, вторыя же также не могли быть выдуманы и имѣютъ историческія основанія, хотя и исходятъ изъ устъ пристрастно настроенныхъ обвинителей. — Нѣмцы находятъ нужнымъ оправдываться передъ нами по двумъ пунктамъ: во-первыхъ Мораване, вѣроятно въ доказательство ихъ задора, выставили на видъ ихъ размолвку и столкновенія съ Франками и Алеманнами. Нѣмецкое духовенство называетъ это небыллицей, хотя взаимная вражда между отдельными племенами германской народности

не была явленіемъ необыкновеннымъ. Во-вторыхъ Нѣмцы защищаются противъ тяжелаго обвиненія, что они будто-бы подкупили Угровъ большой суммой денегъ предпринять походъ въ Италію, а сами заключили съ ними мирный договоръ, подтвердивъ его клятвой по языческому обычаю, и такимъ образомъ оскорбивъ католическую вѣру. Въ этомъ фактѣ клятвеннаго договора нѣтъ ровно ничего невѣроятнаго, такъ какъ извѣстно, что всегда христіанскому народу при вступленіи въ сдѣлку съ варварами приходилось дѣлать уступку ихъ обычаямъ¹⁾. Что же касается до обвиненія въ подкупѣ, то, хотя мы и не можемъ сказать утвердительно, что оно справедливо, оно всетаки представляется очень правдоподобнымъ,—въ виду слѣдующаго зѣтѣмъ въ посланіи сознанія Нѣмцевъ, что они давали Уграмъ подарки («не деньгами, а льняными одеждами», что въ сущности одно и то же, конечно), чтобы отклонить ихъ опустошительныя набѣги на сосѣднихъ съ ними христіанъ. Притомъ мало вѣроятно, чтобы Мораване сочинили такой фактъ; не объясняется ли этимъ подкупомъ и то нѣсколько странное обстоятельство, что Угры на своемъ походѣ въ Италію не встрѣтили никакого сопротивленія въ Панноніи? Увѣренія самихъ Нѣмцевъ, что они желали идти на помощь итальянскому народу и что Мораване имъ помѣшали въ этомъ, конечно не заслуживаютъ никакой вѣры, какъ явная ложь, такъ какъ въ это самое время Баварцы опустошали Моравію. Скорѣе могло бы говорить противъ подкупа то, что Угры на обратномъ пути изъ Италіи подвергли жестокому опустошенію и самую Паннонію, но и это соображеніе не довольно сильно, чтобы подорвать вѣроятность обвиненія Нѣмцевъ Мораванами²⁾. Въ свою очередь нѣмецкое духовенство, оправдывая

¹⁾ Theophan. Contin. (Lib. I, c. 20, p. 31) свидѣтельствуетъ о подобномъ же договорѣ, заключенномъ по языческому обычаю между императоромъ Львомъ Армениномъ и Болгарами: *κῆρας μὲν, καὶ οἱ τῆ ἀγορᾶ ἔστη ὑβόσιν, ἑχρήτο μίρτιος τῶν πρᾶττομένων... etc.*

²⁾ Во 1-хъ Угры вообще мало соображались съ договорами и нарушали ихъ очень легко; во 2-хъ можетъ быть тутъ подъ Панноніей разумѣются только моравскія владѣнія.

своихъ соотечественниковъ, выступаетъ передъ папой съ подобнымъ же обвиненіемъ противъ Мораванъ. Оно утверждаетъ, что послѣдніе принялъ къ себѣ множество Угровъ, *брили себѣ головы по мадьярскому обычаю*, и сами вмѣстѣ съ Уграми, которыхъ подстрекали къ набѣгамъ, совершали опустошительныя вторженія въ предѣлы нѣмецкой державы и производили въ ней жесточайшій грабежъ. Это свидѣтельство очень любопытно, и къ нему нельзя отнести безъ вниманія. Сообщенная при этомъ подробность относительно бритья головъ придаетъ ему характеръ еще болышей достовѣрности и невольно заставляетъ вѣрить не только тому, что Мораване призывали къ себѣ на помощь Угровъ, но и обратно—участію Мораванъ и вообще дунайскихъ Славянъ въ угорскихъ набѣгахъ на западъ. Не будь этой подробности, еще можно было бы предположить тутъ просто желаніе оклеветать Славянъ, но такой фактъ, какъ подражаніе Уграмъ въ способѣ носить волосы на головѣ, явно съ цѣлью не быть узанными среди мадьярскихъ полчищъ, не могъ быть сочиненъ Нѣмцами: онъ очевидно былъ на лицѣ и въ немъ они успѣли тогда уже воочию удостовѣриться.

По показанію нѣмецкихъ епископовъ, первую и главную жертвою нестовыхъ набѣговъ Угровъ, съ которыми въ сообществѣ были отчасти и Мораване ¹⁾, была Паннонія, эта «*maxima postea provincia*», какъ она ее называютъ. Въ ней, по ихъ выраженію, не оставалось болѣе почти ни одной церкви, «о чемъ могли бы засвидѣтельствовать посланные папой епископы, убѣдившіеся въ ея запустѣніи во время своихъ странствованій». Мы несколько не сомнѣваемся, что здѣсь идетъ рѣчь именно о послѣдствіяхъ для Панноніи угорскихъ набѣговъ, а не объ опустошеніи ея Святополкомъ въ 882 и 883 годахъ, какъ утверждаетъ Дюмлеръ и за нияъ повторяютъ другіе ²⁾. Это послѣднее опустошеніе уже было

¹⁾ Мораване руководились при этомъ конечно чувствомъ мести къ Нѣмцамъ, а въ этомъ отношеніи они могли найти исходъ этому чувству и въ разгромѣ Панноніи, гдѣ были уже тогда очень многочисленныя нѣмецкія колоніи.

²⁾ Dummler, *Südöstl. Mark.*, S. 62; срв. Dudik, I, S. 341.

тогда старой исторіей, и въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ, до угорскаго набѣга 894 года, Паннонія имѣла время оправиться и подняться въ отношеніи благосостоянія. Очевидно въ посланіи разумѣются бѣдствія отъ самыхъ послѣднихъ угорскихъ вторженій; притомъ очень возможно, что они и преувеличены. Доводъ Дюллера, что тутъ не можетъ имѣться въ виду Нижняя Паннонія, такъ какъ папскіе легаты не могли-де направить черезъ нее свой путь изъ-за тѣхъ опасностей, которыя она представляла, не выдерживаетъ критики. Организуя моравскую церковь, эти легаты должны были напротивъ заглянуть и въ паннонскія владѣнія Моравіи и дѣйствительно могли убѣдиться въ ихъ плачевномъ состояніи. Точно также не противорѣчитъ нашему взгляду и выраженіе «*nostra saxonia provincia*», на которое ссылается Дюллеръ, какъ на доказательство, что тутъ идетъ рѣчь не о Нижней Панноніи, еще принадлежавшей Мораванамъ. Дѣло въ томъ, что вѣдь эти слова исходятъ изъ устъ нѣмецкаго духовенства, а оно, какъ мы видѣли, смотритъ въ разбираемомъ посланіи и на Паннонію, и на Моравію, какъ на части своей нѣмецкой державы не въ одномъ только церковномъ отношеніи... Слѣдовательно выраженіе «*nostra provincia*» въ устахъ Зальцбургскаго архіепископа не даетъ еще права рѣшительно ни къ какимъ заключеніямъ.

Наковецъ есть и еще пунктъ, въ которомъ нѣмецкіе епископы старались набросить тѣнь на Мораванъ и представить ихъ какъ можно болѣе виновными передъ папскимъ престоломъ. По ихъ увѣренію, Мораване хвастали, что достигли посредствомъ большой суммы денегъ присылки папскихъ легатовъ и новой организаціи своей церкви (т. е. попросту подкупили папскій дворъ). Это обвиненіе имѣетъ уже характеръ злостнаго доноса и тяжкаго обвиненія самого папы, если въ немъ дѣйствительно есть доля правды. Но въ настоящемъ случаѣ оно можетъ быть также злобной клеветой, съ цѣлью съ одной стороны возстановить папу противъ Мораванъ, съ другой—и главнымъ образомъ—представить ему, что его церковнымъ мѣрамъ въ Моравіи придается весьма неблаговѣднѣйшій и нечистый оттѣнокъ, и такимъ путемъ

побудить его оставить свое предприятие: вѣдь это же и было главною цѣлью посланія.

Подкупъ папы Моравскимъ княземъ кажется намъ неправдоподобнымъ, ибо дѣло это (предпринятое имъ въ Моравіи) вполне согласовалось съ папскими интересами и было только продолженіемъ прежней, столь намъ извѣстной политики римскаго престола по отношенію къ моравской церкви. А если не было подкупа, то и хвастовство имъ является невѣроятнымъ и бессмысленнымъ. Съ другой стороны, если бы что-нибудь подобное было, то неужели Мораване стали бы этимъ хвастаться и такимъ образомъ открыто компрометировать папу и свое дѣло? Это было бы съ ихъ стороны слишкомъ непоэтично и наивно. Одно, что могло подать поводъ къ клеветѣ нѣмецкаго духовенства, — это то, что папскіе легаты предприняли путешествіе и пребывали въ Моравіи вѣроятно на счетъ Мораванъ¹⁾, но между этимъ обстоятельствомъ и подкупомъ нѣтъ, разумѣется, ничего общаго. Нѣмецкому духовенству надо было во что бы то ни стало очернить Мораванъ въ глазахъ папы и отвлечь послѣдняго отъ задуманнаго дѣла, и вотъ они придумываютъ наиболѣе вѣрное средство, чтобы задѣть самолюбіе и гордость папы, — пускаютъ въ ходъ мысль о подкупѣ. Такая выходка должна была тѣмъ болѣе подѣйствовать на него, что папская курія вообще не отличалась безкорыстіемъ въ своихъ дѣлахъ и отношеніяхъ и очень радѣла о своихъ матеріальныхъ благахъ установленіемъ различныхъ сборовъ и налоговъ съ христіанъ въ свою пользу; на это есть указаніе и въ настоящемъ посланіи, именно въ извиненіи Зальцбургскаго архіепископа, что онъ изъ-за угорскаго набѣга на Италію вб-ремя не могъ доставить папѣ приходящихся на его долю сборовъ.

Изъ всего этого видно, что есть въ разобранномъ документѣ и такія показанія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія, освѣщающія современныя обстоятельства и отношенія нѣсколько болѣе,

¹⁾ Dudík, I, S. 332 и 337 (прим.).

чѣмъ то могутъ сдѣлать сухія лѣтописныя свидѣтельства. Это касается по преимуществу отношенія Нѣмцевъ и Мораванъ къ той новой силѣ, которая, придвинувшись къ самымъ границамъ ихъ владѣній, все ошутительнѣе давала себя знать и чувствовать, все болѣе и болѣе поглощала вниманіе, возбуждала тревогу и опасенія запада. Послѣ итальянскаго разгрома всѣми уже предвидѣлись кровавые расчеты съ Мадьярами, съ той и другой стороны являлись попытки къ смяченію врага (подкупомъ) и къ сдѣлкамъ съ нимъ, послѣ чего слѣдовали взаимныя обвиненія, осужденія, клеветы и проч. Что касается судьбы и результатовъ посланія зальцбургскаго духовенства къ папѣ, то намъ они, къ сожалѣнію, остаются совершенно неизвѣстны. Письмо было написано въ такомъ рѣшительномъ тонѣ и затрогивало такіе жгучіе вопросы, что едва-ли могло бы остаться безъ всякихъ послѣдствій для моравскаго церковнаго вопроса при нормальномъ теченіи дѣла¹⁾; были ли однако въ дѣйствительности какія-либо послѣдствія и въ чемъ они заключались, мы не знаемъ и даже имѣемъ право сомнѣваться въ нихъ на томъ основаніи, что обстоятельства сложились повидному весьма неблагоприятно для этого дѣла. Посланіе, какъ видно изъ словъ, что Италия уже освободилась тогда отъ Угровъ (*quia dei gratia liberata est Italia*), было отослано не ранѣе осени 900 года, слѣдовательно оно уже не могло застать въ живыхъ папу Іоанна IX (умершаго въ іюль 900 г.), къ которому было адресовано²⁾. Какъ отнесся къ нему его преемникъ — неизвѣстно. Впрочемъ самый вопросъ этотъ теряетъ свое значеніе въ виду того рѣшительнаго

¹⁾ Надо замѣтить, что существуетъ еще другое одновременное посланіе къ папѣ архіепископа Майнцскаго Гаттона, подтверждающее жалобы и призыванія Зальцбургскаго духовенства и повторяющее его въ главныхъ пунктахъ (см. Eiben, *Regesta*, № 55, стр. 24—25), но такъ какъ на подлинности этой грамоты набросана тѣнь (Dümmler, *Süd.-Ö. M.*, S. 78—79) и вообще она не представляетъ ничего новаго, то мы и не сочли нужнымъ особенно останавливаться на ней. Дудикъ (I, S. 343) впрочемъ не раздѣляетъ подозрѣній Дюмлера.

²⁾ На это обстоятельство указалъ уже Dümmler, *Gesch.*, II, S. 512.

оборота, который приняли вскорѣ затѣмъ политическія событія и международныя отношенія на среднемъ Дунаѣ. И для Мораванъ, и для Нѣмцевъ — церковный вопросъ и церковныя интересы естественно отошли на задній планъ, когда пришлось думать только о самозащитѣ и наперечъ всѣ свои силы, чтобы такъ или иначе умѣрить тяжесть ударовъ, которые наконецъ послѣдовательно направляла на нихъ мадьярская орда, пользуясь благоприятными политическими условіями.

4.

Угры въ Панноніи. Набѣги Угровъ въ нѣмецкія и моравскія владѣнія 900—904 г. Коварный поступокъ Нѣмцевъ. Общее настроеніе на среднемъ Дунаѣ. Рафелъштетенскій торговый договоръ.

Еще въ 900 году Нѣмцамъ пришлось имѣть значительное дѣло съ Уграми. Эти событія разсказываются довольно обстоятельно Фульденскою лѣтописью и въ немногихъ словахъ подтверждаются нѣкоторыми другими анналами (Alamann. 900; Heriman. Augiens. 900; Liudprandi Antapodos.). Вернувшись изъ итальянскаго похода, Угры отправили къ Баварцамъ пословъ какъ-бы съ просьбой о мирѣ, въ сущности же съ цѣлью развѣдокъ и ознакомленія со страной ¹⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что посольство Угровъ дѣйствительно имѣло между прочимъ и эту цѣль; такія предварительныя развѣдки были совершенно въ характерѣ и правахъ Угровъ; возраженіе, что послѣдніе уже и безъ того хорошо знали мѣстности и что имъ нечего было болѣе раз узнавать, не выдерживаетъ критики ²⁾, такъ какъ не Паннонія на этотъ разъ была цѣлью задуманнаго ими военнаго предпріятія, а край, лежащій далѣе на западъ и прежде всего Восточная

¹⁾ Ann. Fuld. 900: *Missos illorum sub dolo ad Baiuarios pacem optando, regionem illam ad explorandam transmiserunt.*

²⁾ Gfrörer (Byz. Gesch.), II, S. 893, см. Dudik, I, 347.

марка и крайны Баваріи, т. е. мѣстности, еще вовсе неизвѣстныя Уграмъ. Но кромѣ этой цѣли есть основаніе предположить и другую. Императоръ Арнульфъ умеръ въ то время, когда полчища Угровъ были въ Италіи. Допустимъ ли мы или нѣтъ его подстрекательство въ этомъ послѣднемъ ихъ походѣ, тѣмъ не менѣе останется фактомъ едва-ли подлежащимъ сомнѣнію, что онъ въ послѣдній годъ находился въ нѣкоторой сдѣлкѣ съ ними и съ помощью денегъ или другихъ подарковъ отвращалъ ихъ вторженіе вглубь своихъ владѣній. А въ такомъ случаѣ естественно, что Угры, узнавъ о смерти Арнульфа, хотѣли провѣдать, какъ къ нимъ относятся его преемникъ, и вообще новыя нѣмецкія власти, и нельзя ли и съ нихъ взять побольше денегъ и подарковъ, подъ видомъ новаго мирнаго договора. Изъ послѣдующаго видно, что они ничего не достигли и вернулись съ пустыми руками, ибо немедленно по возвращеніи ихъ былъ рѣшенъ набѣгъ на нѣмецкія владѣнія, въ предѣлы самой Баваріи, и быстро, въ томъ же 900 году, приведенъ въ исполненіе. Не дать врагамъ приготовиться, застать ихъ врасплохъ, вообще не терять ни минуты времени было главнымъ условіемъ усиленности предпріятія и потому одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ угорскихъ набѣговъ. Съ неимовѣрною быстротою прослѣдовавъ черезъ Восточную марку и достигнувъ р. Энжи, Угры перешли ее и неудержимымъ потокомъ ринулись въ цвѣтущій край Баваріи (Traungau), гдѣ завялся безпощаднымъ грабежомъ и опустошеніемъ. Такое быстрое появленіе ихъ среди нѣмецкихъ владѣній свидѣтельствуешь, что ихъ военныя силы находились въ тотъ моментъ уже очень не далеко отъ границъ Марки. Едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что Угры по возвращеніи изъ Италіи избрали главнымъ мѣстомъ пребыванія своихъ военныхъ полчищъ уже окончательно брошенную на произволь судьбы *Паннонію* (въ ея низменныхъ частяхъ) и что туда къ нимъ перекочевала съ лѣваго берега Дуная нѣкоторая часть ихъ семействъ. Явнымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить слова все той же Фульдской лѣтописи, что Угры

съ похода въ Баварію вернулись назадъ «къ своимъ въ Паннонію»¹⁾.

Быстрота, съ которою Угры рыскали по баварской территоріи, какъ ее характеризуетъ лѣтописецъ, была такова, что въ одинъ день они успѣвали пробѣгать и опустошать пространство въ 50 римскихъ квадратныхъ миль. Когда же Баварцы собрали войско и готовы были встрѣтить Угровъ, послѣдніе уже успѣли забрать добычу и съ такою же быстротою вернуться въ Паннонію. Баварское войско не могло ихъ настичь. Между тѣмъ другая шайка Угровъ совершала опустошительный набѣгъ вдоль лѣваго берега Дуная и тоже проникла довольно далеко вглубь нѣмецкой территоріи. Узнавъ объ этомъ, маркграфъ Люнтпольдъ съ другими баварскими военачальниками и въ сопровожденіи епископа Пассовскаго (Рихара) съ праваго берега Дуная, гдѣ уже нечего было дѣлать, переправился на лѣвый и успѣлъ настичь (непзвѣстно, гдѣ именно) Угровъ. Въ сраженіи, происшедшемъ здѣсь, перевѣсъ оказался сразу на сторонѣ Нѣмцевъ: имъ удалось разбить взятую вѣроятно врасплохъ мадырскую шайку, изъ которой 1200 человекъ, по свидѣтельству Фульденскихъ анналовъ, погибло отъ меча или утонуло въ Дунаѣ²⁾. Радость Нѣмцевъ послѣ этой первой одержанной надъ Уграми побѣды была велика: они торжественно и громко возблагодарили Бога за нее и, вернувшись къ своимъ товарищамъ по оружію, немедленно затѣмъ занялись постройкою сильной пограничной крѣпости на берегу р. Энки (около стараго мѣстечка Лорха)³⁾, пзвѣстной подъ именемъ *Энцбург* (*Ancsiurch*), которая долж-

¹⁾ Ungari.... redierunt, unde venerunt, ad sua in Pannoniam. Ann. Fuld., *ibid.*

²⁾ Ann. Fuld. 900, *ibid.*; также Herimann. Augiens. an. 900: Ungarii Baariam ingrediuntur et plus mille ex eis occiduntur; Ann. Alamana. 900: Norici cum Ungris pugnauerunt et partem ex eis occiderunt.

³⁾ Ann. Fuld. 900: Tandem laeti post tantam victoriam, ad socios unde venerant regressi sunt, et citissime in id ipsum tempus pro tuicione illorum regni valdissimam urbem in littore Ancsi fluminis muro obposuerunt.

на была отнышѣ служить защитой противъ нашествій восточныхъ варваровъ ¹⁾).

Послѣ дерзкаго и жестокаго набѣга Угровъ въ предѣлы Баваріи сознаніе великой опасности, которой подвергался всѣ земли, сосѣднія съ жупищами новыхъ пришельцевъ, впервые пробудилось серьезно и у Нѣмцевъ, и Мораванъ, все еще до тѣхъ поръ ослѣпленныхъ взаимной враждой. И тѣ и другіе поняли, въ тотъ моментъ по крайней мѣрѣ, свое критическое положеніе, къ выходу изъ котораго могли служить лишь прекращеніе распри и единодушное противодѣйствіе врагу. Такое настроеніе выразилось уже въ началѣ слѣдующаго 901 года въ мирѣ, заключенномъ между Людовикомъ и Мойміромъ—первоначально въ Регенсбургѣ и затѣмъ закрѣпленномъ въ Моравіи. Хотя починъ въ этомъ дѣлѣ шелъ со стороны Мораванъ, можно все-таки полагать, что сознаніе опасности отъ мадьярской грозы руководило при этомъ еще болѣе Германской державой. Не забудемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ сряду (898, 899 и 900) Моравія подвергалась опустошительнымъ вторженіямъ Нѣмцевъ. Послѣ этого конечно ей, глубоко потрясенной и внутри и извнѣ, было вполне естественно и необходимо просить пощады и мира; гораздо менѣе естественно было согласиться на него Нѣмцамъ, которые уже предвидѣли близкое осуществленіе своей завѣтной мечты, окончательнаго разгрома Моравскаго княжества. Еще нѣсколько энергическихъ и искусно направленныхъ ударовъ,—и по всей вѣроятности оно должно было бы склонить голову и отдаться въ руки несравненно сильнѣйшаго противника. Между тѣмъ этого не случилось; ибо Нѣмцы были очевидно *вынуждены* согласиться на мирныя предложенія Мораванъ, такъ какъ въ виду такого врага, какимъ явился Угры, имъ необходимо было приобрести союзника въ сосѣдѣ, который въ противномъ случаѣ могъ бы только увеличить силы и безъ того страшнаго врага.

¹⁾ Этотъ городъ былъ подаренъ въ 901 году имп. Людовикомъ, по ходатайству епископа Рихара и другихъ, *Флоріанскому* монастырю, владѣнія котораго особенно пострадали отъ Угровъ.

Послы Мораванъ явились съ просьбой о мирѣ въ началѣ 901 года въ Регенсбургъ, гдѣ въ то время было собраніе высшихъ сановниковъ. По разказу Фульденской лѣтописи (которая, кстати замѣтить, къ сожалѣнію прекращается на описаніи начала этого именно года), на просьбу Моймира послѣдовало согласіе, но Немцы не удовольствовались заключеніемъ мирнаго договора въ Регенсбургѣ, и отправили съ тою же цѣлью въ Моравію посольство, состоявшее изъ двухъ сановниковъ — Пассовскаго епископа Рихара и швабскаго графа Удальриха. Передъ ними самъ Моймиръ клятвенно подтвердилъ условія мира ¹⁾. Это вторичное закрѣпленіе мира доказываетъ, въ какой мѣрѣ Немцы имъ дорожили, какъ они искренно желали теперь укрѣпить свои связи съ Моравскимъ княземъ. Не лишено вѣроятія и предположеніе Дудика, что нахожденіе въ посольствѣ епископа Рихара было не даромъ, что мирныя условія должны были коснуться и церковныхъ отношеній ²⁾, по которымъ еще не могло состояться рѣшенія въ Регенсбургѣ безъ согласія Моймира. Въ чемъ однако заключалось это рѣшеніе — мы положительо не можемъ сказать, такъ что утвержденіе Дудика, что этимъ миромъ были парализованы ианскія распоряженія относительно новой церковной организаціи Моравіи, кажется намъ слишкомъ смѣлымъ ³⁾. Миссія Рихара могла имѣть цѣлью лишь вынужденное миромъ объясненіе по дѣламъ церкви и улаженіе этихъ церковныхъ отношеній, вѣроятно, не безъ взаимныхъ уступокъ.

На томъ же Регенсбургскомъ собраніи произошло примиреніе императора съ графомъ Исанрихомъ, которому было про-

¹⁾ Ann. Fuld. 901: Generale placitum Radisbona civitate habitum est; ibi inter alia missi Moravorum pacem optantes pervenerunt. Quod mox ut pecierunt, et juramento firmatum est. Inde ab hoc ipsum Richarius episcopus et Udalricus comes Marahaha missi sunt, qui eodem tempore, ut in Baiocaria firmatum fuit, ipsum ducem et omnes primates ejus eandem pacem se servaturos juramento constrinxerunt. Тоже Herimann. Augiens. 901: eodem anno Moymirius dux Marahensium..... cum Ludowico rege pacificati sunt.

²⁾ Dudik, I, S. 346.

³⁾ Ibid., S. 349.

щено его возмущеніе, вѣроятно вслѣдствіе изъявленія имъ самимъ раскаянія и покорности ¹⁾. Ему дѣйствительно не оставалось ничего болѣе, какъ смириться, когда нельзя было уже рассчитывать на Моравію, бывшую ему до сихъ поръ опорой во всѣхъ предпріятіяхъ.

Между тѣмъ, пока Нѣмцы мирились съ Мораванами, Угры не оставались въ бездѣйствіи и совершили изъ своей Панноніи опять набѣгъ на западъ, и именно въ предѣлы Карантаніи ²⁾. Извѣстіе объ этомъ набѣгѣ еще попало въ Фульденскую лѣтопись, но чѣмъ онъ кончился, изъ нея не видно ³⁾. Изъ одного позднѣйшаго источника мы узнаемъ, что Угры потерпѣли неудачу и были обращены въ бѣгство (11-го апрѣля, въ великую субботу ⁴⁾. Въ томъ же 901 году, если вѣрить нѣкоторымъ западнымъ анналамъ, повторился набѣгъ Угровъ на сѣверную Италію ⁵⁾, куда дорога имъ уже была хорошо извѣстна съ 899 года и куда они въ послѣдствіи еще не разъ возвращались. О результатѣ его мы ничего не знаемъ. Вообще съ началомъ

¹⁾ Мы видѣли ранѣе, какъ Исанрихъ, убѣжавъ изъ плѣна, снова съ помощью Мораванъ овладѣлъ частью Восточной марки. Со вступленіемъ на престолъ Людовика, онъ кажется здѣсь не удержался и опять укрылся въ Моравію. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ извѣстія о его примиреніи: Въ Herimann. Aug. Chron. а. 901 читаемъ: *eodem anno Moymirius dux Marahensium et Isauricus Noricus comes, qui ad ipsum transfugerat, cum Ludowico rege pacificati sunt.* Послѣ этого объ Исанрихѣ нѣтъ болѣе извѣстій.

²⁾ Ann. Fuld. 901: *Interdum vero Ungari australem partem regni illorum* (т. е. очевидно Нѣмцевъ, а не Мораванъ) *Caruntanum devastando invaserunt.* Думая явно ошибается, разумѣя подъ *illorum* — Мораванъ и стараясь поправкой текста объяснить являющуюся отъ такого пониманія несообразность, (что Карантанія выходитъ моравскимъ владѣніемъ). См. В. I, S. 348, прил. Ранѣе, на стр. 260 онъ даже прямо заключаетъ изъ этого извѣстія, что Карантанія составляла часть Моравіи, что уже совсѣмъ непонятно.

³⁾ Dümmler (Südöst. M., S 65) объясняетъ это тѣмъ, что Фульденскіе анналы не доведены до самой пасхи, такъ какъ они кончаются извѣстіемъ, что Людовикъ только отправился въ Алеманнію, чтобы тамъ справиться ее.

⁴⁾ Herimann. Aug. 901: *Ungarii Carentanum petentes (in sabbato) commissa pugna victi caesique fugerunt.*

⁵⁾ Ann. Alaman. 901 (и ann. Laubacenses): *Iterum Ungari in Italiam.* У Регинова итальянскій походъ тоже подъ 901; но кажется здѣсь слѣдуетъ речу мѣть походъ 839 г

Х вѣка (именно съ прекращеніемъ Фульденскихъ аяналовъ) наши свѣдѣнія о событіяхъ на среднемъ Дунаѣ, о предпріятіяхъ Угровъ и о борьбѣ съ ними Нѣмцевъ и Мораванъ сильно скудѣютъ и сокращаются, такъ что изслѣдователю приходится прибѣгать къ ряду предположеній и догадокъ, чтобы сколько-нибудь уяснить себѣ этотъ темный и однако самый интересный періодъ времени до окончательнаго торжества Угровъ надъ Нѣмцами въ 907 году и сцѣпленіе событій) и обстоятельство, которыя какъ-то безъ всякаго шума, незамѣтно и безслѣдно прекратили существованіе уже давно надломленнаго Моравскаго княжества и создали на его мѣстѣ новый политическій порядокъ, а отчасти (именно въ Панноніи) и новыя этническія отношенія.

Но хоть и скудны лѣтописныя извѣстія объ этомъ періодѣ мадьярскаго погрома, изъ нихъ можно всетаки заключить съ достовѣрностью, что съ 900 года набѣги Угровъ въ сосѣднія западныя земли слѣдовали непрерывно, одинъ за другимъ, нерѣдко по нѣскольку разъ въ годъ, предпринимались однако не сообща всѣми силами, а врозь, отдѣльными шайками, такъ что въ первое время бывали даже случаи, что они кончались несо-всѣмъ удачно для самихъ Мадьяръ. Этимъ маленькимъ неудачамъ нельзя впрочемъ придавать никакого значенія въ общемъ ходѣ событій, въ которомъ Угры брали все большій и большій перевѣсъ надъ своими противниками, постепенно все ширились на западъ и съ каждымъ годомъ проникали въ своихъ набѣгахъ все глубже и глубже — въ самое сердце западной Европы. Занесенные въ лѣтопись два, три случая, когда перевѣсъ можетъ быть дѣйствительно склонился на сторону Нѣмцевъ или Мораванъ, были конечно разглашены послѣдними, какъ рѣшительныя побѣды; имъ придавалась большая важность, какой они разумѣется вовсе не имѣли, а лѣтописцы спѣшили тщательно занести ихъ на страницы своихъ лѣтописей, чтобы уберечь ихъ отъ забвенія, между тѣмъ какъ многочисленные факты торжества Угровъ надъ Нѣмцами отмѣчались ими не особенно усердно, а нерѣдко и совершенно умалчивались. Не будь этого, мы конечно знали

бы больше объ угро-нѣмецкой и угро-моравской борьбѣ до 907 года.

Главный вопросъ, на которомъ сосредоточивается для насъ весь интересъ этихъ первыхъ годовъ X вѣка, касается, разумѣется, судьбы Моравіи и заключается въ совершенно загадочномъ для насъ окончательномъ разрушеніи княжества, загадочномъ — вслѣдствіе отсутствія всякихъ прямыхъ извѣстій объ этомъ событіи и данныхъ для точнаго опредѣленія его времени. Исслѣдователь принужденъ искать разрѣшенія этого вопроса единственно въ сопоставленіи и разборѣ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ и краткихъ показаній западныхъ лѣтописцевъ, которыя имѣются у насъ относительно мадьярскихъ набѣговъ въ періодъ времени отъ 901 до 907 года, т. е. года окончательнаго торжества Угровъ и вмѣстѣ самаго крайняго срока, къ которому считается возможнымъ относить паденіи Моравіи. Поразительное отсутствіе свидѣтельствъ объ этой катастрофѣ, завершившей собою полную смуть и борьбы жизнь Моравскаго политическаго союза, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что какъ вскорѣ потомъ весь западный міръ, такъ уже тогда нѣмецкіе лѣтописцы, которые одни могли сохранить для потомства хоть краткую повѣсть объ этомъ событіи, были слишкомъ поглощены и озабочены критическимъ положеніемъ отечества и переживаемыми имъ тяжелыми испытаніями, чтобы заниматься еще дѣлами и участію чуждыхъ имъ сосѣдей, несчастія которыхъ представлялись имъ конечно совершенно второстепенными въ сравненіи съ ихъ собственными бѣдствіями. Само собой разумѣется, что гибель Моравіи не прошла бы не отмѣченной ими, еслибъ ихъ самихъ не удручали великое горе о родинѣ и опасеніе еще большихъ бѣдъ впереди.

Мы видѣли, что Нѣмцы впервые пришли къ нѣкоторому сознанію важности положенія, созданнаго поселеніемъ Угровъ въ дунайской равнинѣ, лишь послѣ вторженія послѣднихъ въ Баварію 900 года. Но сознать свою слабость и страхъ передъ беспорядочными толпами какихъ-то варваровъ-язычниковъ — было для

нихъ настолько тяжело и непривычно, что первая малѣйшая удача въ столкновеніи съ этими хищниками естественно не могла не подѣйствовать на ихъ настроеніе и не замѣнить мрачныхъ опасеній близкой бѣды чувствами надежды и новой увѣренности въ своихъ силахъ. Такъ по всей вѣроятности и было, въ особенности послѣ удачнаго отраженія (по лѣтописному извѣстію) еще небольшой мадьярской шайки въ 901 году въ Карантаніи.

Такимъ образомъ и въ слѣдующіе затѣмъ годы Нѣмцы все-таки продолжали быть еще въ заблужденіи относительно истинной опасности и не принимали никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія себя въ надежное оборонительное положеніе. Съ своей стороны и Угры все еще продолжали дѣйствовать разрозненно, безпокоили своихъ сосѣдей частными нападеными небольшими отрядами и не сосредоточивали своихъ силъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій впрочемъ сказывалась ихъ осторожность и осмотрительность. Они еще не рѣшались предпринимать слишкомъ дальнихъ походовъ и подвергать явной опасности и себя и своихъ (остававшихся въ Панноніи), не изучивъ напередъ мѣстности и удобныхъ путей и не ознакомившись съ силами и средствами враговъ. Къ болѣе рѣшительнымъ и общимъ предиріятіямъ, они, какъ видимъ, были вызваны неосторожностью самихъ Нѣмцевъ.

Подъ 902 годомъ мы находимъ въ западныхъ анналахъ два извѣстія о набѣгахъ Угровъ и притомъ на этотъ разъ не въ нѣмецкія владѣнія, а въ Моравію. По одному изъ нихъ, Угры, напавъ на Мораванъ, потерпѣли поражение и были обращены въ бѣгство¹⁾; другое (въ Ann. Alamann.), менѣе опредѣленное и ясное, довольно глухо говоритъ о войнѣ съ Уграми въ Моравіи: «bellum in Maraha cum Ungaris et patria victa»²⁾. Последнее

¹⁾ Herimann. Augiens. 902: Ungarii Marahenses petunt pugnaque victi terga verterunt.

²⁾ Ann. Alamann. 902 (Pertz., SS., I, 54). Въ Ann. Ratisbonn. (SS. XVII, 583) подъ 902 годомъ есть извѣстіе: interfectio Ungarorum magna, но оно, какъ справедливо полагаютъ, относится къ событію 904 года. См. Dümmler, Gesch. II, S. 527.

выраженіе понимается обыкновенно въ томъ смыслѣ, что Нѣмцы были побѣждены въ Моравіи ¹⁾. Такъ ли это однако — еще вопросъ. Изъ этихъ извѣстій видно только, что въ 902 году цѣлью угорскихъ предпріятій была Моравія, а насколько она отъ нихъ пострадала и дѣйствовали ли заодно съ Моравянами Нѣмцы, — это остается неяснымъ. Въ слѣдующемъ 903 году дѣйствія, по-видимому, опять были перенесены на нѣмецкую территорию: тѣ же анналы двумя словами отмѣчаютъ «войну Баварцевъ съ Угрями» ²⁾, но исходъ этого столкновенія остается точно такъ же неизвѣстнымъ.

Къ 904 году относится событіе, которое должно было оказать рѣшительное вліяніе на послѣдующія предпріятія Угровъ. Къ сожалѣнію нѣмецкіе анналы отмѣчаютъ и его только въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ. Событіе это состояло въ томъ, что Баварцы пригласили Угровъ (т. е. ихъ вождей, конечно) къ себѣ на пиръ и тутъ коварнымъ образомъ умертвили главнаго вождя Хуссала и всю его свиту (*Ungari in dolo ad convivium a Baugauriis vocati; Chussal dux eorum sui-que sequaces occisi sunt*) ³⁾. Этотъ жестокий и вѣрломный посту-

¹⁾ Dümmler, Südöstl. M., S. 66; Gesch., II, S. 527.

²⁾ Ann. Alamann. 903: bellum Baugauriorum cum Ungaris.

³⁾ Ann. Alamann. (cod. 8.4) 904. Въ двухъ другихъ кодексахъ тѣхъ же анналовъ это извѣстіе въ еще болѣе краткомъ видѣ помѣщено, по ошибкѣ, подъ 902 годомъ: *Ungares a Baiuariis ad grandium vocati plures occiduntur*. Отсюда вѣроятно взято и извѣстіе Ann. Sangallenses Major. тоже подъ 902 г.: *Agareni (т. е. Ungari) a Baiuariis ad brandium vocati, ubi rex eorum Chussol occisus est, et alii quam plurimi cum eo*. Выше замѣчено, что сюда же должно быть отнесено свидѣтельство въ Ann. Ratisbonn. 902 г.: *interfectio Ungarorum magna*. Въ виду всѣхъ этихъ ясныхъ свидѣтельствъ, попытка (когда-то сдѣланная Прабемъ) истолковать это извѣстіе совершенно иначе, предложивъ чтеніе *proclium* вм. *grandium*, теряетъ всякое значеніе. — О вождѣ Хуссалѣ мы никакихъ другихъ извѣстій не имѣемъ. Скорѣе всего это былъ одинъ изъ племенныхъ мадьярскихъ вождей; главнымъ вождемъ еще былъ тогда, какъ кажется, *Арнадъ*, хотя утверждать этого нельзя. Отнесеніе смерти Арнада къ 907 г. основано на показаніи Анонима, слѣдовательно за достоверное принято быть не можетъ. Константинъ Багрянородный не даетъ хронологическихъ свѣдѣній о первыхъ мадьярскихъ вождяхъ. Зато у него есть довольно подробное сообщеніе о ближайшихъ и современныхъ ему потом-

покъ со стороны Нѣмцевъ не удивляетъ насъ, такъ какъ онъ вполне согласуется съ характеромъ, политикой и взглядами Нѣмцевъ на варваровъ-язычниковъ, по отношенію къ которымъ не было ничего преступнаго, чего бы они не считали для себя позволительнымъ, особенно, если того требовали политическіе цѣли. Есть извѣстіе, что нѣмецкіе вожди прибѣгали къ тѣмъ же безчеловѣчнымъ мѣрамъ и въ войнѣ съ Полабскими Славянами¹⁾. Гораздо болѣе удивляетъ насъ въ этомъ случаѣ легкомысліе и недалковидность Нѣмцевъ²⁾, которые въ свою очередь служатъ прекраснымъ доказательствомъ, что еще и тогда, въ 904 году, Нѣмцы продолжали обольщать себя на счетъ Угровъ и степени представлявшейся отъ нихъ опасности: имъ вѣроятно казалось возможнымъ и самымъ легкимъ — посредствомъ умерщвленія нѣсколькихъ главныхъ мадьярскихъ вождей запугать всю ихъ орду и остановить ея набѣги въ баварскіе предѣлы. Угры же еще не имѣли до тѣхъ поръ случая узнать нѣмецкое коварство, и легко поддались на ловушку, рассчитывая вѣроятно опять получить денегъ и подарковъ, какъ они привыкли къ тому при Арнульфѣ. Надо пола-

какъ Арпада. Въ концѣ 40 гл. De adm. imp. (p. 174—5) онъ говоритъ: «Арпада великій царь Туркин имѣлъ четырехъ сыновей: πρώτον τὸν Ταρχατζούν, δεύτερον τὸν Ἰλέκ, τρίτον τὸν Ἰουτοζάν, τέταρτον τὸν Ζαλτάν. — Старшій сынъ Арпада Таркацусъ родилъ сына Теββλη, второй Елехъ родилъ Ἐξέλεχ, третій Ютоцасъ родилъ Φαλίτζιν — нынѣшняго царя, четвертый Залтанъ родилъ Таѣн. — Всѣ сыновья Арпада умерли, но живы его внуки Φαλῆς и Ταοῦς и ихъ племянникъ Τίξικ. — Тебелесъ умеръ, но есть у него сынъ Τερμαζούς, ὁ ἀρτίως ἰσχυρῶν, ἕως μετὰ τοῦ Βουλτζοῦ τοῦ τρίτου ἀρχοντος καὶ καρχῆ Τουρκίας. Булицусъ карханъ — сынъ кархана Καλῆ, а Καλῆ есть имя собственное, карханъ же — должность, какъ и гиласъ который больше кархана». Срв. Budinger, Oesterr. Gesch., S. 394, Anm. 3.

¹⁾ Widukind, Res gestae Saxon. L. II, c. 20. Здѣсь разсказывается о поступкѣ маркграфа Геро саксонскаго: Ipse (Gero) dolum dolo praeoccupans, convivio claro delibutus ac vino sepultos ad triginta fere principium barbarorum (Slavorum) una nocte extinxit.

²⁾ По всей вѣроятности это было совершено безъ вѣдома нѣмецкаго императора, который съ марта 904 г. пребывалъ въ западной части государства. Въ январѣ 905 г. онъ вернулся въ Баварію, а въ февралѣ было большое собраніе баварскихъ сановниковъ въ Регенсбургѣ, по всей вѣроятности, для обсужденія политическихъ дѣлъ.

гать, что это приглашеніе послѣдовало за какимъ-нибудь удачнымъ угорскимъ предпріятіемъ.

Самый фактъ избіенія угорскихъ вождей въ 904 году имѣетъ для насъ значеніе и по отношенію къ вопросу о Моравіи. Онъ намъ даетъ право сказать почти съ увѣренностью, что въ этомъ году Моравія не только еще не была завоевана, но представляла еще нѣкоторую военную силу, на которую рассчитывали Нѣмцы. Въ противномъ случаѣ они едва-ли рѣшились бы на такой важный и во всякомъ случаѣ очень рискованный шагъ.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести на Угровъ нѣмецкое коварство; разумѣется, оно не только не могло остановить ихъ набѣговъ, но напротивъ должно было возбудить въ нихъ еще болѣшую отвагу и ярость. Нѣсколько удивительно поэтому, что это обострившееся враждебное настроеніе Мадыаръ проявилось въ отношеніи къ Нѣмцамъ не тотчасъ послѣ катастрофы, а лишь спустя довольно значительный промежутокъ времени. Ниже мы постараемся показать, гдѣ слѣдуетъ искать разгадку этого явленія, а теперь остановимся еще на нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, служащихъ къ характеристикѣ положенія дѣлъ на Дунаѣ въ то время и свидѣтельствующихъ о довольно спокойномъ еще настроеніи нѣмецкаго общества около 904 года.

Такимъ наиболее характернымъ свидѣтельствомъ является грамота, составленная на собраніи въ *Раффелштеттени*, состоявшемся по волѣ императора Людовика для пересмотра и установленія торговыхъ пошлинъ на Дунаѣ — именно около 904 года. Мы не знаемъ въ точности срока этого собранія, по имѣемъ данныя для приблизительнаго опредѣленія его. До 903 года оно не могло быть, такъ какъ дѣйствующимъ лицомъ является въ немъ епископъ Пассовскій Бурхардъ, смѣнившій Рихара лишь въ концѣ 902 года. Точно также едва-ли оно могло происходить послѣ 904 г., ибо вышеупомянутое избіеніе мадыарскихъ вождей, какъ увидимъ, совершенно измѣнило политическія обстоятельства на Дунаѣ.

Собрание въ Раффельштеттенѣ ¹⁾ было создано по поводу жалобъ баварскаго духовенства и графовъ на злоупотребленія при взиманіи пошлинъ съ товаровъ. Маркграфу Арибо и другимъ сановникамъ было поручено въ присутствіи императорскихъ уполномоченныхъ, архіепископа Тэотмара, епископа Пассовскаго Бурхарда и графа Оттокара изслѣдовать дѣло, привести въ ясность прежнія постановленія и сдѣлать ихъ вновь обязательными. Если такимъ образомъ въ то время нѣмецкіе торговые люди хлопотали о своихъ матерьяльныхъ интересахъ и о соблюденіи закономъ установленныхъ порядковъ, а нѣмецкій императоръ и власти нашли нужнымъ устроить особое собраніе для разбора дѣлъ и пресѣченія злоупотребленій на будущее время, то ясно, что положеніе дѣлъ еще не считалось критическимъ и на угорскіе набѣги смотрѣли какъ на временное зло, не представлявшее чрезвычайной опасности, и борьба съ которымъ не должна была отвлекать государственную власть отъ текущихъ внутреннихъ дѣлъ, практическихъ интересовъ и народныхъ нуждъ.

Въ раффельштеттенскомъ документѣ ²⁾ любопытны для насъ особенно тѣ правила о торговой пошлинѣ, которыя касаются Славянъ, съ одной стороны моравскихъ и чешскихъ, а съ другой — жившихъ въ нѣмецкихъ владѣніяхъ, т. е. въ Восточной маркѣ и Карантаніи. Вообще же эта грамота представляетъ драгоценный источникъ для исторіи торговли и международныхъ торговыхъ отношеній на Дунаѣ въ ту эпоху. Изъ нея выясняется общій характеръ и направленіе мѣстной производительности и торговли. Пошлинные правила защищали вообще интересы мѣстной торговли въ Восточной маркѣ, не давая слишкомъ боль-

¹⁾ Мѣстечко гдѣ-то на Дунаѣ, между устьями рѣкъ Энжи и Трауна, см. Pritz, *Gesch. d. Land. ob der Enns*, I, S. 360.

²⁾ Erben, *Regesta*, подъ № 38; *Monumenta Boica*, XXVIII, II, p. 203, № 4. См. о ней: Kurz, *Oesterreichs Handel in älter. Zeiten*, Linz, 1822, S. 5—8; Dammeler, *S.-Ö. M.*, S. 68—69; *Gesch.*, II, S., 529—531; Riezler, *Gesch. Baierns*, I, S. 273 etc.; Dudik, *M. A. G.*, I, S. 331—332; Kaemmel, *Anfänge des deutsch. Lebens*, Leipz. 1879, S. 2-6—291. Первое критич. и исправное изданіе Меркеля *Leges Portorii* въ *Mon. G. Legg.* III, 430.

шихъ правъ купцамъ другихъ имперскихъ областей (напр. Баваріи) и въ особенности иностраннымъ. Главная статья, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, есть пошлина на соль ¹⁾; въ этомъ отношеніи поощрялась торговля мѣстной солью (изъ обл. Траунгау) и затруднялась конкуренція съ ценою привозной (баварской) соли: за послѣднюю платилась ввозная пошлина, тогда какъ соляныя барки изъ Траунгау не платили ничего ²⁾. Только для собственнаго потребленія, въ чемъ требовалось клятвенное удостовѣреніе, жители Баваріи могли ввозить съ собою нѣкоторое количество соли. Нарушеніе этихъ постановленій наказывалось очень строго, причемъ степень наказанія была разная для свободнаго и для раба. Нѣсколько иначе было съ другими продуктами и въ торговлѣ рабами: ввозъ всего этого изъ Баваріи былъ облегченъ ³⁾. Затѣмъ поощрялся сбытъ мѣстныхъ продуктовъ (*actualia*), рабовъ, лошадей и предметовъ домашняго обихода (*suppellex*) Баварцамъ и тамошнимъ Славянамъ, причемъ пошлина взималась только на рыскахъ. Съ другой стороны раффельштеттенскія постановленія ограждали интересы мѣстныхъ торговыхъ людей въ Восточной маркѣ отъ невыгодной для нихъ конкуренціи съ иностранными купцами изъ земель славянскихъ (Чехія и Моравія). Эти славянскіе купцы, желавшіе сбывать

¹⁾ Зальцбургская и вообще баварская соль играла немаловажную роль не только въ чисто-торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Запрещая ея вывозъ къ тѣмъ или другимъ сосѣдямъ, Нѣмцы наносили имъ значительный ущербъ. Поэтому замѣчаніе, что въ вліяніе Зальцбургскаго архіепископа отчасти обуславливалось его соляными богатствами, имѣетъ полное основаніе. См. Hunfalvy, *Etha. v. U.*, S. 125.

²⁾ *Naves vero quae ab occidentibus partibus, postquam egressae sint silvam Pataviam etc... donent pro theloneo semidragmam; idem scoti, id est, si inferius ire voluerint ad Lintzam, de una navi reddant III semimodos, idem III scafilos de sale.—Carrae autem salinae, quae per stratam legitimam Anesim fluvium transeunt ad Urulam, tantum unum scafil plenum exsolvant, et nihil amplius exsolvere cogantur. Sed ibi naves, quae de Truagowe sunt, nichil reddant, sed sine censu transeant.*

³⁾ *De mancipiis vero et ceteris aliis rebus ibi nichil solvant, sed postea licentiam sedendi et mercandi habeant usque ad silvam Boemicam ubicunque voluerint.*

свои товары по берегамъ Дуная (и на южномъ и на сѣверномъ) должны были напр. отдавать изъ количества воска, составляющаго поклажу выючнаго животнаго, двѣ мѣрки (*massiola*), а изъ количества, носимаго однимъ человѣкомъ, — одну мѣрку; продавал рабовъ или лошадей, они платили за рабыню, равно какъ за жеребца, по 4 денарія (1 *tremissa*), за раба и за кобылу по 1 денарію (1 *saiga*). Въ то же время Баварцы и туземные Славяне (т. е. нѣмецкіе подданные) торговали въ тѣхъ же мѣстахъ тѣми же товарами — беспошлинно ¹⁾. Наконецъ былъ нѣсколько стѣсненъ вывозъ товаровъ въ Моравію: купецъ, отправавшійся туда, платилъ извѣстную пошлину, но былъ отъ нея избавленъ при возвращеніи ²⁾.

Таковы главныя фактическія данныя изъ этого любопытнаго документа ³⁾. Помимо его важнаго содержанія для исторіи собственно торговаго дѣла и современныхъ культурныхъ отношеній, и вышеупомянутаго значенія его для характеристики общественнаго настроенія того момента, онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе ученыхъ еще одною подробностью: однимъ встрѣчающимся въ немъ загадочнымъ именемъ. Имя это представляетъ спорный географическій вопросъ, который и донынѣ остается нерѣшеннымъ и обойти молчаніемъ который и мы не считаемъ возможнымъ. Въ грамотѣ говорится между прочимъ о Славянахъ «*qui de Rugis vel de Baemanis mercandi causa exeunt*». Первое изъ

¹⁾ *Sclavi vero, qui de Rugis vel de Baemanis mercandi causa exeunt, ubicumque juxta ripam Danubii, vel ubicumque in Rotalariis vel in Reodariis loca mercandi optinuerint, de saga una de cera duas massiolas, quarum uterque scoti unum valent. De onere unius hominis massiola una ejusdem pretii. Si vero mancipia vel cavallos vendere voluerint, de una ancilla tremissam I, de cavallo masculino similiter, de servo saigam unam, similis de equa. Bawari vero vel Sclavi istius patriae ibi ementes vel vendentes nichil solvere cogantur.* О мѣрахъ и деньгахъ, здѣсь упоминаемыхъ, см. Каеммел, *ibid*, S. 291.

²⁾ *Si autem transire voluerint ad mercatum Moravorum..... exsolvat solidum unum denarium et licenter transeat; revertendo autem nichil cogantur exsolvere legitimum mercatorem.*

³⁾ См. Dammier, *Gesch.* II, S. 529 — 530, и особенно Каеммел, *ibid*, S. 236—291.

этихъ названій (de Rugis) и представляеть камень преткновения для ученыхъ, изъ которыхъ одни находятъ возможность разумѣть здѣсь именно *Руговъ* сѣверныхъ, жившихъ тогда гдѣ-то на берегу Балтійскаго моря, другіе *Моравію*, какъ страну занятую нѣкогда Ругами и будто-бы сохранившую за собою это географическое названіе, третьи наконецъ — *Русскихъ*, ошибочно названныхъ Ругами.

Если для окончательнаго рѣшенія этого вопроса и не имѣется достаточно данныхъ, все-же наши свѣдѣнія и соображенія могутъ установить ббльшую вѣроятность за тѣмъ или другимъ изъ приведенныхъ мнѣній. Что касается перваго изъ нихъ, т. е. предположенія о сѣверныхъ Ругахъ ¹⁾, то оно, положительно наименѣе правдоподобно, ибо вообще наши свѣдѣнія и представленія о существованіи въ ту эпоху племени *Руговъ* на сѣверѣ (о жителяхъ остр. Рюгена (Руннахъ — Ранянахъ) здѣсь едва-ли можетъ быть рѣчь) весьма неопредѣлены и смутны; а о какихъ-либо сношеніяхъ подунайскихъ народовъ съ отдаленною страню Руговъ мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій или даже намѣковъ, не говоря уже о томъ, что самый фактъ такихъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Восточной марки съ жителями Балтійскаго побережья, будь они Руги или Славяне, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Впрочемъ раффельштеттскій документъ ясно говоритъ именно о *Славянахъ* купцахъ, приходившихъ «отъ Руговъ и отъ Чеховъ» (Sclavi, qui de Rugis vel de Baemanis exeunt), такъ что *Руги* можетъ быть принято скорѣе какъ чисто *географическое* понятіе, чѣмъ какъ племенное названіе. Изъ двухъ другихъ мнѣній ученые въ послѣднее время рѣшительно склонились къ послѣднему, т. е. видятъ въ выраженіи «de Rugis» *Русь* и *Русскихъ*, имя которыхъ подверглось здѣсь нѣкоторому искаженію ²⁾. Одно изъ оснований, служащихъ осно-

¹⁾ Badinger, Oesterr. Gesch., S. 157.

²⁾ Въ пользу этого толкованія высказалась: Giesebrecht, Gesch. I, S. 22; Dammier, Gesch. II, S. 530; Waitz, IV, S. 61; Riezler, Gesch. Baierns, I, S. 274. Срв. также Погодинъ, Изслѣдов., Замѣч. и Лекція, М. 1846, т. III, стр. 267; Бестужевъ-Рюминъ, Р. И., стр. 261.

рой въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что Русскіе называются Ругами еще въ одномъ источникѣ X в., именно въ лѣтописи Продолжателя Регинона, гдѣ между прочимъ св. Адальбертъ Пражскій названъ епископомъ Руговъ «*Rugis episcopus ordinatus*»¹⁾. Вообще это предположеніе можно назвать довольно правдоподобнымъ, ибо фактъ захожденія русскихъ купцовъ на средній Дунай въ началѣ X в. самъ по себѣ можетъ быть допущенъ, хотя другихъ современныхъ извѣстій о столь отдаленныхъ путешествіяхъ купцовъ изъ Руси и не имѣется. Намъ извѣстно, что на нижній Дунай (въ болгарскій Переяславецъ) русскіе купцы во 2-й пол. X в. являлись торговать (кожей, воскомъ, медомъ и челядью)²⁾; по Дунаю же они могли проникать конечно и далѣе; Кіевъ былъ уже и ранѣе этого значительнымъ торговымъ центромъ, а купцы изъ русскихъ Славянъ отличались всегда предприимчивостью; но дѣло въ томъ, что въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка путешествія торговыхъ людей вверхъ по Дунаю были очень затруднены и должны были сопровождаться великими опасностями вслѣдствіе непрерывнаго рысканья хищныхъ угорскихъ шаекъ по берегамъ Дуная. Поэтому купцы изъ Руси едва-ли отважились бы предпринимать въ то время далекія путешествія по Дунаю; если уже допустить, что они доходили до самыхъ границъ Баваріи, то слѣдуетъ предположить, что путь ихъ лежалъ черезъ другія страны, положимъ черезъ Галліцію и Карпатскіе проходы въ Моравію, Восточную марку и Чехію³⁾.

¹⁾ Contin. Regin. M. SS. I, 625; тамъ же (624) Руссы называются *gens Ruginum*, а русская княгиня Ольга (Helena) *regina Ruginum*.

²⁾ Лѣтоп. Нестора по Лаврент. сп. (Сиб., 1872) подъ 969 г.: «Рече Святославъ:... хочу жити въ Переяславци на Дуванъ,..... яко ту вся благая сходится: отъ Грекъъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръъ сребро и конони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». По словамъ нашего документа, Славяне изъ Чехіи и отъ Руговъ торгуютъ также воскомъ, конями, рабами.

³⁾ Объ угорскихъ Русскихъ (какъ предполагаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Р. II, стр. 261) тутъ потому не можетъ быть рѣчи, что Славяне русской вѣтви, жившіе на сѣверѣ Угріи и въ Трансильваніи, въ ту эпоху (X в.) во всякомъ случаѣ не могли еще носить имени *Russorum*.

И въ этомъ, надо признаться, нѣтъ ничего невѣроятнаго, но, не имѣя основанія положительно отвергать этого объясненія имени Руговъ, мы въ то же время считаемъ заслуживающимъ не меньшаго вниманія еще и другое предположеніе. Мы сказали, что нѣкоторые ученые понимали подъ землей Руговъ *Моравію*, имѣя въ виду, что еще въ ту эпоху могло жить географическое названіе земли, въ которой нѣкогда обиталъ этотъ народъ, т. е. такъ называемый *Rugiland*. Этого же мнѣнія держался сперва и Дюмлеръ ¹⁾, измѣнившій его однако впоследствии на томъ основаніи, что о Мораванахъ и безъ того говорится въ грамотѣ особо, гдѣ они и названы своимъ именемъ (*ad mercatum Moravorum*), такъ что невѣроятно, чтобы ихъ страна въ другомъ мѣстѣ была названа другимъ именемъ, въ сущности ей чуждымъ. Такое соображеніе дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и нельзя не согласиться, что отождествлять выраженіе *de Rugis* съ выраженіемъ *de Moravis* (*Marahis*) слишкомъ произвольно. Такое отождествленіе невозможно прежде всего потому, что Моравское княжество вовсе не совпадало географически съ старымъ *Ругиландомъ* который, насколько возможно опредѣлять его, только отчасти заключалъ въ себѣ территорію Моравіи. Но отрѣшиться отъ отождествленія земли Руговъ съ Моравіей еще не значитъ отказаться отъ самой мысли ставить въ связь этихъ Руговъ съ извѣстнымъ Ругиландомъ и считать ихъ имя въ данномъ случаѣ *чисто-географическимъ* понятіемъ, которое должно быть приурочено къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности, сохранившей за собой, какъ это иногда бываетъ, названіе своихъ древнихъ обитателей. Вотъ почему мы считаемъ вполне возможнымъ приурочить этотъ географическій терминъ къ мѣстности между южными пограничными чешскими горами и Дунаемъ, т. е. къ сѣверной части нынѣшняго эрцгерцогства Австрійскаго, приблизительно отъ р. Эжики до р. Моравы, однимъ словомъ къ странѣ,

¹⁾ Dümmler, Südöstl. M., S. 69, какъ и Dudik, M. G. I, S. 350, 381—382. Также Pritz, I, S. 397.

гдѣ именно было когда-то средоточіе Ругиланда ¹⁾). Это намъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что самое упоминаніе плени Руговъ въ нашемъ источникѣ рядомъ съ именемъ Чехія (de *Boemanis*) какъ-бы даетъ указаніе на сопредѣльность этихъ странъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что къ вышеупомянутой мѣстности еще примѣнялось иногда въ оффициальномъ языкѣ географическое названіе *ругской* земли, и притомъ именно въ дѣлѣ торговыхъ сношеній и въ языкѣ торговыхъ актовъ. Къ этой, можетъ быть и нѣскольکو смѣлой догадкѣ насъ приводитъ во-первыхъ то обстоятельство, что есть историческое указаніе на торговля сношенія жителей древнихъ подунайскихъ городовъ (Пассовы) съ Ругами и на оживленную торговую дѣятельность у послѣднихъ ²⁾, а во-вторыхъ то соображеніе, что составители раффельштеттенскаго акта, какъ мы знаемъ, руководствовались всѣмъ, что было извѣстно о торговыхъ сношеніяхъ и пошла-пахъ въ прежнее время. Имя ругской земли еще продолжало можетъ быть жить рядомъ съ преданіями о процвѣтавшей тамъ въ старину торговлѣ. Итакъ на нашъ взглядъ возможность рѣшенія вопроса о Ругахъ въ послѣднемъ смыслѣ — не можетъ быть отвергаема ³⁾. Окончательное же заключеніе пока еще невозможно.

Возвращаясь къ ходу событій и къ политическому положенію на Дунаѣ около 904 года, намъ остается замѣтить, что кромѣ

¹⁾ Zeuss, *Die Deutschen*, S. 485.

²⁾ Изъ житія св. *Северина* (написан. Евгипомъ) мы узнаемъ, что Пассовскіе жители просили святаго мужа ходатайствовать у царя Руговъ о позволеніи имъ торговать въ предѣлахъ нынѣшней Нижней Австріи. *Eugippii vita S. Severini* (Pez, T. I. p. 79): *Interea beatum virum cives oppidi memorati (Battabini) suppliciter audierunt, ut pergeret ad Febanum Rugorum Principem, mercandi eis licentiam postulare.* Тамъ же говорится о многихъ рынкахъ въ землѣ Руговъ и о ихъ оживленномъ посѣщеніи: p. 70; *cum nundinis frequentibus interesset*; p. 72: *cuidam praecipit transvadare Danubium et hominem ignatum in nundinis (армарка) quaerere barbarorum* см. *Kurz. Oesterr. Handel*, S. 4.

³⁾ Предположеніе, что подъ «*Rugis*» можно понимать еще *Ракусъ* (Ракоусъ, Ракусъ=Австрія) (Первольфъ, рец. на Гедсонова и Забѣлна, *Ж. М. Пр.* 1877 г., июль, стр. 93, прим. 2) мало правдоподобно.

выше разобраннаго торговаго договора имѣются и другіе кое-какіе признаки еще не выбитой изъ своей колеи общественной жизни и еще не нарушеннаго политическаго порядка въ нѣмецкихъ областяхъ на среднемъ Дунаѣ. Такъ изъ современнаго упоминанія нѣкоторыхъ графовъ съ ихъ владѣніями въ Карантаніи, Восточной маркѣ и даже Верхней Панноніи можно заключить, что эти области принадлежали еще всецѣло нѣмецкому императору. Кромѣ главныхъ управителей Люптольда и Арибо, упоминаются графы Гюнтеръ (владѣлецъ земли между Энжей и Эрлафомъ)¹⁾, Валтило, Кадалохъ, Оттокаръ, владѣвшій землей въ сѣверной Карантаніи²⁾. Въ то же время, т. е. въ 903—904 г. епископъ Мадальвинъ заключаетъ договоръ съ Пассовскимъ епископомъ Бурхардомъ, по которому уступаетъ Пассовской церкви свою библіотеку (56 книгъ) и нѣкоторыя земли въ графствѣ Арибо (между Энжей и Урломъ) и въ Панноніи, въ замѣнъ чего получаетъ въ полную собственность нѣкоторыя ленныя пассовскія владѣнія въ старо-баварскихъ округахъ. Руководствовался ли онъ при этомъ обмѣнѣ возрастающею опасностью отъ угорскихъ набѣговъ — сказать очень трудно, особенно въ виду того, что два изъ вновь приобрѣтенныхъ имѣній лежали всетаки по сю сторону Вѣнскаго гѣса³⁾.

5.

Моравія въ рукахъ Угровъ. Какъ пало Моравское княжество? Дальнѣйшія предпріятія Угровъ. Торжество надъ Нѣмцами въ битвѣ 907 года и его слѣдствія.

Мы выше замѣтили, что послѣ коварнаго умерщвленія мадьярскаго вождя и его свиты Нѣмцами (904 г.) можно было ожидать немедленнаго мщенія со стороны Угровъ, по что сверхъ

¹⁾ Mon. Boic. XXVIII, 32.

²⁾ Dämmler, S.-Ö. M., S. 67—68; Gesch. II., S. 523.

³⁾ Badinger, S. 221; Dämmler, Gesch., II, ibid.

ожиданія Нѣмцы понесли кару за свое вѣроломство лишь спустя довольно значительный промежутокъ времени (907 г.). Что же было тому причиною, куда были направлены вниманіе и слѣзы Угровъ до рокового 907 года?

Всѣ соображенія и сопоставленія немногихъ имѣющихся объ этомъ времени извѣстій приводятъ изслѣдователя къ заключенію, что къ этому именно промежутку времени, отъ 904 до 907 года, слѣдуетъ отнести окончательное паденіе Моравскаго княжества, — это загадочное по отсутствію прямыхъ извѣстій событіе, оставшееся совершенно не отмѣченнымъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ и занесенное только спустя полстолѣтія императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ его замѣчательное сочиненіе «Объ управленіи имперіей», и притомъ въ весьма краткихъ и общихъ выраженіяхъ, на точномъ и буквальномъ пониманіи которыхъ было бы слишкомъ смѣло и неосновательно строить какіе-либо выводы о характерѣ и ближайшихъ результатахъ катастрофы, постигшей Моравію, какъ это дѣлаютъ большинство ученыхъ ¹⁾.

Императоръ-историкъ въ главѣ 41-ой упомянутаго сочиненія, посвященной Моравіи, заключаетъ свой рассказъ о Святополкѣ Моравскомъ и о раздѣленіи имъ власти между сыновьями слѣдующимъ образомъ: «по смерти Святополка послѣ того, какъ одинъ годъ былъ проведенъ въ мирѣ, и когда затѣмъ начался раздоръ и междоусобная война, явились Угры, совершенно истребили ихъ (т. е. сыновей Святополка) и покорили ихъ страну, въ которой и нынѣ живутъ. Оставшіеся изъ народа разсѣялись и убѣжали къ сосѣднимъ народамъ, къ Болгарамъ, Туркамъ (Уграмъ), Хорватамъ и другимъ» ²⁾. Воспроизводить на основаніи

¹⁾ Dammier, S.-Ö. M., S. 67; Gesch., S. 531; Dudik, S. 353; Kaemmel, S. 300.

²⁾ De Adm. Imp. c. 41, p. 176: Μετὰ δὲ τὴν τελευταίαν τοῦ αὐτοῦ Σφενδοπέσου ἐνα χρόνον ἐν εἰρήνῃ διατελέσαντες, εἰδος καὶ στάσιως ἐν αὐτοῖς ἐμπροσθέντος, καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐμφύλιον πόλεμον ποιήσαντες, ἰδόντες οἱ Τούρκοι τοῦτους παντελῶς ἐξολόθρευσαν, καὶ ἐκράτησαν τὴν αὐτῶν χώραν, εἰς ἣν καὶ ἀρτίως εἰκοῦσι, καὶ οἱ ὑπολειφθέντες τοῦ λαοῦ διασκορπίσθησαν προσφυγόντες εἰς τὰ παρακείμενα ἔθνη, εἰς τε τοὺς Βουλγάρους καὶ Τούρκους καὶ Χρωβάτους καὶ εἰς τὰ λοιπὰ ἔθνη.

этихъ послѣднихъ словъ картину разгрома Моравскаго княжества, его опустѣнія и бѣгства всего населенія — было бы столь же странно, какъ заключать изъ этого свидѣтельства о заселеніи всей Моравіи Мадырамп!... Какъ наши историческія извѣстія противорѣчатъ мысли о подобномъ заселеніи, такъ точно наши соображенія и критика не позволяютъ намъ принять на вѣру извѣстіе Константина объ участи, постигшей все населеніе Моравіи. Ниже мы еще вернемся къ этому извѣстію, а теперь обратимся къ выясненію изъ современныхъ свидѣтельствъ самаго факта политической смерти Моравіи.

Съ 901 года Мораване находились въ формальномъ мирѣ съ Нѣмцами и наравнѣ съ послѣдними подвергались, время отъ времени опустошительнымъ набѣгамъ угорскихъ шаекъ. Судя по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ отмѣткамъ, Моравія, какъ мы видѣли, была цѣлью набѣговъ Угровъ въ особенности въ 902 году. Неожиданность и быстрота, съ которой послѣдніе совершали свои набѣды, не давали возможности противной сторонѣ сосредоточить свои силы и во-время оказать имъ надлежащій отпоръ. Тѣмъ менѣе могли Нѣмцы и Мораване соединить свои силы для дружнаго сопротивленія: они не могли знать, куда Мадырамъ вздумается направить свой ударъ въ слѣдующій разъ, а потому и тѣ, и другіе оставались у себя дома — защищать свою родину, свои семейства, свое имущество. Къ тому же формальное примиреніе Мораванъ съ Нѣмцами, вызванное общемою опасностью, не могло же всетаки погасить въ нихъ чувство взаимной вражды и нерасположенія другъ къ другу, и мы едва-ли ошибемся, если предположимъ, что и тѣ, и другіе втайнѣ злорадствовали, когда несчастіе обрушивалось на союзника. Такъ было по крайней мѣрѣ до 904 года, пока набѣги Угровъ имѣли еще характеръ частныхъ предпріятій, сравнительно небольшими отрядами, и далеко еще не повергли въ отчаяніе ни Мораванъ, ни Нѣмцевъ.

Вѣроломный поступокъ Баварцевъ въ 904 году съ угорскимъ вождемъ Хуссаломъ и его святой долженъ былъ сразу

измѣнить положеніе дѣлъ и дать ему рѣшительный и роковой оборотъ. Думать, что Угры могли не придать этому случаю важнаго значенія, и что онъ могъ остаться безъ особеннаго вліянія на ихъ дальнѣйшія предпріятія — значило бы совершенно не брать въ расчетъ въ высшей степени впечатлительнаго и мстительнаго характера хищныхъ восточныхъ выходцевъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Угры, узнавъ объ участи своихъ начальниковъ, рѣшились во что бы то ни стало отомстить за нихъ и не отложили своего рѣшенія. Если поэтому исторія не отмѣтила ихъ столкновенія съ Нѣмцами ни въ 905, ни въ 906 году, то очевидно, что Угры начали свое разрушительное дѣло не съ баварскихъ владѣній, а съ ближайшей къ нимъ Моравіи; справиться съ нею напередъ имъ казалось необходимымъ, чтобы обезпечить себя съ тылу и такимъ образомъ тѣмъ вѣрнѣе достигнуть успѣховъ въ борьбѣ съ нѣмецкой державой, которая хотя и дорожила союзомъ съ Моравіей, но конечно не стала бы проливать нѣмецкую кровь для ея спасенія. Такая политика совершенно понятна и согласна съ обычнымъ осмотрительнымъ образомъ дѣйствія Угровъ. Были вѣроятно и другія соображенія, которыми они руководились въ этомъ случаѣ. Они понимали, что до глубины потрясенная Моравія не въ состояніи оказать значительнаго сопротивленія и что овладѣть ею не составитъ для нихъ особеннаго труда; имъ не безызвѣстны были также отношенія Мораванъ и вообще Славянъ къ Нѣмцамъ, такъ какъ эти отношенія не разъ уже обнаружались на дѣлѣ участіемъ добровольныхъ славянскихъ отрядовъ въ угорскихъ предпріятіяхъ на западъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкое духовенство въ извѣстномъ своемъ посланіи къ папѣ 900 года. Итакъ рѣшивъ покорить Моравію, Угры рассчитывали между прочимъ пріобрѣсти въ Мораванахъ, если не пособниковъ въ борьбѣ съ западомъ, то по крайней мѣрѣ подвластное населеніе, которое въ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи легче примирится съ своей судьбою подъ вліяніемъ чувства ненависти и злобы къ властолюбивому сосѣду-угнетателю. Многое заставляетъ насъ думать, что Угры не ошиблись въ

своемъ расчетѣ и что именно въ этихъ отношеніяхъ Мораванъ къ Уграмъ послѣ разгрома ихъ княжества и такъ сказать въ общности ихъ интересовъ надо искать объясненія той какой-то таинственности, которая характеризуетъ прекращеніе политической жизни Моравіи и внезапное исчезновеніе самого племени ея изъ современныхъ историческихъ источниковъ.

Дѣйствительно, не предположивъ такого легкаго со стороны Мораванъ примиренія съ своею участью и полнаго, отчасти какъ-бы добровольнаго подчиненія мадьярской власти, трудно было бы объяснить, какимъ образомъ разрушеніе Моравскаго княжества не оставило въ современныхъ извѣстіяхъ никакихъ слѣдовъ послѣдней его борьбы за существованіе, послѣдцяго напряженія силъ для защиты своей свободы. Какъ ни потрясена и ни ослаблена была Моравія, она могла бы еще вѣроятно затянуть борьбу на нѣкоторое время, ибо мы знаемъ, что тактика Славянъ постоянно состояла въ томъ, чтобы укрываться и защищаться въ укрѣпленныхъ городахъ, а Мадьяры были именно слабы въ дѣлѣ осады и взятія укрѣпленій. Но если о подобной борьбѣ съ Мораванами нѣтъ ровно никакихъ извѣстій, то очевидно остается только предположить, что ея вовсе и не было и что первый дружный и сильный натискъ Мадьяръ рѣшилъ дѣло, убѣдилъ Мораванъ въ невозможности успѣшнаго сопротивленія и спасенія своей политической самостоятельности и заставилъ ихъ предпочесть свободное подчиненіе дикой силѣ—безполезному отставанію своей независимости, не столько въ собственныхъ интересахъ, сколько въ интересахъ нѣмецкаго запада, передъ которымъ пришлось бы всетаки скоро преклонить голову, и невыносимый гнетъ котораго уже былъ достаточно ими испытанъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ паденіе Моравскаго княжества, и на этомъ основаніи мы конечно не можемъ находить въ вышеприведенномъ разсказѣ Константина Багрянороднаго о разгромѣ Моравіи и разсѣланіи ея населенія въ земли сосѣднихъ народовъ вѣрную и правдоподобную картину этого знаменательнаго событія. По нашему мнѣнію, рушится только

тотъ политическій организмъ, который мы называемъ Моравскимъ княжествомъ, а народъ моравскій (въ своемъ цѣломъ) не погибъ и не разбѣжался, а продолжалъ жить на своемъ мѣстѣ, раздѣляя участь другихъ славянскихъ подданныхъ мадырской орды, выражая свою зависимость платою дани и свободно принимая болѣе или мѣншее участіе въ послѣдующихъ военныхъ предпріятіяхъ Угровъ на западъ. Извѣстіе же Константина Багрянороднаго, какъ намъ кажется, находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ его смутномъ и неопредѣленномъ представленіи о географическомъ положеніи Моравскаго княжества: поселеніе Мадыръ въ Нижней Панноніи, нѣкогда части Моравскаго союза, дало ему поводъ сказать, что «Мадыры покорили страну Мораванъ, въ которой и нынѣ живутъ»¹⁾, а бѣгство нѣкоторой части подунайскаго населенія, жившаго на пути мадырскаго движенія отъ самаго нижняго Дуная, въ сосѣднія земли Болгаръ, Хорватовъ и Славянъ сѣверо-угорскихъ было приписано имъ къ Моравіи, о дѣйствительныхъ размѣрахъ и границахъ которой онъ не имѣлъ вѣрнаго и опредѣленнаго понятія²⁾.

Но въ этомъ темномъ вопросѣ паденія Моравіи есть одинъ наиболѣе темный пунктъ, для рѣшенія котораго уже вовсе не существуетъ данныхъ. Мы разумѣемъ участь Моравскаго князя Моймира. Палъ ли онъ въ послѣднемъ столкновеніи съ Мадырами, защищая свою родину, покорился ли имъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ, сложивъ съ себя власть, или наконецъ бѣжалъ къ Нѣмцамъ, надѣясь можетъ быть съ ихъ помощью спасти дѣло

¹⁾ Такое представленіе о томъ, что Мадыры поселились въ Моравіи, высказано имъ и въ другихъ мѣстахъ: с. 38, р. 170: ἐλέθησαν ἀπειρώσαν οὐτοὶ τοὺς τῶν μεσσηνῶν Μοραβίαν κατοικοῦντας, καὶ εἰς τὴν γῆν αὐτῶν κατοικήσαντες, εἰς τὴν οὖν οἱ Γούρκοι μέγρη: τῆς ἐγμένης κατοικοῦσιν; с. 42, р. 177: καὶ κατοικοῦσιν μὲν οἱ Γούρκοι παράθεν τοῦ Δαυοῦςως ποταμοῦ εἰς τὴν τῆς Μοραβίας γῆν.

²⁾ Если же Константинъ разумѣлъ и здѣсь подъ Моравіей опять-таки собственно древнюю Паннонію (что также возможно), то его свидѣтельство о разгромѣ ея и разсѣяннн жителей совершенно справедливо, такъ какъ такая была дѣйствительно участь опустошенной и разоренной Угрии Панноніи.

родины, и затѣмъ палъ (какъ думаютъ нѣкоторые¹⁾ въ рядахъ Нѣмцевъ въ роковой битвѣ 907 года—отвѣчать на этотъ вопросъ рѣшительно не представляется возможнымъ.

Что касается собственно времени этого политическаго переворота на среднемъ Дунаѣ, то оно можетъ быть приблизительно опредѣлено съ одной стороны (какъ мы видѣли) съ помощью тѣхъ лѣтописныхъ данныхъ, которыя даютъ возможность возстановить общій ходъ событій съ первыхъ годовъ X вѣка, съ другой — путемъ еще нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній. Мы сказали, что отсутствіе всякихъ извѣстій о походахъ Угровъ въ предѣлы нѣмецкой державы вскорѣ послѣ 904 года служить намъ основаніемъ для отнесенія къ этому именно сроку, т. е. къ 905 году рѣшительнаго движенія Угровъ на Моравію. Не допуская продолжительной борьбы съ послѣдней, мы такимъ образомъ готовы признать тотъ же 905 годъ—годомъ прекращенія ея политическаго существованія и подчиненія ея новой возникавшей на среднемъ Дунаѣ политической силѣ. Въ пользу такого опредѣленія говорятъ еще и слѣдующія соображенія, справедливо принятая въ расчетъ уже прежними изслѣдователями²⁾. Во-первыхъ у лѣтописца Регинона, закончившаго свою хроникку 906 годомъ, записано подъ 894 годомъ, что сыновья Святополка несчастливо управляли книжествомъ *недолгое время*³⁾. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что ни Моймира, ни вообще кого-либо изъ сыновей Святополка уже не было на моравскомъ престолѣ, когда Регинонъ дописывалъ свою хроникку, т. е. въ 906 или 907 году. Другое обстоятельство, указывающее на то же время, состоитъ въ томъ, что въ 906 году, какъ единогласно свидѣлствуютъ многіе западные анналы, Угры совершили первый набѣгъ въ

¹⁾ *Frug, Annal. veter. p. 34—7: Improbabile non est, eodem pretio, quod illius memoria nusquam deinceps occurrat, Moymirum quoque occubuisse. Того же мнѣнія Шафарикъ (Сл. Др. т. II, кн. 2, стр. 807) и Палацкіи (Dějiny Nár. Česk., 1862, 2 seš., s. 170).*

²⁾ *Dümmler, Südöstl. M., S. 66; Gesch. II, S. 531; Dudík, S. 351—352.*

³⁾ *Regino, 694: Regnum filii ejus (Святополка) pauco tempore infeliciter tenuerunt, Ungaris omnia usque ad solum depopulantibus.*

землю Саксовъ черезъ землю полабскихъ Сербовъ, будучи призваны съ этою цѣлью однимъ изъ наиболѣе воинственныхъ племенъ послѣднихъ, Гломачами или Далемпинцами ¹⁾, какъ ихъ называли Немцы ²⁾. Проникнуть же въ этотъ отдаленный отъ Паннонiи край, къ полабскимъ Сербамъ и въ землю Саксовъ, Угры могли только однимъ путемъ, и именно черезъ Моравiю, что разумѣется предполагаетъ совершенно свободный для нихъ проходъ черезъ нее, а слѣдовательно и полную ея полноту. Притомъ же самое обращенiе Полабскихъ Славянъ за помощью къ Уграмъ, если оно дѣйствительно было, свидѣтельствуетъ о томъ, что угорскiя шайки по всей вѣроятности появлялись уже въ ту пору въ сѣверныхъ окраинахъ Моравiи и даже можетъ быть въ Чехiи ³⁾. Гломачи заявляли себя не разъ успѣшною борьбой съ Немцами и въ то время повидимому стояли во главѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ.

Саксонскiй герцогъ Оттонъ, самъ не разъ воевавшiй съ ними, послалъ противъ нихъ въ 906 году своего сына Генриха (внослѣдствiи знаменитаго немцаго короля). Гломачи, боясь одна не выдержать натиска Немцевъ, позвали себѣ на помощь противъ нихъ Угровъ, которые произвели страшное опустошенiе въ Саксонiи и вернулись съ громадною добычей ⁴⁾. То, что при-

¹⁾ Ann. Corbejens. 906: Ungari in Saxoniam venerunt; Hildesheimens. 906; Ottenburani 906; Ann. Saxo 906; Widukindi I, 17, 20; Lamberti Hersfeld. Ann. 906; Ann. Palidens. 906.

²⁾ Thietmar I, 2, 3: ... provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus Slavi autem Glomaci appellant.

³⁾ Есть какое-то смутное извѣстiе о подчиненiи и Чеховъ Уграмъ въ то время. См. Dobner, Annal. III, 397 у Дудика, Gesch., I, S. 352.

⁴⁾ Widukindi, L. I, 17: Pater (Оттонъ)... reliquit ei (filio Heinricho) exercitum et militiam adventus Dalamantiam, contra quos diu ipse militavit. Dalamanci vero impetum illius ferre non valentes conduxerunt adversus eum Avares, quos modo Ungarios vocamus, gentem belli asperrimam, c. 20: Praedictus igitur exercitus Ungariorum a Slavis conductus, multa strage in Saxonia facta, et infinita capta praeda, Dalamantiam reversi etc.; Ann. Palidens. 906: Ungarii fines Saxoniae vastantes multos occidunt, mulierum quoque ingentem turbam nobilium, liberarum et ancillarum per crines veluti loris connexam, nudam et mamillis perforatam secum cum puerulis duxere captivam.

бавляетъ къ этому разсказу саксонскій лѣтописецъ Видукиндъ, будто-бы Угры, вернувшись, встрѣтили другой отрядъ своихъ соплеменниковъ, которые грозили отомстить Славянамъ за то, что они призвали не ихъ, а другихъ Мадьяръ,—будто Саксонія подверглась затѣмъ вторичному набѣгу, между тѣмъ какъ первый отрядъ оставался все время въ землѣ Гломачей и довелъ ея населеніе до величайшей нищеты ¹⁾—все это, хотя и не можетъ считаться достовернымъ въ своихъ подробностяхъ ²⁾, должно всетаки имѣть какое-нибудь историческое основаніе и можетъ поэтому служить доказательствомъ по крайней мѣрѣ того, что угорская помощь была призвана не издалека, а что шайки Угровъ уже рыскали тогда гдѣ-нибудь по близости.

Для насъ чрезвычайно интересенъ и важенъ самый фактъ призванія Угровъ Полабскими Славянами для борьбы съ Нѣмцами. Онъ бросаетъ свѣтъ на опредѣлявшіяся уже тогда отношенія славянства къ Уграмъ, съ варварствомъ которыхъ оно поневолѣ примирилось и въ которыхъ не безъ основанія ожидало найти естественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ западомъ. Если можно допустить такое сознательное побужденіе у Полабскихъ Славянъ, прибѣгнувшихъ къ угорской помощи, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ право думать, что такимъ взглядомъ на роль Мадьяръ и на послѣдствія союза съ ними должны были проникнуться моравскіе Славяне, которыхъ непосредственными сосѣдями они стали и которые первые могли сдѣлаться жертвою ихъ хищныхъ инстинктовъ и жестокости. Это тѣмъ понятнѣе, что Мадьяры выступили грозною силою на среднемъ Дунаѣ въ самый критическій для Моравіи мо-

¹⁾ Widukindi, *ibid.*, с. 20.

²⁾ Гильфердингъ (Исторія Балтійскихъ Славянъ, Спб. 1874 г. стр. 311—312) справедливо сомнѣвается въ точности этого разсказа. «По всей вѣроятности, замѣчаетъ онъ, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, и можетъ быть вызванное ими, обошлось самимъ Славянамъ почти также дорого, какъ ихъ врагамъ». Нѣмцы можетъ быть дѣйствительно утѣшали себя этимъ, но безъ сомнѣнія преувеличивали потери Славянъ.

ментъ, когда борьба приняла уже гибельный для нея оборотъ и когда взаимная народная ненависть достигла крайняго напряженія. Если сначала страхъ, внушенный Уграмъ, а съ другой стороны надежда спасенія заставляла враговъ (Нѣмцевъ и Славянъ) наружно помирились и сблизиться изъ чувства самосохраненія, то это не могло долго продолжаться: какъ только Мораване убѣдились въ невозможности успѣшнаго сопротивленія и прошелъ первый невольный страхъ, въ нихъ пробудилась съ новой силою вражда къ Нѣмцамъ и они стали смотрѣть на пришлую орду уже иными глазами ¹⁾).

Итакъ покореніе Моравіи Уграмъ должно быть отнесено къ 905 и отчасти пожалуй къ 906 году. Увлеченныя гребезомъ и жаждой добычи, нѣкоторыя шайки послѣднихъ проникли довольно далеко на сѣверъ, чѣмъ и воспользовалось племя Гломачей, чтобы указать имъ путь и направить ихъ въ землю Саксовъ.

Между тѣмъ главныя силы Угровъ, заручившись покорностью моравскихъ Славянъ, не могли не обратити наконецъ своихъ жадныхъ взоровъ на богатые области нѣмецкой державы. Пришла очередь и Нѣмцевъ поплатиться за свое коварство. Они, не безъ злорадства смотрѣвшіе прежде на бѣдствія Мораванъ, теперь только, послѣ паденія Моравіи, сознали всю опасность своего собственнаго положенія, сдѣлавшагося рѣшительно критическимъ, когда не стало славянскаго княжества, отчасти служившаго имъ оплотомъ противъ страшныхъ кочевниковъ, отчасти отвлекавшаго силы послѣднихъ. Пришлось серьезно подумать о принятіи энергическихъ мѣръ для защиты своихъ уже значительно пострадавшихъ владѣній, и мы видимъ дѣйствительно, что нѣмецкія власти встрепенулись наконецъ въ 907 году. Они надѣялись сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ силъ и рѣшительнымъ, дружнымъ наступленіемъ сразу нанести поражение Уграмъ и остановить ихъ набѣги въ свои земли: очевидно они еще не могли

¹⁾ Сравнительныя замѣчанія объ отношеніяхъ Славянъ къ Мадырамъ и обратно см. у Hunsalvy, Ethnogr., S. 300—301.

разстаться съ слѣпою увѣренностью въ превосходство своихъ силъ. Однако событія не замедлили показать, что они спохватились уже слишкомъ поздно...

Какъ кажется, въ іюнѣ 907 года Нѣмцы выступили въ походъ противъ Угровъ, а въ началѣ іюля ¹⁾ произошло роковое столкновение ихъ войска съ Уграми, которые на этотъ разъ встрѣтили ихъ повидному въ весьма значительномъ числѣ.

Къ сожалѣнію, объ этой великой по своимъ послѣдствіямъ битвѣ исторія не сохранила намъ почти никакихъ достовѣрныхъ и подробныхъ извѣстій. Только самыя краткія лѣтописныя показанія сообщаютъ о рѣшительномъ и жестокомъ пораженіи баварскаго войска и о гибели самого предводителя, многихъ епископовъ и графовъ и массы народа ²⁾. Гдѣ именно произошла эта несчастная для западной Европы битва, мы также не знаемъ; можно только догадываться, что гдѣ-то въ самыхъ восточныхъ окраинахъ нѣмецкой территоріи, а можетъ быть еще новосточнѣе, внѣ ея предѣловъ, что подтверждается и однимъ выраженіемъ

¹⁾ Разнорѣчивыя извѣстія о времени этой битвы даютъ нѣкоторыя метрическія книги и некрологи (Necrolog.: Merseburg., Wizenburg., Salzburg., Frising.; также Frising. Martyrol., см. у Дюмлера). По болѣе древнимъ изъ нихъ и заслуживающимъ большаго довѣрія, эта битва падаетъ на 5 или 6 іюля. Dümmler, Gesch., II, S. 545.

²⁾ Ann. Alam. 907 (A): Baiovariorum omnis exercitus ab Ungaris occiditur, (B): Item bellum Baugauriorum cum Ungaris insuperabile, atque Liutbaldus dux et eorum supersticiosa superbia occisa, pauci qui christianorum evaserunt, interemptis multos episcopis comitibusque. (Отсюда и Ann. Laubac.); Ann. Augiens. 907: Baiarii et... ab Ungariis interficiuntur; Ann. Sangall. Major. (908); Ann. Salisburg. 907: bellum pessimum fuit; S. Emmeram. 907; Contin. Reginonis 907: Bawarii cum Ungariis congressi multa caede prostrati sunt, in qua congressione Liutbaldus dux occisus est; срв. также Ann. Corbejens. (907), Hildesheim. (908), Herimann. Aug. (907), Ann. Admunt. Auct. Garst. 906: Dietmarus Salzburgensis archiepiscopus occiditur ab Ungaris cum Utone et Zacharia aliis duobus episcopis; Ann. Ratispon. 907. См. подробнѣе Dümmler. Gesch., II, S. 544—5. Неправдоподобный разсказъ Авентина объ этой битвѣ (Annales Bojorum, ed. Gundling, p. 449 etc.) былъ подвергнутъ строгой критикѣ и отвергнутъ, какъ основанный на очень сомнительныхъ источникахъ, Дюмлеромъ въ Südöst. Mark., Anhang IV, S. 82—85.

(in Oriente) Фрейзингенскаго мартирологія X вѣка ¹⁾). Мы знаемъ только, что въ этомъ сраженіи погибли маркграфъ Люптпольдъ, въ то время самая крупная и замѣчательная личность въ баварской администраціи, и многія другія сановныя лица Баваріи, свѣтскія и духовныя. Между послѣдними пали самъ архіепископъ Зальцбургскій Тэотмаръ, епископы Уто Фрейзингенскій и Захарій Себенскій (Säben) и другіе ²⁾.

Понятно, какое ужасное и подавляющее впечатлѣніе должно было произвести это событіе на всю Германію и вообще на весь европейскій западъ, куда не замедлили прошикнуть о ней слухи, но всей вѣрности еще преувѣличенные и прикрашенные.

Битва 907 года имѣла несомнѣнно огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, на успѣхи мадьярской орды и на роль, которую Угры вскорѣ затѣмъ приобрѣли среди европейскихъ народовъ. Ея историческій смыслъ обусловленъ не столько важностью и военнымъ (т. е. стратегическимъ) значеніемъ самой побѣды Угровъ, сколько впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на современниковъ и совершившимся вслѣдствіе того переворотомъ въ настроеніи обѣихъ борющихся сторонъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ и въ представителяхъ власти сразу исчезла прежняя самоувѣренность, гордость ³⁾ и самообольщеніе и уступили мѣсто чувству

¹⁾ III Non. (Julii) bellum Baiuvariorum (cum) Ungariis in Oriente. Dammier, Gesch., II, S. 545.

²⁾ У Апентина есть перечень 19 убитыхъ баварскихъ графовъ. Можетъ быть, онъ взятъ изъ достовѣрнаго источника (метрическихъ книгъ), но допущенное фантазерство этого автора бросаетъ тѣнь и на это свидѣтельство Dammier S.-Ö. M., S. 85. Было высказано предположеніе, что въ этой битвѣ и Мораване оставили свои лучшія силы (Успенскій, С. М., стр. 103). Можно-бы допустить развѣ только то, что Моравскій князь, сбѣжавшій изъ Моравіи при ея разгромѣ, принялъ въ ней участіе. Гораздо вѣроятнѣе, что въ угорскомъ войскѣ были славянскіе добровольцы.

³⁾ Аламанскій летописецъ не даромъ выразился о Баварцахъ, что этою битвою «было сломлено ихъ суевѣрное высокомеріе: et eorum supersticiosa superbia (crudeliter) occisa (Ann. Alamann. 907, Pertz, SS. I, 64). Если это выраженіе можетъ быть и не совсемъ ясно и точно, то всетаки не трудно понять, чѣмъ разумѣлъ авторъ, и потому его нельзя назвать западнымъ и необъяснимымъ (räthselhaft und unklar), какъ это дѣлаетъ г. Дюмлеръ, Gesch. II, S. 545.

непреодолимаго страха, преувеличеннаго сознанія своего безсилія и даже чувству отчаянія. Напротивъ, въ Уграхъ этотъ успѣхъ удвоилъ самоувѣренность, жажду добычи, предприимчивость и отвагу; они не замедлили воспользоваться выгоднымъ для себя впечатлѣніемъ первой своей большой побѣды и рѣшили безпрепятственными, ежегодными набѣгами не давать опомниться западноевропейскому обществу, не дать ему собраться съ силами.

Только такимъ переворотомъ въ общемъ настроеніи воюющихъ народовъ могутъ быть объяснены съ одной стороны та неслыханная дерзость, съ которой Угры въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ проникали все дальше и дальше на западъ, въ самые отдаленные его концы, не щадя ничего на своемъ пути и принося съ собой всюду гибель и разореніе, съ другой стороны — та всеобщая паника и то отчаяніе, которыя господствовали вездѣ, куда-бы ни являлся страшный врагъ, и которыя до того овладѣли народомъ и правительствомъ, что они оказывались совершенно беспильными и безпомощными передъ хищными угорскими шайками и не имѣли мужества противопоставить имъ сколько-нибудь энергическое сопротивленіе.

Итакъ въ 907 году совершился рѣшительный поворотъ въ исторіи международныхъ отношеній на среднемъ Дунаѣ. Мы не скажемъ конечно, что собственно катастрофа 907 года рѣшила дальнѣйшую судьбу Славянъ, Нѣмцевъ и Мадьяръ на Дунаѣ; ихъ судьбу рѣшили событія послѣдующей эпохи грозныхъ предприятий Мадьяръ на западъ и ихъ дѣятельности у себя дома; но суть въ томъ, что событія этой эпохи являются прямыми послѣдствіями побѣды Мадьяръ въ 907 г. Торжество Угровъ надъ Нѣмцами не только установило въ занимающихъ насъ странахъ новыя политическія отношенія, но неизбежно должно было создать совершенно новый порядокъ вещей въ этнографическомъ и культурномъ состояніи всей средне-дунайской территоріи, гдѣ нѣмецкая власть или нѣмецкое вліяніе смѣнились господствомъ хищной мадьярской орды, поставившимъ мѣстное населеніе совершенно въ пныя условія жизни и культурнаго развитія. На-

ступила роковая развязка той борьбы, политической и культурной, которую Германская держава въ теченіе столѣтія такъ настойчиво и послѣдовательно вела въ своихъ дунайскихъ маркахъ изъ-за водворенія своего господства у сосѣднихъ славянскихъ племенъ, изъ-за интересовъ германизации.... Угры изъ далекихъ восточныхъ степей принесли съ собой эту развязку и своимъ поселеніемъ на равнинѣ средняго Дуная дали новое направленіе исторіи не однихъ только придунайскихъ земель, но и всей западной Европы. До 907 года германскій міръ еще не отдавалъ себѣ отчета въ совершившемся переворотѣ. Только битва 907 года со своими бѣдственными послѣдствіями обнаружила настоящее положеніе дѣлъ и быстро повела за собой событія къ окончательной развязкѣ.

Здѣсь кстати будетъ привести слова, въ которыхъ одинъ повѣйшій нѣмецкій историкъ формулируетъ результаты мадьярской побѣды 907-го года ¹⁾. «Трудно найти, говоритъ онъ, другое событіе въ древней нѣмецкой исторіи, которое сравнялось бы по своему пагубно-роковому значенію съ этой июньской (июльской?) битвой 907 года. Навсегда былъ положенъ конецъ тому первенствующему положенію, которое до тѣхъ поръ удерживала Баварія въ Восточно-Франкской державѣ. Потеряно было все, что въ теченіи болѣе 100 лѣтъ приобрѣли нѣмецкой родиѣ мечъ и плугъ главнымъ образомъ баварскаго племени, потеряны были Восточная марка и Паннонія. Нѣмецкая власть была отброшена назадъ за р. Энжу, даже Карантанія была въ опасности; собственная родная страна предана опустошительнымъ вторженіямъ варварскихъ полчищъ, политическія и церковныя узы съ нѣмецкими насажденіями по ту сторону Энжи разорваны, самыя же эти насажденія уничтожены и обречены на гибель. Никогда эта потеря не была вполне возмѣщена. Только небольшая частица этихъ земель была вновь приобретена въ X и XI вѣкѣ, но никогда, со времени образова-

¹⁾ Kaestner, въ назван. сочин., стр. 301—302.

ніа Угорскої держави, не удавалось возвратити древню Паннонію въ руки нѣмецкой власти и нѣмецкой народности; только отдѣльными небольшими колоніями Нѣмцы проникли туда въ послѣдствіи. Еслибъ не вмѣшались Мадыры и не было битвы 907 года, то по человѣческимъ расчетамъ границы сплошной чисто-нѣмецкой территоріи были бы нынѣ не на верхнемъ Раабѣ, а на нижней Савѣ.....».

Не думаемъ, чтобы кто-нибудь, вникнувъ безпристрастно въ политическое положеніе дѣлъ на среднемъ Дунаѣ въ послѣдней четверти IX и началѣ X вѣка, могъ найти этотъ взглядъ преувеличеннымъ. Читатель знаетъ, насколько этотъ взглядъ согласуется съ результатами нашего изслѣдованія этой эпохи. Мы не только не считаемъ его преувеличеннымъ, но полагаемъ скорѣе, что въ немъ даже еще не въ полной мѣрѣ оцѣнена роль Мадыръ, какъ оплота западныхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ. Въ нижеслѣдующихъ страницахъ мы изложимъ вкратцѣ наши заключенія.

Общія заключенія о переворотѣ произведенномъ Мадьярами на среднемъ Дунаѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка, когда Угры, будущіе обладатели средне-дунайской равнины, находились на порогѣ своей новой родины, территорія средняго Дуная представляла въ общихъ чертахъ въ этническомъ и политическомъ отношеніяхъ приблизительно слѣдующую картину.

Центральная часть степной, нынѣ *угорской равнины* по обѣ стороны р. Тиссы, на востокъ до отроговъ горъ трансильванскихъ, на западъ до средняго Дуная, имѣла видъ почти безлюдной пустыши. Только сѣверныя и восточныя ея окраины, тамъ, гдѣ изъменность начинаетъ терять свой исключительно степной характеръ, разнообразясь холмами, долинами и лѣсами, да равнина верхняго теченія Тиссы были заселены, хотя вѣроятно и не густо, мирными земледѣльцами — Славянами. Въ самую же степь славянскіе поселенцы въ старину никогда не углублялись — съ одной стороны потому, что пустышныя, безлѣсныя, крайне однообразныя мѣстности не могли быть благоприятны для ихъ земледѣльческой жизни, съ другой, и всего чаще, изъ страха передъ хищными кочевниками, которые повидному до

самого прихода Мадьяръ не совсѣмъ перевелись на этой незанятой для нихъ почвѣ. Мы видѣли, что остатки аварской орды укрылись сюда отъ грознаго германскаго завоевателя. Здѣсь ихъ никто не преслѣдовалъ и не тревожилъ, и они могли еще довольно долго влечь въ такихъ условіяхъ свое существованіе, перекочевывая съ мѣста на мѣсто и не имѣя болѣе силы серьезно угрожать ближайшему осѣдлому населенію. Такимъ образомъ и къ концу IX вѣка, какъ мы полагаемъ, могли еще сохраниться въ дунайской степи кое-какіе скудные обломки этихъ Аваровъ.

Этическое состояніе центральной тиссо-дунайской равнины обуславливало и ея политическую роль. Владѣніе ея не представляло никакихъ особенныхъ выгодъ, ни политическихъ, ни матерьяльных, а потому мы и не видимъ, чтобы на эту пустынную территорію распространила свою власть одна изъ сосѣднихъ славянскихъ державъ, Болгарская или Моравская; владѣнія ихъ нигдѣ не соприкасались другъ съ другомъ на этомъ пространствѣ: по всей вѣроятности и на сѣверѣ и на югѣ ихъ границы политическія совпадали съ этнографическою чертою славянской народности, за которою (вглубь равнины) уже прекращалось вообще осѣдлое населеніе.

Изъ великой угорской равнины переходимъ на правый берегъ Дуная. Здѣсь въ древней *Панноніи*, и въ верхней и нижней ея частяхъ, населеніе не отличалось густотою: были тутъ вѣроятно значительныя пространства, еще вовсе не воздѣланныя и не колонизованныя. Мѣстность около Блатенскаго озера, центръ некогда процвѣтавшей области князей Прибины и Коцела, была сравнительно болѣе заселена. Однако къ концу IX вѣка процентъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Панноніи долженъ былъ возрасти уже до почтенной цифры. Рука объ руку съ политическимъ господствомъ Нѣмцевъ и съ церковной пропагандой шла усердная колонизаціонная дѣятельность, которой въ Нижней Панноніи было положено основаніе, какъ мы знаемъ, еще при князѣ Прибвиѣ. Въ Верхней Панноніи систематическая нѣмецкая колонизація

уже достигла рѣки Рааба. Постепенное ослабленіе Моравскаго союза и его безспіе отстаивать свои ниже-паннонскія владѣнія, которыя формально числились за Моравіей еще въ исходѣ IX вѣка, обѣщало дальнѣйшій успѣхъ дѣлу германизаціи Панноніи. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ естественно возрастала въ своемъ количествѣ и силѣ нѣмецкій элементъ населенія, достигая въ Восточной маркѣ уже весьма значительныхъ размѣровъ.

Восточная марка и «Карантанія» въ отношеніи къ составу населенія представляли не одинаковую картину, и это потому, что славянское населеніе распредѣлилось первоначально въ той и другой весьма неравномѣрно и въ различныхъ пропорціяхъ. Въ то время какъ въ Восточной маркѣ, особенно въ сѣверныхъ ея частяхъ, славянская колонизація была вообще довольно слаба, въ Карантаніи, и преимущественно въ нынѣшней Карпачіи, напротивъ, она достигла весьма видныхъ результатовъ. Сообразно съ этнуръ и нѣмецкая колонизація, будучи поставлена здѣсь и тамъ въ различныя условія, не могла развиваться въ одинаковой степени, такъ что къ концу IX вѣка каждая изъ этихъ областей въ составѣ своего населенія и во взаимномъ отношеніи составныхъ элементовъ представляла нѣчто особое, оригинальное. Въ Восточной маркѣ нѣмецкія поселенія по численности достигли рѣшительнаго преобладанія, такъ что дѣло германизаціи шло впередъ успѣшнѣе чѣмъ гдѣ-либо; въ Карантаніи, несмотря на сильный притокъ нѣмецкихъ колонистовъ и на энергическую дѣятельность Нѣмцевъ—въ смыслѣ захвата земли въ свои руки и порабощенія Славянъ, эти послѣдніе всетаки своимъ численнымъ перевѣсомъ придавали населенію страны и особенно нѣкоторыхъ ея частей славянскую окраску, хотя во всѣхъ отношеніяхъ были подавлены новыми нѣмецкими порядками. Такимъ образомъ, если въ этническомъ состояніи Карантаніи и Восточной марки въ исходѣ IX вѣка было существенное различіе, то оно ступшевывалося тѣми общими политическими и культурными условіями, которыя истекали изъ политическаго господства Нѣмцевъ, и тѣми общими мѣрами, которыя германская

власть неуклонно, со времени завоеванія этой территоріи, принимала по отношеніи къ туземному населенію съ цѣлью его скорѣйшаго оиѣмченія. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ конца VIII до конца IX вѣка, нѣмецкая администрація, гражданская и церковная, крупные нѣмецкіе землевладѣльцы (свѣтскіе и духовные), наконецъ многочисленныя Нѣмцы-колонисты имѣли возможность сильно подвинуть впередъ это дѣло. Оно шло чѣмъ далѣе, тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ слабѣла и изнемогала политически Моравія подъ ударами тѣхъ же Нѣмцевъ, лишившись той внутренней опоры, которую для нея представляла самостоятельная національная церковь и единая сильная княжеская власть.

Эта церковная самостоятельность, соединенная съ развитіемъ просвѣщенія и національнаго самосознанія, и эта сильная народнымъ довѣріемъ и любовью, единая княжеская власть были тѣми основами, которымъ Моравія много была обязана своимъ политическимъ возвышеніемъ и разцвѣтомъ. Уничтоженіе этихъ основъ вело къ неминуемому разрушенію державшееся ими зданіе. Мы видѣли, чѣмъ была эта Моравія въ послѣдніе годы IX вѣка. Оставленная сосѣдями-единоплеменниками (Чехами и Полабскими Славянами), своими естественными союзниками, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, потерявшая внутреннее политическое единство раздѣленіемъ княжеской власти, терзасмая раздорами и открытымъ междоусобіемъ князей, она бессильно поддавалась всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и интригамъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Можно смѣло сказать, что еслибъ послѣдніе дѣйствовали съ большимъ единствомъ, и еслибъ у нихъ у самихъ не было дома несогласій и смуты, Моравія была бы осилена уже ранѣе дружнымъ ихъ натискомъ, можетъ быть еще при жизни Арнульфа и безъ вмѣшательства Угровъ.

Богъ знаетъ, что было бы послѣ опустошительныхъ походовъ на нее Баварцевъ въ 898, 899 и 900 годахъ, еслибъ особенныя политическія соображенія, вызванныя набѣгами Угровъ и ихъ возраставшею дерзостью, не привели къ миру 901 года.

Предположимъ, что Мораване и могли еще нѣкоторое время отбиваться, хотя мы и не видимъ, чтобы они оказали какое-нибудь сопротивление въ 898—900 г., но что же дальше? Гдѣ былъ выходъ изъ критическаго положенія? въ чемъ могла быть надежда на спасеніе? Безпристрастный историкъ едва-ли станетъ колебаться отвѣчать рѣшительно, что въ тотъ моментъ ни извнѣ, ни внутри Моравскаго княжества не было никакихъ сколько-нибудь благопріятныхъ признаковъ, которые могли бы оправдывать надежду на благополучный для него исходъ дѣла. Нельзя же допустить, чтобы Немцы, поставивъ своего врага въ такое бѣдственное и безпомощное состояніе, вдругъ опустили руки, не доведя до конца того дѣла, къ достиженію котораго были направлены всѣ ихъ усилія въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и помогли бы Моравіи снова оправиться, укрѣпиться и приготовиться къ новой борьбѣ!

И вотъ въ такое-то критическое для Славянъ время, когда политическая организація и свобода однихъ (въ Моравіи) шла быстрыми шагами къ окончательному паденію, когда народность и личная свобода другихъ (въ Панноніи, Восточной маркѣ, Карантаніи) постепенно гибла въ могучемъ потокѣ германизма, въ такое-то время выступаетъ на европейскую сцену *мадьярская орда* и располагается на среднемъ Дунаѣ, куда её бросаетъ судьба послѣ продолжительнаго странствованія и невзгодъ и гдѣ она находитъ свою вторую родину.

Появленіе этой новой некультурной силы, жившей одной войной, однимъ грабежомъ и разрушеніемъ, однимъ удовлетвореніемъ своей неутолимой жажды добычи, не могло не произвести большого переворота въ этнологическихъ, политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ тѣхъ странъ и того населенія, среди которыхъ расположился этотъ всѣмъ чуждый страшный врагъ. Онъ засталъ здѣсь международную распрю, и естественно рѣшеніе, развязка этой распри очутилась въ его рукахъ, ибо и сильнѣйшая изъ воюющихъ сторонъ, занятая борьбой и внутренними неурядицами у себя дома, не была въ состояніи оказать пад-

лежачаго отпора; ему суждено было разрѣшить вопросъ о томъ, кому преобладать на среднемъ Дунаѣ и создать здѣсь новый порядокъ вещей. И дѣйствительно, мадьярская орда на многіе вѣка рѣшила этотъ вопросъ и создала этотъ новый порядокъ. Своимъ поселеніемъ въ великой угорской равнинѣ и своими хищными, полвѣка длившимися набѣгами на западную Европу она измѣнила карту дунайскихъ земель, перевернула политическія и этнографическія отношенія на среднемъ Дунаѣ, предотвратила роковой, но естественный исходъ національной борьбы германства съ еще не окрѣпшимъ, не созрѣвшимъ, политически слабымъ дунайскимъ славянствомъ, остановила находившійся въ полномъ ходу процессъ германизации центральной средне-дунайской территоріи; наконецъ — для себя самихъ Мадьяры обезпечили не только національное бытіе среди народовъ Европы, но и политическое значеніе (которое впрочемъ нынѣ обусловливается исключительно политикою враждебнаго славянству европейскаго запада).

Таковы великіе результаты мадьярскаго погрома. Для насъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о его значеніи въ исторіи дунайскаго и вообще западнаго славянства. Представленный нами разборъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ, непосредственно предшествовавшихъ вторженію Мадьяръ, отвѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на вопросъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого вторженія для дунайскихъ Славянъ. Каковы же были эти послѣдствія?

Вторгнувшись въ средне-дунайскую равнину и раскинувъ здѣсь свои жилища, Угры только отчасти заняли территорію, уже до нихъ населенную Славянами. Здѣсь разумѣется съ одной стороны Паннонія, съ другой сѣверныя и восточныя окраины тиссо-дунайской низменности. Несомнѣнно, что на этихъ именно мѣстностяхъ и на ихъ жителей отзывались прежде всего и самымъ чувствительнымъ образомъ бѣдствія угорскаго погрома. Внезапное появленіе кочевыхъ хищниковъ, сопровождавшееся беспощаднымъ грабежомъ и насиліями, не могло не произвести общаго смятенія и паники въ населеніи, и значительный процентъ

его, конечно, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Такимъ образомъ нѣкоторая часть Славянъ (Угорскихъ) была отгѣснена къ сѣверу въ горную область Карпатовъ и къ востоку въ горы Трансильваніи, нѣкоторая (изъ Панноніи) къ западу въ защищенные края восточно-альпійской горной системы. Тѣ же, которые были застигнуты врасплохъ и не успѣли бѣжать (а такихъ было также не мало—при той неожиданности, съ которой появлялись мадьярскія шайки), были покорены и должны были работать на своихъ новыхъ повелителей. Положеніе этихъ покоренныхъ было, впрочемъ, — мы убѣждены въ этомъ—всетаки легче, чѣмъ положеніе Славянъ-рабовъ и безземельныхъ работниковъ подъ властью Нѣмцевъ; въ послѣднемъ случаѣ Славяне-поселенцы не только были, болышею частью, лишены земельной собственности и обращены въ совершенно зависимый, угнетасмый классъ, но еще къ матерьяльному гнѣту надъ ними присоединялся болѣе тяжелый гнѣтъ нравственный, служившій орудіемъ германизаціи. Съ другой стороны, напротивъ, подъ властью Мадьяръ славянскіе поселенцы оставались попрежнему владѣтелями и хозяевами своей земли и платили дань безъ сомнѣнія продуктами, слѣдовательно только физическимъ трудомъ: они разумѣется теряли, но теряли почти только въ одномъ своемъ матерьяльномъ благосостояніи. Неудивительно поэтому, что когда прошелъ первый страхъ и миновали первыя бѣдствія погрома, особенно когда Славяне увидѣли, что грозное мадьярское нашествіе неминуемо должно обрушиться и на вѣковыхъ ихъ враговъ и угнетителей, то они отнеслись спокойнѣе къ постигшему ихъ несчастью и не только покоренные примирились съ своею участью, но, по всей вѣроятности, очень многіе бѣглецы возвратились изъ горъ на свои родныя пепелища, предпочтя данническую зависимость отъ Мадьяръ тяжелой неволѣ у Нѣмцевъ. Притомъ же уроженцы и жители равнины чувствовали себя стѣсненными среди условій горной природы и готовы были при первой возможности, при мало-мальски сносныхъ условіяхъ, вернуться къ прежней обстановкѣ и образу жизни.

Между тѣмъ, чѣмъ далѣе Мадьяры пропикали на западъ, тѣмъ сильнѣе ихъ влекло туда. Познакомившись разъ съ богатствами и матерьяльнымъ благосостояніемъ нѣмецкихъ областей, они уже не могли преодолѣть своихъ хищныхъ инстинктовъ и ничто не могло удержать ихъ отъ предпріятій въ воздѣланные края культурнаго запада. Территорія ближайшихъ къ нимъ славянскихъ поселеній уже не удовлетворяла ихъ: они искали болѣе привлекательной добычи. Избравъ средоточіемъ своихъ жилищъ Паннонію (какъ нѣкогда Авары), они направили свои набѣги въ Восточную марку, Карантанію и въ глубь Моравіи. Мы видѣли, что до 904 г. эти набѣги еще не имѣли рѣшительнаго и дружнаго характера, и потому населеніе этихъ странъ все еще не хотѣло допустить существованіе серіозной опасности. Наконецъ въ 905 г. Мадьяры, возбуждаемые жаждою мести, развернули повидному всѣ свои силы: они начали съ Моравіи.

Участь этой несчастной страны намъ извѣстна; немислимо было ей одной, ослабленной и потрясенной, вынести этотъ тяжелый ударъ, когда его не могла отразить Германія въ своихъ твердоорганизованныхъ и сравнительно хорошо защищенныхъ маркахъ. Моравское княжество рушилось, и несомнѣнно въ его лицѣ нанесенъ былъ сильный ударъ всему дунайскому славянству. Но каковъ былъ этотъ ударъ, отозвался ли онъ безусловно гибельно на внутренней жизни и народномъ развитіи славянства, и можетъ ли поэтому мадьярскій погромъ считаться великимъ, непоправимымъ для него несчастіемъ, вотъ вопросъ, на который безпристрастный и тщательный анализъ фактовъ, какъ могли уже убѣдиться читатели, не позволяетъ намъ отвѣчать утвердительно, т. е. согласно съ господствовавшимъ донынѣ въ славянской историографіи взглядомъ. Покоривъ Моравію, Мадьяры съ удвоенной силой и увѣренностью въ успѣхѣ устремились въ предѣлы нѣмецкихъ владѣній и въ 907 году нанесли Нѣмцамъ пораженіе, далеко оставившее за собой по своему роковому значенію тѣ бѣдствія, которымъ подверглись два года передъ тѣмъ Славяне въ Моравіи. Дѣло Нѣмцевъ на среднемъ

Дунаѣ было въ корнѣ и надолго подорвано. Дѣйствительно, стоить взглянуть на результаты окончательнаго торжества Угровъ на Дунаѣ для Нѣмцевъ и ихъ культурно-политическихъ интересовъ, и тогда сопоставленіе этихъ результатовъ съ одной стороны съ тѣмъ, что потеряло славянство отъ мадьярскаго погрома, съ другой стороны—съ тѣмъ, что его ожидало, еслибъ не явились Мадьяры, само собой должно привести всякаго къ правильной оцѣнкѣ великаго переворота, совершившагося на территоріи нынѣшней Австрійской монархіи въ концѣ IX и началѣ X вѣка.

Ближайшимъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія Нѣмцевъ въ 907 г. была потеря Восточной марки и распространеніе владѣній Угровъ до самой рѣки Энжи, т. е. до того же предѣла, до котораго когда-то господствовали Авары. Такимъ образомъ дѣйствительно было потеряно все, что съ такими усиліями перешло въ руки Нѣмцевъ со времени завоевательнаго движенія Карла Великаго на востокъ. О Восточной маркѣ съ 907 г. въ теченіе 60 лѣтъ слишкомъ не встрѣчается упоминанія. Съ водвореніемъ въ ней мадьярской власти, она должна была прійти въ величайшее запустѣніе и разгромъ. Разцвѣтавшіе плоды нѣмецкой культуры подверглись безоцѣнно разоренію и грабежу, а довольно уже многочисленныя нѣмецкіе поселенцы были частью истреблены, частью уведены въ плѣнъ, а частью искали спасенія въ бѣгствѣ за Энжу, на сосѣднюю нѣмецкую территорію, предоставивъ врагамъ свои опустѣвшія жилища. О нѣмецкихъ насажденіяхъ въ Панноніи здѣсь уже не можетъ быть рѣчи, такъ какъ они были сметены гораздо раньше первыми набѣгами Мадьяръ въ Паннонію и окончательнымъ ихъ водвореніемъ въ ней.

Еслибъ побѣдой 907 г. ограничились всѣ успѣхи мадьярской орды въ борьбѣ съ западомъ, то конечно тяжелое положеніе дѣль въ тотъ моментъ отнюдь не было бы еще непоправимо и безнадежно, но въ томъ-то и заключается сущность мадьярскаго погрома, что первый важный успѣхъ Угровъ открылъ собою цѣлую полувѣковую эпоху ихъ непрерыв-

ныхъ опустошительныхъ набѣговъ на западную Европу, противъ которыхъ европейскія державы не могли даже собрать своихъ силъ, хотя-бы для энергической самозащиты, если ужъ не для наступленія. Такому бѣдственному положенію много способствовала сравнительная слабость Германіи, упадокъ въ ней государственной власти и отсутствіе внутренняго политическаго единства, которыми характеризуется царствованіе Людовика Дитяти. Населеніе, не видя, чтобы принимались разумныя и рѣшительныя мѣры противъ жестокаго врага, думало только о своемъ спасеніи и скрывалось со своимъ имуществомъ за стѣнами городовъ и укрѣпленій, или въ непроходимыхъ лѣсахъ и неприступныхъ горахъ. Характеръ угорскихъ набѣговъ былъ также причиною того, что не было оказываемо никакого общенароднаго сопротивленія, и силы оставались бесплоченными. Угры внезапно нападали, грабили и немедленно удалялись, такъ что причиненное ими бѣдствіе было всегда только мѣстнымъ, имѣло лишь частное, локальное значеніе. Другое дѣло были вторженія Норманновъ и Сарацинъ: первые постоянно располагались на территоріи враговъ, такъ что въ борьбѣ съ ними приходилось отстаивать самую землю; войны съ Сарацинами имѣли кромѣ того еще религіозный характеръ:—и здѣсь и тамъ, слѣдовательно, защищались интересы всеобщіе, а не частныя.

Такимъ образомъ Угры, нигдѣ не встрѣчая дружнаго отпора, становились годъ отъ году болѣе дерзкими, безнаказанно разоряли находившіяся въ сравнительно цвѣтущемъ положеніи края западной Европы и приводили ихъ населеніе въ самое бѣдственное, безпомощное состояніе. Постоянный страхъ за свою жизнь и имущество, народное смятеніе и беспорядокъ парализовали всякую дѣятельность и нормальныя отправленія жизни, препятствовали развитію и успѣхамъ промышленности и торговли, уже не говоря о томъ, что всѣ внѣшніе политическіе и національные вопросы (какъ напр. германизация Славянъ, колонизация восточныхъ марокъ, тамошнія церковныя дѣла и проч.) невольно отошли на задній планъ.

Конечно, чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ положеніе было труднѣе и невыносимѣе, и ничто не могло уже болѣе привлечь Нѣмцевъ въ восточныя окраины ихъ владѣній по Дунаю. Уже въ царствованіе Людовика Дитяти вся Германія до Рейна испытала дикую жестокость угорскихъ шаекъ. При его преемникѣ они переступили в этотъ предѣлъ. И такимъ-то неистовымъ образомъ безпрепятственно хозяйничали Угры въ западной Европѣ цѣлые полвѣка, до знаменитой битвы при Аугсбургѣ на Лехѣ 955 г., когда императоръ Оттонъ навесъ имъ рѣшительное пораженіе и положилъ конецъ ихъ набѣгамъ. Достаточно, кажется, самаго бѣглаго взгляда на эту тяжелую для Европы эпоху, чтобы вѣрно оцѣнить гибельныя послѣдствія мадьярскаго погрома для германскаго міра и въ особенности для ихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ.

А что же Славяне: каковы были ихъ положеніе и роль во все это время? Моравія покорилась въ 905 — 906 году; жители ея послѣдовали примѣру другякъ дунайскихъ Славянъ, помирившись съ своею участью, и продолжали свою прежнюю земледѣльческую жизнь, только подъ верховною властью Угровъ, которымъ конечно платили дань. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе долгаго времени, мы не знаемъ ни о какихъ столкновеніяхъ этихъ Славянъ съ Уграми и скорѣе имѣемъ основаніе предполагать существованіе между ними взаимныхъ дружественныхъ отношеній. Войнъ съ Чехами, ставшими послѣ паденія Моравіи непосредственными сосѣдями угорскихъ владѣній, также повидному не было. Угры, предприимая набѣги на Саксонію, Тюрингію и другія среднегерманскія страны, какъ-то всегда миновали Чехію, а если и проходили черезъ нее, то не причиняли ей, повидному, никакого вреда. Нельзя поэтому не предположить существованія въ тотъ періодъ времени какого-то мирнаго договора между Чехами и Уграми. Въ пользу такого союза говорятъ совмѣстныя ихъ предпріятія позже противъ Саксовъ ¹⁾, а также внутреннія дѣла

¹⁾ Adami Bremens. gesta Hammab. eccl. pont. I, 54; Chron. breve. Bremenseertz, SS., VII, 391). См. у Дюмаера, Südöstl. M., S. 67.

и отношенія Чеховъ (въ началѣ X вѣка), не заключающія въ себѣ и намека на бѣдствія ихъ отъ мадьярскихъ набѣговъ. Справедливо замѣчено, что союзъ съ Мадьярами доставилъ Чехамъ выдающуюся и значительную роль по отношенію къ нѣмецкой державѣ и создалъ вообще выгодныя условія для успленія Чехіи и для развитія въ ней внутренняго политическаго единства ¹⁾. Этому конечно какъ нельзя болѣе благоприятствовало ослабленіе и бѣдственное состояніе Германіи. Быстрое объединеніе и укрѣпленіе политическаго организма Чехіи доказываетъ, что она дѣйствительно сумѣла воспользоваться столь счастливо сложившимися для нея обстоятельствами. Съ водвореніемъ Мадьяръ на Дунаѣ политическій и культурный центр тяжести всего западнаго славянства переносится въ Чехію, которая съ тѣхъ поръ все болѣе крѣпнеть, расширяетъ границы своихъ владѣній и сферу своего политическаго вліянія.

Итакъ послѣ паденія Моравскаго княжества вся тяжесть мадьярскаго погрома обрушилась на западную Европу и въ особенности на германскій міръ. Славяне же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ Мадьярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы нѣкоторымъ образомъ общими. Одни изъ Славянъ почти безъ сопротивленія покорились Мадьярамъ, другіе—вступили съ ними въ союзъ. Признавая существованіе такихъ взаимныхъ дружественныхъ отношеній подчинившихся дунайскихъ Славянъ къ Мадьярамъ, основанныхъ не на одной только вынужденной покорности первыхъ и на военныхъ расчетахъ вторыхъ, но на дѣйствительномъ взаимномъ сближеніи въ силу одинаковыхъ стремленій и національно-политическихъ интересовъ, мы считаемъ совершенно естественнымъ и даже логически необходимымъ допустить, что эта общность интересовъ выражалась въ чемъ-либо и на дѣлѣ, а не ограничивалось однимъ пассивнымъ сочувствіемъ. Короче сказать, извѣстное участіе дунайскихъ Славянъ въ послѣдующихъ

¹⁾ Badinger, Oesterr. Gesch., S. 304. Срв. также Hunfalvy, S. 299—300

предпріятіяхъ Мадьяръ на западъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя *прямыхъ* извѣстій о такомъ участіи и не дошло до насъ. Въ пользу этого предположенія убѣдительно свидѣтельствуется прежде всего то, что въ періодъ самыхъ первыхъ угорскихъ набѣговъ на нѣмецкія владѣнія уже бывали случаи вступленія Славянъ въ ряды Угровъ (при чемъ Славяне даже брили себѣ головы по обычаю послѣднихъ), какъ о томъ говоритъ извѣстное посланіе нѣмецкаго духовенства къ папѣ 900 года; наконецъ это участіе Славянъ въ походахъ Угровъ не можетъ не показаться намъ еще болѣе естественнымъ, если мы припомнимъ аналогичный фактъ, а именно какъ въ IX вѣкѣ Балтійскіе Славяне участвовали въ походахъ Норманновъ на Нѣмцевъ. Въ 880 году, напрямѣръ, Норманны устремились между прочимъ въ Саксонію и нанесли страшное пораженіе Саксамъ. Изъ одного лѣтописнаго извѣстія мы узнаемъ, что на сторонѣ Норманновъ сражались и Славяне, по всей вѣроятности Бодричи и Лютичи ¹⁾. Если же Славяне, несколько не зависямые отъ Норманновъ, оказывали имъ помощь противъ Нѣмцевъ, то тѣмъ болѣе становится понятною помощь, оказанная Уграмъ — со стороны подчинившихся имъ дунайскихъ Славянъ ²⁾.

Итакъ всѣ соображенія о ближайшихъ послѣдствіяхъ мадьярскаго погрома для дунайскаго славянства сами собою неизбежно приводятъ насъ къ выводу, прямо идущему въ разрѣзъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые смотрятъ на мадьярскій погромъ въ IX вѣкѣ, какъ на «величайшее изъ всѣхъ несчастій, въ теченіе вѣковъ постигавшихъ славянскій міръ...» Наше заключеніе состоитъ въ томъ, что если Мадьяры своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану Славянамъ и стали для

¹⁾ Въ этомъ сраженіи епископъ Марквартъ былъ убитъ именно Славянами: Chron. Hildesheim. (880 г.): Marcquardus episcopus... occisus est a Sclavia. Срв. Соб. соч. Гизльбердинга, Исторія Балтійскихъ Славянъ, стр. 309.

²⁾ По вопросу о взаимныхъ дружественныхъ отношеніяхъ Славянъ и Угровъ см. упомянутую выше статью Елагина (Рус. Бес., 1858, I, стр. 131, 150, 157, 164—165 и слѣд.).

нихъ причиною многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, зато своимъ свосвременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими Славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благопріятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принявшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго дѣйствительно великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы считаемъ правильнымъ судить о значеніи мадьярскаго нашествія въ древней исторіи дунайскихъ Славянъ. Мы съ намѣреніемъ говоримъ *дрезней*, чтобы не подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ и ложнымъ заключеніямъ. Мы отклоняемъ отъ себя здѣсь всякое сужденіе вообще о настоящей и грядущей роли мадьярской народности въ судьбахъ славянскаго міра, о современныхъ ихъ отношеніяхъ къ западному славянству, о томъ, что ожидаетъ еще впредь Мадьяръ и Угорскихъ Славянъ, однимъ словомъ о возможной развязкѣ мадьяро-славянскаго вопроса. Вопросъ этотъ труденъ и сложенъ: сама жизнь рѣшитъ его—мы твердо уповаемъ—не въ ущербъ славянству...

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЬ.

А.

- Аботриты, см. Болричи.
Авары, 2, 38—40, 48, 53—59, 65, 67—72, 76—79, 82, 88, 90, 94, 109, 151, 187, 189, 198, 236—238, 242, 243, 268, 271, 289, 290, 309, 314, 312, 317, 322, 323, 337, 414, 417, 418.
Аврелианъ, 28, 42, 52.
Австрія Верхняя, 19, 64, 75.
Австрія Нижняя, 22, 64, 75, 110.
Австро-Венгрія, 2, 4, 5, 22, 23, 59, 63, 141, 282, 418.
Агаонресы, 24.
Агельтруда, 330.
Адальбертъ Пражскій, 392.
Адальвинъ, архіеп. Зальц., 118, 121.
Адальрамъ, еп. Зальцбург. 132, 143, 369.
Адрианополь, 88, 96, 200, 226.
Адрианъ II. папа 120.
Адриатическое море, 48, 59, 64, 79, 80, 352, 353, 356.
Азія, 4, 33, 168, 169, 189, 190, 210.
Азовское море, 208, 210, 211.
Аквилей, 352, 353.
Алань, 33, 34, 53, 175.
Александръ Македонскій, 323.
Алеманнія, 381.
Алеманны, 30, 364, 370.
Алута (Олту), 10, 12, 307.
Альбиола (Albiola), 356.
Альпъ (Альмусъ), 182, 192, 203, 264, 270.
Альпійская горная система, 4, 18.
Альпы, 8, 13, 14, 22, 31, 40, 60, 328, 330, 353.
Альпы Юліпскіе, 352.
Альтинантий (Altinantium), г., 356.
Альтъ-Бега, р., 310.
Альфёльдъ, 6, 7, 13.
Аміанъ, ост. 357.
Аму-Дарья (Окусъ) 255, 256.
Анастасій, пос. виз. 329, 336.
Ангеларій, 135.
Андрей ап. 239.
Андрей (III. кор. уг.), 182.
Андроникъ, пхп., 53.

Антоній, патр., 293.
 Анты, 56, 58.
 Арабы, 225, 287, 322.
 Арджисъ, 10.
 Аробо, 128 — 130, 329, 346 —
 349, 388, 395.
 Арменія, 197.
 Арнульовъ, 90, 126, 128—130,
 132—140, 282, 289, 291—295,
 299, 301, 306, 322, 324—330,
 333, 335—340, 342—351, 357—
 359, 368, 377, 386, 413.
 Арпадъ, 166, 194, 270, 284, 286,
 296, 299, 319, 385, 386.
 Аскольдъ, 198, 261, 263—266.
 Атель (Волга у К. Б.), 192, 249;
 (общ. обозн. б. рѣки) 253, 254,
 257.
 Ателькузу, 11, 95, 194, 196, 214,
 220, 221, 248—260, 263, 267—
 269, 273, 275, 277—279, 281,
 282, 287, 294, 297, 299, 306,
 307, 310, 311, 315, 324, 341.
 Аттила, 35, 36, 156—158, 203,
 302.
 Аугсбургъ, 420.
 Африка, 34.
 Ахтумъ, 246.

Б.

Баварія, 79, 80, 116, 127, 128—
 330, 367, 377, 378, 383, 386,
 389, 392, 406, 408.
 Баварцы, 67, 70, 71, 76, 290,
 343, 348, 350, 358, 370, 376,
 378, 385, 388, 390, 397.
 Баджгардъ, 166, 224.
 Баконскій лѣсъ, 4, 14.
 Балканскій полуостровъ, 24,
 42—45, 54, 56, 61, 64, 69, 86,
 89, 96, 147, 281, 312.
 Балканскія горы, 42.
 Балтійскіе Славяне, 62, 141, 422.
 Балтійское море, 29, 170, 209,
 391.
 Банатскія горы, 9, 12, 13.
 Банатъ, 27, 47, 75, 94, 325.

Барда (с. Кордла), 201.
 Баркаласъ, 287, 296.
 Барухъ (Βαρούχ), 195, 252, 254,
 259, 260.
 Бассано (Bassano), 353.
 Башгирдъ, Башджардъ, Бамджердъ,
 Башгартъ, 166.
 Башкирія (Pascatir, Bascardia), 178.
 Башкиры, 166, 167, 178, 179, 188,
 192, 208.
 Бенедиктъ, еп. 360, 362.
 Бергамо, 355.
 Беренгаръ (Фриульскій герц. и кор.
 птал.), кор. 328, 330, 353, 354,
 357.
 С.-Бернардъ (Велнк.), гора, 355.
 Бескиды, 15, 16.
 Бессарабія, 10, 224, 225, 233,
 248, 256, 260, 267, 281.
 Бессы, 42, 43.
 Бихарскій край, 75.
 Біярхія, 209, 210, 211, 280.
 Блатенское озеро (над. Balaton,
 нѣм. Plattensee), 14, 15, 73, 111,
 113, 145, 411.
 Блатно, см. Мосбургъ.
 Богемія, см. Чехія.
 Болричи, 91, 329, 422.
 Болнъ, 230.
 Болн, 25.
 Бойская пустыня, 25.
 Болгарія, 44, 69, 85—89, 92, 94—
 97, 130, 135, 139, 147, 201,
 203, 226, 229, 284, 285, 291,
 296, 299, 301, 326, 336, 411.
 Болгарія Волжская, 155.
 Болгары, 40, 48, 53, 56, 58, 61,
 67—69, 86—96, 114, 116, 119,
 129, 137—139, 147, 148, 152,
 189, 201, 204, 219, 224, 226—
 228, 231, 236—240, 255, 263,
 268, 281, 284, 285, 287—290,
 294, 295, 300, 301, 305, 307, 308,
 313—315, 317, 322, 324, 326,
 336—338, 374, 396, 400.
 Болгары Бѣлые (Камскіе и Волж-
 скіе), 179, 180, 188, 208, 210,
 211.

Болеславъ Польскій, 245.
 Бораны, 30.
 Борись, см. Михаилъ-Борись.
 Борисоевъ (Дибръ), 259.
 Босфоръ, 210.
 Браичево, 91.
 Брацлавъ (Бряниславъ), 138, 338—
 340, 352, 357.
 Брента, 352—355.
 Бродники, 273.
 Бродшини, 273.
 Св. Брунонь, 244.
 Брунонь (Бонифаций Св.), 245, 246.
 Бругъ (Brugъ) = Прутъ, 195, 252,
 254, 257.
 Брынскіе лѣса, 212.
 Бугъ (ожн.), 11, 209, 253, 256,
 257, 259, 260, 275—278, 281.
 Буджакъ, 276.
 Буковина, 10, 26, 75, 209.
 Бульцусъ (Bulutzusъ), 386.
 Бурвиста, 25.
 Бургуиды, 29, 34, 53.
 Бурхардъ, еп. 387, 388, 395.
 Бѣла III, кор. 184.
 Бѣла IV, кор. 155, 160, 184, 204.
 Бѣлахъ (Бѣла), р., 143.
 Бѣлая Вѣжа, 212.
 Бѣлградъ, 210.
 Бѣлохорватія и Бѣлохорваты, 136,
 237, 312.

В.

Ваагъ, р., 4, 14.
 Валахи, 24, 41—47, 53—55, 68,
 69, 75, 92, 96, 198, 236, 239,
 240, 246, 312—314.
 Валахія, 3, 8, 10—12, 26, 33, 36,
 43, 44, 56, 63—66, 68, 75, 83,
 85, 87, 89, 90, 92, 94—96, 228,
 267, 279, 307.
 Валахія Малая, 10, 12, 27, 47,
 307.
 Валило, гр., 395.
 Вальдо, Фрейлинг. еп., 367.
 Вандали, 29, 31, 32, 34, 53.
 Баряги, 197, 209, 216, 239.

Василій Македонянинъ, имп., 202,
 226, 228, 229, 231.
 Вафа (или Вака), р., 255, 256.
 Везило (Vezilo), 129.
 Велеградъ, 17, 106, 107.
 Великая Угрія, 155, 160, 172, 175.
 Велико - моравское княжество,
 см. Моравское кн.
 Венеція, 355—357.
 Верингаръ (Werinhar), гр., 129.
 Верона, 354.
 Вестготы, 32—34.
 Византийская имперія, 5, 33,
 35, 38, 55, 56, 64, 72, 228, 279.
 Византия, 11, 38, 54, 69, 70, 86,
 88, 89, 118, 119, 134, 185, 201,
 202, 226, 227, 232, 233, 242,
 281, 282, 284, 289, 295, 297,
 337, 345.
 Викингъ, еп. 132—135, 137, 140,
 143, 327, 332, 359, 360, 363,
 369.
 Виллахъ, 20.
 Вильгельмъ, маркгр. 122, 128, 327.
 Вильгельмъ, гр., 327.
 Винделиція, 26.
 Виндская марка, 70.
 Висла, 29, 56, 64, 170, 314.
 Владимірская губ., 169.
 Владиміръ, болг. п., 201, 226, 229,
 230, 282, 292, 293.
 Владиміръ, г., 203, 204.
 Владиславъ IV, кор. уг., 182.
 Властиміръ, 230.
 Влахы, см. Валахи.
 Влава (нѣм. Молдава), 18.
 Вогатисбургъ, 70.
 Вогулы, 153, 154, 162, 163, 165,
 169—172, 176, 188.
 Волга, 33, 160, 169, 171, 180,
 190—192, 203, 206—213, 248,
 249, 253, 255, 257, 280.
 Волохи, см. Валахи.
 Вормсъ, 328.
 Воронежская губ., 280.
 Воспорское царство, 235.
 Восточная имперія, см. Византий-
 ская имперія.

Восточная марка, 80, 101, 111, 115, 116, 124, 127—130, 133, 138, 143, 144, 147, 313, 314, 327, 329, 346, 350, 368, 376, 377, 381, 388, 389, 392, 395, 408, 412, 414, 417, 418.
Вотяки, 154, 165, 170—172, 188.
Вратиславъ, 335.
Вулканъ, прох. 12.
Вѣна (Vindobona), 22.
Вѣнскій лѣсъ, 80, 395.
Вятка, р., 258.
Вятская губ., 176.

Г.

Галацъ, 296.
Галиція, 43, 137, 183, 203, 392.
Галичъ, 53, 204.
Галлія, 34.
Галлы, 24.
Ганнонъ, еп. Фрейзинг., 124.
Гаттонъ, арх. Майнц., 375.
Гвидонъ Сполетскій, 328, 330.
Генрихъ II, кор. нѣм., 245.
Генрихъ (с. Оттона Саксон.), 402.
Геписы, 29, 30, 32, 36—40, 53—58, 76, 83.
Герберштейнъ, 160.
Германія, 38, 39, 79, 114—116, 136, 232, 247, 322, 329, 367, 406, 417—421, 423.
Германрихъ, еп. Пасс., 121.
Германская (восточно-франкская) держава, 111, 117, 127, 138, 331, 379, 408.
Германцы, 15, 30—32, 36, 39, 40, 47, 49—52, 55—58, 67, 69, 74, 78, 105, 108—110, 141, 147.
Гернадъ-Бодрогская горн. группа (мад. Hegyallya), 15.
Геро, маркгр. 386.
Герулы, 30, 36, 38, 273.
Герцино-Судетская горная система, 4, 16.
Геты, 25, 47.
Гезъ, (Гезъ, Янкъ), 192, 249.
Гломачи, 402—404.

Гораздъ, св. 134, 135.
Готы, 28—37, 47, 53, 54.
Греки, 89, 95, 185, 197, 203, 209, 210, 217, 222—228, 235, 239, 242, 243, 249, 284, 285, 288—291, 296—301, 336—338, 392.
Греція, 232.
Гронъ, р., 4, 14, 110, 111.
Гунны, 32—37, 48, 53, 54, 56, 78, 151, 152, 156—158, 187, 189, 227, 237, 268, 302, 311, 317, 322.
Гюнтеръ, гр., 395.

Д.

Даки, 25, 43, 47, 52—54, 68, 76, 83.
Дакія, 13, 24, 26—36, 39, 41—48, 51, 52, 55, 56, 66, 68, 69, 84, 86, 87, 92—96, 312, 313.
Далеминцы, 402.
Далмація, 58, 65.
Данилъ IV Галицкій, 204.
Данилъ, еп., 360, 362.
Двина, свв., 170, 171, 176, 209.
Дентумогоръ, 174.
Дентумъ, 174, 216.
Деръстръ, см. Дистра.
Десна, 210, 212.
Децобалъ, 26.
Джейгунъ (Аму-Дарья), 196, 255.
Джыла, 196, 223.
Диръ, 198, 261, 263—266.
Дистра (Дриста), 285, 288, 297.
Диоклетіанъ, 31.
Дифръ, 11, 58, 63, 198, 206, 208—210, 212, 215, 216, 220, 225, 232, 233, 247, 253, 256—260, 273, 275—278, 280, 281.
Днѣстръ, 11, 35, 58, 63, 209, 224, 253, 255, 258—260, 275—278, 281.
Домажлицы (Domazlice), 17.
Донецъ, 216.
Допъ, 32, 33, 191, 206, 208, 210—212, 214, 215, 220, 225, 247, 248, 250, 255, 280, 281.
Доростолъ, см. Дистра.

Драва, 14, 18—21, 25, 26, 64, 72,

80, 91, 113, 144, 338—340.

Древляне, 209, 276, 277.

Дудлейпа (Dudleipa), 126, 130,
338.

Дуклянский прох., 268.

Дулѣбы, 126, 243.

Дунай, 2, 4, 5, 8, 10—18, 21—

23 и т. д., 198, 199, 202, 203,

209, 217, 224—226, 229, 232,

233, 236, 237, 239, 248—250,

252, 253, 256—258, 260, 267,

268, 270, 273—279, 281—289,

294, 296, 303 и т. д.

Дымбовица, 10.

Дыя, 108.

Дѣвинъ, 14, 106, 107, 116.

Е.

Европа, 2, 4, 5, 8, 10, 23, 26, 33,

103, 141, 149, 152, 155, 169,

176, 186, 187, 189, 244, 291,

296, 312, 317, 322, 324, 325,

382, 405, 408, 415, 419—421.

Европейцы, 318.

Евстаѳій, 285, 287.

Екатеринославская губ., 214.

Елехъ (Іѣлѣх), 386.

Ж.

Желѣзныя порога, 8, 13, 268,

307, 325.

Жиздра, 212.

З.

Залтанъ, 386.

Зальца, 18—20.

Зальць, 344.

Зальбургская обл., 19, 22, 25,

64, 70, 74, 75, 139.

Зальбургъ, 20, 125.

Зальцкамергутъ, 22.

Захарій, еп. Себенск., 367, 406.

Звеница, 230.

Зеновъ, ипп., 56.

Зоборъ, 334.

Зульцгау (Sulzgau), 329.

Зыряне, 165, 170, 171, 188.

И.

Изонцо, 18.

Иллпры, 32.

Иллирія (Иллирикъ), 58, 65, 70.

Ильмень, оз., 209.

Ингельгеймъ, 232.

Игулецъ, 209, 215, 216, 276,
278.

Игуль, 215, 216.

Инокентій IV, папа, 160.

Инь, 18, 19.

Ипса, р., 143.

Ираклій, ипп., 58, 65, 198, 236—
238, 240—242.

Иртышъ, 171, 175.

Исаирхъ, 346, 348—351, 380
381.

Испанія, 34.

Исполниовы горы, 18.

Истрийцы, 25.

Истрия, 352.

Италія, 18, 20, 37—39, 50, 55, 58,

128, 138, 314, 322, 328, 330,

343, 351—355, 357, 365, 366,

369—371, 375, 377, 381.

Итальянцы, 342.

Итиль, 211; (рѣка) 255. | |

И.

Иоаннъ, архіеп., 360, 362.

Иоаннъ VIII, папа, 121, 125, 131,
132.

Иоаннъ IX, папа, 333, 340, 343
352, 359, 360, 375.

Иорія (Joria), 174.

К.

Кабарда, 273; (рѣка) 274.

Кабары, 195, 213, 267, 271—275,
281, 286, 319.

Кавказъ, 208, 273.

Кадалохъ, гр., 395.
 Калмыки, 191.
 Калужская губ., 213.
 Калэ (Καλή), 386.
 Кама, 160, 171, 180, 192, 208—
 210, 212, 238, 280.
 Кангарь (Κάγγαρ), 193, 249.
 Карантанія, см. Хорутанія.
 Карелы, 170.
 Каринтія, 19, 20, 25, 64, 72, 75,
 104, 127, 128, 144, 310, 412.
 Каркинитъ (Каркина), 222.
 Карломанъ, 115—117, 121, 122,
 124, 125, 127, 128.
 Карлъ Анжуйскій, 182, 184.
 Карлъ Великій, 68, 77, 78, 82,
 84, 109, 128, 323, 418.
 Карлъ Лысый, 115, 128.
 Карлъ (с. Люд. Шьм.), 117, 124,
 128—130.
 Каролинги, 127.
 Карпатская горная система, 4.
 Карпаты, 8, 10—12, 15, 16, 39,
 51, 59, 64, 65, 67, 74, 85,
 183, 203, 209, 255, 260, 262,
 267, 268, 301, 306, 309, 312,
 313, 392, 416.
 Карпаты Лѣсные, 15.
 Карпаты Малые, 14, 15.
 Карпы, 30.
 Кархъ, 197, 222.
 Каспійское море, 169, 207, 208,
 211, 323.
 Квады, 28, 35, 37.
 Кельты, 25, 26, 32, 313.
 Кендешъ, 196, 223.
 Кенигштеттенъ, 130.
 Кириллъ (Константинь), св., 99,
 101, 106, 116, 118—120, 152,
 199, 204, 234.
 Китай, 191, 213.
 Кіевъ, 183, 185, 197, 198, 203, 204,
 205, 214, 234, 236, 243, 246,
 250, 260—266, 280, 281, 289,
 313, 392.
 Ків, 197.
 Клагенбургъ, 141.
 Климентъ, св., 135.

Климентъ, св. (папа), 234.
 Козьма, 284.
 Константинополь, см. Византія.
 Константинопль Философъ, см. Ки-
 риллъ.
 Кордиль, 201, 226, 229.
 Корсунъ, 234.
 Корчевъ (Пантикапел), 222.
 Костобокы, 30.
 Коцель, 15, 98, 113, 118, 120,
 126, 145, 310, 339, 411.
 Крайна, 20, 21, 64.
 Кривичи, 209.
 Крипитъ, 284.
 Крисось (Κρίσος=Керѣшъ), 310.
 Крумъ, 68, 85, 87, 88, 94, 200,
 201, 226, 229, 230, 233.
 Крымъ, 152, 208, 217, 222, 234,
 235, 273, 280.
 Кубу (Κουβού), 195, 152, 254, 259,
 260.
 Кувратъ, 87.
 Кузу, 257.
 Кульпа, 21, 26.
 Кума, 151, 169.
 Куманія Бѣлая и Черная, 245.
 Куманы (Половцы), 172, 183, 184,
 198, 203—205, 207, 260, 261,
 266, 267, 302, 303.
 Курсанъ (Κουρσάνη), 284, 296.
 Курская губ., 280.
 Кутригуры, 151.
 Кутургуры, 58.
 Куфисъ (Бугъ), 259.
 Кушигуры, 151.
 Кэрѣшъ, 12, 310, 342.

Л.

Лаба (Эльба), 17, 18, 32, 39, 79,
 136, 247.
 Лаврентій, св., 135.
 Ладины, 19.
 Ладожское озеро, 170.
 Лазарь (виз. пос.), 289, 335, 337,
 345.
 Ламбергъ, 330.
 Лангобардія, 366.

Лангобарды, 37—39, 50, 56, 58.
 Лапландцы, см. Лопари.
 Лебединь, 214—216.
 Лебединь лѣсъ (Черн. л.), 214.
 Лебедіасть, 193, 194, 214, 217, 218, 223, 237, 251, 269, 270.
 Лебедія, 193, 196, 206, 212, 214—218, 220, 221, 236, 245, 248, 250, 252, 253, 260, 262, 266, 267, 269, 277—281, 294.
 Лебедянь, 214, 215.
 Левъ Армянинь, имп., 202, 228, 265, 371.
 Левъ (пзъ р. Гомостовъ), 202.
 Левъ VI Мудрый, имп., 152, 282—284, 286—288, 291—297, 301, 329, 335, 336.
 Левъ (Хойросфактъ), 285, 286.
 Ледовитое море, 170.
 Лехъ, р., 420.
 Ливы, 170.
 Линиць, 22.
 Липовцы, 209.
 Ліунтинь, 270, 286, 296, 299.
 Ліутвардъ Верцельскій, см., 355.
 Лопань, р., 216.
 Лопари, 170.
 Лорхъ, 378.
 Лужицкія горы, 18.
 Лужицы, 137.
 Лунгау (Lungau), 19.
 Людовикъ (Благочест.) имп., 232.
 Людовикъ Дитя, имп., 327, 351, 364, 365, 379, 381, 387, 419, 420.
 Людовикъ Младшій (сынъ Л. Пѣм.), 116, 117, 124, 128.
 Людовикъ Пѣмецкій, 79, 111 — 117, 122—127, 145, 247.
 Людовикъ IX, фр. кор. 160.
 Лунтвольдъ, 329, 330, 346, 350, 378, 395, 406.
 Лютичи, 422.

М.

Магдальвинъ, см., 395.
 Маджаръ, г., 151.
 Мадьяры, см. Угры.

Мазары (? = Хазары), 192, 249.
 Македонія, 44, 201, 202, 228, 284.
 Македоняне, 201, 202, 226—229, 231.
 Маламокко (Malamosso), ост., 356.
 Маломіръ, 230.
 Малороссія, 180.
 Марквартъ, еп., 422.
 Маркоманская война, 28, 50.
 Маркъ Аврелій, 29.
 Мармарошъ, 15, 90.
 Марошъ, 12, 310, 342.
 Марціанополь, 297.
 Матвѣй Корвинъ, 160.
 Матра, 15.
 Маутернъ (Mautern), 351.
 Мегера (Μεγέρα), 152, 165, 167.
 Мегингозъ (Megingoz), гр., 129.
 Местре (Mestre), г., 353.
 Мещеряки, 208.
 Меоодій, арх., 17, 99, 101, 106, 116, 118—121, 123, 125—127, 130—135, 140, 145, 331, 332, 340, 361, 368, 369.
 Мидяне, 158.
 Мизія, 37, 46, 47.
 Михаилъ-Борисъ, болг. ц., 201, 226, 229 — 232, 282, 290, 293, 300, 337.
 Михаилъ II Бальба, имп., 202, 228.
 Михаилъ III, имп., 119, 226.
 Модена, 355.
 Молжгаръ, 152, 167, 179.
 Мойміръ I, 97, 107, 111, 112, 119.
 Мойміръ II, 333, 346, 349, 350, 359, 360, 379, 380, 400, 401.
 Молдавія, 10, 11, 24, 26, 32, 39, 43, 44, 56, 63, 65, 68, 75, 94, 209, 225, 246, 248, 260, 267, 281.
 Монголы, 151, 183.
 Морава, болг. обл., 102.
 Морава, р., 14, 15, 22, 38, 98, 108, 110.
 Морава (южн.), р., 91.
 Мораванс, 79, 80, 90, 92, 97—104, 109—112, 114, 117, 118, 123, 127, 136, 139, 141, 148, 291, 292, 299, 329, 340, 341, 343 — 348.

351, 358, 361—363, 368, 369—
379, 380—382, 384, 393, 397—
400, 404, 414.
Моравія, 2, 14—18, 26, 39, 64, 68,
70, 74, 78, 82, 97—140, 147, 291,
295, 306, 310, 324—329, 331—
336, 338—340, 343—351, 358—
361, 363, 368, 369—374, 379—
384, 385, 387, 389—404, 412—
414, 420.
Моравское (Велико-Моравское) кня-
жество, 3, 17, 82, 84—86, 92, 93,
97—99, 106, 115, 123, 127, 132,
135, 136, 141, 142, 146, 147, 149,
194, 314, 325, 329, 360, 368,
396—400, 411, 414.
Мордва, 162, 165, 170, 171, 177,
208.
Морессъ (Moriscus), = Марошь, 310.
Мортагонъ (Омортагъ), ц. болг.,
203, 228—230, 232.
Мосбургъ (Блатно), 113.
Московская губ., 169.
Мудагра (Мундрага), 286, 297.
Мупкачь, 204.
Муръ (Мура), 18—21.

Н.

Наумъ, св., 135.
Нейндлерское оз., 14.
Никита Скляръ, 284.
Никифоръ Фока, 285, 296, 297.
Нитра, 107, 111, 132, 303, 369.
Нитра, р., 4, 14.
Нитранское княжество, 14, 111,
121.
Нордгау (Nordgau), 329.
Новгородъ, 173.
Понантульскій мов., 355.
Норикъ, 21, 26—28, 31, 35, 59, 66,
75, 82, 367.
Норманны, 138, 210, 217, 322, 419,
422.
Нѣмцы, 2, 11, 19, 22, 62, 67, 71, 73,
81, 82, 90, 99, 110, 112, 114,
117—127, 130—135, 137—149,
153, 158, 290, 294, 314, 328,

334, 338, 341, 343—345, 348,
352, 358, 359, 361, 369—372,
375—389, 395—398, 400—409,
411—413, 416—418, 420, 422,
423.

О.

Обры, см. Авары.
Объ, р., 171, 176.
Огуры (Огоры), 151.
Одеръ (Одра), 26, 56, 64, 136.
Одоакръ, 37.
Ока, 206, 208, 210—214.
Оксусъ см. Аму-Дарья.
Октавианъ, 26.
Олеги, 198, 199, 236, 243, 263, 264,
277, 278.
Ольвия, 210.
Ольга, 392.
Ольминъ дворъ, 199, 261.
Омортагъ см. Мортагонъ.
Омунтесбергъ, 137, 326.
Онежское озеро, 170.
Орсова, 89.
Остготы, 33, 36—38, 56.
Остяки, 153, 155, 162, 163, 165,
170—172, 175, 176.
Оттокаръ, гр., 388, 395.
Оттонъ I, имп., 420.
Оттонъ (Сакс. герц.), 402.

П.

Пабо (Pabo), гр., 129.
Павель Анконскій, еп., 121, 125.
Павія, 353.
Палочя, 267.
Паннонія, 2, 14, 21, 26—38, 51,
58, 59, 64, 66, 68, 69, 72, 73,
75, 78, 80, 82, 91, 98, 101, 104,
108, 111, 113, 114, 120, 125, 127—
131, 136, 137, 143, 145—147, 170,
174, 203, 264, 267, 295, 302,
308—310, 314, 815, 325, 329,
339, 340, 357, 358, 366, 368,
374—373, 376—378, 381—384,
395, 400, 402, 409, 411—418,

Иллионія Верхняя, 395, 411.
Иллионія Нижняя, 338 — 340,
373, 440, 411.
Иллионское (Блатенское) княже-
ство, 102, 109, 112, 120, 126, 145.
Иароане, 158.
Иасова, 394.
Иевкины, 30.
Иереконскій переш., 235.
Иерелславецъ, 392.
Иермяская губ., 176, 210.
Иермяки, 165, 170—172, 188.
Иерсія, 193, 195, 237, 245, 251,
255, 281.
Иерсы, 238, 241.
Иетръ, Венен. дожъ, 356.
Иеттау (Pettau—Petovio), 21.
Иеченъги, 53, 159, 172, 189, 190,
193—198, 205, 207—212, 214,
219, 224, 225, 233, 236, 245, 246,
248—257, 260—263, 269, 271,
273, 276—279, 281, 282, 286,
287, 291, 298—301, 305, 307,
311, 313—315, 325, 327.
Иечора, 171.
Иештъ, 90.
Ииаве, 18.
Ииаченца, 355.
Ииеве-ди-Сакко (Pieve di Sakko),
г., 353.
Ииано-Карпини, 160.
Иио, р., 355.
Иидиниъ, г., 108.
Ииолабскіе Славяне, 62, 124, 141,
386, 402, 403, 413.
Ииоловцы, см. Куяны.
Ииольша, 161.
Ииоляки, 137.
Ииоляне, 209, 239, 277.
Иионтъ, см. Черное море.
Ииорага, 18.
Ииредеславъ, 334.
Ииремисль, 108.
Ииесбургъ, 4, 14, 108, 303.
Ииеслава (Великая), 286, 297.
Ииесъяхъ, 230—232.
Иирибина, 15, 73, 98, 102, 111—115,
120, 126, 145, 411.

Иируня, р., 210.
Иирутъ, 10, 254, 258, 259, 281.
Ииустерталь, 19.

Р.

Иираабъ, р., 4, 14, 72, 73, 80, 113,
146, 409, 412.
Ииабницъ, р., 4.
Ииадимичи, 277.
Ииакусъ (Ракоусы), 394.
Ииатбодъ, 111, 115.
Ииаффельштеттенъ, 139, 387, 388.
Ииегенбургъ, 120, 122, 143, 328,
335, 351, 379, 380.
Ииегенъ, р., 345.
Ииеджио, 355.
Ииейнъ, 26, 420.
Ииеты, 25, 26.
Ииеція, 26, 27.
Ииимляне, 24, 26—32, 35, 37, 43,
47, 51, 53, 60, 313.
Ииимская имперія (Западная), 5, 26,
34, 50, 51, 55, 56.
Ииимъ, 11, 26, 28—30, 99, 119, 120,
121, 131, 133—135, 330, 367.
Ииисбахъ, 360.
Ииихаръ, см., 360, 367, 378—380.
Ииіальто (Rialto), ост., 356.
Ииомаицы, 43—46, 48, 52—54, 68,
75, 83.
Ииоссія, 8, 10, 32, 33, 58, 63, 152,
154, 160—163, 165, 168—170,
176, 177, 180, 183—185, 188, 192,
199, 203—209, 214—216, 220—
222, 235, 237, 239, 243, 246—
248, 251, 265, 277, 279, 280,
294, 324, 391, 392.
Ииостиславъ (Моравскій), 97, 99,
112, 114—119, 121, 122, 247.
Ииотертурмскій проходъ (Красная
Въжа), 10.
Ииубруквизъ (Ryisbrock), 160.
Ииуги, 37, 38, 391—394.
Ииугиландъ (Rugiland), 38, 393, 394.
Ииудныя горы (въ Трансильваніи),
12.
Ииудныя горы (въ Чехіи), 17.

Рудертъ, гр., 327.
 Румыны, см. Валахи.
 Русские, 55, 65, 173, 190, 197, 203,
 208, 209, 215, 219, 224, 232, 233,
 246, 275, 280, 391, 392.
 Русь, см. Россія.
 Руняне (Раняне), 391.
 Рюгенъ, ост., 391.
 Рязанская обл., 210.

С.

Саала (Саа), 39.
 Сабартонасфалы (Σαβαρτονιάσφα-
 λοι), 193, 216, 251.
 Сабирь, 151, 217.
 Сава, р., 4, 18, 20, 21, 25, 26, 64,
 74, 80, 91, 338, 340, 350, 409.
 Савва, св. 135.
 Савія (Savia), 21, 56, 80, 90, 138.
 Саксонія, 402, 403, 420, 422.
 Саксы, 124, 402—404, 420, 422.
 Сакуланы, 302.
 Сала, р. (въ вост. Угрии), 111, 113.
 Салаварь (Szalavár), 113.
 Салмучесь (Σαλμουτζής), 194.
 Самарская лука, 208.
 Самбатась (= Кіевъ), 214, 265.
 Самватесь (Симбатесь), 265.
 Само, 67, 68, 70, 71.
 Самось, 287.
 Самошь, 12.
 Сарагуры, 151.
 Сарацины, 133, 322, 419.
 Саркель, 211, 212.
 Сарматы, 15, 31, 32, 40, 47, 49.
 Свевы, 34.
 Святобод, 333.
 Святополкъ I (Моравскій), 97, 100,
 101, 111, 121—140, 142, 145—147,
 282, 310, 326—329, 331—335,
 338, 339, 343, 344, 347, 349, 363,
 369, 372, 396, 401.
 Святополкъ II, 333, 346, 350.
 Сегеста (нын. Сиссекъ), 26.
 Седмиградія, см. Трансильванія.
 Секлеры, 10, 156, 157, 244, 255,
 302, 303.

Сербія, 232, 325.
 Сербскія горы, 9, 13.
 Сербы, 58, 65, 70, 74, 231.
 Серетъ, 10, 195, 252—254, 258,
 259, 281.
 Сибирь, 161—163.
 Силезія, 18, 137.
 Силистрія, 89, 297.
 Симеонъ, болг. ц., 201, 226, 229,
 230, 249, 282—286, 288, 291,
 294—301.
 Сигуль (Σιγγούλ), 215.
 Сирмиумъ (Сремъ), 120.
 Сиссекъ (др. Сегеста), 26.
 Сицилія, 302.
 Скандинавія, 38.
 Склопел, 203.
 Склоны, 24, 198, 236, 238—240.
 Славинія, 80.
 Скордиски, 25.
 Славитагъ (Sclauitag, Славитѣхъ),
 115.
 Славоміръ (Sclagamar), 123.
 Славонія, 21.
 Словаки, 14, 55, 64, 74, 98—100,
 102, 110, 111, 137, 209, 237, 312.
 Словене (русск. пл.), 209.
 Словенцы, 64, 66, 75, 99, 104, 111,
 136.
 Словинцы, см. Хорутане.
 Солунь, 201, 226, 229, 231, 232, 284.
 Сорбы (Сербы полабскіе), 117, 344,
 345, 402.
 Сосновыя горы, 17.
 Спитигиѣвъ, 335.
 Сремъ, 37, 90, 91, 130, 310.
 Ставракія, 284.
 Стефанъ Св., кор. уг., 94, 244,
 245, 313.
 Стефанъ VI, папа, 133, 134, 138,
 369.
 Стефанъ, патриархъ, 288, 292, 293.
 Судеты, 8, 16, 64.
 Суздаль, 183, 203, 204.
 Суоми, 170.
 Стѣверяне, 277.

Г.

Тавриски, 25.
 Тасесъ (Τασῆς), 386.
 Такисъ (Τάξις), 386.
 Тайя, р., 17.
 Тамбовская губ., 214, 215.
 Тамерланъ, 151.
 Тангать (Tangat) = Пртышь, 175.
 Таркауць (Ταρκαυτῶς), 386.
 Тассило I, герц., 70.
 Татары, 160, 173, 203, 204, 253, 266, 276, 302.
 Тироль, 11, 17, 19, 39, 64, 70, 74, 75.
 Тирась (Дибѣстръ), 209.
 Тимочане, 91.
 Тимесесъ (Τιμήσης, пин. Темешъ), р., 310.
 Тиверны, 209, 275—278, 281.
 Термизусъ (Τερμαζούς), 386.
 Теодорихъ, 37.
 Темешъ, 310, 342.
 Темешскій Банатъ, 6, 44.
 Тебенъ (Theben), 14, 107.
 Тебелесъ (Τεβέλης), 386.
 Татры, 15.
 Тисса, р., 6, 12, 13, 15, 25, 26, 28, 31—33, 36, 64, 69, 72, 75, 76, 84, 88, 91, 137, 147, 268, 306, 309, 310, 315, 325, 329, 342, 410.
 Тисская Болгарія, 86, 87.
 Тифлисъ, 197.
 Тобольская губ., 176.
 Тогата (Togata), р., 174, 175.
 Торготы (калмыч. пл.), 191, 213.
 Трансильванія, 2, 3, 10—13, 17, 24, 26, 27, 32, 36, 39, 40, 43, 44—54, 59, 61, 63, 65, 66, 68, 75, 76, 82, 84, 85, 90, 92, 94—97, 156, 157, 209, 244—246, 302, 303, 312—314, 341, 416.
 Трансильванскіе (Семпградскіе) Альпы, 12, 75.
 Траунгау (Traungau), 377, 389.
 Траунъ, р., 18, 388.
 Трозль, 24, 26, 52, 313.

Трулль (Τροῦλλος), р., 195, 252, 254, 258.
 Турки (какъ племя), 178, 187, 189, 219, 224, 251, 253, 254, 259.
 Турки (у виз.) = Мадыяры, см. Угры
 Турки-Османы, 172.
 Турлу (= Дибѣстръ), 254, 259.
 Тутесъ (Τούτης, пин. Бега?), р., 310.
 Тюринги, 124.
 Тюрингія, 420.
 Тэотмаръ, архіеп. 360, 362, 367, 388, 406.
 Тэрибургъ, прох., 12.

У.

Угличи, 209, 275—277.
 Угорская держава, 409.
 Угорскіе Славяне, 400, 416, 423.
 Угорское Градище, 17, 106, 107.
 Угорское, м., 198, 260, 261, 264.
 Угра, 154, 212, 213, 216.
 Угринъ, р. (въ кн. Б. Ч.), 154, 216.
 Угрія, 2, 6, 10—15, 21, 26, 44, 45, 54, 55, 59, 63, 64, 68, 74, 75, 83, 85, 88, 90, 92, 94—97, 100, 110, 156, 157, 160, 182, 183, 185, 203, 204, 209, 245, 246, 262, 266—268, 302, 303, 311, 341.
 Угрія Бѣлая, 244—246.
 Угрія Черная, 244—246.
 Угры, 6, 11, 13, 17, 23, 44, 53, 61, 69, 78, 84, 93—95, 97, 99—101, 138, 139, 141, 148, 149 и т. д.
 Угры Бѣлые, 197, 198, 236—240, 243, 246, 313.
 Угры Черные, 198, 217, 236—238, 243, 245, 246.
 Удальрихъ, графъ, 380.
 Улы, р., 216.
 Узу (= Дибѣстръ), 253, 257.
 Узы, 159, 193, 207, 211, 225, 249.
 Уйгуры, 167.
 Ульчи (Уличы), 209, 275—278, 281.
 Унгваръ, 204.
 Уиугуры, 150, 151.
 Упа, р., 214.

Уралъ (горн. хр.), 162, 166, 168—
174, 176, 209, 210, 212, 237.
Уралъ (Яликъ), р., 171, 190, 192, 210,
249.
Уралъ, р., 395.
Уругунды, 30.
Утигуры, 151.
Уто, Фребзнг. еп., 406.
Утургуры, 58.

Ф.

Фалесъ (Φαλῆς), 386.
Фалицесъ (Φαλίτζις), 386.
Фельдэльдъ, 6, 13.
Финляндія, 170.
Финны, 155, 160—162, 165, 170,
171, 188, 190, 207, 208, 212, 239.
Флоріанскій мон., 379.
Формозъ, папа, 328, 330.
Форхгеймъ, 124.
Франки, 2, 30, 69—73, 76—79,
82, 88, 90—92, 109, 112, 113, 122,
142, 295, 309, 314, 330, 364, 368,
370.
Франкохоріонъ (Francochorion),
90.
Франкская держава, 93, 104, 113,
115, 119, 308.
Франція, 322.
Фрейштадтъ, 22.
Фріуль, 352, 353.
Фріульская (Фурлянская) марка, 80.
Фугрская земля, 93.

Х.

Харьковская губ., 214—216, 280.
Хидмасъ (Χιδμας), 193, 214, 215.
Хипгулусъ (Χιγγουλος), 193, 214—
216.
Хозарія, 185, 193, 212, 274.
Хозары, 152, 172, 175, 185, 192—
195, 197, 199, 204 — 206, 208,
211—215, 217—223, 225, 234, 235,
237—241, 248, 249, 264, 269, 271,
272, 274, 275, 280, 281, 284.
Хозрой II, ц. перс., 198, 236, 240—
242.

Хорватія, 21.
Хорваты, 58, 65, 70, 74, 276, 313,
314, 396, 400.
Хорутане (Словинцы), 64, 99, 100.
Хорутанія (Карантанія, Хорутан-
ская марка), 20, 70, 80, 98, 101,
113, 126, 143, 144, 147, 329, 381,
384, 388, 395, 408, 412, 414, 417.
Хуссалъ, 385, 397.
Хюттенбергъ, 20.

Ц.

Цанцесъ (Τζάντζης), 201.
Цвентибальдъ (с. Арнульва), 328.
Цилли (Cilli—Celeija), 21.

Ч.

Чападъ (Csanad), 246.
Чергедъ (Czerged), 92.
Чоремисы, 162, 165, 170, 171, 188.
Черкесы (Черкасы), 273.
Черное море, 5, 10, 12, 29, 31, 36,
185, 196, 204, 207, 220, 221, 223—
225, 233, 247, 250, 255, 256, 258,
275, 280.
Чехи, 80, 100, 101, 103, 108, 109,
117, 124, 136, 329, 333, 344—347,
358, 413, 420, 421.
Чехія, 11, 13, 16—18, 22, 25, 26, 39,
64, 69, 70, 74, 78, 82, 100, 103,
108, 127, 136, 329, 335, 389, 392,
394, 402, 420, 421.
Чехо - Моравская возвышен-
ность, 16, 18.
Чешскій Лѣсъ, 17.
Чуваши, 162, 179, 180.
Чудь, 161, 169.

Ш.

Швабы, 330.
Шварцава, 17.
Швеція, 161, 162, 170.
Шиль, р., 10.
Штирія, 19—22, 25, 64, 72, 73, 75,
104, 144, 310.
Штирійскія горы, 75, 146.
Шумава, см. Чешскій Лѣсъ.

Э.

Эгеръ, 18.
Эденбургъ, 303.
Эзелехъ (Εζέλεχ), 386.
Эльба, см. Лаба.
Элѣдъ (Elöd), 218.
Эммерамъ, св., 327.
Энгильдзо, гр., 329.
Энгильмаръ, еп., 359.
Энгильскалькъ, маркгр., 122, 128,
129, 327.
Энгильскалькъ, гр. (млад.), 327.
Энжа (Enns), 18, 20, 38, 69, 71, 72,
74, 76, 77, 80, 144, 377, 378, 388,
393, 395, 408, 418.
Эннсбургъ, 378.
Энравота, 230.
Эримбертъ, гр., 348.
Эрлафъ, р., 143, 395.
Эрхенбальдъ (см. Эпхстедтскій),
367.
Эсегель, 196, 234, 235, 303.
Эсты, 170.
Этиль (= Волга), 203.
Эчь, 18, 19.

Ю.

Югра, 153, 163, 168, 173, 175, 188,
210—212, 280.
Югричи, 153.
Югъ, р., 171, 176.
Юліанъ, мон. домин., 155, 160.
Юстиніанъ, 38, 58.
Ютоцасъ (Ίουτοτζάς), 386.

Я.

Яломица, 10.
Языгъ, 25, 26, 28, 31, 32, 33.
Янкъ, см. Уралъ.

Θ.

Θеодора, пмп., 226.
Θеофанъ, пмп., 201, 202, 226, 228,
232, 233.
Θессалонка, см. Солунь.
Оракіялы, 24, 42, 53, 96.
Оракія, 96.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
10	сверху 17	беруціе	берущій
24	снизу 12	южной	книжной
28	» 8	учлененныя	увлеченныя
30	сверху 6	Алеманны	Алеманны
42	» 2	сожаленію	сожалѣнію
51	снизу 11	оне Кчно	Конечно
54	» 18	оставленное	оставленные
56	» 7	Остотговъ	Остготовъ
58	сверху 16	Аваръ	Аваровъ
83	снизу 2	Волько	Только
97	» 1	каптальнѣйшимъ	капитальнѣйшимъ
119	сверху 10	епархія	эпархія
120	снизу 6	892 г.	862 г.
158	» 11	турецкую	турецкую
170	» 15	племени	племени
222	» 2	Паптикапея	Пантикапея
231	» 6	Прсыяма	Пресьяма
326	» 5	въ теченіи	въ теченіе
345	» 2	традиціонный	традиціонной
385	сверху 19	вѣрломный	вѣроломный

3 2044 025 660 07

